

ISSN 1819-3145

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ

Выпуск 10

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
САРАТОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК
МВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ

Сборник научных трудов

Выпуск 10

Саратов 2014

ББК 63.3 я 43 В63
УДК [930.9 + 355.48] (082)
В63

Военно-исторические исследования в Поволжье: сборник научных трудов. – Саратов, 2014. – Вып. 10. – 334 с.

В десятом выпуске сборника публикуются статьи по актуальным проблемам всеобщей и отечественной военной истории. Освещаются военная политика государств и роль армии в обществе, отдельные сюжеты из истории войн и сражений, военные взгляды деятелей политики, науки и культуры, подготовка военных кадров и др. Публикуются воспоминания очевидцев, интересные архивные документы.

Для специалистов в области всеобщей и отечественной военной истории, учителей, студентов, курсантов и слушателей военно-учебных заведений, всех интересующихся военной проблематикой.

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук, проф. А. А. Герман (отв. редактор), докт. ист. наук, проф. А. И. Аврус, докт. ист. наук, проф. В. Н. Данилов, докт. ист. наук, проф. А. В. Посадский, канд. ист. наук, доц. А. А. Симонов, канд. пед. наук, проф. О.И. Скрипников, канд. ист. наук, доцент В. П. Тотфалушин (отв. секретарь).

Под общей редакцией кандидата педагогических наук,
доцента генерал-майора С. Д. Мухоед

ББК 63.3 я 43

УДК [930.9 + 355.48] (082)

ISSN 1819-3145

© Институт истории и
международных отношений
Саратовского госуниверситета, 2014
© Саратовский военный институт
внутренних войск МВД РФ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Аврус. В расцвете творческих сил. Аркадию Адольфовичу Герману 65 лет	5
---	---

ИЗ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Я. Н. Рабинович. Пьер Делавиль в России: 1610–1614.....	9
Э. В. Костяев. Отношение Г. В. Плеханова и его единомышленников к Брест-литовскому мирному договору	23
А. А. Симонов, Д. Ю. Дубровин. Первый поход на Уральск Красной Армии Саратовского совета (май 1918 г.)	29
А. В. Ганин. Материальное положение и повседневность специалистов генерального штаба в гражданскую войну 1917–1922 гг.....	43
А. А. Герман. Немцы России в годы гражданской войны.....	92
В. А. Аблизин, М. С. Аллянова, С. В. Ананьев. Забытые эпизоды мужества. бойцы и командиры 10-й стрелковой дивизии НКВД при обороне Сталинграда.....	101
С. О. Козурман. Эвакуированные сталинградцы на территории Саратовской области в годы Великой Отечественной войны.....	110
В. Н. Замулин. Прохоровка: технология мифа	117
Д. В. Колесников. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства военнослужащих: историко-правовой аспект	131

ЭПОХА ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДОВ В ИСТОРИИ РОССИИ И ЕВРОПЫ

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. Гладышев. «Летучий» отряд Ф.К. Гейсмара в кампании 1814 года.....	140
С. Е. Летчфорд. Наполеон и католическая церковь в 1813 г. «Конкордат фонтенбло» по мемуарам кардинала Б. Пакка.....	185
У. Б. Очиров. Ставропольский калмыцкий полк в зимне-весенней кампании 1813 года	194
В. П. Тотфалушин. Уроженцы западных губерний России в «саратовском плену» (1812–1815)	201
Н. А. Троицкий. К биографии А. С. Фигнера	206

ИСТОЧНИКИ

Воспоминания генерала М.И. Карпенко о Заграничных походах 1813–1814 гг.....	212
«Ода на взятие Парижа 1814 года» из фонда Саратовской учёной архивной комиссии	217
Ода на взятие Парижа 1814 года.....	224
Переписка М.С. Воронцова о разведке при осаде крепости Кюстрин в 1813 г.	226

ПОВСТАНЦЫ И ПАРТИЗАНЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

В. А. Шурыгин. Вандея и Шуанерия: историческая память Франции....	233
--	-----

Дж. Мортон. Василий Иванович едет в Алжир: героический образ на экспорт.....	238
Ю. А. Бутенко. Борьба с антисоветскими вооруженными формированиями на территории Змиевского и Чугуевского уездов Харьковской губернии в 1920–1921 гг. (по рукописи А.И. Криштопы).....	244
И. Г. Ермолов. Локотские крестьяне в первые годы советской власти. 249	
А. В. Посадский. Революционный процесс на уездном уровне: бунт в контексте модернизации	253
В. В. Кондрашин. Крестьянское повстанческое движение в Поволжье в 1921–1922 гг.	261
А. В. Лукьянов. Действия органов государственной власти и Красной армии по ликвидации крестьянских восстаний и бандитизма в Саратовской губернии.....	273
М. Г. Ситников. Ильинское восстание	278
А. П. Шекшеев. Военно-политические события в Ачинско-Минусинском районе в 1920–1921 гг.	291
Н. Д. Карпов. Непризнанный полководец (о главнокомандующем Северокавказской Красной Армией И.Л. Сорокине).....	308
Н. Д. Карпов. Два портрета.....	318
НАШИ АВТОРЫ	332

В РАСЦВЕТЕ ТВОРЧЕСКИХ СИЛ. АРКАДИЮ АДЛЬФОВИЧУ ГЕРМАНУ 65 ЛЕТ

Аркадий Адольфович Герман родился 26 июня 1948 г. В семье российских немцев, депортированных в 1941 г. из Поволжья в Зауралье. После окончания средней школы он поступил учиться на факультет № 2 Саратовского высшего военного командно-инженерного училища ракетных войск, на долгие годы связав свою судьбу со службой в рядах Вооруженных сил СССР и Российской Федерации.

В 1971 г. он с золотой медалью окончил училище и начал армейскую службу в ракетных войсках в районе Капустина Яра. Природно-климатические условия в этом районе нелёгкие, нагрузка на молодого офицера приходилась большая, но Аркадий Адольфович успешно справлялся с командованием подразделением.

Уже в 1960-е гг. А.А. Германа всё больше стали интересовать гуманитарные науки, большую часть свободного времени он посвящал чтению исторической литературы и начал задумываться о своём будущем. Имея военное инженерное образование, Аркадий Адольфович всё больше склонялся к тому, чтобы получить ещё и образование гуманитарное. Он поступил учиться на педагогический факультет Военно-политической академии им. В.И. Ленина, который закончил с отличием в 1982 г. Это позволило ему перейти на преподавательскую работу, он оказался на кафедре социальных наук того самого училища, которое окончил 10 лет назад. Здесь А.А. Герман прошёл все ступени служебного роста, стал начальником кафедры и получил звание полковника. Хорошая теоретическая подготовка и опыт командной работы способствовали тому, что А.А. Герман сразу стал одним из ведущих преподавателей училища. Судя по рассказам бывших курсантов и сослуживцев, Аркадий Адольфович был прекрасным преподавателем, умелым руководителем, пользовался в училище большим авторитетом.

А.А. Германа привлекало не только преподавание гуманитарных дисциплин. Его тянуло к научной работе, он решил прикрепиться к кафедре истории КПСС СГУ для подготовки и написания кандидатской диссертации по истории. Это произошло в 1983 г.

В один осенний день 1983 г. меня пригласил к себе в кабинет заведующий нашей кафедры профессор В.Б. Островский и предложил познакомиться с молодым подполковником, который оформился соискателем нашей кафедры, и стать его научным руководителем. В ходе разговора выяснилось, что

Аркадий Адольфович начал заниматься изучением деятельности большевиков в армии в период между февралем и октябрём 1917 г. Поскольку военные сюжеты были тогда далеки от моих научных интересов, я не высказал особого желания руководить работой по такой теме. К тому же у меня не было опыта работы с соискателями-военнослужащими, а со слов других преподавателей нашей кафедры знал о трудностях, связанных с загруженностью таких соискателей служебными обязанностями. Но Владимир Борисович меня уговорил, да и сам Аркадий Адольфович при первом же разговоре вызвал очень благоприятное впечатление. Я согласился и не пожалел об этом.

Нечасто встретишь другого такого соискателя, каким оказался Аркадий Адольфович. Для него характерно необычайно серьёзное отношение к делу, чувство ответственности, умение чётко и своевременно выполнять все наши планы, укладываться в намеченные сроки. Кроме того, он обнаружил с первых дней нашей совместной работы такие нужные историку умения, как выявление и критическое отношение к источникам, их самостоятельную интерпретацию.

Загруженный своими обязанностями в училище, Аркадий Адольфович составил себе железный распорядок, которого неуклонно придерживался в течение десятилетий: ранний подъём, научные занятия до ухода на службу, любое свободное время использовать для работы в архиве или библиотеке.

Ознакомление уже с первыми набросками статей, а затем глав и параграфов диссертации показало, что А.А. Герман умеет грамотно, стилистически правильно излагать свои мысли, его первые же статьи фактически не пришлось редактировать. Должен отметить, что из нескольких десятков моих аспирантов и соискателей мало кто мог писать научные труды так, как это делал и делает Аркадий Адольфович.

Работать с А.А. Германом было легко и интересно, он уложился в намеченные сроки и в 1986 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию, а затем получил диплом доцента. Но на этом он не остановился, решил продолжить свои научные изыскания, и встал вопрос о выборе новой темы. Шло перестроечное время, начали открываться некоторые архивные фонды, стало возможным заниматься проблемами, на которые прежде было наложено вето. Обсуждая проблематику будущих трудов, мы постепенно пришли к выводу, что можно, наконец, писать о трагедии российских немцев, о депортации целого народа с территории Поволжья, ставшей для него родной землей. Это очень важно – восстановить историю существовавшей почти четверть века автономии немцев Поволжья. Тема сразу воодушевила Аркадия Адольфовича, так как ему представилась возможность отдать сыновний долг своим предкам, жившим в этой автономии.

С начала 1990-х гг. стали появляться одна за другой статьи, а затем и книги Аркадия Адольфовича по истории поволжских немцев, в основном посвящённые советскому периоду, истории создания, становления и развития немецкой автономии на Волге. Фактически до появления публикаций А.А. Германа история АССР НП была *terra incognita*, потому что публикации, появившиеся до 1941 г., были тенденциозны, а затем почти полвека – полное молчание.

Именно Аркадий Адольфович в своих трудах восстановил всю историю республики немцев Поволжья, показал её достижения и промахи, трудности, ошибки, выявил сотни имён людей, причастных к её становлению и развитию, раскрыл всю глубину трагедии 1941 г. для поволжских немцев. Попутно А.А. Герман опубликовал большое количество источников, которыми теперь широко пользуются отечественные и зарубежные исследователи.

Мне довелось быть его научным консультантом при работе над докторской диссертацией. Как и во время его соискательства, сотрудничать с ним было легко, интересно и приятно. Новая тема требовала огромного объёма работы в архивах, в том числе в тех, доступ в которые был затруднён. Аркадию Адольфовичу приходилось изыскивать время и использовать авторитет полковника, начальника кафедры, чтобы добиться доступа к необходимым ис-

точникам и выкроить время для работы в архивах. С этими проблемами он успешно справился, его докторская диссертация прекрасно фундирована, содержит большой новый фактический материал. В июне 1995 г. в Диссертационном совете исторического факультета СГУ успешно прошла защита А.А. Германом докторской диссертации «Национально-территориальная автономия немцев Поволжья (1918-1941 годы)». Аркадий Адольфович стал доктором наук, а затем получил диплом профессора.

После окончания службы в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации, которой он отдал более 30 лет, Аркадий Адольфович, находясь в расцвете творческих и физических сил, решал, где продолжать свою деятельность. Выбор пал на кафедру отечественной истории в новейшее время СГУ, на которой он успешно трудится уже 15 лет – сначала рядовым профессором, потом заведующим кафедрой. Все эти годы, работая рядом с ним, а затем под его руководством, ещё больше убедился в его прекрасных человеческих и организаторских качествах.

После защиты докторской диссертации и перехода А.А. Германа на работу в университет его научно-исследовательская деятельность получила новое ускорение, из-под его пера вышло множество статей и книги, в которых не только продолжалась разработка проблем истории поволжских немцев, но и совершился выход на более широкие исторические проблемы, связанные с национальным вопросом в СССР, судьбой всех российских немцев. Труды Аркадия Адольфовича получили высокую оценку в российской и зарубежной историографии, он стал признанным в научном мире специалистом по истории немцев России. Отсюда постоянные приглашения его на международные и всероссийские конференции по этой проблематике, на которых его доклады и сообщения пользуются неизменным успехом. На многих конференциях он руководит секциями, входит в состав их Оргкомитетов. Не мало конференций было проведено под руководством Аркадия Адольфовича в Саратове с участием ученых и общественных деятелей России, ФРГ, США, Украины, Польши и других стран. Успех их обусловлен в значительной степени тем, что А.А. Герман очень ответственно подходит к их подготовке, берёт на себя основную часть оргработы, а затем редактирования материалов для издания. Учитывая роль Аркадия Адольфовича в изучении истории и культуры российских немцев, его избрали в 2002 г. председателем ассоциации исследователей этой проблематики Международного союза немецкой культуры.

Не забывает А.А. Герман и своё военное прошлое. Проблемы первой и второй мировой войн привлекают особое его внимание. В середине 1990-х гг. он выступил одним из инициаторов создания в Саратове Поволжского отделения Академии военных наук, возглавил в нём секцию истории, которая активно работает уже около двадцати лет. Секция начала издавать периодический сборник статей «Военно-исторические исследования в Поволжье», получивший большую популярность среди историков и военнослужащих. Уже вышло 9 выпусков сборника, главным редактором которого все эти годы является А.А. Герман.

В 2003 г. Аркадий Адольфович был избран заведующим кафедры и руководит ею до настоящего времени. На кафедре создан дружный работоспособный коллектив, все преподаватели имеют учёные степени кандидата (6) и доктора (4) исторических наук. Одной из первых в институте истории и международных отношений СГУ кафедра приступила к подготовке магистров и уже осуществила первый выпуск их. По инициативе Аркадия Адольфовича на кафедре стал выходить межвузовский сборник статей «Новейшая отечественная история в XX-XXI вв.». В нём помещаются статьи и сообщения российских и зарубежных историков. Вышло 4 выпуска этого сборника, главным редактором его первоначально был А.А. Герман.

За время работы на нашей кафедре Аркадий Адольфович прочитал большое количество общих и специальных курсов, вёл спецсеминарские занятия, руководил многочисленными дипломниками. Со своими преподава-

тельскими обязанностями он справляется более чем успешно. Его лекции интересны, насыщены всегда свежим фактическим материалом, в них широко используются результаты научных исследований самого преподавателя. Особенно следует отметить его спецкурсы по военной тематике и истории российских немцев. Они отличаются оригинальностью и, по моему мнению, заслуживают публикации.

Работа Аркадия Адольфовича в спецсеминарах и с дипломниками привела к тому, что вокруг него сложилась целая школа учеников, успешно разрабатывающих проблемы истории российских немцев и военную тематику. Из этой школы вышло уже 19 кандидатов исторических наук, а А.А. Симонов завершает работу над докторской диссертацией. Наличие такой школы позволило создать в 2003 г. в Саратове Центр изучения истории и культуры немцев России, неизменным руководителем которого был и остается А.А. Герман.

Необходимо отметить, что все успехи Аркадия Адольфовича были бы невозможны без наличия крепкого тыла – семьи, которая поддерживает его во всех делах, создает дома прекрасную атмосферу. Ольга Ивановна и две дочери. А теперь и подросший внук помогают ему преодолевать все трудности. Поэтому можно с уверенностью сказать, что мы ещё почитаем много интересных трудов Аркадия Адольфовича, а из его школы выйдет новое поколение глубоких исследователей истории и культуры. Он находится в расцвете своих творческих сил.

ИЗ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Я. Н. Рабинович

ПЬЕР ДЕЛАВИЛЬ В РОССИИ: 1610–1614

События Смутного времени вызвали пристальный интерес в Европе и породили там обширную литературу о России. В начале XVII в. Московское государство впервые оказалось широко открытым для иностранцев. На его территории сражались в различных лагерях (на стороне самозванцев, поляков, шведов, правительственных войск Шуйского и Романова) многочисленные отряды наемников из Европы. Страну пересекали вдоль и поперек дипломаты со свитами, купцы и просто авантюристы разных мастей. Многие из них оставили свои записки.

Авторами таких сочинений были немцы (наемники Конрад Буссов и Матвей Шаум, пастор Мартин Бер, купец из Аугсбурга Ганс Георг Паерле); голландцы (купец Исаак Масса, Иоганн Брамбах, а также послы на переговорах в Дедерино во главе с Ван Бредероде); поляки (гетман Станислав Жолкевский, командиры отрядов Николай Мархоцкий, Самуил Маскевич, Иосиф Будило, Мартин Стадницкий, послы Николай Олесницкий и Александр Гонсевский, канцлер Лев Сапега и его племянник гетман Ян Петр Сапега); шведский дипломат Петр Петрей; англичане (дипломат Джон Меррик, наемники Генри Бреретон и Томас Чемберлен), шотландский капитан Девис Гильберт.

Из сочинений французов широко известны записки Жака Маржерета, впервые изданные в Париже в 1607 году. Редко упоминаются историками записки другого французского наемника Пьера Делавиля. Во Франции они увидели свет в 1834 г., а на русском языке они были опубликованы в 1841 г. в журнале «Русский вестник». Этот перевод записок П. Делавиля следует признать в целом удачным и лишённым купюр, столь характерных для переводов европейской россиики. Главными недостатками издания 1841 г. являются его труднодоступность и отсутствие научного комментария. В 2008 г. Сергей Алексеевич Мезин осуществил новый перевод «Краткого рассуждения» Пьера Делавиля с французского издания 1834 года¹.

В записках Пьера Делавиля дается краткая характеристика положения в России в начале XVII в. и более подробно описана борьба за Ладугу летом 1610 – зимой 1611 г. Завершаются записки известием об уходе французов Делавиля из России весной 1611 г. и сообщением о смерти шведского короля Карла IX (умер в октябре 1611 г.).

Военачальник-француз Пьер Делафиль де Домбаль лишь промелькнул в многолюдном водовороте России Смутного времени. Сколько-нибудь полной биографии его не существует. Трудно судить о его принадлежности к старинному знатному роду Домбаль, владевшему замком в одноименной деревне к юго-востоку от Нанси в Лотарингии.

Этот французский дворянин, скорее всего, один из гугенотов, удалившихся из Франции после религиозных войн, поступил на шведскую службу в

¹ *Делафиль П.* Краткое рассуждение о том, что произошло в Московии со времени царствования Ивана Васильевича, императора, до Василия Ивановича Шуйского. Сочинение Пьера Делавиля де Домбаля / Пер. с фр. С.А. Мезина, коммент. Я.Н. Рабиновича // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 23. С. 124–139.

1609 г. Возможно, его промежуточным пристанищем была Голландия, на что указывает знание им голландского языка. Его пребывание в России можно условно разделить на три периода.

Первый период пребывания Делавиля в России: поход на Москву (1610 г.). Делавиль прибыл в Россию в составе второго отряда наемников из Швеции в феврале 1610 г. Ранее, в апреле 1609 г., в соответствии с Выборгским договором на помощь Василию Шуйскому прибыл первый отряд под руководством генерала Якоба Делагарди.

Целью экспедиции было оказание помощи царю Василию Шуйскому в борьбе с Лжедмитрием II. В этот трёхтысячный отряд входили наемники из Англии, Шотландии, Нидерландов, Франции. Среди них известны Генри Бреретон, Колвилл, Томас Чемберлен, Самуил Коброн и наш герой Пьер Делавиль. Командовал отрядом Эверт Горн. Подробности боевого пути этого отряда приведены у Генри Бреретона и шведского историка XVII в. Юхана Видекинда¹. Сам Делавиль в своих записках лишь кратко сообщает о действиях наёмников из Швеции до известной битвы 24 июня 1610 г. под деревней Клушино.

По словам Г. Бреретона, французы во главе с Делавилем летом 1609 г. прибыли в Стокгольм, где вместе с английскими и шотландскими наемниками дали присягу королю Карлу IX. В начале сентября 1609 г. они были отправлены морем в Россию. Погода в это время года не благоприятствовала путешествию по морю. С трудом поздней осенью добравшись до Або, наемники далее совершили пеший переход в Выборг, где отпраздновали Рождество. В начале января 1610 г. отряд Делавиля по льду Финского залива за три дня добрался до Копорья. Юхан Видекинд уточнял, что Эверт Горн, под командованием которого служил Делавиль, 12 февраля вступил в пределы Московии и медленно двинулся к Новгороду. В Новгороде Э. Горн получил письмо от Я. Делагарди и Василия Шуйского, которые *«просили идти на Старую Руссу, Осташков, Старицу на соединение с главными силами»*. Территория, по которой должен был проходить отряд Делавиля, ещё в мае 1609 г. была очищена от тушинцев войсками М.В. Скопина-Шуйского и шведами Я. Делагарди. Но после того как польский король объявил войну России, поляки и тушинцы вновь пытались вернуть власть над этими районами. Наиболее активно здесь действовал тушинский начальник Ф.М. Плещеев.

Во время похода в подчинении Делавиля находился отряд конницы в 400 человек. Воевавший под его руководством Генри Бреретон отмечал, что среди солдат француз *«пользовался известностью и уважением»*. Под Старой Руссой Делавиль с небольшим кавалерийским отрядом настиг и уничтожил отряд поляков, пытавшийся до того установить свою власть в этом городе. Затем Делавиль сыграл важную роль в снятии блокады Осташкова. Жители этого города поддерживали Василия Шуйского, но в это время были осаждены крупным польским отрядом. Горожане успешно отбили штурм и продержались до прихода отряда Делавиля. В описываемое время (апрель 1610 г.) эти места не были еще разорены: *«приятная, благословенная часть страны, имеется в большом достатке все необходимое для людей и лошадей. Провиант здесь в изобилии»*, – отмечал Г. Бреретон².

Наиболее подробно у Г. Бреретона описаны бои отряда Делавиля за Ржев в апреле 1610 г. Кратко об этих событиях писал польскому королю Сигизмунду велижский староста А. Гонсевский: *«Люди Скопина подошли к Ржеву и нечаянно напали на бывших там запорожских казаков»*. Известно, что король получил это известие 26 апреля (5 мая) 1610 г.³ К сожалению, по

¹ Бреретон Г. Известия о нынешних бедах России. СПб., 2002; Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / Перевод С.А. Аннинского, А.М. Александрова / Под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М., 2000.

² Бреретон Г. Известия... С. 101–105; Видекинд Ю. История... С. 113.

³ Поход Сигизмунда III в Россию (1609–1610) // Русская историческая библиотека (РИБ). СПб., 1872. Т. 1. С. 580.

русским источникам о событиях в районе Ржева и о действиях этого вспомогательного корпуса Эверта Горна ничего неизвестно. Главные силы ополчения во главе с князем М.В. Скопиным-Шуйским в это время уже завершили освобождение Троицы и приближались к Москве, а Тушинский лагерь распался.

Перед наступлением на Ржев Делаویل устроил совещание с командирами, где был выработан план действий. Отряд выступил в поход на Ржев рано утром, в пути произошла встреча с небольшим польским разведывательным отрядом, который сразу обратился в бегство. Поляки отступили вдоль Волги по направлению к Ржеву и сожгли свой лагерь. При преследовании часть поляков была уничтожена, часть утонула в небольшой речке (река не широкая, но глубокая и с быстрым течением), и лишь жалкие остатки укрылись в Ржеве в замке. В полдень Делаویل со своим отрядом подошел к Ржеву. Замок охранял другой отряд в 600 казаков. На другом берегу реки видны были крупные силы поляков, которые устроили там укрепленный лагерь¹. Воины Делавиля видели, что силы противника значительно превосходят их, но поляки думали, что перед ними лишь передовой отряд наемников, а недалеко находятся основные силы войска Эверта Горна.

Бреретон пишет, что Делаویل, *«отвага которого победила все опасения, понимая, что остается либо умереть, либо овладеть городом, обладая смелым и благородным духом»*, чтобы подбодрить своих воинов, произнес небольшую речь на голландском языке. Он сказал: *«Мы пришли, чтобы послужить во славу наших стран и веры, чтобы содействовать успеху основных действий, направленных против тирании поляков, на пользу этой стране от имени короля Швеции»*. Далее Делаویل говорил, что тот пост военачальника, который он занимает с их согласия, он будет всеми силами стремиться использовать как для их безопасности и благополучия, так и для поддержания своей чести и репутации. *«Мы все связаны неразрывными узами любви и партнерства, хоть и являемся представителями разных народов, языков и традиций... Пусть не страшит вас ни наша собственная слабость, ни сила врага»*².

Приведенную у Г. Бреретона речь Делавиля можно было бы оценить как вымысел автора, склонного к литературному творчеству и риторике, но нельзя не заметить, что она вполне соответствует тем идеям, которые Делаویل высказывает в своем собственном сочинении. Эта речь Делавиля, по словам очевидца, произвела сильное впечатление на солдат, и они двинулись в атаку. Поляки обратились в бегство, большая их часть бросилась в ледяную Волгу, надеясь добраться до основных сил на другом берегу реки, но многие утонули.

В итоге французы заняли покинутую врагом крепость в Ржеве без осады. Основные силы поляков находились на другом берегу реки в самом городе Ржеве, но вынуждены были три дня только смотреть, как наемники хозяйничают в крепости.

После прибытия главных сил шведов во главе с Э. Горном, поляки на другом берегу глубокой ночью подожгли город и стали отходить. При этом они убили много жителей на глазах у наемников, которые, не имея переправочных средств, ничего не могли сделать для их спасения. Только на следующее утро отряд Делавиля с помощью лодок, доставленных местными жителями, переправился на другой берег и пустился в погоню. Через три дня отряд Делавиля вернулся в Ржев, где всё войско Э. Горна отдыхало 2 недели³.

Вскоре Делаویل вместе с другими наёмниками захватил Погорелое Городище, а затем Иосифо-Волоколамский монастырь. Действия француза при осаде этого монастыря описаны у Николая Мархоцкого и других авторов. В Дневнике Будилы Делаویل назван *«капитан Мусир Деланика»*, под руково-

¹ Видекинд Ю. История... С. 113.

² Бреретон Г. Известия... С. 109.

³ Бреретон Г. Известия... С. 115.

дством которого «21 мая взяли Осипов присланные Шуйским немцы»¹. Именно наш герой петардой взорвал ворота крепости, после чего «немцы с французами» пошли на штурм. Объединенный отряд Делавиля и Григория Валуева в ходе боя возле монастыря 11 (21) мая захватил (освободил из плена) тушинского патриарха Филарета.

Вскоре после этого, в конце мая 1610 г. Делаویل вместе с другими английскими, шотландскими и французскими офицерами прибыл в Москву, где Василий Шуйский вручил им щедрые подарки и награды. К сожалению, Г. Бреретон больше ничего не пишет о Делавиле. Сочинение этого английского наемника завершается описанием битвы при Клушино, в которой Делаویل не участвовал, ибо после пиров в Москве в начале июня он заболел и долго пролежал в Погорелом Городище. Сюда, в Погорелое Городище, после разгрома русского войска и шведов при Клушино прибыли Я. Делагарди и Э. Горн. Здесь произошёл очередной мятеж наемников, подробно описанный у Видекинда². Потеряв значительную часть имущества, Я. Делагарди с Э. Горном и небольшим отрядом верных людей, среди которых был и Делаویل, отошли в Торжок, оттуда – к Новгороду. Мартин Бер пишет, что «Лавила перешел на службу к Сигизмунду вместе со своим отрядом»³. Но сам Делаویل, в отличие от его воинов, остался верен Я. Делагарди и разделил с ним все трудности дальнейшего похода на север.

Новгородцы отказались от дальнейших услуг наемников. Здесь, возле Новгорода, к Делавилю присоединились вновь прибывшие из Швеции три французские роты. Отступив на север, Я. Делагарди решил вначале взять Кексгольм, а три роты французов послал в Ладугу. Матвей Шаум отмечал, что «Делагарди послал полковника Делавиля со своими рейтарами взять Ладугу, что ему и удалось». В середине августа воины «французского капитана Лавилы» овладели этой крепостью, а затем удерживали ее в течение шести месяцев⁴.

Отряд Делавиля был сводным, он состоял из тяжелой и легкой конницы и пехоты. Точного состава своего отряда Делаویل не приводит. Один раз он упоминает 30 воинов и 30 слуг (видимо, «пажей»). Следует учесть, что сам Делаویل ранее служил у Морица Оранского. По регламентам начала 1600-х гг., в голландской армии пажей имела только тяжёлая кавалерия.

Второй период пребывания Делавиля в России: оборона Ладожской крепости (август 1610 – февраль 1611 г.)

Захват Ладуги Делавилем в августе 1610 г. и последовавшая за ним полугодовая оборона крепости от новгородских войск, возглавляемых Иваном Михайловичем Салтыковым, подробно изложены в единственном источнике – записках самого Пьера Делавиля. Французы захватили Ладугу 15 августа, на праздник Успения Богородицы, почти без боя, применив петарды и какую-то неизвестную военную хитрость. По словам Видекинда, «15-го воины Делавиля, подведя петарды и взорвав ворота, заняли крепость Ладугу». Сам Делаویل пишет: «Ладугу взяли мы колоколами (*avec des cloches*) за неимением петард»⁵. Можно предположить, что внутрь колоколов, захваченных в ближайших монастырях, французы положили мешочки с порохом, подвели эти своеобразные мины к воротам и взорвали их. Делаویل имел большой опыт использования взрывных устройств. В русских и польских источниках содержится намек, что французы захватили крепость другим способом – обманув русских. Об этом

¹ Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 2000. С. 66; Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), известный под именем истории ложного Дмитрия (Дневник Будилы) // РИБ. Т. 1. С. 190.

² Видекинд Ю. История... С. 130–133; Петрей П. История о Великом Княжестве Московском / Пер. А.Н. Шемякина. М., 1867. С. 288; РИБ. Т. 1. С. 623, 629.

³ Сказания современников о Дмитрии Самозванце (М. Бер). СПб., 1859. С. 116.

⁴ Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К. М. Оболенским (сочинение М. Шаума). М., 1847. С. 18; Петрей П. История о Великом Княжестве Московском. С. 290.

⁵ Видекинд Ю. История... С. 143; Делаویل П. Краткое рассуждение... С. 124–139.

говорится в дневнике похода Сигизмунда III, а также в грамоте царя Михаила Романова в 1614 г. французскому королю Людовику XIII: «... немецкие ратные люди пришед, обманом новгородский пригородок Ладогу взяли»¹.

Точная дата захвата Ладоги указана не только у Ю. Видекинда, но и в русских источниках, среди которых можно указать ряд документов Новгородского оккупационного архива, предоставленных автору этих строк Адрианом Александровичем Селиным. В своих многочисленных трудах А. А. Селин много внимания уделил борьбе за Ладогу в Смутное время. Позднее крестьяне Ладожского порога вспоминали: «В прошлом 119 году на Успенье францовские немцы засели город Ладогу»². Стрельцы, неудачно защищавшие Ладогу, «приволоклися в Великий Новгород», откуда их послали под Копорье. Затем их направили освободить Ладогу, которую они не сумели отстоять в свое время.

Делавиль удерживал Ладогу с середины августа 1610 г., до начала февраля 1611 г., уверяя русских, что представляет интересы их царя, против которого восстали свои же подданные, и будет защищать Ладогу от неприятеля как верный слуга Российского государства³.

Новгородские воеводы неоднократно обращались к Делавилю с требованием вернуть крепость, а затем дело дошло до боевых действий. Захватив Ладогу, французы перекрыли торговый путь из Орешка к Новгороду. Новгородцы неоднократно пытались выбить французов из крепости, но все их попытки заканчивались провалом. Первая попытка отвоевать Ладогу оказалась совсем неудачной. В августе – сентябре 1610 г. отряд князя Ивана Афанасьевича Мещерского так и не сумел организовать правильную осаду Ладоги. Еще в августе 1610 г. «с Успеньева дня Пресвятой Богородицы» к Ладоге был направлен отряд из Тихвина «20 человек монастырских служек, ...и всех их на первом бою побили»⁴.

О походе князя И.А. Мещерского позднее вспоминали крестьяне Ладожского порога: «Как посылан был под Ладогу из Новагорода князь Иван Мещерской – стоял в Гостином Поле, тоже правил корма и взял с собой, под Ладогу идучи, даточных людей 40 человек, и тех людей под Ладогой убили немецкие люди»⁵.

В это же время под Ладогой был ранен Степан Горихвостов, который 18 октября просил выдать вино «для моей раны и болезни, ранен за тебя, государя, под Ладогою». Сохранилась челобитная раненых стрельцов из-под Ладоги о выдаче вина. Среди них «пятидесятники Якушко Иванов, Семейка Михайлов, Васка Деметьев, Гришка Иванов»⁶.

О неудачных попытках блокады Ладоги в конце августа – начале октября 1610 г. И.М. Салтыков писал польскому королю Сигизмунду: «Да послан был под Ладогу до моего приезда в Новгород князь Иван Мещерский с ратными

¹ РИБ. Т. 1 (Поход Сигизмунда). С. 685; Список великого государя с грамоты, посланной ко французскому королю в прошлом 7123 году, в мае месяце // *Шафиров П.П.* Разсуждение, какие законные причины Петр Великий... к начатию войны против Карола XII Шведского 1700 года имел... СПб., 1722. С. 115.

² Документы Новгородского оккупационного архива (Riksarkivet, Stockholm, Okupationsarkivet från Novgorod, далее – RA NOA). Serie 2: 351. Л. 36.

³ *Делавиль П.* Краткое рассуждение... С. 136.

⁴ Челобитная игумена Тихвинского монастыря боярину Салтыкову о нетребовании с монастырской отчины даточных людей // *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук (ААЭ).* СПб., 1836. Т. 2. № 168. С. 285–286; О присяге царю Владиславу Сигизмундовичу Новгорода Великого и окрестных городов (Отписки боярина Ивана Салтыкова). 1610 г., 17 ноября // *Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО).* М., 1913. Т. 142. № 10. С. 120.

⁵ Дело по двум челобитным крестьян Ладожского порога о количестве оброков с Михайловского погоста на Ладожском пороге, взимаемых в Дворцовый приказ // RA NOA. Serie 2: 351. Л. 31–33.

⁶ Сборник челобитных о выдаче вина. 1610–1611 // RA NOA. Serie 2: 124. Л. 213, 215.

людьми, и ратные, государь, люди которые были с ним, от него в бедности разошлись»¹.

По-видимому, об этих двух неудачных попытках Ивана Мещерского блокировать Ладогу ещё до прибытия И. М. Салтыкова в Новгород, сообщал Дела-виль. Француз писал, что русские собрали «*один раз 700–800 человек во всей области, которые остановились в полулье от крепости, за рекою, желая отнять у меня фураж и причинить много тревоги. Я выслал 50 всадников и 30 пехотинцев на двух лодках с пушкою. Они разбили русский лагерь, заставив русских бежать, а лагерь их зажгли*». В следующий раз крепость пытался осадить более крупный отряд в 1500 человек пехоты и конницы, который расположился на расстоянии пушечного выстрела от крепости. Дела-виль атаковал русских кавалерией в 100 сабель, поддерживав ее артиллерийским огнем. Профессиональные наемники вновь разогнали необученных мужиков из деревень. Дела-виль называет русского военачальника «*Ivan Mageasque*» (Иван Можайский). Речь здесь идет о князе И. А. Мещерском². Юхан Видекинд также отмечал, что «*Дела-виль время от времени делал нападения на стрельцов и крестьян, пытавшихся перехватить провиант, доставляемый в замок, и в наказание обращал их в бегство или брал в плен*». Позднее крестьяне Ладожского порога писали, что «*францовские немцы*», после захвата Ладоги, «*оттуда выезжаючи многих побили, сено и хлеб розвезли*»³.

К сожалению, об этих событиях сохранились сведения только у Дела-вилья, который значительно преувеличил силы противника. Приходится излагать всё по запискам начальника одной стороны, тем более в итоге проигравшей, тем более рассказывавшего о своих подвигах далеко от места событий, в третьей стране, и, наконец, француза. Не стоит особо доверять «*реляциям*» иноземцев, тем более «*проштрафившихся*», когда они пишут о своих победах над русскими. Скорее всего, у новгородцев вначале не хватало сил даже для блокады крепости, не говоря уж о действенной осаде. И. М. Салтыков даже не смог из-за сопротивления Дела-вилья в Ладоге выделить силы для помощи Кореле.

Далее Дела-виль пишет об отправке польским королем в Новгород для борьбы со шведами И. М. Салтыкова, который проводил в Новгороде пропольскую политику, силой заставив новгородцев присягать новому царю Владиславу. Называя польского короля своим государем, И. М. Салтыков писал королю Сигизмунду, что шведы взяли Ладогу еще до его прибытия 12 октября в Новгород: «*А Ладогу, государь, взяли Немцы до меня, и сидят в Ладоге Немецкие люди*»⁴. Таким образом, дальнейшая борьба за Ладогу – это часть польско-шведской войны, которая велась на территории России. Об этом писал в своих многочисленных трудах Г. А. Замятин. Но с другой стороны, русские отвоевывали у шведов и французов свою крепость. Эти события являются одновременно частью русской Смуты.

После прибытия И. М. Салтыкова в Новгород новгородцы приступили к осаде крепости. Первым делом Салтыков, «*поговоря с боярами, с князем Иваном Никитичем Одоевским с товарищи*», отправил в конце октября под Ладогу князя Григория Константиновича Волконского «*со многими ратными людьми и с нарядом и велел ему над Немецкими людьми промышлять*»⁵. В это время к Ладоге были направлены отряды стрелецких сотников Михаила Кашинцева и Семого Бровцына, которые получили 18 октября «*для ладожской посылки*» вино из Новгородского винного погреба⁶.

Князь Г.К. Волконский взялся за дело более серьезно и основательно, чем кн. И. А. Мещерский. Воеводы Г.К. Волконский и И.А. Мещерский имели разный ста-

¹ Сб. РИО. Т. 142. № 10. С. 120.

² Дела-виль П. Краткое рассуждение... С. 137.

³ Видекинд Ю. История... С. 150; Дело по двум челобитным... // RA NOA. Serie 2: 351.

Л. 36.

⁴ Сб. РИО. Т. 142. № 10. С. 116.

⁵ Сб. РИО. Т. 142. № 10. С. 121.

⁶ Сборник памятней на Новгородский винный погреб о выдаче вина 1610–1611 // RA NOA. Serie 2: 124. Л. 17.

тус и принципиально разный опыт. Опытный воин, потомственный член государева Двора, Г.К. Волконский сумел подчинить своей власти различные отряды новгородцев. Ранее это не удавалось сделать кн. И.А. Мещерскому, который принадлежал к верхам новгородского служилого города. В свое время кн. И.А. Мещерский успешно оборонял Порховскую крепость от тушинцев, однако опыта осады крепостей и руководства крупными воинскими соединениями не имел.

Основная часть новгородского войска расположилась в древнем местечке Гостинополье (20 км. южнее Ладоги). Здесь воевода Г.К. Волконский построил острожек («на Гостино де, Государи, Поле, в острожок, где стоял воевода князь Григорей Волконской»)¹. Передовые отряды командира служилых татар Исинея Мусаитова Карамышева и казачьего атамана Тимофея Васильевича Шарова были отправлены поближе к Ладоге, в район Ладожского порога (12 км. южнее Ладоги). Отряд Тимофея Шарова (110 всадников) стоял у Ладожского порога свыше двух месяцев². 13 декабря сюда из Новгорода были отправлены два есаула из приказа Тимофея Шарова – Федор Березкин и Митрофан Иванов. Они везли своим товарищам под Ладогу 6 ведер вина³. Среди тех людей, которые осаждали Ладожскую крепость, источники называют также новгородского дворянина Романа Ивановича Неелова, который с отрядом в 40 стрельцов 5 дней стоял в Гостинополье.

К концу декабря 1610 г. положение под Ладогой изменилось. О прибытии в район Ладоги крупных сил новгородцев имеются сведения как у Делавиля, так и в русских источниках. Сборник памятней в Новгородский погреб о выдаче вина с конца декабря постоянно фиксировал отправку новых сил к Ладоге. Делавиль писал: «Иван Михайлович Салтыков имел время послать в Москву за помощью для осады меня, а собравши еще 3–4 тысячи человек, послал на меня прежде князя Григория Константиновича с 2 тысячами, которые остановились в трех лье от крепости»⁴.

О боях под Ладогой в январе 1611 г. сохранились сведения не только у Делавиля, но и в русских источниках, так что можно более точно представить ход дальнейших событий. Сразу после свадьбы своего помощника дьяка Петра Третьякова, которая состоялась в Новгороде 8–10 января, И.М. Салтыков с крупными силами двинулся к Ладоге. Петр Третьяков также сопровождал воеводу (12 января он получил для похода 10 ведер вина), вел походную документацию. С собой Салтыков привел отряд Солового Протасьева с астраханскими стрельцами. Новый отряд казаков возглавлял голова Иван Тиротухин (в его отряде были станицы атаманов Семена Митрофанова, Богдана Попова, Макара Смольникова). В войске новгородцев под Ладогой находился отряд крещеных татар. Среди них – Янгильдей Янсупин, который с отрядом 30 чел. прибыл 16 октября 1610 г. в Новгород к И.М. Салтыкову. Этим татарам под Рождество был отправлено под Ладогу 7 ведер вина. 19 января в полки под Ладогу было выделено 100 ведер вина, 28 января – 14 ведер, а 2 февраля – 50 ведер. Такой большой расход свидетельствует о концентрации под Ладогой значительных воинских сил. Можно признать близкой к истине численность войска И.М. Салтыкова под Ладогой в 3000 человек, приведенную М. Шаумом⁵.

Отряд Делавиля был окружен с двух сторон. В острожек, построенный Григорием Волконским в Гостинополье, Салтыков вначале послал голову Солового Протасьева «с детьми боярскими, с сотниками, стрельцами, казаками с Астраханскими и других Понизовых городов, велел им стояти в острожке». В

¹ Отписка Московской боярской Думы Польскому Королю Сигизмунду и сыну его Владиславу о поражении воеводами Салтыковым и князем Волконским Шведских ратных людей под Ладогой. 1611, в конце января // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (АИ). СПб., 1841. Т. 2. № 316. С. 373.

² Дело по двум челобитным... // RA NOA. Serie 2: 351. Л. 31.

³ Сборник памятней... // RA NOA. Serie 2: 124. Л. 43.

⁴ Делавиль П. Краткое рассуждение... С.. 137.

⁵ Отписка Московской боярской Думы... // АИ. Т. 2. № 316. С. 373; Иностранские сочинения и акты... (сочинение М. Шаума). М., 1847. С. 19; Сб. РИО. М., 1913. Т. 142. № 10. С. 122; Сборник памятней... // RA NOA. Serie 2: 124. Л. 55, 63, 65.

это же время Григорий Волконский получил от Салтыкова новый приказ: вместе с отрядами Тимофея Шарова и Исинея Мусаитова Карамышева идти на север, укрепиться в Николо-Медведском монастыре в устье Волхова (это территория современной Новой Ладogi), чтобы лишить французов возможности получить подкрепления по реке со стороны Ладожского озера¹.

В середине января 1611 г. И.М. Салтыков, осуществлявший общее руководство боевыми действиями, прибыл в Гостинополье. К этому моменту в районе Николо-Медведского монастыря произошли важные события, которые в итоге привели к капитуляции французов в крепости.

15 января Жак Делавилль, младший брат Пьера Делавиля, предпринял вылазку из осажденной Ладogi в северном направлении. Скорее всего, он дошел до самого Николо-Медведского монастыря. Его действия были направлены против дворян князя Волконского, казаков Тимофея Шарова и татар Исинея Карамышева. Небольшой отряд французов (по словам Делавиля, 60 всадников) заехал в самую гущу главных сил князя Волконского. Французы были окружены, путь отступления перекрыла «рота копейщиков». В схватке с воинами Делавиля, нападшими на лагерь, русские «дворяне и дети боярские и головы, ... и атаманы и казаки и Татаровья» одержали победу. Весь французский отряд был уничтожен либо захвачен в плен. В плену оказался и Жак Делавилль².

В своем донесении И.М. Салтыкову 17 января князь Г.К. Волконский писал, что «генваря в 15 день ввечеру приходили на него из Ладogi немецкие люди, воеводка Яков Делавилль с товарищи, безвестно, ... хотели украдом поиск учинити и воевода де князь Григорей Волконской, и головы Исинея Карамышев и Тимофей Шаров, с неметцкими людьми билися». В итоге этого боя «неметцких людей побили всех наголову ... и неметцкого воеводку Якова Делавила, ... и ротмистров и порутчиков, и прапорщиков и трубачев и иных неметцких людей взяли в полон шестьдесят четыре человека». Воины Волконского преследовали французов до самой Ладogi, «топтали их на пятнадцати верстах». Один из героев этого ночного боя, «новокрещен Семен Офонасьев сын Опсеитов», взявший в плен Жака Делавиля, через много лет писал царю Михаилу Федоровичу: «...Служу я тебе, государь, тридцать лет, ... под Ладogaю я, холоп твой, воевотку немецкова взял, и за тово воевотку Ладogaю отдали немцы бес крови»³.

Уже 19 января кн. Г.К. Волконский прислал Салтыкову в Гостинополье 43 пленных воина Делавиля. Большое количество пленных (21 человек) «померло в острожке и на дороге от ран». Среди пленных были не только французы. Салтыков писал, что он отправил в Москву «Французские и Цысарские и Аглинские земли, выбрав, шляхтичей десяти человек, с атаманом с Пьяным с Игнатъевым да с новокрещеном с Иваном с Асановым». Дальнейшая судьба этих пленных такова: четыре человека в сопровождении сеунщиков (вестников о победе), атамана П. Игнатьева и И. Асанова, были отправлены королю Сигизмунду под Смоленск. Это «Французские земли шляхтичи Синер Октон, Гаврила Сабантеев, Андрус Болвозин, Дюря Вержень». Остальные шесть пленных были посажены в тюрьму в Москве до королевского указа. Из оставшихся в живых пленных Салтыков велел 18 человек посадить в тюрьму в Новгороде. Самого Жака (Якова) Делавиля и его «ротмистров пятнадцати человек лутчих людей» Салтыков оставил при себе, рассчитывая предложить их Пьеру Делавилю в обмен на капитуляцию и сдачу Ладogi. Прибыв к Ладoge, воины Волконского сообщили Делавилю о судьбе его брата и всего отряда, требуя немедленной капитуляции, угрожая в случае отказа казнить пленников (возможно тогда казаки и татары казнили двух французов на глазах защитников)⁴.

¹ АИ. Т. 2. № 316. С. 373.

² АИ. Т. 2. № 316. С. 373; Делавилль П. Краткое рассуждение... С. 137.

³ АИ. Т. 2. № 316. С. 373; Из столбцов Поместного приказа о земельных пожалованиях новгородских помещиков 1609–1631 гг. // Восстание Болотникова. Документы и материалы / Сост. А.И. Копанев, А.Г. Маньков. М., 1959. С. 272.

⁴ АИ. Т. 2. № 316. С. 373–374; Делавилль П. Краткое рассуждение... С. 137.

В своем донесении Салтыкову кн. Г.К. Волконский сообщал, что Делаویل, узнав о трагической судьбе любимого брата, писал воеводе: «если Яков и ротмистры живы, и он их сам увидит, и он из Ладого выйдет и Ладогоу очистит». Сами пленные также просили Салтыкова, чтобы тот отпустил одного из них в Ладого для переговоров с оставшимися защитниками крепости. Салтыков надеялся, что ему удастся без боя «воеводу, который сидит в Ладого, Петра Делавина на то уговорить, что он из города из Ладого выйдет». Из допроса пленных Салтыков знал об истинном положении дел в Ладого, знал, что у Делавиля «после такой потери осталось в крепости 30 господ, 30 слуг, большей частью без оружия». Действовать надо было быстро, так как существовала опасность прибытия в Ладого свежих шведских подкреплений, чтобы «тем Неметцким людям, в Ладого, прибыльные люди не пришли». Поэтому, уже к 25 января, Салтыков покинул укрепленный лагерь в Гостинополье и «со всеми людьми пошел под Ладого, наспех, с нарядом... над Неметцкими людьми промышляти», собираясь в случае отказа Делавиля сдать крепость, бомбардировкой и штурмом взять Ладого¹.

После того, как Салтыков прибыл к Ладого, крепость была плотно окружена со всех сторон. Делаویل не соглашался сдать крепость и предлагал «выкупить брата за деньги или обменять на пленных русских». Когда уговоры не помогли, «Салтыков пошел на приступ, стрелял калеными ядрами, зажег было крепость». Французам с большим трудом удалось потушить пожар и отбить атаку. Воспользовавшись этой суматохой, четверо французов бежало из крепости, они «спрыгнули со стен и перешли к неприятелю». Салтыков в своем донесении боярам в Москву от 25.01.1611 г. ничего не сообщал об этом штурме, по-видимому, это произошло уже после 25 января².

Несмотря на успешное отражение штурма Ладого, защитники крепости, видя невозможность дальнейшего сопротивления, потеряв надежду на помощь извне, измученные холодом, решили сдаться Салтыкову на почетных условиях. Делаویل так писал об этом: «В этом бедственном положении, претерпев два или три приступа без надежды на помощь, я сдал крепость Ивану Михайловичу». Возможно, никаких «двух или трех приступов» вовсе не было, Салтыков только осуществлял периодический обстрел крепости зажигательными ядрами. На это намекал Петрей, который писал, что город Ладого был отнят недавно «с помощью огнестрельного снаряда у французского капитана Лавилы»³.

Все условия французов были удовлетворены: их отпустили домой со своим имуществом, и оружием. По словам Видекинда, «условия сдачи были справедливые: отпущен был его брат с остальными пленными и разрешен свободный проезд, куда пожелают с конями и вещами». Матвей Шаум уточняет, что Делаویل, «против Русского обыкновения был пощажен и даже содержан на их иждивение». Это произошло 5–8 февраля 1611 г. Видекинд сообщал, что через два дня после сдачи Ладого «генерал-квартирмейстер Поплер 10 числа того же месяца, наконец, привел свои силы». Это войско, не успев помочь Делавилю, «было направлено к Нотебургу, и сделана была попытка его взять». М. Шаум писал о штурме Нотебурга (Орешка) в понедельник, 12 февраля⁴. Современный исследователь Е.И. Кобзарева без ссылки на источник приводит дату капитуляции Делавиля 5 февраля 1611 г., сообщая далее, что «попытка Делавиля поступить на русскую службу не дала результатов»⁵.

Подробности капитуляции отряда Делавиля изложены в обнаруженном недавно польским исследователем Яцеком Гонкарсоном в Государственном архиве Швеции донесении И.М. Салтыкова от 6 февраля 1612 г. польскому

¹ АИ. Т. 2. № 316. С. 374; Делаویل П. Краткое рассуждение... С. 137.

² АИ. Т. 2. № 316. С. 374; Делаویل П. Краткое рассуждение... С. 137–138.

³ Делаویل П. Краткое рассуждение... С. 138; Петрей П. История о Великом Княжестве Московском / Пер. А.Н. Шемякина. М., 1867. С. 303.

⁴ Видекинд Ю. История... С. 187; Иностранные сочинения и акты... (сочинение М. Шаума). М., 1847. С. 19.

⁵ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005. С. 95.

королю Сигизмунду. Данный документ был впервые опубликован ровно через 400 лет после описываемых событий¹. В донесении Салтыков указывал, что он, прибыв 30 января к Ладогe, приказал *«из полуторных пушек и из затинных по замку и по острогу бить и калеными ядрами замок запалить приказал и сильно тем Немцам докучал»*. Руководил этим обстрелом голова казацкий Иван Широнос, который, по словам И.М. Салтыкова, *«у пушек был голова и вам, великим государям служил и робил»*. После того, как 4 февраля в результате артиллерийского обстрела *«замок подожгли»*, французы попросили прислать толмача и через него передали И.М. Салтыкову, что хотят сдать крепость *«без кровопролития»*. На следующий день 5 февраля 1611 г. сам Делаویل приехал в лагерь новгородцев, чтобы обговорить условия капитуляции.

Салтыков позволил французам беспрепятственно удалиться до пределов Швеции и даже приказал проводить их до границы. Делаویل писал об этих событиях: *«Он (Салтыков. – Я.Р.) согласился выпустить меня с оружием и обозом, с развернутым знаменем при звуке труб и со всеми нашими богатствами. Мне отдали брата, всех пленных французов, бывших в его распоряжении, мне позволили уйти, куда я хочу»*². Здесь речь идет только о *«пятнадцати человек лутчих людей»*, и об обязанности выпустить из новгородской тюрьмы остальных 18 человек. 10 пленных французов в это время уже находились в Москве.

О маршруте движения Делавиля из Ладоги к Выборгу и о встрече по дороге с войском Я. Делагарди сохранились сведения в русских источниках. Об этом рассказали крестьяне князя Матвея Мещерского, Илейка и Гаврилка, сопровождавшие Делавиля до рубежа. Этих крестьян Я. Делагарди из Ижорского погоста отпустил с письмами к воеводам Орешка. Вернувшись в Орешек 23 февраля 1611 г. крестьяне сообщили следующее: после того, как Делаویل со своими людьми прошел Орешек и прибыл на Кобылицкий ям, здесь, на Ковголе, во дворе князя Булата Мещерского они встретили Я. Делагарди с ратными людьми, *«и воеводка Петр Делаویل у Якова Пунтусова был»*. Можно представить себе, о чем говорили Пьер Делаویل с Якобом Делагарди, по-видимому, разговор был тяжелым. После этого Я. Делагарди взял сопровождавших Делавиля крестьян и направился штурмовать Орешек, а Делаویل пошел в Выборг. Эти крестьяне были свидетелями дальнейших событий под Орешком³.

Делаویل в своих *«Записках»* винит Делагарди в том, что шведы предали французский гарнизон в Ладогe, бросили его на произвол судьбы: *«Пока я защищал крепость, у меня не было никаких известий от господина Делагарди, вопреки его обещаниям. Из двух отрядов, что я к нему посылал, ни один не вернулся, что заставило наших солдат думать, что шведы хотят нас бросить... Меня оставили на 7 месяцев, не послав ни одного письма, хотя дороги были свободными»*. Возможно, Делаویل не знал всех обстоятельств дела. Он полагал, что у шведских властей изменилось отношение к французским наемникам после мятежа отряда Режи де Верне под Ивангородом осенью 1610 года⁴.

Фактически шведы не раз пытались оказать помощь защитникам Ладоги. Но все эти попытки заканчивались неудачей. Видекинд, говоря, что Делаویل едва держался в Ладогe, отмечал, что *«со всех сторон из болот и лесов разбойники нападали на наших разведчиков, воры и грабители наносили нашим отрядам значительный урон»*. Один шведский отряд (200 чел.) в декабре 1610 г. попал в засаду. Какой-то крестьянин предвосхитил подвиг Ивана Сусанина: будучи проводником у шведов, он завел их отряд прямо в расположение казаков из Копорья. Шведы были разгромлены, остатки отряда, *«едва прорвав-*

¹ Селин А. А., Ганкарсон Я. Новый документ о взятии Ладоги Иваном Салтыковым // Стара-ладожский сборник. Выпуск 9 / науч. ред.-сост. А. А. Селин. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 223–232.

² Делаویل П. Краткое рассуждение... С. 138.

³ Отписка о неприятных действиях Шведского полководца Делагарди в Новгородской области. 1611, март // ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 184. С. 314.

⁴ Видекинд Ю. История... С. 147–149; Делаویل П. Краткое рассуждение... С. 137–139.

шись через засаду, воротились в Кексгольм». Видекинд говорил также о другом отряде Лоренца Вагнера, который вел подкрепления к Ладогe, но не смог пробиться. Третий отряд Поплера также направлялся к Ладогe, но уже на подходе к ней 10 февраля 1611 г. узнал, что крепость два дня назад сдалась русским, поэтому вынужден был отступить и начать осаду Орешка¹. Не следует забывать, что значительные силы шведов были задействованы под Корелой, которая капитулировала только 2 марта 1611 года. Упорная оборона Ладоги Делавилем сковала все русские силы на Северо-Западе и, в свою очередь, не позволила новгородцам оказать помощь защитникам Корелы.

В 1611–1612 гг. Делавиль не только занимался литературной деятельностью, писал свои записки, но и вербовал наёмников в Нидерландах и Германии. В начале 1613 г. он был в Гданьске. В июне 1613 г. в Архангельске «англичанин служилой немчин Вилем Ватцы» рассказывал местному воеводе Никите Пушкину, что когда он был в «Датцкой земле» (1612 – начало 1613 г.), при нем «пошел в Гданеск город франчужанин Лавин, который был на Руси с Яковом Пунтусовым воеводою, собирать людей, а брат его пошел в Цесареву область собирать людей же, и тех ратных людей наймовать, которые служили у датцкого короля». Далее Вилем Ватцы сообщал, что Делавиль с братом и отрядом наемников собирается этим же летом приехать в Архангельск на службу к новому русскому царю². Делавиль безуспешно пытался поступить на службу Михаилу Романову. Московское правительство, как и ранее князь Д.М. Пожарский, отказалось от услуг наемников. Воеводы говорили, что «на наем ныне люди ненадобны», так как «найму дать нечего, да и верить немцам нельзя». По-видимому, получив отказ, Делавиль снова предложил свои услуги шведскому королю, которому очень нужны были воины для борьбы с московитами.

Третий период пребывания Делавиля в России (1613–1614 гг.): поход к Псково-Печерскому монастырю

Вновь наш герой оказался в России осенью 1613 года. К тому времени Я. Делагарди, захватив Новгород (16.7.1611 г.), установил контроль над всеми городами Северо-Запада России, за исключением Пскова, однако после избрания царем Михаила Романова Тихвин и Гдов в результате восстания освободились из-под власти шведов, москвичи начали наступление на Порхов, Ладогу и Старую Руссу. Возможно, Делавиль принял участие в неудачной осаде Гдова в конце октября – начале ноября 1613 г. в составе отряда Эверта Горна, в боях под Ладогой и Старой Руссой в ноябре 1613 – январе 1614 года. Сведений в источниках об участии Делавиля в этих боях пока не найдены. Некоторые дореволюционные исследователи (Н. С. Арцыбашев, Д.И. Иловайский) вслед за немецким историком Келхом, отмечают участие Делавиля вместе с Эвертом Горном в осаде Тихвинского монастыря в августе–сентябре 1613 г., что не подтверждено никакими источниками. К тому же Эверт Горн в то время еще находился в Швеции и вернулся в Россию уже после поражения шведов под Тихвином. Зато хорошо известно о походе Пьера Делавиля в феврале 1614 г. к Псково-Печерскому монастырю.

В феврале 1614 г. одновременно с походом Эверта Горна на Гдов были отправлены под Печерский монастырь «Петр Лавин да Карбел» со своими частями. Соратник Пьера Делавиля Якоб Коробелл (de Corobell, Jacob Bourgia), тоже француз на шведской службе, находился в России еще с 1609 г, он участвовал в походе князя М. В. Скопина Шуйского на Москву и в переговорах с царем Василием Шуйским в конце августа 1609 г. После захвата шведами Новгорода Я. Коробелл свыше двух лет был воеводой в Порхове и успешно оборонял Порховскую крепость от псковичей.

Подробности неудачной осады французами Псково-Печерского монастыря рассмотрены в предыдущем выпуске сборника «Военно-исторические ис-

¹ Видекинд Ю. История... С. 151, 157; Иностранные сочинения и акты... (сочинение М. Шаума). М., 1847. С. 19.

² Акты о выездах в Россию иноземцев: Отписка холмогорского воеводы Пушкина о желании англичанина Вилема Ватцы служить царю. 1613, до 31 июля // РИБ. СПб., 1884. Т. 8. № 10–VII. С. 105–109.

следования в Поволжье»¹. Воины Делавиля трижды предпринимали попытки штурма монастыря (12, 14 и 16 февраля), но всякий раз вынуждены были отступить с большими потерями.

Об одном из этих штурмов монастыря в феврале 1614 г. писал шведский королевский историограф Юхан Видекинд: *«Делавилль и Коробелл всерьез и храбро бросились на приступ, так что ворота отворились; но, бросившись на приступ, они не обратили внимания на опущенные решетчатые ворота. При этом несколько человек наших были убиты, между ними и брат Делавилля»*².

Сведения об этих же событиях приводит Эверт Горн в своем донесении королю Густаву Адольфу из Нарвы от 19 февраля 1614 г. Этот документ обнаружил известный исследователь Смуты на Севере Герман Андреевич Замятин. Э. Горн писал, что Делавиля во время приступа не обратил внимания на ворота, которые упали, поэтому некоторые из шведов были убиты. Далее Э. Горн писал про Делавиля: *«Куда он теперь направился, я не могу знать»*³.

Французы, потерпев троекратную неудачу, *«пошли прочь в Литовскую землю мимо Новой городок похваляючися, что хотят быть с большими людьми и с нарядом под Печерский монастырь на осаду»*. Часть наемников Делавиля отделилась от основных сил и отправилась на родину, в «Цесарскую землю»: *«А из Печерского монастыря пошло немецких людей в свою землю сто тридцать человек»*⁴.

О потерях французов в ходе штурма монастыря мы узнаем из распросных речей выходца Павла Иванова: *«Под Печерским монастырем немецкаго воеводку Карбела ранили да Петрова брата Лавилова убили, а немецких людей побили и поранили с двесте человек, и ныне де с Петром Ловилом немецких людей только с полтреяста (около 250. – Я. Р.) человек, а стоять им в Наугородском уезде на заставе в Воцкой пятине на городце»*⁵.

Гибель любимого брата, который в 1611 г., взятый новгородцами в плен под Ладогой, чудом остался в живых, большие потери среди личного состава (200 воинов), ранение «немецкого воеводки Карбела», а также отсутствие продовольствия вынудили Делавиля снять осаду монастыря. Отступление французов от монастыря произошло 21 февраля: *«...февраля в 21 день в пятом часу ночи немецкие воеводки со всеми немецкими людьми, зажегши свой стан, пошли в Литовскую землю мимо Новой городок»*⁶. Видекинд писал, что потерпев неудачу под Печерами Делавиля направился со своими воинами в Дерптское епископство, разоряя все на своем пути, на что позднее жаловались на переговорах Габриэлю Оксеншерна польские представители⁷.

Фактически здесь речь идет о соратнике Делавиля Якобе Бургиньоне Корабелле. Русские источники позволяют уточнить дальнейший маршрут Пьера Делавиля. В распросных речах новгородского посадского человека *«Ивана Филатова сына Железникова»*, которого новгородцы отправили по указанию Яко-

¹ Рабинович Я.Н. Псково-Печерский монастырь и игумен Иоаким в Смутное время // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сб. науч. трудов. Вып. 9. Саратов: изд-во ВИ ВВ МВД РФ, 2012. С. 24–35.

² Видекинд Ю. История... С. 311.

³ Замятин Г.А. Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / Сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2008. С. 294.

⁴ Отписка их Псково-Печерского монастыря архимандрита Иоакима с братией о троекратном приступе Литовских людей к монастырю и об отбитии их. 1614 г. // Акты Московского государства, изданные Академией Наук / Под ред. Н.А. Попова (АМГ). СПб., 1890. Т. 1. № 71. С. 108.

⁵ Распросные речи выходца римлянина Павла Иванова о положении войска Якова Понтусова в Новгороде. После 25.4.1614 г. // АМГ. Т. 1. № 82. С. 121.

⁶ Отписка Псковских воевод Ивана Хованского да Никиты Вельяминова и Василия Корина о вестях про Литовских и Немецких людей, что они, соединившись, намерены вместе воевать Русскую землю // АМГ. Т. 1. № 67. С. 105.

⁷ Видекинд Ю. История... С. 493.

ба Делагарди для переговоров с московским воеводой князем Д.Т. Трубецким, сказано, что *«под Печерским монастырем Муксоловила и Карбеля государевы люди побили и с тово бою на Сборное воскресенье Муксоловил пришел в Новгород при нем Иване с невеликими людьми»*. Сборное воскресенье в 1614 г. приходилось на 13 марта. Известно, что с 29 марта по 27 апреля 1614 г. в Порхове выдавался хлеб *«на воеводу на Петра на Лавила порутчику и трем ротмистрам Муторзию и Декарю и Лабуртанилу и приказным и рядовым солдатом»*¹.

Таким образом, после неудачи под Печерами Пьер Делавилль вернулся в Порхов, где находились на излечении его больные воины. Отдохнув в крепости у воеводы И.А. Мещерского (бывшего противника во время обороны Делавиллем Ладоги в 1610 – 1611 гг.), он забрал своих людей и вернулся в Новгород. С лета 1614 г. его следы теряются. Дальнейшая его судьба не известна.

Каким же предстаёт перед нами, судя по его сочинению и немногочисленным свидетельствам современников, Пьер Делавилль де Домбаль? Прежде всего, это солдат, причём солдат-наёмник, каковых было немало в Европе XVI – XVII веков. Следует отметить, что Делавилль выделялся из массы жадной до наживы солдатни, для которой не существовало ни отечества, ни закона, ни морали. Во-первых, он был смелым профессиональным воином, знавшим своё дело, пользовавшимся уважением не только своих подчинённых, но и неприятелей. Взятые им крепости, мужественная оборона Ладоги и прямые отзывы современников служат тому подтверждением. Во-вторых, не только слова, но и поступки военачальника-француза свидетельствуют о том, что он старался оставаться верным присяге и договору, которые связывали его с Карлом IX и Василием Шуйским. Понятие чести не было для него пустым звуком. Наконец, Делавилль оказался среди тех иностранных свидетелей Смуты, кто пожелал зафиксировать увиденное и пережитое в своих записках и каким-то образом осмыслить этот трагический период русской истории. Делавиллю, судя по его сочинению, не безразлично, на чьей стороне он сражается. Моральная оценка происходящего, хотя и в скрытой форме, присутствует в его записках.

Комментатор французского издания «Краткой записки» Антуан-Луи Пари давал высокую оценку этому сочинению, проясняющему некоторые события Смуты. Французский архивист XIX в. считал своего соотечественника искренним, заслуживающим доверия автором. Также высоко отзывался о сочинении Делавила Н.Е. Бранденбург, который указывал, что *«отечественные документы того времени подтверждают «правдивость его сообщения»*.

Другое мнение о Делавилле высказал переводчик его сочинения на русский язык в «Русском вестнике»: *«Делавилль, вероятно, был грубый, необразованный солдат; он переиначивает события, коверкает все имена, так, что некоторые угадать невозможно. Но главное — он порядочный хвостун и довольно бесстыдный лжец, оправдывает шведов, и особенно себя представляет каким-то богатырём, героем, рыцарем, скрывая бессовестные поступки, трусость и вероломство жалких помощников России, и представляя за то русских какими-то скифами»*².

Известный русист Мишель Мерво относит записки Делавила к повествованиям «делового», военного характера, лишённым всякой претензии на литературность. Это — короткие записки военного авантюриста, но достаточно правдивые. Исходя из того, что французская россика XVI–XVII вв. насчитывает всего шесть сочинений (Жана Соважа, Жака Маржерета, Пьера Делавила, Гийома Левассера де Боплана, Филиппа Авриля, и де Фуа де ла Невилля), М. Мерво отмечает, что среди них повествование Делавила отнюдь не самое

¹ Книги хлебной раздачи в Порхове Ивана Селиванова. 1614, март–сентябрь // RA, NOA. Serie 1: 82. С. 5.

² Мезин С.А., Рабинович Я.Н. Пьер Делавилль и его сочинение о Смутном времени // Историкографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 23. С. 115, 120–121.

интересно¹. Действительно, Пьер Делавиль в отличие от многих европейских путешественников не рисует общей картины русской жизни начала XVII века. У него мы не найдем описаний природы страны, внешнего вида городов, религии, нравов и обычаев русских. Нет у него и обычных для европейских авторов рассуждений о русском «варварстве». И тем не менее за скупыми строками, посвященными исключительно политическим и военным событиям, ясно вырисовываются некоторые черты образа далёкой России. Обзор нескольких десятилетий русской истории написан Делавилем лаконично, без явных вымыслов и бросающейся в глаза тенденциозности. Нельзя исключить, что какие-то сведения о событиях, происходивших в России, автор получил от сопровождавшего его после сдачи Ладого князя И.А. Мещерского. Некоторую информацию Делавиль мог почерпнуть из опубликованного в 1607 г. труда француза Жака Маржерета, с которым наш герой вполне мог встретиться в Гамбурге в 1612 году, когда Маржерет безуспешно пытался перейти на службу к князю Д.М. Пожарскому.

Своё присутствие в России Делавиль считает вполне легитимным, на чём настаивает до последних строк. Делавиль далёк от идеализации поведения иностранных воинов в России, которые вели себя в Москве с «наглостью» и «злостью». Он даже выказывает сочувствие к «несчастливым русским», которые оказались в 1610 – 1611 гг. на краю «полной гибели». По мнению Делавиля поляки были главной опасностью для России, но и шведский король «не хотел терять времени» и торопился прибрать к рукам Новгородскую землю².

Таким образом, в отличие от большинства иностранных авторов, писавших о России, Делавиль не демонстрирует предубеждений «цивилизованных» европейцев по отношению к русским «варварам». Лишь чрезмерная концентрация политических убийств на страницах его сочинения, да необычайная жестокость многочисленных казней, а также отдельные, брошенные вскользь замечания могут свидетельствовать о том, что Пьер Делавиль, возможно, разделял некоторые стереотипные представления о России, распространённые в то время в Западной Европе.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук

АМГ – Акты Московского государства, изданные Академией Наук / Под ред. Н.А. Попова

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией

РИБ – Русская историческая библиотека

РА, NOA – Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod (документы Новгородского оккупационного архива в Стокгольме).

Сб. РИО – Сборник Русского Исторического общества

---

¹ Мезин С.А., Рабинович Я.Н. Пьер Делавиль и его сочинение о Смутном времени... С. 121.

² Делавиль П. Краткое рассуждение... С. 132, 139.

ОТНОШЕНИЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА И ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ К БРЕСТ-ЛИТОВСКОМУ МИРНОМУ ДОГОВОРУ

Брест-Литовский мирный договор руководитель группы «Единство» Г.В. Плеханов считал позорным и гибельным для России. Однако по присущей ему дальновидности он возлагал надежды на предполагавшуюся им победу Антанты благодаря присоединению Соединённых Штатов к борьбе с Германией: «В этом случае, – говорил он, – не всё ещё будет потеряно для России, хотя факт измены союзникам останется навсегда позорным»¹.

Опечалило Плеханова и унижение перед Германией Украины. Когда после большевистского переворота в Петрограде, сделавшись пунктом концентрации местных и спасавшихся из Великороссии демократических сил, Украина, руководствуясь идеей председателя Центральной рады Михаила Грушевского, решила созвать Учредительное собрание, у Плеханова появилась надежда, что Киев – мать городов русских – сделается опять ядром, вокруг которого сгруппируется вся Россия. Великороссию Георгий Валентинович не мыслил отделённой от Малороссии. Для него это были две части одной России, он горячо любил каждую из них в отдельности так же, как и целое. Когда же представители правительства Голубовича подписали Брест-Литовский мирный договор, по которому почти вся территория Украины была занята австро-германскими войсками, Плеханов был глубоко огорчён, видя в этом конец своей страны как целого: «Разложение это поведёт к потере нашей экономической самостоятельности, – говорил он. – Русская земля превратится в колонию для немцев и других государств. Брест-Литовский мир и социалистический опыт Ленина отбросит нас на много десятков лет назад. Мы не вынесем экономического разорения и нас возьмёт Европа под опеку, как взяла она Китай. Мы погибаем, как погибли раньше нас восточные деспотии»².

Для единомышленника Плеханова Пантелеймона Дневницкого (Фёдора Исаевича Цедербаума) Брестский мир являлся заключительным звеном той «губительной» политики, начало которой было положено в первый год войны заявлением Ленина о необходимости поражения России в интересах революции: «Политика эта, – пояснял он, – озаменована братанием, разложением нашей армии, рядом тяжких ударов, нанесённых нам военным противником, преждевременной демобилизацией войск "перед лицом немецкого нашествия", государственным развалом России». Захватывая власть, большевики обещали сокрушить «империализм всех стран» и «водрузить истинно социалистический стяг на обоих полушариях». И если с Россией дело обстояло так «ужасно печально», то не пала ли наша страна, задавался вопросом Дневницкий, «искупительной жертвой за торжество идеала более возвышенного, всечеловеческого», и не вёл ли Брестский мир скорейшим путём к прекращению мировой войны и к победе социалистического начала над кровавыми стремлениями «империалистических хищников международного капитализма»? Отнюдь нет, ибо война велась «не исключительно на фронте», огромное значение имел в ней ещё и тыл, организация промышленности и продовольственного дела. Усилия Англии и её союзников, замечал он, за 3 года войны были направлены на то, чтобы «создать блокаду центрального союза, отделить его неразрывным металлическим кольцом от внешнего мира, лишить подвоза жизненных средств». Создавая и увеличивая внутренние трения в

¹ Цит. по: *Дейч Л.Г.* Г. В. Плеханов в России (1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 8. С. 65.

² Цит. по: Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 13. С. 99.

Германии и Австро-Венгрии, ослабляя их единство, гражданскую и военную мощь, этот план в случае успеха «сулил привести к благоприятному для демократических держав исходу войны наименее кровавым способом». Но с подписанием Брестского мира блокада была прорвана, технические и продовольственные возможности обеих сторон уравнились и война стала более кровавой, так как Европа была поставлена перед неизбежностью решать поднятые войной вопросы исключительно живой силой, то есть массой людских жертв: «Брестский мир со всеми предшествовавшими ему и сопровождающими его событиями, – писал Дневницкий, – не только открывает для Германии возможность получать недостающее снабжение в потребном количестве. Он превратил эту возможность в действительность. Совершенно даром – за счёт голодной, измученной, нуждающейся России – он отдал в руки Германии неисчислимую добычу: много хлеба, сахара (которого немецкий солдат давно уже не видел) и, сверх того, металла, военного снаряжения, амуниции.

Сотни, тысячи британских и французских пушек, с величайшим трудом доставленных в Россию, рядом с пушками немецкими, взятыми с нашего фронта, уже разрушают английские окопы, громят форты Вердена, пробивают страшный путь к сердцу Франции, Парижу»¹.

Не менее важен был Брестский мир для Германии и в стратегическом отношении, ибо вместо двух отдельных фронтов она в результате его подписания получала один единственный: «Теперь Германия, – писал Дневницкий, – застрахована от каких бы то ни было неприятельских покушений на крайнем правом фланге, где она властвует на всём побережье и островах Балтийского моря. На крайнем юге для неё открывается возможность широких операций в пределах Малой Азии, побережий Архипелага и Адриатики с вероятностью сбросить в море союзную армию с Балканского полуострова, захватить Албанию, Грецию с угрозой поражения Италии и обхвата правого фланга противника»².

Столь же велико, по мнению Дневницкого, было и политическое значение Брестского мира, который означал установление «германско-прусской гегемонии над европейским югом, востоком и севером»: «Достаточно Германии кончить войну на западе вничью или хотя бы с лёгким уроном, – полагал он, – чтобы обеспечить себе возможность самостоятельного – без участия каких-либо других держав – решения всех политических вопросов, касающихся указанных частей Европы». Таким образом, «Брест» со всеми вытекавшими из него последствиями, резюмировал он, «оказал огромную и всестороннюю помощь центральным державам, и в особенности Германии, в их борьбе с англо-французской коалицией»³.

Решительно не согласен он был и с утверждениями большевистской и полубольшевистской («циммервальдовской») печати, что для будущего демократии были равно опасны как англо-французский и японо-американский, так и австро-германский империализм. Захватный характер германского империализма, считал Дневницкий, был тогда понятен «даже глухим и слепым»: «Полное экономическое порабощение побеждённых и попавших в "круг немецкого влияния" стран, – писал он, – т. е. большей части Европы; таможенная стена, отделяющая эти страны от всего мира, дающая право союзу срединных империй без контроля и без конкуренции эксплуатировать эти страны и как производителей, и как потребителей; жестокая политическая реакция в государствах побеждённых точно так же, как и в государствах победителей; повсюду торжество монархий и империя, бодрствующая и надзирающая за ними – вот программа, ...которой не скрывают опьянённые успехом прусские средневековые помещики и германские капиталисты». Противостояли же этой «всемирной реакции» «величайшие в свете демократические страны» – Франция, Англия и Соединённые Штаты, которые добивались уничтожения остатков феодального строя, провозглашали свободу мировой торговли, отстаивали вы-

¹ Дневницкий П. Всемирно-историческое преступление // Дело. № 2 (8). 25 марта (7 апреля) 1918. С. 6–7.

² Там же. С. 7.

³ Там же.

двинутый ещё Великой французской революцией лозунг невмешательства во внутренние дела больших и малых народов, защищали права порабождённых Бельгии и Сербии, настаивали на соблюдении международных договоров, официально заявляли, что «ни в каком случае не допустят длительного унижения России, раздела Польши и Румынии, не признают грабительского Брестского мира»: «Реакция, деспотизм – на одной стороне; свободное развитие народов, демократия – на другой. Неужели для демократа, для революционера, для социалиста то и другое – всё равно?»¹, – задавался вопросом Дневницкий.

Считая, что в Брест-Литовске произошла «позорнейшая сдача без боя на милость победителя, вызвавшая небывалое усиление германского империализма», распад России на части и утрату ею политической и экономической независимости, Дневницкий откликнулся и на произошедшую 5 апреля 1918 г. высадку японского десанта во Владивостоке. На вопрос, могла ли тогда Россия вступить на путь, который избрал для неё Совет народных комиссаров (СНК), усмотревший в японской высадке начало враждебных действий и, предъявив Японии ультиматум об оставлении российской территории, грозивший разрывом дипломатических отношений и воскрешавший призрак «священной войны», он отвечал отрицательно: «Отказ сопротивляться германским хищникам Н. Ленин мотивировал полным разложением русской армии. Но разве для войны на востоке, – вопрошал Дневницкий, – имеются войска? Или со свежими, во всех отношениях превосходными, силами японцев легче будет справиться, чем с австрийцами и гайдамаками?

И однако "советская власть", рабски выполняющая даже наиболее бессовестные и незаконные требования немцев, сама предъявляет ультиматумы союзникам. На что же она рассчитывает? Не на поддержку ли со стороны германского императора, с которым готовится заключить союз?». Тогда не случайно, считал Фёдор Исаевич, в газетах было напечатано известие, что в случае непринятия Японией советского ультиматума Германия, вопреки Брест-Литовскому договору, разрешит России вновь мобилизовать войска. Если Япония поставила себе целью захватить весь Сахалин, значительную часть Сибири, железную дорогу, золотые россыпи и железные рудники, то открытая война, по его мнению, только развязала бы ей руки, а связь советского правительства с Германией исключила бы возможность какого бы то ни было протеста со стороны союзников: «Германия же, занятая на западе, фактически не сможет, – писал Дневницкий, – оказать нам существенную помощь. А если бы и оказала, то неизбежно распространила бы своё непосредственное господство на всю Европейскую и Азиатскую Россию. Такая помощь обошлась бы нам бесконечно дороже всего, что может захватить у нас Япония...». Он понимал, что союзники и враги одинаково смотрели тогда на Россию, «как на мёртвое тело, неспособное самостоятельно двигаться или отстаивать своё положение». Но из двух зол выбирал всё-таки меньшее – союзников, ибо считал, что и Англия, и Франция, и Соединённые Штаты могли в любой момент заключить мир «за наш счёт», но всё же не хотели этого делать: «Помощь союзников, – полагал Дневницкий, – весьма пригодится нам и на мирном конгрессе, где будут закреплены условия дальнейшего существования всего земного шара, в том числе Европы и России. Конечно, нашей стране необходимо позаботиться о том, чтобы самой выступить на этом конгрессе в качестве действующего лица, а не объекта чужеземного воздействия. Но опять-таки без сильных союзников нам этого не достигнуть. Германия не только с Россией, но даже с Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией обращается, как с вассалами».

При таких обстоятельствах становиться во враждебные отношения к державам Согласия и грозить им войной Дневницкий считал «величайшим безумием». По его мнению, не война с Японией диктовалась тогда положением дел, а борьба с антинациональной политикой Ленина «как необходимое предварительное условие борьбы за восстановление независимости государства

---

¹ Там же.

российского...»¹. Между тем мучительные переживания за судьбу в очередной раз оскорблённой Родины ускорили кончину Плеханова. Его сердце не выдержало унижений России и Украины в Брест-Литовске. Они мучили его и тогда, когда он находился ещё в полном сознании, и тогда, когда он бредил в последние часы своей жизни². «Война, перипетии которой Плеханов переживал болезненно-страстно, раскол Интернационала и одиночество внутри созданной им партии, – писал меньшевик Владимир Левицкий (Цедербаум), – всё это не менее, чем чахотка, сократило жизнь Георгия Валентиновича на несколько лет»³.

Оставшиеся в начале 1918 г. без своего лидера, вынужденного выехать из-за большевистских притеснений в Финляндию, члены социал-демократической группы «Единство» рук в связи с этим старались не опускать и пытались, несмотря на чинимые со стороны новых властей препятствия, ещё некоторое время отстаивать свои взгляды. Так, в одном из последних номеров газеты «Наше единство» от 17 января 1918 г. нелестных характеристик было удостоено большевистско-левоэсеровское большинство состоявшегося 10–18 января в Петрограде III Всероссийского съезда Советов, названное «безгласной кликой ленинских потакателей»: «Большевистский съезд Советов, прокричав громогласное "ура" сепаратному миру и гражданской войне, собирается на покой, – говорилось в статье «Оппозиция его величества». – Делегаты разъезжаются на места, чтобы нести туда весть о предании России на поток и разграбление германскому империализму и оккупационным войскам других соседей»⁴.

После прекращения 20 января 1918 г. выпуска «Нашего единства» было достигнуто давно ожидавшееся объединение интернационалистско-оборонческих сил в рамках издания в Петрограде газеты «Начало». Помимо «потресовцев» Бориса Батурского (Цейтлина), Анатолия Дюбуа и Павла Колокольниковца, в редакцию нового издания были включены «единцы» Плеханов, Любовь Гирш-Аксельрод и Константин Фельдман. К сожалению, Георгий Валентинович писать для этой газеты уже ничего не мог. Но он, по мере возможности, благодаря усилиям своих петроградских почитателей супругов Касьяк, навещавших Плехановых в Питкеярви, следил за деятельностью «Начала», был доволен появлением этой газеты, считал, что там имелись хорошие статьи, выделяя при этом понравившиеся ему публикации Гирш-Аксельрод и Веры Засулич⁵.

В начале 1918 г. из Вологды, куда он в своё время был направлен ЦК «Единства» проводить избирательную кампанию в Учредительное собрание, для ведения борьбы с большевиками переехал в Москву один из ближайших сподвижников Плеханова в период мировой войны Григорий Алексеевич Алексинский. 27 апреля на митинге в Большом зале Дворянского собрания за характеристику Брестского мира, как «позорного», он был арестован чекистами и посажен в «одиночку» Таганской тюрьмы. В январе 1919 г. в связи с заболеванием тифом Алексинский был выпущен на поруки, после чего некоторое время работал в отделе информации Центрального совета профсоюзов и в Главархиве. Весной того же года Михаил Калинин предлагал ему работу в советском правительстве, но Алексинский отказался. В мае 1919 г. он переехал в Петроград и вместе с семьёй, через Эстонию и Данию, бежал в Париж⁶.

¹ Дневничкий П. Горькие плоды // Дело. № 3 (9). 1 (14) апреля 1918. С. 1–2.

² См.: Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 13. С. 100.

³ «Мне не раз приходилось слышать Плеханова...» Из воспоминаний В. О. Левицкого. Публ. подг. М. В. Пронина // Исторический архив. 1998. № 2. С. 38–39.

⁴ Большевики в большевистской России. 1918–1924. / Большевики в 1918 году. М., 1999. С. 758–760.

⁵ См.: Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой // Диалог. 1991. № 13. С. 101–102; Большевики в 1918 году. С. 143.

⁶ См.: Алексинская Т. 1917 год // Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. Кн. 91. С. 189, 202; Г. А. Т. И. Алексинская // Там же. 1969. Кн. 94. С. 272–273; Морозова А. Алексинский // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 29.

23–27 августа 1918 г. в Москве состоялось совещание группы «Единство», где было принято несколько важных резолюций. Львиная доля внимания в резолюции «По общей политике» была уделена Брест-Литовскому мирному договору. В ней отмечалось, что выход России из коалиции стран, боровшихся с Германией, значительно повысил шансы последней на победу в войне, которая явилась бы торжеством хищнического империализма и мировой реакции. Брестский мир и последовавшие за ним события, подчёркивалось в резолюции, фактически превратили Россию в немецкую колонию, между тем как в восстании её независимости и государственного единства заинтересованы не только широкие трудовые массы в России, но и вся международная демократия. «Успеху этого дела препятствует политика нынешней власти, под флагом нейтралитета содействующая осуществлению хищнических планов германского империализма, – говорилось в документе. – С другой стороны, отказ союзников признать Брестский мир и непрекращающаяся война их с германцами создают объективные условия, способствующие возрождению и освобождению нашей родины. Во имя этой великой цели российские социалисты... обязаны бороться за уничтожение Брест-Литовского договора и за возобновление тесного союза с западными демократиями». Считаюсь, однако, с тем, что эта борьба будет чрезвычайно затруднена «инертностью населения, его политической пассивностью и малосознательностью», организация «Единство» ставила одной из первых и главных своих задач пропагандистскую и агитационную деятельность среди рабочих и трудовых масс, а именно: разъяснение им всей пагубности для России победы германского империализма, обнаружение той роли, которую в успехах этого империализма и в общероссийском развале сыграло большевистское правительство, а также пробуждение среди масс симпатии к странам Антанты. Для дела возрождения России «единцами» не отрицалась даже возможность и необходимость «использования внешних сил». При этом из числа возможных вариантов использования таких сил безусловно исключалась Германия: «Злоба и ненависть, возбуждаемые нынешней властью в широких слоях населения, – говорилось в резолюции, – вызывает среди них желание избавиться от неё каким бы то ни было путём, не исключая германской ориентации. Организация "Единство" со всей настойчивостью высказывается против всяких действий в духе этой ориентации, а тем более против компромиссов с германским завоевателем, попирающим русскую землю»¹.

После этого терпению большевистских властей пришёл конец. Осенью 1918 г., ненадолго пережив своего основателя и лидера, под градом правительственных репрессий организация «Единство» прекратила своё существование. Не спасло группу и то, что Плеханов был внесён в список «великих людей», которым СНК собирался поставить памятники².

Правда, кое-где в провинции, время от времени, в течение ещё нескольких лет имели место отдельные выступления плехановцев. К примеру, осенью 1919 г. Киевским комитетом «Единства» была принята декларация с изложением взглядов организации по ряду вопросов текущего политического момента. Начинался документ с указания на близость двухлетней годовщины советской власти в России, годовщины тех дней, когда «низвергнув, при поддержке всех явных и тайных врагов русской государственности, революционное временное правительство, партия большевиков-коммунистов взяла в свои руки власть, разогнала всенародное Учредительное Собрание, объявила социализм несовместимым с демократией и ради продления своего господства заключила позорный мир с Германией, предварительно разложив военную силу государства и тем самым выдав его на поток и разграбление внешнему врагу». Большевизм счёл для себя возможным, гласила декларация, переступить через законы общественного развития и, опираясь на демагогию, путём

¹ *Меньшевики в 1918 году.* С. 762–763.

² См.: *Паёлов Д. Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999. С. 33–34.

насилия над непризнающей никакого насилия экономикой, начал осуществлять свою коммунистическую программу в стране, всего лишь 30 лет назад определённо ставшей на дорогу капиталистического развития: «Стоя в вопиющем противоречии с действительностью, – читаем мы в документе, – коммунизм был с самого начала обречён на бессилие и мог дать народу и рабочему классу лишь то "равенство в нищете", которое отбросило Россию к временам лучин, бездорожья и менового хозяйства. Рухнуло всё производство страны. Почти исчез производительный рабочий класс. Но воцарились безработица, голод, холод, эпидемические болезни. Великая страна легла в развалинах лёгкой добычей для чужеземцев. Объявивший смертельную борьбу международному империализму большевизм за два года своего господства выдал Россию с головой всем хищникам международного капитала». Поэтому Киевский комитет «Единства» звал рабочих «всей силой своего содействия оказать поддержку государственным образованиям на территории России, поставившим своей целью низвержение советской власти, восстановление государственного единства и свободное устройство государства чрез Всенародное Учредительное Собрание», а также призвал в своей декларации «признать адм[ирала] Колчака, как временного носителя верховной власти, а в находящихся под его верховным командованием армиях видеть могучий рычаг воссоздания Российского государства и обеспечения его внешней независимости»¹.

Но вскоре прекратились и такие эпизодические выступления «плехановцев». В результате группа «Единство», как организация, окончательно сошла со сцены к концу Гражданской войны². Жившая, главным образом, личным влиянием своего руководителя, после его смерти она фактически обречена была, без помощи большевиков, на медленное умирание, что с неизбежностью и произошло.

---

¹ Hoover Institution Archives, Boris I. Nicolaevsky collection, Series 130. Box 201. Folder 1–4.

² См.: *Далин Д.* Большевизм в период советской власти // *Большевики*. Сост. Ю. Г. Фельштинский. Benson, 1988. С. 150.

ПЕРВЫЙ ПОХОД НА УРАЛЬСК КРАСНОЙ АРМИИ САРАТОВСКОГО СОВЕТА (МАЙ 1918 г.)

Статья подготовлена
при поддержке РГНФ;
грант № 13-01-00260

Советская периодизация Гражданской войны выделяет временной отрезок от подписания Брестского мира до мятежа чехословацкого корпуса как «период мирной передышки», позволивший «упрочить завоевания социалистической революции, подготовиться к отпору неизбежного натиска международного империализма»¹. Вместе с тем события весны 1918 г. в казачьих областях доказывают относительность такого утверждения. Новый виток вооружённого противостояния там давно был раскручен. Яркий пример – поход Красной Армии Саратовского Совета на земли Уральского казачества в мае 1918 г. Конфликт этот стал своеобразным прологом длительной и ожесточённой Гражданской войны на востоке Советской Республики и, с точки зрения организации формирований и их тактики, явил образец партизанских действий в период так называемой «эшелонной войны».

Первое описание похода принадлежит начальнику штаба красных формирований Б.Г. Молдавскому. Появилось оно по горячим следам в 1918 году² и стало отправной точкой для других исследований, в первую очередь трудов И.С. Кутякова³. Последний попытался полнее осветить тему, но, по его же словам, при сборе и изучении исторического материала «встретились большие трудности». Архивных источников он не нашёл, а выявленный материал (в основном воспоминания отдельных участников) представлял «колоссальную неточность не только по числам, но даже по искажению фактов»⁴. Но именно кутяковское толкование похода со всеми его ошибками перекочевало в работы последующих исследователей⁵. Они лишь уточнили начало похода и изменили соответственно этому датировку событий⁶.

Изучение вопроса представляет сложность и сегодня. Практически отсутствуют оперативные документы противоборствующих сторон⁷. Канва похода по-прежнему прослеживается в основном по мемуарным источникам (в том числе

¹ Гражданская война в СССР: в 2 тт. Т. 1. М., 1980. С. 132.

² Молдавский Б.Г. Обзор военных событий от 11-го декабря 1917 года до 15-го сентября 1918 года // Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. С. 53.

³ Кутяков И.С. Первый поход на Уральск // Гражданская война 1918–1921: В 3 тт. Т. 2. Военное искусство Красной армии. М., 1928. С. 123-135. Эта же работа вошла отдельной главой в монографию автора, см.: Кутяков И.С. С Чапаевым по Уральским степям. М.;Л., 1928. С. 31-47.

⁴ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 199. Оп. 3. Д. 243. Л. 3. И.С. Кутяков указал использованные им источники в рукописи своего исследования (см.: Там же. Л. 2).

⁵ Хлебников Н.М., Евлампиев П.С., Володихин Я.А. Легендарная Чапаевская. М., 1975. С. 19-26; Чапаев А.В., Чапаева К.В., Володихин Я.А. Василий Иванович Чапаев: Очерк жизни, революционной и боевой деятельности. Чебоксары, 1987. С. 75-88; Амангалиев З.А., Елагин А.С. Оборона Уральска. Алма-Ата, 1991. С. 49-52; Чапаева Е.А. Мой неизвестный Чапаев. М., 2005. С. 84-97; Дайнес В.О. Чапаев. М., 2010. С. 61-67.

⁶ Пояснения по датам см.: Чапаев А.В., Чапаева К.В., Володихин Я.А. Указ. соч. С. 365-366 (Литература и источники).

⁷ Отдельные приказы по Красной Армии Саратовского Совета можно найти, см.: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 184. Оп. 3. Д. 1175-1180; 1187-1188. Некоторые приказы были опубликованы, см.: Легендарный начдив: Сб. документов. Чебоксары, 1986. С. 30-34.

по вновь обнаруженным), газетным статьям и сообщениям. Потребовалось их тщательное сопоставление, результатом чего и явилась предлагаемая статья.

Предыстория похода тесно связана со стремлением Советского правительства установить полный контроль над Поволжьем – значимым хлебным районом, обезопасив его от всякого посягательства политических противников, в том числе антисоветски настроенного уральского казачества¹.

Вооружённые силы для обуздания уральцев формировались Саратовским губисполкомом в течение апреля 1918 г. Это было время поиска путей в советском военном строительстве, и неизбежные трудности его первых шагов не могли не сказаться на облике экспедиционных сил. Они представляли собой смесь регулярных добровольческих и партизанских формирований с преобладанием последних. Превалировала отрядная система при отсутствии чёткого деления на части и подразделения. Бойцы сами выбирали себе командиров, а воинская дисциплина была заменена вседозволенной «революционной сознательностью». Общее руководство отрядами, получившими громкое название «Красная Армия Саратовского Совета рабочих, военных и крестьянских депутатов», осуществлялось коллегиальным органом – Военным советом полевого штаба. Он состоял из командующего, начальника штаба и представителей Советской власти (комиссаров) от территорий, выделенных отрядам. Командующим же значился недоучившийся юнкер С.И. Загуменный, а начальником штаба – бывший рядовой писарь Б.Г. Молдавский.

К началу мая красные отряды сосредоточились в Новоузенском уезде Самарской губернии на близлежащих к Уральской области станциях Рязано-Уральской железной дороги (РУЖД)². Дальше всех от границы с уральцами на станции Алтата находился авиационный отряд. Это было единственное формирование в экспедиционных силах, сохранившееся от старой армии. Авиаторы только 17 апреля прибыли в Саратов, эвакуировавшись подальше от занявших Украину немецко-австро-венгерских войск³. На следующих станциях, Демьяс и Чалыкла, стояли сельские красногвардейские отряды П.Ф. Баулина и О.М. Шевелёва из Николаевского уезда. Они только вернулись из-за Волги, где около месяца находились в Хвалынском и Кузнецком уездах Саратовской губернии. По просьбе местных властей им пришлось усмирять сельское население, недовольное «отчуждением» излишков хлебных запасов⁴. Красногвардейцы (не более 300 человек) были утомлены и поэтому их оставили в тылу в качестве резерва. Двигаться за основными силами им предстояло по мере надобности.

С такой же целью на станции Озинки находились Хвалынский отряд И. Гречина (134 бойца)⁵ и два эскадрона Саратовского конного полка. Кавалеристы поначалу предназначались основной группе, но из-за участвовавшего дезертирства потеряли доверие командования⁶.

Ближайшим же резервом для основных сил должен был стать 1-й Тамбовский социалистический отряд (860 человек), имевший пехоту, несколько десятков разведчиков-кавалеристов, пулемётную команду, артиллерийскую батарею и даже духовой оркестр⁷. Тамбовчане только прибыли к началу боевых действий, им ещё предстояло освоиться в незнакомой обстановке.

¹ Подробнее см.: ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 379. Л. 95-101; *Кутяков И. С.* С Чапаевым по уральским степям. М., 1928; С. 134-142; *Фокин Н. И.* Финал трагедии. Уральские казаки в XX веке. М., 1996. С. 95-140.

² РУЖД – Рязано-Уральская железная дорога. Накануне революции её длина составляла 4377 вёрст. РУЖД обслуживала 12 губерний и область Уральского казачьего войска и простиралась от Уральска до Смоленска и от Астрахани до Москвы.

³ См.: Приказ по Казанскому военному округу № 854 от 30.04.1918 г. (Пугачёвский филиал государственного архива Саратовской области (ПФ ГАСО). Ф. 169. Оп. 1. Д. 7. Л. 105 об.).

⁴ ПФ ГАСО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. Л. 110-110 об; 1918-й год // Авангард (Духовницкий район Саратовской области). 1968. 23 янв.

⁵ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1187. Л. 2; *Смирнов П.Н.* Боевые походы // Путь к коммунизму (Хвалынский район Саратовской области). 1957. 27 окт.

⁶ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1187. Л. 126, 131.

⁷ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1181. Л. 70; Д. 1191. Л. 24.

Ещё один прибывший на подмогу отряд – Пензенский (174 бойца, командир К.Ф. Галанц), оказался на месте раньше Тамбовского, и его успели присоединить к Саратовскому отряду¹. Основой же саратовцев стал батальон формируемого 1-го Саратовского советского полка (примерно 700 красноармейцев). Саратовцы создали также легкую и тяжёлую артиллерийские батареи, всего 6 орудий, часть которых была установлена на самодельный бронепоезд².

Кроме саратовцев наиболее подготовленными для боевых действий считались Новоузенский отряд и ещё два Николаевских.

Объединённый отряд Новоузенского уезда под командованием А.П. Сапожкова был собран из Новоузенской дружины РККА, Краснокутского и Дергачевского красногвардейских отрядов, всего 345 бойцов³.

О николаевцах же следует рассказать подробнее, так как именно они, будучи на острие удара красных, определяли тактику действий экспедиционных сил, а в конечном итоге и результат похода.

Начало формирования Красной армии в Николаевске связано с появлением в конце января 1918 г. в городе центральных газет с «Положением об организации Социалистической Армии» и декретом об образовании РККА. В соответствии с этими программными документами 27 января был образован штаб по формированию Социалистической Армии Николаевского уездного Совета народных комиссаров (СНК). Создаваемый местным СНК красноармейский отряд управлялся коллегиально четырьмя военными комиссарами – начальником уездной Красной гвардии И.Н. Демидкиным, его заместителем П.Н. Санталовым, уездным воинским начальником П.И. Ульяновым и фельдфебелем демобилизуемого в Николаевске 138-го запасного полка старой армии В.И. Чапаевым. Первенство в этой четвёрке принадлежало начальнику красногвардейцев Демидкину, хотя батальонным инструктором (отрядным командиром) официально значился Чапаев. Неслучайно именно Демидкин возглавил 1-й Николаевский отряд при включении его в экспедиционные силы. Отряд насчитывал до 300 красноармейцев-добровольцев, причём его третью часть составляли бывшие военнопленные австро-венгерской армии⁴. Чапаеву же в апреле 1918 г. поручили сформировать отряд из сельских красногвардейцев Перелюбского и Любичского районов⁵ Николаевского уезда. Районы эти граничили с Уральской областью, и расчёт делался на сословное враждебное отношение тамошних крестьян к казакам. Почему ставка была именно на это, можно найти в объяснениях И.С. Кутякова. Он назвал два основных фактора. Во-первых, эксплуатация во время сенокоса, когда крестьяне смежных уездов целыми семьями уходили на заработок к казакам. Пришельцы беспощадно эксплуатировались. «Возникали недоразумения, доходившие до драки, бойни, и, конечно, в этой борьбе казак всегда был победителем. Крестьяне видели экономическую мощь казаков, чувствовали силу последних, что создавало зависть, мечту и надежду о наступлении времени, когда они смогут переделит эти блага по-своему». Во-вторых, крестьянство Самарской губернии не могло простить уральским казакам революции 1905 г. Им были памяты казачьи карательные отряды. «Это было лучшей агитацией для подрастающего поколения... Крестьянская молодёжь угрюмо, молча и сурово лелеяла мечту дать реванш»⁶. Как бы то ни было, но чапаевский отряд (2-й Николаевский) действительно к началу боевых действий оказался одним из самых крупных – до 700 человек. Причём половину его составили именно крестьяне Любичского и Перелюбского районов, а другую по-

¹ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1187. Л. 86.

² РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1186. Л. 2.

³ ПФ ГАСО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 30. Л. 154; РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1187. Л. 90об.

⁴ ПФ ГАСО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. С. 220-221; ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 206. Л. 14об, 16.

⁵ Николаевский уезд Самарской губернии в начале 1918 г. был разделён для контроля за излишками продуктов и отслеживания политической ситуации на 8 административных районов, каждый из которых включал несколько волостей (см.: ПФ ГАСО. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 5. Л. 40-41).

⁶ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 243. Л. 29-30.

ловину – не менее нелюбившее казачество крестьяне Сулакского района, объединённые в отряд под руководством И.В. Топоркова. Общая численность Красной армии Саратовского Совета составляла примерно 3,5 тыс. человек, имевших на вооружении чуть более десяти орудий, несколько десятков различных систем пулемётов, 1 броневладелец и 4 аэроплана¹.

Тактика «эшелонной войны» предполагала централизованное обеспечение войск на участке железной дороги Озинки – Уральск. Поэтому отрядные обозы приказано было не брать. Разрешалось использовать лишь «повозки с телефонным имуществом, санитарный обоз и походные кухни». Кроме того, планировалось задействовать четыре специальных поезда. Один из них – санитарный № 14 – был оставлен в ближайшем тылу на станции Чалыкла. Трём другим – снабжения, артиллерийскому парку и рабочему – предстояло двигаться в общей группе со штабным эшелоном и бронепоездом. В авангарде ставился рабочий поезд, нагруженный шпалами и рельсами, необходимыми для ремонта разобранного казаками части пути от Озинок до Семиглавого Мара².

В полдень 2 мая красные отряды получили приказ выдвинуться к 12 часам ночи на исходный пункт наступления – станцию Озинки. Тем самым Красная Армия Саратовского Совета приступила к выполнению возложенных на неё задач по восстановлению железнодорожного движения на Уральской линии РУЖД, разоружению казачьих формирований и созданию органов Советской власти на территории Уральской области. Союзниками в этом деле считались рабочие Уральска и иногороднее население, в частности переселенцы с Украины³.

Однако не все формирования смогли прибыть к сроку. Задержались квартировавшие в деревне Столяры (5 км севернее Озинок) тамбовчане, ещё не прибыл из Балашей 2-й Николаевский отряд Чапаева. Поэтому нести охранение ремонтных работ частично повреждённого железнодорожного пути до Семиглавого Мара пришлось новоузенцам, саратовцам и бойцам отряда Демидкина. Занимались они этим весь день 3 мая. Только в восьмом часу утра следующего дня красный бронепоезд смог подойти к станционному семафору Семиглавого Мара и приступить к обстрелу станции. Находившийся поблизости небольшой казачий дозор преградил ему дальнейший путь, взорвав железнодорожные стрелки и разобрав часть полотна⁴.

К моменту открытия боевых действий уральцы по численности и вооружению значительно уступали «армии» саратовцев. В Уральском войске, несмотря на объявленную мобилизацию, казаки-фронтовики проявили пассивность. В распоряжении Войскового правительства оказалось не более полутора тысяч человек, в основном призывной молодёжи, и небольшая группа добровольцев. Это – 1-й Уральский учебный конный полк войскового старшины С.Г. Курина (шесть сотен), Уральский добровольческий конный дивизион войскового старшины В.В. Ерыклинцева (две сотни по 300 человек каждая), пеший дивизион войскового старшины Ф.Я. Емуранова. К тому же готовы были прийти на помощь казачьи дружины из прилегающих к району железной дороги станций Каменской, Чижинской и Зеленовской и несколько небольших партизанских отрядов из учащейся молодёжи Уральска. В целом вооружённые силы казаков представляли, как и у противника, смесь регулярных и партизанских формирований. В то же время казакам не хватало огнестрельного оружия. Например, в Уральском конном дивизионе в одной сотне было 60, а в другой 90 винтовок.

¹ Подробнее о ходе формирования и составе Красной армии Саратовского Совета см.: Симонов А.А. Красная Армия Саратовского Совета (весна 1918 г.) // Новый исторический вестник № 3(21). М: РГГУ, 2009 С. 57-65.

² Легендарный начдив: Сборник документов. Чебоксары, 1986. С. 30.

³ Молдавский Б.Г. Указ. соч. С. 53. Переселенческие (по преимуществу украинские) поселки находились на левом берегу Урала в Уральском и Илекском уездах. Активное колонизационное движение переселенцев началось в Уральской области со Столыпинской сельскохозяйственной реформой. В 1906–1915 гг. появились 45 поселков (см.: Урало-Каспийский край: Краевед. справ. Уральск, 1927. С. 32-33).

⁴ Яицкая Воля. 1918. № 68 от 26 апреля/ 9 мая.

Артиллерия состояла из одной пушки и нескольких десятков самодельных снарядов. Основным оружием оказались шашки и пики. Зато уральцы обладали превосходством в коннице, хорошо знали «родимую» степь и легко могли скрыться от противника или напасть на него¹.

К моменту наступления красных силы казаков не были сконцентрированы и располагались по линии РУЖД вплоть до Уральска. В Семиглавом Маре находилось две сотни 1-го Учебного полка с орудием. Их задача заключалась, прежде всего, в разведке намерений противника и определении направлений его движения. Для этого в радиусе одного – двух десятков километров от станции между несколькими заставами постоянно кружили конные дозоры. На более дальние расстояния высылались разъезды. Ни о каких наступательных действиях за «гранью» казаки и не помышляли. Тем не менее в литературе, во многом с подачи И.С. Кутякова, фигурирует факт разгрома чапаевцами на марше к Семиглавому Мару в хуторе Бенардак казачьего отряда, прибывшего туда для расправы с коммунарами в бывшем имении помещика Мальцева. После этого якобы 250 коммунаров, вырванных из рук белоказачьих, тут же добровольно вступили в отряд Чапаева². Никакими источниками данное утверждение не подтверждается. На самом деле, со слов С.Н. Потехина, начальника пулемётной команды 2-го Николаевского отряда, чапаевцы прошли 20 км левее Бенардака и до Семиглавого Мара никаких встреч с казаками не имели. Коммунары же вступили в формирование В.И. Чапаева позднее, и было это во втором походе на Уральск в конце июня 1918 г., к тому же не 250, а 90 человек³.

Маршрут 2-го Николаевского отряда до Семиглавого Мара пролегал отдельно от основных сил. Не дойдя до Озинок десять километров, чапаевцы повернули у деревни Непряжино и направились к станции по сырту параллельно железной дороге. Казачий разъезд обнаружил чапаевский отряд уже ближе к вечеру 4 мая у хутора Коровин. Неожиданный маневр красных заставил казаков быстро покинуть станцию. К тому времени другие красные формирования только подходили к Семиглавому Мару. Им помогал бронепоезд, вновь открывший огонь⁴. Слева от линии железной дороги по степи шёл 1-й Николаевский отряд Демидкина, сразу вслед – саратовцы. По железнодорожному полотну и правее его двигались новоузенцы. Они же первыми вступили в перестрелку с казачьим арьергардом. Артиллерийскую поддержку наступавшим оказывали чапаевцы, успевшие закрепиться до темноты в посёлке Вавилин и разместить на его высотах два своих орудия. Таким образом, к исходу второго дня похода красные захватили несколько казачьих населённых пунктов и остановились на фронте по реке Деркул и немного южнее железнодорожной насыпи в 10-12 верстах восточнее Семиглавого Мара⁵.

Пасхальная ночь на 5 мая прошла для красноармейцев беспокойно. Особенно тревожно провели её новоузенцы, оказавшиеся ближе всех к отступившим казакам Курина⁶. Уральцы же притихли и держали вблизи врага лишь конные дозоры.

В историографии описываемых событий существует давно укоренившаяся версия: якобы казаки в тот же вечер 4 мая дважды контратаковали станцию с целью отбить её при поддержке двух артиллерийских орудий. Они окружили и потрепали новоузенский отряд Сапожкова, но пришедший к нему на выручку Чапаев восстановил положение и отогнал уральцев. С обеих сторон, согласно

¹ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 179. Л. 115. Подробнее о вооружённых силах уральцев в данный период см.: Дубровин Д.А. Наш самодельный бронепоезд // Родина. 2008. № 3. С. 28-32.

² Кутяков И.С. Боевой путь Чапаева. М., 1936. С. 29; Чапаев А.В., Чапаева К.В., Володихин Я.А. Указ. соч. С. 82; Чапаева Е.А. Указ. соч. С. 91.

³ Пугачёвский дом-музей В.И. Чапаева (ГДМЧ). О/Ф. 248/1. Л. 23-24 (Потехин С.Н. Мои воспоминания о походах с В.И. Чапаевым в годы Гражданской войны).

⁴ Там же.

⁵ Там же; Молдавский Б.Г. Указ. соч. С. 53.

⁶ Там же. Л. 28.

этой версии, были десятки убитых и раненых¹. Однако это не подтверждается очевидцами. Состав уральских сил (всего две сотни) исключал активную оборону. К тому же, по рассказам казаков, их одна единственная трёхдюймовая пушка с 16 самодельными снарядами в тот день ни разу не выстрелила². Красные тоже не упоминают о серьёзных столкновениях³.

Более-менее основательный бой произошёл на следующий день – в воскресенье 5 мая в степи между станциями Семиглавый Мар и Шипово⁴ в районе высоты Большая Ичка⁵. Район схватки был предопределён рельефом местности. Она представляла отроги Общего Сырта с глубокими впадинами и крутыми оврагами. В весеннее половодье, они были наполнены талой водой. Из-за этого продвижение красных отрядов не могло быть компактным и скорым. Это устраивало уральцев. К тому же казаки, заняв какую-либо возвышенность, могли долго сдерживать противника. Единственной помехой мог оказаться недостаток стрелкового вооружения и боеприпасов. Советские же войска, наоборот, были хорошо вооружены, владели численным превосходством, но не располагали так необходимой в степи кавалерией. Итог предстоящей схватки зависел, в первую очередь, от правильного использования противоборствующими сторонами своих преимуществ.

В первый же день советского наступления Экстренный съезд Уральского казачьего войска (так называемый «Малый Круг») предложил Войсковому правительству незамедлительно «принять все меры для ликвидации настоящего разбойного нападения»⁶. Командующий войсками Уральского казачьего войска и Уральской области полковник М.Ф. Мартынов срочно выехал на фронт для общего руководства военными действиями. К станции Деркул из Уральска отправились ещё две сотни 1-го Учебного полка, пешая сотня и Уральский конный дивизион (в нём оставалось не более половины личного состава, примерно 300 казаков, остальные ещё раньше разъехались на весенние полевые работы)⁷. Подошли и партизанские дружины из близлежащих станиц.

Туда же, в Деркул, был направлен казачий бронепоезд «Уралец», сооруженный стараниями инженера В.П. Пейроса из подручных материалов буквально за несколько часов. Как вспоминал очевидец событий: «Поезд этот был самодельный и представлял из себя два товарных вагона, стены которых были вверху выложены узкоколейными рельсами, вход в вагоны был через люк в полу, крыша вагона не защищена ничем. В каждом вагоне был один пулемет и несколько бойниц закрытых бронированными листами котельного железа. Естественно, что такой поезд не мог представлять серьезную угрозу, но в то время красные его боялись... Вся команда поезда была исключительно из офицеров и состояла человек из сорока»⁸.

Бой завязался с восходом солнца 5 мая. Вот как описывает его начало Чапаевец С.Н. Потехин: «Справа сплошная высота из-за которой появились группы белоказачьей конницы... Метрах в двадцати впереди моего пулемёта разорвался снаряд противника. Грому и чёрного дыма было много, но пораже-

¹ См., например: *Кутяков И. С.* С Чапаевым по уральским степям. С. 37-38; *Чапаев А.В., Чапаева К.В., Володихин Я.А.* Указ. соч. С. 83-84; *Чапаева Е.А.* Указ. соч. С. 93-94; *Дайнес В.О.* Чапаев. М., 2010. С. 64-65 и др.

² ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 179. Л. 115-116; *Киров Б.Н.* О борьбе с большевиками на фронте Уральского казачьего войска // *Уральское казачество в Гражданской войне: воспоминания участников / Сост., науч. ред. и коммент. Д.Ю. Дубровин.* Подольск, Московская обл.; ст. Еланская, Ростовская обл, 2012. С. 15.

³ См., например: *Потехин С.Н.* Указ. соч. // ПДМЧ. О/Ф. 248/1. Л. 27-28; *Хрипунов С.К.* С 25-й Чапаевской // *Боевое прошлое.* Куйбышев, 1958. С. 153-156; *Войтенко. Г.А.* Моё участие в Гражданской войне // Саратовский областной музей краеведения (СОМК). 27081/17. Л. 2-3.

⁴ Расстояние между этими станциями 22 версты.

⁵ Гора Большая Ичка – 254 м над уровнем моря.

⁶ Яицкая Воля. 1918. 26 апреля (9 мая).

⁷ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 179. Л. 116.

⁸ *Киров Б.Н.* Указ. соч. С. 18.

ния никакого. Не успел Чапаев перестроить боевой порядок по противнику справа, как увидел конницу с восточной стороны и одновременно часть конницы, направляющейся обойти нас слева. ...Противник намерен растоптать наш отряд своей конницей сразу с трёх сторон. Да и тыл не имеет гарантии быть прикрытым Новоузенским и Саратовскими отрядами, ибо противник гарцует и над ними. Тогда Чапаев перестраивает отряд в круговую оборону, орудия под командованием т. Трясева – в середине. Впереди моего пулемёта разорвался второй такой же снаряд и опять без малейшего поражения. Из этого стало видно, что у них недостаток боеприпасов не только к ручному оружию, но и к артиллерии»¹.

Действительно, из-за патронного и снарядного «голода» тактика казаков заключалась в отсечении красных отрядов друг от друга с последующим рассеиванием и уничтожением холодным оружием. Тот же С.Н. Потехин рассказывал, что казакам удалось смять один из двух пулемётных расчётов чапаевцев и врубиться в их ряды. Уральцы едва не захватили орудия, но, в конце концов, их отогнали сильным оружейным огнём².

Командир 1-го Николаевского отряда И.Н. Демидкин вспоминал, что к Шипову красные отряды шли сплошной цепью: на левом фланге чапаевцы, в стык с ними по центру его отряд, а с правого фланга, за железнодорожным полотном, новоузенцы. Вторую цепь сзади составляли саратовцы. За километр от Шипова казаки предприняли пешую «с винтовками наперевес» контратаку, внезапно выскочив из лощины. Демидкин называет нападавших «офицерской дружиной». Очевидно, это были местные ополченцы, пытавшиеся своим отчаянным порывом задержать противника и дать возможность жителям Шипова и близлежащего посёлка Каменного их покинуть. Контратака в итоге захлебнулась, и казаки отступили за реку Деркул³. Похожее описание боя с «офицерской дружиной» встречается и у Кутякова, хотя, напомним, сам он в походе не участвовал и пользовался сведениями очевидцев⁴.

О том, что встреча с казаками произошла «перед Шиповом у сопки» упоминает и командир роты в Саратовском отряде Д.Д. Серов. С его слов саратовцы шли второй цепью, а впереди них наступал 1-й Николаевский отряд Демидкина. «Когда к Шипову стали подходить мадьяры (из отряда Демидкина. – *Авт.*), набежали казаки. У меня пулеметчик был Пушкарский. Он очень удачно бил из пулемета...». Упоминает Д.Д. Серов и эффективную стрельбу чапаевских орудий⁵.

Недостаток у казаков боеприпасов предопределил итог боя. Схватка длилась не менее шести часов, и красные отряды, осторожно продвигаясь по топкой степи, достигли намеченных населённых пунктов ближе к вечеру⁶.

Станция и посёлок достались победителям безлюдными: казачье население, бросив имущество, спешно их покинуло. Красные мемуаристы описали это: «Птица, свиньи, телята – все остались на местах,.. а в каждой русской печи жареное и пареное и всё тёплое и кое-где настойка спиртовая имелась... Запали пасхальные праздничные столы, подзакусили»⁷. Вскоре подросли гостинцы и от односельчан. Начальник хозяйки Новоузенского отряда Г.А. Войтенко вспоминает прибытие в Шипово целого вагона куличей и других подарков⁸. В итоге пасхальное пиршество затянулось до 7 мая.

Пока красные бойцы отдыхали, их начальство строило дальнейшие планы. После первых стычек Военный совет полевого штаба «армии» уверовал, что ка-

¹ ПДМЧ. О/ф. 248/1. Л. 28-30.

² Там же. Л. 32-33.

³ Бой за станицу Шипово (из воспоминаний И.Н. Демидкина (рукопись)) // Личный архив Д.В. Степанова (г. Пугачёв). Б/н. Б/л.

⁴ Кутяков И.С. С Чапаевым по Уральским степям. С. 39.

⁵ СОМК. Ф. 1. Д. 185. Л. 33об.-34.

⁶ ПДМЧ. О/ф. 248/1. Л. 33.

⁷ ПДМЧ. О/ф. 248/1. Л. 34; СОМК. Ф. 1. Д. 185. Л. 34.

⁸ СОМК. Ф. 27081. Д. 17. Л. 2-3.

заки способны лишь на партизанские выходы и будут продолжать сдавать свою территорию без боя. Член Военного совета от Николаевского уезда В.И. Ермощенко позднее сетовал, что «первое время отношение к казакам было такое, что война будет очень лёгкой. ...Думали взять классовым расслоением: бедное крестьянство к нам, а богатое уйдёт»¹. Поэтому постановили на каждой отвоёванной станции размещать по отряду и взять под контроль весь путь от Озинок до Уральска. Для начала распорядились подтянуть к Семиглавому Мару отряд Шевелёва, а охрану Шипово и Каменного поручить хорошо проявившему себя 2-му Николаевскому отряду Чапаева. В Шипове собирались оставить три железнодорожных состава – штабной, снабжения и боеприпасов (артиллерийского парка), рассчитывали на надёжных, как казалось, чапаевцев. Но не учли одного: Чапаев с таким решением категорически не согласился. Причём сделал это в резкой форме, обвинив штаб в измене. Разругавшись с начальством, Чапаев самовольно увёл свой отряд в направлении следующей станции Деркул. Охрану составов пришлось поручить Тамбовскому отряду².

Путь красным формированиям к станции Деркул и близлежащему к ней посёлку Зелёному прикрывал пеший дивизион войскового старшины Ф.Я. Емуранова вместе со станичными партизанскими дружинами. Командование поставило им задачу оказать посильное сопротивление и на какое-то время задержать красных. Основные же силы – 1-й Учебный полк и Уральский конный дивизион – были брошены через степь севернее железной дороги к станциям Семиглавый Мар и Шипово³. Целью маневра являлись советские коммуникации, но самое главное – военное имущество, в первую очередь боеприпасы.

Казачьи отряды не знали, на какой станции красные организовали базу снабжения и появились поначалу у Семиглавого Мара. Днём 7 мая у станции замаячили их разъезды. Начальник гарнизона О.М. Шевелёв тут же по телеграфу сообщил об этом в Шипово и попросил немедленной помощи. На подмогу выехала добрая половина Тамбовского отряда – две роты и эскадрон разведчиков во главе с отрядным командиром Мельниковым. Примкнул к ним для общего руководства и находившийся при штабном поезде начальник связи «армии» М. Усанов⁴.

С подачи Б.Г. Молдавского известно, что вечером того же дня казаки повели наступление на Семиглавый Мар, но были отбиты. Он же сообщает, что начальник гарнизона О.М. Шевелёв по настоянию красногвардейцев отдал приказ покинуть пределы Уральского войска и отступить на станцию Озинки. Вмешательство и протест М. Усанова успеха не имели. Вместе с красногвардейцами отступили и две тамбовские роты. Мало того, в Озинках бойцы собрались на митинг уже с участием местного гарнизона и порешили отойти ещё дальше до Алтаты, отдохнуть там и снова пойти на Семиглавый Мар⁵.

Объясняя столь скорое отступление, попытаемся представить мотивацию красных бойцов. Казаков было не больше, но они могли создавать видимость превосходства, быстро перемещаясь и появляясь в разных местах. Напомним, 1-й Учебный конный полк комплектовался казаками-первогодками, которым, конечно же, не терпелось показать свою лихость. Упоминания о «казачьих тучах» и «лаве за лавой» нередки в воспоминаниях красных и определённо свидетельствуют о психологическом давлении на них. Да и вооружение уральцев уже не казалось, как прежде, слабым. По крайней мере, Семиглавый Мар казаки обстреляли из трёхдюймовой пушки. При этом защитники станции, по выражению одного из красногвардейцев, «попали под снаряд» и понесли потери убитыми и ранеными⁶. Всё вместе – эффект неожиданности и преувеличенное воображение, причём в опускающихся сумерках, вызвали панику и ско-

¹ Воспоминания Ермощенко об установлении Советской власти в Пугачёвском районе (1930 г.) // Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 205. Л. 6

² ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 206. Л. 15об.

³ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 179. Л. 117.

⁴ Молдавский Б.Г. Указ. соч. С. 53; РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1175. Л. 1.

⁵ Молдавский Б.Г. Указ. соч. С. 53-54.

⁶ ГАСО. Ф. Р-3236. Оп. 2 л/д. Д. 596. Л. 1-7; Д. 593. Л. 1-4.

рый отход. Про «безалаберную стрельбу» ночью вспоминает и пулемётчик из отряда Шевелёва И. Фомичёв. С его слов, шевелёвцы и тамбовчане покинули станцию в вагонах¹. И.С. Кутяков дополняет, что казаки энергично преследовали отступающих вплоть до Озинок. Там уральцы окружили красных конными пикетами и, не переставая, вёли ружейную стрельбу по панически настроенному отряду². Возможно, казаки действительно выставили дозоры, но вряд ли они всем отрядом отправились за «грань Войска» к Озинкам. Достаточно было убедиться в отсутствии на станции поездов снабжения и повернуть в другую сторону – на Шипово, где эти самые поезда точно могли быть. Обнадёживал казаков и другой успех дня – они обстреляли шедший из Алтаты к Уральску паровоз с пятью цистернами мазута, заставив поезд вернуться назад³. Теперь топливный «голод» красным был обеспечен.

В тот же день 7 мая случился бой и в направлении главного удара Красной Армии Саратовского Совета в районе станции Деркул и посёлка Зелёного. Картина схватки рисуется так. Советские войска тронулись утром поотрядно. В авангарде находились оба николаевских формирования. Со слов И.Н. Демидкина, шли вместе «по тесной магистрали» между рекой Деркул и железной дорогой. Чапаевцы левее его отряда⁴. Новоузенцы, как всегда, находились на правом фланге за насыпью. Саратовский же отряд, составляя резерв, замыкал боевой порядок на расстоянии.

Начало боя живописует, опять-таки без ссылок на источники, И.С. Кутяков, а именно: «Через два часа отряд Сапожкова попадает под артиллерийский огонь противника, открытый с горы Сундуки, что в 10 км юго-западнее ст. Деркул»⁵. Сразу оговоримся, орудий у уральцев там быть не могло, поскольку одна единственная трёхдюймовая пушка находилась в рейдовом отряде Курина. Далее следует, что А.П. Сапожков развернул новоузенцев на юг и попытался взять эту господствующую высоту, но внезапно из-за холмов появилась конница противника в 2000 человек (цифра явно завышенная, на что, кстати, указали Кутякову редакторы его книги)⁶. Красные бойцы залегли и открыли залповый огонь. Подоспевший 1-й Николаевский отряд восстановил положение, «огонь усилился, и главным образом, был сосредоточен по центру казачьей лавы, которая отхлынула к западу, то есть к интервалу Саратовского отряда, спешившего также на помощь Сапожкову»⁷. Участник боя И.Н. Демидкин говорит похоже о том же: «Нам в 12 км от Шипова белоказачья конница преградила путь. Завязался ожесточённый бой. Казачья конница, численно превосходившая нас, пустила в ход пики и клинки. У саратовцев захватывают пулемёт «Максим». В моём отряде были военнопленные из австро-венгров под командой тов. Германа. Белоказачья конница, наткнувшись на них, кричала: «Большевики немцев ведут!». Австро-венгры пулемёт отбили... Получив жестокий отпор, казачья конница отошла вправо за возвышенности»⁸.

Любопытно, но командир николаевцев тоже утверждает о численном превосходстве уральцев, хотя известно, что это были небольшие партизанские дружины из близлежащих станиц. Видимо, и в этом случае казаки создали иллюзию превосходства прекрасным знанием местности, быстрым и скрытным перемещением по ней. Подтверждением тому явилась вторая кавалерийская

¹ Фомичёв И. На выручку чапаевцам // Авангард (Духовницкий р-н, Саратовская обл.). 1966. 11 ноября.

² Кутяков И.С. С Чапаевым по уральским степям. С. 41-42.

³ Яицкая Воля. 1918. 28 апреля (11 мая).

⁴ Из воспоминаний красного партизана т. Демидкина (рукопись 1954 г.) // Личный архив Д.В. Степанова (г. Пугачёв). Б/н. Л. 1-2.

⁵ Кутяков И.С. С Чапаевым по уральским степям. С. 39.

⁶ Там же. В сноске к приведённой цифре сказано: «Здесь численность противника несколько преувеличена» (см.: Там же).

⁷ Там же.

⁸ Из воспоминаний красного партизана т. Демидкина (рукопись 1954 г.) // Личный архив Д.В. Степанова (г. Пугачёв). Б/н. Л. 1-2.

атака уральцев (о том, что конных атак было всего две, утверждает Б.Г. Молдавский¹), предпринятая уже против чапаевцев. 2-й Николаевский отряд в это время вёл бой против пешего дивизиона войскового старшины Ф.Я. Емуранова и пеших станичных дружин. На тот момент казаки покинули окопы и медленно отступали, не в силах сдержать натиска красных, которым помогал бронепоезд. Тут то и пришли на помощь конники-ополченцы. Их сводный отряд, состоявший из Перемётновской дружины прапорщика В.М. Кирпичникова (53 казака из посёлка Перемётного, хуторов Сергеева и Фолимонова), дружины посёлка Асерчева и полусотни добровольцев из Уральска, насчитывал приблизительно 120-150 человек. Скрытно заняв позицию у хутора Чеснокова, казаки пропустили цепь красных и неожиданно ударили им в тыл. Чапаевцы бросились бежать, оставив 3 пулемета и около полусотни своих изрубленных товарищей. Однако эффект неожиданности быстро прошёл, и чапаевцы, отстреливаясь, залегли. Тут же артиллерийский и пулемётный огонь перенёсся с окопов казаков на атакующих партизан. Последние не выдержали и отошли обратно в горы². Потери уральцев во время атаки составили 8 человек убитыми и 13 ранеными. Погибшие были оставлены на поле боя, раненых успели под огнём вывести.

В.И. Ермощенко об этой казачьей атаке вспоминает: «Около Зелёной мы вели наступление цепями. Казаки оказали сопротивление. Левым флангом командовал Чапаев. Казаки накопились на бугре и стали из пулемёта стрелять. Повели наступление. Нас хотели окружить. Казаки хотели вдарить нам в тыл. Чапаев, видя такое положение, собрался и с правого фланга вдарил им в тыл и смыл их части. Чапаев спас положение»³.

Как бы то ни было, но силы оказались явно не равны, и уральцам после 8-часового боя пришлось отступить к следующей станции – Перемётное. Жители, оставив имущество, ушли с отступающими войсками. К вечеру в посёлке Зелёном расположились два николаевских отряда, на станции Деркул – новозенцы и саратовцы. Ночь для них прошла спокойно.

В бою за Деркул и Зелёный, длившемся 8 часов, противоборствующие стороны впервые понесли более значительные потери, чем прежде. Количество убитых и раненых шло на десятки. К сожалению, потери, приведённые в советской литературе, не поддаются проверке и, судя по всему, весьма приблизительны. В советских же газетных сводках того времени они вообще бессистемны, крайне идеологичны и выглядят неправдоподобно⁴. По данным же И.С. Кутякова, красные потеряли в бою 60 человек убитыми и 40 ранеными; казаки 150 человек убитыми⁵. Между тем, Б.Г. Молдавский потери красных оценил общей цифрой в 60 человек убитыми и ранеными, а казаков около 200⁶. Сами уральцы озвучили свои потери в 12 человек убитыми и 30 ранеными⁷.

8 мая основные события развернулись у станции Шипово и посёлка Каменского⁸, где находилась база снабжения экспедиционных сил. Как известно, её защита была поручена Тамбовскому отряду, который выделил накануне примерно половину своего состава (около 450 человек) во главе с командиром Мельниковым в помощь гарнизону Семиглавого Мара. Таким образом оборона Шипова ослабла. У казаков рейдового отряда С.Г. Курина появилась возможность наконец то лишиться красных тылового обеспечения. Но казаки только догадывались об истинных силах шиповского гарнизона и действовали крайне осторожно.

¹ Молдавский Б.Г. Указ. соч. С. 53.

² Кутяков И.С. С Чапаевым по уральским степям. С. 39-40.

³ ГАСО. Ф. Р-522. Оп.1. Д. 205. Л. 7.

⁴ Например, в отчёте о 1-м Уральском походе руководитель саратовских коммунистов В.П. Антонов-Саратовский указал общие потери казаков в 1500 человек. Потери же советских войск за время похода оценены в 16 человек убитыми и 120 ранеными (см.: Известия Саратовского Совета. 1918. 16 мая).

⁵ Кутяков И.С. С Чапаевым по уральским степям. С. 40.

⁶ Молдавский Б.Г. Указ. соч. С. 53.

⁷ Яицкая Воля. 1918. 26 апреля / 9 мая

⁸ Станция Шипово находится в центре посёлка Каменного (совр. – Таскала)

К Шипову уральцы подошли с северной стороны с восходом солнца. Бесшумно сняли в степи красную заставу¹, оборвали телеграфные провода в сторону станции Деркул. В направлении Семиглавого Мара путь повредили заранее. Оставалось преодолеть три вёрсты открытой местности и захватить переправы через разлившуюся и непроходимую вброд реку Деркул².

Атака посёлка началась в двух направлениях. 1-я сотня разведчиков из 1-го Уральского учебного конного полка войскового старшины А.П. Кириллова развернулась в лаву и бросилась на левую сторону Каменского. Здесь на окраине посёлка следовало захватить железнодорожный мост и окончательно хлопнуть ловушку для красных. Основной же удар наносился по центру посёлка Уральским конным дивизионом войскового старшины В.В. Ерыклинцева. За ним на расстоянии двигались остальные подразделения рейдовой группы. Расчёт был на внезапность.

Но красные сразу обнаружили наступающих. Командир роты Тамбовского отряда С.К. Хрипунов вспоминал: «Дозорные вскоре установили, что по обеим сторонам станции появились казачьи отряды. Мы с комиссаром Гинтером, командирами взводов и работниками штаба армии приняли меры к обороне. Раздвинули вагоны против станции, чтобы бойцам было свободно передвигаться с одной стороны линии на другую, в зависимости от того, откуда будет казачий налет, и легко перетаскивать имеющиеся у нас два пулемета»³. Со слов другого участника боя, начальника хозяйства Новоузенского отряда Г.А. Войтенко, коменданту штаба Баранову удалось привести в боевую готовность роту прикрытия и разместить два пулемёта: один на берегу реки, другой на пристанционной площади (по казачьим источникам – на водокачке и у полотна железной дороги)⁴.

Красные встретили атаку беспорядочным огнем и не смогли помешать казакам Ерыклинцева ворваться в северную часть посёлка. Спешившись у крайних домов, уральцы вступили в бой. Почти одновременно на левом фланге ввязалась в схватку сотня Кириллова. Вскоре оба подразделения соединились, захватили квартал у поселковой церкви и начали теснить противника к железной дороге и станции. Группа казаков во главе с В.В. Ерыклинцевым сумела даже проскочить вслед красным по мосткам через реку, но была остановлена на другом берегу скорректированным пулемётным огнём. Тем временем через Деркул переправили и казачий пулемет, который немедленно заработал. Стороны залегли.

На помощь белым пришло их единственное орудие. У красных же артиллерии не оказалось: все батареи находились в составе основных сил. Пушку установили на возвышенности у ветряной мельницы. Артиллерийский огонь сконцентрировали на пулемётах. Один из них, державший переправы, вскоре был подбит. Казаки бросились через Деркул. У красных началась паника, некоторые устремились к отходящему поезду, на ходу прыгая в него. Что пережили оставшиеся на станции, можно узнать по рассказу Г.А. Войтенко. Он находился у двух своих вагонов и выбрасывал ящики с патронами для доставки обороняющимся. В этот момент и увидел, как комендант штаба Баранов со своей ротой, подцепив 42 вагона со снарядами и динамитом, удирал в сторону станции Деркул. Поезд промчался по горящему мосту и скрылся. «Вообразив, что я остался, таким образом, на станции один, - продолжает Г.А. Войтенко, - признаться, попытался догнать уходящий поезд. Остановился, обнаружив за вагонами несколько бойцов. Они были потрясены. Пулемёт на площади подсказал, что мы не одни... Я договорился с товарищами о необходимости пробираться в цепь, и все 11 человек поползли навстречу вражеским пулям и стали защищаться. Всего нас в это время было около 50 человек»⁵. С.К. Хрипунов тоже

¹ Войтенко. Г.А. Указ. соч. Л. 3.

² Яицкая Воля. 1918. 23 мая / 5 июня.

³ Хрипунов С.К. Указ. соч. С. 153.

⁴ Войтенко. Г.А. Указ. соч. Л. 4; Яицкая Воля. 1918. 23 мая / 5 июня.

⁵ Войтенко. Г.А. Указ. соч. Л. 5-6.

сообщает, что «работники штаба и другие ответственные лица» сбежали, бросив своих подчинённых. «Но нас это не испугало, мы спокойно и без шума расположили людей на удобные места для встречи казачьей атаки метким огнем». По его данным на станции осталось до двух взводов защитников¹. Большим подспорьем им стал поезд снабжения с его патронными запасами. У казаков же с боеприпасами была беда. Неудачей закончилась их очередная атака – попытка зайти с деркульского направления со стороны подождённого моста².

Близился вечер, бой перетёк в вялотекущую перестрелку. По мнению Г.А. Войтенко, уральцы дожидались темноты, чтобы под её прикрытием расправиться с защитниками. Но тут со стороны Семиглавого Мара показался кавалерийский отряд. Выяснилось, что на помощь спешили кавалеристы Тамбовского отряда и примкнувшие к ним в Озинках красноармейцы саратовских эскадронов – всего более сотни человек с 4 пулемётами. Возглавлял кавалеристов командир Тамбовского отряда Мельников³. Ситуация резко изменилась в пользу красных, и войсковой старшина С.Г. Курин приказал отходить. При отступлении уральцами удалось захватить четыре повозки с военным имуществом и патронами. Трофеем стало и вышитое серебром с позолоченной каймой знамя с надписью: «Тамбовский 1-й отдельный революционный отряд рабоче-крестьянской армии». По данным белых только убитыми красные потеряли 106 человек. Своих потерь уральцы не называют (точно известны потери офицерского состава – 1 убитый и 2 раненых)⁴. Красные источники о потерях вообще умалчивают. По косвенным данным, потери Тамбовского отряда за период всего похода (убитыми, ранеными, пропавшими без вести, дезертирами) составили 301 человек⁵.

Тем временем, прибыв на станцию Деркул, беглецы во главе с комендантом штаба Барановым и «начальником железнодорожной тяги армии» А.П. Камериным (он был за машиниста), поведали о захвате Шипова и утраты оставшегося там имущества (чего не было). Картина рисовалась самая бесперспективная. Получалось, что «Красная Армия» окружена и отрезана от Саратова. На совещании Военного совета полевого штаба с начальниками отрядов «командарм» С.И. Загуменный предложил два плана отхода – пешим порядком в сторону Николаевска и железнодорожным путём к Озинкам. В первом случае пришлось бы бросить эшелоны и бронепоезд, в другом отступать через станцию Шипово, а значит пробиваться с боем. Решили всё же не отдаляться от железной дороги. Команда бронепоезда и отряд разведчиков-кавалеристов получили приказ провести разведку в направлении Шипова. Но, не пройдя 7 вёрст, они повернули назад сопровождаемые казачьими разъездами. К вечеру того же дня уральцы дали понять, что полностью окружили Деркул и посёлок Зелёный. Издёрганные красноармейцы всю ночь не сомкнули глаз, настроение в частях было подавленное⁶. С.Н. Потехин вспоминает, как всю ночь пулемётчики чапаевского отряда отбивались от подползающих казаков. «Горы выстрелянных гильз лежали вокруг пулемётов»⁷.

Утром 9 мая командиры отрядов получили приказ об отходе. Бронепоезд и отряды Демидкина и Саратовский выдвинулись в авангард. Левый фланг охраняли новоузенцы, правый фланг и арьергард доверили Чапаеву. В пути пришлось отбиваться от мелких уколов противника. К исходу дня достигли Шипова и, полагая, что станция занята уральцами, обстреляли её из бронепоезда.

¹ Хрипунов С.К. Указ. соч. С. 154-155.

² Войтенко. Г.А. Указ. соч. Л. 6.

³ Там же Л. 7-8.

⁴ Яицкая Воля. 1918. 28 апреля/11 мая.

⁵ Подсчитано по: РГВА. Ф 184. Оп. 3. Д. 1191. Л. 24; Д. 1181. Л. 70.

⁶ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1175. Л. 1; Войтенко. Г.А. Указ. соч. Л. 6-7; Кутяков И.С. С Чапаевым по Уральским степям. С.40-41; Два героя // Известия Саратовского Совета. 1928. 28 февраля.

ГАНИСО. Оп. 1. Оп. 3. Д. 379. Л. 128; СОМК. Ф. 27081. Д. 18. Л. 6-7;

⁷ Потехин С.Н. Указ. соч. Л. 38-40.

езда. Ситуацию разъяснил посланный Мельниковым конный связной. Шиповский гарнизон принял к тому времени меры по восстановлению сгоревшего моста и советские эшелоны беспрепятственно прибыли на станцию¹. Дальнейшее отступление было приостановлено до выяснения всей обстановки. А пока «армия» стала окапываться и строить заграждения. Сохранился приказ от 10 мая, в котором подробно расписана дислокация отрядов².

Между прочим, защитники Шипова схватили «как предателя» коменданта штаба Баранова и пытались учинить ему самосуд. Но вмешался Загуменный: Баранова заключили в арестантский вагон³.

Утром 10 мая в Шипово прилетел аэроплан с донесением начальника связи М. Усанова об отступлении гарнизонов Семиглавого Мара и Озинок до станции Алтата. В Алтату срочно вылетел начальник штаба «армии» Б.Г. Молдавский. По прибытии, выяснив обстоятельства отхода, он арестовал О.М. Шевелёва и назначил командиром П.Ф. Баулина. Отряды получили приказ выступить на следующий день утром на Озинки и далее к Семиглавному Мару⁴.

Молдавский не знал, что помощь Озинкам уже не требовалась. 10 мая отряд С.Г. Курина ворвался на станцию и захватил всё военное имущество, которое красные не успели вывезти⁵. В том числе аэроплан «Фарсаль» № 444. По данным советской стороны он совершил вынужденную посадку из-за поломки мотора и его экипаж, состоявший из лётчика К. Смирнова и наблюдателя И. Волкова, спасся бегством⁶. Попутно казаки не преминули повредить на протяжении 20 верст железнодорожный путь и срезать телеграфные провода⁷.

В назначенный час 11 мая красные отряды в Алтате выступить в поход отказались и собрались на митинг. Его постановление гласило: «Шевелёва освободить, а Молдавского и Усанова арестовать и расстрелять за арест их командира»⁸. Столь радикальное решение подчёркивало партизанскую сущность сельских красных формирований, готовых идти исключительно за своими командирами-атаманами и достигать только коллективно намеченных целей. Понятно было, что поход не удался, а значит ожидания от него не оправдались. К тому же сельские бойцы, в основном бедняки и батраки, подсознательно жалась к «родимым нивам», опасаясь казачьей мести и непрочности собственного положения среди односельчан после военных неудач с недругами Советской власти.

Против расстрела проголосовали хвалынцы. Их «нивы» за Волгой находились в большей безопасности, к тому же арестовали не их начальника. А вот репрессии за самосуд не исключались. Оказался противником расстрела и работник продовольственного отдела Саратовского Совета левый эсер М.И. Садаев. Во время митинга он, забравшись на штабель из шпал, стал угрожать толпу красногвардейцев не расстреливать арестованных, а отослать их в Саратов. Со слов одного из участников того митинга, хвалынцы поддержали Садаева, причём сделали это демонстративно, перезарядив винтовки и направив их на мятежную толпу⁹. По телеграфу на разговор с митингующими вышел председатель саратовского губисполкома В.П. Антонов-Саратовский. Он решительно потребовал освобождения арестованных. Вечером их отпустили, а покаявшиеся бунтовщики явили полное желание опять наступать, но с условием – О.М. Шевелёва больше не арестовывать¹⁰.

¹ *Войтенко Г.А.* Указ. соч. С. 9.

² РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1177. Л. 9-10.

³ *Войтенко Г.А.* Указ. соч. С. 9.

⁴ *Молдавский Б.Г.* Указ. соч. С. 53-54.

⁵ Яицкая Воля. 1918. 29 апреля / 12 мая.

⁶ РГВА, Ф.110, Оп.7, Д.36, Л.44 (ссылка любезно предоставлена М. Хайрулиным).

⁷ Яицкая Воля. 1918. 29 апреля / 12 мая.

⁸ *Молдавский Б.Г.* Указ. соч. С. 54.

⁹ *Водолагина Н.* В годы Гражданской войны // Знамя труда (пос. Дергачи, Саратовская обл.). 1987. 1 сентября.

¹⁰ *Молдавский Б.Г.* Указ. соч. С. 54.

12–13 мая эта группа войск последовательно заняла станции Демьяс и Чалыклу. Но было уже поздно: так и не дождавшись помощи, основная группа уже выступила из Шипово.

Существует любопытный документ, визуально показывающий расположение красных частей при отступлении и подписанный начальником оперативной части бывшим полковником П.В. Ржевским¹. Выражаясь военным языком того времени, боевой порядок представлял собой батальонный развёрнутый строй поротно в три линии уступом. Из четырёх отрядов получался квадрат (каре) с прямыми углами в начале и конце строя и на флангах. Новоузенский отряд и Николаевский Демидкина шли на левом фланге, причём впереди разместились новоузенцы. На правом фланге разместились Саратовский отряд и Николаевский отряд Чапаева. В середине каждого фланга выступом фланкировала кавалерия. В центре, по железной дороге двигались последовательно рабочий поезд со шпалами и рельсами, затем – артиллерийский парк (эшелон со снарядами), поезд снабжения, штабной состав и, наконец, замыкал цепочку бронепоезд, шедший в авангарде всей колонны красных частей. Такой порядок сохранялся до Озинок, где 13 мая все отряды Красной Армии Саратовского Совета, наконец то, объединились. Первый поход на Уральск закончился полным провалом. Набранные сельские красногвардейские отряды вскоре разбежались. Заканчивался и период добровольчества, а вместе с ним и тактика «эшелонной войны».

---

¹ РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1176. Л. 12.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ 1917–1922 гг.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914-1922 гг.)».

Вопросы материального и социального обеспечения командных кадров противоборствующих сторон в условиях голода, разрухи и ожесточенной Гражданской войны играли немалую роль и могли влиять на жизненные обстоятельства того или иного офицера. Вместе с тем, материальный достаток в такой обстановке представляется категорией довольно условной, поскольку порой за обесценившиеся деньги ничего нельзя было купить, а распространялся натуральный обмен.

К сожалению, существующие на сегодня подходы к изучению этого вопроса трудно признать удовлетворительными. Так, советский военный историк А.Г. Кавтарадзе, проанализировав 71 послужной список генералов и офицеров, входивших в руководство Добровольческой армии, установил, что у подавляющего большинства из них не было недвижимого имущества, а из потомственных дворян происходил только 21% офицеров¹. Из этого делался важный в идеологическом отношении для конца 1980-х гг. вывод, что руководители контрреволюции не были помещиками и капиталистами.

Действительно, белое командование, в основном, представляло категорию людей, посвятивших свою жизнь военной службе, самостоятельно прошедших весь путь от младших офицерских чинов и, как правило, живших только на жалованье и не обеспеченных материально. Однако массовый анализ послужных списков офицеров русской армии показывает, что на самом деле отсутствие указания на недвижимое имущество может ни о чем не говорить, т.к. это была лишь стандартная и широко распространенная формулировка, а реальное имущественное положение офицеров учитывалось далеко не всегда. Многие офицеры, не обладавшие таким имуществом, отнюдь не являлись выходцами из низов или людьми несостоятельными. Например, подобная запись присутствует и в послужном списке барона П.Н. Врангеля, принадлежавшего к богатому аристократическому роду. При этом у Врангеля было имение в Минской губернии, а у его супруги – в Крыму. Если же следовать букве послужного списка, знаменитый «черный барон» может считаться безземельным. Аналогичная ситуация и с активно участвовавшим в политической деятельности генштабистом Б.А. Энгельгардтом, в послужном списке которого также значится, что недвижимого имущества он не имел, тогда как на самом деле Энгельгардт вместе с братьями владел имением Буда в Могилевской губернии.

Явным искажением исторической правды являются попытки отдельных недобросовестных авторов свести все мотивы участия офицеров в Гражданской войне исключительно к материальным и корыстным и подтасовывать факты под такую теорию. Подобный ущербный подход нельзя расценить иначе, как

¹ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 36–37, 227–230.

откровенно русофобскую фальсификацию нашего прошлого и намеренное очернительство русского офицерства¹.

Попробуем непредвзято разобраться в роли материального и бытового факторов жизни и службы генштабистов эпохи Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Источниковая база по данному вопросу весьма представительна, поскольку финансовые документы по вполне понятным причинам традиционно сохраняются лучше многих других.

Каково было материальное положение офицеров Генерального штаба до 1917 г.? Генштабисты являлись элитой старой армии, однако их материальное положение варьировалось в зависимости от званий и должностей. Так, годовое жалованье генералов на 1 июня 1907 г. составляло 2100 руб., генерал-лейтенантов – 1800 руб., генерал-майоров – 1500 руб., полковников – 1200 руб., подполковников – 1080 руб., капитанов – 900 руб., штабс-капитанов – 780 руб.² Даже годовое жалованье штабс-капитанов примерно вдвое превышало годовой оклад учителей начальных школ. Помимо этого офицерам полагались дополнительные выплаты и пособия, прежде всего, столовые и квартирные. Практиковались и иные выплаты. Так, на обзаведение лошадью со всей сбруей в конце XIX – начале XX в. выдавалось 300 руб. Некоторые офицеры получали средства на прислугу в размере 10 руб. в месяц³.

Что могли позволить себе генштабисты на получаемые выплаты? Думается, очень многое. Питаться месяц, ни в чем себе не отказывая, можно было в пределах 55–60 руб. (завтрак в 1912 г. мог стоить 50 коп.)⁴. Снять комнату можно было за 25 руб. Пуд пшеничной муки стоил 2,5 руб., мешок картофеля 1 руб., фунт мяса 10–12 коп., бутылка водки 30 коп., бутылка коньяка 1,5 руб., пара ботинок 5–8 руб., пара яловых сапог 7 руб. Зарплата квалифицированного рабочего составляла в среднем 90 руб. (средний заработок – 32 руб.⁵), служащего – 85,5 руб. В войну цены несколько изменились. Дюжина лезвий для бритвы «Жилетт» стоила в 1915 г. около 2 руб. Пара простых сапог в 1916-м – 5 руб., шапка – 1 руб. 40 коп.

Лучше всего были материально обеспечены генштабисты, находившиеся в зарубежных командировках. Так, например, находившийся в заграничной командировке генерал Я.Г. Жилинский на май 1916 г. получал 2100 руб. годового жалованья, 3500 руб. столовых, 6040 руб. прибавочных, 360 руб. разъездных, 2330 руб. квартирных, а также по 500 руб. в месяц на представительство и суточные по 45 франков.⁶ Итого 20 330 руб. и по 45 франков в сутки. Жалованье военного агента во Франции в январе 1916 г. составляло 2250 руб. в год, 5250 руб. столовых, 1800 руб. квартирных, 1050 руб. на служебные расходы, 750 руб. на разъезды. Итого 11 100 руб.⁷

Командир корпуса в чине генерал-лейтенанта в 1917 г. получал 2472 руб. годового содержания, 5700 руб. столовых, 240 руб. на прислугу, 7300 руб. полевых порционных денег, 2400 руб. фуражных (учитывалось количество лоша-

¹ Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011. Одним из многочисленных проявлений оригинальных исследовательских способностей данного автора применительно к материальному обеспечению генштабистов является то, что он сопоставляет оклады военспецов, ссылаясь на «Толковый словарь русского языка» (Там же. С. 703), при этом сравнение окладов военспецов РККА и офицеров старой армии делается совершенно без понимания того, что речь идет о разных денежных единицах (Там же. С. 135). Наш критический разбор см.: Ганин А.В. О роли офицеров Генерального штаба в гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111; Он же. О книге В.В. Каминского «Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии» // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 11. М., 2012. С. 514–536.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1268. Л. 686об. Подробнее см.: Малинко В.И., Голосов В.П. Справочная книжка для офицеров. Ч. 1. М., 1902.

³ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 469. Л. 115.

⁴ Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. С. 141.

⁵ Дневник А.Е. Снесарева. 1918 г. Л. 872 (Архив семьи Снесаревых).

⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1351. Л. 29.

⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1353. Л. 9.

дей), 144 руб. на дрова для варки пищи. Итого 18 256 руб. Также выплачивалось 90 руб. на дрова для отопления и 20 руб. на освещение. Полный генерал получал жалованья на 468 руб. больше. Начальник штаба корпуса мог получать годовое жалованье в размере 2014 руб., 3000 руб. столовых, 240 руб. на прислугу, 3650 руб. полевых порционных, 900 руб. суточных дополнительно, 2280 руб. фуражных, 432 руб. на дрова. Итого 12 516 руб.¹

Начальник штаба ополченческого корпуса, генерал-майор Генштаба, на ноябрь 1917 г. мог получать 1500 руб. жалованья, 3000 руб. столовых и 1034 руб. квартирных². Начальник штаба пехотной дивизии, полковник Генштаба, в начале 1915 г. мог получать 1536 руб. жалованья, а всего 3718 руб. в год³. Работник ГУГШ в звании полковника Генштаба в начале 1917 г. получал 1000 руб. оклада и столько же столовых, а также 500 руб. квартирных. Всего 2500 руб. в год⁴. Кроме того, полковник Генштаба в 1917 г. мог получать 2700 руб. столовых⁵. Начальник Главного штаба А.П. Архангельский на январь 1918 г. получал 4000 руб. жалованья и 4000 руб. в год столовых⁶. Капитан Генштаба на должности и.д. штаб-офицера для поручений при штабе армии в октябре 1915 г. получал 1080 руб. жалованья в год, 600 руб. столовых и 360 руб. добавочных⁷. И.д. помощника начальника оперативного отделения штаба армии получал 948 руб. в год, 600 руб. столовых, 480 руб. добавочных, полевые порции по 4 руб. в сутки и фуражные деньги на 2 лошадей⁸. Младший штаб-офицер, окончивший академию до 1912 г. – 600 руб.⁹

Слушателям ускоренных курсов Военной академии старались сохранять более высокое содержание, если они получали таковое ранее, а по новой должности их оклад мог уменьшиться. Начальник штаба военного округа, полковник Генштаба, мог получать в 1917 г. 1200 руб. оклада, 3000 руб. столовых и 500 руб. квартирных¹⁰. В июне 1918 г. на Кавказском фронте, где еще сохранялся дореволюционный уклад службы, и.д. помощника начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего фронтом, подполковник Генштаба получал от 900 до 1080 руб.¹¹

Офицеры старой армии, привыкшие к регулярному получению жалованья и жившие на него, при демобилизации армии в начале 1918 г. в одночасье оказались в ситуации, когда выплата жалованья прекратилась. Ничего другого, кроме как управлять войсками, многие из них делать не умели. Необходимо было устраиваться на службу для того, чтобы как-то прокормить себя и близких. В таких условиях материальное обеспечение службы приобретало жизненно важное значение.

Генерал А. П. Будберг справедливо отметил в своем дневнике 13 декабря 1917 г.: «Сейчас голод даже с руки большевикам, ибо, оставаясь повелителями распределения наличных и притекающих запасов продовольствия, они владеют средством привлечения к себе единомышленников и вольных и невольных прислужников, несравненно более сильным, чем декреты, пропаганда, убеждения и т. п. “Хочешь быть с нами, дадим есть, а не хочешь – пеняй на себя”, – таков сейчас лозунг большевистской политики по отношению ко всему населению. А ведь ради прокормления семьи и просящих есть детей к большевистским ногам склонятся очень многие непреклонные при других обстоятельствах шеи»¹². 16 декабря Будберг записал: «Положение офицеров, лишен-

¹ Дневник А.Е. Снесарева. 1917 г. Л. 275 (Архив семьи Снесаревых).

² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 107. Л. 211об.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4747. Л. 20.

⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. П/с. П/с 145-351. Л. 12.

⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1265. Л. 106.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 482. Л. 45-45об.

⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. П/с. П/с 47-157. Л. 1об.

⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 27об.

⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1382. Л. 11.

¹⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. П/с. П/с 145-351. Л. 1об.

¹¹ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 469. Л. 163.

¹² Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. 12. Берлин, 1923. С. 261.

ных содержания, самое безвыходное, а для некоторых равносильное голодной смерти, так как все боятся давать офицерам какую-нибудь, даже самую черную работу»¹. В таком же положении оказались и семьи офицеров. Жены и вдовы офицеров в декабре 1917 г. осаждали советские учреждения в поисках справедливости². Из-за разрухи, развала транспортной системы, дезинтеграции страны цены на продукты в конце 1917 – начале 1918 г. резко возросли. В Крыму офицеру с семьей уже нельзя было прожить на 100 руб. в неделю³. Генерал А. П. Будберг в Петрограде пребывал в полуголодном состоянии, получая в конце 1917 г. четверть фунта хлеба в день. Выживать приходилось, потребляя мерзлый картофель, стоивший 30–40 руб. за пуд (цена постоянно росла). Купить его можно было, заняв очередь с 2–3 часов ночи на морозе⁴. Катастрофичность положения усугублялась разгулом криминала. С национализацией банков офицеры, хранившие там свои сбережения, потеряли их.

2 января 1918 г. был издан приказ наркомата по военным делам об окладах жалованья для военнослужащих. Были отменены гвардейские оклады. Продукты и обмундирование выдавались натурой, но за деньги. Семьи военнослужащих получали паек. Командир корпуса должен был получать теперь ежемесячно 700 руб., начальник дивизии 600 руб., командир полка и бригады 450–500 руб. (большая сумма означала боевой оклад). Преподаватели получали жалованье, исходя из числа штатных часов⁵. В январе 1918 г. в Советской России разрабатывались новые оклады генштабистов, планировалось повышение жалованья на 50%⁶. Однако эти проекты реализованы не были. Но бывшие офицеры Генштаба были признаны специалистами 21 января 1918 г. телеграммой начальника штаба Верховного главнокомандующего М.Д. Бонч-Бруевича № 225, причем им была установлена 35% надбавка содержания к основному окладу как принудительно задержанным на военной службе. Надбавку упразднили в апреле 1918 г.

Достаточно отдельных примеров тяжелого семейного и имущественного положения генштабистов, чтобы составить представление о ситуации по всей корпорации. Бывший член Военного Совета генерал от инфантерии П. А. Гейсман жаловался в июне 1918 г.: «Жить без жалования или пенсии в высшей степени трудно, если не сказать хуже»⁷. Поступивший на украинскую военную службу Генштаба полковник Н. Г. Загнеев, находившийся с 1914 г. в плену, не имел ни недвижимости, ни средств, но должен был содержать 80-летнюю мать и больную жену с парализованной с 1917 г. правой рукой⁸. Дабы свести концы с концами, Загнеев просил об устройстве на украинскую службу. Генштаба генерал-майор А. М. Заболотный приехал на Украину из голодной Москвы. Рассуждая о своем тяжелом материальном положении, офицер отмечал, что суточных в 25 руб. недостаточно для того, чтобы жить в Киеве, т.к. столько стоило лишь питание, а квартира требовала еще 10 руб. в сутки. Офицер некоторое время оставался безработным, а затем устроился на службу в гетманскую армию. Заболотный писал в июне 1918 г.: «Как это больно сознавать ужас нашего офицерского положения...»⁹. Ходатайствуя о поступлении на службу, он отмечал, что «работать на пользу родного для меня края как местного уроженца и украинца, для меня было

¹ Там же. С. 262.

² Там же. С. 263.

³ *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Ч. 1. М., 1992. С. 92.

⁴ *Будберг А.П.* Дневник // Архив русской революции. Т. 12. Берлин, 1923. С. 266.

⁵ *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.* М., 1942. С. 228–230.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 83.

⁷ РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 48. Л. 49об.

⁸ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Центральный державний архів вищих органів влади та управління України, ЦДАВОУ). Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 267–267об.

⁹ Там же. Л. 217об.

бы очень приятно, да в этом отношении я и работал еще на фронте и работал активно и продуктивно. К сожалению, это осталось не отмеченным и не поощренным»¹. Офицер резюмировал: «В настоящее время и при мизерном вознаграждении я положительно не в состоянии выполнять работу и жить в Киеве»².

В период отражения немецкого наступления с конца февраля по начало марта 1918 г. личный состав псковских отрядов получал по 10 руб. в сутки, выборные командиры отрядов до 100 штыков – по 12 руб., 100–250 штыков – 15 руб., 250–500 человек – 18 руб., 500–1000 человек – 20 руб., начальник отрядов и его помощник получали по 25 руб.³ Начальник отрядов И.Г. Пехливанов на конец марта получал 700 руб. жалованья, его помощник – 600 руб., кроме того, военспецы получали пособия на покупку седел.⁴

В целях привлечения генштабистов в новую армию разрабатывались различные проекты. В мае 1918 г. видный большевистский военный деятель Н.И. Подвойский предложил при губернских военных комиссариатах сформировать 15% резерв военспецов с оплатой 450–500 руб. в месяц⁵. В мае 1918 г. начальником оперативного отдела штаба западного участка отрядов завесы был разработан проект, предусматривавший привлечение военспецов на службу при помощи жалованья, бесплатного пайка, в том числе членам семьи и бесплатного жилья, т.к. «только материальные преимущества могут до некоторой степени компенсировать те неудобства и тягости службы в отрядах, которые и являются главным препятствием к добровольному замещению свободных вакансий Генштаба»⁶. На этот документ военрук ВВС М. Д. Бонч-Бруевич наложил резолюцию о необходимости зарегистрировать офицеров Генштаба и перейти к системе обязательного назначения зарегистрированных по их специальности. Именно в этом направлении и развивалась постановка учета кадров Генштаба в дальнейшем. «Привлечение на службу путем материальных выгод считаю крайне ненадежным способом комплектования», — справедливо отметил Бонч-Бруевич⁷.

Начальник штаба Северного участка и Петроградского района профессор Б. В. Геруа предлагал в апреле 1918 г.: «1) чинам Генерального штаба, вообще как специалистам, платить больше других в виде или назначения добавочного содержания за специальность в размере 50% установленных штатами окладов или изменения вообще нормы окладов; 2) при специальных командировках выдавать суточные не менее 40 рублей в сутки, ибо в настоящее время жить на два дома на жалованье невозможно и никто на командировку из опытных добровольцев не пойдет. Кроме того, для специальных командировок, как н[а]п[ример], в инженерные строительные партии, установить выдачу подъемных в размере 800 руб. для покупки болотных сапог, непромокаемой одежды и т.д.

Указанные меры, являясь материальным интересом, могут привлечь настоящих технически подготовленных работников»⁸.

В Советской России настойчиво проводился в жизнь принцип – кто не работает, тот не ест. Условием получения пайка бывшими офицерами становилось поступление на ту или иную службу. Некоторые современники отмечали значимость вопроса о жалованье в мотивации военспецов-генштабистов. Об этом писал, например, белый разведчик А. А. Борман, по свидетельству которого «офицеры Генерального штаба старались выслужиться в погоне за прибавками»⁹. Однако абсолютизировать эти оценки не стоит.

¹ Там же. Л. 217.

² Там же. Л. 216об.

³ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

⁴ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 55об.

⁷ Там же. Л. 55.

⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 45–45об.

⁹ Борман А.А. Москва – 1918 (из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое (Ленинград). 1991. № 1. С. 140.

В мае 1918 г. в одной из разведсводок Добровольческой армии сообщалось, что «в Москве существует Генеральный штаб, в котором работают «бывшие офицеры Генерального штаба». В погоне за офицерами большевики не жалеют денег на большие оклады»¹. Разумеется, белым было проще объяснить факт поступления на службу большевикам сотен генштабистов материальной заинтересованностью, нежели иными причинами, в т. ч. идейными.

Помимо жалования генштабисты могли рассчитывать на материальную помощь однокашников. Так, 7 мая 1918 г. на заседании членов комитета выпуска 1917 г. было постановлено выдать ссуду бывшему Генштаба капитану Б.Н. Скворцову в размере 350 руб. с условием обязательного ежемесячного погашения по 50 руб.² На 15 июня 1918 г. в капитале взаимопомощи выпуска числилось 413 руб. 92 коп.

В апреле 1918 г. в ГУГШ были установлены следующие оклады:

Таблица 1

Оклады служащих ГУГШ – военных специалистов РККА, апрель 1918 г.³

Должность	Оклад (руб.)
Помощник начальника отдела	840
Начальник отделения	800
Старший делопроизводитель	700
Младший делопроизводитель	600

На местах оклады были намного ниже. В связи с созданием военных округов 20 апреля 1918 г. Троцкий утвердил следующий штат военно-окружного штаба:

Таблица 2

Должности Генштаба по штатам военно-окружного штаба. 20 апреля 1918 г.⁴

Должность (принадлежность к Генштабу – ГШ)	Оклад (руб.)
Начальник штаба (ГШ)	900
Для поручений (2, могут быть ГШ)	700
Начальник административного управления (может быть ГШ)	800
Заведующий отделом формирования и устройства войск (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель отдела формирования и устройства войск (2, один может быть ГШ)	550
Заведующий отделом подготовки войск (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель отдела подготовки войск (2, один может быть ГШ)	550
Заведующий отделом службы войск (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель отдела службы войск (2, один может быть ГШ)	550
Начальник мобилизационного управления (может быть ГШ)	800
Заведующий статистическим отделом (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель статистического отдела (3, один может быть ГШ)	550
Заведующий мобилизационным отделом (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель мобилизационного отдела (3, один может быть ГШ)	550
Заведующий оперативным отделом (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель оперативного отдела (2, один может быть ГШ)	550
Заведующий разведывательным отделом (ГШ)	700
Делопроизводитель разведывательного отдела (3, один может быть ГШ)	550

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 607. Л. 55.

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 54, 98об.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 12.

⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 39-39об.

Подобные оклады сохранялись и летом 1918 г.¹ Делопроизводители в дальнейшем стали начальниками отделений².

4 июня 1918 г. Э.М. Склянским были утверждены новые оклады служащих Всероглавштаба (преемника ГУГШ):

Таблица 3

Оклады военспецов-работников Всероглавштаба. 4 июня 1918 г.³

Должность	Оклад (руб.)
Начальник Всероглавштаба	1000
Товарищ начальника, начальники отделов, генерал-квартирмейстер	900
Помощники начальников отделов, обер-квартирмейстеры	800
Начальники отделений, делопроизводители	700
Помощники начальников отделений, помощники делопроизводителей старшего оклада	600

По данным на июль 1918 г. начальники управлений Всероглавштаба получали по 1000 руб., начальники отделов – по 900 руб., их помощники – по 800 руб., начальники отделений – по 700 руб.⁴ Начальник корпуса военных топографов А. И. Аузан получал 1000 руб., начальники отделов – 900 руб., начальники частей – 800 руб.⁵ Н. М. Потапов как управляющий делами наркомата по военным делам получал 1000 руб., состоявший при нем для поручений А. А. Балтийский получал 800 руб., прикомандированный к Троцкому генштабист В. И. Самуйлов получал 800 руб.⁶ Таким образом, оклад в 1000 руб. в это время являлся одним из наиболее высоких в РККА. Столько же получали инспектора формирований. Военный консультант оперативного отдела наркомата по военным делам получал 800 руб.

В 1918 г. политические комиссары в военных округах получали по 700 руб.⁷ В штабе Орловского военного округа на 1 августа 1918 г. у делопроизводителей отделов существовали оклады в 550 руб. Начальник штаба округа получал 900 руб., начальник административного управления – 800 руб., начальники отделов – по 700 руб.⁸

Несколько особняком стояла бывшая Николаевская военная академия. Оказавшиеся в РККА по инерции как слушатели академии молодые выпускники ускоренных курсов академии Генштаба 2-й очереди весной 1918 г. получили младшие должности в Красной армии с окладом в 500 руб., к этому могло добавляться 35% надбавки и выплачивалось пособие на 2 или 3 месяца. Кроме того, они получали лошадь натурой и деньги на покупку седла по существующим ценам (500 руб.), а также паек по интендантским ценам⁹. Думается, такое обеспечение было весьма серьезным подспорьем для молодежи. Низший оклад в это время составлял 10-12 руб. в сутки¹⁰. 500 руб. получали лица для поручений, 400 руб. – начальники отделений, 350 руб. – их помощники.

В начале 1918 г. 9/10 слушателей академии получали по 400 руб. боевого оклада, а остальные – от 300 до 600 руб.¹¹ Слушатели получали и «керенские

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 152, 163; Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 268.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 41, 44, 55.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 201.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 282, 285, 336.

⁵ Там же. Л. 325.

⁶ Там же. Л. 342.

⁷ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 463. Л. 3.

⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 309.

⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 15об.

¹⁰ Там же. Л. 23.

¹¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 1.

прибавки» – единовременные пособия на дороговизну в 200-300 руб. и ежемесячно 75–100 руб. Таким образом, в месяц получали от 450 до 700 руб.¹

С 1 апреля 1918 г. по прибытии академии из Петрограда в Екатеринбург оклады были уменьшены с 400 до 350 руб. (поскольку боевые действия считались оконченными, прекратилась выплата боевых окладов). В связи с эвакуацией выплачивались подъемные 200 руб. 3 мая 1918 г. приказом наркомата по военным делам № 316 установлен единый оклад в 550 руб.² Жильем, одеждой и продовольствием слушатели обеспечивали себя самостоятельно.

18 апреля 1918 г. один из слушателей писал председателю комитета слушателей: «В настоящее время просуществовать на такое содержание не представляется возможным. Если жалование рядового красноармейца, состоящего на полном иждивении, увеличено с 50 до 150 руб., а ставки лиц должностных – не специалистов увеличены до 500-800 р., полагаю необходимым просить возбудить ходатайство об установлении... одинакового оклада для всех слушателей, как военных специалистов, в размере ежемесячного оклада в 450 р. для холостых и 550 р. для женатых, на каждого нетрудоспособного члена семьи сверх указанных ставок по 50 р.»³

В обстановке неразберихи, характерной для начала 1918 г., жалованье однако получали не все. Так, выпускник курсов Г. И. Теодори отмечал 6 апреля 1918 г., что «прикомандированные к вверенному мне отделу причисленные к Генеральному штабу специалисты постоянно выполняют различные специальные работы, командировки и другие поручения, связанные с денежными расходами.

С 14 марта они не получали и не получают от штаба никакого денежного содержания, что ставит их всех в крайне тяжелое материальное положение: некоторым уже отказывают от квартир за невзнос платы, некоторые начинают голодать, а причисленный к Генеральному штабу А.Д. Лютов в течение нескольких дней уже голодает. Послать кого-либо в командировку или дать другое поручение нельзя, ибо у командирюемого нет денег.

Как лицо, коему вверена судьба прикомандированных, полагаю безусловно необходимым немедленно удовлетворить всех их жалованьем, хотя бы по минимальному расчету – 400 рублей в месяц, как значится в имеющихся на руках аттестатах, выданных Николаевской военной академией»⁴.

В дальнейшем размеры жалованья возрастали. Немалую роль в этом сыграл лидер выпуска курсов 2-й очереди Г. И. Теодори. Так, например, он добился того, что прикомандированные к штабам с 14 марта 1918 г. получали по 400 руб. в месяц и 20 руб. суточных⁵.

К концу апреля 1918 г. оклады курсовиков составляли от 626 руб. 67 коп. у прикомандированных к штабам до 1800 руб. Оклады эти считались достаточно хорошими. По штатам, утвержденным Высшим военным советом, ставки должны были составить 550–750 руб. на курсовика⁶. Тем не менее, не всех привлекало даже высокое материальное обеспечение. Так, курсовик Ю. И. Григорьев получил 1200 руб. подъемных, обмундирование и 600 руб. жалованья за март 1918 г., но все равно пожелал уйти со службы по болезни в связи с ранением⁷.

Слушателей нового набора академии большевистские вожди планировали снабдить жалованьем в размере 550 руб. в месяц, тогда как жилье, одежду и продовольствие слушатели обеспечивали самостоятельно⁸. Военком академии с мая 1918 г. получал 500 руб. в месяц⁹, т.е. меньше слушателей. В мае 1918 г.

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 92. Л. 111.

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 1.

³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 92. Л. 111об.-113.

⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 109об.

⁶ Там же. Л. 37об.

⁷ Там же. Л. 39, 41.

⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1об.

⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 200.

Уральский областной военкомат планировал выплачивать слушателям по 150 руб. за организационную работу¹.

При этом курсовики несли определенные корпоративные расходы. Например, платили взносы в капитал взаимопомощи офицеров Генштаба и на содержание причта Суворовской церкви при академии Генштаба. Ежегодный взнос в капитал составлял 6 руб., взнос на причт Суворовской церкви – 9 руб. Внесение 100 руб. единовременно давало пожизненное членство в капитале с отменой обязательных ежегодных взносов².

В марте 1918 г. за руководство практическими занятиями по тактике платили 3-6 руб., по военной администрации – 2 руб.³ В апреле-мае 1918 г. профессора академии получали по 600 руб., начальник академии – 700 руб., правитель дел, заведующие обучающимися – 450 руб., казначей академии – 350 руб., дворник – 275 руб.⁴ Оклад начальника академии по проекту, датированному 30 апреля 1918 г., намечался в 900 руб.⁵, на июнь 1918 г. он составил 1000 руб. и был приравнен к окладу по должности начальника управления⁶. Правитель дел получал 800 руб., его помощник – 700, ординарный профессор – 900, штатный преподаватель – 700, сторож – 150 руб.⁷ За производство экзаменов в мае 1918 г. выплачивались дополнительные деньги – 50 руб. за экзамен⁸. Профессора за лекции получали по 25 руб., практические занятия оплачивались выше (в июле 1918 г. – 30-45 руб.).

Штат военрука района (отряда) завесы был утвержден Высшим военным советом 28 марта 1918 г. Тогда военрук получал 700 руб., а боевой оклад – 800, помощник военрука – 700 руб. в любое время, начальник штаба – 600 руб., генштабисты для особых поручений – 500-550 руб., начальники отделений – 500 и 550 руб. (боевой оклад)⁹. По мнению консультанта оперативного отдела наркомата по военным делам, изложенному в секретном докладе о состоянии Воронежского района от 21 июня 1918 г., в завесе «обращает внимание полное отсутствие в штабах участков специалистов генерального Штаба, что весьма вредно отражается на элементарной работе штабов»¹⁰. Текст был подчеркнут членом Высшего военного совета К.А. Мехоношиным, который на полях документа набросал: «Мизерные оклады и грубость и подозрительность отд[ельных] лиц мешает набору»¹¹.

Служивший в Петроградском районе П.Н. Буров писал 10 июля 1918 г. начальнику управления по командному составу Всероссийского главного штаба А.П. Архангельскому о своем тяжелом материальном положении: «Вот уже три месяца как я состою на службе в Петроградском районе.

Вывеску меняю еженедельно, а толку до сих пор нет. Нервы треплются без пользы и для себя, и для дела. А главное – нахожусь под непосредственной угрозой голодной смерти. За себя еще не боюсь, но за семью стало положительно страшно.

Если Вы можете мне оказать помощь перебраться на какую-нибудь должность в районе Ярославля – не откажите оказать содействие. С Ливенцовым у меня были хорошие отношения. Если он там еще и у него имеются какие-либо места, думаю – затруднений не будет.

В настоящее время я именуюсь инспектором 1^й инспекции формирования. Но дивизии постепенно отходили от меня, и сейчас пытаются что-то сделать для меня искусственно.

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 77.

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 117об.

³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 88. Л. 4-4об.

⁴ Там же. Л. 15об., 16об., 19об., 20об., 24об., 51об.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 171.

⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 4-5.

⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 89. Л. 2об.

⁹ РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 83. Л. 149.

¹⁰ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 29. Л. 2об.

¹¹ Там же.

Вообще же создавшаяся здесь обстановка стала невыносимо тягостна. Знаю, что и в других местах, вероятно, не лучше, но все же всемерно из Петрограда хочу выехать»¹.

Декретом СНК от 27 июня 1918 г. «Об оплате труда служащих и рабочих советских учреждений» устанавливались новые нормы оплаты труда. Все советские работники были разделены на четыре группы, внутри каждой из которых делились на категории. К первой группе относились наркомы, руководители учреждений и их самостоятельных подразделений (отделов, отделений, секций), помощники руководителей подразделений, ответственные работники со специальными знаниями, делопроизводители 1-го разряда со знанием иностранных языков, заведующие канцеляриями и т.д. Ко второй группе – служащие со специальными знаниями и опытом, работавшие под руководством ответственных лиц, делопроизводители, преподаватели средних учебных заведений. К третьей группе относились профессиональные рабочие и служащие без специальных знаний. К четвертой группе – начинающие и низовые работники. Очевидно, генштабисты относились к первым двум группам (прежде всего, к первой). Оклад наркомов, заведующих общероссийскими учреждениями, управляющих делами комиссариатов составлял по декрету 800 руб. (1 категория 1 группы), ответственные работники со специальными знаниями, т.е. основная масса генштабистов (2 категория 1 группы), получали 750 руб. От категории к категории оклады уменьшались на 50 руб.

Во второй группе максимальным окладом было 650 руб. Суточные деньги по декрету составляли месячный оклад, деленный на 30, но не менее 20 и не более 40 руб. в сутки. Сверхурочная работа в ночное время и праздники оплачивалась в двойном размере².

Оклады специалистов могли быть увеличены до 1200 руб. в месяц³. Для сравнения наименьший оклад инженера-специалиста в наркомате путей сообщения составлял 1200 руб., а техника – не менее 800 руб. Рабочие в среднем получали на сентябрь 1918 г. 325–350 руб. в месяц, а председатель СНК В.И. Ленин за 1918 г. получал по должности в среднем по 807 руб. в месяц (как и полагалось по декрету от 27 июня 1918 г.)⁴. Несмотря на десятикратный рост суммы, покупательная способность зарплаты рабочих снизилась в сравнении с 1914 г.

Согласно справке отделения по службе Генштаба Всероглавштаба, датированной 15 июля 1918 г., «в настоящее время вопрос о замещении вакантных должностей Генерального штаба принимает очень острое положение, в особенности, в больших городах, где материальные условия жизни чрезвычайно тяжелы.

Обстоятельствами, затрудняющими для большинства лиц Генерального штаба, поступление их вновь на службу, являются, по заявлению большинства 1) маленькие оклады содержания, на которые семейные не могут существовать и 2) неудовлетворительная постановка продовольственного и квартирного вопросов»⁵. Предлагалось в виду роста дороговизны увеличить прибавку к окладам до 50% существующих окладов.

Главный редактор журнала «Военное дело» в составленном проекте штата в мае 1918 г. указал желаемый оклад в 900 руб.⁶ «Лица Генерального штаба», зачислявшиеся в распоряжение начальника Всероглавштаба, получали месячный оклад в 700 руб.⁷ В августе 1919 г. на междуведомственном совещании при Военно-законодательном совете обсуждалось повышение их окладов до 2000 руб. и сохранение прежнего жалованья зачисляемым с фронтовых должностей⁸.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 107. Л. 67-67об.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. М., 1942. С. 644-648.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 37.

⁴ Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России. С. 173.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 37.

⁶ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 25. Л. 9.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 90. Л. 4.

⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1001. Л. 1.

Оклады постепенно возрастали. Военрук участка получал 1000 руб. (К.К. Баиов как военрук Московского района получал 1500 руб.¹), помощник военрука, начальник штаба – 900 руб., начальники отделов – по 800 руб., начальники отделений – по 700 руб., консультанты при штабах озерно-речных флотилий – по 800 руб., начальники дивизий – по 900 руб., начальники штабов дивизий – по 800 руб., командиры бригад – по 800 руб., начальники штабов бригад – 600 руб., помощники начальников штабов дивизий по оперативной части – по 550–600 руб., заведующие оперативной частью неотдельных бригад – по 600 руб.² Такие же оклады сохранялись и летом 1918 г.³ Инспектор формирований получал 1000 руб., состоявшие для поручений при нем – 700 руб.⁴ К осени 1918 г. 700-рублевый оклад стал минимальным для оплаты труда специалистов Генштаба на низших должностях⁵. Находившийся в распоряжении военрука Северного участка отрядов завесы в сентябре 1918 г. Ф.В. Костяев должен был получить 1200 руб. С конца сентября как начальник штаба Северного фронта он получал уже 2500 руб., а с 22 октября как начальник Полевого штаба РВСР – 3500 руб.⁶ Таким образом, за месяц жалование военспеца выросло втрое. Вдвое выросло жалование генштабиста А.К. Малышева, получавшего как начальник штаба войск Петрограда до конца сентября 1918 г. 800 руб., а затем как начальник разведывательного отдела штаба Северного фронта и для поручений при начальнике Полевого штаба РВСР 1700 руб.

Оклады часто менялись. Так, только в Высшем военном совете летом 1918 г. они изменились трижды в течение одного месяца:

Таблица 4

Изменение должностных окладов военспецов – ответственных сотрудников Высшего военного совета («лиц Генштаба») в 1918 г.⁷

Должность	Оклад (руб.)		
	До 27.06.1918	По приказам Наркомвоен № 679 и 866 и декрету от 27.06.1918	По докладом от 07.07 и 22.07.1918, утвержденным 10.07 и 23.07.1918
Военный руководитель	1000	1200	2000
Помощник военрука	1000	1200	1000
Начальник штаба	1000	1200	1500
Начальник оперативного управления	1000	1200	1000
Начальник военных сообщений	1000	1200	1000
Начальник организационного управления	900	1100	1000
Помощник начальника оперативного управления по оперативной части	800	950	900
Помощник начальника оперативного управления по разведывательной части	800	950	900

Судя по всему, повышение окладов продолжалось и далее. Помощник начальника оперативного управления штаба Высшего военного совета Б.М. Ша-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 436.

² Там же. Л. 272-274.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 324.

⁴ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 20. Л. 16.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 202; Ф. 1. Оп. 4. Д. 30. Л. 2; Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 150.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 75.

⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.; Д. 4. Л. 16-16об.

пошников, по данным на начало сентября 1918 г., получал 1360 руб. С 7 сентября по должности начальника разведывательного отдела оперативного управления штаба РВСР он стал получать 1700 руб.¹

По штату штаба РВСР, утвержденному главкомом И.И. Вацетисом 7 сентября 1918 г., были установлены следующие оклады:

Таблица 5

Оклады «лиц Генштаба» – работников штаба РВСР по штату 7 сентября 1918 г.²

Должность	Оклад (руб.)
Главком	5000
Начальник штаба	3000
Для поручений при начальнике штаба	1700
По части снабжений при начальнике штаба	2000
Начальник оперативного управления	2000
Помощник начальника оперативного управления	1700
Начальник общего отделения	1700
Помощники начальника общего отделения (2, могут быть Генштаба)	1500
Начальник оперативного отдела	1700
Помощники начальника оперативного отдела (3)	1500
Начальник разведывательного отдела	1700
Начальник разведывательного отделения	1700
Помощник начальника разведывательного отделения	1500

В сентябре 1918 г. в штабе РВСР начальники отделов и отделений (Б.М. Шапошников, Ф.Л. Григорьев, М.Н. Земцов) получали жалование в размере 1700 руб.³ Инспектор снабжений Н.А. Сулейман получал 2000 руб.⁴ Оклады инспекторов оставались на этом же уровне, по меньшей мере, до конца года. Комиссары при инспекторах могли получать 1600 руб., т.е. меньше военспецов⁵. В процессе формирования советской Ставки – Полевого штаба РВСР были установлены следующие оклады:

Таблица 6

Оклады работников Полевого штаба РВСР⁶

Должность	Оклад (руб.) в конце 1918–1919 г.
Начальник Полевого штаба	3500
Военный комиссар	2800
Для поручений при начальнике Полевого штаба	2000 (на июль 1919 г. – 3000 руб.)
Для поручений при помощнике начальника Полевого штаба	1700
Начальник оперативного отделения	1700
Помощники начальника оперативного отделения	1700
Начальник общего отделения	1800
Начальник разведывательного отделения	1800
Начальник Регистрационного управления	2000

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 253.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 181-181об.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 13об.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 270об.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 173об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 72, 73, 76-76об.; Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 117. Впрочем, в документах встречаются и более низкие оклады у тех же работников.

Должность	Оклад (руб.) в конце 1918–1919 г.
Консультант управления	2000
Начальник агентурного отдела	2000
Начальник агентурного отделения	1800

20 сентября 1918 г. был издан приказ РВСР, содержащий данные о новых окладах. Согласно приказу командующий армией получал 2500 руб., член РВС армии 1700 руб., начальник штаба армии 2000 руб., его помощник, а также начальник снабжений, начальник военных сообщений, интендант армии – 1700 руб., заведующие отделениями армейских штабов – 1500 руб., их помощники – 1300 руб., делопроизводители – 900 руб. Командиры полков – 1500 руб., командиры батальонов – 1200 руб., командиры эскадронов – 1000 руб., командиры отделений – 600 руб., красноармейцы – 300 руб.¹

Эти оклады намного превышали оклады ответственных гражданских работников и специалистов, установленные ВЦИК 22 сентября 1918 г. и утвержденные декретом СНК от 18 октября 1918 г. (максимальный оклад ответственных руководителей составлял 1000 руб., максимальный оклад служащего со специальными знаниями и опытом – 830 руб.). Но нельзя сказать, чтобы генштабисты особо выделялись по окладам среди специалистов. Сопоставим их оклады с жалованием военных моряков. К примеру, начальник Морского Генерального штаба летом 1918 г. получал 1500 руб., с конца сентября 1918 г. командир корабля 1-го ранга в среднем получал 1650 руб., к началу 1919 г. начальники главных управлений получали по 2700 руб.² Эти суммы вполне сопоставимы с тем, что получали генштабисты по аналогичным должностям в соответствующие периоды.

Находившийся в распоряжении начальника Всероглавштаба и ожидавший назначения на должность И.П. Сытин в сентябре 1918 г. получал 1000 руб. по должности, на которую предназначался (военрук Приволжского военного округа)³. Генштабисты, находившиеся в распоряжении начальников армейских штабов, могли в конце 1918 г. получать оклад в 1700 руб.⁴

Председатель Реввоен трибунала республики получал 2800 руб. в месяц⁵. Сотрудники комиссии по исследованию и использованию опыта войны на 1919 г. имели следующие оклады: председатель комиссии, ответственный редактор, сотрудники-составители – 2200–2700 руб., секретарь и военный картограф – 1800 руб., делопроизводитель – 1240 руб.⁶. Реальные выплаты могли быть ниже, например, при совместительстве, за которое могли удерживать 50% жалования⁷. Так, генштабисту Н.А. Сулейману была предложена должность военного картографа, но с окладом 1060 руб. как совместителю⁸.

Начальник штаба РВСР Н.И. Раттэль получал 3000 руб. в месяц, 9 октября 1918 г. он был назначен начальником Всероглавштаба, но приступил к исполнению обязанностей только 25 октября. Новый оклад Раттэля составил только 1480 руб., что вызвало недовольство военспеца. Тем более, что главком И. И. Вацетис и член РВСР К. Х. Данишевский пообещали ему на словах, что с

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 13-13об.

² Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России. С. 171, 173, 176.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 83-84.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 440.

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 111об.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 105об.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1000. Л. 158.

⁸ Там же. Л. 50. Впрочем, по временному штату комиссии на 10 декабря 1918 г. председатель, редакторы и сотрудники-составители получали 1000 руб., а в планах было повышение до 1480 руб., военный картограф получал 700 руб., а намечено было повышение до 1000 руб. (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1044. Л. 11). Эти оклады существовали еще с сентября 1918 г. по прежнему штату (Там же. Л. 33).

новым назначением материально Раттэль не пострадает¹. Новый оклад Раттэль испрашивал с 22 октября. Для сравнения предшественник Раттэля на этом посту А.А. Свечин получал 2000 руб. в месяц. В итоге Раттэль добился своего и стал получать 3000 руб. и по новой должности². Любопытно, что военный комиссар Всероглавштаба И.Л. Дзевялтовский имел на декабрь 1918 г. оклад в 1480 руб.³, получая, таким образом, вдвое меньше беспартийного военспеца Раттэля.

Понижение оклада грозило и С.А. Кузнецову. Как начальник оперативного управления Всероглавштаба он получал 1480 руб., однако в результате слияния в ноябре 1918 г. организационного и оперативного управлений Кузнецов стал начальником отдела с окладом 1360 руб. Н.И. Раттэль испрашивал разрешения заместителя председателя РВСР Э.М. Скланского на то, чтобы сохранить за Кузнецовым и другими терявшими часть жалованья военспецами прежние оклады с уплатой разницы из двухмиллионного фонда, находящегося в распоряжении Совета Всероглавштаба⁴. На это было получено добро. В декабре 1918 г. оклад начальника Центрального управления военных сообщений бывшего генерала М.М. Загю составлял 2500-2550 руб.⁵

«Лица Генерального штаба», командировавшиеся на фронт (из Москвы или через Москву), в 1918 г. из сумм, имевшихся в распоряжении начальника Всероссийского главного штаба (двухмиллионный кредит⁶), получали у заведующего финотделом наркомата по военным делам подъемное пособие в 2000 руб.⁷ С 3 декабря 1918 г. выплаты пособия по решению комиссара Всероглавштаба И.Л. Дзевялтовского прекратились⁸, согласно приказу РВСР от 26 декабря 1918 г. выдавалось лишь путевое довольствие⁹. С 30 октября 1918 г. члены комиссий по пересмотру и разработке уставов, занимавшие штатные должности, получали суточные деньги в размере 20 руб.¹⁰ Кроме того, при командировках на фронт практиковалась выдача в дорогу чая, сахара, хлеба и консервов за наличный расчет по установленной норме¹¹.

С 15 ноября 1918 г. начальник оперативного управления штаба фронта получал 2300 руб., начальник оперативного отделения – 1900 руб.¹² Начальник отдела штаба фронта на октябрь 1918 г. получал 2000 руб. в месяц¹³. При этом начальник отдела штаба округа в ноябре 1918 г. получал лишь 848 руб.¹⁴

В армейском звене оклады были следующими. Оклад командующего Западной армией А.Е. Снесарева на декабрь 1918 г. намечался в 3500 руб. (в октябре 1918 г. Снесарев как начальник Западного района обороны получал 1250 руб.¹⁵), члены РВС получали по 2000 руб., военспецы для поручений при командарме – по 1700 руб. (один – Генштаба, второй – мог быть Генштаба), начальник штаба армии получал 2500 руб., для поручений при нем (мог быть Генштаба) – 1500 руб., начальник оперативного управления – 2000 руб., для поручений при нем (один – Генштаба, второй – мог быть Генштаба) – 1500 руб., начальник оперативного отделения – 1700 руб., помощники (один – Генштаба, второй – мог быть Генштаба) – 1500 руб.¹⁶ Такие же оклады сохранялись и в начале 1919 г.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 135об.

² Там же. Л. 465.

³ Там же. Л. 461.

⁴ Там же. Л. 428.

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 472; Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 126об.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 164.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 49.

⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 179.

⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 55.

¹⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 97.

¹¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 483.

¹² РГВА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

¹³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 97.

¹⁴ РГВА. Ф. 10. Оп. 4. Д. 24. Л. 12.

¹⁵ Дневник А.Е. Снесарева. 1918 г. Л. 879 (Архив семьи Снесаревых).

¹⁶ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 35.

Начальник отделения штаба армии в декабре 1918 г. мог получать 1500 руб.¹ На апрель 1919 г. начальник оперативного отдела штаба армии получал 1700 руб., генштабист на должности для поручений в штабе армии – 1400 руб. Генштабист на должности для особых поручений в штабе фронта получал уже 2100 руб.² Таким образом, в материальном плане фронтовые штабы были более привлекательным местом службы.

Начальник штаба бригады мог получать в конце 1918 г. 1500 руб., командир бригады – 2000 руб.³ Заведующий командными курсами мог получать в 1919 г. 800 руб., военрук губвоенкомата 1060-1360 руб., а после повышения окладов – 1700 руб.⁴

25 ноября 1918 г. заместителем председателя РВСР Э.М. Склянским были утверждены новые оклады сотрудникам Всероглавштаба, по которым начальники военно-исторической части, разведывательной части, регистрационной службы получали 800 руб. в месяц, начальник Военно-ученого архива, московского архива, нижегородского архива расформированных частей, хранитель библиотеки получали 700 руб.⁵

Слушатели академии Генштаба РККА на июнь 1919 г. получали 1900 руб. в месяц⁶. Кроме того, они получали вещевое и провиантское довольствие наравне с ротными командирами действующей армии⁷. А.А. Свечин как штатный преподаватель академии получал в начале 1919 г. 2100 руб.⁸ Намного ниже были оклады в Высшей советской школе штабной службы, где заведующий слушателями в 1919 г. получал только 800 руб.⁹

В мае 1919 г. оклады персонала академии Генштаба РККА были повышены. Начальник академии, военком и политком получали 3000 руб., специальные лекторы (ординарные профессора) – по 2800 руб., постоянные преподаватели (экстраординарные профессора) – по 2400 руб., машинист – 920 руб., дворник – 720 руб. (низший оклад)¹⁰.

Неплохие оклады имели военспецы, служившие в Высшей военной инспекции. По штату инспекции на декабрь 1918 г. оклады были следующими:

Таблица 7

Оклады работников Высшей военной инспекции. Декабрь 1918 г.¹¹

Должность (относится ли к Генштабу – ГШ)	Оклад (руб.)
Военрук военного отдела (ГШ)	3500
Помощник военрука военного отдела (ГШ)	3000
Для поручений при нем (ГШ)	1500
Заведующий особым делопроизводством (ГШ)	2500
Старшие помощники заведующего особым делопроизводством (5, в т.ч. 3 ГШ)	2300
Младшие помощники заведующего особым делопроизводством (10, в т.ч. 4 ГШ)	2000
Инспекторы (5, могут быть ГШ, в т.ч. инспектор снабжения – ГШ, инспектор по мобилизации и всеобщему обучению – ГШ, инспектор военных сообщений – ГШ)	2500

¹ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 5.

² РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 94.

³ РГВА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 109. Л. 30.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 208.

⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 58. Л. 47.

⁷ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 170об.

⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 144.

⁹ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 38.

¹⁰ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 149. Л. 215-217.

¹¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 387об.-388.

Должность (относится ли к Генштабу – ГШ)	Оклад (руб.)
Заместитель инспектора по мобилизации и всеобщему обучению (ГШ)	2000
Заместитель инспектора военных сообщений (ГШ)	2000
Младшие инспекторы (8, в т.ч. 2 ГШ)	2000
Младшие инструкторы (8, в т.ч. 1 ГШ)	2000
Переписчик	900
Литограф	650

В апреле 1919 г. инспектор пехоты Высшей военной инспекции получал уже 2700 руб.¹ Примерно в это же время председатель местного ревкома мог получать 2000 руб.², продкомиссар уезда – 800 руб., а рабочий в Самаре в январе 1919 г. в среднем получал 394-548 руб. в зависимости от отрасли³. Подобное соотношение ставит резонный вопрос о том, была ли Советская Россия пролетарской диктатурой, коль скоро буржуазные специалисты получали при большевиках в 3-7 раз больше пролетариев и в 2–4 раза больше большевиков. Уже в феврале 1919 г. власть увеличила заработную плату гражданских служащих.

Члены военно-законодательного совета в начале 1919 г. имели оклад в 2700 руб. (для сравнения весной 1918 г. делопроизводитель совета получал 700 руб.⁴), чуть ниже, 2600 руб., был оклад членов высшей аттестационной комиссии, столько же получал помощник военного руководителя округа, генштабисты из управлений Всероглавштаба могли получать 2400 руб., начальник Военно-ученого архива Д.К. Лебедев получал 1800 руб.⁵ К осени 1919 г. как редактор журнала «Военное дело» он получал 2800 руб.⁶

Недостаточным считалось вознаграждение военных специалистов, трудившихся в военно-исторической комиссии. Их жалованье определялось предельным размером оклада в 3000 руб., выше которого они не могли получать жалованья. Для таких видных военных деятелей, как В.Н. Клембовский и Н.М. Потапов надбавка за работу в комиссии в итоге составляла лишь 300 руб. В одном из отчетных документов в этой связи отмечалось: «Несмотря на то, что все сотрудники комиссии объединены горячей и бескорыстной любовью к военно-исторической работе, такое вознаграждение за месячную работу в комиссии и выполнение ответственных историко-научно-литературных работ, едва равное оплате гонорара за 1/4 листа по профессиональным ставкам, не может быть признано нормальным⁷. При существующей дороговизне жизни и бесплатности, по существу, работ в комиссии, замечается усиленное стремление сотрудников к журнальной и военно-педагогической деятельности, оплачиваемым⁸ гораздо выше. Такое стремление, правда, вносит большой вклад в общую работу нашего военного строительства, но увлечение им не может не отразиться в невыгодную сторону на особых задачах комиссии»⁹.

Рассмотрим материальное положение тех лиц, которые изменили Советской власти и перешли на сторону антибольшевистских сил или просто бежали

¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 4. Д. 254. Л. 1.

² РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 266.

³ Тишкина А.В. Товары и цены в Советской России в 1917-1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Сектор молодых ученых. 2008. № 6 (10). С. 92.

⁴ РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 11.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 144.

⁶ Там же. Л. 304.

⁷ В документе ошибочно – «нормальной».

⁸ В документе ошибочно – «оплачиваемых».

⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 131.

с советской территории. Этот вопрос крайне интересен и показателен в контексте утверждений отдельных авторов, что подобные изменения могли происходить по материальным соображениям.

Например, в конце сентября 1918 г. инспектор формирований 2-й инспекции Северного участка отрядов завесы бывший Генштаба полковник И.Г. Пехливанов сбежал к белым¹. По своей должности в Красной армии он получал один из самых высоких должностных окладов в 1000 руб.² Как видим, солидный оклад вовсе не предотвратил бегство Пехливанова из РККА, в основе которого были не материальные, а семейные обстоятельства.

Бывший Генштаба полковник А.В. Станиславский 22 сентября 1918 г. подал рапорт об отставке по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам³, затем выехал в командировку в район Брянска и перешел на украинскую территорию. Буквально накануне, 21 сентября, Станиславский получил предписание отправиться в 3-ю армию Восточного фронта.⁴ Каково же было материальное положение Станиславского накануне бегства? По выявленным нами документам, Станиславский получил жалованье по 1 октября 1918 г., причем был помимо этого удовлетворен двухмесячным окладом в размере 1600 руб. с последующим погашением в течение пяти месяцев путем равномерных вычетов из содержания⁵. Получается, что он бежал, захватив с собой 2780 руб., из которых 1600 должен был возвратить. У белых Станиславский осенью 1919 г. получал месячный оклад в 4000 руб., однако не приходится говорить о том, что офицер, вынужденный скрываться в 1919 г. от красных в Киеве, неоднократно менять фамилию и, в конце концов, срочно бежать, бросив все, с одним только вещмешком⁶, перешел к белым из корысти.

Похожим образом поступил бывший Генштаба полковник барон А. Л. Нолькен, который сбежал, получив у большевиков перед этим 1060 руб. жалованья по 1 октября 1918 г. и двухмесячный оклад в размере 1400 руб. с таким же последующим погашением в течение пяти месяцев⁷. Для идейных противников большевиков – белых подпольщиков в РККА максимальное ослабление большевиков, в т.ч. путем хищения у них крупных денежных средств, было проявлением доблести и, во всяком случае, казалось немалым успехом. При этом материальные вопросы для офицеров, подвергавших себя и своих близких (памятуя о декларированной большевиками угрозе заложничества членов семей изменников⁸) смертельному риску, стояли явно не на первом месте.

Бывшим офицерам в Советской России, даже не служившим у большевиков, выплачивались пенсии. Так, бывший генерал В.И. Селивачев через Всероссийский главный штаб добился получения пенсии, начиная с осени 1918 г.⁹ Размер пенсии должен был составить 3600 руб. в год от казны и 859 руб. из эмеритальной кассы. Однако пока решался пенсионный вопрос, чтобы прокормить семью, бывший генерал трудился в качестве старшего рабочего на мыловаренном заводе с окладом в 500 руб. в месяц¹⁰. Получал пенсию за службу в старой армии в советских условиях в 1918 г. и бывший Генштаба полковник Н.Д. Всеволодов¹¹. По декрету СНК от 14 декабря 1917 г. предельный размер пенсии составлял 3600

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 267.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 349.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 143.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 49.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 461.

⁶ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 341.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 463.

⁸ Подробнее об этом см.: Ганин А. «Измена и предательство повлечет арест семьи...» Заложничество семей военспецов - реальность или миф? // Родина. 2010. № 6. С. 70-75; расширенный вариант: Он же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». Статьи и документы. М., 2013. С. 195-208.

⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173253. П/с 149-082 (1918 г.). Л. 1, 4, 9, 10-11.

¹⁰ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 2.

¹¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. П/с. Д. 171887. П/с 145-351. Л. 4об.-5.

руб.¹, при этом пенсии за выслугу лет были отменены. В июле 1918 г. была предпринята попытка приостановить выплату пенсий, что совпадало по времени с декретом о призыве бывших офицеров в РККА. Тем не менее, вмешательство наркома Троцкого предотвратило отмену пенсий и спасло от голодной смерти немало бывших офицеров². 26 апреля 1919 г. пенсии по прежним правилам были отменены и назначались на основании положения СНК от 31 октября 1918 г. только неспособным к труду и не имеющим средств к жизни³.

Проследим дальнейшее изменение материального положения Селивачева. 1 ноября 1918 г. он был принят на службу в Главное управление архивным делом в должности заведующего первым московским отделением третьей (военно-морской) секции Единого государственного архивного фонда с окладом в 1000 руб.⁴ С 15 декабря 1918 г. Селивачев возглавил всю 3-ю секцию, а его оклад возрос до 1300 руб. Новая должность давала Селивачеву и ряд других преимуществ. В частности, 2 декабря Селивачев получил специальное удостоверение управления делами Наркомпроса, в котором было отмечено, что он относился ко второй категории служащих в советских учреждениях. Принадлежность к этой категории давала семье Селивачева следующие «льготы»:

«а) Вся имеющаяся у них мебель и домашняя обстановка остается в их владении.

б) Они могут быть оставлены в занимаемых ими помещениях или им могут быть предоставлены другие квартиры в районе их службы, в зависимости от количества здоровых помещений, необходимых для рабочих данного района.

в) В случае переселения они должны быть обеспечены средствами передвижения, необходимыми (в документе несогласованно – необходимыми. – А.Г.) для перевозки их мебели и имущества.

г) Белье, платье и другие предметы реквизиции не подлежат.

д) Музыкальные инструменты, книги, картины и другие предметы художественного творчества подлежат лишь учету и поступают в ведение соответствующих организаций»⁵.

Кроме того, Селивачев был отнесен ко второй категории «классового пайка»⁶. Как помощник командующего советским Южным фронтом Селивачев получал оклад в 4000 руб., а с 6 октября 1919 г. были утверждены новые оклады в 6000 руб. Для сравнения командующий армией на июль 1919 г. получал 3500 руб.⁷ В 1922 г. семье Селивачева была установлена усиленная пенсия⁸.

Специалисты Генштаба для особых поручений при командующих армиями получали весной 1919 г. 1700 руб. в месяц. Начальник оперативного управления штаба армии получал 2000 руб.⁹ Реввоенсоветы заботились о том, чтобы жалованье военспецов на новых местах службы было не ниже прежнего. Если оклад по новому месту был ниже, практиковались надбавки до прежнего размера. Так, при переводе В.И. Преображенского с должности начальника оперативного управления штаба 6-й армии на должность для особых поручений при командарме он не потерял 300 руб. разницы, т.к. командование добилось, чтобы жалованье ему выплачивали в размере как для аналогичной должности фронтового уровня¹⁰.

Военспецы в Москве имели широкие возможности для приработка. Так, например, генштабисты, работавшие в комиссии Высшей военной инспекции по проверке Всероглавштаба в феврале-марте 1919 г. получили следующий гонорар:

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 482. Л. 113об.

² РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 46, 46а, 50об.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 50.

⁴ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1000. Л. 80.

⁸ Подробнее см.: Ганин А.В. Последние дни генерала Селивачева. Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 208-209.

⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 29.

¹⁰ Там же.

**Гонорар военспецов-генштабистов за работу в комиссии
Высшей военной инспекции по проверке Всероглавштаба.
Февраль – март 1919 г.¹**

Ф.И.О.	Период работы	Гонорар (руб.)
Зайончковский А.М.	11-19.02.1919	360
Оболешев Н.Н.	20.02-31.03.1919	1600
Елизаров Н.С.	15.02-31.03.1919	1800
Грундштрем А.Г.	15.02-11.03.1919	1000
Иванов Б.М.	15.02-31.03.1919	1800
Ягодкин П.Я.	15.02-31.03.1919	1800
Нечволодов А.С.	14-31.03.1919	720

В связи с инфляцией оклады постепенно возрастали. В августе 1919 г. были введены прибавки к вознаграждению генштабистам. С 1 сентября 1919 г. выплачивалось единовременное вознаграждение, а также каждые два месяца надбавки. Высшие должностные лица и начальники управлений получали единовременно 4000 руб., а регулярно – 2500 руб. надбавки, помощники начальников управлений – 3000 и 1700 руб. соответственно, начальники отделений – 2500 и 1500 руб. соответственно, помощники начальников отделений 2000 и 1200 руб. соответственно². Генштабист – начальник отделения в тыловых учреждениях получал 2400 руб., 400 руб. надбавки за переработку, 400 руб. за праздничную работу. Итого 3200 руб. Кроме того, не исключалась возможность приработка в виде преподавания или работы в журналах. В итоге военспец мог получать 6-10 000 руб.

В начале 1920 г. помощник начальника отчетного отдела организационного управления Всероглавштаба получал 4050 руб. в месяц³. Завуч пехотных курсов на октябрь 1920 г. получал 5600 руб.⁴ В феврале 1920 г. за отличную работу и в связи с переводом генштабисту М.Н. Земцову было выдано пособие в размере 20 000 руб.⁵ Даже пленные колчаковские генштабисты, командированные из Сибири в Москву в 1920 г. получали по 1000 руб. на командировку⁶. Н.Н. Петину «за воссоздание штаба Южного фронта, всего полевого управления, за умелую, неутомимую оперативно-административную работу начальника штаба Южфронта» РВС Юго-Западного фронта 11 января 1920 г. постановил выдать 30 000 руб. наградных. Среди подписавших постановление был И.В. Сталин⁷.

Вопросы сохранения имущества для «бывших людей», в том числе офицеров-генштабистов, в Советской России оставались проблемными. Некоторые, как, например, близкий к власти бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич, довольно оперативно решали их с помощью административного ресурса. Сохранность имущества Бонч-Бруевича в Чернигове вызывала беспокойство. Тем более, что домашние вещи бывшего генерала в мае 1919 г. были реквизированы. М.Д. Бонч-Бруевич сообщил об этом своему брату Владимиру – управделами СНК, а тот пожаловался председателю СНК В.И. Ленину. В. Д. Бонч-Бруевич 8 мая 1919 г. сообщал брату об итогах прошения: «6/V-19 г. мною было доложено Председателю Совета Народных Комиссаров Владимиру Ильичу Ленину о Вашем заявлении о реквизиции Ваших домашних вещей в г. Чернигове. Председатель Совета Народных Комиссаров тотчас же распоря-

¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1334. Л. 294.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 215.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 34.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1013. Л. 462.

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 64.

⁶ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 287.

⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1438. Л. 1. Документ доступен на сайте «Документы советской эпохи» (<http://sovdoc.rusarchives.ru>).

дился дать телеграмму председателю Совнаркома Украины тов. Раковскому о сохранении в целости Ваших вещей, особенно библиотеки и архива, предлагая тов. Раковскому сделать распоряжение Черниговскому Исполкому. На эту телеграмму председателя Совнаркома 7/V-19 г. получен ответ из Киева следующего содержания: «Распоряжение Черниговскому Исполкому о сохранении в целости вещей и библиотеки Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевич сделано. Предсовнаркома Раковский». Об этих распоряжениях высших властей Российской и Украинской Советских Республик Вас уведомляю»¹. Более того, председатель СНК УССР Х.Г. Раковский поспешил дополнительно телеграфировать Ленину и Бонч-Бруевичу 23 мая 1919 г.: «Удостоверяем, что ничего не расхищено и не растрчено непроизводительно»².

Однако на столь высокое заступничество мог рассчитывать из всех военспецов-генштабистов, наверное, только один М. Д. Бонч-Бруевич, тесно связанный с большевистской партийной верхушкой. В то же время этот случай наглядно свидетельствует о зарождавшемся в советских условиях неравенстве военспецов – когда у представителей власти появлялись любимчики, приближенные, выдвинутые, на которых не распространялись общие для остальных законы и подходы.

Порой спасала взаимовыручка генштабистов. К примеру, вр.и.д. военного руководителя Высшего военного совета Н.И. Раттэль и остававшийся за начальника организационного управления К.И. Бесядовский 3 сентября 1918 г. просили домком дома № 1 по Борисоглебскому проезду (Елоховская площадь) принять меры к охране имущества генштабиста Н.Г. Семенова, командированного Высшим военным советом по делам службы³.

Некоторые генштабисты служили в РККА исключительно ради жалованья. О таких военспецех писал вр.и.д. главного полевого контролера 11-й армии А.Г. Жожикашвили в ЦК РКП(б) в июле 1919 г.: «Погоня за гонораром – это характерная черта военных учреждений, как фронта, так и XI отдельной армии»⁴.

Бывший начальник Всероссийского главного штаба Н.Н. Стогов, устроившись в Главное управление архивным делом, получал в конце 1918 г. 940 руб., а затем 1200 руб., причем ранее – на военной службе – его оклад составлял 1480 руб. в месяц⁵. Оклад в 1200 руб. получали на советской архивной службе и такие генштабисты, как А.Н. Апухтин, А.И. Верховский, Н.П. Михневич⁶. А.М. Зайончковский как делопроизводитель Всероглавштаба получал 1430 руб. При этом по месту службы он работал не более двух часов в сутки, а в остальное время трудился дома⁷. По совместительству он значился и на архивном поприще. При этом руководители двух ведомств Д.Б. Рязанов и Н.И. Раттэль санкционировали работу военспеца в двух местах с тем, чтобы общий размер его жалованья не превышал 4500 руб. в месяц⁸.

Совокупный месячный доход военспецов-генштабистов на руководящих постах мог быть достаточно высок, хотя и различался порой существенно от военспеца к военспецу. Так, например, служивший начальником управления Всероссийского главного штаба А.М. Мочульский перед арестом в 1920 г. получал 4800 руб. в месяц⁹. Таким же был оклад И.И. Щолокова, занимавшего аналогичный пост¹⁰ и члена военно-законодательного совета Н.А. Бабикова¹¹. Оклад бывшего Генштаба полковника М.Ф. Раевского, служившего в мобилизации

¹ РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

² Там же. Л. 6.

³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 91.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 58. Л. 3об.

⁵ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 826. Л. 1, 3.

⁶ РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 13. Л. 150об.

⁷ РГВИА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1415. Л. 205.

⁸ Там же. Л. 205об.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 332.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 276. Л. 35.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 305. Л. 4.

онном управлении Всероглавштаба, в 1920 г. составлял 4200 руб. в месяц¹. Оклад Л.А. Текелина составлял 3900 руб.² Преподававший на 1-х Московских пехотных курсах П.К. Семенов получал в 1920 г. 2500 руб. и паек³. Г.И. Теодори до ареста в 1919 г. получал 2750 руб. в месяц⁴. Оклад его однокашника В.В. Трофимова в штабе Западного фронта составлял 2100 руб.⁵ Бывший генерал А.А. Поливанов перед арестом в 1919 г. получал 3000 руб. в месяц, переводя книги для наркомата просвещения⁶. Член Особого совещания при главкоме А.Е. Гутор имел оклад в 9000 руб.⁷ А.Н. Ситников по должности помощника начальника штаба Западного фронта в 1921 г. получал 10 200 руб.⁸ Пленный колчаковец Г.В. Леонов, работавший в военно-исторической комиссии, получал 3000 руб.⁹ Другой пленный колчаковец А.И. Мезенцев, преподававший на пехотных курсах, получал 6000 руб.¹⁰ Бывший белый генерал А.П. Перхуров в Советской России пользовался окладом в 5600 руб.¹¹ И.Л. Шукевич по должности начальника штаба стрелковой дивизии в 1920 г. получал 5200 руб.¹² При этом состоявший в такой же должности в Закавказье В.Н. Соколов (бывший генштабист азербайджанской армии) получал 8400 руб. и паек¹³. Очевидно, в связи с инфляцией оклады возрастали. Так, Г.К. Холоманов в 1921 г. получал уже 60-70 000 руб. в месяц¹⁴.

Одним из способов дополнительного заработка было написание статей за гонорар. Так, В.И. Самуйлов за статью «Устройство военного управления» осенью 1920 г. надеялся получить в редакции сборника «Красная армия в революционной войне Советской России» 38 000 руб. из расчета 9500 руб. за печатный лист¹⁵.

Чудовищными были условия быта советских генштабистов, в том числе непосредственно на службе. Весной 1918 г., после переезда военных учреждений из Петрограда в Москву, многие военспецы жили прямо в вагонах, лишь со временем быт служащих центрального аппарата стал налаживаться. На фронтах высокопоставленные работники жили в вагонах на железнодорожных станциях. Если необходимость жить в вагоне отсутствовала, жили при штабах. Генштабист А.А. Самойло вспоминал о своем прибытии на Север России весной 1918 г.: «Архангельск встретил нас на первых порах неприветливо и в смысле погоды и в смысле элементарных бытовых удобств. Мы были помещены в здании бывшей гимназии, в огромном зале, заставленном ученическими партами. Неважным было и отношение к нам как к работникам нового штаба»¹⁶. Ф.Е. Огородников летом 1919 г. поселился в Смоленске и записал: «Отчаянно грязный вонючий номер, с двумя койками... В остальном условия жизни очень хорошие»¹⁷.

Командировки отдельных генштабистов отличались драматизмом. Если высокопоставленные и приближенные к военному и партийному руководству начальники могли позволить себе комфортабельные поездки в собственном вагоне или даже в элитном салон-вагоне, как у главнокомандующего¹⁸ (еще один

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 238. Л. 69.

² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 255. Л. 38.

³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 322. Л. 55.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 255. Л. 41; Д. 324. Л. 3.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 324. Л. 27.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 234. Л. 115.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 185. Л. 40.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 251. Л. 35.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 211. Л. 110.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 216. Л. 110.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 233. Л. 90.

¹² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 275. Л. 104.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 356. Л. 298.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 267. Л. 11.

¹⁵ РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

¹⁶ Самойло А.А. Две жизни. М., 1958. С. 215.

¹⁷ РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

¹⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 621.

элемент начинавшегося номенклатурного расслоения советского общества), то простые, не имевшие никаких привилегий военспецы находились в совсем ином положении. Так, сотруднику Высшей военной инспекции С.К. Сидоровнину в 1918 г. приходилось ездить по командировкам почти исключительно в конских вагонах, а в одну из поездок пришлось три недели жить в комнате без стола и стула¹. Не выдержав таких условий, Сидоровнин просил откомандировать его от инспекции на другое место службы.

Генштабисты оперативного отделения штаба 16-й армии в 1919 г. были вынуждены работать в неотопливаемом помещении². Такая же ситуация сложилась и в академии Генштаба РККА, причем заготовкой дров занимались сами слушатели академии. В оперативном отделе оперативного управления Всероглавштаба в июне 1918 г. остро не хватало пишущих машин, необходимых для нормальной работы отдела³.

Отдельные документы о повседневном быте военспецов носят откровенно трагический характер. Например, таким был рапорт, направленный в оперативное управление Всероглавштаба и.д. председателя пограничной конфликтной комиссии № 5 бывшим Генштаба генерал-лейтенантом Н.А. Зарубиным в октябре 1918 г. Военспец писал, что с 19 октября остался единственным работником комиссии, исправлявшим «должность свою Генштаба, секретаря, переводчика, представит[еля] м[инистерства] иностранных дел и фактически посыльного, а ныне еще и председателя; если я отправлюсь в Вятку, то комиссия в Унече de facto и de jure упраздняется до прибытия нового состава, что вряд ли будет скоро; до сих пор желающих занять вакансий нет. На 1 ноября с.г. назначено совместное свидание с немцами по ту сторону границы, отменить которое невыгодно для Советской власти и Республики. Так как я, бывший тайным военным агентом, попутно с[о] своими обязанностями делаю разведку (прилагаю добытые немецкие газеты). Несмотря на труднообразимые условия жизни в Унече (помещение для всего состава комиссии и канцелярии для занятия и жилья – 1 1/2 кв. сажени, отсутствие свечей, лампы, – телеграф прекращает работу при наступлении темноты), невероятное количество клопов, блох, вшей и чрезвычайную дороговизну жизни (селедка – 7 рублей, коробка спичек – 1 руб.) я считаю, что я, будучи пригоден для службы в конфликтной комиссии, обязан в интересах Советской власти доложить, что меня оставить в этом пункте полезно (не для меня лично)... прошу... а) снабдить меня какой-либо теплой одеждой (иначе могу прийти в негодность), сапогами или вообще обувью, б) выдать мне неполученное содержание за службу за этот месяц и какой-либо аванс для личного прокорма и прокорма семьи (старуха-жена и параличная, хромая коленом дочь...)»⁴. В 1919 г. Зарубин, возможно, не выдержав такой жизни и службы, бежал из Советской России через Украину и уехал за рубеж.

Служащие центральных учреждений в Москве и окружных штабах жили на квартирах, в том числе коммунальных. По некоторым данным, соседями по коммуналке недалеко от Гранатного переуллка в Москве были братья Раттэли и В.Н. Клембовский⁵. Нельзя не отметить, что в отношении отдельных военспецов большевистское руководство проявляло самую настоящую заботу, в том числе в жилищном вопросе. Например, Л.Д. Троцкий потребовал через Полевой штаб РВСР в июне 1920 г. от командующего армиями Кавказского фронта В.М. Гиттиса «вполне обеспечить В.Н. Клембовского как квартирой, так и прочими видами довольствия, дабы он не чувствовал в этом недостатка»⁶.

В условиях уплотнений и реквизиций имущества военспецы нуждались в защите и обеспечении минимальных потребностей, необходимых для нормального несения службы. Военспецы запасались различными охранными грамота-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 207об.

² РГВА. Ф. 29862. Оп. 1. Д. 12. Л. 41.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 163.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 132.

⁵ Сообщено автору внучкой падчерицы В.Н. Клембовского В.В. Степановой (Москва).

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 276.

ми и удостоверениями. Так, начальник Главного управления военно-учебных заведений В.П. Муратов обладал целым рядом такого рода документов. В августе 1918 г. он получил удостоверение о том, что его квартира не подлежала обыску¹. В октябре 1918 г. он получил удостоверения военно-учебного управления Всероглавштаба о том, что мебель военспеца не подлежала реквизиции, а сам он нуждался в отдельном кабинете для занятий². 1 августа 1919 г. датировано удостоверение Муратова, выданное главным комиссаром военно-учебного управления Всероглавштаба, о том, что занимаемая им квартира «уже уплотнена еще двумя семействами и уплотнению и реквизиции вещей, продовольствия и продуктов не подлежит... В случае необходимости обыска по причинам общего характера прошу отнестись к тов. Муратову и его семье с должным доверием»³. Удостоверения периодически приходилось обновлять. В июле 1920 г. Муратов вновь обзавелся бумагой о том, что ему нужен кабинет для работы и приема посетителей на дому⁴, а в ноябре 1920 г. получил бумагу о том, что ему нужна отдельная комната, в т.ч. для секретности⁵. В 1921 г. Муратов получил удостоверения о том, что нуждался в добавочной комнате помимо нормативной жилплощади⁶. Судя по всему, военспеца на протяжении всей Гражданской войны упорно пытались лишить одной из комнат, в связи с чем приходилось постоянно бороться за свои права. Наконец, 9 апреля 1921 г. Муратову было выдано удостоверение (охранная грамота) за подписью начальника всех военно-учебных заведений Д.А. Петровского о том, что его квартира не подлежала уплотнению семьи и принудительному переселению или выселению. Реквизиция и конфискация вещей домашнего обихода (мебели, одежды, обуви, посуды) воспрещалась. При особой в них нужде право реквизиции принадлежало особой комиссии в составе председателя губисполкома, губсовнархоза и губпродкома при условии уведомления центральных властей⁷. Удостоверение было отпечатано типографским способом. Следовательно, ГУВУЗ так защищал многих своих сотрудников. В общей сложности Муратов занимал на 1921 г. три комнаты. Новые охранные удостоверения на жилье он получил в 1922 г.⁸

О тяжелейших бытовых условиях писал старший делопроизводитель отчетно-организационного отдела организационного управления Всероглавштаба В.Г. Сухов. Получив предписание отправиться на фронт, он обратился 2 января 1919 г. к начальнику отдела с рапортом: «Имея на своем иждивении семью в 8 человек (жену и 7 человек детей в возрасте не старше 13 лет, из них 6 сирот от первого мужа жены, убитого на войне), я, служа в Москве, был в крайне тяжелом материальном положении, тем более, что принужден жить на два дома, так как в моей просьбе об отводе для меня в Москве хотя бы самой маленькой квартиры в 2 комнаты с кухней мне жилищная комиссия отказала, и семья моя ютилась до конца ноября в одной холодной (летней) избе д. Чернобаево Вяземского уезда. В ноябре, заручившись бумагой за подписью начальника и комиссара оперативного управления, я попытался устроить семью в двух комнатах дома отца жены близ д. Чернобаево, но, к сожалению, этим не только не улучшил, а еще более ухудшил ее положение до самых грубых и жестоких издевательств включительно, о чем, дабы еще более не ухудшить положение, я считаю более благоразумным молчать. В виду таких обстоятельств, я решил обратиться с просьбой о переводе меня в провинцию – в один из окружных штабов или на командные курсы заведующим обучением, чтобы иметь возможность вывезти к себе семью; в отделении по службе Генерального штаба я уз-

¹ РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

² РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 12. Л. 13-14.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 19-20.

⁷ Там же. Л. 21.

⁸ Там же. Л. 24-25.

нал, что на подобный перевод я рассчитывать не могу; тогда я просил указать, не найдется ли какая-либо тыловая должность на фронте, связанная с продолжительными стоянками на одном месте; мне была указана должность начальника дежурства в Арзамасе вместо Генерального штаба Корсуна, о назначении на которую я и обратился к Вам с просьбой... Принимать же должность в штабе армии я не имею возможности не только по обстоятельствам, связанным с нуждой моей семьи, с чем быть может не положено считаться, но и по состоянию своего здоровья, которое зимой, как это есть теперь, временами совершенно лишает меня возможности работать, что может быть засвидетельствовано медицинской комиссией»¹.

Назначенный на должность для особых поручений при начальнике штаба 6-й армии А.Н. Леонов не мог 15 июля 1919 г. выехать к месту назначения из Ярославля за отсутствием обуви и шинели². По этим же причинам в феврале 1919 г. не мог выехать в штаб Северного фронта освободившийся из-под ареста генштабист В.А. Ивановский³. При этом рамки дозволенного в условиях повсеместного дефицита были достаточно узкими. Когда командующий 6-й армией А.А. Самойло заказал себе кожаную куртку, член РВС 6-й армии А.М. Орехов осудил его за расточительность⁴.

Не менее важным и сложным, чем денежное, квартирное и вещевое обеспечение, было продовольственное обеспечение офицеров и их семей в условиях голода и разрухи. В Советской России этот вопрос решался путем выдачи продовольственного пайка. Однако решен этот вопрос был далеко не сразу. В некоторых случаях из-за бюрократических трудностей военспецы и их близкие могли в прямом смысле обречь на голодную смерть. Начальник штаба 9-й армии А.А. Душкевич в разгар Гражданской войны жаловался председателю РВСР Л.Д. Троцкому: «Уважаемый Тов. Троцкий! Ваше всегда ко мне хорошее отношение дает мне смелость обратиться к Вам с личной просьбой. Семья моя, проживающая в Н[ижнем] Новгороде, терпит большую нужду в смысле получения продовольствия и отопления. Как семье находящегося на фронте Горисполком отказывает во всем, направляя жену в Военком, а в Военкоме, указывая, что я как наштарм не имею права на красноармейское довольствие, установленное для семей, отправляют обратно в Горисполком. В результате нигде ничего не дают. Зная терпеливое отношение жены ко всяким нуждам, я уверен, что только действительно тяжелое положение, в каком оказалась моя семья и обида за такое отношение, заставили ее сообщить мне о своих невзгодах. Моя усиленная к Вам просьба, если найдете возможным, оказать посильное содействие, дабы поставить семью в мало мальски сносные условия жизни и тем дать мне возможность спокойно продолжать мою работу»⁵.

Паек (на фронте – фунт хлеба в сутки) не избавлял от полуголодного существования. Так, по свидетельству военного руководителя Западного участка отрядов завесы бывшего Генштаба генерал-лейтенанта В.Н. Егорьева, штаб завесы в Калуге в июне 1918 г. голодал, сотрудники не получали хлеба, которого не было ни в штабе, ни в городе⁶. Штабы отрядов завесы и дивизий были обеспечены еще хуже, вынуждены были заниматься меновой торговлей. Сам Егорьев, по его словам, занялся мешочничеством – купил в Воронеже 38 вагонов муки для доставки в калужский штаб, но купленное было изъято в Москве, а до Калуги удалось довести только три вагона⁷.

Красноармейский паек работникам центральных управлений был установлен главкомом И.И. Вацетисом 13 октября 1918 г. Проблема заключалась в

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 216–217.

² РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 245.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 44об.

⁴ Самойло А.А. Указ. соч. С. 246.

⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 13-13об.

⁶ Егорьев В.Н. Из жизни западной завесы // Этапы большого пути. Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 143.

⁷ Там же. С. 144.

том, что служащие уходили с работы, когда торговля уже заканчивалась. Кроме того, в связи с дороговизной у них не было возможности покупать продукты¹. В тылу стоимость пайка была привязана к размеру жалованья. Так, например, если оклад в конце 1918 г. составлял 800 руб., то за паек выплачивали четверть его стоимости, если 850 руб. – 2/4, если 900 руб. – 3/4, если 950 и выше – паек оплачивался полностью по интендантской цене². Стоимость пайка удерживалась из жалованья. Право на получение пайка имели и члены семей штатных служащих (жены, дети, родители)³. Впрочем, этот вопрос в разных местах решался по-разному. На фронте паек выдавался бесплатно. По стоимости паек и обеды обходились на рубеже 1918–1919 г. в 320 руб. в месяц⁴. За службу сверх положенных часов полагался дополнительный паек⁵. Такой паек по 2-й продовольственной категории (всего категорий было три) получал начальник отделения по службе Генштаба Всероглавштаба А.С. Белой.

Главкому Вацетису, начальнику Полевого штаба Ф.В. Костяеву, адъютанту Вацетиса, председателю Реввоентрибунала и его секретарю обед и ужин присылали из столовой, причем выдавали по фунту хлеба⁶. При работе по 10–12 часов в сутки сотрудники Полевого штаба нуждались в дополнительном питании. Начальник Полевого штаба Костяев добивался разрешения заместителя наркома продовольствия Н.П. Брюханова закупать продукты для штаба в Поволжье из расчета по 1,5 пуда на человека⁷. О значимости пайка для поддержания жизненного уровня семей военспецов свидетельствует обращение к начальнику Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяеву военспеца Н.Г. Александрова от 30 ноября 1918 г. о переводе в Тихвин в штаб 7-й армии вместе с тестем. Александров писал: «Находясь в Тихвине, мы хоть своим пайком поддержим существование нашей семьи... такие условия еще надолго сохранят Красной Армии двух довольно опытных работников...»⁸.

В сентябре 1918 г. в Москве пуд ржаной муки стоил 380–400 руб., фунт мяса – 12–15 руб., фунт картофеля – 1 руб. 40 коп. – 1 руб. 60 коп., бутылка молока – 3–4 руб., селедка – 7 руб., фунт лука – 5 руб., фунт хлеба – 9 руб., фунт сливочного масла – 38 руб., десяток яиц – 15 руб.⁹ На местах цены могли быть намного ниже. Так, в начале 1919 г. в Бобруйске фунт хлеба стоил 4 руб.¹⁰ Фунт мяса в Острогжске в феврале 1919 г. стоил 2,5 руб., пуд мяса – 100 руб.¹¹ Билет на цирковое представление в Москве у перекупщиков стоил в мае 1919 г. 15 руб., программка – 5 руб.¹²

На октябрь 1919 г. рыночные цены в Москве были следующими: хлеб нужно было доставать, и стоил он до 150 руб. за фунт (0,4 кг), сахар-рафинад – 500 руб. за фунт, сахар-песок – 200 руб., масло сливочное – 600 руб., картофель – 25 руб. за фунт, молоко – 40 руб. за кружку в полтора стакана¹³. В Самарской губернии на январь 1919 г. пуд (40 фунтов) картофеля стоил по твердым ценам 6,5 руб., на сельском рынке – 10 руб., а на городском – 600–1000 руб.¹⁴ (что соответствует октябрьской цене на рынке в Москве). В Пензенской губер-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 9.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 134.

³ Там же. Л. 124.

⁴ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 359. Л. 18.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 256.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 183.

⁷ Там же. Л. 374.

⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 204об.

⁹ Дневник А.Е. Снесарева. 1918 г. Л. 850 (Архив семьи Снесаревых).

¹⁰ Там же. 1919 г. Л. 945.

¹¹ Там же. Л. 954.

¹² Там же. Л. 1015.

¹³ Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University). Vrangell Collection. Box 39. Folder 1.

¹⁴ Тишкина А.В. Товары и цены в Советской России в 1917–1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Сектор молодых ученых. 2008. № 6 (10). С. 92.

нии рыночные цены зимой 1919 г. были следующими: пуд ржаной муки – 75 руб., пуд пшеницы – 110 руб., пуд картофеля – 20 руб., фунт растительного масла – 12-16 руб., фунт мяса – 6,5 руб., гусь – 160 руб., кочан капусты – 20 руб.¹ В условиях хлебной монополии все, что возможно было изъять в деревне, власть направляла в города и в армию.

Питание военспецов-генштабистов, прежде всего, зависело от места их службы. Некоторые регионы считались более благоприятными в отношении возможности достать продовольствие, тогда как в других продовольственный вопрос стоял довольно остро. Например, назначенный помощником начальника оперативного отделения штаба Северного фронта А.С. Хрулев, в рапорте начальнику оперативного отдела штаба фронта от 3 января 1919 г. отметил, что месячный оклад содержания у него составляет 1500 руб., но ранее как помощник начальника штаба дивизии по оперативной части он получал такое же жалование плюс бесплатный паек. Теперь же за паек и обеды приходилось дополнительно выкладывать по 320 руб. Хрулев писал: «Так как у меня имеется семья, проживающая в городе Петрограде, где в настоящее время продовольственный вопрос достиг уже рокового предела, я, вместо того, чтобы напрячь все силы для поддержания дальнейшего существования семьи, буду обречен на необходимость сократить еще ее бюджет на вышеуказанную сумму». В связи с постепенным ухудшением продовольственного вопроса в Ярославле военспец просил о переводе его в Новгород, положение в котором было лучше².

Подтверждением того, что генштабисты, даже относившиеся к советской военной элите (уровня командующих армиями и фронтами), находились в годы Гражданской войны в тяжелейшем положении в отношении удовлетворения самых элементарных потребностей служит тот факт, что, в частности, супруга А.А. Самойло – командующего 6-й армией, имевшей статус отдельной, т.е. приравненной к фронту (фактически только на эту армию была возложена оборона Советского Севера) – в Москве летом 1919 г. была вынуждена обменять ордена мужа (22 награды) на пуд белой муки³. Возможно, именно тяжелое полуголодное существование было причиной того, что Самойло с членом РВС армии А.М. Ореховым, находясь в Карелии поблизости от передовой, буквально набросились на лужайку с белыми грибами, а затем, опаздывая на совещание, с большим риском повезли добычу вдоль линии фронта, причем Самойло был даже контужен⁴.

Вместе с тем, особо заслуженных военспецов материально поощряли. Так, М.С. Свечникову, генштабисту-большевику, в воздаяние заслуг перед Советской республикой РВСР в январе 1920 г. установил постоянный оклад жалованья по должности командующего армией⁵. М.Д. Бонч-Бруевич с 31 августа 1919 г. был переведен в распоряжение начальника Всероглавноштаба, но за прежние заслуги ему сохранили оклад по должности начальника Полевого штаба РВСР⁶. Командование старалось, чтобы даже при понижении военспецов они не ощущали острого снижения своего достатка. Так, например, командовавший 11-й армией Н.А. Жданов летом 1919 г. был назначен в распоряжение командующего 12-й армией с окладом начальника дивизии⁷.

Политика «военного коммунизма» и продовольственная диктатура нередко приводили к разнообразным злоупотреблениям в связи с нехваткой продуктов питания. Особенно остро ограничения военного времени ощущали представители элиты, привыкшие к совсем другому образу жизни до мировой войны и революции. В условиях полуголодного существования в Советской России получили распространение хищения и спекуляции. При этом участво-

¹ Там же.

² РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 359. Л. 18.

³ Самойло А.А. Указ. соч. С. 190.

⁴ Там же. С. 211.

⁵ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 80. Л. 3.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 76. Л. 375.

⁷ Приказ РВСР по личному составу армии. 1919. № 177. 14.08.

вавшие в таких хищениях генштабисты использовали свое высокое служебное положение и связи в «сферах». Так, в скандале с попыткой спекуляции продовольствием в 1919 г. оказались замешаны племянник советского главнокомандующего И.И. Вацетиса — 24-летний бывший прапорщик Э.И. Вацетис, служивший адъютантом у своего дяди, а также состоявший для поручений при Вацетисе 30-летний выпускник ускоренных курсов академии Генштаба бывший капитан Е.И. Исаев. Оба были впоследствии арестованы по «делу» Полевого штаба РВСР. В марте 1919 г. из Риги на территорию РСФСР они пытались вывезти ненормированное количество продуктов и товаров. Товары в результате обыска были конфискованы, а расследованием дела занялся Реввоен трибунал республики. Видимо, благодаря высокому заступничеству, расследование дела через несколько месяцев было свернуто¹. Бытовая сторона жизни военспецов, даже высокопоставленных, в Советской России эпохи Гражданской войны оставалась неудовлетворительной, что и толкало на подобные злоупотребления.

Те, кто не обладал связями, нередко оказывались у разбитого корыта. Например, семья бывшего генерала В.А. Олохова, служившего в РККА, потерявшая тогда библиотеку, альбомы, иконы, драгоценности, мундиры бывшего генерала, мебель, ковры и другое имущество². Ордена и нагрудные знаки семье пришлось продать, что позволило Олоховым выжить и питаться маслом и крупами. Жалко было не столько сами вещи, сколько память о прошлой жизни, которую они хранили. Как вспоминала супруга генерала, «все подарки, которые Володя (В.А. Олохов. – А.Г.) получил за свою 50-летнюю службу, все ордена его, дорогие ордена с мечами, все памятные жетончики, все, все нам пригодилось в трудные годы... И каждую вещь мои глаза провожали с болью сердца, ими ведь дорожил мое Солнышко, ведь с ними связаны имена друзей. Один раз, когда я сдавала эти жетончики и значки полков, и их разламывали на кусочки, и я, не отрываясь, глядела... Нервы не выдержали, и я расплакалась... “Не плачьте, – говорит мне чиновник, который разламывал, – смотрите, много ли вы принесли, а получите целых 36 руб. золотом”. Цена былого...»³. По свидетельству О.И. Олоховой, «в то время так было не до вещей и так не важно, есть ли они, нет ли их»⁴.

Особенно тяжело было семьям больных и умерших генштабистов, многодетным семьям, семьям арестованных. Большевики не считали себя обязанными им помогать, хотя порой пенсионное обеспечение у таких лиц было. Так, 47-летняя вдова Генштаба полковника В.И. Зацепина, умершего в мае 1917 г., получала на 1918 г. пенсию в 75 руб., работать не могла по состоянию здоровья⁵. Помощь ей была оказана фондом взаимопомощи офицеров Генштаба.

В тяжелейшем положении оказалась многодетная семья душевнобольного генерал-майора А.Н. Яблонского – шесть дочерей и сын⁶. Аналогичные трудности испытывали близкие парализованного генштабиста Н.Н. Долинского. Генштабист Б.М. Иванов в ноябре 1918 г. обращался в фонд взаимопомощи офицеров Генштаба с просьбой помочь изыскать средства на операцию жене, т.к. был вынужден влезть в долг⁷. Помощь, как правило, оказывалась по месту службы военспецов. Так, например, 30 июня 1919 г. Совет Всероглавштаба предназначил выдать пособие в размере 1300 руб. начальнику отделения отчетно-организационного отдела А.Г. Грундштрему на лечение его и его сына⁸.

¹ Подробнее см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». Статьи и документы. М., 2013. С. 254-259.

² Олохова С.И. Мы служили Отечеству. Воспоминания. СПб., 2012. С. 241.

³ Там же. С. 228-229.

⁴ Там же. С. 242.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 30.

⁶ Там же. Л. 57, 76об.

⁷ Там же. Л. 116.

⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 119. Л. 93об.

Супруга арестованного и расстрелянного генштабиста Н.К. Раша Вера Ивановна, оказавшись в крайне тяжелом материальном положении, обратилась 13 сентября 1918 г. к начальнику оперативного управления Всероглавштаба: «Муж мой, Генерального штаба Николай Карлович Раша, был арестован 3 августа с.г. и находился в Таганской тюрьме, но последнее время его местонахождение было изменено, и я его разыскать не могу.

На моих руках находятся трое малолетних детей, из коих младшему нет еще года; поступить в Москве куда-нибудь на службу или получить какую-нибудь работу я лишена возможности, так как все время должна посвящать заботам о детях и домашнему хозяйству.

Не имея других средств к жизни, кроме получавшегося мужем жалования, я, благодаря аресту мужа, продолжающемуся уже больше месяца, очутилась в безвыходном положении.

Не имея возможности оставаться дальше в Москве и желая уехать в Вологду к своим родным, прошу Вас помочь мне и выдать мне пособие из фонда вспомоществования чинов Генерального штаба как на переезд, так и для того, чтобы я могла просуществовать с детьми первое время, пока не подыщу какой-нибудь подходящей для себя работы»¹.

Трагичным было нищенское положение георгиевского кавалера, бывшего ординарца легендарного генерала М.Д. Скобелева, отставного генерала от кавалерии А.Р. Эйхгольца, проживавшего в Царицыне. При новом режиме бывший генерал лишился пенсии в 265 руб. в месяц, не получил таковую и за восемь месяцев 1918 г., при этом губернские власти в Саратове признавали право бывшего генерала на пенсионное обеспечение. Имущество из Петрограда вывезти, в основном, не удалось. В итоге заслуженный генерал на рубеже 1918-1919 г. устроился заведующим педагогическим музеем и библиотекой, работал с восьми утра до восьми вечера в гимназии и школе грамотности, причем через день простаивал с 5 утра в очередях за хлебом. Ко времени прихода белых в Царицын у генерала оставалась из белья лишь рубашка, не было ни брюк, ни куртки. Положение осложнилось тем, что белые не принимали советских рублей на своей территории. К тому же генерал был одинок – его сыновья сражались в войсках Деникина².

Красная армия, порой воспринимающаяся как организация, в которой беспощадно подавлялось всякое человеческое достоинство бывших офицеров, дает примеры заботы о военспецах и их семьях. Так, в 1920 г. был упорядочен вопрос о помощи семьям умерших военспецов. Начальник Полевого штаба РВСР 19 мая 1920 г. издал следующее распоряжение: «С начала образования Красной армии в ряды ее были призваны, не взирая на возраст, все лица Генерального штаба, которые несли службу по своей специальности на фронте и в центральных учреждениях. В течение свыше двухлетнего существования Красной армии из лиц Генерального штаба, состоявших на службе, умерло 16 человек³ (список в приложении), из которых некоторые умерли от эпидемических болезней или расстроив свое здоровье на службе. После всех умерших остались совершенно не обеспеченными их семьи, которые в данное время находятся в самом бедственном положении.

Принимая во внимание работу умерших лиц Генерального штаба на пользу Р.С.Ф.С. Республики и бедственное положение их семейств, полагал бы необходимым: 1) выдать семействам умерших единовременные пособия, 2) сохранить за семействами оклады жалования по последним должностям умерших и 3) выдать семействам продовольственные карточки «Красной Звезды»⁴. К документу прилагался список из 17 генштабистов⁵.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 51–51об.

² Подробнее см.: *Посадский А.В.* Судьба русского инвалида. Примечания к «Запискам» генерал-лейтенанта Врангеля // *Новый Часовой* (Санкт-Петербург). 2004. № 15-16. С. 251-253.

³ Правильно – 17.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 165.

⁵ Публикацию списка см.: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 645-646.

В то же время о советских военнопленных и интернированных руководство РККА заботилось. Делопроизводитель разведывательного отделения военно-статистического отдела Всероглавштаба И.В. Высоцкий 17 июля 1918 г. обратился с рапортом к своему непосредственному начальнику: «В составе войск XX армейского корпуса 8 февраля 1915 г. в Августовских лесах я был взят в плен Германцами.

После трех лет и четырех месяцев пребывания в плену, я, как инвалид, был отпущен в Россию.

По возвращении из плена денежных выдач не получал никаких.

Будучи семейным и крайне нуждаясь в средствах, прошу о выдаче мне пособия, а если это было бы признано невозможным, то прошу ходатайства о выдаче мне двухмесячного оклада содержания с льготным погашением, тем более, что последним пользуются эвакуированные из Петрограда, а, поступив на службу, я принужден был перевезти семью из Петрограда в Москву.

Генерального Штаба Высоцкий»¹.

Ходатайство Высоцкого было поддержано.

З.И. Зайченко, интернированный в Германии (Ганновер, лагерь военнопленных в Хаммельне) вместе с 53-й пограничной дивизией в период советско-польской войны, беспокоился о семье в Киеве, о чем писал начальнику Полевого штаба РВСР П.П. Лебедеву 16 сентября 1920 г. В результате жене военспеца было выдано пособие в 2500 руб.²

Разумеется, бывали и противоположные случаи, когда личные интересы генштабистов не принимались во внимание. С точки зрения материального обеспечения интересна история военспеца А.Д. Лютова. В августе 1919 г. он служил в штабе 7-й армии вместе с еще пятью генштабистами, однако, желая перевестись в штаб Восточного фронта, 19 августа телеграфировал свою просьбу начальнику Полевого штаба РВСР П.П. Лебедеву³. О мотивации просьбы военспеца в телеграмме заместителю председателя РВСР Э.М. Склянскому сообщал 23 августа 1919 г. член РВС 7-й армии А.П. Розенгольц: «Перевод Лютова на Вост[очный] фронт, к чему он стремится давно разными путями продиктован не интересами службы, а устройством личных дел Лютова. В 7 армии все генштабисты за исключением нач[альника] опер[ативного] от[дел]а Лютова – полнейшая бездарность. Некоторые из них, как, например, [Н.И.] Кадников, за полной непригодностью откомандированы из армии. Можем откомандировать еще и других в этом роде...»⁴.

Тем не менее, Лютов настаивал. 28 августа он телеграфировал начальнику оперативного управления РВСР В.И. Михайлову о своих мотивах: «Первое. Убийственное положение семьи, живущей в Симбирске, состоящей [из] жены, троих детей, двух матерей совершенно оборванных, обтрепанных и принужденных голодать, так как при дороговизне [в] районе Петрограда при всем своем напряжении и голодовке я не могу достаточно выделить денег из своего содержания на их прожитие. Второе. Знание мною Казанского округа, благодаря долгой службе в нем [в] мирное время, где бы я мог больше принести пользы. Третье. Оставление меня в штатме семь не даст мне спокойно работать, зная, что семья моя обречена на гибель, содружество в штабной работе [с] лицами, препятствующими моему переводу мне будет тягостно, таким образом на три четверти я потерян для работы в армии. Четвертое. В то время как [в] штатмосте лишь три генштабиста, в штатме семь их пять, кроме меня, из коих три старых выпусков и, следовательно, есть заместители. Пятое. После отпуска я не приступил к службе в ожидании разрешения вопроса [о] переводе, и работа в оперотделе не остановилась. Шестое. Единственной причиной задержки является моя безупречная служба со дня формирования Красной армии и отличная аттестация, которая, однако, мне дает право наде-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 207.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 942. Л. 382-383.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 278.

⁴ Там же. Л. 287.

яться, что мое ходатайство о переводе будет удовлетворено, хотя бы как награда за предшествующую мою службу»¹.

РВСР все же оставил Лютова в штабе 7-й армии, что было продиктовано интересами дела, но в материальном плане военспецу была оказана существенная помощь. Из РВСР Лютову 1 сентября была направлена следующая телеграмма: «Имея [в] виду Ваши тяжелые материальные условия Реввоенсовет Республики назначил Вам пособие [в] сумме десять тысяч рублей... Ваше оставление на службе в Штарм 7 необходимо»². Таким образом, на определенную социальную поддержку военспецы могли рассчитывать.

Одним из способов преодоления тяжелого материального положения и выживания в обстановке разрухи стало трудоустройство военспецами в различные управления и учреждения своих родственников. К тому же на фронте совместная служба позволяла не терять близких из вида и не расставаться с ними. Так, видные военспецы командующий Северным фронтом Д.П. Парский и его начальник штаба Ф.В. Костяев привлекали своих супругов к работе в качестве личных секретарей, что вызывало нарекания и даже расследование в связи с возможным разглашением секретных данных. Комиссар штаба 6-й армии Н.Н. Кузьмин с возмущением писал в Высшую военную инспекцию о наличии в штабе Северного фронта пятнадцати родственных пар³. Непотизм процветал в штабе Беломорского военного округа в 1918 г. Военрук Ф.Е. Огородников трудоустроил в штаб сына Кирилла, начальник административного управления штаба округа Е.Е. Шишковский, – своего родственника (сына или брата) Николая Евгеньевича⁴. Похожая ситуация складывалась и в Северо-Кавказском военном округе, где в мае-июне 1918 г. служили и.д. начальника административного управления штаба И.К. Серебренников и секретарь управления О.И. Серебренникова, и.д. заведующего оперативным отделом мобилизационного управления Е.Н. Ригельман и письмоводительница отдела Е.П. Ригельман⁵. От местных военных учреждений не отставали в центре. Во Всероглавштабе переписчицей канцелярии работала родственница начальника Центрального управления военных сообщений М.М. Загю Мария Михайловна Загю⁶. Генштабист А.О. Зундблад занимал пост помощника начальника организационного управления Всероглавштаба, а и.д. старшего делопроизводителя отчетно-организационного отдела того же управления служил некий Г. Зундблад⁷. Упомянутый Е.Е. Шишковский трудоустроивал родственников в структуры РККА и в дальнейшем. Так, его супруга Л.И. Шишковская стала переписчицей комиссии по исследованию и использованию опыта войны⁸.

Опасность этого явления (чреватого изменами и переходом к противнику целых семей), быстро получившего широкое распространение, скоро была осознана большевистским руководством, после чего стали приниматься меры искоренения совместной службы родственников. 27 июля 1918 г. был даже выпущен декрет СНК о недопустимости совместной службы родственников в учреждениях, однако законодательно искоренить эту практику не удалось. Родственники не могли служить вместе на должностях, «оказывающих влияние на ход дела»⁹, но могли служить в разных отделах. Декрет не распространялся на строевые части, в которых служба родственников считалась полезной для большего сплочения личного состава¹⁰.

¹ Там же. Л. 302-302об.

² Там же. Л. 319.

³ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 646. Л. 110об.

⁴ РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 26. Л. 5.

⁵ РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 6. Л. 4, 7, 12, 21.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 468. У М.М. Загю были сестра и дочь с такими именем и отчеством.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 11. Л. 17об.

⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 1.

⁹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 79.

¹⁰ РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 15. Л. 123.

Нельзя забывать о произволе, творившемся тогда в стране и о ненависти населения к имущим классам. Бывший военный министр генерал А.Н. Куропаткин, проживавший в Псковской губернии, в конце 1918 г. получил бумагу о необходимости уплатить чрезвычайный революционный налог в 70 000 руб. как бывшему помещику на основании декрета от 30 октября 1918 г. Таких денег у Куропаткина не было, о чем он прямо написал в январе 1919 г. председателю волостного исполкома, сообщив, что всю жизнь жил на жалованье, а доход имел лишь со сбережений и гонораров за научные труды. Куропаткин отметил, что немалые средства тратил и на общественные нужды – открыл сельхозшколу, осушал болота, построил почтово-телеграфное отделение. Куропаткин на начало 1919 г. владел лошадью и (временно) коровой¹. Ведение натурального хозяйства было очевидным и единственным для него способом выживания в чрезвычайных условиях.

Генштабисты страдали и от криминализации страны в Гражданскую войну. Так, у помощника начальника 3-го отдела управления военных сообщений Южного фронта Д.А. Мельникова 11 февраля 1919 г. в трамвае в Москве был похищен бумажник с семьей с половиной тысячами рублей, включая 5000 казенных, а также мандаты. Обокрадена была и жена Мельникова, а затем пропал его багаж. Положение военспеца было настолько отчаянным, что он решил написать о своем несчастье В.И. Ленину. В обращении он писал: «Человек я положительно бедный и к тому же обременен большой семьей. К этому я должен добавить, что матерьяльные неудачи роковым образом и незаслуженно повторяются со мной уже не в первый раз... С первых дней переворота я охотно и добровольно служу Советской власти, по мере моих сил был ей полезен, за что всегда пользовался ее доверием... вычет из получаемого мной скромного содержания означенной суммы для меня был бы положительно непосильным бременем»².

Похожий случай произошел с состоявшим в распоряжении главкома В.Н. Егорьевым, который сообщал начальнику штаба РВСР 24 сентября 1918 г.: «23 сентября, отправившись в военно-хозяйственный надзор высшего военно-хозяйственного совета для сдачи денег и отчетности, имевшихся у меня по должности военного руководителя Западного участка отрядов завесы, я между 16 и 20 часами в районе Новинского бульвара, Смоленского рынка и Брянского вокзала потерял (вероятно, украли при следовании моем в трамвае) один из свертков, в котором был бумажник с 5.519 рублями 99 копейками и четырьмя расписками на сумму 800.108 руб. 60 копеек (расписки уже восстановлены, т.к. заключались в получении от меня денег военным комиссаром Западного района обороны Пыжевым, находящимся в Москве).

Означенная потеря (или кража) – не есть следствие рассеянности или небрежности, а являются результатом моего переутомления, мешающего мне непрерывно координировать сложные явления.

Прошу военно-революционный совет республики, во внимание к моей 35-летней службе, полной забвения себя самого и даже своей семьи,

1) Или простить мне этот долг, имея в виду, что казна в свою очередь мне должна около 18.000 рублей за потерю моего имущества в Черногории, но коих получить вероятно не придется.

2) Или рассрочить его вычетами из моего жалованья по одной его трети, начиная от возвращения меня из отпуска.

Если оба эти решения неприемлемы, то я могу уплатить долг из только что полученных мною вперед за 4 месяца 6.000 рублей, но тогда в отпуск будет ехать не на что и семья моя, совершенно избедствовавшаяся, уж не знаю как будет жить. В. Егорьев»³.

Резолюция на документе вполне показательна: «Предлагаю сумму потери простить ввиду честной и непрерывной службы Егорьева на пользу Со-

¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1611. Л. 6, 7-7об., 9.

² РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 109. Л. 29-30.

³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 92. Л. 80-80об.

ветской России. Главк. Вацетис, Данишевский». На обороте комментарий Данишевского к первому пункту документа: «Мотив этот (п. 1 не выдерживает никакой критики. Дан[ишевский]»¹.

Произвол творили и представители власти. Так, сотрудник Всероглавштаба В.В. Ступин в октябре 1918 г. был задержан дежурным сотрудником ЧК, причем отобрано и не возвращено было 1850 руб. личных денег². На этом злключения Ступина не закончились. В первой половине октября 1918 г. у его матери была реквизирована последняя комната, несмотря на имевшееся удостоверение Воронежского губвоенкомата, что она – мать советского служащего. 68-летней женщине предложили поселиться на кухне, ее пенсия составляла всего 130 руб. Начальник Всероглавштаба А.А. Свечин 20 октября 1918 г. потребовал от председателя исполкома Воронежского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не уплотнять мать военспеца³.

Попытаемся оценить покупательную способность жалованья генштабистов. За жилье приходилось платить. Так, служащие штаба Высшего Военного Совета в 1918 г. платили за жилье до 20% содержания, и это считалось приемлемым⁴. Бывший генерал В.П. Муратов в октябре-ноябре 1918 г. платил за квартиру 130 руб. в месяц, в мае-июне 1919 г. платить приходилось уже 195 руб.⁵ Налогообложение отличалось оригинальностью. Тот же Муратов на май 1922 г. платил общегражданский налог и натурналог – свой однодневный заработок и удержание трех дней продуктового пайка⁶. В конце 1922 г. из персонального жалованья Муратова в счет уплаты общегражданского налога была удержана 1000 руб.⁷

Обед в Советской России в 1919 г. мог стоить 8–8,5 руб. По данным записных книжек генштабиста Ф.Е. Огородникова, 11 апреля 1918 г. он потратил в Москве на молоко 1 руб., на 2 яйца – 1 руб. 20 коп., на обед – 4,5 руб., на извозчика – 5 руб. и на билет (видимо, до Ефремова или Ельца) 19 руб.⁸ В конце апреля еще одна запись о расходах – яйца – 2,25, табак – 18 руб.⁹

Содержание Беломорского военно-окружного комиссариата за два месяца обходилось в 763 000 руб. Формирование двух дивизий в течение двух месяцев стоило 28 500 000 руб.¹⁰

Как известно, к концу Гражданской войны Советская Россия испытывала тяжелейший финансовый кризис. К 1921 г. рубль обесценился относительно рубля 1914 г. в 50 000 раз. Так, в уездах Томской губернии коробка спичек стоила 10 000 руб., бутылка керосина – 90 000, к концу 1922 г. сапоги в Томске можно было купить за 250 000 руб., ведро картофеля – за 8000. На фоне галопирующей инфляции повышались оклады командного состава. 8 декабря 1921 г. РВСР были установлены новые размеры жалованья. Члены РВС фронтов теперь получали 200 000 руб. в месяц, члены РВС армий, начальники управлений – 185 000 руб., начальники отделов – 173 000 руб., начальники частей и канцелярий – 160 000 руб.¹¹ Очевидно, даже такие оклады не поспевали за ростом цен. Нормализовать ситуацию удалось лишь в ходе последовавших финансовых реформ.

¹ Там же.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 3.

³ Там же. Л. 43.

⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 182.

⁵ РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 12. Л. 5-7.

⁶ РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 84. Л. 54.

⁹ Там же.

¹⁰ РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 83. Л. 3.

¹¹ Подустов Ф.Н. Численность, материальное положение и условия труда преподавателей военно-учебных заведений Сибирского военного округа в 1919-1921 годах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Серия: Гуманитарные науки (История). Вып. 1 (52). С. 43.

Рассмотрим материальное положение генштабистов в антибольшевистском лагере.

Приехавший в Москву с тайной разведывательной миссией от командования Добровольческой армии генерал Б.И. Казанович встречался в июне-июле 1918 г. с другим подпольщиком генералом В.Г. Болдыревым. В одну из встреч Болдырев неожиданно спросил Казановича о размере его жалованья. Узнав про 1000 руб. в месяц, он предложил Казановичу 2000 руб., если тот согласится взять на себя командование антибольшевистскими формированиями на Востоке России. На это Казанович ответил, что дело не в вознаграждении, а в восприятии самой затеи и ее политической ориентации¹. По всей видимости, у подполья тогда средства имелись. Рассмотрим, как реально оплачивался труд генштабистов, перебравшихся на Восток России.

Согласно приказу от 10 августа 1918 г. в Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания были установлены следующие месячные оклады жалованья:

Таблица 9

**Оклады содержания в Народной армии Комитета членов
Всероссийского Учредительного Собрания²**

Должность	Оклад (руб.)
Командующий армией	1000
Командир корпуса	750
Начальник дивизии	680
Командир полка	470
Командир батальона	370
Командир роты	340
Рядовой	45

Летом 1918 г. проектировалось создание при Комуче ГУГШ, проект предусматривал следующие оклады:

Таблица 10

Должностные оклады по проекту временного штата ГУГШ Комуча³

Должность	Оклад (руб.)
Начальник Генерального штаба (генерал ГШ)	850
Генерал для поручений (генерал-майор или штаб-офицер ГШ)	680
Штаб-офицер для поручений	540
Начальник оперативного отдела (генерал-майор или полковник ГШ)	680
Начальник оперативной части (штаб- или обер-офицер ГШ)	600
Заведующий отделением по подготовке операций (штаб- или обер-офицер ГШ)	540
Его помощник	340
Начальник разведывательной части (штаб-офицер ГШ)	600
Заведующий отделением внутренней разведки (штаб- или обер-офицер ГШ)	540
Его помощники (2 офицера)	370
Начальник общей части	600
Начальник отдела формирования	680

¹ Казанович Б.И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май-июль 1918 года // Архив русской революции. Т. 7. Берлин, 1922. С. 196.

² РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 122.

³ РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 140-145.

Проект штата предусматривал и другие должности, на которых могли находиться генштабисты. Впоследствии ГУГШ было сформировано в ином виде, возглавил его Генштаба полковник А. П. Слижигов.

Командующий войсками Оренбургского военного округа на июль 1918 г. имел месячный оклад в 1800 руб. и 1000 руб. на разъезды и представительские расходы¹. Оклады академического руководства и их соответствие армейским по штату от 12 октября 1918 г. были следующими:

Таблица 11

**Оклады постоянного состава Военной академии
и их соответствие армейским в войсках
Временного Сибирского правительства по штату от 12 октября 1918 г.²**

Должность в академии	Звание	Приравненная к ней армейская должность	Разряд оклада	Оклад (руб.)
Начальник академии	Генерал Генштаба	Командир корпуса		1360
Правитель дел	Штаб-офицер или генерал-майор Генштаба	Командир бригады	2-й	880
Помощник правителя дел	Штаб-офицер Генштаба	Командир полка	3-й	680
Курсовые штаб-офицеры (9 офицеров)	Штаб-офицеры Генштаба	Командир полка	3-й	680
Заслуженные оди-нарные профессора	Генералы Генштаба			1360
Ординарные профессоры (20 офицеров)	Генералы или штаб-офицеры Генштаба	Начальник дивизии	1-й	1120
Экстраординарные профессора (5 офицеров)	Обер-офицеры, штаб-офицеры или генерал-майоры Генштаба	Командир бригады	2-й	880
Штатные преподаватели и штатные руководители практических занятий (8 офицеров)	Обер-офицеры, штаб-офицеры или генерал-майоры Генштаба	Командир полка	3-й	680

Слушатели академии осенью 1918 г. получали жалование в размере 340–400 руб. в месяц и 100 руб. квартирных³. По окладам они были приравнены к 7-му разряду и к командирам рот (если до зачисления в академию не имели более высокий оклад). Взамен пайка выплачивалось еще 80 руб.⁴ Размеры денежного довольствия были связаны еще с петроградским периодом истории академии. Осенью 1918 г. при эвакуации академии из Самары в Екатеринбург и Томск семейные сотрудники получали эвакуационное пособие в размере 1000 руб., одинокие – 500 руб.⁵ При совмещении преподавания с другими должностями офицер получал четверть содержания по другой должности к основному окладу⁶.

¹ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 47об.

² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 173-175.

³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 231.

⁴ РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 169.

⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 20.

Пенсия заслуженных ординарных профессоров Б.М. Колюбакина и Г.Г. Христиани на начало 1919 г. составляла 1800 руб. в год. Кроме того, ему полагалась и надбавка в размере 300 руб.¹ По дореволюционным нормам пенсия ординарного профессора составляла 1500 руб. в год, экстраординарного – 750. Колюбакин и Христиани получали прибавку к 1500 рублям, поскольку выслужили по два пятилетия сверх 25 лет службы (по факту получали только 300 руб. за одно пятилетие). Выслуживший одно пятилетие профессор А.И. Медведев получал 900 руб.² В академии, являвшейся по сути оазисом организованности посреди разрухи, отдельным офицерам выдавались даже пособия на воспитание детей³. В ноябре 1918 г. преподаватели академии вели занятия на повторительных курсах младших офицеров в Томске, причем ставки были следующими: за часовую классную лекцию платили 6 руб. 25 коп., за 3-часовой выход в поле – 24 руб., за 8-часовой – 64 руб.⁴ Слушатели курсов 4-й очереди в феврале 1919 г. решили ежемесячно делать вычет с каждого в размере 5 руб. на расходы по офицерскому собранию⁵. За публичную лекцию по международным отношениям, прочитанную в общественном собрании Томска, профессор Г.Г. Христиани выручил 24 марта 1919 г. 979 руб. 97 коп., которые сдал в фонд выдачи пособий офицерским и классным чинам академии⁶. Лекция 6 мая 1919 г. принесла 604 руб. 55 коп., вырученные средства вновь были пожертвованы тому же адресату⁷. Стоимость занятия по тактике в феврале 1919 г. составляла 40 руб., прием экзаменов по-прежнему оценивался в 50 руб.

Администрации академии выплачивались надбавки на дороговизну в размере 10% оклада за период с 1 ноября 1918 г. по 1 марта 1919 г. Б.М. Колюбакин из оклада в 1700 руб. получал надбавку 680 руб., А.Т. Антонович из оклада 1100 руб. получал 600 руб. надбавки. Штатные преподаватели получали 15% добавку⁸. К сожалению, установить причины различий в размере надбавок не удалось.

Суточные ординарным профессорам выплачивались в размере 3% от оклада в сутки. Рядовые служащие академии в апреле 1919 г. получали по 250 руб. (кочегар, дворник, служители, кучеры, конюхи), столяры по 400, писаря-машинисты – 390, ветеринарный фельдшер – 280 руб.⁹ Квартирные деньги колебались от 100 до 340 руб.¹⁰

В 1918 г. заработная плата рабочего на востоке России составляла 25–40 руб. за 8-часовой рабочий день в зависимости от квалификации. Фунт хлеба в Омске стоил 70–80 коп., бутылка водки – 6 руб.¹¹ Осенью 1918 г. в Оренбурге фунт сахара у спекулянтов стоил 30 руб., пуд соли – 10–12 руб. (государственная цена – 2 руб. 60 коп., в Самаре же стоимость достигала 24 руб.), молоко – 5–6 руб. за четверть, коробка спичек – 75 копеек, осьмушка махорки – 7–9 руб.¹² При этом цены на хлеб в Оренбурге осенью 1918 г. были в 4–5 раз ниже аналогичных в занятой красными Вятке¹³. В январе 1919 г. оренбургский атаман А.И. Дутов утвердил следующие предельные цены: пуд пшеницы – 12–15 руб., пуд мяса – 76 руб. (в Ташкенте в марте 1919 г. – 600 руб.), пуд сливочного масла – 380 руб. (в Ташкенте в марте 1919 г. – 2000 руб.¹⁴),

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1653. Л. 1.

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1662. Л. 1.

³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 97. Л. 115об.

⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 27. Л. 21об.

⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 58об.

⁶ Там же. Л. 111об.

⁷ Там же. Л. 141.

⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 96. Л. 56об., 58об.

⁹ Там же. Л. 235об.-236об., 237об., 300об., 304об., 305об.

¹⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 99. Л. 3, 17.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 253. Л. 15.

¹² ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 7. Д. 11. Л. 22об.-23.

¹³ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001. С. 246.

¹⁴ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 12об.

пуд картофеля – 16–20 руб., пуд керосина – 17 руб. 20 коп., пуд мыла – 240–260 руб.¹ Скачок цен произошел весной-летом 1919 г. по всей видимости в связи с отменой твердых цен на пищевые продукты. Рыночные цены по Орскому уезду в июне 1919 г. были следующими: фунт чая – 90–120 руб., фунт сахара – 65 руб., коробка спичек – 3 руб., фунт керосина – 10 руб., фунт простого табака – 50–60 руб., фунт кофе в зернах – 20 руб., аршин ситца самой дешевой ткани – 35–40 руб., аршин самой дешевой материи на верхнюю одежду – 120 руб., фунт простого мыла – 7–12 руб.²

Дополнительно выплачивавшиеся квартирные деньги составляли четвертую часть жалованья. В боевой обстановке, на декабрь 1918 г., полагалась 20% надбавка к жалованью³. На Востоке России с 1918 г. вводились прибавки на дороговизну. Так, по постановлению Совета министров от 27 декабря 1918 г. увеличение содержания на дороговизну составило 15%⁴. Согласно приказу по военному ведомству № 15 за 1918 г. надбавка возросла до 25%. Генерал для поручений при Верховном главнокомандующем С.Н. Люпов в марте 1919 г. получал 1360 руб. жалованья и 340 руб. 25% прибавки⁵.

Оклад Войскового атамана Оренбургского казачьего войска с марта 1919 г. составил 3000 руб.⁶ Месячное жалование рядового бойца армии Колчака было определено в декабре 1918 г. в 10 руб., младшие офицеры получали по 480 руб., командир полка – 800 руб.⁷

Помощник начальника оперативного отделения штаба Сибирской армии, капитан-курсовик, получал оклад 680 руб.⁸ Таким же был оклад преподавателя военных наук в Белой Сибири (к этому прилагались 170 руб. квартирных)⁹. Жалование курсовика, прикомандированного к колчаковской Ставке, в январе 1919 г. могло составлять 400 руб.¹⁰ И.д. дежурного генерала Ставки получал в мае 1919 г. 880 руб. жалованья и 220 руб. квартирных, а также 385 руб. 35% прибавки к жалованью и квартирным. В общей сложности выходило 1485 руб.¹¹ Начальник организационного отдела в мае 1919 г. получал 800 руб. жалованья, 200 руб. квартирных и 350 руб. прибавки, итого 1350 руб.¹² Летом оклады возросли. Тот же офицер по той же должности в июне 1919 г. получал уже 1120 руб. жалованья, 350 руб. квартирных и сразу несколько прибавок – 280 руб. (25% прибавка для внеурядных городов), 175 руб. (10-25% прибавка к жалованью и квартирным на дороговизну и 25% прибавка), а всего 1925 руб.¹³ Увеличение шло за счет роста квартирных и прибавочных выплат. На август 1919 г. начальник отдела получал прежнее жалование, но квартирные составляли 472,5 руб., а надбавки 280 и 490 руб. Всего выходило 2362,5 руб.¹⁴ Боевые оклады давали 20% прибавку к жалованью¹⁵.

Оклад начальника Главного штаба составлял 1450 руб.¹⁶ Оклад командира казачьего полка в 1918-1919 г. мог составлять 800 руб.¹⁷ Занимавший

¹ Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 175.

² ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1767. Л. 13.

³ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 161.

⁴ РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

⁵ Там же. Л. 85.

⁶ Протоколы 3-го очередного Войскового Круга Области Войска Оренбургского. Троицк, 1919. С. 119.

⁷ Русская армия. 1918. № 27. 22.12. С. 1.

⁸ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56. Л. 181.

⁹ РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 9. Л. 33.

¹⁰ Там же. Л. 1об.-2.

¹¹ Там же. Л. 5об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 39об.-40.

¹⁴ Там же. Л. 168об.

¹⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 82.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-6219. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

¹⁷ РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 9. Л. 332.

высший военный пост, на какой тогда мог рассчитывать генштабист на Востоке России, начальник штаба Ставки Д.А. Лебедев на июнь 1919 г. получал 2400 руб. жалованья, 750 руб. квартирных, 600 руб. 25% прибавки и 375 руб. прибавки на дороговизну. Итого 4125 руб.¹ При этом общая сумма колебалась. Так, за август 1919 г. Лебедеву полагалось то же жалованье, но квартирные возросли до 1012,5 руб. Прибавка для второразрядных городов составила 600 руб., а 25% прибавка – 1050 руб. Таким образом, за август 1919 г. Лебедев заработал 5062,5 руб.²

Помощники Лебедева, генералы П.Г. Бурлин и А.П. Будберг, получали намного меньше: 1600 руб. жалованья, 500 руб. квартирных, 400 и 250 руб. прибавок. Итого по 2750 руб. каждый (в августе у Бурлина при прежнем жалованье квартирные составили 675 руб., а прибавки – 400 и 700 руб., итого 3345 руб.³). 3-й генерал-квартирмейстер Генштаба полковник А.Т. Антонович получал 1360 руб. жалованья, 425 руб. квартирных, 340 и 212,5 руб. прибавок. Итого 2337,5 руб. Руководивший инструкторской школой генерал К.В. Сахаров получал 1120 руб. жалованья и 280 руб. квартирных⁴.

В марте 1920 г. жалованье генерал-квартирмейстера штаба III отдельного стрелкового корпуса К.В. Семчевского составляло 1120 руб. Расчет денежных средств был непростым и включал оклад, увеличенный в пять раз с двумя 25% прибавками (боевой и внеочередной) на жалованье и квартирные и 25% прибавкой на квартирные, а также пособием за декабрь 1919 г. в размере трех месячных окладов за январь-март 1920 г.⁵ Начальник Военной академии на август 1920 г. на Дальнем Востоке получал уже 2893 руб. 33 коп. оклада и квартирных, из которых вычитались 43 руб. 40 коп. налога., а в сентябре 1920 г. получал уже 22 264 руб. 20 коп. за вычетом 1001 руб. 89 коп. налога⁶ Генерал М.А. Иностранцев в июне 1920 г. рассчитывал на получение пенсии в размере 1500 руб. в год и эмеритуры в 645 руб., всего 2145 руб.⁷ После ухода каппелевских частей из Забайкалья, личный состав практически не получал жалованья, лишь впоследствии с приходом к власти Временного Приамурского правительства какие-то суммы стали выдаваться⁸.

В 1920 г. начальник академии получал 1608 руб. 75 коп., правитель дел – 1188 руб., ординарный профессор – 1395, экстраординарный – 1188, штатный преподаватель – 1010 руб. 25 коп., дворник 450 руб.⁹ К августу 1920 г. начальник академии А.И. Андогский получал основной оклад и квартирные в размере 2893 руб. 33 коп., из которых вычитались 43 руб. 40 коп. налога. Ординарные профессора получали 2626 руб. 66 коп. за вычетом 39 руб. 40 коп. налога¹⁰. Оклады постоянно менялись. К сентябрю 1920 г. Андогский получал 6510 руб. за вычетом 162 руб. 75 коп., ординарные профессора – 5910 руб. за вычетом 147 руб. 75 коп. По другим расчетам на тот же месяц у Андогского было 22 264 руб. 20 коп. за вычетом 1001 руб. 89 коп., у ординарных профессоров – 20 212 руб. 20 коп. за вычетом 909 руб. 55 коп.¹¹

В 1921 г. жалованье было пересчитано на золото. В феврале 1921 г. Андогскому золотом причиталось 98 руб. 60 коп. или кредитными билетами 295 800 руб. Удерживался налог 13 311 руб. или 4 руб. 44 коп. золотом, удерживались квартирные 34 831 руб. или 11 руб. 61 коп. золотом, оставалось к вы-

¹ Там же. Л. 39об.-40.

² Там же. Л. 163об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 32.

⁵ Музей русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция К.В. Семчевского. Вох 1. Folder 6.

Л. 13.

⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 107. Л. 4, 43.

⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 581.

⁸ Филимонов Б.Б. Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 85.

⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 103. Л. 95–95об.

¹⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 107. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 21, 43.

даче 247 658 руб. или 82 руб. 55 коп. золотом. Правитель дел получал 249 600 руб., заслуженный ординарный и ординарный профессора – 263 400, экстраординарный профессор – 227 400 руб.¹ Вр.и.д. начальника академии получал 79 руб. 17 коп. золотом, заслуженный ординарный профессор – 70 руб. 83 коп., экстраординарные и ординарные профессора – 62 руб. 50 коп., штатный преподаватель – 54 руб. 17 коп., дворник – 35 руб.² По смете 1922 г. начальник академии должен был получать 100 руб. в месяц, заслуженный ординарный профессор – 90, ординарный – 80, экстраординарный – 70, штатный преподаватель – 60 руб.³

В октябре 1920 г. служащие академии получали на руки продукты питания из продуктовой лавки академии по цене на 50% ниже цен городской продуктовой лавки. Нормы выдачи на человека составляли: мука – 3 фунта (на август 1920 г. муки 2-го сорта – 5 фунтов, простого размола – 10 фунтов), крупа-ядрица – 5 фунтов, пшено – фунт, рис – фунт (на август 1920 г. не выдавался), соль – ½ фунта (на август – фунт), масло сливочное – фунт (на август – 2 фунта), сахар – фунт (на август – 2 фунта), сало интендантское кусковое только для административного состава – 4,5 фунта (на август не выдавалось). Кроме того, в августе 1920 г. нормировался хлеб – 3 фунта, перец – 15 золотников, чай – ¼ фунта, мыло – фунт, 10 листов курительной бумаги, пачка спичек⁴.

Генштабисты-беженцы с Севера России, находясь в лагерях на территории Финляндии и Норвегии, в июне-октябре 1920 г. получали прежние оклады содержания, сохранившиеся со времени их службы на белом Севере. Так, дежурный генерал штаба главнокомандующего полковник В.А. Жилинский получал оклад в 2900 руб. «чайковками», начальник штаба главнокомандующего генерал-лейтенант М.Ф. Квецинский – 4200 руб., заместитель председателя финансово-экономического совета Северной области генерал от инфантерии С.С. Саввич – 3100 руб., главнокомандующий генерал от кавалерии Е.К. Миллер – 5400 руб., что было, очевидно, наивысшим окладом⁵. Начальник канцелярии военного отдела Верховного управления Северной области на август 1918 г. получал жалованье в 750 руб., на октябрь 1918 г. — 700 руб.⁶

О значимости материального фактора для переманивания офицеров-генштабистов, неплохо устроившихся на гетманской Украине, свидетельствует письмо генерала А.С. Лукомского начальнику штаба Добровольческой армии генералу И.П. Романовскому от 10 (23) мая 1918 г.: «Если Добр[овольческая] армия способна к дальнейшей работе, то надо заняться и организаторской работой. В ближайшие дни (с Сидориным) пришлю список оф[ицеров] Ген[.] шт[аба] здесь имеющихся, дабы вы могли выбрать работников. Но надо иметь в виду, что надо в матер[иальном] отношении обеспечить существование семейств; если это не сделаете, то многие не пойдут»⁷.

Дороговизна на Юге России была колоссальной. Особую ценность представляет сравнение уровня жизни Советской России и антибольшевистского лагеря. Генштаба капитан Б.В. Федоров в докладе о засылке белых эмиссаров на советскую территорию на октябрь 1918 г. сообщал: «при командировках и посылках курьеров полагал бы необходимым установить следующие правила денежного довольствия:

1) При командировании в район армии – суточными по 7 руб. и литерой А (приказ Д[обровольческой] а[рмии] № 457).

2) При командировании в Украйну, Крым и Кавказ – деньгами на покупку в оба конца билета 2-го класса, согласно действительной стоимости, суточными по 25 руб., на непредвиденные расходы от 100 до 400 руб., в зависимости от

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 112. Л. 56об.

² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 80. Л. 8-8об.

³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 114. Л. 55.

⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 102. Л. 17, 23.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 116. Л. 12-14.

⁶ РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 118. Л. 182об.

⁷ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 34об.

места и продолжительности командировки, по определению командирующего начальника и, кроме того, на покупку штатского платья, если в том явится необходимость по усмотрению командирующего н[ачальни]ка.

Полагаю, что менее 25-ти рублей суточных назначить нельзя при все увеличивающейся дороговизне жизни, в особенности в Крыму и на Кавказе, считая, что одно только довольствие в сутки обходится не менее 20-ти рублей, а при остановках в городах нельзя найти номера дешевле 15 руб. и за предоставление номера необходимо давать вознаграждение швейцару. При покупках ж[елезно]д[орожных] билетов зачастую приходится переплачивать комиссионерам, дабы не было задержки, извозчики, чаевые и прочие непредвиденные расходы требуют отпуска от 100 до 400 руб.

3) При командировках в Советскую Россию и в Сибирь – деньгами на покупку в оба конца билета 2-го класса согласно действительной стоимости, суточными по 30 руб., а за время пребывания в Петрограде и Москве – по 60 руб. в сутки. На непредвиденные расходы: в Советскую Россию – 400-1000 руб., в Сибирь – 600-1500 руб., в зависимости от дальности и продолжительности командировки и, кроме того, на покупку штатского платья, если в том явится необходимость по усмотрению командирующего начальника.

Жизнь в Советской России дороже, чем на Украине, почему менее 30-ти рублей суточных выдавать нельзя, считая до 25 рублей на пропитание и 15 руб. за номер. За время проживания в Петрограде и Москве полагаю необходимым выдавать по 60 руб. в сутки, принимая во внимание, что фунт хлеба стоит 12-15 руб. и довольствие обходится не менее 50 руб. в сутки, номера – до 20 руб. в сутки, не считая непредвиденных расходов, как извозчики, чаевые и т.п. На непредвиденные расходы полагаю необходимым выдавать особо 400-1000 руб., ввиду особых трудностей и опасностей при проезде через границу и по территории Советской России, где приходится, объезжая опасные места, передвигаться на лошадях, а при задержке красноармейцами и получении пропусков – прибегать к подкупам.

При командировании в Советскую Россию и в Сибирь, необходимо снабжать командирующих штатским платьем, если такового у них не имеется»¹.

В Добровольческой армии материальное обеспечение генштабистов было скудным. На белом Юге генштабист В.З. Макшеев получал 2000 руб. жалованья². Состоявший при генерале М.В. Алексееве Генштаба полковник Я.М. Лисовой в августе 1918 г. получил 500 руб. содержания, 150 руб. кормовых, 100 руб. семейных. Итого 750 руб.³ Штаб-офицерская вакансия старшего адъютанта штаба Саратовского корпуса в ноябре 1918 г. предусматривала оклад в 750 руб., а также паек⁴. Войсковой атаман Астраханского казачьего войска в 1918 г. получал 800 руб. в месяц, начальник Войскового полевого штаба – офицер-генштабист – 700 руб., обер-квартирмейстер штаба (также генштабист) – 600 руб., писарь того же штаба – 150-175 руб.⁵ В резерве чинов офицеры получали летом 1918 г. по 300 руб.⁶ В конце 1918 г. прапорщик получал 450 руб. жалованья, а главнокомандующий — 3000 руб., в конце 1919 г. — 700 и 5000 руб. соответственно⁷. При этом даже 700-рублевый офицерский оклад едва превышал прожиточный минимум. Для сравнения, суточная норма продуктового потребления на человека в Екатеринодаре на 1 ноября 1919 г. оценивалась в 26,16 руб.⁸

Согласно временному штату управления неотдельного конного корпуса, утвержденному А.И. Деникиным 7 (20) декабря 1918 г., устанавливались следующие годовые оклады содержания:

¹ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 4-5.

² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 317. Л. 36.

³ РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 1. Л. 14.

⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 55а. Л. 4.

⁵ РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 3. Л. 73.

⁶ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 72.

⁷ Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 248–249.

⁸ Там же. С. 255.

**Годовые оклады содержания офицеров штаба
неотдельного конного корпуса ВСЮР
по временному штату 07 (20).12.1918 г.¹**

Должность	Оклад (руб.)
Командир корпуса (генерал или генерал-лейтенант)	8000
Начальник штаба корпуса (генерал-майор или полковник)	6600
Старшие адъютанты штаба корпуса (2 обер-офицера: по строевой и инспекторской части и по хозяйственной части)	3900
Штаб-офицер Генштаба	4800
Обер-офицеры Генштаба (2 должности)	3900

Годовой оклад по учрежденной в 17 февраля (2 марта) 1919 г. должности штаб-офицера Генштаба для связи со штабом Всевеликого Войска Донского в управлении генерал-квартирмейстера главкома ВСЮР составлял 8100 руб.² В апреле 1919 г. годовой оклад офицера Генштаба в Константиновском военном училище был установлен в размере 7200 руб. Всего таких офицеров было трое³. Годовой оклад начальника штаба главнокомандующего ВСЮР составлял 14 400 руб., начальник отдела Генерального штаба, генерал-квартирмейстер Ставки, дежурный генерал получали 11 400 руб. в год, помощник начальника отдела Генерального штаба, начальники мобилизационной и военнотопографической части получали 9900 руб. в год⁴. В сентябре 1919 г. начальник отделения в военном управлении, полковник Генштаба, мог получать 18 000 руб., его помощники – 12 000 руб., а младший оклад помощника, капитана Генштаба, составлял 9600 руб.⁵ Руководитель киевского подпольного центра белых получал в 1919 г. 4000 руб. в месяц.⁶

Средние чиновники (VIII-VI классы, соответствовавшие воинским чинам от капитана до полковника) на белом Юге в 1919 г. получали до 1800 руб. Между тем, прожиточный минимум на человека в Екатеринодаре с апреля по ноябрь 1919 г. вырос с 300 до 900 руб., а в Ростове-на-Дону цены на 10-15% были выше⁷. Из этих данных видно, что генштабисты находились не лучшим в финансовом положении, чем равные им гражданские чиновники. Как мы знаем, в Советской России генштабисты получали даже больше комиссаров, не исключая и самого В.И. Ленина.

4 (17) декабря 1919 г. Деникин утвердил новые месячные оклады чиновникам (XIV класс – 700 руб., XIII – 750, XII – 800, XI – 850, X – 900, IX – 1000, VIII – 1200, VII – 1400, VI – 1800, V – 2200, IV – 2800, III – 3300, II – 4000). Устанавливалась и прибавка на дороговизну – 75-100% кормового оклада, чиновники с VI по II класс также получали довольствие по должности от 500 до 5000 руб.⁸ К декабрю прожиточный минимум в Екатеринодаре составил 1150 руб., а в Ростове-на-Дону – 1500 руб. В связи с поражениями ВСЮР прогрессировала инфляция.

Генштаба полковник К.В. Алексеев 24 января (6 февраля) 1919 г. в Одессе отмечал: «Жить же раздельно с семьей, даже при получении большего содержания, при теперешней страшной дороговизне (одно отопление двух занимаемых мною комнат стоит 510 руб. в месяц), это – обречь свою семью на го-

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 251. Л. 3.

² РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 84.

³ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 130. Л. 131.

⁴ Там же. Л. 199.

⁵ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 37.

⁶ Там же. Л. 341.

⁷ Карпенко С.В. Антибольшевистские военные диктатуры и чиновничество (Юг России, 1918-1920 гг.) // Вестник РГГУ. 2012. № 4 (84). Серия «Исторические науки. История России». С. 91.

⁸ Там же. С. 92.

лодную смерть»¹. Материальное положение даже высшего командного состава ВСЮР было незавидным. Протопресвитер Г. Шавельский свидетельствовал: «И офицерство, и все чины Добровольческой армии, и сам ген. Деникин владели нищенское существование. Жизнь вздорожала, ценность денег упала, – требовались для приличного существования большие оклады. Кубанский атаман в конце 1918 г. получал 5 тысяч рублей в месяц, при всем готовом, а ген. Деникин в это самое время имел тысячу с небольшим в месяц, без всего готового. Его помощники – еще меньше. Чиновники и офицеры получали крохи. Нужда всюду остро заявляла о себе»². Неудивительно, что, например, супруга начальника штаба главнокомандующего ВСЮР генерала И.П. Романовского собиралась для выживания продавать серебряный чайник, а после того, как выручка будет проедена, не знала, что делать. Супруга генерала А.С. Лукомского пыталась раздобыть денег на новую одежду сыну, выросшему из старой³.

Отдельные офицеры пытались подрабатывать. Так, например, А.А. фон Лампе на Юге России зарабатывал журналистикой. Его доход, как отмечал он сам, составлял порядка 5000 руб. В то же время ужин обходился в 200 руб. и фон Лампе считал, что такие расходы ему не по карману⁴. Существовала среди офицеров и взаимопомощь. Так, в Особом отделении отдела Генерального штаба военного управления ВСЮР в 1919 г. функционировал хозяйственный кооператив. Членский взнос составлял 5 руб., пай – 25 руб.⁵

На Востоке России генштабистов приглашали выступать с лекциями, за которые можно было получить дополнительное вознаграждение. Так, например, в ноябре 1918 г. генерал Р. Гайда просил прислать ему из Военной академии лектора и руководителя для тактического образования командиров батальонов. Трехнедельная командировка вознаграждалась в размере 1000 руб. Кроме того, командированные обеспечивались питанием и проживанием. Правитель дел академии сообщал штатному преподавателю Генштаба генерал-майору П.Ф. Рябикову 21 ноября 1918 г.: «Если Вы послали отрицательный ответ, то он задержан и не доложен Богословским – Гайде, т.к. по обстоятельствам обстановки чрезвычайно необходимо быть внимательным к просьбе Гайды, тем более, что академия бездействует»⁶. Из подобной реакции можно заключить, что предложение Гайды не было слишком щедрым.

Особую статью дохода составляли трофеи. Конечно, они доставались далеко не всем, но нередко достигали фантастических размеров. Так, топограф штаба конного корпуса генерала К.К. Мамантова по разверстке за время знаменитого Мамантовского рейда по советским тылам получил 200 000 руб.⁷ Сколько получали более высокопоставленные лица – неизвестно. Об этом имеются лишь косвенные данные. Так, например, у генерала Постовского (не генштабиста), прославившегося мародерством в том же рейде, в Севастополе в 1920 г. украли чемодан с бриллиантами, золотом и ценностями на сумму свыше 12 млн. руб.⁸

Махинации в белом тылу стали нормой жизни. К некоторым из них были причастны и генштабисты. Осенью 1919 г. на Юге России проходил суд по делу Генштаба полковника Н.А. де Роберти и его супруги. Как отмечал генерал Л.М. Болховитинов в частной переписке, «сообщи решение суда по делу четы де Роберти. И супруг и супруга обвинены в подлогах, учиненных в целях провоза муки в Батум, и еще каких-то пакостях. Суд определил им наказание – по 4 года арестантских отделений каждому. Таким образом, распущенная и развратная бабенка, выпустившая до того “в трубу” не одного обожателя, свое получила.

¹ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 10. Л. 5об.

² Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 326-327.

³ Там же. С. 327.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.

⁵ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 4.

⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1631. Л. 24-24об.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 98.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 537.

Супруг оказался достойным своей супруги и тоже осужден. Мне их нисколько не жаль»¹. Сам де Роберти утверждал, что от должности начальника штаба 1-й дивизии в июне 1919 г. «был отчислен и даже был вследствие интриг, как результата бывших несогласий, под следствием и даже судом (дело было закончено)»².

Нередко махинации и злоупотребления приводили к острым конфликтам и даже покушениям на офицеров. Так, видный деятель Белого движения на Востоке России генерал П.Г. Бурлин в кругах русской военной эмиграции подозревался в том, что присвоил себе 20 млн. руб., выданных ему адмиралом А.В. Колчаком в Красноярске в начале 1920 г. для помощи эвакуированным на Дальний Восток. Спасаясь от красных, Бурлин, якобы, зашил деньги в шубу, а позднее – в Харбине – обменивал рубли по курсу 135 руб. за одну иену, нажив на этом 150 000 иен. На Бурлина было совершено покушение, но по ошибке погиб невинный человек³. К сожалению, сейчас крайне сложно отделить правду от инсинуаций и сплетен, получивших широчайшее распространение в среде русской эмиграции на почве безденежья и множества проблем.

В апреле 1920 г. в Крыму при генерале П.Н. Врангеле жалование начальника связи составляло 26-30 000 руб. Пирожок в столовой стоил 60 руб., «почти несъедобный обед» в столовой штаба – 250 руб., в ресторане – 350 руб., фунт сахара – 1800 руб. (в Константинополе – около 900 руб.), чашка кофе – 125 руб.⁴ Чиновники VII класса на май 1920 г. получали 16 000 руб. жалования в месяц, в сентябре 1920 г. оклады были удвоены, но инфляция стремительно съела все прибавки и денег не хватало даже на прожиточный минимум⁵. В сентябре 1920 г. ежедневный кормовой оклад офицера составлял до 800 руб., тогда как простой обед из трех блюд стоил уже 5–10 тысяч руб.⁶ С марта по октябрь 1920 г. размер прожиточного минимума для семьи из трех человек в Крыму вырос более чем в 23 раза⁷. Никакие оклады не поспевали за столь стремительным ростом цен.

Реалии повседневности периода 1917-1920 гг. были удручающими. При недостаточности медицинского обеспечения, упадке питания в стране свирепствовали эпидемии, касавшиеся генштабистов и членов их семей. Особенно распространены и опасны в тех условиях были инфекционные заболевания, различные формы тифа. От инфекционного заболевания внезапно в разгар операций на фронте скончался помощник командующего советским Южным фронтом бывший генерал В.И. Селивачев. Супруга колчаковского генерала Е.Э. Трегубова, сестра милосердия, в 1919 г. скончалась от тифа (сам Трегубов попал в плен и был расстрелян красными). Тяжелую болезнь перенес в 1919 г. один из вождей Белого движения на Юге России генерал П.Н. Врангель. Страдали и заболевали генштабисты и от переутомления.

Гражданская война привела к падению нравственности, в том числе в военной элите. Распущенность стала обыденным явлением в жизни офицеров, в том числе генштабистов. Далекое не все, как генерал А.И. Деникин, могли похвастаться безупречным моральным обликом. Некоторые высокопоставленные военные одновременно имели по несколько семей (например, окончившие академию белые генералы С.Н. Войцеховский, А.И. Дутов, А.П. Перхуров и другие), заводили любовниц, походно-полевых жен, пользовались услугами проституток (на февраль 1919 г., в районе Сибирской армии ночь с проституткой стоила 60 руб.⁸), употребляли наркотики. Командующий Донской армией генерал В.И. Сидорин к штабному поезду прицепил вагон с опереттой и проводил время в за-

¹ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 275об.

² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 306. Л. 38.

³ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 146. Л. 42.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 109.

⁵ Карпенко С.В. Антибольшевистские военные диктатуры и чиновничество. С. 95.

⁶ Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 391.

⁷ Там же.

⁸ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 24. Л. 174.

стольях в обществе полуобнаженных актрис¹. На этом фоне широко распространенный алкоголизм командного состава уже не был наиболее порочным явлением. Обычным делом стало пьянство целых штабов. Хроническим алкоголиком был командующий Добровольческой армией генерал В.З. Май-Маевский, спаивавший и свой штаб, что сказывалось на эффективности управления войсками. Пьянствовал и генерал А.А. Боровский, начальник 2-й пехотной дивизии и командующий Крымско-Азовской Добровольческой армией, причем в войсках говорили, что он «пропил Ставрополь»². У белых на Востоке России пьянством прославился главнокомандующий Восточным фронтом генерал К.В. Сахаров.

Семейный вопрос в Гражданскую войну действительно приобретал немалую остроту. Красные декларировали ответственность семей за возможные измены военспецов, что заставляло бывших офицеров тревожиться за судьбу близких, даже несмотря на декларативность угрозы³. Не менее тяжелым было положение офицерских семей у белых – в связи с неудачами на фронтах и отступлением антибольшевистских армий существовала большая вероятность захвата красными семей офицеров в плен, что могло повлечь, в свою очередь, сдачу в плен и глав этих семей, не желавших терять связь с близкими. В бытовом плане положение семей даже высокопоставленных генштабистов в каждом лагере отличалось неустроенностью и незащищенностью.

Рассмотрим материальное положение генштабистов национальных армий. К сожалению, в украинских документах присутствует некоторая путаница в денежных единицах – в рублях, гривнах, карбованцах, польских марках, в связи с чем мы приводим наименования валют, как они указаны в документах, оставляя ответственность за правильность указания денежных единиц на составителях документов.

В ГУГШ на гетманской Украине осенью 1918 г. рассматривались меры по улучшению материального положения офицеров. Предполагалось, что командир корпуса в год будет получать 15 600 руб., начальник дивизии – 13 200 руб., командир неотдельной бригады – 12 000 руб., командир полка – 11 400 руб., старший помощник командира полка – 9600 руб., младший помощник командира полка – 9000 руб., командир отдельной роты, батареи, батальона 8400 руб., командир роты – 7600 руб., младший офицер – 5400 руб.⁴ Семейным офицерам ниже командира батальона доплачивали еще по 600 руб. Начальник военного отдела Генерального штаба (штаб-офицер, не генштабист) в 1918 г. получал 800 карбованцев в месяц⁵. Минимальный оклад в 250 карбованцев имела машинистка. В военно-исторической комиссии Румынского и Юго-Западного фронтов оклад председателя составлял 1150 руб., начальник канцелярии получал 600 руб., два писаря – 250 и 200 руб.⁶

Пользуясь тем, что гетманская армия не вела боевых действий, некоторые офицеры ходатайствовали об учете их предпочтений при назначениях. Капитан М.П. Фесик писал 20 ноября 1918 г. 2-му генерал-квартирмейстеру украинского ГУГШ генеральному хорунжему А.И. Прохоровичу из Белой Церкви: «Покорнейше прошу назначить меня в Чугуев, где имеется дом моей жены»⁷. Отдельные даже отказывались от не устраивавших их с материальной точки зрения назначений. Так, штабс-капитан Х.В. Гуртовенко 27 сентября 1918 г. сообщал о своем отказе в ГУГШ: «Материально, семейно связан [с] Уманью. Не желаю... Гуртовенко»⁸.

¹ Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917-1919. М., 2007. С. 613–614.

² Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Ч. 1. М., 1992. С. 152.

³ Подробнее см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 195-208.

⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 103.

⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 52. Л. 8; Д. 60. Л. 31.

⁶ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 328.

⁷ Там же. Л. 800.

⁸ Там же. Л. 809.

Генерал В.В. Суходольский писал о том, что назначение за пределами Одессы вынудит его жить на два дома, чего он не хотел: «Мои личные ресурсы иссякают так, что скоро придется сделать, не знаю что», – отмечал генерал¹.

Неустановленный курсовик был еще более предметен в изложении своего материального интереса. Офицер сообщал, что стоянка штаба 16-й дивизии в Александровске «по семейным обстоятельствам вообще меня не удовлетворяет, так как имущественно я заинтересован либо Екатеринославом, либо еще в большей мере Полтавской губ., здесь при большей относительно других пунктов дороговизне жизни вообще, до крайности обострен квартирный вопрос в частности. Пока штаб и офицеры штаба разместились в гостиницах. Несмотря на приказ военного министерства и целый ряд принятых мер, рассчитывать на благополучное разрешение квартирного вопроса едва ли можно.

Можно думать, что, уплотнив обывателя, удастся найти комнаты для холостых или же малосемейных, но найти отдельные квартиры, хотя бы в 2–3 и даже одну комнату, но с кухней, с тем, чтобы удовлетворить запросам таких семейных, как напр. я – это не удастся»². Далее он писал о «сравнительно скромном окладе содержания» и невозможности жить на два дома, ходатайствуя о назначении в Екатеринослав, Лубны, Конотоп или Чернигов³.

По штатам украинского ГУГШ предполагались следующие оклады содержания генштабистов:

Таблица 13
4

Оклады содержания по штатам украинского ГУГШ. 1918 г.

Должность	Годовой оклад (в карбованцах)
Начальник Генерального штаба (генеральный старшина)	18 000
Персональный осаул (обер-старшина)	6600
Штаб-старшина Генерального штаба для поручений	9600
Генеральный старшина для поручений (Генштаба)	12 000
Начальник отдела личного состава (полковник Генштаба)	10 800
1-й и 2-й генерал-квартирмейстеры (генеральные старшины Генштаба)	16 500
Председатель Военно-ученого комитета (полковник Генштаба)	10 800
Военный агент 1-го разряда (Берлин, Вена)	10 800 + 5400 добавочных, всего 16 200
Помощник (полковник)	9600 + 4800 добавочных, всего 14 400
Офицер для поручений	7200 + 3600 добавочных, всего 10 800
Военный агент 2-го разряда (полковник; Бухарест, София, Берн, Стамбул)	9600 + 4800 добавочных, всего 14 400
Помощник	7200 + 3600 добавочных, всего 10 800

¹ Там же. Л. 902об.

² Там же. Л. 908-908об.

³ Там же. Л. 908об.

⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 28. Л. 32-37об., 38, 46; Ф. 1074. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

На организацию работы военных агентов в июне 1918 г. выделялось 274 800 карбованцев, в том числе 54 600 одновременно на переезд и обзаведение одеждой¹. Всего на военно-агентскую работу направлялось 14 человек. Позднее, видимо, в 1919 г. оклады военных агентов 1-го разряда составляли 85 000 и 2-го – 71 400 карбованцев².

Надо сказать, что эти оклады существенно превышали гражданские. К примеру, годовой оклад министра вероисповеданий УНР в 1919 г. составлял лишь 24 000 карбованцев, машинистка получала 3600, курьер – 2400. Если в гетманский период разница в высшем и низшем окладах составляла пять раз, то в 1919 г. – 8–10 раз. Возрастало расслоение госслужащих. Прожиточный минимум в Ровно в мае 1919 г. составлял 31 карбованец в день. Месячная стоимость рабочей силы по Каменцу-Подольскому на январь-февраль 1919 г. составляла 376,5 карбованцев, на март-апрель – 437,6, на июнь – 581,6, на июль-август – уже 1161,8, на сентябрь-октябрь – 2651 карбованец. В результате инфляции Директория 15 августа 1919 г. приняла закон про процентные надбавки в связи с дороговизной, по которому госслужащие с окладом до 4200 карбованцев в год получали 100–140% надбавку³.

Реалии были следующими. Начальник мобилизационно-строевой части штаба 1-й конной дивизии сотник Б.Н. Ставрович в сентябре 1918 г. получал 600 руб. в месяц⁴. Весной 1919 г. начальник оперативного отдела штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами Украины сотник Ю.В. Скорняков ежемесячно получал 1160 карбованцев (сюда входили 360 карбованцев 45% прибавки)⁵. Исходя из этого, годовой доход обер-офицера составлял 13 920 карбованцев. Без прибавки оклад составлял 9600 карбованцев.

Цены в Киеве летом 1918 г. были следующими. Самый плохой костюм-тройка стоил 1000 руб. Пара женских чулок по оптовой цене – 25 руб.⁶ Фунт хлеба в Киеве в июле 1919 г. стоил 50-60 руб., фунт мяса 40-50 руб.⁷ Впрочем, об этом писал белый разведчик и в каких рублях (царских, советских или денкинских) он исчислял эти цены, неизвестно.

По временному штату ГУГШ, утвержденному военным министром 23 мая 1919 г., были установлены следующие годовые оклады:

Таблица 14

Оклады содержания по временному штату ГУГШ. 23 мая 1919 г.⁸

Должность (звание)	Оклад (гривен в год)
Начальник ГУГШ (генерал)	36 000
Его осаул (генерал)	24 000
Его осаул (обер-офицер)	13 200
Для поручений (полковник)	19 200
1-й и 2-й помощники (генералы)	30 000
Начальники отделов (генералы, полковники)	21 600

Такой же оклад сохранялся у начальника Генштаба и на июль 1920 г.⁹

Членство в разных комиссиях давало генштабистам дополнительный доход. Например, председатель комиссии при ГУГШ по восстановлению чинов и разра-

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

² ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 28. Л. 47.

³ Андрусишин Б.І. Церква в Українській Державі 1917-1920 рр. (доба Директорії УНР). К., 1997. С. 32-33. Выражаю благодарность к.и.н. М.А. Ковальчуку (Киев) за предоставленный материал.

⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 974.

⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 24. Л. 398.

⁶ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 37.

⁷ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 341.

⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 6. Л. 75-77.

⁹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 54. Л. 6.

ботке законопроекта о прохождении службы в армии УНР в ноябре 1919 г. получал 2700 гривен в месяц, а член комиссии от Генштаба – 1800 гривен в месяц¹.

В ноябре 1919 г. на Украине считались приемлемыми следующие размеры оплаты военно-педагогической работы: час лекции – 200 гривен, проверка на дому практических задач – 300, репетиции или экзамен – 400, практическая полевая поездка – 500 гривен².

Генштаба полковник В.Е. Змиенко за декабрь 1919 и январь 1920 г. получил в лагере в Луцке в качестве жалованья 800 польских марок и 4000 карбованцев³.

В апреле 1920 г. в Каменце-Подольском оклад военного министра полковника В.П. Сальского составлял 20 800 польских марок, минимальный оклад в военном министерстве составлял 8700 польских марок⁴. В апреле 1921 г. 1-й генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал Н.Д. Ещенко получал 20 700 марок, начальник оперативного управления полковник Б.И. Сулковский 14 700, начальник управления комплектования армии сотник Ю.В. Скорняков – 8105 марок, начальники управлений обучения войск подполковник Ю.В. Отмарштейн и военно-исторического – подполковник Б.Е. Снигирев получали 17 700⁵. Таким же был оклад 3-го генерал-квартирмейстера генерал-хорунжего Н.А. Капустянского⁶. Начальник отдела личного состава офицеров Генштаба полковник В.А. Сигарев получал 11 210 марок⁷. Оклады включали добавку на семью.

Соотношение польских марок и карбованцев составляло 1:10. Лента для пишущей машинки стоила 2000 карбованцев (200 марок), две свечи – 300 карбованцев (30 марок)⁸. Украинское командование поднимало вопрос повышения материального обеспечения офицеров в пять раз весной 1920 г.⁹

Сохранились и другие данные за май-июнь 1920 г., согласно которым военный министр В.П. Сальский получал 37 120 марок, его помощник полковник В.Н. Петров – 40 960, вр.и.д. председателя Высшего военного совета генерал-хорунжий Н.А. Коваль-Медзвецкий – 33 280, начальник ГУГШ генерал-хорунжий С.И. Дядюша – 44 800, начальник организационного управления ГУГШ полковник В.М. Куц – 22 400, начальник мобилизационного управления полковник Е.В. Мешковский и начальник мобилизационно-призывного отдела подполковник Б.Е. Снигирев – 29 120 марок¹⁰.

После смерти Мешковского его вдове была выдана справка о том, что он как 1-й генерал-квартирмейстер получал по 11 июля 1920 г. 13 750 гривен и 1600 гривен дополнительно, а также 30% добавку на семью¹¹. Младший офицер военно-исторического отдела ГУГШ в чине поручика по закону от 5 августа 1920 г. получал 7200 польских марок в месяц и 20% добавку на семью. Начальник геодезического отдела ГУГШ в чине сотника получал 9000 гривен в месяц и добавку на семью¹². Начальник управления укомплектования ГУГШ подполковник М.С. Пересада-Суходольский с 5 июня 1920 г. получал 2500 гривен, причисленный к Генштабу сотник В.П. Савченко с 27 мая 1920 г. получал 1600 гривен¹³. Начальник оперативного управления ГУГШ сотник В.Ф. Чабаневский и начальник управления укомплектования подполковник М.С. Пересада-Суходольский в июле 1920 г. получали 24 000 гривен и 1600 гривен суточных, начальник разве-

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 6. Л. 78.

² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 110.

³ ЦДАВОУ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 792. Л. 1об.-2.

⁵ Там же. Л. 21об.-22, 24об.-26.

⁶ Там же. Л. 26об.-27.

⁷ Там же. Л. 25об.-26.

⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 58. Л. 29, 40, 42.

⁹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 56. Л. 1.

¹⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 792. Л. 55об.-56, 58об.-60.

¹¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 175. Л. 10.

¹² Там же. Л. 1а, 3.

¹³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 56. Л. 4об.

дывательного управления подполковник Б.В. Снигирев – 31 200 и 2080 гривен соответственно¹. Прежний оклад Чабаневского до 1 июня 1920 г. составлял 10 000 гривен и 532 гривны столовых денег².

На 15 июня 1922 г. оклады составляли: у военного министра генерал-поручика Н.Л. Юнакова – 29 220 марок, у товарища военного министра генерал-поручика А.С. Галкина 21 540 марок, у члена Высшего военного совета (рады) генерал-хорунжего В.А. Синклера 19 740 марок. Минимальный оклад в военном министерстве имела журналистка – 3792 марки³. Слушателям курсов по подготовке штабных офицеров платили по 5000 польских марок в год⁴.

Бытовые условия службы украинских генштабистов (возможно, несколько утрированно) изложены генералом В.Н. Петровым при описании его встречи с генералом Н.Л. Юнаковым: «Узкими грязными лестницами поднимаюсь в маленькое помещение в две комнатки, где за открытыми дверями горит примус, готовящий несложную еду подчиненного мне по должности в далекой инстанции моего учителя и образца в военных взглядах, которому я год тому назад подчинялся как секретарь комиссии по образованию постоянных школ и академий Украинской Державы.

Ни минуты колебания, ни слова нареkania за то, что его так долго и несправедливо забыли, полная готовность выполнить приказ и стать на ту службу, на которую зовет его украинская власть и лишь одна просьба обеспечить врачебную помощь, чтобы на случай болезни, которая уже тогда выявилась у ген. Юнакова, не выйти из работы и тем не помешать делу.

И вот иду к авто, пропуская вперед старшего теперь по сравнению со мной начальника штаба головной команды войск украинских.

На протяжении трех дней, из ничего в пустых комнатах здания окружного суда в Каменце возник полный штаб со всем ему положенным и в помещениях нового штаба обсуждается сложный вопрос: Куда прорываться из “четырёхугольника смерти”»⁵.

Высший офицерский оклад в Русской народной Добровольческой армии С.Н. Булак-Балаховича, действовавшей в Белоруссии, составлял осенью 1920 г. 10 000 польских марок, оклад прапорщика – 4000, солдата – 150⁶. Высшие чины, начиная с начальников дивизий, получали средства на представительские расходы примерно в размере жалованья.

В армянской армии были установлены следующие оклады жалованья: прапорщик – 650 руб., подпоручик – 675 руб., поручик – 725 руб., штабс-капитан – 750 руб., капитан – 800 руб., подполковник – 850 руб., полковник – 900 руб., генерал-майор – 1000 руб., генерал-лейтенант – 1050 руб. Военные чиновники независимо от чина 750 руб.⁷ В январе 1919 г. ввели прибавку на дороговизну, которая рассчитывалась следующим образом – поступившие на службу до 1 сентября 1918 г. получали в качестве прибавки месячное содержание, поступившие на службу после 1 сентября 1918 г. получали сумму, равную произведению числа дней со дня назначения по 1 января 1919 г. на 1/120 месячного содержания⁸. С января 1919 г. было введено добавочное содержание по должностям: младшим офицерам – 50 руб., ротным командирам – 100 руб., батальонным командирам – 200 руб., командирам батарей – 250 руб., командирам полков – 350 руб. Командир бригады получал дополнительно 400 руб. Таким же было добавочное содержание по должностям начальника штаба дивизии, начальника

¹ Там же. Л. 20, 20об.

² Там же. Л. 45.

³ ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 792. Л. 510об.-511.

⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 300. Л. 31.

⁵ Центральный государственный архив общественных организаций Украины (Центральный державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 269. Оп. 1. Д. 381. Л. 53-54.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 545. Л. 27. Выражаю благодарность А.С. Кручинину (Москва) за указание на этот источник.

⁷ Национальный архив Армении (НАА). Ф. 280. Оп. 4. Д. 2. Л. 223.

⁸ НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 132. Л. 7-7об.

отдела Военного штаба, генерала для поручений, постоянного члена Военного совета. Высший оклад добавочного содержания в 500 руб. получали начальник пехотной дивизии, начальник Военного штаба, помощник военного министра и председатель Военного совета¹. Генштаба генерал-майор И.С. Баграмов получал с июля 1919 г. как член Военного совета и помощник военного министра 500 руб. добавочного содержания по X разряду (наивысшему)². Таким же был высший оклад добавочного содержания начальника Генштаба³. Начальники отдельных бригад и комендант крепости Карс получали по 450 руб. добавочного содержания. Суточные при командировках с 20 января 1919 г. составляли 15 руб.⁴

* * *

В обстановке Гражданской войны материальный фактор являлся одним из чувствительных для жизни человека. Не были исключением и офицеры Генерального штаба, которым, как и всем остальным, тоже нужно было выживать и приспособляться к непростым условиям смутного времени. В Советской России в связи с проведением политики «военного коммунизма» и продовольственной диктатуры для служащих, включая комсостав РККА, осуществлялось распределение продуктов в форме пайков. Пайки дополняли жалованье, получавшееся военными специалистами. В целом, материальное обеспечение военспецов было достаточно серьезным, и даже превышало обеспечение партийных работников – комиссаров, в том числе партийной верхушки, не исключая даже большевистского лидера В.И. Ленина. Впрочем, здесь не приходится говорить о том, что генштабисты находились на особом положении. Высокие оклады имели и другие категории специалистов. Все, что можно, новые хозяева России в Гражданскую войну, отдавали армии, порой даже за счет собственного благополучия. Однако материальное положение не влияло на идейный выбор офицеров-генштабистов.

В антибольшевистских армиях положение генштабистов было более тяжелым. Они не обеспечивались пайками, а оклады не поспевали за инфляцией. Обычным явлением была нехватка жалованья даже до прожиточного минимума. Несмотря на превосходное материальное обеспечение, тысячи военспецов, в том числе сотни генштабистов, бежали из Красной армии при первой же возможности⁵, что свидетельствует об отсутствии влияния материального фактора на их поведение, связанное как с идейным выбором в пользу антибольшевистских сил, так и с бесправным положением военспецов в Советской России, где жизнь и судьба бывших офицеров порой зависели от прихоти политработников и чекистов.

Материальное обеспечение представляется одним из значимых стимулов привлечения части офицерства на службу. При этом нужно четко понимать, что те офицеры, которые служили в Гражданскую войну исключительно из материального интереса, не были и не могли стать подлинными вождями, лидерами соответствующих вооруженных формирований, повести за собой других людей. Наемники едва ли могли принести тому лагерю, которому служили, пользу, сопоставимую с вкладом идейных борцов. В свою очередь отношение идейных борцов к подобного рода шкурникам не могло быть положительным. Общеизвестно, что лидеры большевиков, как и лидеры белого лагеря были бессребрениками. Хрестоматийным стал пример главкома ВСЮР генерала А. И. Деникина, ходившего летом 1919 г. в жаркой черкеске, поскольку у него изорвались штаны, а средств на новые не было⁶. Можно представить, как белый главнокомандующий и его окружение могли

¹ НАА. Ф. 280. Оп. 4. Д. 2. Л. 226.

² НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 132. Л. 107.

³ Там же. Л. 139.

⁴ Там же. Л. 60б.

⁵ Подробнее о переходах «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 209-253.

⁶ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 327.

отнестись к тем офицерам, которые во главу угла ставили жалованье и готовы были продаваться тем, кто больше заплатит.

Уровень жизни населения в Гражданскую войну был в целом невысок, что обуславливалось как вооруженной борьбой внутри страны, так и социально-экономическим кризисом и его последствиями в виде дороговизны, дефицита продовольствия, одежды, топлива, медицинского обслуживания. Вместе с остальным населением страны страдали, приспособлялись и выживали представители старого офицерства, не исключая военную элиту дореволюционной России. С окончанием Гражданской войны их мытарства не прекратились, а последующие страдания и лишения были не легче. Поэтому не вызывает удивления фраза выпускника ускоренных курсов академии С.С. Ивановского: «Самый для меня благоприятный период жизни был во время Гражданской войны, где я был поглощен в свою деятельность и удовлетворен ей»¹. Таким образом, не будет преувеличением назвать период Гражданской войны лебединой песней старого Генерального штаба – последним периодом, когда, несмотря на бытовую неустроенность, он еще играл решающую роль в стране и в армиях всех воюющих сторон.

---

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 25. Л. 30.

НЕМЦЫ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Гражданская война, полыхавшая в России в 1918–1922 гг., представляла собой организованную вооружённую борьбу социальных групп и слоёв российского общества, поддержавших идеологию и политику большевиков и признавших их руководство государством с октября 1917, с противниками большевиков, имевшими различные политические взгляды, но объединившимися в неприятии большевистской власти в России. Политический спектр в стране в годы гражданской войны был столь же широк, как и в 1917 году. Партии и политические силы по ходу событий корректировали свои тактические установки, вступали в различные блоки, переживали перепады в уровне активности. Всё это вызывало самые различные комбинации в соотношении противоборствующих сил. Смена этих комбинаций отражала логику развития событий в те годы.

После взятия власти большевики стали преследовать организации правого и либерального толка. Враждебность большевиков испытали на себе не только отдельные лица, придерживавшиеся иных партийных ориентаций, но и представители целых сословий и общественных групп – дворяне, купцы, священники, офицеры, казаки и др. Началась тотальная национализация промышленности, банков, транспорта, проводились конфискации и экспроприации имущества состоятельных граждан. Обыденным явлением стали казни лиц не пролетарского происхождения. Среди первых жертв большевистского режима оказались и немецкие промышленники, банкиры, а также колонисты, которых, вследствие их достаточно высокого уровня благосостояния, новая власть практически в полном составе относила к кулачеству и даже к помещикам.

В Украине и Крыму ещё до падения Временного правительства стали образовываться разного рода комитеты, ставившие целью проведение реквизиций и имущества крупных землевладельцев. Один из таких комитетов возник в селе Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губернии. Его возглавил анархист Н. Махно. По инициативе этого комитета волостной съезд украинских крестьян принял решение о конфискации помещичьих земель и имений. В течение сентября – октября 1917 г. почти все крупные экономии, включая владения колонистов, были захвачены. Часть их была разграблена и сожжена, а часть, например, экономии Классена и Нейфельда, превращена в сельскохозяйственные анархические коммуны¹.

После свержения Временного правительства и провозглашения советской власти в России с ноября 1917 г. по февраль 1918 г. в Украине шла борьба советских войск с вооружёнными силами Центральной Рады. В этот период процесс экспроприации в немецких колониях Украины принял массовый характер. Особенно серьёзный ущерб был нанесён населению ряда крупных колоний, располагавшихся вблизи железнодорожных магистралей. В частности, направленный с Черноморского флота для борьбы с контрреволюцией в Таврию отряд матросов в период с 16 по 19 февраля 1918 г. произвёл в колонии Гальбштадт арест и расстрел крупных предпринимателей и колонистской интеллигенции. На колонию была наложена крупная денежная контрибуция². Процесс ограбления колоний и хуторов в Украине продолжался вплоть до заключения Брестского мира и оккупации её германскими и австро-венгерскими войсками.

Аналогичные грабежи немецких колоний происходили практически во всех других регионах России: в Поволжье, Сибири, Северном Кавказе и т. д.

В ответ на первые насильственные меры новой власти России усилилось противодействие большевикам со стороны различных политических сил. После разгона Учредительного собрания в январе 1918 г. противники большевиков

¹ *Белаш А.В., Белаш В.Ф.* Дороги Нестора Махно. Киев, 1993. С. 21.

² *Schröder H.* Die Systematische Vernichtung Rußlanddeutschen. Berlin, 1932. S. 13.

стали активно вооружаться. Отношения между противостоявшими политическими силами всё более приобретали черты крайней нетерпимости. Попытки со стороны части интеллигенции сдержать скатывание страны к братоубийственному побоищу оказались безрезультатными. Препятствие к миру крылось в самой природе большевизма. Революционный энтузиазм, доходивший до одержимости, толкал большевиков в «пламя борьбы за торжество идеи».

После выхода России из Первой мировой войны германские и австро-венгерские войска в феврале 1918 г. оккупировали часть Украины, Белоруссии Прибалтики и Юга России. В результате захваченными оказались и обширные районы компактного проживания этнических немцев, прежде всего в Украине. Именно украинские колонисты оказались в эпицентре важнейших военных столкновений Гражданской войны, что самым пагубным образом отразилось на их жизни и благополучии.

Приход оккупационных войск большинством немецкого населения Украины был воспринят как избавление от тягот и лишений времён революционной анархии. 21 марта 1918 германское командование издало приказ о возврате захваченных украинскими крестьянами колониетских земель и имущества¹.

29 апреля 1918 германское и австро-венгерское высшее руководство, недовольное политикой Центральной Рады, санкционировало переворот и установление правления гетмана П. Скоропадского. Проводившиеся гетманом мероприятия по организации внутренней политической и экономической жизни Украинской державы с одобрением были восприняты немецким населением. Ряд украинских немцев (С.Н. Гербель, Ф.Р. Штейнгель, А.Г. Лигнау и др.) занял важные посты в государственной администрации П. Скоропадского².

Вместе с другими крупными землевладельцами немецкие колонисты, особенно из числа пострадавших от экспроприаций, приняли активное участие в акциях по ликвидации революционного движения в украинских сёлах, которые проводились там оккупационными войсками и гетманскими вооружёнными формированиями. Такая акция, например, имела место в отношении двух центров повстанческого движения в Александровском уезде Екатеринославской губернии: сел Большая Михайловка (Дибровка) и Гуляй-Поле. В ходе её проведения были расстреляны десятки крестьян, а село Большая Михайловка – сожжено³.

Подобные эксцессы не только не приводили к подавлению революционного движения, но наоборот, – способствовали его ещё большему развитию. Появившийся вновь в этих местах Н. Махно получил в свои ряды сотни несправедливо наказанных карателями украинских крестьян. В отместку за участие колонистов в карательных экспедициях в середине сентября 1918 г. махновцы, преодолев слабое сопротивление местного отряда самообороны, сожгли колонию № 2 (район Конкриновки) и расстреляли всё её мужское население. Подобная же участь постигла колонии Красный Кут, Мариенталь и др. Толпы беженцев из сожжённых немецких и меннонитских колоний потянулись в Хортицу и Молочную⁴.

Случаи аналогичного характера, хотя и в меньших масштабах, имели место также в Херсонской и Таврической губерниях. Перед украинскими колонистами всё явственнее стала вырисовываться мрачная перспектива не только полного экономического разорения, но и физического уничтожения.

Одним из наиболее реальных гарантов безопасности украинских немцев являлись германские и австро-венгерские войска. Стремясь заручиться их поддержкой, немецкие колонисты подписались на германский военный заём в раз-

¹ Безносков А.И. К вопросу об участии немецких колонистов и меннонитов в гражданской войне на Юге Украины (1917–1921 гг.) // Вопросы германской истории: немцы в Украине. Днепропетровск, 1996. С. 114.

² Подробнее об этом см.: Айсфельд А. Немецкие колонисты Юга Украины в 1917–1918 гг. // Вопросы германской истории: Немцы в Украине. Днепропетровск, 1996. С. 128–133.

³ Махно Н. Воспоминания. Киев, 993. Кн. 3. С. 20–24

⁴ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. С. 36.

мере 30 млн. руб. (около 60 млн. золотых марок). Расквартированные в некоторых местах компактного проживания немцев военные гарнизоны германцев и австрийцев снабжались продовольствием и фуражом за счёт местного населения¹.

С лета 1918 г. немецким населением были предприняты шаги по созданию собственной вооружённой самообороны. Почти в каждой колонии были сформированы отряды, состоявшие из местных жителей. Значительная помощь им была оказана командованием германских и австрийских войск. В колонии, в частности, было направлено большое количество винтовок, несколько десятков пулемётов, а также боеприпасы и некоторое другое снаряжение. В ряде местностей, особенно в меннонитских поселениях, германские и австрийские военнослужащие организовывали обучение молодых колонистов военному делу. В большинстве же колоний вопросами создания и подготовки отрядов самообороны занимались колонисты-фронтовики, имевшие значительный боевой опыт Первой мировой войны².

Процесс создания колонистских отрядов ускорился с начала ноября 1918, когда стали явственно проявляться признаки революционного разложения в оккупационных войсках Германии и Австро-Венгрии. Было ясно, что в скором времени они покинут Украину, а колонисты останутся один на один с революционно настроенными массами украинского крестьянства. В этот период большое внимание было уделено вопросам координации действий отрядов самообороны в районах компактного проживания колонистов, поскольку прежний печальный опыт показал, что в одиночку отряд отдельной колонии не в состоянии противостоять таким многочисленным и хорошо подготовленным в военном отношении силам, как отряды повстанческой армии Н. Махно.

Наиболее успешно идея совместной защиты была реализована в районе р. Молочной. Здесь для совместной борьбы против Махно объединились немцы-колонисты Пришибской и меннониты Гальбштадтской и Гнаденфельдской волостей. Отряды самообороны этих волостей были сведены в три роты, общее командование которыми осуществлял штаб, находившийся в колонии Пришиб. Каждой из рот был выделен участок обороны, созданной на северных границах волостей. Общая протяжённость линии обороны составляла около 50 км. Была сформирована также специальная кавалерийская группа численностью до 600 человек. Основными её задачами было ведение разведки и отражение неожиданных нападений махновцев³.

Начиная с декабря 1918 г. самооборона на Молочной при поддержке немногочисленных белых отрядов, вскоре появившихся в этом районе, успешно сдерживала наступление махновцев. Однако, когда в начале февраля 1919 г. между Н. Махно и советским руководством было заключено соглашение о совместной борьбе с контрреволюцией, положение колонистов стало резко ухудшаться. Махновские отряды вошли в состав советской Заднепровской дивизии под командованием П. Дыбенко. 9 марта 1919 г. эта хорошо вооружённая артиллерией дивизия прорвала фронт обороны колонистов. Спасаясь бегством от наступавших советских войск, немецкие и меннонитские населённые пункты покинуло большое число мирных жителей. Основная их масса направилась в Крым. Брошенные дома и имущество грабили шедшие следом махновцы и крестьяне соседних украинских сёл. Оставшееся же в колониях население подверглось жестоким репрессиям. Только в одной Гальбштадтской волости было убито около 100 человек⁴.

Летом 1919 г. на Юг Украины вступили войска Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. В некоторых местностях региона немецкие колонисты оказали им большую помощь в борьбе с Красной Армией. Так, в результате колонистского восстания в Херсонской губернии в конце июля – начала августа 1919 г. был существенно дезорганизован тыл оборонявшей этот район советской военной группировки. Это значительно ослабило её сопротивление наступавшим белым войскам и вынудило оставить занимаемые территории.

¹ Айсфельд А. Указ соч. С. 131.

² Schröder H. Die Systematische Vernichtung Rußlanddeutschen. Berlin, 1932. S. 55.

³ Neusatz H., Erka D. Ein deutscher Todesweg. Berlin, 1930. S. 65-66.

⁴ Ibid. S. 74.

После прихода на Юг Украины деникинцев большое число немецких колонистов добровольно вступило в белую армию. Из числа таких добровольцев в Гальбштадте был сформирован особый немецкий батальон, который участвовал в боях против Красной Армии на Киевском направлении. В 1-м Симферопольском офицерском полку одна из рот полностью состояла из немецко-добровольцев. В Одессе генералом Шеллем, уроженцем немецкой колонии Люстдорф, был создан особый немецкий штаб, который занимался вопросами организации обороны Одесского уезда силами местных колонистских отрядов самообороны¹. Несмотря на столь активную поддержку немцами-колонистами белого движения, определённая шовинистически настроенная часть его участников отнюдь не питала симпатий к колонистам. Реквизиции продовольствия и конфискация лошадей, принудительная гужевая повинность в колониях были нередко более значительными по масштабам, чем в близлежащих украинских сёлах.

Осенью 1919 армия генерала А.И. Деникина, потерпев поражение в боях с Красной Армией, вынуждена была отступить на юг. Через районы, где располагались немецкие поселения, в очередной раз со всеми вытекающими разрушительными последствиями прошёл поток отступающих и наступающих войск. Особенно пострадали в этот период меннонитские колонии Хортицкой и Николайфельдской волостей, расположенные близ г. Александровска. Махновские отряды, вновь вступившие в союз с советской властью, нанесли огромный урон населению и экономике этих поселений. Так, в октябре 1919 г. здесь была полностью уничтожена колония Дубовка (Айхенфельд). В ходе этого погрома было убито 84 колониста, в том числе женщины, дети, старики².

Массовые грабежи и убийства происходили и в других населённых пунктах указанных волостей. Всего здесь от рук махновцев в октябре 1919 г. погибло 228 чел. Аналогичные операции были предприняты махновцами 29-30 ноября и 1 декабря 1919 г. в меннонитской Кочубеевской (Орловской) и немецкой Высокопольской (Кронаусской) волостях Херсонской губернии. Колония Мюнстерберг была сожжена дотла, а 98 её жителей, включая женщин, стариков и детей, зверски убиты. Всего жертвами махновцев в этом районе стали 223 человека³.

Особый немецкий батальон вместе с частью разбитых деникинских войск отступил в Крым, где вошёл в состав военной группировки ген. Я. Слащёва, успешно отражавшей попытки Красной Армии ворваться на территорию полуострова. Это позволило командованию белых беспрепятственно переправить в Крым остатки своих войск с Кавказского побережья⁴. Вскоре из этих частей была создана новая армия, которую возглавил генерал П.Н. Врангель. В мае 1920 она начала своё наступление из Крыма в Таврию. В рядах врангелевской армии сражался и добровольческий полк немецких колонистов.

Для поддержки наступления Врангеля и отвлечения сил Красной Армии подпольная антисоветская организация, в число создателей которой входили колонисты А. Шок, К. Келлер и др., подготовила план вооружённого восстания в районе Одессы. Несмотря на арест Одесской ЧК части руководителей подпольной организации, это восстание всё же началось 18 июня 1920 г., когда в вооружённую борьбу против советской власти вступили жители немецких колоний Фестеровка и Еремеевка. К ним вскоре присоединились болгарские сёла Каторжино и Петроверовка. Но большинство немецкого населения Одесского района, уже не верившее в возможность победы над Красной Армией, не поддержало восставших. Поэтому к середине июля 1920 г. это вооружённое выступление было окончательно подавлено⁵.

¹ Schröder H. Russlanddeutsche Friesen. Dölstadt - langesalya, 1936. S.VI.

² Stump K. Bericht über das Gebiet Chortitza in General-Bezirk Dnepropetrowsk. Berlin, 1943, Taf. A.

³ Безносков А.И. Колонистское население и вооружённая борьба на юге Украины (конец 1918 – осень 1920 гг.) // Вопросы германской истории: Сб. науч. трудов. Днепропетровск, 2005. С. 85.

⁴ Schröder H. Die Systematische Vernichtung Rußlanddeutschen. S. 12.

⁵ Neusatz H., Erka D. Ein deutscher Todesweg. S. 87f88.

В ноябре 1920 г. врангелевская армия также потерпела поражение и, отступив в Крым, эвакуировалась морем в Турцию. С ней ушла в эмиграцию и часть солдат немецкого колониетского полка, многие из которых затем перебрались в Канаду и США¹. Оставшиеся в Украине некоторые непримиримые противники советской власти пытались продолжать вооружённую борьбу. Подпольная организация А. Шока действовала до 20 августа 1921 г., когда в результате проведённой чекистами операции были арестованы 67 активных её участников. Самому А. Шоку, его ближайшему соратнику Г. Келлеру и некоторым другим удалось скрыться и перебраться в занятую Румынией Бессарабию².

На Северном Кавказе немецкие колонисты стремились сохранять нейтралитет и не участвовать в гражданской войне. Однако это далеко не всегда получалось. Как красные, так и белые, поочерёдно овладевавшие местностями, где располагались немецкие колонии, беспощадно грабили немецких крестьян, забирая у них продовольствие, лошадей, другой скот, различное имущество. Пользуясь отсутствием устойчивой власти, на некоторые колонии совершали набеги банды, сформированные из представителей местных горских народов. Имелись случаи насильственной мобилизации колонистов как в белые части, так и в Красную Армию. Весной 1920, после занятия красными Сев. Кавказа, в ряде немецких колоний (Великокняжеской и др.) на постое находилась Немецкая кавалерийская бригада, сформированная из немцев Поволжья³.

В Закавказье колонисты с весны 1918 г. оказались под юрисдикцией независимых национальных государств – Азербайджана и Грузии. При этом на территории этих государств почти в течение всего 1918 г. находились германские и турецкие войска. Осенью на смену им пришли англичане. В таких условиях жизнь немецкого населения была относительно спокойной, новая власть относилась к ним достаточно лояльно, сами колонисты, в большинстве своём, выражали ей поддержку. Однако с апреля 1920 г. после вторжения в Закавказье Красной Армии и при её поддержке там вспыхнула ожесточённая гражданская война, которая привела к поражению националистов и созданию советских республик. Колонисты старались не вмешиваться в эту войну, однако она больно ударила по ним всё теми же экспроприациями, конфискациями, мобилизациями. Небольшая часть немцев приняла участие в борьбе, как на стороне национальных сил, так и на стороне большевистского режима.

В Поволжье территории компактного проживания немецкого населения в течение всего периода гражданской войны находились в руках большевиков, что обусловило интенсивное проведение в области немцев Поволжья политики «военного коммунизма». Вместе с тем, в течение ряда месяцев в 1918 и 1919 гг. территория, заселённая немцами становилась прифронтовой зоной, здесь проводились всевозможные конфискации различного имущества, крестьян мобилизовывали на подвоз боеприпасов, продовольствия, снаряжения, на рытьё позиций и т. п.

Ненадолго, в июле-августе 1919 г., небольшая часть территории области на юге Голо-Карамышского уезда оказалась в руках наступающих войск А.И. Деникина. Белые были остановлены в 10 км к югу от Золотого и в 15 км к югу от Голого Карамыша (Бальцера). Но прежде чем они туда пришли, уезд был буквально опустошён отступавшими дезорганизованными частями Красной Армии. В этом уезде с населением в 179 тыс. чел. частями и подразделениями 10-й армии было отобрано свыше 10 тыс. лошадей и 12 тыс. голов скота. Как отмечалось в одном из донесений областного руководства в Москву, «различные отряды и группы мародёров парализовали также транспорт в тылу. У крестьян, везущих снаряды, распрягают по дороге лошадей и оставляют снаряды на произ-

¹ Schröder H. Die Systematische Vernichtung Rußlanddeutschen. S. 13.

² Безносков А.И. К вопросу об участии немецких колонистов и меннонитов в гражданской войне на Юге Украины (1917 – 1921 гг.). С. 123-124.

³ Подробнее см.: Герман А.А. Воинские формирования поволжских немцев на фронтах гражданской войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Выпуск 1. Саратов, 1997. С. 77-78.

вол судьбы; крестьяне протестуют и в ответ их избивают и даже были случаи убийства. Таким же образом оставляют по дороге патроны, другие предметы и раненых красноармейцев... Избиения и насилие над крестьянами стали обычным явлением. Были случаи изнасилования женщин. Крестьяне абсолютно терроризированы»¹. Массовый грабёж колонистов красными войсками происходил и в соседнем Ровенском уезде Области немцев Поволжья.

В 1918 – 1920 гг. значительное число поволжских немцев было призвано в ряды Красной Армии и участвовало в боевых действиях на фронтах, однако большинство колонистов с большим нежеланием отрывались от крестьянского труда и при первой же возможности пытались покинуть воинские части и вернуться домой. Дезертирство среди поволжских немцев, служивших в Красной Армии имело весьма широкий размах. Так, 4 января 1919 г. исполком областного Совета получил письмо командования отдельной стрелковой бригады 5 армии Восточного фронта, в котором сообщалось о массовом дезертирстве среди немцев-колонистов. Причём отмечалось, что есть «злостные, убежавшие уже по несколько раз». В письме говорилось о сложностях в работе с красноармейцами-немцами, совершенно не знавшими русского языка, и предлагалось отправить в бригаду «более надёжное пополнение». Полученное исполкомом через год с лишним письмо начальника штаба войск Донской области от 11 марта 1920 г. почти дословно повторяло первое письмо: «Среди мобилизованных немцев наблюдается громадное дезертирство. При наличии небольшого кадра обучающихся, а также ввиду незнания большинством немцев русского языка принимаемые меры существенных результатов не дают...»².

Ещё летом 1918 г. началось создание добровольческих красногвардейских отрядов. На их основе в июле 1918 г. Екатериненштадтским уездным исполкомом был сформирован Екатериненштадтский добровольческий полк. В ноябре-декабре 1918 он был переформирован и переименован в 1-й Екатериненштадтский коммунистический немецкий полк, отправившийся на фронт в конце декабря 1918 г. Полк участвовал в тяжёлых боях под Харьковом, в Донбассе, в составе войск Красной Армии под напором войск А. Деникина отступил на север, под Тулу. Здесь в ходе ожесточённых сражений полк потерял практически весь свой личный состав (в живых осталось около ста человек) и потому в октябре 1919 г. был расформирован³.

15 ноября 1918 г. в области немцев Поволжья был образован областной военный комиссариат, на который легли в дальнейшем все задачи по осуществлению военных мобилизаций и формированию национальных воинских частей и подразделений. Параллельно создавались уездные военные комиссариаты в Екатериненштадте, Ровном, Голом Карамыше.

В январе 1919 г. был сформирован запасный немецкий батальон, который к весне преобразовали в запасный немецкий полк, а позднее переименовали в 4-й запасный стрелковый полк. Этот полк в течение всей войны находился на территории автономной области немцев Поволжья и служил для обучения личного состава, направлявшегося позднее на доукомплектование национальных стрелковых полков. Из личного состава полка создавались также продовольственные отряды.

По просьбе областного руководства и на основании разрешающей телеграммы наркома по военным делам Л.Д. Троцкого от 3 мая 1919 г. началось формирование 2-го Бальцерского добровольческого стрелкового полка. В сентябре 1919 г. полк был выведен за пределы области в район г. Аткарска Саратовской губернии для доформирования и затем отправлен на фронт. Полк вошёл в состав 21 стрелковой дивизии и воевал на Дону. Его боевой путь оказал-

¹ Подробнее см.: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 2000. С. 154-158.

² См.: Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее – ГИАНП). Ф.730. Оп. 1. Д. 11. Л. 89; Д. 19. Л. 541.

³ Подробнее о боевом пути полка см.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. М., 1997. С. 76-83.

ся очень кратким. 30 ноября в полку прошёл слух, что Область немцев Поволжья захвачена белыми и семьи тех, кто служит в Красной Армии, будут расстреливать. В результате полк взбунтовался, отказался идти в наступление, снялся с позиций и направился в тыл, где был остановлен и разоружён заградительным отрядом. В декабре 1919 г. полк был расформирован¹.

11 июня 1919 г. был сформирован Марксштадтский конезапас. На его базе и по приказу Реввоенсовета Республики с июля 1919 г. началось формирование отдельной немецкой кавалерийской бригады. Для пополнения кавалерийской бригады личным составом в ноябре 1919 г. был сформирован отдельный запасный кавалерийский дивизион. В декабре 1919 г. бригада была отправлена на фронт. Ей пришлось совершить несколько крупных маршевых переходов: сначала на Северный Кавказ, оттуда на Украину. Боевое крещение бригада получила на советско-польском фронте в мае 1920 года в составе 1-й конной армии С. Будённого. Довольно скоро, из-за своей малочисленности, бригада была переформирована в кавалерийский полк, который сначала входил в состав бригады особого назначения при Реввоенсовете армии, а потом вошёл в состав 3-й бригады 14-й дивизии, которой командовал А. Пархоменко. После окончания советско-польской войны немецкий кавалерийский полк в составе 1-й конной армии совершил марш на Южный фронт, где участвовал в боях с войсками Врангеля, а затем вёл борьбу с отрядами Н. Махно в Приазовье².

Для борьбы с дезертирством, принявшим внушительные размеры, в июле 1919 г. в Области немцев Поволжья была образована областная комиссия по борьбе с дезертирством («Губкомбордез»), а при ней – рота по борьбе с дезертирством.

В январе 1920 г. запасный кавалерийский дивизион подчинили Западной армии Юго-Восточного фронта и вывели из области. В мае 1920 г. был сформирован новый запасный кавалерийский дивизион. На его базе облвоенкомат сформировал и отправил летом 1920 г. на советско-польский и советско-врангелевский фронты два кавалерийских эскадрона. В 1920 г. на территории области немцев Поволжья были сформированы и дислоцировались также запасный лёгкий артиллерийский дивизион, отдельная запасная сапёрная рота и отдельная штрафная рота (пополнялась «злостными» дезертирами).

Областной и уездный военкоматы области немцев Поволжья создавали также временные вооружённые отряды для решения каких-либо экстренных задач. Так, например, летом 1919 г. в составе Астраханской группы войск воевал немецкий отряд, сформированный облвоенкоматом в составе 320 чел. На просьбу облвоенкомата вернуть отряд в область командующий группой ответил отказом, сославшись на то, что «отряд находится на боевом участке» и «очень хорошо воюет».

В период захвата войсками А. Деникина южных территорий области немцев Поволжья (июль – август 1919 г.) Голо-Карамышская уездная организация РКП(б) сформировала отряд из местных колонистов, который, в отличие от беспорядочно и в панике отступавших регулярных частей Красной Армии, стойко защищал уездный центр, а затем участвовал в освобождении уезда³.

В целях подготовки командных кадров для немецких национальных формирований по ходатайству облвоенкомата Области немцев Поволжья при 1-х Саратовских пехотно-пулемётных курсах 1 июня 1919 г. было открыто немецкое отделение, которое уже в декабре того же года произвело выпуск первых красных командиров-немцев. Однако и здесь существовала проблема дезертирства. Всего через месяц после набора с курсов дезертировал 31 курсант, т. е. почти половина немецкого отделения. 11 организаторов побега были преданы суду военного трибунала, остальные беглецы – отправлены на фронт рядовыми бойцами⁴.

¹ Подробнее см.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... С. 83–86.

² Подробнее см.: Там же. С. 86–90.

³ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... С. 74.

⁴ ГИАНП. Ф. 730. Оп. 1. Д. 17. Л. 26.

Руководство области проводило определённую работу по воспитанию немцев-красноармейцев. С января 1919 г. сначала в Саратове, а затем в Марксштадте действовал красноармейский клуб «Карл Либкнехт», который свою главную задачу видел в том, чтобы «пробудить» в красноармейцах «классовое самосознание». При клубе существовали курсы ликвидации неграмотности, библиотека, читались лекции, работала художественная самодеятельность, ставились концерты и театральные постановки. Ежегодно 23 февраля широко отмечался «красноармейский праздник». С 5 по 12 января 1920 г. в области немцев Поволжья проводилась «Неделя Красной казармы». Был открыт широкий доступ населения в казармы, проводились совместные субботники, на них ремонтировалось и благоустраивалось красноармейское жильё, военные городки. Красноармейцы получали от населения подарки¹.

В ходе «Недели польского фронта», широко проводившейся по всей автономной области в июле 1920 г., только в Ровенском уезде «бойцам польского фронта» было собрано 79600 рублей, много вещей. Крестьяне села Красный Яр пожертвовали 27 тыс. руб, колония Золотурн – 4 пуда табака и т. п. На польский фронт отправилась маршевая рота добровольцев, в составе которой находилось 90 бывших дезертиров. 80 добровольцев изъявили желание поступить на курсы красных командиров².

Для укрепления немецких частей и подразделений политработниками, а также для работы с красноармейцами-колонистами в других частях в областной организации РКП(б) проводились неоднократные мобилизации коммунистов на фронт. Большинство мобилизованных партийцев (до 50 % всего состава областной организации) находились в немецких национальных частях Красной Армии.

В Сибири политика нейтралитета, проводившаяся большей частью немецких сёл принесла наиболее ощутимые плоды, хотя и здесь не обходилось без грабежей. Однако тотальная мобилизация молодёжи в армию А. Колчака, проводившаяся по всей Сибири, вызвала недовольство колонистов. Жители некоторых лютеранских сёл (Подсосново, Камыши и др.) поддержали осенью 1918 г. Чернодольское крестьянское восстание, вспыхнувшее на Алтае и имевшее антиколчаковскую направленность. Восставшие захватили Славгород и создали там крестьянскую республику. При этом был расстрелян ряд крупных землевладельцев, среди которых оказались и немцы (А. Фреем и др.). Спасаясь от восставших, лидер сибирских немецких автономистов пастор Штах вынужден был бежать в Семипалатинск. Среди восставших колонистов лидером был председатель Подсосновского сельсовета К. Вагнер, о котором тот же Штах позднее писал, что это был «агент Ленина». Восстание было жестоко подавлено так называемой «партизанской дивизией» атамана Б. Анненкова. Так, в Подсосново был расстрелян каждый десятый мужчина. Меннониты в восстании не участвовали и потому карательные действия на них не распространялись³.

После подавления восстания немцы были подвергнуты принудительной мобилизации в белую армию, где за ними закрепилась кличка «славгородские бандиты». Большинство из них не испытывало никакого желания воевать и потому при первом же удобном случае дезертировало. Когда же колчаковская армия начала отступать дезертирство немцев приняло массовый характер.

В Степном крае и Туркестане немецкое население в большинстве своём также уклонялось от участия в войне на чьей-либо стороне. Однако оно не смогло уберечься от всё тех же конфискации, экспроприаций и мобилизаций. Особенно ощутим был экономический урон. К примеру, в декабре 1918 г. у немцев-колонистов Николайпольской волости Киргизии (4 села) уездной советской властью были конфискованы все имевшиеся у них лошади⁴. По мобилизации

¹ ГАНИСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 14. Л. 86.

² Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 86.

³ *Малиновский Л.В.* Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995. С. 108-109.

⁴ *Кронгардт Г.К.* Немцы в Кыргызстане 1880 – 1990-е гг. Бешкек, 1997. С. 152.

часть немцев оказалась в Красной Армии, другая часть – в белых соединениях и частях. В целом их было немного

К концу 1920 – началу 1921 гг. большевикам удалось разгромить своих главных политических противников – белое движение, подавить «самостийность» национальных окраин, однако на этом гражданская война не закончилась. Большевики столкнулись с «крестьянской войной», ставшей реакцией на проводившуюся ими в деревне политику. Массовые крестьянские восстания имели место на Тамбовщине, в Поволжье и на Северном Кавказе, Западной Сибири и Северном Казахстане, в некоторых других регионах. Немецкие крестьяне участвовали в крестьянских выступлениях на Северном Кавказе, в Западно-Сибирском восстании, в повстанческом движении в Поволжье. В частности, практически полностью (за исключением блокированных городов) в марте – апреле 1921 в руках восставших оказалась Область немцев Поволжья¹, Имелись даже факты участия немцев Туркестана в басмаческих отрядах².

Гражданская война закончилась лишь тогда, когда у большевиков пошатнулась их прежде фанатичная вера в мировую революцию, когда стало очевидным, что с крестьянством придётся «уживаться». Отказ от крайнего экстремизма по отношению к крестьянству, зафиксированный на X съезде РКП(б) в марте 1921 (замена продрозвёрстки продналогом), означал коренной пересмотр большевиками стратегии и практики гражданской войны. Масштабные военные действия закончились, но отголоски общественных расколов и потрясений времён гражданской войны ещё долго давали о себе знать в политической и социально-психологической сферах жизни страны. Это в полной мере относилось и к немецкому населению страны.

---

¹ Подробнее о крестьянском восстании в Области немцев Поволжья см.: *Герман А.А. Немецкая автономия на Волге...* С. 94-108.

² См.: *Кронгардт Г.К. Указ соч.* С. 137.

ЗАБЫТЫЕ ЭПИЗОДЫ МУЖЕСТВА. БОЙЦЫ И КОМАНДИРЫ 10-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ НКВД ПРИ ОБОРОНЕ СТАЛИНГРАДА

Представленная работа касается боевой летописи 10-й стрелковой дивизии войск НКВД в Сталинградском сражении. За минувшие семьдесят лет о великой волжской битве написано немало интересных работ как больших, так и малых. Но, несмотря на такой расклад, по данному сюжету все еще остается немало белых пятен. В частности, не все еще известно о многих формированиях и соединениях сталинградских защитников. И если об обычных армейских частях известно все-таки больше, то о внутренних войсках – практически ничего. В подавляющем большинстве исторической литературы их упоминание ассоциируется с заградотрядами и расстрельными командами. Таким образом, представление о роли и месте воинов-чекистов в Великой Отечественной войне искажается и привирается, а реальность об их служебно-боевой деятельности стирается и забывается. Данная работа, воздавая должное светлой памяти героическим защитникам сталинградской твердыни, заставляет пересмотреть нейтральное и негативное отношение общественности к защитникам правопорядка, получить целостное, объективное представление об их вкладе в победу над нацизмом и, соответственно, расширить представление о волжском эпизоде великой войны.

10-я дивизия чекистов была сформирована в начале 1942 г. Командиром дивизии был назначен полковник А.А. Сараев, окончивший в 1938 г. Военную академию им. М.В. Фрунзе и командовавший до назначения 5-й стрелковой бригадой войск НКВД по охране железных дорог. Начальником штаба дивизии утвердили подполковника В.И. Зайцева, бывшего до этого заместителем Саратовской 4-й пограншколы НКВД. Он также окончил Военную академию, учился вместе с А.А. Сараевым. Комиссаром дивизии стал полковой комиссар П.Н. Кузнецов. Участник боев с немецкими захватчиками с первых дней войны он прибыл в дивизию с должности военкома 5-й стрелковой бригады НКВД. В состав нового формирования входили 5 полков. Три полка прибыли в Сталинград уже сформированными. Это: 271-й майора А.П. Костеницына из Свердловска, 272-й майора Г.П. Савчука из Иркутска и 282-й майора М.Г. Грущенко из Саратова. 269-й полк подполковника И.И. Капранова и 270-й майора А.К. Журавлева формировались в Сталинграде. В состав каждого полка входили: три стрелковых батальона, четырехорудийная батарея 45-мм противотанковых пушек, минометная рота (четыре 82-мм и восемь 50-мм минометов), рота боевого обеспечения лейтенанта А.С. Олейника, рота автоматчиков, рота связи, взвода: разведывательный, саперный и химзащиты. В каждом батальоне имелись три стрелковые роты и пулеметный взвод (4 станковых пулемета системы «максим»). К началу боев под Сталинградом дивизия насчитывала 7900 человек¹.

К этому времени основные силы 10-й дивизии занимали оборону западнее и юго-западнее города. Свой первый штурм Сталинграда гитлеровцы предприняли 26 августа. Свои основные силы противник бросил на север. От деревни Латошинки на Рынок и от высоты 135,4 на лесопосадку наступала 255-я вюртембергская пехотная дивизия. Пехота шла в сопровождении пятидесяти танков 14-й берлинской дивизии. Во время атаки гитлеровцы потеряли 6 танков и около 200 солдат и офицеров, но выбить солдат 1-й и 2-й роты 1-го батальона 282-го полка из неглубоких ячеек не смогли. Во второй половине дня силами полка и рабочих батальонов сталинградских заводов была предпринята попытка выбить немцев из рожи, расположенной на противоположных скатах высоты

¹ *Зайцев П.* Сталинград – моя судьба // Войска НКВД в боях за Сталинград. М, 1983. С. 125, 127–133.

135,4. К высоте первой пробилась рота лейтенанта А.С. Шкурихина. С противоположных склонов высоты по атакующим били немецкие «ванюши», минометы «небельверфер» из дивизиона усиления 255-й пехотной дивизии. Рота несла большие потери. В критическую минуту положение спас красноармеец А.А. Стародубов. Он скрытно подобрался к вражеской батарее и закидал минометные расчеты гитлеровцев ручными гранатами. В целом, однако, контратака оказалась неудачной.

26 августа полковником Сараевым было принято решение силами северного участка обороны нанести по противнику новый удар с целью овладеть высотами 135,4 и 101,3 и отбросить гитлеровцев от Тракторного завода. Наступление началось 27 августа в 17.00¹. За три дня боев противник был отброшен от завода на 3-4 километра. За 2 дня боев «саратовцы» 282-го полка уничтожили 2 роты автоматчиков, 3 минометные батареи, 20 автомашин и несколько пулеметных гнезд противника. Однако 2 сентября ситуация на Сталинградском фронте изменилась в худшую для Красной Армии сторону. Под натиском превосходящих сил противника обескровленные соединения 62-й армии генерал-лейтенанта А.А. Лопатиина отошли к Гумраку, а другой частью в направлении на Садовую и Верхнюю Ельшанку². В образовавшуюся брешь к вечеру того же дня устремилась 24-я танковая дивизия, на ее пути в срочном порядке занимали оборону 1-й и 2-й батальоны 272-го, 2-й и 3-й батальоны 271-го полков 10-й дивизии³. Основной удар врага принял на себя у реки Царица 272-й полк. Разведгруппы полка в балке Ежовая обнаружили сосредоточение крупных сил противника. По распоряжению командира полка враг подвергся удару орудий и минометов. Это расстроило планы немцев, и они пошли на хитрость. Колонна переодетых гитлеровцев с развернутым красным полотнищем двинулась к одной из высоток, которую обороняло боевое охранение 2-го батальона 271-го полка. Но наших воинов обмануть не удалось, по гитлеровцам ударили из минометов и обратили их в бегство⁴. В течение следующих пяти дней чекисты 271-го и 272-го полков мужественно отражали яростный натиск танкистов 24-й дивизии и автоматчиков 356-го полка 255-й гессенской пехотной дивизии. Позиции 3-го батальона 271-го полка сильнее других подвергались массированным атакам гитлеровцев. В середине дня 3 сентября на батальон двинулись до тридцати немецких танков с пехотой. Противника встретили плотным огнем артиллерии и противотанковых ружей. Как факелы вспыхнуло несколько вражеских машин. Но враг, невзирая на потери, продолжал наступать. Первая головная машина с паучьими крестами нависла над ячейками бойцов. Наступил критический момент боя. Младший политрук 3-й роты Дмитрий Яковлев взметнулся над окопами. Со связкой гранат он бросился под гусеницы стальной машины⁵.

В 16.00 того же дня противник повторил свое наступление. Против трех батальонов чекистов на левом фланге 272-го полка двинулось уже более 40 танков и свыше двух пехотных батальонов 255-й дивизии. Противник понес большие потери, но прорвать советскую оборону не сумел. Тремя часами позже новый удар был нанесен в районе Опытной станции, Верхней Ельшанки и станции Садовая. У реки Царица на позиции 1-го и 3-го батальонов 272-го полка наступал 365-й полк 295-й немецкой саксонской пехотной дивизии при поддержке 20 танков 14-й дивизии. Около десятка вражеских танков с батальоном пехоты ворвались в расположение 1-й и 3-й роты 3-го батальона. Батарея 45-мм пушек

¹ Битва за Сталинград / Под ред. А.А. Кольтюкова и Ю.П. Квятковского. М. – СПб., 2002. С. 123.

² Doerr H. War Stalingrad ein Opfergang? Darmstadt, 1960. P. 156; Doerr H. Der Feldzug nach Stalingrad. Versuch eines operativen Überblick. Darmstadt, 1966. P. 149; Дёпп Г. Поход на Сталинград. Оперативный обзор. М., 1957. С. 141.

³ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 38415. Оп. 2. Д 1. Л. 12.

⁴ Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Документы и материалы», М., 1975. С. 353, 355.

⁵ Зайцев П. Указ. соч. С. 146.

полка подбила 7 танков и 2 бронемашины противника¹. Остальные повернули назад. После чего заместитель командира полка капитан Н.Н. Яковлев повел бойцов в контратаку. Гитлеровцы были отброшены. Однако на правом фланге полка противнику удалось вклиниться в советскую оборону на стыке 1-го и 2-го батальона.

Немецкие автоматчики заняли часть господствующей высоты 147,5, но после кровопролитного рукопашного боя вынуждены были в беспорядке отступить, оставив на поле боя до 200 трупов. Всего в течение дня противник потерял убитыми до 600 солдат и офицеров и более 30 подбитых и сожженных танков². Тяжелыми были и наши потери, но ни на одном участке обороны враг так и не добился успеха. Советские воины снова сорвали план немцев прорваться в центр города и захватить центральную переправу через Волгу. 8 сентября противник продолжил наступление на позиции 3-го батальона 272-го полка со стороны Верхней Ельшанки. Вечером первого дня наступления части 295-й дивизии атаковали левый фланг полка, где оборонялась 4-я рота 3-го батальона старшего лейтенанта И.Т. Смирнова. Было принято решение контратаковать прорвавшегося противника силами роты младшего лейтенанта С.И. Борисова. Бойцы атаковали гитлеровцев у высоты 146,1 в районе Опытной станции³. Немцы, пытаясь отразить атаку, обрушили на советских солдат мощный огонь из стрелкового оружия и минометов, особенно опасен был пулемет, находящийся в дзоте и бьющий во фланг. Красноармейцу Ващенко удалось незаметно приблизиться к огневой точке и метнуть гранату, но боец был ранен. Через несколько минут пулемет возобновил кинжальный огонь. Алексей бросился на амбразуру и своим телом закрыл ее. Он был первым, кто совершил подобный подвиг. За ним в скором будущем последовали А.В. Таран, А.П. Барбашов, А.С. Матросов и другие. За совершенный подвиг чекист первым из военнослужащих внутренних войск был награжден орденом Ленина посмертно, а его погибший в том же бою командир – орденом Красной Звезды, первым из сталинградских защитников за долгую эпопею волжского сражения⁴.

Командование вермахта, не добившись успеха на участке обороны 272-го полка, силами 94-й саксонской пехотной дивизии перенесло свой главный удар южнее, к рабочему поселку Лишанки на позиции 1-го и 2-го батальона 271-го полка. Ожесточенные бои здесь продолжались 11 дней. На пятые сутки остатки полка отступили на запасные, отсечные позиции, остановив продвижение немцев у шоссе Калач – Сталинград. Об ожесточенности этих боев говорит тот факт, что к 18 сентября в полку осталось в живых 61 человек, из командного состава – два офицера⁵. 9 сентября усилия немцев сместились к юго-восточной части города. Враг перешел в наступление на левый фланг 271-го полка. Несколько дней 3-й батальон полка с остатками 35-й стрелковой дивизии отражал непрерывные атаки превосходящих сил противника на Монино, Нижнюю Ельшанку и Купоросную, сам зачастую переходя в контратаки. 9 сентября противник силой до батальона пехоты при поддержке 8 танков повел наступление на стыке 7-й и 8-й роты. Личный состав 7-й роты дрался мужественно, но противник, зайдя с фланга, вдоль балки, зашел на советские позиции с тыла. 7-я рота почти вся погибла. Из боя вышло только 13 раненых бойцов и командиров. Высланная на помощь 7-й роте 1-я рота 1-го батальона 271-го полка и 1-я, 3-я роты 272-го полка пробиться к 7-й роте не смогли. Для восстановления положения была предпринята вторая контратака. 1-му батальону 271-го полка старшего лейтенанта В.А. Дубовицкого было приказано выдвинуться на правый фланг 3-го батальона. По пути движения он ввязался в бой. Чекисты отбросили прорвавшегося противника, уничтожив до

¹ Внутренние войска в Великой Отечественной войне... С. 365.

² Там же. С. 367. 373–377.

³ Там же. С. 373.

⁴ *Зайцев П.* Указ. соч. С. 152; *Петраков С.* «За Волгой для нас земли нет» // На боевом посту. 2005. № 5. С. 77.

⁵ *Андроников Н.* Вехи Великой Победы (к 60-летию героической обороны Сталинграда) // Ориентир. 2006. № 4. С. 45–47.

17 вражеских солдат и офицеров, но потом под давлением превосходящих сил противника с уцелевшими бойцами 7-й роты были вынуждены вернуться на исходные позиции¹.

В тот же день вечером противник отбросил 131-ю и 35-ю стрелковые дивизии от Песчанки на Горную Поляну и вышел к Волге у Купоросной балки. Развернувшись к северу, он снова перешел в наступление на левый фланг 271-го полка 10-й дивизии. Наши воины перешли в контратаку и частью уничтожили противника, а частью отбросили его на исходные позиции. Но на другой день с утра гитлеровцы продолжили наступление, нацелившись в стык 2-го и 3-го батальонов против юго-западной части балки Купоросная. В течение семи часов передний край обороны полка бомбила вражеская авиация, затем обстреливала артиллерия. После артиллерийского налета противник перешел в атаку, но она была отбита. Подступы к оборонительным рубежам 3-го батальона были густо устланы трупами немецких солдат и офицеров. На поле боя чадили три подбитых танка². Тем не менее к 18.00 ценой огромных потерь противнику все же удалось захватить Кожевенный и Купоросный заводы. Командиру 271-го полка было приказано выбить немецких автоматчиков из южной части Купоросной балки и восстановить прежнюю линию обороны. Контратака была назначена в ночь на 11 сентября силами 1-го батальона полка под командованием старшего лейтенанта В.С. Федорова. Шквальным огнем из пулеметов и автоматов немцы создали плотный огневой заслон на его пути. Но наступающие продолжали двигаться вперед, медленно, но неумолимо. Продвинувшись вдоль балки, взвод комсомольца В.И. Чуйко уничтожил пулеметным огнем до 80 гитлеровцев, пытавшихся контратаковать правый фланг батальона.

Немцы дрогнули, и советские солдаты мощным штыковым ударом очистил последние дома южной части рабочего поселка. Приказ был выполнен. Однако 12 сентября 97-й и 99-й полки 95-й баварской пехотной дивизии прорвали советскую оборону в районе поселка Гумрак, но, продвигаясь дальше, в сторону Минино и Нижней Ельшанки, натолкнулись на позиции 1-го и 3-го батальонов 271-го полка. Первый удар немцев приняли на себя бойцы 8-й роты 3-го батальона. На позиции героев двигался батальон немецких автоматчиков, их сопровождали 8 танков и 3 бронемшины. Личный состав роты дрался мужественно, но немецкие автоматчики с двумя танками, пройдя с фланга, вдоль балки, зашли оборонявшимся в тыл. Рота почти вся погибла, но развить свой успех гитлеровцам здесь не удалось³. 10 и 11 сентября батальон 254-го полка 255-й немецкой пехотной дивизии неоднократно и безуспешно штурмовал позиции 9-й роты 271-го полка у Верхней Ельшанки. В результате боев на данном участке немцы потеряли убитыми до 250 человек и ранеными больше 1000⁴. В то же время севернее противник трижды атаковал позиции 2-го батальона 271-го полка, но все его атаки также были отбиты. В тяжелом пятичасовом бою, в условиях окружения, 6-я рота батальона уничтожила около 100 вражеских солдат и офицеров.

Командир батальона 255-й пехотной дивизии гауптман Г. Рибелль так вспоминал об этом бое: «На русские позиции обрушивался залп за залпом. Там уже не должно было быть ничего живого. Бесперывно били тяжелые орудия. Еще каких-нибудь 20 метров и немецкая пехота займет передовые русские позиции! Но неожиданно солдаты залегли под ураганным огнем. Короткими очередями забили тяжелые пулеметы. В воронках и на огневых точках появилась русская пехота, которую мы уже считали уничтоженной. Каждое мгновение мы видели, как валились наземь и уже больше не вставали наши солдаты, как выпадали у них из рук винтовки и автоматы»⁵. Позиции батальона прорвать про-

¹ Сараев Л. По зову сердца, по велению Родины // Войска НКВД в боях за Сталинград. М., 1983. С. 263; С. 265–266.

² РГВА. Ф. 38666. Оп. 3. Д. 23. Л. 27.

³ Битва за Сталинград. С. 132.

⁴ Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2008. С. 222.

⁵ Карел П. Восточный фронт. 1941 – 1944 гг.: в 2 кн. М., 2007. Кн. 1. С. 287.

тивнику не удалось, лишь к вечеру 11 сентября гитлеровцы потеснили 4-ю и 5-ю роты 271-го полка, однако прорвать их оборону они тоже не смогли. Вечером того же дня после короткого огневого налета личный состав 2-го батальона перешли в атаку от западной окраины Опытной станции. Завязался упорный кровопролитный бой, исход которого решил штыковой удар. В рукопашной схватке подразделение младшего сержанта А.Н. Гончарова из 4-й роты уничтожило до двадцати гитлеровцев¹.

12 и 13 сентября части 271-го полка вели бои в полуокружении, т.к. на стыках между ротами образовались широкие зазоры, и немецкие автоматчики свободно просачивались на их фланги. 2-й батальон из-за больших потерь (в ротах оставалось по 12-15 человек) под сильным натиском противника был вынужден отойти на запасные позиции 35-й гвардейской дивизии к юго-восточной окраине Нижней Ельшанки. Тогда же батальоны 94-й немецкой пехотной дивизии нанесли новый удар у рабочего поселка Лишанки по позициям 1-го и 2-го батальонов 271-го полка. До 20 сентября они вели тяжелые героические бои, вначале самостоятельно, а затем совместно с 35-й гвардейской дивизией, сдерживая натиск 94-й пехотной и потом 29-й механизированной дивизий. Не менее упорные бои происходили и на западных окраинах Сталинграда, в районах Верхней Ельшанки и Садовой. Позиции здесь держали бойцы 2-го и 3-го батальона 270-го полка. 15 сентября 378-й и 398-й полки 355-й пехотной дивизии немцев не добившись успехов у позиций 3-й и 4-й роты 2-го батальона, перенесли свой удар на 5-ю и 6-ю роты 3-го батальона у Советской больницы. К исходу дня в 5-й роте осталось в живых только 10 человек во главе с политруком роты².

16-го противник нанес новый удар у развалин старой церкви. Удару 20 танков и батальона пехоты подверглась 4-я рота. Группа под командованием младшего лейтенанта П.Г. Круглова в составе сержанта А. Беляева, бойца Н. Сарафанова и М. Чембарова приняла на себя удар 6 вражеских танков. Сарафанов и Чембаров были тяжело контужены и завалены землей в своих ячейках. Погиб Беляев. Навстречу очередному танку поднялся раненый командир взвода. Все шесть немецких танков остались догорать на поле боя. Считалось, что все четверо героев погибли. Они были посмертно награждены орденами. Однако впоследствии выяснилось, что Сарафанов и Чембаров, пройдя по нацистским лагерям смерти, выжили. В то же время долгое время никто не знал о судьбе их доблестного командира. Свидетельницей последних минут жизни отважного офицера оказалась безымянная сталинградская девушка. Когда бой затих, она выглянула из подпола на улицу и увидела, как от дымящегося танка полз к сараю истекающий кровью командир. Передвигался он с большим трудом, т.к. обе ноги у него были прострелены пулями и пробиты осколками. Девушка, пересилив страх, выбежала из-за сарая и попыталась оттащить раненого в подвал, однако сил у нее не хватило, и она кинулась за помощью, намереваясь привести прятавшихся в других укрытиях односельчан. Офицер отдал ей свои документы и прохрипел, что будет ждать ее. Но едва девушка скрылась за сараем, как показались немецкие автоматчики. Раненый вырвал из кобуры пистолет и, ругаясь, открыл по ним огонь. Однако перестрелка длилась недолго. Гитлеровцы несколько минут расстреливали мертвого командира, вымещая на нем свою ярость³.

В это же время остальные немецкие танки прорвались на боевые порядки 4-й роты, личный состав ее двух взводов был практически полностью уничтожен. Для усиления флангов на стык 269-го и 270-го полков из резерва были направлены 1-я и 3-я роты 2-го батальона 272-го полка. 17 сентября противник предпринял очередное наступление вдоль железнодорожного полотна по правому берегу Царицы. Поздним вечером он вышел силами 14-й танковой дивизи-

¹ Чуйков В.И. Подвиг не забывается // Войска НКВД в боях за Сталинград М., 1983. С. 214.

² Внутренние войска в Великой Отечественной войне... С. 371.

³ Макоев Т. «Саратовцы – сталинградцы» // На боевом посту. 2012. № 11. С. 34–35.

зии к Советской больнице, трамвайной линии и далее к железнодорожному полотну. В сложившейся ситуации 270-й полк с частями 244-й стрелковой дивизии отошел к линии железной дороги¹. Ночью 19 сентября Сараев приказал атаковать противника для восстановления утраченного положения. Атаку должна была поддержать сводная группа 1-го и 2-го батальона 272-го полка, но она к указанному сроку не вышла. Тем не менее на второй час атаки положение было восстановлено, однако закрепить достигнутое положение все-таки не удалось. После атаки и отступления с залитых кровью немецких траншей в 1-м батальоне 270-го полка насчитывалось 25 человек, во 2-м – 14, всего с писарями, связистами, химиками и штабистами – около 100 человек². 11 дней потребовалось солдатам 4-й немецкой танковой армии, чтобы оттеснить обескровленных защитников южной части Сталинграда к городскому элеватору. Все эти дни гитлеровцы преодолевали пять километров обороны, продвигаясь вперед в среднем на 450 метров в сутки. Для сравнения: в польской кампании немецкие солдаты за день преодолевали по 35-45 км, во французской – 40, в начале русской кампании – до 50. В письмах немецких солдат образно и реально описывается обстановка боя в городе: «Это ад на земле, Верден, Красный Верден... Мы атакуем ежедневно и ежечасно. Если нам удастся утром занять 20 метров, вечером русские отбрасывают нас обратно». В другом письме немецкий ефрейтор сообщал матери: «Специального сообщения о том, что Сталинград наш, тебе еще долго придется ждать. Русские не сдаются, они сражаются до последнего человека, до последнего патрона»³.

В течение все первой половины сентября в районе высоты 102.0 (Мамаев курган) насмерть стояли бойцы 269-го полка. При отражении атак противника мужественно действовал командир пулеметного взвода младший лейтенант К.А. Абдульманов, который за один день боев уничтожил из станкового пулемета более 150 солдат и офицеров противника. 13 сентября боевым охранением полка было подбито 10 танков и бронемашин и истреблено до сотни вражеских солдат и офицеров⁴. В тот день бой с чекистами вели до восьми батальонов немецкой пехоты и около 50 танков. В 14:00 два батальона автоматчиков противника при поддержке пятнадцати танков вышли в тыл полка и заняли вершину Мамаева кургана. Четверо чекистов полка: Петренко, Васильев, Слепухин и Григорьев – на его северном склоне более часа вели неравный бой с вражескими танками. Они уничтожили 8 машин, но погибли. Герои посмертно были награждены высокими государственными наградами⁵. Вечером того же дня, чтобы вернуть захваченную противником высоту, в контратаку пошла 2-я рота автоматчиков 269-го полка младшего лейтенанта Н.Ф. Любезного и часть 416-го полка 112-й стрелковой дивизии с двумя танками. К вечеру высота была очищена. Гитлеровцы потеряли больше тысячи солдат убитыми и ранеными, подбитыми и сожженными 18 танков. Противник, разъяренный неудачами, тем не менее, продолжал наступать. 14 сентября личный состав 269-го полка уничтожил более полутора тысяч солдат и офицеров, подбил 12 танков⁶. На следующий день гитлеровское командование снова бросило на защитников кургана восемь батальонов пехоты. При прорыве автоматчиков противника на вершину кургана силами взвода младшего лейтенанта В.А. Суровцева была организована контратака, в результате которой противник был вынужден отступить на исходные позиции. В рукопашной схватке отличился и сам командир взвода, уничтоживший 11 вражеских солдат.

Отбив атаку, 269-й полк получил приказ: продолжить контратаку в направлении высоты 126,3 и далее – 144,3. Однако предпринятый контрудар не принес положительных результатов⁷. Батальоны отступили, заняв вторую линию оборо-

¹ Сараев Л. Указ. соч. С. 272.

² Зайцев П. Указ. соч. С. 171; Сараев Л. Указ. соч. С. 272.

³ Цит. по: Doerr H. Der Feldzug nach Stalingrad. Versuch eines operativen Überblick...S. 213, 222.

⁴ РГВА. Ф. 38415. Оп. 2. Д. 3. Л. 34; Ф. 32925. Оп. 1. Д. 22. Л. 23.

⁵ РГВА. Ф. 38664. Оп. 1. Д. 1. Л. 33. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 23. Л. 25, 28, 33–35.

⁶ Сараев Л. Указ. соч. С. 268.

⁷ РГВА. Ф. 38415. Оп. 2. Д. 3. Л. 37.

ны западнее поселка завода «Красный Октябрь». Для усиления опасного направления был немедленно переброшен вышедший из боя 272-й полк, а 269-му был придан бывший в резерве командира дивизии 2-й батальон 270-го полка¹. 16 сентября, не добившись результата у «Красного Октября», гитлеровцы нанесли свой удар по Кирпичному заводу и прилегающей к нему железнодорожной насыпи. Здесь с частями 275-й мекленбургской моторизованной дивизии завязал бой 270-й полк. 14 сентября в результате второй атаки противник потеснил позиции 1-го и 3-го батальона у городского кладбища. Командование 10-й дивизии немедленно приняло решение отбить потерянные позиции силами 1-го батальона 270-го и 272-го полков, но последний к началу атаки не прибыл. Контратака была произведена личным составом 1-й и 3-й роты 1-го батальона без поддержки соседей и артподготовки. В результате она успеха не достигла². На следующий день противник предпринял ответное массированное наступление. Гитлеровцы штурмовали позиции храбрецов восемь раз, но все было безуспешно. В бою погибли командир 24-го танкового полка полковник А. Рибель. Получил смертельное ранение командир 21-го моторизованного полка полковник Э. Ленгерке и командир 354-го пехотного полка подполковник Л. Штайнмарк³. Под огнем советских солдат погибли многие другие старые и бывалые командиры и их подчиненные. Свою следующую попытку прорвать позиции 270-го полка противник предпринял лишь 17 сентября.

24 сентября 389-й полк 355-й немецкой пехотной дивизии нанес сильный удар по позициям 4-й и 5-й роты 3-го батальона 272-го полка. Завязался ожесточенный бой. Командный пункт батальона, где находился полковой военком И.Н. Щербина со штабными работниками и взводом охраны, оказался отрезанным от батальонов. Всего 30 человек. В течение трех часов чекисты отражали вражеский натиск. Не раз немецкие автоматчики безуспешно пытались выбить их из подвалов, превращенных в неприступную крепость. В конце концов гитлеровцы, озлобленные стойкостью горсточки храбрецов, подогнали вплотную к зданию танки и по шлангам пустили внутрь выхлопные газы. Тогда комиссар принял решение с боем прорваться из окружения. У выхода из КП первым пал командир взвода охраны лейтенант И.Н. Кононов. Затем погибла медсестра батальона сержант Полина Порошина. Остальные устремились к городскому саду, где были обстреляны другой группой немецких автоматчиков. Щербина был смертельно ранен в грудь и горло. Прорваться к своим удалось немногим. Военком батальона был посмертно награжден орденом Красного Знамени⁴. В результате боев к концу сентября в 271-м полку оставалось 65 человек, в 270-м около 100⁵. Критическая ситуация сложилась и для других подразделений дивизии. 22 сентября 272-й полк попал в окружение. С ним была утеряна связь, а его личный состав насчитывал с десятков человек. Эти немногие 24 сентября погибли в Комсомольском саду под вражескими бомбами. 26-го числа в районе Исторического вала под гусеницами 24-й танковой дивизии полегли и остатки 269-го полка. Во взводе младшего лейтенанта Ю.С. Шкляева после отражения двух танковых атак осталось всего три человека. Но командир и его бойцы не отступили ни на шаг, погибнув смертью героев.

14 сентября немецкие автоматчики завязали бои у вокзала Сталинград-1⁶. Здание вокзала защищала 2-я рота 270-го полка. С 15 сентября помощь бойцам НКВД оказывали сводные группы недавно прибывшей в город 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора А.И. Родимцева. В течение сентября вокзал пятнадцать раз переходил из рук в руки⁷! Особенно упорным был бой 25 сентября, когда 2-й роте с гвардейцами 13-й стрелковой дивизии в очередной

¹ Внутренние войска в Великой Отечественной войне...С. 368.

² Сараев Л. Указ. соч. С. 269.

³ Карел П. Указ. соч. С. 288.

⁴ Чуйков В.И. Указ. соч. с. 303.

⁵ Сысоев Н. Право первым подняться в атаку // На боевом посту. 2006. № 5. С. 43–44.

⁶ Самсонов А.В. Сталинградская битва. М., 1989. С. 215.

⁷ История второй мировой войны 1939 – 1945 гг.: в 12 т. М., 1974. Т. 6. С. 258.

раз пришлось отбивать развалины вокзала¹. Основным оружием штурмовавших была граната; граната впереди, солдат за ней, с каждой новой комнатой все повторялось: вначале граната – затем очередь из автомата. Тактика действия штурмовой группы крепилась на быстроте и дерзости каждого солдата. Ворвавшись в укрепленное здание, оказавшись в лабиринте занятых противником комнат, атакующие столкнулись с множеством неожиданностей. Бой внутри дома – бешеный, дерзкий, яростный. В каждый угол комнаты летела граната! Очередь автомата по остаткам потолка, затем – граната и опять рывок вперед! Другая комната – другая граната! Поворот – ещё граната и новая очередь из автомата! Очищены верхние этажи, но не нижние. Командир роты лейтенант А.Н. Синельников предвидел борьбу в подвале, но оказалось, что стена в нём сбоку проломана на всю ширину здания. Чтобы проникнуть на другую половину подвала, надо было спуститься в первую, а она простреливалась немцами на большую глубину. Вторая неожиданность – противник замуровал проходы в здании, оставив лишь лазы к огненным точкам через подпол. Третья неожиданность – мертвая стена разделила дом, а за стеной притаился враг. Тогда выступила группа закрепления. Были пущены в ход ломы, кирки, лопаты и взрывчатка. В стенах сделали проломы, дающие возможность применить гранаты и с боем продвигаться дальше. На третьем часу ожесточённой схватки уцелевшим солдатам гарнизона, скрывшимся в подвале, было предложено сдаться. Гитлеровцы отказались, и советские солдаты подорвали всё левое крыло дома, похоронив врага под его развалинами².

К началу октября положение сталинградских защитников значительно осложнилось. Наступавшая в центре 295-я пехотная дивизия пробилась к Волге у высоты 102.0. 518-й и 516-й пехотные полки, не встречая серьезного сопротивления, достигли железной дороги севернее городского вокзала. 518-й пехотный полк достиг волжской переправы, а 516-й – юго-западного склона Мамаева кургана³. В то же время части 25-й дармштадской и 44-й австрийской пехотных дивизий прорвали оборону на стыке 62-й и 64-й армий, овладели поселком Купоросное и вышли к северо-западным склонам Волги, тесня поредевшие части 64-й армии на юг, а левый фланг ослабленной 62-й армии – к зацарицынской части города⁴. Бои развернулись в северных кварталах города, в рабочих поселках. 3 октября через оперативного дежурного по 10-й дивизии полковнику Сараеву было передано распоряжение командующего Сталинградским фронтом генерал-полковника И.А. Еременко о выводе из боя управления дивизии за Волгу⁵. Таким образом, к началу октября из 10-й дивизии в Сталинграде продолжал сражаться лишь сводный батальон 282-го полка. Командовал ими капитан И.А. Рябчевский. В течение сентября его батальоны мужественно сражались в северо-западной части города, у поселков Рынок, Орловка и высоты 135,4⁶.

Ежедневно чекисты отбивали по несколько ожесточённых атак противника, не давая ему прорваться к Тракторному заводу. 8 октября две уцелевшие роты батальона подчинили командиру 149-й стрелковой бригады Северной группы войск полковника С.Ф. Горохова^{7, 8}. 16 октября 27 человек батальона все еще продолжали удерживать свои позиции на восточных подступах к заводу⁹. 27 октября противник предпринял третью попытку овладеть остатками города. 7 ноября на территории завода был ранен последний из воинов 10-й дивизии¹⁰.

¹ РГВА. Ф. 38666. Оп. 1. Д. 3. Л. 44, 45.

² *Никифоров Н.Н.* Штурмовые бригады Красной Армии. В боях за Советскую Родину. М., 2008. С. 325–326.

³ РГВА. Ф. 38457. Оп. 21. Д. 4. Л. 54, 57, Д. 5. Л. 12, 14, 17. 27–33.

⁴ РГВА. Ф. 38664. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

⁵ РГВА. Ф. 38700. Оп. 1. Д. 1. Л. 63; Ф. 38457. Оп. 21. Д. 4. Л. 61.

⁶ Внутренние войска в годы Великой Отечественной войны... С. 378.

⁷ Там же.

⁸ РГВА. Ф. 38666. Оп. 1. Д. 3. Л. 53, 55; Ф. 38700. Оп. 1. Д. 1. Л. 72–73.

⁹ Внутренние войска в годы Великой Отечественной войны... С. 383.

¹⁰ Там же.

11 ноября гитлеровцы предприняли четвертую, последнюю попытку достигнуть Волги на всем участке Сталинградского фронта. В результате ожесточенных боев к середине ноября в советских руках осталась лишь одна десятая часть города – несколько разрушенных заводских зданий и несколько километров изрытого воронками волжского берега. Но гордые от прежних побед победители Польши, Дании, Бельгии, Голландии, Франции, Греции, Норвегии и Югославии так и не смогли покорить Сталинград за два с половиной месяца упорных уличных боев, хотя с меньшими усилиями и меньшими для себя потерями им удалось пройти победным маршем все названные государства. Считанные метры волжского берега остались нетронутыми для немецкого кованого сапога. Тевтонская сталь сломилась о советский железный характер.

19 ноября войска советских Юго-Западного и Донского фронтов начали контрнаступление. 20 ноября в наступление перешли и части Сталинградского фронта. 23 ноября передовые батальоны наступавших встретились в районе деревень Калач и Советский. Окружение 6-й немецкой полевой и части 4-й танковой армий завершилось, началось ее планомерное уничтожение. Завершившееся триумфом советского оружия 2 февраля 1943 г. Для каждого советского обывателя на кровавой тернистой дороге к победе над германским фашизмом поднялась зарница новых громких, уверенных побед. Заревом своих пожарищ сталинградская твердыня осветила будущее крушение нацистской системы. С окончанием сражения начался коренной перелом в войне. Завершился он только полгода спустя, в летнюю кампанию, на курских и орловских полях, но уже после прекращения сталинградских боев немецкий народ впервые отчетливо осознал неизбежность грядущего поражения рейха. Свой маленький, но ощутимый вклад в будущий праздник со слезами на глазах внесли и военнослужащие 10-й дивизии войск НКВД. Светлая память им, также как и многим другим защитникам нашего будущего.

ЭВАКУИРОВАННЫЕ СТАЛИНГРАДЦЫ НА ТЕРРИТОРИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Историю Сталинградской битвы никак нельзя назвать темой, обойдённой вниманием мемуаристов и профессиональных историков. Однако можно отметить, что изучение конкретных эпизодов из жизни гражданского населения Сталинградской области всё же находилось на втором месте после анализа военных действий. Благодаря некоторым воспоминаниям, опубликованным в советское время¹, и ряду современных исследований² вопрос об эвакуации населения из Сталинграда получил с фактографической стороны относительно неплохое освещение, хотя некоторые проблемы остаются дискуссионными³. Исследование же судеб людей после эвакуации их на левый берег Волги (следование до места размещения, бытовое устройство, возвращение домой) является слабоизученным. Попытаемся вкратце осветить некоторые основные сюжеты эвакуации сталинградцев в Саратовскую область и их жизни в «ближнем» тылу Советского Союза.

С начала войны и в первой половине 1942 г. Сталинградская область являлась крупным центром размещения эвакуанаселения. В Сталинграде к началу 1942 г. было размещено около 100 тыс. беженцев⁴. По постановлению ГКО в первой половине июня 1942 г. производилось переселение в Сталинградскую область 9 тыс. жителей Смоленщины⁵. Однако летом 1942 г. ситуация изменилась кардинально, и область стала уже местом выхода эвакуанаселения. До 23 августа 1942 г. массовой эвакуации не производилось. Но 15 августа 1942 г. Сталинградским обкомом ВКП(б) и облисполкомом было принято решение о частичной эвакуации населения из города: 15 тыс. женщин с детьми в Куйбышевскую область и ещё 10 тыс. человек в заволжские районы. Согласно воспоминаниям А.С. Чуянова это решение было выполнено полностью. 18 августа 1942 г., опять же, по постановлению обкома и облисполкома было решено эвакуировать в Молотовскую область детские дома с 2794 воспитанниками⁶. Всего за июль и 20 дней августа 1942 г. было вывезено из города примерно 100 тыс. человек, из которых местных жителей насчитывалось 35–40 тысяч⁷. После страшной бомбардировки 23 августа Сталинградский ГорКО 24 августа 1942 г. принял постановление «Об эвакуации женщин и детей на левый берег Волги», а 2 сентября ещё одно – «О пере-

¹ См.: Чуянов А.С. В трудные дни // Эшелоны идут на Восток. М., 1966; Водолагин М.А. Сталинградский арсенал // Кузница победы. Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны. Очерки и воспоминания. М., 1974.

² См.: Данилов В.Н. Война и власть. Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1996; Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград, 2005; Пищулина С.Ю. Сталинградский городской Комитет обороны в 1941–1945 гг. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Волгоград, 2007; Скворцов М.В. Проблемы истории эвакуации населения из Сталинграда в августе – сентябре 1942 года: роль местных органов власти // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 38 (176). История. Вып. 37.

³ Например, вопрос о запрете Сталина на массовую эвакуацию гражданского населения или об общем числе эвакуированных.

⁴ Сталинградский городской Комитет обороны. Документы и материалы. Волгоград, 2007. С. 236.

⁵ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 78.

⁶ Сталинградский городской Комитет обороны. С. 444, 445, 446; Чуянов А.С. Все были солдатами // Битва за Сталинград. Волгоград, 1972. С. 496.

⁷ Куманев Г.А. Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941–1945. М., 1988. С. 132.

броске населения на левый берег Волги»¹. С 19 ноября 1942 г. эвакуация больше не проводилась².

В воспоминаниях участников событий и современных исследованиях приводятся разные цифры общего числа эвакуированных из Сталинграда и области. Представляется, что необходимо различать понятия «эвакуированные на левый берег Волги» и «эвакуированные за пределы Сталинградской области», а также уточнять временные рамки эвакуации. О числе граждан, эвакуированных за пределы Сталинградской области, отчасти можно судить по докладной записке отдела по хозяйству эвакуации СНК РСФСР. В ней сказано, что в 1942 г. из Воронежской и Сталинградской областей было эвакуировано свыше 200 тыс. человек³. Если учесть, что согласно постановлению ГКО от 4 июля 1942 г. за пределы Воронежской области должны были эвакуироваться 8 тыс. человек⁴, то цифра в 200 тыс. почти целиком приходится на эвакуированных сталинградцев.

Эвакуированные из Сталинградской области прибывали в Саратовскую ещё летом – осенью 1941 г. В основном это были не коренные сталинградцы, а беженцы из западных регионов страны, которые неконтролируемо перенаправлялись властями Сталинградской и Куйбышевской областей. Например, 29 сентября по Волге из Сталинграда в Саратов прибыли 275 человек, оказавшиеся беженцами из Запорожской области Украинской ССР⁵. Этот и подобные ему факты вызвали недовольство первого секретаря Саратовского обкома ВКП(б) И.А. Власова, о чем он и сообщал председателю Совета по эвакуации Н.М. Швернику⁶.

Основная масса же мигрантов направлялась в Саратовскую область в августе – сентябре 1942 г. После переправы людей за Волгу на станциях Рязано-Уральской железной дороги производилась их посадка в вагоны для дальнейшего следования в глубь страны⁷. Как следует из докладной записки секретаря Саратовского обкома ВКП(б) по транспорту А.Е. Царькова от 19 сентября, которую он отправил в ЦК ВКП(б), РУЖД переживала большую, невиданную ранее загруженность, вследствие чего множество вагонов простаивало. Ежедневно дорога должна была грузить эвакуантов из Сталинграда и Астрахани по 460 человек, а также 838 вагонов зерна, 60 вагонов муки, 300 вагонов рыбы и многое другое⁸.

Начиная с 12 августа 1942 г. из Сталинграда в Саратов планомерно эшелонами в 55–60 вагонов и пароходами начали убывать эвакуанты с многочисленными ранеными. План эвакуации выполнен не был – непрерывные бомбежки немецкой авиации превратили перемещение госпиталей в настоящую трагедию⁹. Стоит отметить и факты преступных действий некоторых должностных лиц. Так, начальник эвакуационного пункта № 1582 в момент эвакуации из Сталинграда «...задержал эшелон, ожидая приезда своей семьи из гор. Астрахани, чем подверг его бомбежке вражеской авиации и сожжению от зажигательных снарядов»¹⁰.

Саратов служил одним из перевалочных пунктов в деле распределения эвакуационных потоков из Сталинграда. Через Саратовский вокзал с 20 августа 1942 г. и до 15 января 1943 г. прошло 80 тыс. человек. Для них было организовано питание: взрослым выдавался талон на обед в столовой и 500 г хлеба, де-

¹ Исторический архив. 1962. № 4. С. 30; Сталинградский городской Комитет обороны. С. 444;

² *Пигалев Д.М.* Накануне // Битва за Сталинград. С. 510.

³ РСФСР – фронту. 1941–1945. Документы и материалы. М., 1987. С. 83.

⁴ Население России в XX веке. С. 79. Однако за отсутствием более подробных сведений об эвакуации населения Воронежской области эти данные могут считаться только приближенными.

⁵ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2548. Л. 6.

⁶ Там же. Д. 2331. Л. 1.

⁷ *Багаев С.И.* По мандату долга // Битва за Сталинград. С. 556.

⁸ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2989. Л. 81–81 об.

⁹ *Студеникина Е.В.* Госпитали Сталинграда и области в 1941–1942 годах // Стрелков: Научный ежегодник. Вып. 7. Волгоград, 2009. С. 108.

¹⁰ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3147. Л. 116.

тям помимо этого полагалась каша и булочка. Здесь же беженцы получали железнодорожный билет для дальнейшего следования. При «Доме крестьянина» в августе, сентябре и октябре 1942 г. работал временный эвакуопункт, на котором было обслужено и отправлено гужевым транспортом в места расселения около 2000 человек¹.

Решение облисполкома от 10 сентября 1942 г. «О размещении в Саратовской области 40 тыс. человек, эвакуированных из города Сталинграда» показывает основные мероприятия, намеченные советской властью по встрече прибывающих. Исполкомы Советского, Краснокутского и Ершовского райсоветов, а также Энгельсского горсовета должны были организовать спецкомиссии на станциях Урбах, Красный Кут, Ершов и Покровск и возложить на них все вопросы по размещению и питанию эвакуированных. На станциях Саратов-1, Саратов-2 и пристани для организации приёма беженцев от горсовета выделялись специальные представители, а также медперсонал. К сожалению, на данный момент нельзя сказать насколько успешно эти начинания были претворены в жизнь².

По решению исполкома Саратовского горсовета от 18 сентября 1942 г. в целях улучшения обслуживания прибывающего эвакуированного населения было намечено проведение ремонта 1 и 2 этажей Саратовского эвакуопункта и передача ему дополнительного помещения для временного размещения 500 человек. Однако ко 2 октября (на момент проверки) большинство организаций, ответственных за реализацию данного решения, его не выполнили: к ремонту никто не приступал, помещение не выделили, также не были созданы закусовые³.

Из отдельных эпизодов можно составить некоторое представление о жизни эвакуированных сталинградцев в саратовском тылу. Большинство их власти расселили в сельской местности⁴. Отрицательно сказался факт размещения беженцев на территории бывшей АССР немцев Поволжья. Эти районы располагались по обоим берегам Волги, также здесь проходили важные железнодорожные пути, т.е. на этой территории, как считали саратовские власти, можно было довольно быстро и компактно разместить прибывающих. Между тем, после депортации немцев, эти земли были близки к экономическому развалу. Уровень жизни большинства мигрантов, размещённых там ещё осенью 1941 года, был более низок в сравнении с остальными районами области. В «новых» районах норма выдачи хлеба по трудодням составила всего лишь 100–150 г, так как эта территория выполнила план сдачи хлеба государству только на 29%, а выдача хлеба производилась из 15% от сданного государству. Типичен пример Красноармейского района, который в массовом порядке заселялся эвакуированными. Так, в колхозе «Красный партизан» к концу 1943 г. из общей пахотоспособной площади в 2914 га под посевы было занято лишь 972. Вообще же, количество трудоспособного населения в районах бывшей АССР НП в 1943 г. в сравнении с довоенным периодом составило лишь 53,17%, сократившись с 97 529 до 51859 человек. По заключениям ответственных работников, побывавших в указанных районах, сталинградцы буквально «остались без хлеба», «голодали»⁵.

В начале 1943 г. секретарь Ровенского райкома ВКП(б) (бывшего Зельманского кантком ВКП(б) АССР НП) обратился в Саратовский облторготдел, где указывал, что летом и осенью 1942 г. в район прибыло много эвакуированных, которые «не смогли посеять огороды и очень мало заработали в колхозах». Секретарь просил оказать срочную продовольственную помощь, а именно: на январь – дополнительный наряд в виде 20–30 т хлеба, 1000 пар мужского бе-

¹ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 390. Л. 40.

² ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 4. Д. 133. Л. 53–54.

³ Там же. Оп. 2. Д. 889. Л. 83, 133.

⁴ По данным на 10 октября 1942 г. всего в Саратовской области находилось 281 836 эвакуированных, из них в сёлах было размещено 189 185 человек: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2780. Л. 7.

⁵ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 390. Л. 4, 6; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3258. Л. 32, 33; Д. 4474. Л. 41.

лья, 2000 женских и 1500 детских сорочек, 100 платьев, 750 детских платиц, две тонны нефти для мельниц на размол зерна, 500 вёдер для дойки коров, верёвки для постромки и привязки рогатого скота – тонну, материал для упряжи, 1500 ложек, 1000 ножей, матрацы, колеса и многое другое. Из списка необходимого видно, в каком удручающем положении находились сталинградцы¹. Семь колхозов, заселённых исключительно эвакуированными, прибывшими в III и IV кварталах 1942 г., нуждались в продовольственной ссуде в размере 200 т зерна².

Крайне неудачным оказалось решение Наркомторга РСФСР о том, что эвакуированное население, связанное с сельским хозяйством, т.е. работающее в колхозах, не должно снабжаться хлебом по линии Сельпо. С июня 1942 г. облторготдел снял с обеспечения хлебом через сельпо всех эвакуированных, указав, что работающие в колхозах мигранты должны обеспечиваться за счёт выработанных трудодней³. В результате многосемейные эвакуированные, в том числе и сталинградцы, при наличии одного трудоспособного и нескольких нетрудоспособных (как правило, молодых женщин – жён военных с маленькими детьми) объективно не смогли выработать необходимые нормы – «остались на голодном пайке». Позднее время прибытия многих – осень 1942 года – не позволило им организовать свои огороды, которые в плане продуктов очень выручали мигрантов лета 1941 г. и весны – лета 1942 года. В областной центр поступали многочисленные жалобы⁴.

В бывших немецких районах вследствие недостатка хлеба повсеместно возникла похожая ситуация. Гражданам, работавшим в колхозах летом 1942 г., весь заработанный, причитающийся им по трудодням хлеб, был зачтён за общественное питание во время полевых работ. Таким образом, осенью люди остались почти без питания, а многие были ещё и должны колхозу, так как их трудодней не хватило на то, чтобы покрыть расходы администрации по питанию на уборке хлеба. В сельпо же хлеб получали только те, кто не работал в колхозах. Работник обкома Бабин отмечал в связи с этим факты «опухания от недоедания», употребления в пищу павших лошадей, писал, что люди «буквально голодают»⁵.

В других районах области, судя по многочисленным примерам, ситуация была не лучше. В Новоузенском районе не было оказано никакой помощи женщинам и детям, прибывшим из Сталинграда прямо накануне зимы. Так, в селе Куриловка жена капитана-фронтовика Седова с пятью детьми в возрасте от 4 до 10 лет не могла устроиться на работу в колхоз из-за отсутствия обуви и одежды. Хлеб выдавался только её детям по 400 грамм, но нерегулярно. За январь 1943 г. эта семья хлеба не получила совсем, «что вынудило тов. Седову собирать милостыню». В таком же положении оказался ряд других семей фронтовиков. Общим недостатком явилось отсутствие топлива⁶. В Петровском районе, как специально отмечено в одной из докладных записок от 29 января 1943 г., «положение эвакуированных очень тяжёлое, особенно вновь прибывших из Сталинграда и прифронтовой полосы. Многие семьи и особенно дети совершенно раздеты и разуты – никаких тёплых вещей не имеют и снабдить тёплыми вещами через кооперацию не представляется возможным, ввиду того, что никаких нарядов на тёплые и летние вещи не имеется»⁷.

В Пугачевском районе местные власти также не проявили должного внимания к нуждам эвакуированных сталинградцев. Жена военнослужащего Богачева прибыла в колхоз «Боец» 6 ноября 1942 г. с сыном. Обуви и одежды у неё не было, поэтому на работу она не выходила. Председатель колхоза на её просьбы помочь заявил: «Кто не работает, тот не ест». В результате Богачева

¹ ГАНИСО. Ф. 4816. Оп. 3. Д. 2. Л. 2.

² Там же. Д. 1. Л. 128.

³ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 390. Л. 4.

⁴ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 26. Л. 27–28.

⁵ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4093. Л. 139 об., 140.

⁶ Там же. Л. 139 об.; ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 390. Л. 13–14.

⁷ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 390. Л. 43.

также вынуждена была просить милостыню, «два дня ничего не ела», после чего ей всё-таки оказали помощь. Один из работников Пугачевского горсовета, используя тяжёлое материальное положение гражданки Луниной, «склонял её к сожительству», «предлагая улучшить бытовые условия». Позже райпрокуратура привлекла работника горсовета к ответственности¹.

Факты равнодушия к нуждам эвакуированных проявлялись в равной мере и в городе. Например, эвакуированная из Сталинграда Матвеева работала на заводе № 614 около 2-х месяцев, квартиры не имела, одеждой была не обеспечена и помощи от администрации не получила, в связи с чем вынуждена была уйти с завода и устроиться домработницей, тем самым нарушив закон от 26 декабря 1941 года. Была осуждена. По мнению облпрокурора В.Ф. Бобрышева этот факт свидетельствовал о безосновательном предании суду, невниманию к нуждам граждан².

Особенно тяжело приходилось эвакуированным детям. В большинстве своём они прибыли в область в совершенно изорванной одежде и обуви. С наступлением осени этот вопрос приобрёл особую значимость, а приток детей из Сталинградской, Ростовской и Воронежской областей продолжался. Областной отдел народного образования просил обком выделить 9000 зимних пальто и 9000 зимних головных уборов, а также другие вещи (всего 19 наименований)³. В Краснокутском районе по данным на конец января 1943 г. большинство эвакуированных детей-сталинградцев не посещали школы из-за отсутствия обуви и одежды. Эвакуированные педагоги, особенно эвакуированные из Сталинграда, также не были обеспечены обувью и одеждой⁴. В саратовском детском доме «Красный городок» разместились немало детей, эвакуированных из Ленинграда, Воронежа, Сталинграда, Курска. Родители многих погибли при эвакуации или на фронте. Как писала директор детдома Муромцева, «дети поступили едва живые, больные, искалеченные, изнуренные голодом и эвакуацией, перенесшие все ужасы войны. Все эти дети требуют усиленного ухода, заботы»⁵.

Многие малолетние сталинградцы, потерявшие родителей, пополнили ряды беспризорников и хулиганов. Особенно остро данная проблема проявилась в Саратове. На XVI Сессии горсовета (январь 1943 г.) начальник областного Управления милиции К.И. Степанченко прямо связал возросшее количество уголовных преступлений с увеличением числа беспризорных и безнадзорных ребят, особенно он отметил прибывших из сельской местности и эвакуированных из Сталинграда. Юные налетчики, вооруженные холодным и огнестрельным оружием, которое нередко шло в ход, совершали налёты на дома и квартиры горожан, часто нападали на одиноких прохожих⁶.

Сколько же эвакуированных поступило в Саратовскую область из Сталинградской? По-видимому, точного ответа на этот вопрос мы не узнаем уже никогда. Однако некоторые данные на этот счёт существуют. По сведениям заведующего отделом облисполкома по хозяйственному устройству эвакуанселения М.Н. Матвеева на 10 сентября 1942 г. общее количество населения, прибывшего из Сталинграда и Сталинградской области в августе – сентябре 1942 г., составило 11 048 человек⁷. Как следует из докладной записки Уполномоченного СНК РСФСР по Саратовской области Ханина от 25 января 1943 г., адресованной зампреду СНК РСФСР К.Д. Памфилову, с июня по сентябрь 1942 г. из Сталинградской области в Саратовскую прибыло 17 654 человека⁸. Как итоговую можно выделить цифру, приведённую в отчёте Отдела по хозяйственному эвакуанселения при Саратовском облисполкоме, – по данным на начало 1943 г.

¹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3276. Л. 2–3.

² ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 11. Д. 2. Л. 232–232 об.

³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3119. Л. 83–83 об.

⁴ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 390. Л. 12.

⁵ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2886. Л. 157–157 об.

⁶ ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 896. Л. 35–38.

⁷ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2780. Л. 6.

⁸ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 390. Л. 2; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4093. Л. 139.

было зафиксировано размещённых на территории области 18 600 человек из Сталинграда и Сталинградской области (т.е. с учётом сталинградцев, прибывших в 1941 г. и на тот момент ещё оставшихся в области)¹. Выше упоминалось постановление облисполкома от 10 сентября 1942 г. о размещении 40 тыс. сталинградцев. Столь значительного увеличения эвакуонаселения во второй половине 1942 г. на территории Саратовской области по имеющимся у нас документам не прослеживается. Судя по всему, в области оказалась значительно меньшая часть из обозначенного контингента. Косвенно это подтверждается постановлением Сталинградского облисполкома от 19 сентября 1942 г. «О размещении эвакуированного из Сталинграда населения», согласно которому из Сталинградского Заволжья в Саратовскую область направлялось лишь 2500 человек, тогда как в Свердловскую – 53 700, а в Челябинскую – 63 500².

Реэвакуация значительной части сталинградцев была начата сразу после того, как стал окончательно ясен исход сражения на Волге. Возвращение жителей было тесно связано с восстановлением города и поэтому в основном было проведено в предельно короткие сроки. 12 января 1943 г. из отдела кадров Саратовского обкома ВКП(б) всем горкомам и райкомам области был разослан стандартный формуляр: «Отдел кадров Саратовского обкома ВКП(б) предлагает Вам немедленно откомандировать к месту прежней работы всех руководящих работников сельских районных организаций, специалистов сельского хозяйства (агрономов, ветврачей, зоотехников, комбайнеров, трактористов, механиков), а также врачей и учителей, прибывших к вам из Сталинградской области в связи с эвакуацией»³. Указание партийными и советскими работниками районов было немедленно принято к исполнению⁴.

В известном постановлении СНК и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. предлагалось немедленно откомандировать руководящих земельных работников и специалистов сельского хозяйства к месту прежней работы не позднее 15 октября 1943 года. Всем им полагалось единовременное денежное пособие и оплата всех расходов на переезд. Также, через три месяца путем вызова они имели возможность перевезти свою семью домой⁵.

ГКО своим постановлением от 22 апреля 1943 г. обязал все наркоматы и ведомства беспрепятственно отпускать по требованию Наркомтанкопрома и Наркомстроя ранее эвакуированных рабочих, ИТР, служащих СТЗ и завода № 364. Прокурорам предлагалось установить надзор за соблюдением этого постановления и способствовать реэвакуации. Оказалось, что такое постановление было далеко не лишним⁶. Из справки о ходе восстановительных работ на заводе № 91 видно, что в мае 1943 г. вопрос возвращения квалифицированных рабочих и ИТР стоял очень остро. Парторг ЦК ВКП(б) жаловался, что многие организации препятствуют откомандированию сталинградских специалистов. Наркоматы вопрос решать не помогали, поэтому парторг убедительно просил «центральный комитет ВКП(б) принять меры воздействия на лиц, не считающих себя обязанными выполнять решения правительства»⁷. Стоит отметить, что в связи с отъездом сталинградских специалистов саратовские советские и партийные структуры лишались ряда квалифицированных работников, замену которым в короткие сроки найти было очень сложно, а потому руководители ряда организаций и предприятий негативно реагировали на многочисленные вызовы с прежних мест работы ранее эвакуированных сталинградцев⁸.

¹ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 26. Л. 25.

² Павлова Т.А. Указ. соч. С. 580.

³ ГАНИСО. Ф. 594. Д. 3103. Л. 3; Д. 3179. Л. 39.

⁴ Там же. Ф. 3193. Оп. 2. Д. 2. Л. 8; Ф. 4723. Оп. 3. Д. 5. Л. 42.

⁵ Важнейшие законы и постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны. М., 1946. С. 55; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941–1952. М., 1968. С. 92.

⁶ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 11. Д. 1. Д. 239.

⁷ Восстановление Сталинграда: события и факты. 1943–1951 гг. Волгоград, 2007. С. 13–14.

⁸ ГАНИСО. Ф. 972. Оп. 1. Д. 162. Л. 2; ГАСО. Ф. Р-2215. Оп. 1 л/с. Д. 744. Л. 223, 378.

Тем не менее, эвакуация сталинградцев в сравнении с возвращением жителей других регионов страны была проведена впечатляющими темпами. К моменту разгрома врага в Сталинграде находилось не более 5000 человек гражданского населения, но уже в июне 1943 г. их было 160 000¹. Близкое расположение Саратовской и Сталинградской областей способствовало быстрому возвращению жителей последней. К 1 декабря 1944 г. на территории Саратовского Поволжья по примерным данным находилось 6200 человек, эвакуированных из Сталинграда и области, к 1 июня 1945 г. – 4500 человек, а к концу 1946 г. – около 1500².

Таким образом, положение сталинградцев в саратовском тылу можно однозначно охарактеризовать как тяжёлое. Причиной тому явилось сочетание ряда негативных факторов. Во-первых, трудные условия эвакуации как таковой, её большая спешность и, как следствие, прибытие множества людей без каких-либо средств к существованию. Во-вторых, малоэффективная социальная политика центральных и местных властей. В-третьих, неудачные сроки прибытия, когда перед наступлением холодов людям не удалось организовать своё хозяйство. В-четвертых, размещение сталинградцев на территории бывшей Республики немцев Поволжья, неблагоприятной в экономическом отношении. В-пятых, половозрастной состав эвакуированных – женщинам с маленькими детьми без мужей, находившихся на фронте, сложно было обустроиться на новом месте.

Несмотря на собственные многочисленные проблемы, Саратовская область приютила тысячи обездоленных советских граждан, что дало им возможность жить и трудиться уже после войны.

---

¹ Восстановление Сталинграда: события и факты. С. 18.

² ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 423. Л. 7, 16; Д. 724. Л. 2.

ПРОХОРОВКА: ТЕХНОЛОГИЯ МИФА¹

Миф о «*крупнейшем в истории войн танковом сражении под Прохоровкой*», вероятно, наиболее живучий из всех тех легенд о минувшей войне, что закрепились в нашем обществе за последние 70 лет. Несмотря на то, что в начале 2000-х г. о боях у этой крохотной станции российскими учёными были опубликованы ряд фундаментальных исследований, основанных на рассекреченных советских и трофейных документах, где дана обоснованная оценка их масштабу и значению для дальнейшего хода войны, он по-прежнему продолжает жить и внедряться в сознание поколения россиян уже XXI века. Причём, тиражируется он не только в публицистических статьях, не обремененных глубокими познаниями нашей истории журналистами, но и в книгах, выпускаемых государственными учреждениями культуры. В подобного рода трудах бой четырех корпусов 5 гв. танковой армии с двумя моторизованными дивизиями СС по-прежнему именуется не иначе как «*самое крупное во всей истории Второй мировой войны встречное танковое*»² и даже «*решающим сражением Великой Отечественной*»³. При этом авторы не без основания утверждают, что их «*литературно-мемуарные творения рождались не на пустом месте, а... опирались на исторические события раскрытые в книгах ранее живущих писателей, трудах литературоведов*»⁴.

Действительно, процесс возникновения и формирования мифа длился несколько десятилетий и уходит своими конями в лето 1943 г. Однако проследить эту «технологическую цепочку» историкам долгое время не удавалось. Лишь недавно, в 2011-2012 г., после рассекречивания в Центральном архиве Министерства обороны РФ ряда документальных фондов такая возможность появилась.

Ключевым пунктом легенды о Прохоровке стал масштаб сражения. Согласно устоявшейся в советской историографии точки зрения, 12 июля 1943 г. у станции столкнулись во встречном сражении две танковые группировки общей численностью от 1200 до 1500 бронеединиц. Как и у большинства исторических легенд, прародителями её стали непосредственные участники тех событий. Точнее командующий 5 гв. ТА генерал-лейтенант П.А. Ротмистров и его штаб. Именно отчетные материалы управления гвардейской армии о летних боях 1943 г., а так же книги и брошюры Павла Алексеевича, вышедшие после войны, легли в её основу. Обратимся к архивным источникам.

Первым официальным документом, в котором была указана численность немецкой бронетехники противостоявшей 5 гв. ТА под Прохоровкой (в двух районах, где действовали её войска) стало донесение разведывательного отдела (РО) штаба Воронежского фронта «Данные о действиях противника за 12.7.1943 г.» за подписью начальника его информационного отделения подполковника Машкова. Сведения, включенные в него, в течение всего дня боёв фронтовые разведчики скрупулезно собирали путём наблюдения за полем боя, опроса пленных и личным сбором информации в подразделениях первой линии. «*Противник, - указывается в донесении, - до трёх полков мотопехоты, при поддержке до 250 танков танковых дивизий «Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мёртвая голова»⁵ с рубежа Прелестное – Ямки и до двух мотополков с группой танков до 100 единиц с рубежа Кривцово – Казачье – перешли в на-*

¹ Эта проблема частично освещалась мной в одноимённой статье (см.: Замулин В. Прохоровка: технология мифа // Родина. 2013. № 7).

² Найдёнов Н.Ф. У незнакомого посёлка. Белгород, 2006. С.55

³ Там же С. 69

⁴ Там же. С. 7

⁵ В это время названные дивизии СС официально именовались моторизованными, хотя комплектовались по штату танковых и входили в корпус, называвшийся танковым.

ступление в общем направлении на Прохоровку, стремясь окружить и уничтожить части 69 армии»¹. Если сравнивать эти цифры с реальными данными о наличии танков, которые были в дивизиях 2 тк СС, действовавших с рубежа Прелестное – Ямки (юго-западнее станции) и 3 тк – рубеж Кривцово – Казачье (южнее), то следует отметить: фронтовая разведка сработала успешно. Вечером 11 июля во 2 тк СС числилось в строю 297 бронеединиц (239 танков и 58 штурмовых орудий), а в трёх дивизиях и 503 отдельном тяжёлом танковом батальоне 3 тк – 119 (100 танков и 19 штурмовых орудий)². Хотя как удалось установить в ходе анализа архивных источников в российских и западных архивах, непосредственно для отражения удара корпусов 5 гв. ТА командование корпуса СС задействовало всю бронетехнику мд СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и «Рейх», а из имевшихся в мд СС «Мёртвая голова» 122 танков и штурмовых орудий – не более 30–35. Остальные находились в излучине р. Псёл, в полосе соседней 5 гв. армии.

Уже после окончания оборонительной операции, 24 июля 1943 г., член Военного Совета фронта генерал-лейтенант Н.С. Хрущёв включил данные РО в своё донесение «О танковом сражении 12-го июля 1943 года в районе Прохоровки Курской области» адресованное лично И.В.Сталину³. Тем самым подтвердив их достоверность.

Как уже отмечалось выше, командарм П.А. Ротмистров в течение 12 июля 1943 г. ввел в бой юго-западнее станции из: 18 тк (149 танков), 29 тк (199 танков и 20 сау), 2 тк (52), 2 гв. тк (94) и южнее: части и соединения, передового отряда армии, 2 гв. танкового 5 гв. механизированного корпусов (всего 148 танка и 10 сау). Следовательно, на ставшем в последствие знаменитом «танковом поле» юго-западнее Прохоровки в этот день действовало 514 советских танка и самоходных артустановок (сау), против 210 немецких танков и штурмовых орудий, а южнее станции 158 танков и сау против 119 танков и штурмовых орудий. Следовательно, в общей сложности в двух районах под Прохоровкой непосредственно в боевых действиях в течение дня участвовало 1001 единицы бронетехники, 672 и 329 – соответственно, из примерно 1100, которые противоборствующие стороны имели в строю утром 12 июля.

Однако ни эти достаточно значительные цифры стали достоянием советской общественности и легли в основу истории Курской битвы и войны в целом, а иные – подготовленные командованием 5 гв. ТА на основе предположения её командующего и ошибочных данных разведки. В «Отчёте о боевых действиях 5 гв. ТА за период с 7 по 24 июля 1943 г.» (далее - «Отчёт...»), утвержденном 30 сентября 1943 г. командармом П.А. Ротмистровым и первым членом Военного Совета генерал-майором П.Г. Гришиным отмечалось, что в полосе наступления основных сил армии (юго-западнее Прохоровки): *«Развернулось необычное, по своим масштабам, танковое сражение, в котором на узком участке фронта с обеих сторон участвовало более 1500 танков, громадное количество артиллерии всех видов и назначений, миномётов и авиации»*⁴.

Складывалась эта цифра из следующих данных. По мнению начальника штаба армии генерал-майора В.Н. Баскакова и начальника оперативного отдела полковника М.Ф. Белозёрова, которые и подписали «Отчёт...», готовясь к удару на Прохоровку, немцы сосредоточили на этом направлении: с юго-запада – семь танковых и четыре пехотных дивизии, а так же две танковые и одну моторизованную – с юга, которые располагали в общей сложности до 1000 танков.

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 203. Оп. 2843. Д. 452. Л. 95.

² Zetterling N. and Frankson A. Kursk 1943. A Statistical Analysis. London. Portland. Frank Gass, 2000. Table A.6.4 – A6.10.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАС-ПИ). Ф. 83. Оп. 1. Д. 27. Л. 27.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 5 гв. ТА. Оп. 4948. Д. 19. Л. 8.

При этом непосредственно против 5 гв.ТА, якобы, действовали шесть танковых дивизий, располагавших 700-800 боевыми машинами¹.

Удивляет перечень немецких соединений приведённых в «Отчете...», которые якобы были развёрнуты у станции. В группу «сосредоточенных для удара на Прохоровку» офицеры штаба 5 гв. ТА включили все соединения 48 тк, которые наступали на Обоянь и западнее от неё (и никогда не были под Прохоровкой). А также все три дивизии (16 мд, 17 тд и тд СС «Викинг») 24 тк генерала В. Неринга из резерва командующего ГА «Юг» генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна, которые в ходе операции «Цитадель» не использовались. Столь же существенные нестыковки обнаруживаются и с дивизиями, отнесенными к группе – «действовавшие непосредственно против 5 гв. ТА». Например, в документе отмечено, что мд «Великая Германия» участвовала в наступлении на станцию, хотя в действительности она действовала вдоль обоянского шоссе, т.е. 35 км западнее Прохоровки и никогда её части перед фронтом 69 А или 5 гв. ТА не отмечались.

Что это – непрофессионализм офицеров штаба или намеренное искажение фактов? Как свидетельствуют документы, обнаруженные мной в ЦАМО РФ, и то, и другое. К работе советской тактической и оперативной разведки всегда было много нареканий. Например, одной из главных причин неудач наступления Красной Армии в юго-западном направлении советско-германского фронта в феврале – марте 1943 г. явилась слабая работа разведки. Не случайно уже 19 апреля 1943 г. И.В. Сталин подписал специальный приказ о её укреплении и повышении эффективности работы. В ходе летних боёв 1943 г. в разведорганах войск Воронежского фронта проявился ряд существенных проблем. Главными недостатками были: низкая профессиональная подготовка офицеров, поверхностный анализ и обобщение поступавшей информации, а также склонность её руководителей к перестраховке и преувеличению силы противника. Однако в сравнении с армейскими разведчиками, фронтовые разведчики работали значительно эффективнее и точнее.

Не была исключением и разведка 5 гв. ТА. Вот лишь один пример. По данным её штаба к исходу 12 июля: *«На южном участке (южнее Прохоровки – З.В.) действуют 19 и 7 тд противника и вновь подошедшая 6 тд, всего 400–600 танков»*². Эти данные были продублированы в 15.35 14 июля полковником Ф.М. Белозёровым в донесении в штаб фронта³. Такого количество бронетехники не было не только в указанном районе, но и во всей армейской группе «Кемпф», которая действовала на всём корочанском направлении. На 6.00 14 июля в АГ «Кемпф» было всего 82 танка⁴ без учёта 505 оттб, численность которого колебалась от 6 до 10 Т-6. Причем наиболее боеспособная 7 тд (в строю 40 танков) не была нацелена на Прохоровку, а действовала в направлении г. Короча. Двигавшаяся с юга к станции 19 тд располагала лишь 28 боевыми машинами. В полдень 13 июля 1943 г. во время переговоров с П.А. Ротмистровым генерал армии Н.Ф. Ватутин выразил сомнения в правдивости этих данных: *«В отношении Ваших соображений и оценки на южном участке: вряд ли противник успел сосредоточить туда такое большое количество танков, как Вы доложили»*⁵.

Понимая, что его штаб явно завысил данные, командарм попытался направить недовольство командующего фронтом на соседей. *«На юге захваченными документами и пленными установлены две танковые и одна пехотная дивизии, – отвечает Ротмистров, – всего, я считаю, там может быть танков не свыше 300–400. Группировку танков в поселках и их число мне дала авиация, поэтому очевидно и получилось преувеличение танковых сил противни-*

¹ Там же. Л. 5.

² ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 461. Л. 65.

³ Там же. Л. 65.

⁴ Zetterling N., Frankson A. Kursk 1943. A Statistical Analysis. London, 2000. Table A6.7, A6.8, A6.9.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 461. Л. 62.

ка, если считать по данным авиации»¹. Вот так обстояло дело с подсчётом немецкой бронетехники в советских штабах под Прохоровкой: в донесениях писали одно, а если вышестоящее командование сомневалось – говорили совсем другое, а как же было в действительности – никто не знал. Именно на этой почве, сдобренной догадками, предположениями, да и просто откровенными выдумками, и будет расти легенда о тысячах танков, столкнувшихся под Прохоровкой.

Как мне рассказывали офицеры ветераны войны, численность вражеской бронетехники на каком либо направлении советская сторона подсчитывала двумя способами. Во-первых, по номерам выявленных дивизий (документами, пленными, радиоперехватом): умножали их количество на штатную численность – 200 танков, а укомплектованность уже участвовавших в сражениях уменьшали на 10–15 за каждый день боя. Но в июле 1943 г. ещё не было точно известно, что немцы перевели штаты танкового полка танковой дивизии из трёх батальонного состава (200 танков) на двух батальонный (166). Как удалось выяснить, первые ориентировки по этому вопросу штаб БТ и МВ Красной армии разослал фронтам только в августе 1943 г. Во-вторых, штабы наземных войск в основном ориентировались на авиаразведку, и уже свои цифры сверяли с её данными, которые также не редко были ошибочными. С высоты, при задымлении и плотном огне ПВО всё: и танки (стоящие, подбитые), и транспортёры с боеприпасами, и сау, казались бронетехникой. Были случаи, особенно когда линия фронта была нестабильной, советские самолёты–разведчики по ошибке залетали на свою территорию и вместе с немецкой считали и собственную технику, относя её к вражеской. Об этом мне рассказывали ветераны 2-й воздушной армии – участники Курской битвы.

Кроме того, между РО армий Воронежского фронта не был должным образом налажен обмен информацией. Если бы армейские управления работали как положено, то командование 5 гв. ТА знало бы, что 6 тд «не подходила» (как указано в цитирувавшемся выше донесении), а с 6 июля 1943 г. действовала против 7 гв. А, а затем и 69 А. Имела она утром 14 июля всего 14 танков². В то же время, нельзя не отметить, важное обстоятельство, которое всегда влияло на боевую работу: завышенные данные были выгодны нашим генералам. Плохую организацию боя, неустойчивость войск, да и просто ошибки, они списывали на превосходство неприятеля, в первую очередь в бронетехнике.

Но вернёмся к подсчёту немецких танков южнее Прохоровки. 15 июля 1943 г, когда основные события у станции уже произошли, советская инженерная разведка раскрыла военную хитрость врага. Штаб 69 А доносил, что противник «...применяя вместо настоящих танков макеты, создаёт в районе Верхний Ольшанец, Раевка, Ольховатка ложное сосредоточение танков. Данные немедленно были сообщены зам. начальника штаба фронта по разведке».³ Таким образом, лётчики 2 ВА, доносившие П.А. Ротмистрову, что южнее Прохоровки находятся до 600 немецких танков, посчитали, в том числе и их деревянные макеты.

Тем не менее, в обнаруженных в ЦАМО РФ документах 5 гв. ТА за 13–16 июля численность группировки врага южнее Прохоровки оценивается, как и предположил П.А. Ротмистров 13 июля в разговоре с Н.Ф. Ватутиным, 300 танков, хотя там их было в три раза меньше. Чёткого объяснения этой цифре офицеры штаба армии не дают, но указанные в «Отчёте...», якобы наступавшие с юга 16 мд, 17 тд и тд «Викинг», вероятно, должны были эту версию подтвердить. В практике работы советских армейских штабов существовало твёрдое правило: если нет пленных или документов, присутствие того или иного вражеского соединения перед фронтом своих войск считать лишь предположением. Ни одна из перечисленных дивизий 24 тк в период оборонительных боёв не

¹ Там же. Л. 63.

² Zetterling N., Frankson A. Kursk 1943. A Statistical Analysis. London, 2000. Table A6.7.

³ ЦАМО РФ. Ф. 426. Оп. 10765. Д. 13. Л. 10.

была зафиксирована объективными средствами контроля не только перед 5 гв. ТА, но и другими войсками фронта. Фронтная радиоразведка 12 июля однажды перехватила работу радиостанции 16 мд в районе Яковлево. Но это не являлось очевидным подтверждением её присутствия. Действительно, опергруппа этого соединения действовала здесь для подготовки ввода её в бой, но изменившаяся обстановка нарушала планы врага. Поэтому появление в полосе обороны Воронежского фронта всех трёх дивизий корпуса Неринга так и осталось предположением. Командование 5 гв. ТА знало об этом, но, тем не менее, включило их в свой отчёт о сражении под Прохоровкой для придания ему масштаба. Этот факт, как и утверждение П.А. Ротмистрова о действии против его армии мд «Великая Германия» и 11 тд, с полной уверенностью можно отнести к сознательному мифотворчеству командарма.

А теперь вновь обратимся к «Отчёту...», чтобы выяснить какое же количество техники 5 гв. ТА, по мнению генерала В.Н. Баскакова и его подчиненных, противостояло немецкому бронированному кулаку из 700–800 боевых машин 12 июля. «Всего армия с приданными корпусами (2 тк и 2 гв. тк – В.З.) имела 793 танка» – пишут они¹. Проведенный мной анализ донесений частей и соединений даёт иную цифру – 833 исправных бронеединицы. Но упрекать составителей документа не следует. Погрешность не значительная и, вероятно, связана с несовершенством учёта бронетехники идущей из ремонтных служб в войска, а также танков, подходящих с марша в район выжидательных позиций армии. Напомню, переброска 5 гв. ТА из Воронежской области под Прохоровку поводелась с 6 по 11 июля 1943 г. включительно.

Следовательно, если сложить обнаруженные (непонятно где) штабом Ротмистрова 800 немецких танков с таким же числом боевых машин его армии (793) и отнять примерно 100 танков направленных им утром 12 июля 1943 г. на юг, для блокирования прорыва 3 тк, то получатся указанные в «Отчёте...» 1500 боевых машин. При этом, следует обратить внимание на важную деталь: если по данным РО фронта и докладной Н.С. Хрущёва почти 1000 танков вели боевые действия под Прохоровкой в двух районах, расположенных один от другого на расстоянии 18–20 км, то штаб 5 гв. ТА свёл все 1500 танков в одно место, на небольшое поле (примерно 5х12 км) юго-западнее станции густо изрезанное глубокими, непроходимыми для бронетехники, оврагами.

Так возникли две версии о численности бронетехники, участвовавшей в сражении 12 июля 1943 г. Назовём их – «фронтная» и «армейская». Но если первая возникла естественным путём и отражала реальную действительность боя, то причина появления второй не совсем ясна. Зачем командованию 5 гв. ТА понадобилось через 2,5 месяца раздувать масштаб сражения и указывать немислимое число танков там, где их не могло быть? Чтобы ответить на этот вопрос следует вкратце коснуться обстановки сложившейся после Прохоровского сражения.

Как уже отмечалось, контрудар войск Воронежского фронта 12 июля 1943 г. поставленных задач не решил, а танковая армия П.А. Ротмистрова, примерно за 10–11 часов непрерывного боя понесла очень большие потери – более 50% техники введенной в бой. К завершению оборонительной операции 16 июля 1943 г. она оказалась фактически обескровленной: только сгоревшими числилось 323 танка и более сотни машин находилось в ремонте. Для выяснения причин столь высоких потерь из Москвы прибыла комиссия во главе с секретарём ЦК ВКП(б) Г.М. Маленковым. Расследование продолжалось примерно две недели, затем её выводы легли на стол И.В. Сталину. Ставился вопрос об отстранении командарма от должности и предании его суду. Судьба Павла Алексеевича висела на волоске до конца июля, когда стараниями начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза А.М. Василевского гнев Верховного Главнокомандующего удалось отвести от него. А в конце августа командарм был удостоен ордена Кутузова 1-й степени за участие в Курской бит-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 5 гв.ТА. Оп. 4948. Д. 19. Л. 6.

ве. Тем самым вопрос: «Как оценивать события под Прохоровкой?» фактически решился: считать сражение победоносным, на потерях внимание не акцентировать. Опираясь на эту оценку в начале сентября 1943 г. Военный Совет армии утвердил первые наградные листы воинам, отличившимся под Прохоровкой, т.е. через 2 месяца после совершения подвига! Даже по меркам войны затычка существенная. Она ещё раз свидетельствует о непростой ситуации, которую в июле–августе командованию армии удалось пережить.

В это же время, в августе, был подготовлен, и упоминавшийся выше «Отчёт...». Он имел два варианта, предварительный, который был направлен в штаб командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии и окончательный, утверждённый 30 сентября 1943 г. Принципиального различия в них, относительно рассматриваемого вопроса, нет. Первый был лишь более кратким. Это типовой для штаба армии документ, который обычно готовился оперативным отделом после завершения определенного периода боёв. Его главная задача – обобщить опыт, выявить новые приёмы и методы борьбы противника и довести вышестоящему командованию предложения по совершенствованию боевой работы войск. Вместе с тем он являлся уникальным средством, позволявшим командованию корпусов и армий, не опасаясь резкой критики и тем более последствий (включенные в него данные непосредственно влиять на боевую работу уже не могли), представить свои войска (а значит и себя) перед вышестоящим командованием в лучшем свете и «поставить дымовую завесу» над просчётами и ошибками, допущенными в это время. За многолетнюю работу в ЦАМО РФ мне довелось ознакомиться с несколькими десятками таких документов, значительная часть которых яркий образец тщеславия и изощренного вранья!

Всё это было и в отчёте 5 гв. ТА, но в меру. Её командование тоже попыталось использовать этот документ как канал информации для того, что бы сгладить негативное впечатление от контрудара под Прохоровкой и ещё раз подчеркнуть перед вышестоящим руководством заслуги своих войск. Но непростым перечислением сотен подбитых танков и тысяч уничтоженных немецких солдат, как делали другие, а созданием образа грандиозного сражения, в котором армия разгромила небывалую по численности танковую группировку врага. Поэтому не случайно в «Отчёте...» дважды упоминается цифра 1500 танков. Первое упоминания я цитировал выше, а второе – в разделе «Выводы», хотя оно было там явно не к месту. Причём, что бы ещё раз подчеркнуть масштаб происшедшего под Прохоровкой, офицеры штаба использовали не обычную для военных лаконичную лексику, а слова и выражения из арсенала органов пропаганды: *«12 июля с.т. произошло величайшее в истории Отечественной войны танковое сражение в сквозной атаке которого участвовало до 1500 танков с обеих сторон. Нанесся огромный урон противнику в людях и технике и, задержав дальнейшее продвижение врага, частям армии, пришлось в течение некоторого времени вести оборонительные бои»*¹. В целом же документ, хотя и трудно назвать информативным, но он вполне соответствовал предъявлявшимся в то время требованиям, без явных перекосов и откровенных словословий. Это и понятно, для составителей было важно, чтобы профессионалы из штаба БТ и МВ Красной Армии, которые будут с ним знакомиться, восприняли, прежде всего, главную мысль – *«армия понесла огромные потери, не из-за ошибок командования, а потому, что участвовала в небывалом сражении и победила»*. А для этого необходимо, чтобы эта идея не потерялась в массе другой информации, была рельефно обозначена и проходила красной линией от начала и до его завершения.

Но почему именно «армейский» вариант, а не «фронтовой» был принят за основу советскими историками? Сработала военная система делопроизводства, с характерными для неё секретностью и особыми требованиями к документообороту. Донесения РО фронта и докладная Н.С. Хрущева, как документы

---

¹ Там же. Л. 21.

подготовленные штабами более высокого уровня (нежели «Отчёт...»), а главное иного характера – оперативные, да к тому же имевшие гриф «секретно» и «совершенно секретно» осели на полвека в военном архиве. Документальные фонды штаба Воронежского фронта в ЦАМО РФ, где хранилось донесение РО, были открыты в 1993 г., а письмо И.В. Сталину опубликовано впервые в открытой печати лишь в 2007 г. «Отчёт...» из армии Ротмистрова поступил в штаб командующего БТ и МВ Красной Армии уже в августе 1943 г. в отдел по изучению и использованию опыта Отечественной войны. Эти структуры были сформированы в штабах Красной армии в 1942 г. для обобщения, изучения и доведения до командного состава действующей армии успешных приёмов и методов ведения боя и управления войсками. Офицерам, служившим в них, предписывалось на основании отчётов соединений и объединений готовить аналитические материалы для дальнейшего использования их в статьях, публиковавшихся в журналах родов войск и сборниках по использованию опыта войны Генштаба РККА, а так же в военных академиях для подготовки лекций и семинаров.

В конце августа заканчивался летний период боёв и штаб БТ и МВ КА был обязан оперативно проанализировать опыт боевой работ войск и напечатать эти материалы в военных журналах, в том числе и в «Сборнике Генштаба по изучению опыта войны» («Сборник...»). Поэтому 10 сентября 1943 г. начальник отдела по изучению и использованию опыта Отечественной войны в штабе БТ и МВ РККА полковник Г. Сапожков направляет начальнику одноименного отдела Генштаба генерал-майору П.П. Вечному для публикации две статьи, в том числе и материал «*Июльская операция 5 гвардейской таковой армии на Белгородском направлении*»¹. В её основу лег «Отчёт...» генерал-майора В.Н. Баскакова. Из него в статью перекопировала и цифра 1500 танков. Немного позже, 31 октября 1943 г., генерал П.П. Вечный этот же материал и черновой вариант статьи полковника Гончарова «*Танковые войска в современной оборонительной операции*», в которой тоже использовались данные «Отчёта...» о боях под Прохоровкой, направил заместителю начальника Военной академии бронетанковых и механизированных войск (там готовили старший командный состав танковых войск Красной армии) для использования на кафедре высших соединений².

Все перечисленные работы были напечатаны в 1944 г. Следует подчеркнуть, что при подготовке публикаций редакция «Сборник...» отнеслась к статистическим данным о численности бронетехники в бою под Прохоровкой с осторожностью. В основной статье «Танковые войска в обороне Курского плацдарма» размещенной в Выпуске 11 (март-апрель 1944 г.) не содержалось общей цифры советских и немецких танков, принимавших участие в боях 12 июля и упоминания о «*величайшем сражении*». Однако именно эта работа стала важнейшим «кирпичиком» будущего мифа. В ней цифра 1500 была разбита на две части и повторены те же небылицы из «Отчета...» о действии под Прохоровкой 17 тд и ещё 168 пд. В начале раздела «Боевые действия 5 гвардейской танковой армии» указано, что к утру 12 июля немцы имели западнее станции четыре танковых и одну пехотную дивизию, в которых насчитывалось более 600 танков, в том числе «тигров» и неизвестно откуда взявшихся «фердинандов», а 5 гв. ТА располагала 793 машинами³. Таким образом, авторы недвусмысленно давали понять читателю, что 12 июля западнее Прохоровки (на «танковом поле») столкнулись две группировки общей численностью более 1400 бронеединиц. Со временем в открытой печати эта цифра приобрела «стройность», превратившись в 1500 танков.

И хотя «Сборники...» не поступали в широкую продажу и в публичные библиотеки, информация, подготовленная лишь для высшего командного состава армии, стала доступна более значительной аудитории – практически всем старшим офицерам и генералам. Таким образом, был создан фундамент

¹ ЦАМО РФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 16. Л. 36.

² Там же Л. 1.

³ Сборник материалов по изучению опыта войны. Выпуск 11. М., 1944. С. 17.

для формирования того масштабного мифа о величайшем танковом сражении, со сквозными атаками, бесчисленными таранами и терриконами подбитой и уничтоженной немецкой бронетехники, которым в послевоенные десятилетия потчевали страну советские историки и средства массовой информации.

Рассчитывало ли тогда командование 5 гв. ТА на то, что эта цифра станет столь востребованной и будет использована так широко. Думаю, нет. Вначале задача была сугубо утилитарная и лишь потом, после войны, пришло осознание выгоды ситуации. Лишь с конца 1950-х гг. генералы, причастные к сотворению легенды, начали настойчиво её поддерживать и популяризировать в своих книгах, статьях, выступлениях

Могли ли офицеры Генштаба и штаба БТ и МВ перепроверить информацию о 1500 танках и пресечь её распространение? Да могли, причём без особых усилий. В Генштабе в это время существовала «Группа офицеров Генштаба Красной Армии при штабах армий и фронтов». Её сотрудники контролировали выполнение приказов войсками действующей армии, выявляли случаи неправильного ведения боя и использования войск, намечавшиеся негативные тенденции и информировали об этом руководство Красной Армии специальными записками и отчётами. Эти документы не подвергались цензуре и направлялись непосредственно от офицера-составителя в три адреса: командованию армии или фронта, где он был прикреплен, руководителю группы офицеров Генштаба в войсках фронта и начальнику Генерального штаба. В начале августа 1943 г. такой отчёт поступил в Москву и от майора Черник, офицера Генштаба при штабе 5 гв. ТА¹. По объёму он был больше отчёта генерала В.Н. Баскакова и значительно информативнее с точки зрения обобщения опыта боёв. Его автор тоже даёт высокую оценку действиям войск Ротмистрова и результатам боевых действий 12 июля 1943 г., но, ни о каком грандиозном сражении с привлечением 1500 танков там не упомянуто. Этот материал был доступен всем сотрудникам Генштаба, в том числе и отдела генерала Вечного. Его также могли запросить и подчиненные полковника Г. Сапожкова. Но, к сожалению, в их обязанности не входило перепроверять данные присланные из армий и фронтов. Информация из этих документов априори считалась правдивой и сразу использовалась в дальнейшей работе. Хотя другие отделы, напрямую связанные с действующей армией, часто перепроверяли донесения из войск, справедливо полагая, что в столь важном деле как сбор информации контроль излишним не бывает.

Я далёк от мысли, что все офицеры, использовавшие материалы «Отчёта...» 5 гв. ТА знали, что данные из него не соответствуют действительности. Тем не менее, отсутствие «фильтра» для отсева всякого рода непроверенной информации в отделах полковника Сапожкова и генерала Вечного снижало ценность разработок его сотрудников и явилось одной из главных причин продвижения мифа в научную среду (в академию БТ и МВ), и средства массовой информации (сначала военные, затем гражданские).

Не менее интересной оказалась и технология внедрения мифа в широкие массы. Первыми историографами Курской битвы и Прохоровского сражения следует считать советских военных журналистов. Уже во второй половине июля 1943 г., после срыва операции «Цитадель», в центральных газетах появились очерки и статьи на эту тему участников и очевидцев боёв. Их авторы в основном описывали отдельные сражения и бои, героизм советских воинов, а также пытались обобщить некоторый опыт, полученный войсками. Особо следует остановиться на статье «Прохоровский плацдарм», военного корреспондента майора К.И. Буковского² напечатанной 29 июля 1943 г. в «Красной звезде». Во-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 5 гв. ТА. Оп. 4948. Д. 51. Л. 1–27.

² Буковский Константин Иванович, советский журналист и писатель. Родился 5.05.1908 г. в с. Инжавине Тамбовской губернии в крестьянской семье. Работал в Москве редактором заводских газет, корреспондентом газеты «Красная Звезда». В годы Великой Отечественной войны был фронтовым корреспондентом. С 1946 г. работал в журнале Огонёк. Автор очерков и книг о селе, крестьянстве, сельском хозяйстве. Скончался в Москве 24.04.1976 г. Его сын – известный диссидент Буковский Владимир Константинович.

первых, в ней впервые в открытой печати было рассказано о событиях у затерянной на просторах Центрального Черноземья крохотной железнодорожной станции, ставшие впоследствии символом мужества и трагизма. Во-вторых, она стала одним из важных источников распространения мифа о Прохоровке. Сам автор не участвовал в этом сражении, и вся изложенная им информация была почерпнута в основном из общения с командованием 5 гв. ТА, высокопоставленными политработниками и офицерами её штаба. Поэтому главные тезисы статьи, составившие впоследствии каркас легенды о Прохоровском танковом сражении, почти в точности повторяют мысли из послевоенных книг и статей П.А. Ротмистрова и его соратников. Главные: армия сосредоточилась скрытно, враг не ожидал столь мощного удара, атака наших танкистов оказалась сквозной, сражение стало небывалым по размаху, *«определившим собой провал всего июльского наступления немцев на белгородско-курском направлении»*. Заметим, что на момент выхода статьи прошло лишь две недели от события, только-только завершила свою работу комиссия Г.М. Маленкова, расследовавшая высокие потери танкистов, и поэтому ещё не все аспекты мифа были отточены. Например, названы не столь фантастические цифры численности немецких танков, участвовавших в якобы лобовом столкновении 12 июля 1943 г. (всего около 400), указаны очень скромные (почти реальные) потери немцев (свыше 100 боевых машин) и главное – сражение у Прохоровки названо лишь *«одним из крупнейших в этом году»*. Напомню, что в направленном в Москву буквально через несколько дней отчёте штаба 5 гв. ТА будут указаны совершенно иные данные: в бою участвовало 700 немецких танков, потери врага поднялись от 350 до 400, а бой 12 июля стал *«величайшим сражением в истории отечественной войны»*¹.

В ряде публикаций, а так же на интернет форумах часто встречается утверждение о том, что широкая советская общественность узнала о Прохоровке только через 10 лет из книги полковника И.И. Маркина «Курская битва»², вышедшей в 1953 г. в «Воениздате». Однако это не совсем так. Первой работой, ставшей доступной гражданской аудитории, в которой довольно подробно излагался ход Курской битвы, в том числе и события под Прохоровкой, стала небольшая книга (можно сказать брошюра) группы военных историков Генштаба «Битва под Курском. Краткий очерк»³. Появилась она в 1945 г. в том же издательстве, но на восемь лет раньше. Это исследование было рассчитано на широкую аудиторию и имело достаточно большой тираж. И сегодня с ним можно свободно познакомиться не только в столичных, специализированных, но и областных публичных библиотеках России. В его основу были положены всё те же материалы, подготовленные офицерами отделов по изучению и использованию опыта войны, в том числе и о действиях 5 гв. ТА в июле 1943 г. Поэтому не мудрено, что сражение в районе Прохоровки оценивалось в нём как «невиданное по своему размаху», в котором участвовало 1500 танков⁴.

Книга И.И. Маркина «Курская битва» не привнесла ничего принципиально нового. Подготовленная на скудной базе пропагандистских источников, таких как газетные статьи из «Правды», материалов из сталинского сборника «О Великой Отечественной войне Советского Союза» и т.д., она почти полностью повторяла работу офицеров Генштаба со всеми её ошибками и преувеличениями в оценках отдельных событий. Но именно благодаря книге И.И. Маркина миф о грандиозном событии под Прохоровкой стал известен широкой всесоюзной читательской аудитории. Это обстоятельство позволило впоследствии придать прохоровскому мифу статус официальной точки зрения. Тем не менее, эта работа явилась заметным событием в общественной жизни страны. На тот момент библиография о Курской битве была весьма скудной, а архивы для иссле-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 5 гв. ТА. Оп. 4948. Д. 19. Л. 21.

² Маркин И.И. Курская битва. М., 1953.

³ Замятин Н.М., Болдырев П.С., Воробьёв Ф.Д., Артемьев Н.Ф., Паротькин И.В. Битва под Курском. Краткий очерк. М., 1945.

⁴ Там же. С. 20.

дователей закрыты, поэтому озвученная версия имела широкое распространение. Приведённые автором данные использовались и в научной, и в мемуарной литературе, а так же в газетных и журнальных публикациях¹. Особенно в преддверии праздников и знаменательных дат.

Исследователи редко обращают внимания на второе, переработанное издание труда И.И. Маркина, вышедшее в 1958 г., а ведь оно было совершенно иным. Работа почти в два раза увеличилась в объёме и существенно изменилась по содержанию. Её отличительной особенностью, и в то же время сильной стороной, стало привлечение автором архивных советских боевых и трофейных документов. Автор активно использовал при изложении хода боевых действий в районе Курска (особенно их итогов) информацию из мемуаров немецких генералов и фельдмаршалов. Для того времени подобный подход был новаторским. Кроме того, в этом издании была ещё одна очень важная особенность. С середины 50-х г. в военно-научной среде сторонников критического подхода к официальной оценке сражения за Прохоровку и численности бронетехники, участвовавшей в нём, становилось всё больше. И.И. Маркин эту тенденцию учёл и удалил из своей работы пассаж о 1500 танках. Сей поступок показал, что автор не склонен к тиражированию мифов и искренне стремится к научному подходу при разработке данной темы, даже при опасности навлечь на себя гнев участников сражения, которые в то время занимали в Вооружённых силах СССР высокие посты.

Важным этапом в развитии легенды стал 1960 г. В это время выходят из печати воспоминания П.А. Ротмистрова о его участии в боях под Прохоровкой, в которых фигурировали данные из того самого «Отчёта...» его штаба. Авторитет маршала был высок, и хотя его книга была по сути брошюрой в несколько десятков страниц, тем не менее существенно укрепила легенду о «величайшем Прохоровском сражении» и дала новый толчок к её распространению. Воспоминания быстро были включены в пропагандистскую систему СССР и начали широко печататься во всесоюзных журналах и сборниках воспоминаний участников Курской битвы, которые активно готовились к изданию в преддверии 20-й годовщины событий на Огненной дуге. Авторы-составители отдельных книг не смогли соблюсти чувство меры. В одних и тех же изданиях по несколько раз повторялись «панегирики» сражению под Прохоровкой. Оно называлось «небывалым по масштабу», «крупнейшим в истории Второй мировой войны» с обязательным упоминанием, что «в нём участвовало более 1500 танков и самоходных артустановок»². Поэтому не случайно, когда в при подготовке очередного тома «Истории Великой Отечественной войны» встал вопрос об освещении событий 12 июля 1943 г., его редакция воспользовалась наряду с материалами отдела генерала П.П. Вечного, публикациями второй половины 40-х и 50-х годов и воспоминаниями П.А. Ротмистрова. Причём, как мне рассказывал Г.А. Колтунов (член авторского коллектива), для редколлегии шеститомника было очень важно, что информация из всех трёх групп источников совпадала в главном – в оценке сражения и в них фигурировала одна и та же цифра – 1500 танков. Это было тогда расценено как подтверждение правдивости.

Таким образом, миф, созданный штабом 5 гв. ТА в 1943 г., пройдя за 20 лет через каналы массовой информации СССР (сборник по обобщению опыта войны Генштаба, лекции в академии БТ и МВ, книгу группы офицеров Генштаба, публикации в гражданских средствах массовой информации и в мемуарной литературе), был включен несколько подправленным в третий том «Истории Великой Отечественной войны». Тем самым он получил статус официальных данных. Поправки же были не существенными. Вместо «величайшего в истории отечественной войны» сражения, бои 12 июля назвали скромнее – «одно из са-

¹ Например: *Селиванова Ф.* Курская битва. 1956, Курская битва. Из воспоминаний участников. Курск, 1959.

² В огне Курской битвы. Из воспоминаний участников боёв. Курск, 1963. С. 9, 301

мых напряжённых танковых сражений Великой Отечественной войны». При этом цифра 1500 танков и самоходных орудий осталась неизменной¹.

Если до этого момента в среде военных историков, преподавателей военных академий были сомнения в подлинности этой цифры (в неофициальной обстановке на эту тему велись жаркие споры), то теперь опровергать её было бесполезно и небезопасно для карьерного роста. Однако к концу 1950-х гг. сложилась неформальная группа высокопоставленных военных, которым не нравилась активность П.А. Ротмистрова и его сторонников по возвеличиванию роли командования 5 гв. ТА в сражении под Прохоровкой путём навязывания обществу дутых оценок и цифр. Например, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков вообще считал, что 12 июля 1943 г. у станции чего-то очень значимого, повлиявшего на результаты войны, не происходило. Он утверждал, что второстепенные и по размаху, и по масштабу боевые действия получили столь широкую известность лишь стараниями П.А. Ротмистрова и призывал его быть скромнее. Довольно резкую отповедь бывшему командарму маршал включил даже в книгу своих мемуаров, хотя цензура её и не пропустила. Выброшенный тогда текст был опубликован в десятом (дополненном по рукописям автора) издании его книги воспоминаний². Другие генералы действовали дипломатичнее, но не скрывали своего отрицательного отношения к подобному мифотворчеству. Это были уважаемые в армии и народе люди, мнения которых было трудно не учитывать.

Почувствовав серьёзное недовольство среди соратников по оружию, и прекрасно понимая, что их упрёки справедливы, П.А. Ротмистров уже в 1963 г. предпринимает попытку скорректировать цифру 1500 на 1200. В интервью, опубликованном в № 7 «Военно-исторического журнала», он снижает численность бронетехники своей армии, участвовавший в бою юго-западнее Прохоровки с 800 до 500, но делает это не резко, а постепенно. Павел Алексеевич, как и раньше, утверждал, что юго-западнее Прохоровки неприятель ввел в бой до 700 танков, а «войска первого эшелона 5 гв. ТА, сражавшиеся непосредственно с этой группировкой, имели в своём составе немногим более 500»³. Следовательно, в этом районе во встречном танковом сражении должно было участвовать не 1500, как он утверждал ранее, а 1200 боевых машин. Но в «Отчёте...» армии написано, что обе стороны имели всего более 1600 бронеединиц, причём 100 были направлены южнее Прохоровки (левый фланг армии), а где же ещё 300?

Чтобы не отвергать уже растиражированную цифру, Павел Алексеевич начинает выдвигать новую легенду, о том, *«что второй эшелон и резерв армии был задействован для ликвидации создавшейся угрозы обхода противником обоих флангов»*. Следовательно, читателю навязывалось, что эти три сотни машин могли быть направлены Ротмистровым или на правый фланг (в район х. Остренький, полоса соседней 5 гв. А) или введены в бой юго-западнее станции. Действительно, в течение 12 июля 1943 г. на оба фланга армии были выдвинуты три механизированных и две танковые бригады, а так же отдельный танковый полк, имевших в своём составе всего 234 танка. Но как же быть со следующими доводами?

Во-первых, о выдвигании части сил армии на другие направления отмечалось в «Отчёте...» и, тем не менее, тогда в 1943 г. это ни как не повлияло на мнение Военного совета (и самого П.А. Ротмистрова), который утверждал, что во встречном сражении юго-западнее станции участвовало 1500 танков. Во-вторых, если согласиться с данными, приведенными в интервью, то получается: на правый фланг армии были направлены 300 танков. Но в «Отчёте...» указано: в этот район ушли всего две бригады – механизированная и танковая⁴, имевшие в строю всего 92 танка⁵ (к тому, же в боях они в этот день не участвовали).

¹ История Великой Отечественной войны. Т. 3. М., 1964. С. 271.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. М., 1990. С. 57.

³ Рассказывают командармы // Военно-исторический журнал. 1963. № 7. С. 77.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 5 гв. ТА. Оп. 4948. Д. 19. Л. 9.

⁵ Замулин В.Н. Засекреченная Курская битва. М., 2008. С. 770

А где же ещё более 200 боевых машин? Учитывая, что «Отчёт...» и другие боевые документы, которые рассматриваются нами, находились тогда на секретном хранении, а бывшему командарму было необходимо выйти из щекотливой ситуации, сохранив лицо, он не гнушался ни какими уловками и не опасался, что на его «жонглирование цифрами» кто-то сможет указать.

А о том, что Павел Алексеевич был прекрасно осведомлен о действительном положении дел 12 июля 1943 г. в полосе его армии и знал о не реальности цифр, направленных его штабом вышестоящему командованию, свидетельствовали многие старшие офицеры и генералы, которым доводилось близко общаться с ним после войны. В конце 1990-х начале 2000-х гг. в музей в Прохоровке, где я работал заместителем директора по научной работе, не раз приезжали коллеги Павла Алексеевича по бронетанковой академии, её слушатели и при встрече с сотрудниками вспоминали, что в кругу профессионалов бывший командарм был более откровенным и точным в оценках происшедшего в июльские дни сорок третьего. Так, например, в 2008 г. в беседе со мной генерал-лейтенант Н.Г. Орлов вспомнил разговор, который завязался в ходе научного семинара по проблеме применения танковых войск в обороне, который проводился в 1963 г. под руководством П.А. Ротмистрова. Тогда маршалу задали несколько неудобных вопросов, в том числе и такие: «Какие причины повлияли на то, что 5 зв. ТА, имея превосходством в бронетехнике, не смогла разбить противника 12 июля 1943 г.?» Или: «Вы в своих мемуарах пишете, что противник под Прохоровкой в один день потерял 400 танков и самоходок. Эту цифру можно считать точной или она выверялась на глазок, ведь поле сражения осталось за немцами?».

На что маршал ответил примерно следующее: «Планировали одно, а в действительности произошло иначе. Во-первых, артиллерия фронта нас фактически не поддержала, немцы не дали. Тяжелый самоходно-артиллерийский полк и истребительно-противотанковая бригада, выделенные для нашего усиления, не подошли. Во-вторых, два раза подряд меняли район развертывания ударных корпусов, в результате мы были вынуждены развертываться в теснине, а противник 11 июля занял удобную для обороны местность. В-третьих, наши танки уступали немецким, в армии было много лёгких машин. Поэтому остановили противника, понеся большие потери. В высоких потерях есть и моя вина как командующего. Я не настоял, времени не хватило, на то, чтобы перед переходом армии в контрудар была проведена нормальная артобработка переднего края, а при планировании использовались не только разведанные фронты, но и нам дали возможность провести разведку в полном объёме. Ведь нам говорили, что главные силы немцев действуют против армии Катюкова, а оказалось иначе. В итоге мы не продвинулись вперед, не разбили корпус СС, но наметившуюся брешь надёжно прикрыли.

Что касается потерь немцев, то, откровенно говоря, эта цифра сложилась в штабе нашей армии из донесений частей. А ведь на переднем крае по одному танку часто стреляют орудия нескольких частей и, подбив его, каждый доносит как свой успех. В результате на поле стоит один уничтоженный танк, а докладывали о 3-4, а то и с десятком».

Таким образом, сразу после Курской битвы штаб Ротмистрова сочинял небылицы о Прохоровке, что бы сгладить горечь от крупной неудачи при вводе в бой армии и стремился отвести от себя ответственность, а после войны всё пошло по накатанному пути. Командарм лишь изредка подправлял: для публики – краски посочнее и фантазии помасштабнее, а для тех, кто профессионально занимался военным делом – беседы пооткровеннее.

К моменту выхода интервью, третий том «Истории Великой Отечественной войны» был уже сдан в печать. Таким образом с 1964 г. сложилась запутанная ситуация. Опираясь на последние высказывания П.А. Ротмистрова, появились публикации, в которых авторы приводили цифру 1200 бронеединиц, хотя официально уже была названа – 1500. Новые данные, например, приводят в

статьях, направленных в адрес научной конференции, посвящённой 25-й годовщине победе в Курской битве, непосредственные её участники Маршалы Советского Союза А.М. Василевский и К.С. Москаленко¹. Игнорировать положение, когда в официальных изданиях фигурируют две разные цифры, к концу 1960-х г. было уже невозможно.

Поэтому из идеологического отдела ЦК КПСС руководству созданного в 1966 г. Института военной истории Министерства обороны СССР (ИВИ МО РФ) поступило распоряжение: принципиально ничего не меняя, каким-то образом объяснить в научном издании, что обе цифры, по сути, верны. При этом никаких дополнительных исследований проводить не предполагалось. Другими словами – мифу о Прохоровке надо было придать стройность и «осовременить». Исполнить эту непростую задачу было поручено военному историку полковнику Г.А. Колтунову². В своей части рукописи книги о Курской битве, которая была им подготовлена вместе с начальником отдела института полковником Б.Г. Соловьёвым, он попытался найти компромисс между устоявшейся точкой зрения (1500 танков), новой информацией (1200) и мнением тех, кто отрицал значительный масштаб сражения.

Колтунов разделил группировку противника в 700 танков, указанную П.А. Ротмистровым, на два района. Якобы это была общая численность 2 тк СС, атаковавшего с юго-запада (до 500 танков) и 3 тк (до 200), который двигался на Прохоровку с юга. Кроме того он ясно указал, что в составе эсэсовского корпуса было три дивизии и, отмёл утверждение офицеров штаба 5 гв. ТА об участии в боях за Прохоровку 11 тд и мд «Великая Германия». Как рассказывал мне в 1999 г. Георгий Автономович, по его мнению, это могло несколько умерить пыл тех, кто считал обе версии Ротмистрова выдумкой. В то же время, численность 5 гв. ТА была оставлена в пределах тех цифр, что были указаны в «Отчёте...» её штаба: 800, при этом оговорился, что до 700 – действовали на «танковом поле», а 100 – в составе отряда Труфанова, южнее станции. Кроме того, он умолчал о бригадах, направленных в полосу 5 гв. А. Это конечно могло вызвать недовольство бывшего командарма, но скандал разгореться не должен был. Так как в конце своего объяснения, Г.А. Колтунов чётко отметил: *«Таким образом, юго-западнее Прохоровки с обеих сторон приняло участие в сражении до 1200 танков и самоходных (штурмовых) орудий, а южнее Прохоровки – до 300 бронеединиц. С учётом обоих районов в танковом сражении западнее и южнее Прохоровки приняло участие до 1500 бронеединиц»*³. Причём, чтобы снизить значимость двух абзацев, в которых было изложена эта точка зрения, авторы разместили их не в основном тексте, а в виде сноски.

Всё это в комплексе, сыграло свою роль и с тех пор обе цифры получили официальное одобрение. Так возникла «обновленная» версия мифа о Прохоровке, которая продолжает в той или иной мере присутствовать в исследованиях и публикациях российских историков до сегодняшнего дня. Причин несколь-

¹ Курская битва / под ред. ген.-майора И.В. Поротькина. М., 1970. С. 82, 112

² Колтунов Георгий Автономович, известный советский военный историк, полковник, кандидат исторических наук. Родился 25.01.1916 г. в с. Обуховка Рыльского уезда Курской губернии в семье крестьянина. После окончания в 1939 г. исторического факультета Московского пединститута им. В.И. Ленина, призван в РККА. Первый бой мл. лейтенант Г.А. Колтунов принял 19.09.1941 г. в районе г. Глухов будучи командиром взвода подвижных средств связи штабной роты 283 сд. В мае 1943 г. переведён в 3 А Брянского фронта, в составе которой прошёл путь до Берлина. В ходе Курской битвы – капитан, командир телеграфно-телефонного батальона 109-го отдельного полка связи. Войну закончил начальником штаба этого же полка, в звании майора. Награждён двумя орденами «Отечественная война» и двумя – «Красная звезда», несколькими медалями. После окончания в 1949 г. военно-исторического факультета ВА им. Фрунзе около 20 лет служил в Генштабе. В 1968 г. – переведён в ИВИ МО РФ. Автор ряда книг и публикаций о Курской битве, участвовал в составе авторских коллективов в подготовке ряда фундаментальных трудов. Самая известная работа, написанная совместно с заместителем начальника управления ИВИ МО РФ полковником Б.Г. Соколовым «Курская битва»(1970). Скончался в Москве в 2002 г.

³ Колтунов Г.А, Соловьёв Б.Г. Курская битва. М., 1970. С. 174.

ко. В конце XX в. начался естественный процесс ухода от активной деятельности советских военных историков, однако, подготовить им на смену квалифицированных специалистов, способных воспринять всё лучшее, что было создано и двинутся вперёд, сразу не удалось в связи с развалом СССР и начавшимися социальными потрясениями. Кроме того развитие исторической науки подразумевает поиск и ввод в научный оборот новых документальных источников, работать же в архивах дело дорогостоящее, очень трудоёмкое и кропотливое, не каждому по плечу. Поэтому авторы значительной части изданий, из которых сегодня молодое поколение россиян узнаёт о нашем прошлом, идут по проторенной дорожке: комментируют уже опубликованные факты, без должного изучения ситуации на фронтах и имеющихся материалов, подгоняя их под свое видение проблемы. Так создаются теперь уже новые легенды и мифы Огненной дуги.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В структуре правонарушений военнослужащих внутренних войск МВД России значительное место продолжают занимать преступления против воинских уставных правил взаимоотношений, в связи с чем актуальной является проблема уголовно-правового противодействия преступлениям против чести и достоинства военнослужащих.

Российский исследователь-правовед XIX столетия М.В. Духовской справедливо отмечал: «...Преступления против чести более чем какие-либо другие, следует изучать, став на почву историческую». При этом он подчеркивал: «Предметом исследования никогда не может быть одно только положительное законодательство: исследователь должен по возможности раскопать самую жизнь и вывести оттуда разбираемое понятие»¹. В связи с этим, представляет интерес изучение исторического опыта уголовно-правового противодействия криминальным посягательствам на честь и достоинство военнослужащих.

В становлении института уголовно-правовой охраны чести и достоинства военнослужащих в нашей стране можно выделить несколько этапов. Представляется, что дифференциация этих этапов должна проводиться не в соответствии с общепринятой периодикой развития русского уголовного права², а с учетом положения русской личности в обществе и государстве, а также особенностей развития отечественных вооружённых сил в различные исторические периоды.

С нашей точки зрения в эволюции института уголовно-правовой охраны воинской чести и достоинства условно можно выделить следующие этапы: период образования русского государства (вплоть до образования единого централизованного государства), период жесткой монархической власти (абсолютизма), период образования регулярной армии и флота (ранний период империи), поздний период империи, советский период, современный этап.

В архаичном русском праве преступные посягательства на честь, достоинство, здоровье обозначались общим словом «обида». Дошедшие до нас памятники древнерусского законодательства дают общее представление о формах обиды, под которой понималось любое нарушение телесной неприкосновенности. Русская правда содержит несколько составов преступлений, в которых основным либо дополнительным объектом могли выступать честь и достоинство³:

- удар мечом без обнажения его, либо рукоятью (ст. 4 Краткая редакция, Академический список (далее – А.С.); ст. 23 Пространная редакция, Троицкий список (далее – Т.С.));

- угроза насилем: «Аже ли вынез мечь, а не утнет» (ст. 9 А.С.; ст. 24 Т.С.);

- удар батоном, жердью, пястью, чашею, рогом, тылеснию (ст. 3 А.С., ст. 25 Т.С.); иной толчок или удар (ст. 10 А.С., ст. ст. 31, 65 Т.С.);

- бездоказательное или ложное обвинение – поклеп (ст. 18 Т.С.).

Русской правде не было знакомо устное оскорбление чести. Данный вопрос неоднократно затрагивался в исторических исследованиях. Предполагая в этот период развитый уровень общинной жизни, осознание чести в обществе и

¹ Духовской М.В. Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц по русскому праву. Ярославль, тип. Губернской Земской Управы. 1873. С. [5].

² См. напр.: Уголовное право России: Курс лекций: В 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. Т. 2. С. 3-4.

³ Отечественное законодательство XI-XX веков. Ч. I / под ред. О.И. Чистякова. М., 1999. С. 20-37.

наличие реальных посягательств на честь, М.В. Духовской сделал вывод о том, что Русская правда не охватывала все вопросы правового регулирования, существовал иной нормативный сборник, не дошедший до нас¹. По мнению В.О. Ключевского: «...Читаемый нами текст Русской правды сложился в сфере не княжеского, а церковного суда... Вот почему правда не хочет знать поля. Потому же она молчит... об оскорблении женщин и детей, об обидах словом: эти дела судились церковным судом, но на основании не Русской Правды, а особых церковных законоположений...»² П.О. Бобровский предполагал, что при решении вопросов, не урегулированных Русской правдой, проводились поединки, «поле»³. Представляется, что в рассматриваемый период честь носила родовый характер, она не была тесно связана с личностью. Оскорбление представителя рода было оскорблением всего рода. Русская правда регулировала отношения межличностные и охраняла лишь телесную неприкосновенность личности, поэтому устные оскорбления в ней не нашли места.

Патриархальный быт славян к атрибутам чести мужчины относил обычай носить бороду. Вырывание бороды в ссоре являлось серьезным преступлением, о чем свидетельствует ст. 117 Псковской судной грамоты⁴.

Одно из первых упоминаний об устном оскорблении (лае) содержится в ст. 2 Уставной грамоты великого князя Василия Дмитриевича, данной жителям Двинской земли в 1397 г. Под охраной данной нормы находилась честь бояр и «слузе».

Следует отметить, что специальных норм, направленных на охрану воинской чести и достоинства дошедшие до нас памятники периода образования русского государства не содержат. Можно предположить, что это обусловлено тем, что княжеские дружины отличались высокой дисциплиной, серьезные конфликты разрешались властью князя, в связи с чем не возникало необходимости нормативного регулирования отношений, связанных с посягательствами на честь.

В отечественных источниках права первые специальные нормы, устанавливающие ответственность за воинские правонарушения появились в 1621 г. в Уставе ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки⁵. Одни из первых специальных норм, устанавливающих уголовную ответственность за посягательства на воинскую честь и достоинство, появились в Соборном Уложении 1649 года⁶. Статья 3 главы XXIII Уложения устанавливала ответственность для стрельцов за взаимное оскорбление («безчестье»), а также оскорбление членов их семей – жен; статья 1 главы XXIV – ответственность за «безчестье» атаманов и казаков.

Можно выделить несколько характерных особенностей преступных посягательств на честь и достоинство (в том числе – военнослужащих) по русскому уголовному праву периода жесткой монархической власти. Во-первых, честь в этот период связывалась с уважением среди сограждан. Во-вторых, под «обидой», «безчестьем» понимался широкий круг противоправных действий – оскорбление, побои, причинение легкого вреда здоровью и др. В-третьих, основной формой ответственности за эти посягательства была уплата штрафа в денежной форме («по суду правити деньги»). Соответственно, честь различных групп населения, в т. ч. воинов, оценивалась в определенной денежной сумме: честь лучшего, среднего и младших людей – соответственно 15, 10 и 5 рублей (Уложение 1649 г.)⁷.

¹ Духовской М.В. Указ. соч. С. 159, 160.

² Ключевский В.О. Избранные лекции «Курса русской истории». Ростов н/Д, 2002. С. 96.

³ Бобровский П.О. Преступления против чести по русским законам до начала XVIII века. СПб., 1889. С.10.

⁴ Отечественное законодательство XI-XX веков. Ч. I. С.39.

⁵ Таганцев Н.С. Курс уголовного права [Электронный ресурс]. Печ. изд. 1902. Электрон. дан. ГАРАНТ–мастер. ПРАЙМ. М., 2013.

⁶ Уложение 1649 г. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. (далее – ПСЗРИ). Т. 1 СПб, 1839. С. XVIII.

⁷ Там же. С. XVIII.

С образованием регулярных воинских формирований в России в конце XVII – начале XVIII вв. в целях поддержания боевого духа войск и защиты личности солдата как слуги Отечества, по указанию Петра I были подготовлены уставы, уложения, наставления, определяющие порядок субординации между военнослужащими, правила их поведения между собой и по отношению к гражданскому населению, установлена ответственность за посягательства против чести и достоинства военнослужащих.

Одним их первых таких документов является рукописный воинский устав 1698 г., разработанный А.А. Вейде, упоминание о котором содержится в исследовании П.О. Бобровского¹. Устав содержал общее правило поведения нижних чинов на квартирах. По данной норме лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности за различные противоправные действия, охватываемые словом «обида». В случае обид со стороны хозяев солдатам предписывалось «сказывать о том капралам своим». П.О. Бобровский также указывает на появление на рубеже XVIII в. Уложенного артикула, который содержал норму об ответственности за устное оскорбление военнослужащего². В соответствии с ней ответственность устанавливалась за «невежливые, бранные и чести тронутые слова» в виде денежного штрафа или «поймания» (ареста – *К. Д.*). Данный нормативный акт не был включен в Полное собрание законов Российской Империи.

В 1702 г. было также издано «Уложение или право поведения генеральных, средних и низших чинов и рядовых солдат». Текст уложения не был включен в Полное собрание законов Российской Империи, содержание его норм подробно характеризует П.О. Бобровский. Уложение представляло собой нормативный акт, содержащий как нормы, касающиеся взаимоотношений военнослужащих между собой (в этом смысле его можно рассматривать как воинский устав), так и уголовно-правовые нормы. В соответствии с Уложением военнослужащие должны жить между собою в христианской любви, «друг друга ни словами, ни делом безчестия не чинити» (ст. 8, арт. 14); начальным людям и солдатам весьма воздерживаться от чести нарушительных бранных словес и безчестиев (ст. 59, арт. 26). За оскорбление словом виновные, по определению военного суда, обязаны попросить прощение у оскорбленного, а в случае отказа в прощении – подвергаются заключению в железные оковы или наказываются по усмотрению суда (ст. 59, арт. 26). В случае оскорбления словом или действием потерпевшему предоставляется право приносить жалобу командованию, либо в суд, но установлен категоричный запрет на самосуд (ст. 69, арт. 35)³.

Для военного законодательства начала XVIII в. характерна была слабая законодательная техника, что вполне объясняется отсутствием в этот период национальной юридической школы и правовых традиций.

Создание русского Военно-морского Флота и необходимость обеспечения воинской дисциплины и правопорядка на флоте потребовали подготовки военно-морских уставов. Первым таким нормативным документом была «Инструкция и артикул военные Российскому флоту» 1708 г.⁴ В исследованиях по истории русского уголовного права не содержится ссылок на этот нормативно-правовой акт⁵. Между тем он содержал нормы, охраняющие честь и достоинство военнослужащих российского флота. Меры ответственности за противоправные посягательства устанавливались самые жесткие – от «битья у машты» вплоть до отсечения руки. Учитывая особенность жизнедеятельности воинских корабельных команд и отсутствием возможности в период плавания передать дело в суд, оно решалось «по рассмотрению Адмиральскому» (арт. 33). Инструкция криминализовала такие виды обиды, как притеснение и угроза начальнику (арт. 7), угроза обнаженным ножом (арт. 36), ссора (арт. 33), др.

¹ Бобровский П.О. Указ. соч. С. 82.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 86-90.

⁴ ПСЗРИ. Т. IV (1700-1712). СПб., 1830. С. 485.

⁵ См., напр.: Духовской М.В. Указ. соч.; Бобровский П.О. Указ. соч. и др.

Важнейшими нормативно-правовыми актами периода образования регулярной армии и флота в сфере уголовно-правовой охраны чести и достоинства военнослужащих были Артикул воинский 1715 г., Устав воинский 1716 г., Устав морской 1720 г.¹ Значение этих памятников русского военно-уголовного права состоит не только в том, что их нормы действовали в течение столетия, вплоть до введения в действие Полевого уголовного уложения 1812 г. и Военно-уголовного устава 1839 г., но также в том, что ими руководствовалась армия, не знавшая поражений, обладавшая высочайшим воинским духом и дисциплиной. Кроме того Артикул воинский, изначально разработанный, как специальный нормативно-правовой акт в сфере военно-уголовных отношений, впоследствии применялся к общим отношениям. Судебная практика XVIII – начала XIX вв. свидетельствует о применении этого документа судами общей юрисдикции².

Артикул воинский 1715 г. предусматривал следующие составы преступлений против воинской чести и достоинства: проявление неуважения к фельдмаршалу или генералу с использованием непристойных или насмешливых слов – арт. 21; оскорбление фельдмаршала или генерала с использованием бранных и прочих «предосудительных слов их чести касающихся» – арт. 22; непочтительное отношение к лицу, имеющему охранительный лист (салвогвардию) – арт. 23; оскорбление или иное проявление неуважения к офицеру – арт. 25; оскорбление рядовым военнослужащих из числа младшего командного состава (сержанта, фуриера, каптенармуса, капрала) – арт. 26; неуважение к подчиненным, выраженное в приказе – арт. 32; насильственные действия офицера в отношении подчиненного – арт. 33; оскорбление часового – арт. 45; нарушение уставных правил взаимоотношений между рядовыми – арт. 138; оскорбление действием – арт. 145, 146; клевета с использованием пасквиля (анонимного ложного сообщения о совершении преступления) или «ругательного письма» – арт. 149; устная клевета со стороны офицера в отношении других лиц – арт. 151; устное оскорбление, совершенное в состоянии сильного душевного волнения – арт. 152, 153.

В Устав воинский 1716 г. в качестве отдельной главы был включен «Патент о поединках и начинании ссор», в тексте которого содержались материальные и процессуальные нормы, охраняющие честь и достоинство военнослужащих. Статья 2 Устава предписывала всем военнослужащим в случае оскорбления словом или действием со стороны других военнослужащих обращаться в военный суд. Статьи 3, 4 Устава устанавливали уголовную ответственность за оскорбление действием; статья 5 – за угрозу совершения насилия.

В 1720 г. Инструкция и артикул военные Российскому флоту 1708 г. была заменена Уставом морским, который включал ряд норм, направленных на охрану чести и достоинства военнослужащих российского флота. В частности, книгой 5 «О штрафах» устава устанавливались составы преступлений против воинской чести и достоинства военнослужащих флота аналогичные тем, что содержал Артикул воинский 1715 г. В то же время, документ учитывал специфику службы во флоте. По некоторым составам отдельно устанавливалась ответственность за совершение преступлений на корабле, что являлось квалифицирующим признаком, влекущим более жесткую ответственность. Так, в соответствии с арт. 99 нанесение удара одним офицером другого рукой или тростью на берегу влекло временное лишение звания и уплату штрафа в размере полугодового оклада; за совершение подобных действий на корабле предусматривалось разжалование в матросы на срок, определенный военным судом. В то же время следует отметить, что по ряду аналогичных составов преступлений Артикул воинский устанавливал более жесткие меры наказания, чем Устав морской.

Следует отметить характерные черты, отличавшие военно-уголовное законодательство периода образования регулярной русской армии от предшест-

¹ Клеандрова В.М. Законодательство Петра I. М., 1997. С. 155-384, 751-792.

² Там же. С. 730.

вующего законодательства. Во-первых, произошел отказ от системы челобитий, установленной Соборным уложением 1649 г. Во-вторых, установлен судебный порядок обжалования неправомерных действий, а в некоторых случаях – порядок обжалования по подчиненности. В-третьих, Артикул воинский признавал наличие воинской чести у каждого военнослужащего – от генерала и офицера до рядового солдата, и установил категоричный запрет на посягательства против воинской чести и достоинства. В то же время, производится дифференциация ответственности в зависимости от субъекта, в отношении которого осуществляется посягательство. В-четвертых, за посягательство против воинской чести и достоинства взамен денежного штрафа были установлены более жесткие санкции уголовной ответственности – лишение свободы, «жестокое наказание на теле», и др., вплоть до «лишения живота». Это связано с тем, что денежный штраф как санкция неприменим в новых условиях. Честь солдата и генерала – благо, не поддающееся измерению в денежной форме. В то же время, санкции были жесткими, что свидетельствует о том, что одной из важнейших целей наказания в этот период было устрашение. В-пятых, посягательствам на воинскую честь и достоинство законодателем уделялось значительное место в источниках права, где подробно регламентируются их виды.

Создание Петром I регулярной армии и флота, реформирование военного законодательства, позволило, подняв честь и достоинство простого солдата и матроса, разбудить в нем чувство здорового самолюбия, без чего успешная воинская деятельность немыслима. Данное обстоятельство, в свою очередь, способствовало возвышению боевого духа войск, что отразилось в многочисленных победах русской армии в течение последующего столетия.

Основанная Петром I система уголовно-правовой охраны личных неотчуждаемых прав военнослужащих действовала с некоторыми изменениями вплоть до введения в действие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., и принятии в соответствии с ним Воинского устава о наказаниях 1867 г.

Некоторые изменения, связанные с необходимостью принятия уголовно-правовых норм на военный период были внесены в эту систему Полевым уголовным уложением 1812 г. и Военно-уголовным уставом 1839 г., часть вторая которого также содержала нормы на военный период.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. являлось кодифицированным нормативно-правовым актом общего характера. Наряду с иными общеуголовными преступлениями ряд его норм предусматривал ответственность за преступления против чести и достоинства личности. Единственной специальной нормой, направленной на охрану воинской чести и достоинства Уложения была статья 315, которая устанавливала ответственность в отношении всех лиц – общих субъектов права за оскорбление «неприличными ругательными словами» или насильственным действием военной или полицейской стражи при исполнении последними обязанностей службы. Мера наказания устанавливалась в зависимости от степени вины и имущественного положения виновного.

В ходе правовой реформы, проводимой в России во второй половине XIX в., реформирования уголовного законодательства, был принят Воинский устав о наказаниях (Общая часть – 1867 г., особенная часть – 1868 г., свод военных постановлений – 1869 г.), в который в 1875 г. был внесен ряд существенных изменений¹. В 1886 г. на его основе был принят Военно-морской устав о наказаниях². Диспозиции норм вышеназванных нормативно-правовых актов практически не отличались, некоторое различие проявлялось в санкциях и в особенностях исполнения наказаний.

Глава первая «О нарушении воинского чинопочитания и подчиненности» раздела второго обоих уставов криминализовала следующие виды посяга-

¹ Воинский устав о наказаниях. Высочайше утв. 27 марта 1875 г. // Св. воен. пост., 1869 г., Кн. XXII. Варшава, 1875.

² Военно – морской устав о наказаниях // Св. Мор. Пост. Кн. XVI. СПб, 1909.

тельств на воинскую честь и достоинство: неоказание с намерением должного начальнику уважения (ст. 96 Воинского устава о наказаниях, ст. 95 Военно-морского устава о наказаниях); неприличное обращение с начальником (ст. 96, 95 соотв.); оскорбление начальника на словах, в письме или в печати (ст. 97, 96 соотв.); нанесение начальнику удара, или поднятие на него с таким же намерением руки или оружия (ст. 98, 97 соотв.); вызов начальника на поединок по делу, касающемуся службы (ст. 99, 98 соотв.). Квалифицирующим признаком в большинстве составов являлось совершение указанных действий при исполнении или в связи с исполнением потерпевшим обязанностей военной службы, а также в военное время. В некоторых случаях оба устава предусматривали возможность применения в отношении виновных дисциплинарных мер воздействия (за преступления, предусмотренные ст.ст. 96, 97 соотв.).

В главе второй «Об оскорблении и насильственных действиях против караула и должностных лиц военного звания» устанавливалась ответственность за оскорбление часового или военного караула: словом или неприличным действием (ст. 113, 112 соотв.) или нанесением удара (ст. 114, 113 соотв.); оскорбление дежурного, должностного офицера или чиновника в устной или письменной форме, либо неприличным действием (ст. 121, 120 соотв.); оскорбление дежурного, дневального из числа нижних чинов словом или неприличным действием (ст. 122, 121 соотв.).

В целом вышеназванные нормативные акты отличала достаточно высокая законодательная техника, в то же время, относительно некоторых составов в правоприменительной практике возникали затруднения. В частности, возникали трудности при квалификации деяний, связанных с неоказанием уважения начальнику и неприличным с ним обращением и разграничением этих составов со ст. 97 – оскорбление начальника. Такой вывод можно сделать исходя из недостаточной определенности нормы и наличия по данному вопросу многочисленных решений Главного военного суда России¹.

Субъектами преступлений, предусмотренных Уставом могли быть только военнослужащие. Гражданские лица за подобные посягательства могли быть привлечены к уголовной ответственности по 315 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

В целом, характеризуя военно-уголовное законодательство рассматриваемого периода, следует отметить некоторые его характерные особенности: наличие специальных нормативных актов, являющихся элементом общей системы кодификации уголовного законодательства; достаточно высокая юридическая техника (особенно это заметно в Уголовном уложении 1903 г.); наличие сложной системы наказаний; постепенный отказ от устрашения как цели наказания; предоставление широких полномочий командованию при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности; наличие различных видов посягательств на воинскую честь и достоинство, некоторые из которых не известны современному уголовному законодательству.

Военно-уголовное законодательство Российской империи действовало вплоть до Октябрьской революции 1917 г., после которой с принятием Декрета о суде № 1² началось формирование уголовного законодательства социалистического государства.

В первые годы Советской власти, при создании Красной Армии в период Гражданской войны и Военного коммунизма 1917–1921 не было принято норм уголовного права, специально направленных на пресечение противоправных посягательств на честь и достоинство красноармейцев. Безусловно, опасные посягательства на честь и достоинство совершались в Красной Армии и в эти годы. До принятия 20 ноября 1919 г. Положения о революционных военных трибуналах³ уголовная ответственность солдат и матросов определялась глав-

¹ Воинский устав о наказаниях. С. 51.

² Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (далее – СУ РСФСР). 1917. № 4. Ст. 50.

³ СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.

ным образом декретами Советской Власти и революционным правосознанием членов революционных военных трибуналов, полковых и товарищеских судов¹. В некоторых случаях ответственность за совершение воинских правонарушений устанавливалась актами органов военного управления. Так, приказом Главного Верховного командования по Петроградскому военному округу были установлены различные меры ответственности за «совершение поступков, понижающих звание гражданина – воина»².

В дальнейшем, при кодификации советского уголовного законодательства в целях охраны чести и достоинства военнослужащих в главу VII «Воинские преступления» Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.³ была включена ст. 201, устанавливающая ответственность для военнослужащих за оскорбление подчиненным своего начальника, а так же за оскорбление начальником подчиненного. Оскорбление одним военнослужащим другого не криминализировалось и являлось дисциплинарным проступком. По объективной стороне закон предусматривал три формы оскорбления: а) устная; б) ненасильственным действием; в) насильственным действием. При смягчающих вину обстоятельствах виновный привлекался к дисциплинарной ответственности. Кодекс также содержал специальную норму, предусматривающую ответственность за оскорбление «отдельных представителей власти» (ст. 88), а также общие нормы об оскорблении и клевете (ст. 172–175).

В 1924 году был принят первый в СССР специальный военно-уголовный закон – Положение о воинских преступлениях (далее – ПОВП)⁴, в котором содержалась ст. 4, предусматривающая ответственность за оскорбление. По диспозиции статья в основе своей повторяла ст. 201 УК РСФСР, с той разницей, что согласно предыдущей норме, преступление могло быть совершено лишь в отношении военнослужащего, исполняющего обязанности военной службы; в новой редакции обязанности военной службы должен исполнять хотя бы один из военнослужащих.

Реформа 1925 года, направленная на организационные изменения Красной Армии, обеспечение высокой боеготовности и воинской дисциплины обусловили внесение изменений в систему воинских преступлений, в т. ч. против чести и достоинства военнослужащих, что было отражено в Положении о воинских преступлениях 1927 года⁵. Наряду с предусмотренными прежним положением преступными посягательствами на воинскую честь и достоинство, в ПОВП 1927 г. было криминализовано оскорбление одним военнослужащим другого при отсутствии между ними отношений подчиненности и при условии, что хотя бы один из них исполняет обязанности военной службы (ст. 6). Как и в ПОВП 1924 г. при наличии смягчающих обстоятельств допускалась замена уголовной ответственности дисциплинарной. ПОВП 1927 года действовало вплоть до замены его в 1959 году законом «Об уголовной ответственности за воинские преступления», в том числе при участии Советской Армии в боевых действиях в Великой Отечественной войне. В этот период военно-уголовное законодательство существенным изменениям не подвергалось, т. к. Положение содержало нормы об ответственности военнослужащих за преступления, совершенные в военное время, и в целом обеспечивало правовую охрану несения военной службы во время войны⁶.

В период разработки Основ уголовного законодательства Союза ССР в соответствии с концепцией и принципами нового уголовного законодательства был подготовлен специальный военно-уголовный закон «Об уголовной ответст-

¹ Советское уголовное право. Воинские преступления / под ред. А. Г. Горного. М., 1978. С. 13.

² Военно-уголовное законодательство / под ред. М. К. Кислицына. М., 2002. С. 40.

³ СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

⁴ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР (далее – СЗ СССР). 1924. № 24. Ст. 207.

⁵ СЗ СССР. 1927. № 50. Ст. 505.

⁶ Военно-уголовное законодательство. С. 46.

венности за воинские преступления», который, как и Основы, был принят 25 декабря 1958 г. и вступил в действие 6 января 1959 г.¹ Закон в качестве отдельной главы 12 «Воинские преступления» был консолидирован в принятый в 1960 году Уголовный кодекс РСФСР².

Вышеназванный закон в ст. ст. 7, 8 предусматривал несколько традиционных составов преступлений, основным объектом посягательства в которых выступали воинская честь и достоинство: оскорбление на словах или ненасильственным действием подчиненным начальника или младшим старшего при исполнении хотя бы одним из них обязанностей военной службы (п. «а» ст. 7); оскорбление на словах или ненасильственным действием начальником подчиненного или младшим старшего при исполнении хотя бы одним из них обязанностей военной службы (п. «а» ст. 7); оскорбление насильственным действием подчиненным начальника или младшим старшего при исполнении хотя бы одним из них обязанностей военной службы (п. «в» ст. 7); оскорбление насильственным действием начальником подчиненного или младшим старшего при исполнении хотя бы одним из них обязанностей военной службы (п. «а» ст. 7); оскорбление насильственным действием одним военнослужащим другого при отсутствии между ними отношений подчиненности или старшинства. Осуществление военнослужащими деяний, предусмотренных п. п. «а» ст. ст. 7 и 8 Закона при смягчающих обстоятельствах влекло привлечение к дисциплинарной ответственности (п.п. «б» ст. ст. 7 и 8). В период действия Закона «Об уголовной ответственности за воинские преступления» в него было внесено несколько изменений, связанных с посягательствами на честь и достоинство военнослужащих. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 декабря 1983 г. введен новый состав преступления – «Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности», который относил указанные деяния к тяжким преступлениям. Криминализация этого деяния была связана с широким распространением в Советской армии в конце семидесятых – начале восьмидесятых годов криминального явления, получившего название «дедовщина».

Кроме того, вышеназванным Указом были декриминализованы устное оскорбление и оскорбление ненасильственным действием подчиненным начальника, или младшим старшего, а также начальником подчиненного и старшим младшего (п. «а» ст. 7 Закона существовавшей редакции).

В целом, характеризуя советское уголовное законодательство в части норм, направленных на охрану чести и достоинства военнослужащих, необходимо отметить следующие его особенности:

- наличие специальных военно-уголовных нормативно-правовых актов, являющихся частью системы уголовного законодательства;
- преимущественная направленность на противодействие посягательствам насильственного характера;
- отказ от специальной криминализации посягательств на военнослужащих со стороны гражданских лиц (в этом случае применялись общие нормы);
- допущение при смягчающих обстоятельствах замены уголовного наказания дисциплинарным взысканием.

Таким образом, с момента возникновения вооруженных воинских формирований на всех этапах исторического развития российского государства и его Вооруженных Сил уголовное законодательство содержало нормы, направленные на охрану чести и достоинства военнослужащих. Как правило, специальные нормы содержали ответственность за оскорбление военнослужащих. В некоторых случаях криминализовались клевета и иные преступные действия. В досоветский период устанавливались специальные нормы, предусматривающие ответственность за преступные действия в отношении военнослужащих со стороны общих субъектов права.

---

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 10.

² Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

ЭПОХА ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДОВ В ИСТОРИИ РОССИИ И ЕВРОПЫ

Материалы, которые помещены в настоящем разделе, приурочены к 200-летнему юбилею Заграничных походов русской армии, являвшейся ядром войск 6-й антифранцузской коалиции (1813–1815). Походы стали логическим продолжением Отечественной войны 1812 года. Военно-политические события, произошедшие тогда в Европе, привели к крушению империи Наполеона I и оказали огромное влияние на последующую историю – как России, так и других европейских государств.

Российский император Александр I был в то время душой, организатором и фактическим лидером союзников, а Россия сделала решающий вклад в победу коалиционных сил над Наполеоном и тем самым в дело установления стабильности в Европе. Последнее имело исключительную важность в контексте поддержания безопасности самой Российской империи. Исторический парадокс состоял в том, что Александр I, правивший страной, где господствовали унижительные для человеческого достоинства крепостнические порядки, возглавил борьбу за освобождение Европы от власти Наполеона и европейцы приветствовали его как «освободителя». При этом победы на полях сражений, способствовали консервации в России прежних социальных отношений.

Венская система, созданная при активном личном участии императора Александра I, просуществовала около 40 лет. Но ее идеи наднациональной концепции европейского «общезития» получили дальнейшее развитие и были взяты на вооружение политическими деятелями. Потрясения 1812–1814 годов способствовали пробуждению и росту национального самосознания и нравственному раскрепощению разных слоёв русского общества. Историческая память о славных событиях того времени порождала стремление осмыслить путь развития страны и ее место в мировой цивилизации, создавала почву для появления либеральной и радикальной идеологии.

Однако, к сожалению, российская военно-историческая наука по различным причинам до недавнего времени уделяла мало внимания кампаниям 1813–1815 годов, – в отличие от Отечественной войны 1812 года. Авторы-составители этого раздела надеются, что им удалось внести свой, пусть небольшой вклад в позитивное изменение этой ситуации.

А. В. Гладышев

«ЛЕТУЧИЙ» ОТРЯД Ф.К. ГЕЙСМАРА В КАМПАНИИ 1814 ГОДА

Фридрих Каспар фон Гейсмар (Friedrich Caspar von Gueismar или Geismar) (1783–1848) – урожденный вестфалец из старинного немецкого рода, барон. Службу начал с 15 лет кадетом в австрийской пехоте. В 1804 г. решил перейти на службу англичан в Индийскую компанию, но по пути на Цейлон был перевербован генералом Р.К. Анрепом и в 1805 г. зачислен прапорщиком в Сибирский гренадерский полк, стоявший на о. Корфу. В России звался Федор Клементьевич. В 1813 г. переведен штаб-ротмистром в лейб-гвардии Уланский полк и произведен в полковники. Некоторое время состоял при императоре Александре I в качестве штаб-ротмистра личной Его Императорского Величества Императора Всероссийского Гвардии.

Сын Федора Клементьевича на основе дневниковых записей отца составил очерк о его боевом пути¹, но вниманием историков этот полководец избалован не был и сведения о нем носят преимущественно энциклопедический характер².

Известный историк кампаний 1813–1814 гг. М.-А. Вейль счел необходимым описать в своей книге действия отряда Гейсмара отдельно, потому что, из всех партизанских соединений, которые были у союзников, его отряд, по мнению автора, наиболее блестяще выполнил свою миссию: «Его операции заслужили право быть изученными со всей тщательностью и заботой»³. При этом главным источником Вейля был «Журнал операций летучего отряда под командованием русского полковника Гейсмара в ходе кампании 1814 года»⁴.

С другой стороны, сначала П. Фошиль в работе «Фламандская шуанерия во времена империи»⁵, а вслед за ним профессор университета Лилля, председатель департаментской комиссии по историческим памятникам Ж. Санье в книге «Разбой в Па-де-Кале с 1789 по 1815 гг.»⁶ рисуют весьма brutальный образ Ф.К. Гейсмара.

¹ См.: *Geismar F.C. von. Biographie des General-Leutnant Friedrich Caspar von Geismar. Münster, 1860; Гейсмар В. Барон Федор Клементьевич Гейсмар. Биографический очерк. 1783–1848 // Русская старина. 1881. Т. 32. № 12.* Что касается участия отряда Ф.К. Гейсмара в кампании 1814 г. то слова его сына и сегодня актуальны: «Все, что было до сих пор известно об этой замечательной личности, <...> с одной стороны было очень односторонне и притом крайне не подробно, а подчас даже и неверно, с другой, – не было общеизвестно». См.: *Гейсмар В. Указ. соч. С. 721.*

² *Тотфалушин В.П. Гейсмар Ф.К. // Немцы России: Энциклопедия: Т. 1: А И. М., 1999. С. 114.*

³ *Weil M.-H. La campagne de 1814 d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre à Vienne: la cavalerie des armées alliées pendant la campagne de 1814. 4 т. Paris, 1891–1892. Т. 2. P. 440.* Книга переиздана в 2011 году.

⁴ «Tagebuch des Streifkorps unter Befehl des kaiserlichen russischen Obersten von Geismar während den Feldzüge 1814» из Австрийского государственного архива в Вене. См. также: *Bucher L.F. Der Feldzug des dritten Deutschen Armeekorps in Flandern im Befreiungskriege des Jahres 1814. Leipzig, 1854.* Второе издание: *Bucher L.F. Der Feldzug des 3ten Deutschen Armeekorps in Flandern, 1814. Leipzig, 1860.*

⁵ *Fauchille P. Une chouannerie flamande au temps de l'empire (1813–1814): Louis Fruchart, dit Louis XVII, d'après des documents inédits. Paris, 1905.* Рец. на эту книгу Фошиля см.: *Bouchet E. // Annales de l'Est et du Nord. 1906. Т. 2. P. 570–571.*

⁶ *Sangnier G. Le Brigandage dans le Pas-de-Calais de 1789 à 1815. S. p., 1962.* Это единственная из книг Ж. Санье удостоенная переиздания в 2005 году.

Защищая императора, эти историки причины недовольства правительством населения Севера Франции искали не в политике Наполеона, а в британской пропаганде и деятельности различных авантюристов типа вождя местных роялистов Л. Фрушара¹, пользовавшегося поддержкой Ф.К. Гейсмара. Помимо же пробурбонской пропаганды, если верить Ж. Санье, отряд Гейсмара как только вторгся в пределы департамента Норд, так только тем и занимался, что разбойничал и грабил. После департамента Норд наступила очередь Соммы, но картина осталась прежней².

Попробуем проследить путь отряда Ф.К. Гейсмара, определить его вклад в ход кампании на севере Франции с военной точки зрения, взглянуть на действия этого отряда не только со страниц оперативного журнала (как это делал Вейль), не только со стороны официальных лиц французской администрации или военных (как это делал Фошиль), но и со стороны французских обывателей.

В кампании 1813 г. Гейсмар командовал одним из «летучих» отрядов и отличился при освобождении Веймара. «В январе 1814 г., по высочайшему повелению, Ф.К. Гейсмар прибыл в г. Веймар с приказанием находиться под командованием великого герцога Веймарского»³. Тут он и получил от благодарных жителей города золотую саблю и почетное гражданство города, а от великого герцога – орден Белого Сокола 1-й степени. Таким образом, в кампании 1814 г. Гейсмар был назначен служить под началом герцога Карла Августа Саксен-Веймарского, командующего всеми саксонскими войсками. С саксонскими войсками он прошел через Вестфалию, Голландию, Бельгию до Брюсселя⁴.

«Тот час же по прибытию в Брюссель, 1 февраля 1814 г., командующий армией союзников в Брабанте, герцог Саксен-Веймарский, поручил одному из своих адъютантов, русскому полковнику барону Гейсмару сформировать летучий отряд, чтобы открыть дорогу 3-му корпусу, угрожать левому флангу небольшой французской Северной армии, проскользнуть между двойным строем укрепленных фортов, прервать или нарушить коммуникации армии Мезона⁵ с внутренней Францией, посеять смятение в департаментах, расположенных наиболее близко к прежним границам и, наконец, установить связь справа с корпусом Бюлова»⁶.

---

¹ Луи Фрушар (Fruchart или Frichard), уроженец коммуны Мёрвиль округа Азбрук во французской Фландрии. Семейство Фрушаров занималось фермерством. В конце 1813 г. пылкий роялист Л. Фрушар, которого по закону от 15 ноября 1813 г. должны были забрать в императорскую армию, возглавил в округе антинаполеоновское движение и именовал себя Людовиком XVII. См. о нем: *Guillemin A. Le patriotisme des volontaires royaux de l'école de droit de Paris. Paris, 1822; Houcke J. Fruchart, alias «Louis XVII». Steenvoorde, 1991; Idem. Les grognards d'Hazebrouck et de sa région. Morbecque, 1994.*

² При этом Ж. Санье умалчивает о таких фактах, как сдача Сен-Кантена отряду Гейсмара или отношение к этому полковнику жителей Дуллена, которые не вписываются в авторскую концепцию.

³ *Гейсмар В. Указ. соч. С. 730.*

⁴ 3-й германский корпус под командованием герцога Саксен-Веймарского был призван заменить в Бельгии 3-й прусский корпус под командованием генерала Ф.В. Бюлова.

⁵ Имеется в виду, дивизионный генерал Н.Ж. Мезон (Maison), который в кампании 1814 г. должен был оборонять, готовую восстать против Наполеона, Бельгию от частей П.Х. Витгенштейна. См.: *Calmon-Maison. Le général Maison et le 1-er corps de la Grande Armée Campagne de Belgique, decembre 1813 – avril 1814. Paris, 1914.*

⁶ *Fauchille P. Op. cit. P. 219.* Это почти дословный пересказ того, что резюмировал в свое время Вейль: «Его миссия состояла в том, что открыть дорогу 3-му корпусу, угрожать слева небольшой французской Северной армии, пройти между укрепленными городами и прервать связи генерала Мезона с внутренними районами Франции, сеять панику в приграничных районах, и, наконец, установить связь справа с 3-м прусским корпусом Бюлова». См.: *Weil M.-H. Op. cit. P. 440.* П. Фошиль, не ссылаясь на какой-либо документ или книгу, но, в отличие от Вейля, указывает конкретную дату: 1 февраля 1814 года.

Так, в начале февраля 1814 г. Ф.К. Гейсмар возглавил отряд, в который входили 540 донских казаков под началом полковника лейб-гвардии Чернозубова¹, эскадрон саксонских гусар под командованием майора фон Фабрица (Fabrice) и эскадрон прусских² улан под командованием майора фон Берге (Berge)³. Общая численность отряда достигала 800 человек. Заместителями Гейсмара были один из адъютантов герцога Саксен-Веймарского майор русской службы саксонец граф Г. Пюклер фон Мюскау (Pückler-Muskau)⁴ и майор русской службы вюртембержец фон Бранденштейн (Brandenstein)⁵.

П. Фошиль писал, что по прибытии Гейсмара на место сбора отряда у деревни Лёз (Leuz-en-Hainaut), что близ бельгийского города Турне, были получены из Брюсселя новые инструкции, которые немного изменили планы полковника⁶. Текст этого приказа герцога Саксен-Веймарского приводится и у Вейля, и у Фошиля: «Полковнику Гейсмару со своим летучим отрядом перейти на правый фланг армии союзников, чтобы осуществлять операции на левом фланге французской армии. Выбирая пути, которые покажутся ему наиболее благоприятными, проскользнуть между Лиллем, Дуэ и Аррасом, направиться в Нормандию, где есть вероятность народного движения в пользу Бурбонов⁷. Следует поощрять эти манифестации, объявлять приверженцам прежней династии о скором прибытии принцев, заверять, что союзники окончательно решили оказать уважение Франции и не расчленять ее, искать как бы с помощью этих прокламаций привлечь население на свою сторону, и рассеивать все вооруженные соединения. Повсюду, где он будет проходить, объявлять, что его отряд является авангардом армии, идущей через Аррас и Амьен на Париж. Чтобы поддерживать этот слух, он объявит реквизиции, предназначенные для снабжения целой армии, с которой он должен быть в контакте, отправляя время от времени небольшие отряды для связи»⁸. Фошиль, резюмируя, обращает внимание, что в соответствии с этими

¹ У Вейля и Фошиля имя не указано: «Полк Чернозубова». В составе летучего отряда Ф.К. Гейсмара действовал 4-й Донской казачий полк, командиром которого с 16 сентября 1813 г. был полковник С.Г. Чернозубов 5-й. В ходе рейда полком командовал есаул Г.И. Кошкин 3-й. См.: *Сапожников А.И., Калинин С.Е.* Чернозубова 5-го Донской казачий полк // *Заграничные походы российской армии. 1813–1815 годы: Энциклопедия.* В 2 т. М., 2011. Т. 2. С. 638–639.

² У Вейля значится: «саксонских улан». См.: Weil M.-H. Op. cit. Т. 2. Р. 440. «Два саксонских эскадрона», значится в «Военной энциклопедии», издававшейся И.Д. Сытиным. См.: *Военная энциклопедия.* В 18 т. Т. 9. СПб., 1912. В «Истории города Дуллена и его окрестностей» указано, что отряд Гейсмара состоял из русских, саксонцев и вюртембержцев». См.: Warmé A.-J. *Histoire de la ville de Doullens et des localités voisines.* Doullens, 1863. Р. 324. У Фошиля это просто: «эскадрон улан». См.: Fauchille P. Op. cit. Р. 219–220. Но из переписки французских официальных лиц, приводимой в книге Фошиля, следует, что в отряде Гейсмара были прусские уланы.

³ Weil M.-H. Op. cit. Т. 2. Р. 440; Fauchille P. Op. cit. Р. 219.

⁴ Герман Пюклер-Мюскау (1785–1871), граф, (с 1822 г. князь), в будущем известный путешественник, садовод и писатель.

⁵ Относительно этих офицеров Вейль писал довольно уклончиво: «Гейсмар увез [их] с собой...». См.: Weil M.-H. Op. cit. Р. 440.

⁶ Fauchille P. Op. cit. Р. 220. У Вейля никакого намека на *изменения* инструкций нет, хотя и он, и Фашиль ссылаются на один и тот же документ – «Журнал операций летучего отряда...». См.: Weil M.-H. Op. cit. Т. 2. Р. 440.

⁷ Северные департаменты Франции охватили народные волнения в ответ на увеличение призыва в армию. «В конце 1813 – начале 1814 знаменем восстания призывников в части французской Фландрии, быстро ставшим сельским антинаполеоновским движением, стало имя Людовика XVII». См.: Airiau P. *La légitimité incertaine (1814–1853): retour sur les faux Louis XVII // Revue d'histoire du XIXe siècle.* 2009. № 39. Р. 115. О враждебности французских фламандцев по отношению к Наполеону писал в своем хорошо документированном исследовании о состоянии общественно духа на севере Франции Е. Бейо. Эта враждебность вылилась в открытое восстание и поддержку союзников в районе Азбрука. См.: Beaujot E. *L'Esprit public dans le département du Nord au début de la Restauration // Revue du Nord.* Т. XIX. 1933.

⁸ Weil M.-H. Op. cit. Т. 2. Р. 440–441.

инструкциями, чисто военная составляющая задачи Гейсмара дополнялась политической: содействовать реставрации Бурбонов.

Тем же днем, 14 февраля отряд выступил из Лёз. Первой трудностью было переправиться через реку Эско (Шельду), т. к. французы разрушили все мосты между Валансьеном, Конде и Турне, а еще существующие переправы усиленно охраняли. Эско была рекой судоходной вплоть до Конде, и никакого брода не было. Из Лёз отряд отправился в сторону г. Ренкс (Renaix), где и был уже к вечеру. Энтузиазм настроенного антинаполеоновски населения несколько задержал продвижение.

15 февраля отряд перешел реку у г. Оденарда (Audenarde)¹, проник в восточную Фландрию и направился в сторону Куртрэ (Courtrai)², который занимал французский пост, выставленный отрядом, расположившимся в соседнем Менене (Menin)³. Это были части генерала Мезона. Как только французские солдаты, завидели отряд Гейсмара и оставили Куртрэ, бургомистр принес полковнику ключи от городка. Так 15 февраля отряд занял Куртрэ.

Остановка здесь была кратковременной. Пока стояли в Куртрэ, Гейсмар составлял прокламацию в пользу Бурбонов. Прокламация, извлеченная Фошилем из военного архива, в частности гласила: «Французы! Авангард 3-го германского корпуса перешел границы прежней Франции. Не бойтесь, что мы будем повторять то, что ваши соотечественники сделали в Германии. Мы знаем, как отличить этих разнузданных солдат, этот одиозный инструмент кровавого тирана, от мирных жителей, которые только своей храбростью обязаны тому дурному, что сегодня происходит с ними. Я поставил бы себе задачу, насколько это в моей власти, смягчить те несчастья, что приносит вам война. Отказываясь от силы ради силы, мы хотели бы заслужить вашу дружбу мягкостью. Оставайтесь без страха возле своих очагов, со своими семьями. Наши августейшие суверены принесли войну на вашу родину только для того, чтобы ее спасти. <...> Начинает восходить заря нового дня. Вы вернете прежних хозяев и прежний трон Франции, слишком долгое время обесчещенный узурпатором»⁴.

Надо отметить, что подобные прокламации были не исключением, а правилом: еще 4 декабря 1813 г. союзники выпустили совместную прокламацию, которая объявляла, что война ведется не против Франции, а против Наполеона, «узурпатора», «единственного препятствия к миру». И командиры отрядов союзных войск, занимая французские города, транслировали эту идею в своих обращениях к местным жителям. Так, австрийский полковник, заняв Сен-Симфорьен-де-Лей (Saint-Symphorien-De-Lay), успокоил мэра, заявлением, что его войска имеют приказ оказывать всяческое уважение к местным жителям и их имуществу. «Мир хижинам, если они почитают законы человечности и гостеприимства», – заявил он населению. Заняв Сен-Этьен, герцог Фердинанд Саксен-Кобургский обратился к горожанам на том же языке: обещал неприкосновенность личности и имущества и даже не стал полностью разоружать местную национальную гвардию. В письме мэру А. Паскалю он обещал даровать жителям «самую великодушную протекцию, какую только можно желать» и обеспечить добропорядочное поведение своих войск.

Но прокламация Гейсмара содержала прямой призыв в пользу Бурбонов: «... Людовик XVIII, ваш соотечественник, ваш законный король, прибыл на континент. Уже тысячи его сторонников объединились вокруг него. Поторопитесь последовать прекрасному примеру последних. Не мешкайте, чтобы сменить иностранного тирана на отца, рожденного среди вас <...>».

¹ Оденард или Ауденарде – город в бельгийской Восточной Фландрии на реке Эско.

² Куртрэ или Кортрейк – город в бельгийской Западной Фландрии на пересечении реки Лис (Лейе) и канала Лейе-Шельда.

³ Менен – город в бельгийской Западной Фландрии, в департаменте Лис, в 86 км от Брюсселя и 322 км от Парижа. См.: *Чиняков М.Н.* Менен // *Заграничные походы российской армии.* Т. 2. С. 47–48.

⁴ *Fauchille P.* Op. cit. P. 222.

Наши победоносные армии у дверей Парижа. Две батальи, выигранные на равнинах этой столицы, приведут к гибели вашего угнетателя. Вы не должны больше бояться его мстительности...»¹. Было в прокламации Гейсмара и дополнение, специально рассчитанное на уклоняющихся от воинской повинности, которое гласило: «Следует знать, что все новобранцы и вообще все, кто захочет сражаться за дело Бурбонов будут поставлены под командование Луи Фрушара, именуемого Людовик XVII, который движется с одним из корпусов союзных армий. Они будут хорошо накормлены, одеты и оплачены»².

На основании содержания этой прокламации Фошиль сделал вывод, что между герцогом Саксен-Веймарским и «восставшими бандами Севера» был заключен «пакт»: командующий саксонскими войсками имел взгляды противоположные тем, что воодушевляли всю коалицию³. Действительно, накануне распространения Гейсмаром подобной прокламации в Куртрэ, Александр I писал членам Шатильонского конгресса (5 февраля – 19 марта 1814 г.), что державы вовсе не агитируют в пользу Бурбонов, а представляют французам право самим решить этот вопрос⁴. И, как мы увидим ниже, подобная агитация Гейсмара вызовет большое неудовольствие русского императора.

Гейсмар, находясь в Куртрэ, также строил планы захвата на следующий день расположенного в 11 км к юго-западу Менена (Menin или по-фламандски Meenen⁵), полагая, что тот не сильно защищен. Но когда разведчики встретили несколько французских патрулей, то полковник, решив, что гарнизон в Менене еще относительно силен, засомневался в этой затее⁶.

16-го утром, покидая Куртрэ, отряд Гейсмара был обстрелян французской пехотой, выступившей из Менена. Гейсмар, не ввязываясь в перестрелку, отправился на Мессине (Messines), где и был уже в полдень. Разведчики вновь подтвердили сведения о наличии в Менене французской пехоты, и Гейсмар окончательно отказался от мысли захватить этот город. В ночь с 16 на 17 февраля аванпосты отряда были обстреляны все те же французскими пехотинцами из Менена, но бдительность казаков лишила атаку внезапности. В 3 часа утра отряд покинул Мессине, отправляясь во французскую Фландрию, в направлении на Байоль. Между тем, в оставленный Гейсмаром Куртрэ вошел отряд майора Р.К.Ф.Г. Хельвига (один пехотный батальон и четыре эскадрона). Узнав о том, что французы оставили Менен и отступили в сторону Лилля, Хельwig без труда занял и этот город⁷.

¹ Fauchille P. Op. cit. P. 223.

² В одной из современных заметок, опубликованных очередным краеведом в региональной газете Севера Франции, сообщается, что эти слова появились в прокламации из Куртрэ от 16 февраля, когда Гейсмар решил «протянуть руку восставшим призывникам» и адресовался к жителям аллода (Alleu). При этом в отряде Гейсмара в силу авторской путаницы оказались помимо русских и саксонцев почему-то поляки (вместо пруссаков), в которых как в освободителей, видимо, тяжело поверить даже современным коммунальным краеведам Франции. См.: *Doisne-Dhaine J. Fruchart dit Louis XVII. Une légende, un personnage... // Plein-Nord. 1990. № 163.*

³ Fauchille P. Op. cit. P. 223. Аналогичный вывод он делал в своей книге несколькими страницами выше: цитируя одну из инструкций, составленных роялистскими агентами, в которой говорилось о возможной помощи восставшим крестьянам со стороны командования союзников легкой кавалерией, Фошиль писал: «В середине февраля в департаменте Норд уланы и казаки под командованием Гейсмара соединились с крестьянами под командованием Фрушара». См.: *Fauchille P. Op. cit. P. 218.*

⁴ Houssay H. Op. cit. P. 99.

⁵ См.: *Rembry-Barth L. Histoire de Menin, d'après les documents authentiques. Bruges, 1881 (переиздание 2012 г.).*

⁶ Эта затея, как полагал Фошиль, ему легко бы удалась, ибо отряд из солдат 27-го линейного полка и жандармерии, отступил из Менена на Лилль. К тому же из-за морозов водоемы покрылись льдом, так что Менен стоял открытый со всех сторон. *Fauchille P. Op. cit. P. 99.*

⁷ Действия Гейсмара и Хельвига, потеря Куртрэ и Менена вызвали сильное беспокойство у французского командующего 1-м армейским корпусом генерала Мезона за свои коммуникации

Обойдя Менен слева, отряд, проскользнул между городами Ипр и Лилль и проник в департамент Норд. «С этого момента служба Гейсмара не переставала быть самой тяжелой и утомительной, практически до самого конца кампании люди Гейсмара не выпускали больше из рук оружия и не знали отдыха»¹. Даже когда они останавливались на ночевку, то держали лошадей что называется «в поводу» и предпочитали открытые и безлюдные места. Когда отряд вставал на бивак на ферме или в каком-то одном изолированном доме, полковник всегда приказывал двери оставлять открытыми, лошадей держать оседланными и выставлять посты. Но, несмотря на все испытания и плохую погоду, в отряде очень мало болели.

Фошиль приводит в своей книге обнаруженную им в архиве военную корреспонденцию, из которой, в частности, следует, что 17 февраля «казаки, гусары и уланы появились на дороге в Кассель (Cassel) и вступили в Байоль (Bailleul)»². Судя по всему, имелся в виду как раз отряд Ф.К. Гейсмара³.

Действительно, из Массине отряд направился в Байоль⁴ и неподалеку от этого городка 17 февраля около 5 утра наткнулся на аванпост из четырех жандармов: одного зарубили, двоих пленили, но одному удалось ускользнуть⁵. Отряд прибавил ходу, чтобы, если беглец и поднимет тревогу, французы все же не успели бы подготовиться к атаке. Казаки прибыли быстрее сбежавшего жандарма (если, конечно, он бежал в эту сторону) и застали в городке врасплох спящих и мэра, и 20 французских пехотинцев, прибывших накануне из Лилля. Они также освободили двух пленных офицеров (английского и голландского) и несколько английских матросов. Затем казаки разбудили жителей и собрали их на площади. Из окон ратуши разбросали экземпляры несколько перефразированной (по сравнению с той, что была распространена в Куртрэ) прокламации: «Французы! Ничего не бойтесь, оставайтесь у своих очагов. Мы пришли, чтобы восстановить Бурбонов на троне. Людовик XVIII высадился на нашем континенте⁶. Мы хотим мира и восстановления Франции во всем ее блеске. Баталии, который ваш узурпатор объявил выигранными, были им, напротив, с треском проиграны. Гейсмар, генерал-аншеф русской армии. Байоль, 15 февраля 1814 г.»⁷. Мэр был вынужден

на левом флаге с Лиллем, и 17 февраля он счел за благо отступить из Турне в Лилль. См.: *Чиняков М.Н.* Указ. соч. С. 47.

¹ *Weil M.-H.* Op. cit. Т. 2. P. 442. То же см.: *Fauchille P.* Op. cit. P. 225–226.

² *Fauchille P.* Op. cit. P. 99.

³ «17 февраля в 5 утра русский полковник барон Гейсмар прибыл в Байоль с тысячным отрядом, состоящим из донских казаков, саксонских гусар и прусских улан». См.: *Quenson de la Hennerie.* Le pillage du château du général Vandamme à Cassel en 1814 et 1815 // *Bulletin du Comité flamand de France.* 1924. № 3. P. 374. Автор этого сообщения, знакомый с книгой Фошиля, описывая «экспедицию» Гейсмара, ссылается на найденные им в архивах рапорт мэра Байоля от 17 февраля, на рапорт супрефекта Азбрука от 2 марта и на рапорт мэра Азбрука префекту департамента Норд графу Бенью. Последний рапорт составлен на основе устного свидетельства некоего капитана в отставке Мутье (Moutier).

⁴ Байоль (Байёль) – главный город кантона, округ Азбрук, 257 км от Парижа. См.: *Ficheroulle J.* Bailleul, pages de l'histoire locale. Bailleul, 1909.

⁵ Этот эпизод упоминается в письме первого инспектора жандармерии герцога Конельяно военному министру от 22 февраля 1814 г. См.: *Fauchille P.* Op. cit. P. 226.

⁶ Как заметил Фошиль, эта фраза заставила коменданта Лилля генерала Ж.Б. Солиньяка (Solignac) подумать, что Гейсмар искренне принял самозванца Луи Фрушара за Людовика XVII. Солиньяк писал 18 февраля военному министру: «Жители округа Касселя образовали небольшую банду под командованием самозванца именующего себя Людовиком XVII. И возможно именно его имел в виду этот безумный офицер [Гейсмар] в своей прокламации». См.: *Fauchille P.* Op. cit. P. 227, note. Солиньяк командовал пехотной дивизией в 1-м армейском корпусе Н.Ж. Мезона, сражался с частями прусского генерала Элвига под Мененом и 31 марта с частями саксонского генерала И.А. Тильмана под Куртрэ.

⁷ *Fauchille P.* Op. cit. P. 227. Обратим внимание, что намерение восстановить *Бурбонов* соседствует в тексте с «русской армией». Эта прокламация датирована 15 февраля, когда отряд Гейсмара еще не добрался до Байоля, а находился в Куртрэ. Азбрук же будет занят Гейсмаром позднее.

участвовать в этой манифестации. В этой связи потом (2 марта) ему пришлось отвечать на упреки в длинном письме государственному советнику в департаменте Норд графу Ж.К. Бенью (Beugnot).

В Байоле Гейсмар произвел денежные реквизиции, оставив в местной администрации соответствующие расписки от имени «командира отряда иностранных войск, занявшего на короткое время Азбрук»¹. Узнав, что касса округа находится в Касселе под охраной французского гарнизона, командир дал своим людям время только чтобы накормить лошадей овсом и в 10 часов утра отряд возобновил движение на северо-запад. В два часа по полудню того же дня авангард отряда остановился в двух км от Касселя², где заметил колонну из 400 человек, направляющуюся в город из Азбрука (Hazebrouck). Гейсмар приказал атаковать французскую пехоту, пытаясь перехватить ее до того, как она войдет в город. Но неровная местность мешала продвижению кавалерии и пехота, движущаяся из Азбрука, рассыпалась в пригородных садах, заняв оборону, а три или четыре сотни новобранцев, которые находились в Касселе, бросились к укреплениям и открыли огонь по нападавшим³.

Не строя себе никаких иллюзий относительно трудностей кавалерийской атаки в таких условиях, Гейсмар все же предпринял попытку ворваться в город. Он приказал спешиться саксонским гусарам и шестидесяти казакам, вооруженным карабинами: гусары повели атаку слева, казаки – справа. Завязалась оживленная перестрелка. Казаки лучше стреляли и были лучше вооружены, чем саксонские гусары, и, желая поддержать гусар, Гейсмар решил бросить в бой улан, задачей которых было опрокинуть пехоту, принудить к отступлению и на ее плечах ворваться в город⁴.

Но атака не удалась: французские стрелки в город-то отступили, но ворота успели закрыть. Пять офицеров эскадрона, в том числе майор фон Берге, были убиты в этой атаке, трое ранены, в том числе саксонский лейтенант Грюневальд (Grünwald), пять попали в плен. Был легко ранен и сам Гейсмар, который в виду наступающей ночи велел атаку прекратить. Всего же отряд потерял под Касселем 14 человек. Со стороны французов, как писал в своем рапорте из Касселя от 2 марта супрефект Дегескьер (Deghesquière или de Ghesquière) и как писал Бенью генералу Мезону 19 февраля, было 2 убитых и 6 раненых.

Конечно, такой исход сражения мог только опечалить Гейсмара. Он направился, как это следует из того же письма Бенью генералу Мезону, в Азбрук⁵ через коммуны Сен-Сильвестр-Капель (Saint-Sylvestre-Cappel)⁶, «сжигая, сокращая, ломая все на своем пути и вознаграждая замешкавшихся фермеров ударами приклада или плетки»⁷, куда прибыл к 9 часам вечера 17 февраля. Гарнизон города собрался было сопротивляться, но поняв, что перед ними знаменитые «казаки», сдался на милость победителя.

¹ Дыбов С. Байоль // <http://severr.livejournal.com/825960.html> (дата обращения 22.08.2013).

² Кассель – коммуна, столица кантона, округ Дюнкерк, департамент Норд.

³ Weil M.-H. Op. cit. Т. 2. P. 443. Кенсон де л'Эннери, не давая никаких подробностей штурма Касселя, корректирует данные Вейля по количеству защитников города: «Обнаруженная на подходе к Азбруку колонна состояла из 200 молодых солдат 28-го пехотного полка, направлявшихся из Сен-Омера в Осенд (Osende). Гарнизон города – 25 пехотинцев из 55-го полка инфантерии». См.: *Quenson de la Hennerie. Le pillage du château du général Vandamme à Cassel en 1814 et 1815* // Bulletin du Comité flamand de France. 1924. № 3. P. 374.

⁴ Weil M.-H. Op. cit. Т. 2. P. 443.

⁵ Азбрук или Газебрук – коммуна во Франции в 43 км от Лилля, округ Дюнкерк. См.: *Taverne de Tersud Ch.-L. Hazebrouck depuis son origine jusqu'à nos jours: ses corporations, ses lois, ses moeurs et coutumes. Hazebrouck, 1890* (переиздание – 1987 г.).

⁶ Сен-Сильвестр-Капель – коммуна в департаменте Норд, к юго-востоку от Касселя, в 39 км от Лилля. В 1814 г. в ней проживало примерно 1150 человек.

⁷ Weil M.-H. Op. cit. Т. 2. P. 444; Fauchille P. Op. cit. P. 229.

Первой заботой Гейсмара было разыскать самозваного Людовика XVII – Л. Фрушара: именно в этом районе действовал его отряд¹. В Азбруке была назначена их встреча, но, как иронизирует Фошиль, самозванец, игнорируя, поговорку «Точность вежливость королей», опаздывал. Гейсмар тем временем приказал, чтобы власти относились к ожидавшемуся гостю со всеми подобающими его рангу почестями. Как следует из рапорта мэра Азбрука, в мэрии, где остановился и сам Гейсмар, Фрушару была приготовлена кровать, застланная самым дорогим в городе бельем, организован ужин в честь его прибытия. Между тем, раненый лейтенант Грюневальд был оставлен на попечение агента по торговле табаком, который потом фактически выходил этого офицера².

Л. Фрушар со своим отцом прибыл в Азбрук только под утро 18 февраля. Так они втроем, Фрушары и Гейсмар, и уселись за стол, обсуждая дальнейшие планы кампании. Но мэру все же стало известно (откуда бы?), что в этой частной беседе Фрушар вызвался сопровождать Гейсмара в его марше на Париж, чтобы указывать ему удобные дороги и привлекать рекрутов в отряд, которым он и будет сам командовать.

Было решено, немедленно организовать кампанию по набору добровольцев в отряд Фрушара. По улицам города была развешена составленная Гейсмаром «от имени Людовика XVII» соответствующая прокламация. На этот призыв откликнулось несколько человек, и Фрушар, очень гордый собой, отправился в Мервилль (Merville), а в Азбруке вызвался распорядиться набором в отряд некий Деек (Deekc). Н.Ж. Мезон писал 18 февраля военному министру: «Вражеская кавалерия, занявшая вчера Азбрук, без сомнения, призвана местными уклонистами от военной службы. Я могу только выразить свои сожаления, что не имею средств помешать тому злу, которое, как я предвижу, произойдет из-за объединения внутреннего и внешнего врага»³.

Гейсмар выпустил из местной тюрьмы, по данным Фошиля, 9 испанских заключенных, и, как жаловался мэр Азбрука, обязал за счет средств коммуны снарядить их⁴, чтобы забрать их с собой. Но дело не ограничилось освобождением пленных, освободители, естественно захотели захватить казну. Предупрежденный еще утром своим братом – кюре из Байоля мэр Азбрука спрятал деньги в водоем, но этот секрет был раскрыт арестованными и допрошенными служащими конторы акцизов. Уличенного в обмане мэра сразу наказывать не стали, Гейсмар просто захватил гарнизонную и городскую казну. Важно отметить, что при этом, как потом свидетельствовали и мэр, и супрефект, он оставил нетронутыми средства муниципального фонда для неимущих, технического обслуживания мостов, дорог и общественных зданий⁵. Денежная контрибуция, полученная гвардии полковником Гейсмаром

---

¹ По мере развития вторжения войск союзников, в департаментах Норд и Па-де-Кале ширилось сопротивление со стороны призывников, уклоняющихся от воинской обязанности. См.: *Hauteclouque G. de. Le Pas de Calais sous l'administration préfectorale du Baron de la Chaix (1803–1815). Arras, 1901. P. 188.* Отрывок из работы Густава Хотеклока был издан тиражом в 100 экземпляров и никогда не поступал в продажу, но в первоначальном виде это была довольно пространная работа. См.: *Mémoires de l'Académie d' Arras. 2-e série. Arras, 1892. T. 23. P. 111–190; 1893. T. 24. P. 334–379; 1894. T. 25. P. 165–297; 1895. T. 26. P. 77–182.* То же см.: *Galonne A. de. Histoire de la ville d'Amiens: Amiens au XIXe siècle. Amiens; Paris, 1906. P. 71.*

² Через несколько лет Грюневальд вернется сюда, чтобы поблагодарить тех, кто спас ему жизнь. См.: *Taverne de Tersud Ch. Hazebrouck depuis ses origines jusqu' à nos jours. Hazebrouck, 1890. P. 285.*

³ *Fauchille P. Op. cit. P. 231.*

⁴ В соответствии с распиской Гейсмара, заключенных было 13, а стоимость их одежды в 710 франков должна была быть компенсирована российской стороной. *Дыбов С. Расписка // <http://severr.livejournal.com/635538.html> (дата обращения 1.09.2013).*

⁵ *Fauchille P. Op. cit. P. 231–232.*

с города Азбрук, составила, согласно подлинной его расписки, хранящейся в архивах города Лилль – 3 689 франков¹.

Такая политика союзников по отношению к местному населению не осталась без внимания французских властей. Беньо в своем письме военному министру от 27 февраля из Лилля кратко изложил гейсмаровскую пропаганду так: мы де воюем только с Наполеоном, а буржуа и их личной собственности оказываем уважение, никто не хочет расчленения Франции, все сожалеют о бедах и неудобствах, которые причиняют, но всё делается только для того, чтобы восстановить прежнюю династию, а вместе с ней восстановить мир и процветание².

Фошиль описывает события в Азбруке на основе донесений мэра, супрефекта, писем Беньо и других функционеров. Он почему-то уверен, что тонкость политического плана Гейсмара едва ли была понятна его подчиненным. Они же «казаки», а казаки просто не должны видеть таких, как их шеф, нюансов. Поэтому, уверен французский историк, казакам казалось, что одинаково хорошо завладеть и тем, что принадлежит государству, и тем, что является частной собственностью³.

Помимо дикости и вороватости образ казака у Фошиля наполняет еще одна архетипическая черта – тяга к спиртному. Фошиль, не утруждая себя источниковедческим скепсисом, рисует пантагрюэлевские картины. Он воспроизводит впечатления жителей Азбрука о том, как кавалеристы потребляли водку, кофе, вино и пиво, а «чтобы жажда не угасла», закусывали все это яйцами и селедкой, запивая их в свою очередь большими количествами вина, кофе, пива и водки. Особенно они любили кофе: его пили до десяти раз в день. И все это жители должны были обеспечить «по первому свистку»⁴.

2 марта супрефект, который, правда, не был очевидцем событий, напишет: «В Азбруке они были хозяевами, наказывая ударами плетки всех тех, кто не подчинялся им немедленно». Местные жители никогда не присутствовали на такой попойке. К несчастью частных лиц их погреба были разграблены, днища у бочек выбиты, бутылки разбиты, а сами они избиты, если проявляли недовольство. Приняв слова Гейсмара за чистую монету, они начали было апеллировать к полиции. Но, когда один офицер полиции, выслушав их жалобы, попытался навести порядок в трактире «Три лошади», где грабежи были особенно сильны, то его схватили, связали и привязали во дворе на ночь за шею к металлической скобе. Оргия, как уверяет Фошиль, продолжилась с удвоенной силой. Сохранились так же расписки, выданные муниципалитету города, о произведенных реквизициях за подписью полковника Гейсмара⁵ и майора Пюклер-Мюскау, где так же указаны немалые суммы за водку⁶.

В отряде Гейсмара сошлись казаки, пруссаки и саксонские гусары, – все они традиционно ассоциируются у западноевропейского обывателя с обильными возлияниями. Особенности дисциплины в летучих отрядах – тема для отдельного разговора, как и восприятие одним народом тяги к спиртному у друго-

¹ Дыбов С. Не дерзи царю... // <http://severr.livejournal.com/420430.html> (дата обращения 20.08.2013).

² Fauchille P. Op. cit. P. 232.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ О получении для отряда фуража на более чем 8 000 франков, а также одежды для 13 освобожденных испанцев, расчесок, щеток, подков, дров, свечей и «оплаты услуг проводника», – всего на сумму более 1 600 франков. См.: Дыбов С. Расписка // <http://severr.livejournal.com/635538.html> (дата обращения 1.09.2013)

⁶ О получении фуража, веревок, крючьев, подпорок для установки вертелов, свечей, дров, оплату услуг загадочных «проводников», «конохов» и «сторожей», а также 1 733 литра водки на 2 тыс. франков. См: Дыбов С. Расписка // <http://severr.livejournal.com/635538.html> (дата обращения 1.09.2013)

го. Тема пьянства в летучих отрядах мелькает на страницах воспоминаний и русских офицеров. Но, конечно, интонации совсем другие! Так, Н.Б. Голицын, «обозревая» страну во главе 60 казаков и 50 драгун, захватил по пути город Эперне, знаменитый своим шампанским: «Воины в русских мундирах первый раз посетили тамошние погреба; многочисленные любители этого отрядного вина с наслаждением пили за успехи нашего оружия»¹.

Утром 18 февраля Гейсмар отправил отряд из 25 саксонских гусар, 20 казаков и некоторого количества сподвижников Фрушара во главе с графом Пюклером-Мюскау на разведку к Касселю. Тут, по Вейлю, и выяснилось, что супрефект и гарнизон оставили город и ушли в западном направлении на Сент-Омер (Saint-Omer). В городе было оставлено только несколько человек, которые изобразили видимость сопротивления и тоже отступили².

У Фошиля другая интерпретация, другая очередность событий: сначала Гейсмар узнал, что супрефект и небольшой гарнизон Касселя, опасаясь возвращения врага, начали отходить на Сент-Омер и Лилль, а затем «он использовал эту новость и отправил в Кассель сотню казаков во главе с Пюклером, чтобы отомстить за поражение накануне»³.

К западу от Азбрука на расстоянии дневного перехода находится Булонь-сюр-Мер. Ни у Вейля, ни у Фошиля нет ни слова, ни намек на то, что отряд Гейсмара (или какая-то его часть) здесь побывал. Не упоминается об этом ни у Ж. Брюне⁴, ни в «Истории Булонь-сюр-Мер» А. Отефёя и Л. Бенара, когда речь заходит о 1814 г. и расходах городской казны на войну⁵. Но еще в 1828 г. П.Ж.Б. Бертран писал: «Булонь была взята кавалерийским отрядом под командованием барона Гейсмара, полковника императорской гвардии России, который овладел также Дуленом и Сен-Подем»⁶. Здесь же содержатся те документальные данные (о расходах на войну и проч.), которые перепечатают позднее Отефёй и Бенар.

К сожалению, Бертран не сообщает больше никаких подробностей. Он лишь констатирует, что Булонь оставалась в стороне от операций французской армии и лишь 29 марта здесь безуспешно попытались призвать под ружье всех мужчин в возрасте от 18 до 50 лет. А 6 апреля город получил известие об отречении Наполеона и вывесил на городской ратуше белый флаг Бурбонов.

Порт Булонь-сюр-Мер имел важное стратегическое значение. Его захват и уничтожение остатков французских кораблей, предназначавшихся в свое время для вторжения на британские острова, обеспечивали высадку в Кале возвращавшегося из эмиграции Людовика XVIII. Король Франции 24 апреля высадится в Кале и оттуда отправится в замок Сент-Уан. Бертран не указывает даже даты «взятия» Гейсмаром Булони. Но в ходе рейда отряда Гейсмара по территории Франции ему удобнее всего было бы именно из Аз-

¹ Голицын Н.Б. Офицерские записки... М., 1838. С. 79.

² Weil M.-H. Op. cit. T. 2. P. 444.

³ Fauchille P. Op. cit. P. 233.

⁴ Brunet J. Nouveau guide dans Boulogne-sur-Mer et ses environs: contenant une description exacte de la ville, des curiosités, des édifices, des promenades, des places d'amusement, des environs, etc., ainsi que toutes les informations nécessaires aux étrangers: avec le plan de Boulogne et celui des environs. Paris, 1859. (Факсимильное переиздание – 2008 г.).

⁵ Hauttefeuille A., Bénard L. Histoire de Boulogne-sur-Mer. 2 v. Boulogne-sur-Mer, 1860. T. 2. P. 218–219. (Переиздано в 2010 г.). См. так же современные издания и работы Ж. Поблана, А. Лотена, А. Верлея, А. Ролана: *Paublan J.* Histoire de Boulogne-sur-Mer: récits, faits, considérations. Calais, 1939; *Histoire de Boulogne-sur-mer / sous la dir. A. Lottin.* Lille, 1983 (второе дополненное и исправленное издание – 1998 г.); *Verley A.* Boulogne-sur-mer à travers les âges. T. IV. L'essor industriel. Boulogne-sur-mer, 1986; *Roland A.* Boulogne-sur-Mer. Joué-lès-Tours, 1997.

⁶ Bertrand P.J.B. Précis de l'histoire physique, civile et politique, de la ville de Boulogne-sur-Mer et de ses environs, depuis les Morins jusqu'en 1814. 2 v. Boulogne, 1829. T. 2. P. 452–453. Переиздание: *Bertrand P.-J.-B.* Histoire de Boulogne-sur-Mer. Marseille, 1975.

брука пройти по дороге на Сент-Омер, побывать в районе Булонь-сюр-Мер и вернуться назад¹.

Что же касается отряда Пюклера, то по его прибытию в Кассель здесь обнаружили несколько лиц, как и Фрушар, настроенных откровенно против правительства. В соответствии с рапортом супрефекта, четыре местных жителя – Вандеронк (Vanderoncke), Наель (Nael), Рейнар (Reynart) и некто Саломэ (Salomé), известный так же как «бывший слуга генерала Вандамма» – шли впереди «колонны», что «облегчило ее проникновение в город». Как это могло что-то «облегчить» ни супрефект Касселя Дегескьер, который в это время торопился к Сен-Омеру и только 2 марта собрался отрапортовать о произошедшем, ни, цитирующий его рапорт, Фошиль не объясняют.

Казачья сотня, столь громко именуемая «колонной», устроила себе в Касселе обед. Досыта наевшись и напившись, казаки потребовали себе тысячу локтей сукна, из которых им, правда, доставили только сто локтей. Затем они с большим воодушевлением разграбили дом генерала Вандамма², не забыв при этом отдать должное его погребу с вином. Бочки, перегруженные здесь на телегу доедут до Азбрука почти пустыми – изумляли своих читателей Дегескьер, а за ним и Фошиль. Захватили казаки с собой также несколько найденных в городе старых пушек.

История с домом генерала Вандамма в Касселе описана в небольшой заметке Кенсона де л'Эннери, который с прискорбием констатировал: «Его собственность в Касселе была разграблена в 1814 году союзниками, а в 1815 году – соотечественниками»³. Историк даже в самом факте похода отряда Гейсмара именно на Кассель склонен (вслед за Фошилем) видеть в первую очередь мотив мести, умысел против лично Вандамма: «Благо, что и на русской службе, но Гейсмар был саксонцем»⁴. Кенсон де л'Эннери ссылается при этом на мнение Фошиля и на умозаключения отставного капитана Мутье: «Гейсмар хотел забрать у Вандамма захваченное им в Германии добро: две массивных серебряных цепи с гербом из золота и триста тысяч франков»⁵.

В его изложении события развивались в таком порядке: «18 февраля получив известие, что маленький гарнизон оставил Кассель, Гейсмар направил в этот город графа Пюклера, чтобы возместить неудачу понесенную накануне». Пюклер прибыл с 40 или 50 казаками и «не забыл о жилище Вандамма». Четверо уклонистов от воинской службы показали казакам дорогу к дому генерала. «За отсутствием серебряных цепей, – иронизирует автор, – казаки увезли с собой в Азбрук обоз с вином. Но эта добыча не могла считаться достаточной для закрытия счета, и грабеж замка был лишь отсрочен»⁶.

Как только Пюклер вернулся в Азбрук, Гейсмар поручил ему во главе 26 саксонских⁷ гусар (остальные остались в отряде) отправляться Брюгге (в 1814 г. главный город департамента Лис), чтобы организовать в центральной Фланд-

---

¹ В марте 1814 г. «Сын Отечества» после описания подробностей победы под Лаоном, среди прочих «новостей из Нидерландов», сообщал, что корпус генерала Мезона совершенно разбит под Оденардом, а «отряды казаков разъезжают до Булонь-сюр-Мер». См.: Сын Отечества. 1814. № XXIV. Второе прибавление. С. 4. См. также: Histoire de Boulogne-Sur-Mer / Alain Lottin (dir.). Lille, 1998.

² Д.Ж.Р. Вандам, граф Унзебургский (или Юнсебургский) родился в Касселе. Взят в плен казаками в сражении под Кульмом. Находился в русском плену сначала в Москве, затем в Вятке. После заключения мира летом 1814 г. вернулся во Францию, в родной Кассель. Его часто упрекали в большой суровости и даже жестокости по отношению к населению Германии.

³ Quenson de la Hennerie. Le pillage du château du général Vandamme à Cassel en 1814 et 1815 // Bulletin du Comité flamand de France. 1924. № 3. P. 374.

⁴ Ibid. P. 375.

⁵ Quenson de la Hennerie. Op. cit. P. 374.

⁶ Ibid.

⁷ У Кенсона де л'Эннери значится: «пруссских». См.: Quenson de la Hennerie. Op. cit. P. 374–375.

рии движение против наполеоновских властей¹. Но помимо этого инструкции Гейсмара предписывали Пюклеру снова заехать в Кассель, что и навело Фошиля на не лишённую оснований мысль о личной мести полковника городу и Вандамму. Поведение войск Гейсмара в этой экспедиции, как уверял Фошиль, показывает, что именно такова была его цель.

Пюклер отправился из Азбрука не прямо по дороге в Кассель, а северовосточнее, на Стеенворд. Проведя ночь в Стеенворде (Steenvoorde), следующим утром солдаты Пюклера отправились западнее в Кассель. На сей раз офицеры и солдаты Пюклера вели себя в целом умеренно по отношению к частным лицам Касселя, они «даже не требовали вина за обедом». Они направились напрямик в дом Вандамма и только там дали себе волю, на сей раз ничего не пощадив. Ущерб был нанесен на более чем 10 тыс. франков. Домочадцам же сказали, рапортует супрефект, что дом они не сожгли только из-за опасения, что огонь перекинется на соседние дома².

Из рапорта капитана налоговой службы г. Азбрук следует, что 22 февраля 1814 г. отряд под командованием Пюклера-Мюскау наведалься в дом генерала Вандамма и по сообщениям прислуги «казаки вывезли одну карету и одну открытую коляску, нагруженные зеркалами, люстрами, одеялами и т. д. Портрет генерала в зале был порублен шашками <...> От имени барона Гейсмара, полковника личной Гвардии Его Величества Императора Всероссийского, оставлена расписка: Господин Гейсмар сообщает, что имеет частное намерение вернуть, принадлежащие его отцу Клементу Августу фон Гейсмару, камергеру его Величества короля Прусского, две массивных серебряных цепи с золотым гербом камергера королевского двора и 300 тысяч франков, незаконно вывезенных генералом Вандаммом из имения Клемента фон Гейсмара в июне 1813 г. <...> Майор Пюклер фон Мюскау удостоверяет, что семья генерала Вандамма возвратила долг полностью»³.

Между тем, Гейсмар, не задерживаясь долго на одном месте, 19 февраля решил покинуть Азбрук. Напоследок он предупредил мэрию, что город был им взят «от имени союзных князей», что муниципалитет должен готовиться к их скорому прибытию и подготовить магазины, способные прокормить 4 тыс. чел., что все административные акты отныне должны издаваться от имени союзных монархов, а любые сношения с императорским правительством запрещены. Он посоветовал так же добиться от герцога Саксен-Веймарского для себя каких-то более широких полномочий, для чего власти города должны были бы направить в

---

¹ Брюгге будет занят Пюклером 27 февраля. Там Пюклер по примеру Гейсмара начнет издавать прокламации: «Жители Бельгии! Несколько лет ваши соотечественники, смешавшись с французами, несли опустошение нашей родине...» и т. д. См.: *Fauchille P.* Op. cit. P. 234, note. Сохранилось несколько приказов и прокламаций Пюклера-Мюскау, изданных в 1814 г.: *Puckler-Muskau H.L.H.* Proclamation. Bruges, 1814. (Воззвание Пюклера-Мюскау от 27 февраля 1814 г. к жителям Брюгге, чтобы они вооружались против врага и содействовали делу союзников различными пожертвованиями); *Puckler-Muskau H.L.H.* «Avis». Bruges, 1814. (Предложение Пюклера-Мюскау от 27 февраля 1814 года к людям, которые могли бы предоставить полезную для союзников информацию о французских войсках или об имуществе французского правительства, обращаться к нему напрямую); *Puckler-Muskau H.L.H.* Octroi municipal. Bruges, 1814 (Приказ от 2 марта 1814 г. о необходимости выплатить все задолженности в 24 часа под угрозой привлечения судебных приставов). *Puckler-Muskau H.L.H.*. Département de la Lys. Place de Brugges. Ordre du jour. Bruges, 1814. (Приказ от 8 марта об организации добровольческого корпуса и сборе на это дело необходимых средств).

² *Fauchille P.* Op. cit. P. 236; *Quenson de la Hennerie.* Op. cit. P. 375. Подобные «разорения» строго преследовались в российской армии. Известно, что из-за разорения войсками адмирала П.В. Чичагова и генерала С.А. Тучкова принадлежавшего Д.И. Радзвиллу, воевавшему в 1812 г. в рядах Великой армии, Несвижского замка было возбуждено уголовное дело. См.: *Лукашевич А.М.* Несвижского замка разорение // *Заграничные походы российской армии.* Т 2. С. 137–138.

³ *Дыбов С.* Не дерзи царю... // <http://severr.livejournal.com/420430.html> (дата обращения 20.08.2013).

Монс (Mons)¹ депутацию из двух человек. Уже садясь на лошадь, Гейсмар поблагодарил мэра за гостеприимство, а тот вздохнул с облегчением: кажется, удалось избежать наказания за попытку утаить казну. Но, вернувшись к себе домой, это муниципальное лицо не нашло дома ни любимой золотой табакерки, ни жены. Фошиль предположил, что это Гейсмар не смог воспротивиться желанию захватить с собой из Азбрука два таких сувенира.

Итак, когда 19 февраля в 8 утра летучий отряд выступил из Азбрука в юго-западном направлении, его сопровождал Фрушар – «Людовик XVII». Разрушив телеграфный пост в Морбеке (Morbeque) – ближайшей коммуне к югу от Азбрука², они перешли Лис, между Эр-сюр-ла-Лис (Aire) и Сен-Венантом (Saint-Venant) в Лийе (Lillers)³, по мосту, который французы не удосужились разобрать. Повернув от Эр-сюр-ла-Лис на юг и по дороге тщетно попытавшись захватить два конвоя с боеприпасами, отряд к 5 часам вечера прибыл под Перн (Pernes), округ Сен-Поль (Saint-Pol). Гейсмар приказал спешиться, но тут ему доложили, что в Сен-Поль-сюр-Тернуаз находится супрефект Дедонедэ (Desdonedes) и другие представители власти, а гарнизон достаточно слабый. И Гейсмар решил захватить их ночью.

Отдохнув около часа, партизаны снова сели на лошадей и к 11 вечера были в Сен-Поле – главном городе округа Па-де-Кале, население которого в те времена не достигало и 3,5 тыс. человек⁴. Движение отряда было столь стремительным, что гарнизон из 100 солдат, 170 новобранцев и нескольких жандармов не успел даже взяться за оружие. Часовой успел только крикнуть: «Враги!», а улицы города уже были заполнены казаками, гусарами и уланами. Солдат взяли под стражу, а новобранцев, как это следует из рапорта Гейсмара герцогу Сексен-Веймарскому от 26 февраля, разоружили и отправили к родным очагам. При этом было освобождено несколько пленных. Префекту же, воспользовавшись темнотой, удалось скрыться⁵.

Мэру объявили, что имущество граждан в безопасности, но уже через четверть часа он стал свидетелем различных сцен «истинной дикости». По крайней мере, так он потом рапортовал. Затем Гейсмар потребовал бумаги относительно имеющихся в городской казне денежных средств. Когда мэр начал уверять, что денег нет, казаки пошли по домам государственных функционеров: сначала к фининспектору, затем к директору почты. Когда последний замешкался, и не открыл достаточно быстро дверь, ее просто вышибли прикладами. Одним словом, резюмирует Фошиль, «5 943 франка перешли под надзор майора Бонадеана (Bonadean), главного кассира 3-го корпуса Бюлова»⁶. Были выпотрошены кассы и других сборщиков налогов.

К тому же в поисках фуража лошадям и пропитания себе казаки подвергли город разграблению. «Двери домов выбиты или разбиты в дребезги, открывая проход обезумевшим бандам. Деньги, одежда, мебель, экипажи, лошади, зерно, вино, водка, все подметено. Жители терроризированы. Они присутствуют при сценах неслыханной жестокости. Сестра мэра мадам Ламбер отдала все свои деньги этим грабителям, чтобы спасти своего мужа, которого они повалили на землю и держали пистолет у горла. Но им этого было не достаточно. Они решили, что она спрятала свои драгоценности в матрасах. И чтобы убедиться в этом они сбросили эту несчастную, умирающую от чахотки,

¹ Город в департаменте Жемап, в 60 км от Брюсселя. 23 января 1814 г. здесь шли бои. Утром 23 января Брюссель занят авангардом 5-й бригады под командованием генерала К.Г.Н. Борстеля из 3-го прусского корпуса. Сразу после этого один из летучих отрядов попытался схватить Монс, но был отбит. После оставления французами Монса город был занят сначала казаками, а затем частями саксонского генерал-майора фон Рисселя 1-го (Ryssel).

² Вейль датирует это событие 20 февраля. См.: *Weil M.-H.* Op. cit. P. 444.

³ *Weil M.-H.* Op. cit. T. 2. P. 444.

⁴ По истории этого города см.: *Sauvage G.-E.* Histoire de Saint-Pol. Arras, 1834. (Перепечатана в 1992 г.).

⁵ *Weil M.-H.* Op. cit. T. 2. P. 445; *Fauchille P.* Op. cit. P. 239.

⁶ *Fauchille P.* Op. cit. P. 240.

на пол по середине холодной ночи. Сыну судебного клерка по имени Гриффон, сумасшедшему паралитику, всю ночь грозили кнутом. Несчастный от страха потерял остатки разума. Женщины и девушки изнасилованы на глазах их мужей или их братьев. Это была оргия, которой не подобрать названия, бешеная вакханалия»¹.

Фошиль здесь ссылается на рапорты супрефекта Сен-Поля Дедонде, который, однако, очевидцем событий не был, ибо, пользуясь темнотой, со всех ног бросился бежать самой короткой дорогой в соседний Эсден (Hesdin). Это паническое бегство чрезвычайный комиссар Вильманзи² чуть позднее охарактеризует в своих рапортах очаровательным эвфемизмом: «Месье супрефект обеспечил свое отсутствие»³.

По версии этого, судя по всему, не лишённого литературной фантазии супрефекта, Гейсмар был не против получить свою долю награбленного. Обнаружив полученную за битву при Маренго медаль покойного генерала Ж.-М.-М.-Р. Валюбера (Valhubert), который приходился шурином мэру, Гейсмар, якобы, было хотел оставить ее себе, но потом, бросив: «Жаль, что не золото!», вернул. Довершая негативный портрет полковника, супрефект добавляет: не имея иллюзий относительно тех чувств, что испытывали к нему жители города, он отклонил предложения парикмахера постричь и побрить его, не иначе, как опасаясь за свою жизнь.

Конечно, супрефекта искали. Фрушар со своими людьми осмотрели весь его дом, от подвала до чердака. В ходе этого обыска Фрушар заметил красивое вышитое платье супрефекта, который, как уже говорилось, не имел времени приодеться для бегства. Конечно, Гейсмар своими эполетами затмевал простенькие одежды «Людовика XVII», и Фрушар, переодевшись в платье супрефекта и надев его шляпу, долго любовался в зеркало вышивкой на рукавах и на груди, пока его товарищи рылись в шкафах, просматривали бумаги, крушили мебель, разворовывали предметы искусства. Затем Фрушар воспользовался экипажем супрефекта и проехался в новом обличье по городу, распространяя напуганным и удивленным жителям очередные прокламации, призывающие присоединиться к нему. При этом он заявил, что «если супрефект предпримет робкую попытку вернуться, то его в пример остальным распнут на дверях его же дома»⁴.

Помимо тех денег, что нашли в кассах, Гейсмар якобы потребовал еще 30 тыс. франков, а также произвел реквизиции, чьи масштабы заставили «вспомнить о дружеских агапах времен гомеровских героев»: 4 600 бутылок с водкой, 300 коров, 150 свиней, 15 тыс. буазо картофеля, 10 тыс. буазо гороха, 10 тыс. буазо фасоли, 600 ливров масла, 600 ливров свечей, 50 ливров кофе, 100 ливров сахара, 50 тыс. буазо овса, 50 тыс. тюков сена и клевера, 36 тыс. центнеров пшеницы, 50 тыс. тюков соломы, 50 вязанок дерева⁵.

Первый историк города Сен-Поль, бывший регент колледжа из Сент-Омера Г.-Э. Соваж буквально одной строчкой описывает прибытие Гейсмара в город: «19 февраля 1814 г. в 11 вечера субботы к нам вошли казаки с их зубами и животами еще более опасными, чем их сабли. Город был подвергнут разграблению до полудня воскресенья. <...> Два года спустя, начнется другой грабеж, который будет продолжаться до 1819 года, и совершат его в тишине – ибо мы были в мире – англичане и пруссаки, высасывая из нашей истощенной родины последние капли крови»⁶.

¹ Ibid.

² Ж.П. Ориард, граф Вильманзи (Orillard, comte de Villemanzu) (1751–1830) – генеральный инспектор армии.

³ Он будет потом жаловаться министру внутренних дел, что обстоятельства не позволили ему захватить с собою что-либо из дома и, в конечном итоге, 11 марта ему будет выделено 1 200 франков. См.: *Fauchille P.* Op. cit. P. 241–242, note.

⁴ *Fauchille P.* Op. cit. P. 242.

⁵ Здесь Фошиль ссылается на архивный документ. См.: *Fauchille P.* Op. cit. P. 243.

⁶ *Sauvage G.-E.* Histoire de Saint-Pol. Arras, 1834. P. 96.

В изложении Вейля события 19–20 февраля в Сен-Поле выглядят не трагически, а, скорее, комически: казаки нашли и разграбили магазин игрушек, поэтому покидая Сен-Поль многие из них были в игрушечных масках¹.

Некоторые детали этой операции сообщает публикация в «Сыне Отечества» под рубрикой «Действия в Нидерландах»: «Саксонский полковник Гейсмар 7 февраля отправился из Азбрука в Пикардию. В Лилье-сюр-Берн² взял он 170 призывников и жандармов в плен и освободил английского пленного капитана и 9 рядовых. Префект сего города убежал при помощи ночной темноты»³. Расхождения только в названии городка, но, очевидно, речь идет об одном и том же событии.

На Фошиля, по-видимому, произвел впечатление рапорт супрефекта о грабежах и прочих ужасах, поэтому, заканчивая изложение событийной составляющей захвата Гейсмаром Сен-Поля вышеприведенным перечнем реквизированного, он переходит к общим рассуждениям о национальном характере казаков и неловкой политике французской администрации. Он пишет, что в дороге (вообще «в дороге», а не в какой-то конкретной) казаки занимались своими «привычными вымогательствами». (Правда в данном случае он использует существительное «*garines*», а не «*pillages*»). Стараясь обеспечить себя едой и питьем, они брали все и записывали на счет мэра, «оказывая при этом предпочтение сукну, хлопку, холстине»⁴.

Чтобы сохранить мобильность своей колонны, необыкновенной подвижностью которой он столь озадачивал своих противников, Гейсмар не тащил за собой ни экипажей, ни телег. Все необходимое для пропитания людей и лошадей брали на месте. Понятно, что все перечисленное съесть его отряд не мог, да и предоставляли-то ему лишь часть (порой, незначительную) затребованного. Фошиль в общем-то, кажется, понимает, что помимо чисто бытовых краж по мелочам имели место не тотальные «грабежи», а реквизиции военного времени, которые не исключали дальнейшего покрытия ущерба и расходов. Но все же «грабежи» (*pillages*) постоянно прорываются в его дискурсе: Гейсмар за все давал расписки и даже снискал этим симпатию среди деревенского населения, в значительной степени компенсируя (хотя и не тратя при этом ни копейки) ущерб от грабежей своих солдат, которые он не в силах был предотвратить⁵.

Другое наблюдение Фошиля в связи с событиями в Сен-Поле касается порой неуклюжих шагов администрации. Понятно, что, не имея ни укреплений, ни гарнизонов, такие городки, как Сен-Поль, не могли выстоять против отрядов наподобие гейсмаровского. Но, чтобы сохранить лицо, правительство не прочь было свалить всю вину на мэров. Так было в Байоль, так было и в Сен-Поле. Под предлогом наказания мэра Сен-Поля, который не смог предотвратить разграбление, приказом Ж.-П. Вильманзи (*Villemanzy*) от 24 февраля префектура была переведена в Эсдан (*Hesdin*)⁶. Даже Фошиля это немного коробило: к ущербу от вторжения и реквизиций еще добавлялись

¹ *Weil M.-H.* Op. cit. T. 2. P. 445.

² Лийе (*Lillers*) – коммуна в 15 км к северо-западу от Бетюна (*Béthune*) на берегу реки Кларенс по дороге из Азбрука на Сен-Поль. В этом месте отряд Гейсмара переправился через Лис.

³ *Сын Отечества*. 1814. № XXIV. Второе прибавление. С. 4.

⁴ *Fauchille P.* Op. cit. P. 228.

⁵ Фошилю, кажется, что тяга к разграблению – это вообще одна из главных черт характера казаков. Казак не может удержаться от грабежа, даже если это грозит его жизни. Так по свидетельствам одного очевидца, 7 марта 1814 г. французские егеря, отбившие Суассон (*Soissons*), взяли в плен казака, задержавшегося в городе из-за того, что тот увлекся разграблением галантерейного магазина. Он тащил за собой под уздцы лошадь, сгибавшуюся под грузом различных товаров: свечей, мыла, иголок, машинок, сахара и т. д. Все было хорошо для казака, даже старые фамильные документы. Э. Флеви рассказывает в своей книге случай, как одна дама потеряла в ходе разграбления города свои фамильные документы, а потом уже когда она была в России, ей их вернули: бесполезность добычи заставила заговорить совесть. См.: *Fleury E.* Le département de l'Aisne en 1814. Laon, 1858. P. 251, note. Цит. по: *Fauchille P.* Op. cit. P. 244. Книга Флери переиздана в 2000 г.

⁶ *Fauchille P.* Op. cit. P. 245. Тем более, что супрефект туда сбежал сразу.

унижения от своей администрации. Население ответит бойкотом на призывы Вильманзи к вступлению в императорскую армию.

Фрушар был не только проводником для колонны Гейсмара, но и «символом восстания деревень». Этот строптивый и непокорный крестьянин, находясь в стане врага, выступал против казавшейся бесконечной войны. Он говорил с народом на его языке, его простота аргументации убеждала, его поддержка могла оказать большую помощь. Так и произошло в Дуллене¹.

20 февраля отряд Гейсмара в 2 часа дня покинул Сен-Поль и направился на юг, в Дуллен (Doullens)², чьи стены в то время были разрушены, а вот, цитадель, расположенная на соседней возвышенности оставалась в хорошем состоянии. Гейсмар предпринял все меры, чтобы жители Дуллена не узнали о приближении его отряда и солдаты не успели запереться в цитадели. Около 16 часов авангард отряда, ведомый сторонниками Фрушара из числа уклонистов от военной службы, появился в четверти лье от стен города. Основная часть отряда подошла к 17 часам. Везде в округе были расставлены дозорные, а 50 человек отправлены на дорогу в Амьен, чтобы перехватить обнаруженный там артиллерийский конвой.

Вейль писал, что было захвачено 12 повозок с боеприпасами и 24 тыс. франков серебром. Фошиль сделал в этой связи несколько уточнений: по фатальному стечению обстоятельств именно в тот момент, когда отряд Гейсмара подходил к городу, из Арраса в Дуллен прибыло три депо 13-го и 14-го батальонов транспортных войск в 550 пехотинцев, из которых только 100 были вооружены карабинами. Они эскортировали артиллерийский парк, состоящий из 13 зарядных ящиков со снарядами. Этот эскорт, пытался покинуть город, но только успел выйти на дорогу к Амьену, когда был атакован казачьей полусотней с тылу. В конечном итоге французам удалось продолжить движение к Амьену, а 12 зарядных ящиков так и остались в Дуллене: крестьяне, собранные для их транспортировки, разбежались³.

Казачьи ворвались в город к полной неожиданности местных жителей. История взятия Дуллена описана сначала А.-Ж. Вармэ⁴, который уверял, что документы, сохранившиеся в многочисленных городских архивах, позволяют в деталях воссоздать точную картину, происходивших здесь в период оккупации, событий. Его версия такова: «20 февраля 1814 к пяти вечера кавалерийский отряд около 12 сотен казаков, русских, саксонцев, вюртембергцев (sic – A.V.) под командованием барона Гейсмара предстал перед Дулленом, защищаемого несколькими солдатами из обоза французской армии...»⁵. Выпустивший через два года после Вармэ свою книгу Е. Дельгов во многом повторяет (местами дословно) слова своего предшественника, но все же добавляет драматические детали и интонации: «Внезапное появление казаков на улице Сен-Ладр посеяло в городе ужас». Женщины и дети поспешили укрыться в цитадели. «Бегство было столь поспешным, что одна девочка, обуянная страхом, не видя, что мост уже поднят, с разбегу упала в ров, где и нашла свою смерть»⁶. П. Фошиль, пренебрегая книгами и Вармэ, и Дельгова, бесстрастно указывает, что супрефект все же успел уже покинуть город⁷.

¹ Fauchille P. Op. cit. P. 249.

² Главный город округа департамента Соммы, в 158 км. от Парижа и в 33 км. к северу от Амьена.

³ Fauchille P. Op. cit. P. 251.

⁴ Warmé A.-J. Histoire de la ville de Doullens et des localités voisines. Doullens, 1863.

⁵ Warmé A.-J. Op. cit. P. 324. Галонн, знакомый с работой Дельгова добавляет от себя красок: «Вторжение казаков вселяло ужас. Их имя было синонимом разрушения и опустошения». См.: Galonne A. de. Histoire de la ville d'Amiens: Amiens au XIXe siècle. Amiens; Paris, 1906. P. 72.

⁶ Delgove E.-E. Histoire de la ville de Doullens. Amiens, 1865. P. 222. Некоторые комментарии Дельгова не проясняют, а лишь затуманивают ситуацию: «Отряд Гейсмара отделился от своего корпуса в районе Касселя и пустился в авантюру с намерением проникнуть вглубь страны, воодушевляемый в своем движении тем незначительным сопротивлением, которое он встречал». См.: Ibid.

⁷ Fauchille P. Op. cit. P. 251.

Войдя в город, враг произвел несколько выстрелов по его редким защитникам и тотчас же рассыпался по улицам с криками «Ура!» В городе было несколько заключенных испанцев. Эти военнопленные увидели в казаках освободителей и тут же влились в их ряды, правда, не имея оружия. Во всяком случае, они были тем вспомогательным составом, который мог дать казакам полезные сведения¹. (Эту информацию Дельгов почерпнул от Вармэ², но, по всей видимости, речь все же должна идти о тех испанцах, которые были заключены в цитадели, а не где-то в городе).

Казаки захватили в городе 20 солдат, которые прогуливались, полагая себя в полной безопасности, и не успели подготовиться к обороне. Но части горожан и солдат удалось закрыться в цитадели. Получив от ее коменданта Бенуа (Benois) отказ на предложение о капитуляции, Гейсмар приказал готовить осаду. Вообще-то осада цитадели, расположенной посреди вражеской страны силами «летучего отряда» – мероприятие довольно необычное. Вейль полагал, что дело здесь не в тщеславии Гейсмара или его желании непременно взять реванш за Кассель, а в богатых магазинах и общем замысле рейда: отвлечь внимание французов, нарушить планы французского генерала Мезона и облегчить операции герцога Саксен-Веймарского³. Повидимому, Гейсмар обладал от местных жителей точной информацией о силах и возможностях защитников цитадели. Вармэ указывал, что в крепости не было ни одной пушки, а гарнизон ее состоял из «нескольких мужчин департаментской гвардии Соммы»⁴.

Взятие Дуллена описывается и на страницах «Сына Отечества»: «8 числа занял он [Гейсмар] город Дулан, взял в нем 12 фур с патронами и 24 000 франков наличными деньгами, и как комендант цитадели не хотел сдаться, то он приготовился к штурму...»⁵.

Между тем, весть о казаках в Дуллене облетела округу. Галлон пишет в своей «Истории Амьена»: «Еще до наступления ночи Амьен получил новости о вступлении на территорию департамента казаков. Несколько часов продолжалась паника. Каждый прятал свои ценности. Ювелиры и торговцы вином сняли свои вывески, чтобы обезопасить свои жилища от алчности захватчиков. Префект и члены магистрата императорского двора подготовились перенести местопребывание администрации и резиденцию юстиции»⁶.

Как выразился Дельгов, «следующий день снова был наполнен эмоциями и слезами»⁷. Пока ювелиры прятали вывески, власти все же попытались организовать осажденной дулленской цитадели помощь: первым выступил отряд из Арраса. 20 февраля, получив известие о захвате Гейсмаром Дуллена, Вильманзи приказал направить все имеющиеся силы на выручку цитадели. Под руководством полковника Сент-Клера (Sainte-Claire) был сформирован отряд 351 человека (144 гвардейских вольтижеров, 50 пехотинцев 46-го линейного полка, 33 гусар, 24 добровольцев и 100 полицейских).

При приближении первого отряда, направленного Вильманзи, саксонский офицер, наблюдавший за окрестностями Дуллена, предупредил об этом Гейс-

¹ Delgove E.-E. Op. cit. P. 222.

² Warmé A.-J. Op. cit. P. 324.

³ Weil M.-H. Op. cit. T. 2. P. 446. Фошиль разделял эту точку зрения. См.: Fauchille P. Op. cit. P. 252.

⁴ Warmé A.-J. Op. cit. P. 324.

⁵ Сын Отечества. 1814. №. XXII. Второе прибавление. С. 3–4. Эту схватку 21 февраля с колонной из Арраса, в которой было 1 000 пехоты, 500 национальных гвардейцев и эскадрон кавалерии, подробно описал М.-А. Вейль. См.: Weil M.-H. Op. cit. P. 445. Военная энциклопедия Сытина так же уделила внимание этому событию: «В 1814 г. во время вторжения союзников во Францию у стен Д. (9 и 10 февр.) полк. Гейсмар во главе летучего отряда (казач. п. и 2 сакс. эск.) разбил небол. франц. отряд и овладел цитаделью, г-зон к-рый б. вынужден сдаться на капитуляцию». См.: Военная энциклопедия: В 18 т. СПб., 1911–1915. Т. 9. С. 300.

⁶ Galonne A. de. Op. cit. P. 72–73.

⁷ Delgove E.-E. Op. cit. P. 222.

мара и они спрятались со своими отрядами в засаде в небольшом лесу. Французы шли с барабанным боем, развернутые в одну линию на открытой местности. Гейсмар с казаками и саксонскими гусарами атаковал их правое крыло. Не ожидавшие атаки французы в беспорядке стали отступать в лес, оставив на поле схватки 3 офицеров и 22 рядовых. «Сын Отечества» сообщал об успехах Гейсмара: «... Разбил шедший на помощь цитадели батальон пехоты и 200 человек конницы, взял 22 чел. в плен, а остальные отретировались к Аррасу»¹.

Наступившая после этого под Дулленом тишина повергла засевшего в цитадели коменданта Бенуа в уныние: около 17 часов он услышал оружейную перестрелку со стороны дороги на Аррас, затем перестрелка стихла, а никого не было видно; Бенуа лишился надежды на скорую помощь и, немного посопротивлявшись, в конечном итоге склонился к капитуляции.

Фошиль приводил некоторые дополнительные детали сдачи цитадели. 20 февраля в 6 часов вечера группа горожан во главе с мэром и его заместителем обратилась к коменданту крепости с предложением сдаться: в таком случае, якобы, Гейсмар обещал оградить город от грабежей. Комендант Бенуа сказал, что «будет защищаться до последнего патрона» и депутация ретировалась. В 7 вечера был предпринят новый демарш: парламентар из отряда Гейсмара в сопровождении одного члена муниципалитета предложил Бенуа от имени «союзного командования» почетную сдачу. На это Бенуа, якобы, ответил: «Передайте главнокомандующему войсками союзников, что я, назначенный Его Величеством императором Франции комендантом Дуллена, не сдал бы его, пока не исчерпал бы всех средств защиты». В половине восьмого предпринята третья попытка уговорить коменданта. Парламентар принес ультиматум: либо до полуночи Бенуа подпишет капитуляцию, либо гарнизон будет уничтожен из-за его упрямства. Но ультиматум остался без ответа. В восемь вечера один член муниципалитета сообщил Бенуа, что Гейсмар согласился выпустить из цитадели женщин и детей. Это предложение было принято и быстро исполнено в виду наступающей ночи².

21 февраля в 10 утра части Гейсмара заняли позиции для штурма. Беглый обстрел крепости сочетался с призывами к испанцам от имени Бурбонов, что создало реальную опасность мятежа заключенных. В 11 утра мэр отправил Бенуа парламентаря, который передал тому, что если капитуляция не будет осуществлена немедленно, то весь гарнизон будет казнен. Однако Бенуа своей позиции не изменил. Правда, пытаясь выиграть время и дать передохнуть своим солдатам, он заявил, что сам подготовит статьи капитуляции и представит их в 2 часа дня Гейсмару. В частности он просил, чтобы гарнизону было разрешено оставить цитадель со всеми военными почестями, чтобы офицерам были сохранены их шпаги, а солдатам их оружие и сумки, а также, чтобы им разрешили пройти в ближайший город, занятый французскими войсками. Наконец, что цитадель сдастся союзным войскам только 23 февраля в 2 часа после того как командующий войсками департамента Сомма генерал д'Эгрмон (d'Aigremont³) утвердит капитуляцию.

Требования Гейсмара были более жесткими: цитадель сдается в тот же день, гарнизон отправят в Брюссель, комендант может забрать с собой только личные вещи, но ничего из того, «что принадлежит короне». Бенуа колебался. В 10 часов вечера люди Гейсмара стали готовить фашины и штурмовые лестницы. Всю ночь казаки имитировали подготовку к штурму, чтобы держать осажденных в постоянном напряжении. Утром 22 февраля Бенуа понял, что его ставка бита, а из 10 защитников цитадели, четверых свалила лихорадка (по крайней мере, они сильно дрожали) и подписал капитуляцию. Статьи капитуля-

¹ Сын Отечества. 1814. № XXII. Второе прибавление. С. 3–4.

² Fauchille P. Op. cit. P. 254.

³ Гийом Франсуа д'Эгрмон (Daigremont или d'Aigremont) (1770–1827) – бригадный генерал (с 10.04.1813) французской кавалерии. С 18.12.1813 – командующий департаментом Сомма.

ции полностью опубликованы в книге Фошиля¹. Сначала в документе стоят статьи, составленные Бенуа, затем Гейсмаром.

Так 22 февраля 1814 г. крепость Дуллен оказалась в руках Гейсмара². «Это было разочарованием для противника, – писал Дельгов, – ибо, сами, будучи без пушек, они рассчитывали их найти за крепостными стенами». К тому же они рассчитывали наложить руку на кассу сборщика налогов, а касса эта, как оказалось, насчитывала всего 2311 франков³. Но с добычей было все не так грустно, как это хотелось французскому историку.

Гейсмару достался магазин с оружием и снаряжением, к тому же было освобождено несколько заключенных здесь английских и испанских офицеров и около 100 испанских солдат. Их вооружили тем, что Гейсмар конфисковал ранее и тем, что нашли в цитадели. Из них и еще 6 улан и гусар был образован гарнизон цитадели во главе с приболевшим саксонским уланом лейтенантом Циглером (Ziegler)⁴. Место освобожденных испанцев заняли плененные французы. Изложение событий в «Сыне Отечества» отличается некоторыми деталями: «10 числа сдалась цитадель. В ней было 60 пленных испанцев и 70 англичан; они снабжены взятым в цитадели французским оружием и составляют гарнизон ее. В цитадели найдено 300 ружей, большое количество пороха и 45 ящиков с гранатами; она снабжена провиантом на 12 месяцев и служит для хранения в ней пленных французов»⁵.

Тут в Аррас прибыл генерал Анри (Henry⁶) и, узнав, что произошло, принял решение вновь выступить на Дуллен. 22 февраля утром, когда капитуляция цитадели была только что подписана, из Арраса на Дуллен выступило депо 46-го линейного пехотного полка, усиленное 150 элитными жандармами и 150 гвардейскими егерями. Отряд возглавил сам генерал Анри, который собрал рассеянные накануне по лесу части первой колонны и во главе объединенных сил двинулся к Дуллелю. С юга к Дуллелю двигалась другая колонна из 300 пехотинцев и эскадрона в 130 улан. Поручив майору Бранденштейну наблюдать за ней и прикрыв город сотней казаков, Гейсмар возглавил атаку колонны Анри. Схватка произошла в районе деревень Борепэр и Сен-Маржерит⁷.

Дельгов явно что-то скрывает от читателей, когда пишет: «Сражение из-за отсутствия артиллерии с той и с другой стороны было обычной перестрелкой без результата; французы ретировались к Аррасу, иностранцы – к Дуллелю...»⁸. «Сын Отечества» повествует: «11 числа подступил к ней [крепости] генерал Ганри, имея при себе между прочим 2 эскадрона отборных жандармов. Полковник Гейсмар разбил его, положил на месте 150 чел., взял в плен ротмистра, поручика и 29 жандармов, а остальных принудил отступить»⁹.

Между тем, колонна, шедшая из Амьена, наткнувшись на огонь отряда майора Бранденштейна и решив, что имеет дело со всем отрядом Гейсмара,

¹ Fauchille P. Op. cit. P. 257–258.

² Французские историки подчеркивают несоизмеримость сил сторон: «Оценим ужас, вызванный вторжением казаков. Их имя было синонимом разорения и опустошения. Жители Дуллелю без всякой пользы обменялись с ними несколькими выстрелами. Женщины и дети бежали обезумевшие; многие укрылись в цитадели, которая, имея лишь гарнизон в двадцать человек и не имея ни артиллерии, ни боеприпасов, сдалась на следующее утро». См.: Gallonne A. de. Op. cit. P. 72–73. Фошиль писал вообще о 10 новобранцах, еще не нюхавших пороха, двух заместителей коменданта и семи национальных гвардейцев, успевших запереться в цитадели вместе с многочисленными жителями Дуллелю, в военном отношении бесполезными. См.: Fauchille P. Op. cit. P. 252.

³ Delgove E.-E. Op. cit. P. 222.

⁴ WEIL M.-H. OP. CIT. T. 2. P. 448.

⁵ Сын Отечества. 1814. № XXII. Второе прибавление. С. 3–4.

⁶ Jean-Pierre Henri – бригадный генерал.

⁷ Warmé A.-J. Op. cit. P. 325; Weil M.-H. Op. cit. T. 2. P. 449.

⁸ Delgove E.-E. Op. cit. P. 223.

⁹ Сын Отечества. 1814. № XXII. Второе прибавление. С. 3–4.

повернула назад¹. По данным Фошиля, которые он почерпнул из рапорта самого Гейсмара, колонна Анри, потеряв 2 офицеров и 50 солдат убитыми (а не 150, как сообщалось в «Сыне Отечества»), а также 29 пленными, включая команданта Лабэ (Labbaye), отступила в сторону Амьена² (а не Арраса, как у Дельгова).

Если сравнить операции в Дуллене и те, что были ранее в Байоле, Касселе, Азбруке, то теперь это был не внезапный захват, а осада и капитуляция. Теперь Гейсмар имел дело с укрепленной цитаделью, с артиллерийским конвоем, с регулярными войсками, с элитной кавалерией и пехотой под командованием известного генерала! Известие о сдаче Дуллена имело значительный резонанс и вызвало большую тревогу в округе. Действия отряда Гейсмара заставили военные власти задуматься над координацией своих усилий по его нейтрализации.

Командующий департамента Сомма генерал д'Эгрмон докладывал военному министру о случае с Дуллением, пытаясь как-то смягчить интонации: «Я прошу Ваше превосходительство, если вы хотите сохранить этот департамент, послать подкрепление Сомме. Общественный дух не слишком хорош. Нам не хватает патронов. Я прошу Ваше Превосходительство, обеспечить нас ими. Большое количество испанских заключенных, разбросанных в различных округах департамента, сбегают, когда пытаются их собрать. Многие из них присоединились к врагу. Я только что узнал, что жители Эбютерна присоединились к врагам и встали под его знамена»³.

Военный министр герцог Фельтрский (Feltre)⁴ 25 февраля сделал д'Эгрмону строгий выговор: «Я вижу по вашим письмам от 22 февраля, что противнику удалось захватить цитадель Дуллен, а также что вы проявили очень мало активности, чтобы оказать ей помощь <...> Я могу только от имени императора выразить недовольство тем, что вы не проявили всю ту энергию, на которую способны»⁵. Д'Эгрмон возражал: «Если бы Ваше Превосходительство знало положение, в котором я нахожусь, он бы не обратился ко мне с незаслуженными упреками, относительно внезапного захвата Дуллена. Все, что я имел из доступных мне войск, это колонна мобилей, что я отправил в Перу (Pérou) всех улан, чтобы подавить начавшееся в этом городе восстание. Когда войска вернулись, я отправил на Дуллен все, что мог, чтобы скооперировать атаку с колонной из Арраса. Я абсолютно безупречен в этом отношении»⁶.

Так небольшой отряд Гейсмара четыре дня удерживал Дуллен, отразил три атаки, захватил цитадель и привлек к себе внимание французского командования. Генерал Мезон, докладывая военному министру о событиях под Дуллением, писал, что он не может ничего противопоставить этому отряду, и доба-

¹ Вармэ это событие, в отличие от Вейля, датирует следующим днем: «23-го имели место две стычки: у Боваля с несколькими солдатами из 3-го полка шеволежеров гарнизона Амьена и у Борепэра с депо 46-го линейного полка». См.: *Warmé A.-J.* Op. cit. P. 325. Дельгов сообщает, что 23 февраля «несколько солдат» 5-го шеволежерского полка, стоявшего гарнизоном в Амьене, выдвинулись в направлении Дуллена, но по пути натолкнулись на казачий пост. Началась перестрелка. Отсюда была слышна перестрелка и со стороны Арраса: депо 46-го полка снова пыталось отбить Дуллен. Но, как и накануне, все закончилось безрезультатно. См.: *Delgove E.-E.* Op. cit. P. 223.

² *Fauchille P.* Op. cit. P. 261.

³ *Fauchille P.* Op. cit. P. 262.

⁴ Анри-Жак-Гийом Кларк (Clarke), герцог Фельтрский (1865–1818) был военным министром с 9.08.1807 по 3.04.1814. Активного участия в сражениях почти не принимал. С наступлением Реставрации станет пэром Франции, во времена «Ста дней» будет сопровождать Людовика XVIII в Гент, затем станет маршалом Франции (1816). Уроженец Ландреси, которая, после сдачи 9 февраля 1814 г. Авена русским войскам, неожиданно оказала последним сопротивление. См.: *Fournez Ph.* Histoire d'une forteresse Landrecies d'après des documents inédits. Paris, 1911. См. также книгу П. Жилото: *Giloteaux P.* Histoire de Landrecies des origines à nos jours. Le Quesnoy, 1962.

⁵ *Fauchille P.* Op. cit. P. 263.

⁶ *Ibid.* P. 264.

вил, что возможно отряд призван обеспечить высадку английского десанта в устье Соммы или же «высадку негодяев, которые разожгут огонь пробурбоновского восстания: нужно было бы два батальона, пушки и несколько кавалерии, чтобы разбить этого агента беспорядка и разбоя»¹.

Действительно, в регионе было неспокойно. В январе 1814 г. в этом районе было отмечено антинаполеоновское восстание. Мятеж охватил около 15 сел округа Па-де-Кале. Его центром был Эбютерн (Hébuterne), в котором с января по февраль находился вооруженный отряд инсургентов численностью около 180 чел. (сегодня там живут около 600 человек, и нет ни одного исторического памятника!). Этот отряд, якобы, успешно сопротивлялся частям под командованием генерала Гийома д'Эгремона, пытавшегося обуздать повстанцев. Д'Эгремон рапортовал военному министру 23 февраля 1814 г.: «Все мятежники, часть населения близлежащих мятежных деревень и всё население Эбютерна встало под знамена русской армии в лице гвардии полковника Гейсмара и ушло вперед на Париж...»². Если рапорт составлен 23 февраля, то можно предположить, что события в Эбютерне, описываемые д'Эгремоном имели место накануне дня, когда Гейсмар захватывал Дуллен.

Военный министр поручил д'Эгремону вернуть Дуллен. Приказ этот было проще отдать, чем исполнить. Для защиты Амьена и Аббвилля он имел достаточно элитной жандармерии: 92 офицера, 1 855 рядовых и 243 лошади. В своем донесении от 25 февраля герцог Фельтрский говорил о 1 200 человек гарнизона Аббвиля. Д'Эгремон напоминал в ответном послании, что это – необстрелянные новобранцы, к тому же катастрофически не хватает оружия и боеприпасов и просил три сотни отборных войск, которых не было. Вильманзи писал, что гарнизон Арраса состоит из всего 170 солдат 46-го пехотного полка и 60-ти кавалеристов 11-го гусарского полка. Все силы находились у генерала Мезона.

Пока французские генералы и министры вели переписку, Гейсмар, находясь в Дуллене, обложил кантон «непомерными контрибуциями». Вот, например, его письмо в Сен-Поль от 23 февраля, опубликованное Дельговым: «Мэру Сен-Поля, выполняющему функции супрефекта, приказываю в течение 24 часов транспортировать в Дуллен на военные нужды: 300 коров, 150 свиней, 4 600 бутылок водки, 600 ливров свечей, 600 ливров масла, 15 000 буасо³ картофеля, 10 000 буасо гороха, 10 000 буасо фасоли, 50 000 тюков сена, 50 000 буасо овса, 50 000 тюков соломы, 36 квинталов⁴ пшеницы, 50 вязанок дерева, 100 ливров сахара, 50 ливров кофе»⁵. Такое количество провианта, естественно, самому отряду Гейсмара было не к чему. Но оно вполне могло храниться в цитадели до подхода 3-го прусского корпуса генерала Ф.В. Бюлова.

Реквизиции коснулись и близлежащих коммун: Иверни (Yvergnu) и соседней Сю-Сен-Леже (Sus-Saint-Léger) – между Сен-Подем и Дулленом, Амплиер (Amplier) и соседней Орвиль (Orville) – к юго-востоку от Дуллена, Ле Суиш (Le Souich) и др. Каждый мэр коммуны должен был обеспечить войска союзников 20 бутылками водки, 2 коровами, 2 свиньями, 60 буазо картофеля, 6 ливров масла, 600 буазо овса, 600 тюков, 600 тюков соломы. Каждая из реквизиций заверена подписями Гейсмара и мэра Дуллена Банастра (Banastre)⁶.

¹ Weil M.-H. Op. cit. T. 2. P. 449, note.

² Дыбов С. Эбютерн (о георгиевской ленте) // <http://severr.livejournal.com/497924.htm> (дата обращения – 19.08.2013).

³ Буасо – старая мера сыпучих тел, равная 12,5 л.

⁴ Центнеров.

⁵ Delgove E.- E. Op. cit. P. 223. Галонн в своей вышедшей через сорок лет после работы Дельгова, книге приводит в сущности тот же перечень товаров с тем же количеством, только не датирует его и полагает, что эти реквизиции были наложены на коммуну Вайль (Wail) из округа Монтрёй-сюр-Мер (департамент Па-де-Кале), хотя ссылается при этом на Дельгова. См.: Galonne A. de. Op. cit. P. 71–72.

⁶ Fauchille P. Op. cit. P. 269.

Даже Фошиль признал, что в принципе отряд Гейсмара в самом Дуллене вел себя хорошо. Конечно, они реквизируют общественные денежные фонды, которые достигали 50 тыс. франков, но не тронули имущества частных лиц и город не был разграблен. Вели себя вполне прилично и казаки, и саксонцы. Более того, Гейсмар сумел снискать себе симпатии, ибо имел шарм, был привлекателен и обладал благородными манерами¹.

Пользовался командир отряда и услугами Фрушара. Именно ему и его людям поручено было распространять в округе прокламации в пользу Людовика XVIII, новости о поражениях Мезона и т. д. Фрушар увлекся своей миссией: стены города покрыли листовки от имени Людовика XVIII. И эта деятельность принесла свои плоды: новобранцы из крестьян потянулись под знамена антинаполеоновского восстания, как это произошло, например в Эбютерне.

Меньше недели назад власти еще отрицали какое-либо влияние Фрушара. Так 20 февраля префект Па-де-Кале писал в инструкции мэрам своего департамента, что Фрушар, который некогда «носил синюю блузу, украшенную двумя желтыми бумажными эполетами, шляпу с кокардой также из бумаги», а потом «украл платье у супрефекта и везде появлялся в этом одновременно странном и смешном наряде», вступил в союз «с главой вражеского отряда». А Вильманзи уверял 21 февраля герцога Фельтрского, что «компаньон Гейсмара» – бандит Фрушар населением «презираем и ненавидим». Теперь генеральный инспектор жандармерии герцог Конельяно (Conegliano) признавал в письме от 28 февраля министру внутренних дел, что «бандит Фрушар, глава повстанцев округа Касселя, находится в авангарде врага; с ним достаточное число инсургентов»².

Имперской администрации необходимо было срочно изменить ситуацию, продемонстрировать, что власть есть власть и подорвать основы повстанческого движения. 24 февраля в Труа Наполеон подписал декрет, по которому французы, оказывающие поддержку и помощь союзникам, например, те, которые «сопровождают вражеские армии во вторжении на территорию Империи», должны быть судимы трибуналами по всей строгости закона с конфискацией имущества, а в отдельных случаях и приговариваться к смерти³.

25 февраля Вильманзи собрал совет в Аррасе, на котором присутствовал прибывший во главе эскадрона императорской гвардии бригадный генерал Анрион (Henrion)⁴, префект Па-де-Кале генерал барон де Ла Шез (La Chaise)⁵ и командующий войсками департамента полковник барон де Ла Кур (La Cour)⁶. Совет решил немедленно выступить на Дуллен, придав гвардейским кавалеристам отряд из 46-го линейного и 11-го гусарского полков, роту жандармов Па-де-Кале и несколько артиллеристов с одной или двумя пушками⁷.

Д'Эгрмон, объединивший в Амьене войска, мобилизованные из Аббвилля, и те, что пробились из Арраса с генералом Анри, и несколько дней не принимавший никаких решительных действий против Гейсмара, должен был

¹ Ibid. P. 270.

² Ibid. P. 272.

³ Другой указ, подписанный Наполеоном 5 марта в Фисме (Fismes), квалифицировал как предателей всех мэров и всех прочих администраторов и просто гражданских лиц, которые вместо того, чтобы возбуждать патриотический подъем народа, удерживают население от самообороны.

⁴ Бригадный генерал Кристоф Анрион (Henrion) (1772–1850). В кампании 1814 г. командовал молодой гвардией, участвовал в битве при Арси-сюр-Об 20 и 21 марта.

⁵ Жак Франсуа барон де Ла Шез (La Chaise) (1743–1823). С 1803 г. – префект Па-де-Кале. См.: *Hauteclouque G. Pas-de-Calais sous l'administration prefectoral de M. le B-on de La Chaise (1803–1815) // Memoires de l'Academie de l'Arras. 2 serie. T. 23. P. 111–190; T. 24. P. 334–379; T. 25. P. 165–297; T. 26. P. 77–182. Arras, 1892–1895.*

⁶ 29 марта 1814 командующим войсками департамента Сомма будет назначен Ж. Тарайр (Tarayre).

⁷ Fauchille P. Op. cit. P. 275.

также выступить на Дуллен. Но, забегаая немного вперед, следует отметить, что его маленькая армия достигнет Дуллена только через 12 часов после колонны, отправленной из Арраса¹.

Как указывал Вейль, в ночь с 23 на 24 февраля разведчики сообщили Гейсмару, что французы усилились несколькими эскадронами и пушками и готовят 24 или 25 февраля новую атаку одновременно с трех направлений: из Арраса, Амьена и Аббвилля. «Предупрежденный Фрушаром, что французы, усиленные кавалерией и артиллерией, расположены возобновить атаку», Гейсмар принял решение оставить город². Его задачей были не сражения, а снабжение и отвлечение сил противника. Поэтому для охраны цитадели были оставлены все те, кто не мог быстро передвигаться с отрядом, во главе с заболевшим лейтенантом Циглером.

Гейсмар полагал, что магазины Дуллена могут понадобиться Бюлову, не зря же по его распоряжениям сюда свозились различные припасы. При этом, едва ли Гейсмар рассчитывал, что цитадель даст серьезный отпор атакующим отрядам французов, особенно, если у последних будет артиллерия, но другого решения в той ситуации не нашлось.

26 февраля в шесть часов утра генерал Анрион во главе войск выступил на Дуллен и в 17 часов был у стен города. Командир цитадели саксонский лейтенант Циглер сдаваться отказался, после чего начался артобстрел и к 18 часам цитадель все же капитулировала. Здесь обнаружили примерно 130 испанских и английских офицеров, сержантов и солдат, которые немедленно были направлены в Аррас, а 73 французских заключенных выпущены на свободу под крики: «Vive l'Empereur!» Вернули себе французы огромное количество припасов и даже бывшего командующего цитаделью Бенуа³.

Большим разочарованием для наполеоновской администрации было поведение жителей Дуллена. Самые зажиточные горожане подавали другим примеры «трусости и страха»: один из крупнейших предпринимателей города Мург (Mourgues), которому даже некогда выделили несколько военнопленных кампании 1812 г. в качестве рабочих, теперь пригласил Гейсмара к себе на обед и попросил протекции в отношении своего предприятия⁴. Не выразили дулленцы и большой радости в связи с прибытием войск генерала Анриона. Будучи убеждены, что Гейсмар вернется и, опасаясь репрессий, они оказали императорским войскам холодный прием. О своем недовольстве общественным духом жителей Вильманзи писал 27 февраля герцогу Фельтрскому: «Мы были удивлены, обнаружив, расклеенными известные прокламации русского полковника, которые жители не решились сорвать даже после его отбытия из города. Никто не выразил радости в связи с избавлением от врага. «Да здравствует Император!», – кричали только солдаты Анриона. Если верить некоторым рапортам горожане давно ждали врага»⁵.

Тем не менее, после возвращения Дуллена в Аррасе распространился слух о захвате пресловутого Людовика XVII. Толпы вышли на улицы: вот оно, наконец-то! Такую же радость выказывали по этому поводу и горожане Лилля,

¹ Ibid. P. 274.

² Weil M.-H. Op. cit. T. 2. P. 448; Fauchille P. Op. cit. P. 282.

³ Fauchille P. Op. cit. P. 275. «26-го цитадель возвращена силами 2-го батальона 9-го полка вольтижеров императорской гвардии, отряда гусар из Арраса, роты канониров с двумя пушками из Аббвилля, шеволежеров 3-го полка из Амьена и национальных гвардейцев из Амьена и Аббвилля. При штурме несколько французов было ранено, один убит. 27-го оставленный здесь Гейсмаром за коменданта саксонский офицер сдался на почетных условиях. Испанцы были вновь заключены под стражу и отправлены в Амьен». См.: Warmé A.-J. Op. cit. P. 326; Delgove E.-E. op. cit. P. 224.

⁴ Hauteclouque G. de. Op. cit. P. 287, note.

⁵ Fauchille P. Op. cit. P. 276.

получившие информацию от одной из дам Арраса¹. Но уже 27 февраля Вильманзи признался в одном из донесений: Фрушар ускользнул с отрядом Гейсмара, а захватить удалось лишь одного из его помощников², которого отправили в Аррас на суд специальной военной комиссии³.

Эта история с потерей и возвращением Дуллена заставила французов постараться обезопасить себя от подобных сюрпризов. Начались усиленные работы по укреплению стен, рытью окопов на окраинах: «тысячи человек неустанно работали...»⁴. Лесорубы, пильщики, плотники из Дюри, Сен-Фюсьена, Крёзе и других деревень сооружали палисады в Амьене. Письма от начала марта 1814 г. командующего в департаменте генерала д'Эгремона, префекта, мэра Амьена, обнаруженные А. Галонном в архивах, демонстрируют «энергию», с которой они готовились встретить врага⁵. Энергия эта, прежде всего, стоила денег богатым горожанам.

24 февраля около двух часов дня отряд Гейсмара выступил из Дуллена, но не на юг к Амьену, а, обходя этот крупный город, на юго-восток через Альбер (Albert⁶) к Браи-сюр-Сомм (Bray-sur-Somme⁷), чтобы приблизиться к дороге, по которой, вероятно, должен был двигаться Бюлов⁸.

Передохнув несколько часов в Браи-сюр-Сомм, отряд на исходе дня пересек Сомму через мост, который позаботился захватить, продвинулся на юг и без единого выстрела вошел в Руа (Roie), жители которого, по уверениям Фошиля, хоть и «собирались защищаться», но «не успели закрыть ворота». Здесь Гейсмар арестовал несколько жандармов, освободил 33 англичанина, но бивак предпочел разбить не в городе, а за его пределами⁹.

Подробности захвата Руа отрядом Гейсмара мы находим в забытой работе лейтенанта саперно-инженерной службы и одновременно ассоциированного член-корреспондента Академии Амьена Л.-А.-Ж. Грегуара д'Эссени «Истории Руа»¹⁰. Вспоминая о посещении города отрядом Гейсмара, автор ссы-

---

¹ Письмо мадам Рiéгон полностью опубликовано у Фошиля. Описание этого «пленения» впервые встречается в книге Вармэ, правда, у него речь шла о самозваном «Людовике XVIII». 22 февраля в Дуллен в сопровождении эскорта из отряда Гейсмара прибыл человек, называющий себя Людовиком XVIII. Оставаясь в течение двух дней в городе, он вел себя «как безумец или мошенник». После обильных возлияний он улегся спать в хлеву и пребывал в объятиях Морфея столь долго, что проспал отъезд своего почетного эскорта. После отъезда казаков он был тотчас же препровожден местными полицейскими в Аррас. Вроде бы, это был кузнец из Сен-Поля. См.: *Warmé A.-J.* Op. cit. P. 325–326.

² Некогого Л.-Ж. Фропо (Fropot), 42 лет, кузнеца проживающего в Ваврансе (Wavrans). См.: *Fauchille P.* Op. cit. P. 280.

³ *Fauchille P.* Op. cit. P. 279.

⁴ *Galonne A. de.* Op. cit. P. 73.

⁵ Например, мэр пишет префекту от 12 марта: «Вы должны заключать договоры на поставки продовольствия на случай осады цитадели. Вы рекомендуете мне для этих целей собрать со ста пятидесяти крупнейших налогоплательщиков сумму в 15 000 франков». См.: *Galonne A. de.* Op. cit. P. 73.

⁶ Главный город кантона, округ Перонна, 177 км от Парижа. См.: *Cagny P. de.* *Albert et ses environs.* Paris, 1992. Здесь Гейсмар остановился только на очень короткое время, которого хватило ровно на столько, чтобы «огрбить почту и взять проводников». По крайней мере, так писал сам начальник почты в полицию Амьена 25 февраля, оставляя нас недоумевать, зачем Гейсмару понадобились еще какие-то проводники помимо Фрушара и его товарищей. См.: *Fauchille P.* Op. cit. P. 279.

⁷ Главный город кантона, округ Перонна, 156 км от Парижа, между Амьеном и Перонном. См. также: *Josse H.* *Histoire de la ville de Bray-sur-Somme.* Amiens, 1882.

⁸ Авторы с разной степенью точности интерпретируют перемещение отряда: Гейсмар из Дуллена направился к Нуайону, «где он надеялся найти Бюлова». См.: *Galonne A. de.* Op. cit. P. 74.

⁹ *Fauchille P.* Op. cit. P. 280.

¹⁰ *Grégoire d'Essigny L.-A.-J.* *Histoire de la ville de Roie: département de la Somme, avec des notes historiques et statistiques sur les communes environnantes.* Noyon, 1818.

лается на некий анонимный «Журнал того, что произошло в Руа с момента вторжения во Францию армий союзников в 1814 г.»¹.

В изложении Грегуара д'Эссени события развивались следующим образом. 25 февраля после полудня из расположенной севернее Браи-сюр-Сомм коммуны Шольн (Chaulnes²) в Руа прибыл гонец. Он доложил, что большая колонна врага перешла Сомму у Браи-сюр-Сомм и направляется в Руа. Город охватил «всеобщий ужас». В час дня (т. е., по-видимому, сразу после получения известия от «гонца») появился неприятельский авангард, который завладел тремя воротами, а ближе к вечеру прибыло еще 1 200 легкой кавалерии³. «Командир в генеральском (sic – А.В.) чине запросил фураж для лошадей, а также хлеба, вина, мяса, водки, кофе и сахару на 1 200 человек. Все было доставлено»⁴. При этом раздавались прокламации за подписью Гейсмара, в которой отряд именовался авангардом 3-го корпуса немецкой армии.

В тот же день в ратушу пришел еще один офицер, который потребовал под страхом сожжения города предоставить им 200 ружей, 5 тыс. патронов и весь, какой только есть в городе, запас пороха, сапог и сукна. Сукно предоставили, про остальное сказали, что такого нет. Местные жители услужливо указали удобный для бивуака близлежащий лесок и дали проводников. «Войска вышли из города через парижские ворота и встали лагерем у его стен, расставив часовых на расстоянии полу-лье от города. Сам командир разместился у мельника Буателя»⁵.

Мемуарист дал любопытную зарисовку внешнего облика отряда Гейсмара и результатов его однодневной стоянки близ Руа: «Трудно сказать из кого состоял этот отряд. Лошади низкие, в плохом состоянии, без седел, несколько без узды. Кавалерия, именующая себя «казаки», состояла из людей разных национальностей, в различных одеждах, у некоторых были ружья с португеей, а у многих не было сапог. В городе не произошло никаких всеобщих беспорядков, но имели место частичные кражи»⁶.

Гейсмар в Руа узнал о победах французов при Шампобере, Монмирайе, Этоже, об отступлении Шварценберга на левый берег Сены, а пруссаков и русских – к Лаону. В таких условиях ни двинуться на Париж, ни оставаться в этих краях было невозможно. Поэтому тихо и быстро свернув лагерь, отряд поздно вечером (около 10 часов) 25 февраля двинулся на юго-восток к Нуайону (Noyon)⁷, куда прибыл уже в 2 часа утра 26 февраля, что было большим сюрпризом для местного населения⁸. Мемуарист из Компьена свидетельствует: 25 февраля прошел слух, что отряд от 500 до 600 человек («часть армии Бернадота») вошел в Руа, а затем, что они в ночь с 25 на 26 февраля в 2 часа утра беспрепятственно заняли Нуайон⁹. В этом городе действия отряда были, можно сказать, стандартными: разоружили местных жителей, освободили заключенных, сменили уставших лошадей на свежих, пополнили запас продуктов. Разве что бивуак для отдыха разбили прямо на центральной площади.

¹ Ibid. P. 166 et suiv.

² Главный город кантона, департамент Сомма. См.: *Cagny P. de. Chaulnes et ses environs. Paris, 1865. (Переиздание – 1992 г.)*.

³ *Grégoire d'Essigny L.-A.-J. Op. cit. P. 166.*

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 166–167.

⁶ Ibid. P. 167.

⁷ Нуайон – главный город одного из кантонов округа Компьен, 99 км от Парижа. И Руа, и Нуайон находятся на дороге между Амьеном и Суассоном и таким маневром Гейсмар прерывал прямую связь между этими городами.

⁸ *Weil M.-H. Op. cit. P. 450.*

⁹ *Escuyer. Compiègne en 1814, d'après un manuscrit du temps // Carnet de La Sabretache 1898. T. 6. № 61. P. 636. Примечание публикатора: отряд насчитывал 354 казака, 99 саксонцев, 58 пруссаков. Те же цифры с уточнением «по состоянию на 27 февраля» приводит Вейль. См.: *Weil M.-H. Op. cit. P. 451.**

Из Нуайона уже в 8 часов утра 26 февраля Гейсмар двинулся вверх по правому берегу Уазы на северо-восток к Шони (Chauny)¹, где намеревался перейти на левый берег, поближе к Лаону (Laon). Когда авангард отряда Гейсмара вошел в Шони², писал Вейль, жители оказали сопротивление. Оторвавшийся от основного отряда авангард жители пропустили в город, а потом закрыли ворота. Командующий авангардом офицер направился в сопровождении эскорта в ратушу на переговоры. Тем временем, несколько казаков, направившихся в Сен-Габен (Saint-Gobain)³, столкнулись с группой «вооруженных работников, которые открыли по ним огонь»: двое казаков были убиты, трое ранены, несколько попали в плен⁴.

По свидетельству же одного компьенского библиотекаря, это не сенгабенцы, а жители Шони перед мостом выставили охрану и, когда казаки приблизились, один молодой человек, вооруженный двухзарядным ружьем, выстрелил и убил двоих из них⁵. Так или иначе, услышав выстрелы, офицер авангарда выбежал из ратуши с криками об измене. Шум перестрелки услышали и в основном отряде: его бойцы галопом прискакали к городским воротам, разрубили их топорами и ворвались в город, убивая всех, кого заметят с оружием в руках. Мемуарист из Компьена, господин Эскюйе писал: «В ярости казаки набросились на охранников моста и изрубили всех, кто не успел спрятаться, а затем, захватили город, «сея повсюду террор»⁶. Казаки мстили за убитых товарищей, они разграбили и город, и близлежащую деревню Сен-Гобен. Гейсмар был настроен решительно: Шони предать огню, а шестерых городских нотаблей подвергнуть экзекуции.

Но дипломатичность мэра позволила добиться менее суровых мер. Стороны договорились, что, во-первых, в течение двух часов жители восстановят разрушенный ими мост через Уазу из Шони в Сен-Габен, во-вторых, в течение суток горожане выплатят контрибуцию в 100 тыс. франков, включая серебро, драп, кожу, холстину, продовольствие и фураж, а до тех пор мэр и его помощники будут заложниками казаков. К утру городской совет сумел собрать только половину суммы, в обмен жителям вернули двух помощников мэра, а самого мэра отпустили только после того как Сен-Гобен заплатила еще 28 тыс. франков⁷. Приговоренных было к казни городских нотаблей решили просто высечь: каждый (за исключением одного – самого пожилого) получил по 150 ударов кнутом⁸.

Как только мост был восстановлен, улан поставили его охранять, а остальная часть отряда встала биваком на противоположном берегу Уазы у расположенной между Шони и Сен-Габеном Синсени (Sinceny), где и находилась до 28 февраля⁹. Из Синсени Гейсмар напишет рапорт герцогу Саксен-Веймарскому о событиях с 19 по 26 февраля, который заканчивается словами: «Теперь, я жду приказов Вашего Высочества направляться мне на Париж или в Нормандию на Руан»¹⁰.

¹ «Сын Отечества» эти перемещения освещал очень кратко: после Дуллена отряд Гейсмара «отретировался далее в Брей, Рай (где взял в плен несколько жандармов и освободил 38 англичан), а 14 февраля вступил в Шони, где ожидал приказаний идти а Руан или в Париж». См.: Сын Отечества. 1814. №. XXII. Второе прибавление. С. 3–4.

² Шони – главный город одного из кантонов округа Лаон.

³ Коммуна Сен-Габен находится в лесистой местности на левом берегу Уазы, по дороге из Шони в Лаон.

⁴ Weil M.-H. Op. cit. P. 451; Fauchille P. Op. cit. P. 284.

⁵ Escuyer. Op. cit. P. 637.

⁶ Ibid.

⁷ Fauchille P. Op. cit. P. 285. У Эскюйе указаны несколько иные суммы и другой ход событий: на коммуны наложили контрибуцию в 50 тыс. франков, которую надо было выплатить немедленно; мэра и его помощников взяли в заложники. Некоторые добропорядочные буржуа быстро скупались на нужную сумму, чтобы избежать дальнейших осложнений. См.: Escuyer. Op. cit. P. 637.

⁸ Fleury E. Op. cit. P. 155; Fauchille P. Op. cit. P. 285.

⁹ Фошиль вслед за Вейлем полагал, что в Синсени отряд Гейсмара «оставался в ожидании в течение 26, 27 и 28 февраля». См.: Fauchille P. Op. cit. P. 286.

¹⁰ Fauchille P. Op. cit. P. 286.

Таким образом, этот отряд из 800 человек, от которого осталось 511 бойцов¹, перейдя Уазу, проник в департамент Эн², и французские власти практически ничего не могли с ним поделать. Фошиль склонен винить в неудачах французов медлительность генерала д'Эгремона, который, казалось, заботился только об одном: как бы обезопасить Перонну³. Что же касается отряда Гейсмара, то и Вейль, и Фошиль писали, что только 28 февраля Гейсмар в Синсени узнал, что Бюлов, захватил Ла Фер силами генерал-лейтенанта Г.Л.Ф. фон Туменна (Thumenn)⁴.

В 12 км к северо-востоку от Шони и Синсени находится небольшая коммуна Ла Фер (La Fère). Этот город расположен в стратегически важном месте, на слиянии Серры и Уазы, примерно на одинаковом расстоянии от Сен-Кантена (22 км) и Лаона (21 км), на главной дороге на Компьен. Отсюда до Нуайона 28 км, а до Суассона – 31 км. Как отмечал Н.Д. Неелов, Гейсмар «содействовал сдаче Ла-Фера»⁵. Оставим в стороне вопрос, почему мемуаристу захотелось особенно отметить этот факт, опустив многие другие, и обратимся к другим источникам.

М. Мельвилль указывал, что «для Ла Фер вторжение началось еще 19 февраля с появления перед стенами города отряда казаков, который захватил фабург Нотр-Дам». Через 8 дней, т. е. 27 февраля под стенами города появились пруссаки с намерением начать осаду и заняли на левом берегу Уазы деревни Данизи, Шарм и Анделен. Началась «весьма насыщенная» артиллерийская перестрелка между защитниками города и осаждающими. Однако, не имея возможности сопротивляться, гарнизон предпочел почетную сдачу. На следующий день войска союзников вошли в Ла Фер и оставались здесь до 20 мая⁶.

Другой источник уточняет, что осада города началась 27 февраля около часу пополудни: в Сен-Кантене в это время стали слышны звуки канонады со стороны Ла Фер. Тотчас же туда был отправлен отряд разведчиков, которые, вернувшись к 10 часам вечера, доложили, что Ла Фер капитулировал⁷. Ни тот,

¹ Мэр Компьена, когда писал военному министру о событиях в Шони, указал, что отряд на тот момент насчитывал 354 казака, 99 саксонских гусар и 58 прусских улан. См.: *Fauchille P.* Op. cit. P. 286, note. Те же цифры приводит и Вейль, так же упоминая «прусских улан». См.: *Fauchille P.* Op. cit. P. 451.

² Отряд Гейсмара действовал на территории департаментов Па-де-Кале, Норд, Эн, Соммы, Уазы. О социально-экономической и политической ситуации в департаменте Эн в 1814 г. см. статью (изданную отдельной брошюрой) директора архива этого департамента Г. Дюма: *Dumas G.* La situation politique, économique et sociale de l'Aisne pendant la Première Restauration et au début de la Seconde (1814–1820). Chauny, 1962. См. также о ситуации в департаменте старую работу Э. Флери: *Fleury É.* Le département de l'Aisne en 1814. Laon, 1858.

³ *Fauchille P.* Op. cit. P. 290–291.

⁴ *Fleury.* Op. cit. P. 158; *Fauchille P.* Op. cit. P. 298. Генрих Людвиг Август фон Туменн (1757–1826). 21 февраля 1814 г. произведен в генерал-лейтенанты.

⁵ *Неелов Н.Д.* Воспоминания о польской войне 1831 г. // Военный сборник. 1878.

⁶ *Melleville M.* Histoire de la ville et des sires de Coucy-le-chateau: suivie d'une notice historique sur Anizy, Marle, Vervins, La Fère, Saint-Gobain, Pinon, Folembray, Saint-Lambert, et sur les anciennes abbayes de Nogent et de Prémontré. Laon, 1818. P. 300. По некоторым данным пруссаков было до 3 тысяч, а защитников города 400 чел. В 1815 г. здесь произойдет другая история. Известно, что через несколько дней после Ватерлоо идущий на Париж прусский корпус остановился перед Ла-Фер в июне 1815 г. Осада началась 24 июня и вскоре привела к голоду среди населения, но «голодный, питающийся лошадьми, собаками и кошками» гарнизон проявил стойкость и пруссаки отступили.

⁷ *Dauteuille R.* L'occupation russe et prussienne à Saint-Quentin en 1814 // Fédération des Sociétés d'Histoire et d'Archéologie de l'Aisne. Mémoires. T. XXXI, 1986. Chauny, 1986. P. 107. Крепость Ла-Фер была взята частями корпуса Блюхера. Захват крепости облегчал коммуникации в тылу армий союзников. Кроме того, в крепости был богатый магазин с припасами, арсенал со 100 пушками, пороховой завод, литейный двор, сверлильная, артиллерийское училище, казармы, деревянные понтоны для двух мостов, более 1 000 повозок и новых колес для пушек, на полмиллиона талеров одного леса, магазин топоров, лопат и других железных инструментов, 1 000 новых кроватей, от 20 до 30 центнеров пороха, от 2 до 3 млн. кремней, магазин артиллерийских и траншейных принадлежностей, 2 полевых кузниц, сарай с седлами, магазин парусины, множество матрасов, одеял и простынь (на 4 больших казармы), мучной магазин, несколько сотен свежих хлебов и, наконец, «бесценнейший по богатству своему магазин полостного железа». Урон пруссаков был невелик, а 400 французов сдалось в плен. См.: Первое прибавление к 12 книжке журнала «Сын Отечества». 1814. № XXIII. С. 4.

ни другой французские источники ничего не сообщают об участии в этом деле казаков Гейсмара, но об этом вскользь упоминал Грегуар д'Эссини¹. Действительно, отряд Гейсмара 27 февраля мог, по крайней мере, присутствовать при осаде Ла Фер.

28 февраля, на следующий день после взятия Ла Фер, Гейсмар, узнав, что Бюлов планирует с Винценгероде операцию против Суассона, решил возобновить наступление и, оставив охрану моста в Шони, по выражению Фошиля «пруссакам» (надо полагать, частям 3-го прусского корпуса Бюлова), 1 марта отправился обратно в Нуайон, куда и прибыл в тот же вечер. Здесь отряд провел несколько дней, ограничиваясь рекогносцировкой в разных направлениях. 2–4 марта его пикеты наблюдали за дорогой на Руа, где войск противника, впрочем, не обнаружили, в свою очередь за перемещениями патрулей Гейсмара наблюдали и из Руа.

По свидетельству Грегуара д'Эссини, город переживал постоянные страхи: то прошел слух о прибытии 28 февраля к вечеру в город отряда в 1 400 чел. союзников, то 1 марта снова заговорили о скором появлении противника, несмотря на разрушенные в округе мосты. 2 марта кто-то видел 33 казаков, прискакавших со стороны Нуайона, но так и не решившихся войти в город. 6 марта, в воскресенье, в 4 часа дня патруль из 20 казаков вновь показался со стороны Нуайона. В город вошли только четыре человека, которые поинтересовались: есть ли войска в Амьене или его округе и ретировались в Нуайон².

5 марта люди Гейсмара осматривали мосты Урскамп и Франкпорт, выдвигая посты к югу, в сторону Компьена. Во время рекогносцировки в Компьен казачий разъезд был встречен выстрелами со стороны Франкпортского моста, из чего было сделано предположение о наличии в городе сильного гарнизона³. Но зато на дороге в Компьен казаки перехватили курьера, который вез важные депеши Мезона генералу Анри. С 6 по 7 марта, когда Гейсмар, «казалось парализованный соседством корпусов Бюлова и Винценгероде»⁴, оставался в Нуайоне, один из его патрулей освободил пленных, конвоируемых в Перонну⁵.

В ночь с 7 на 8 марта Гейсмар получил известия, что пруссаки оставили Шони, французы вернули себе Суассон, Блюхер отошел к Лаону, а гарнизон Компьена усилен. Дальнейшее пребывание в Нуайоне стало бессмысленно. 8 марта Гейсмар оставил этот город и двинулся на северо-восток к Шони, а оттуда на север к коммуне Жуси (Jussy)⁶. Из этого пункта он планировал атаковать Сен-Кантен (Saint-Quentin).

10 марта, ожидая новостей из Силезской армии, Гейсмар поднялся от Жуси мимо Сен-Кантена по течению Уазы на северо-восток и остановился в Рибмоне (Ribemont), где получил известие о результатах первого дня сражения под Лаоном. Учитывая эффект от этого сражения 9–10 марта (по русскому стилю – 25–26 февраля), Гейсмар предпринял решительные шаги в отношении Сен-Кантена.

---

¹ Анонимный мемуарист, цитируемый Грегуаром д'Эссени давал такую хронологию событий: в ночь с 25 на 26 февраля отряд Гейсмара прибыл в Нуайон, 26-го – в Шони, 27-го – в Ла Фер. См.: *Grégoire d'Essigny L.-A.-J.* Op. cit. P. 167. Мемуарист из Компьена сообщал, как еще 24 февраля жители этого города собрались поглазеть на нескольких пленных казаков, захваченных, когда они 19 февраля пытались отбить пушки под Ла Фер. См.: *Escuyer.* Op. cit. P. 636. Но это едва ли могли быть люди Гейсмара, чей отряд 19 февраля был в Сен-Поле.

² *Grégoire d'Essigny L.-A.-J.* Op. cit. P. 168.

³ Так у Вейля. См.: *Weil M.-H.* Op. cit. T. 3. P. 432. В изложении Фошиля больше экспрессии: «Компьен привлек его внимание. Он бросил в атаку на город своих казаков. Встреченные ружейными выстрелами на Франкфуртском мосту и поверившие в наличие в городе сильного гарнизона, они повернули назад». См.: *Fauchille P.* Op. cit. P. 298.

⁴ *Weil M.-H.* Op. cit. T. 3. P. 297.

⁵ *Ibid.* P. 296.

⁶ По соседству с коммуной Сен-Симон – родовыми землями известного мыслителя К.А. Сен-Симона.

Рене Дотёйль – помощник библиотекаря Бюро Академического общества Сен-Кантена и он же историк-краевед родного города и округа Эн¹ – посвятил истории сдачи Сен-Кантена в 1814 г. отдельное исследование, основанное на использовании в первую очередь муниципальных архивов². Начинает он свое повествование издали, с декабря 1813 г., когда несмотря на все тревоги, горожане устроили себе очередной праздник-фестиваль с музыкой и песнями, артиллерийскими салютом, непереносимой речью мэра Ж. Жоли (Joly) и продолжительными овациями. Население с воодушевлением кричало «Да здравствует Наполеон!»³

С 20-х чисел января 1814 г. жители все зримее стали ощущать дыхание войны: 22, 24, 26 и 28 января через город прошли конвои с 2 400 пленными англичанами и муниципалитет был обязан обеспечить их дневным рационом хлеба. Небольшая группа местных патриотов собралась поглазеть на пленных, но зрелище получилось безрадостное и даже мрачное. Настроение в городе становилось все тревожнее, слухи множилось и множилось, несмотря на победы императора при Шампобере и Шато-Тьерри, враг приближался к Сен-Кантену, чьи крепостные стены представляли собой лишь груды земли и кирпича. Судя по всему, городу предстояло пережить оккупацию, и некоторые горожане предпочли отправиться в Париж. Р. Дотёйль уверял, что особый трагизм ситуации придавало то, что к городу двигался не просто враг, а русская армия с ее казаками, которые казались настоящими варварами⁴.

11 февраля мэр Сен-Кантена Ж. Жоли, собрал экстренное заседание муниципалитета и сообщил своим коллегам тревожные слухи, приходящие со всех сторон и указывающие на намерение союзников войти в город. В этих печальных обстоятельствах он просил членов муниципалитета, посоветовавшись, выработать какую-то позицию.

В тот день муниципальный совет Сен-Кантена постановил: 1. Члены городского совета соберутся вечером в ратуше и обменяются мнениями относительно того, как себя вести, если враг потребует сдачи города. 2. Архитектор города отдаст необходимые распоряжения для построения на подступах к городу различных палисадов, ограждений и заборов, чтобы затруднить проникновение в город пехоты, а срубленные и поваленные через дороги деревья должны были препятствовать продвижению кавалерии. 3. Необходимо немедленно снарядить конных разведчиков, которые бы докладывали в мэрию о передвижениях неприятеля. 4. Стоимость строительства палисадов и барьеров будет оплачена за счет добровольной подписки.

Во исполнение пункта № 3 данного решения в мэрию попросили явиться г-на Барбье (Barbier), бывшего лейтенанта 20-го полка конных егерей. Этому храброму воину было сообщено о принятом решении, и уже через час он обещал подготовить список роты разведчиков. Храбрецов в городе оказалось достаточно, и довольно быстро рота была набрана⁵. Но если у добровольцев-разведчиков еще нашлось мужество, то этого нельзя сказать о членах муниципального совета, которые собрались в 6 часов вечера в ратуше. Они единодушно решили, что если враг захочет войти в город, даже если это будет всего пять человек, ему не надо оказывать никакого сопротивления, но строить палисады и укреплять город, насколько это позволяет местность, все же согласи-

¹ См. также его работы по истории предреволюционных реформ в округе Эна или истории укреплений Сен-Кантена: *Dauteuille R. Les fortifications de Saint-Quentin des origines à leur destruction // Fédération des Sociétés d'Histoire et d'Archéologie de l'Aisne. Mémoires. T. XXIV. Chauny, 1979; Idem. Études des anciennes mesures du Vermandois et du département de l'Aisne avant la Révolution // Fédération des Sociétés d'Histoire et d'Archéologie de l'Aisne. Mémoires. T. XXV. Chauny, 1980.*

² *Dauteuille R. L'occupation russe et prussienne à Saint-Quentin en 1814 // Fédération des Sociétés d'Histoire et d'Archéologie de l'Aisne. Mémoires. T. XXXI, 1986. Chauny, 1986. P. 103.*

³ *Ibid.* P. 103.

⁴ *Dauteuille R. Op. cit. P. 104.*

⁵ *Ibid.*

лись. Это противоречивое решение не устроило мэра, который продемонстрировал свое несогласие, покинув заседание и сохранив за собой право принять меры и иного характера¹.

Ж. Жоли привлек на свою сторону начальника городской когорты местных национальных гвардейцев² Бонналя (Bonnal), и после продолжительной дискуссии было решено, что обстоятельства диктуют следующие меры: 1. Расставить у городских ворот заградительные барьеры, которые бы ночью полностью прерывали сообщение с городом, а днем пропускали только почтовые кареты и дилижансы. 2. Если противник все же появится, то командир поста, не пропуская противника в город, должен направить одного гренадера когорты с соответствующим сообщением мэру. 3. Допущение войск противника в город может быть только с разрешения мэра. 4. В случае если враг захочет силой захватить посты у ворот города, городская когорта окажет сопротивление.

13 февраля в три четверти часа пополудни командующий разведчиками Барбье прибыл в мэрию, чтобы сообщить о вражеских частях, приближавшихся к городу. В два часа эту новость подтвердили удары колокола с колокольни. Толпа, в которой насчитывалось около 200 ружей, бросилась к воротам города, где находился пост местных национальных гвардейцев Бонналя.

К городским воротам приблизилось несколько кавалеристов, один из которых, назвавшись полковником Эльсенвангером (Elsenvanger³) заявил, что они хотели бы овладеть городом. Мэр отвечал, что честь города пострадает, если город сдастся при первом же окрике и, что одна только грубая сила не сможет гарантировать порядка и спокойствия в городе. Полковник Эльсенвангер сказал, что так и доложит начальству и ретировался⁴.

Мэр, во-первых, озаботился, как бы довести информацию о попытке «захвата города» до сведения правительства, а, во-вторых, приказал Барбье продолжать наблюдение за дорогами. На следующий день (14 февраля) разведчики в два часа пополудни проверили дороги и доложили, что противник движется к Лаону по дороге из Креси-сюр-Сер (Crécy-sur-Serre). 15 февраля разведчики, наблюдавшие за дорогами из Сен-Кантена на Гюиз, на Ла Фер и на Рибмон, сообщили, что продвижения войск неприятеля не видно. 19 февраля разведчики возобновили контакт с коммунарами Ориньи-Сен-Бенуа (Origny-Sainte-Benoîte) и Рибмон.

22 февраля город был повергнут в смятение. В два часа дня зазвучал набат и был объявлен общий сбор: гвардейцы когорты и вооруженные горожане собрались на площади. Их сопровождала толпа женщин и детей, что придавало картине живописный беспорядок. Мэр просил восстановить порядок, а женщинам и детям не покидать своих жилищ. Под страхом тюремного заключения им запрещалось выходить на улицы при звуке набата. Пока наводили порядок, выяснилось, что тревога оказалась ложной⁵.

23 февраля мэру доложили, что отряд прусских улан в 30 сабель занял соседнюю коммуну Рибмон, но единственное, что смог сделать мэр, так это приказать продолжить патрулирование дорог в округе города. На следующий день две груженных пушками баржи застряли во льду реки неподалеку от города, и мэр приказал архитектору и инспектору по навигации предпринять незамедлительные меры, чтобы артиллерия не досталась врагу. Было решено, что большинство пушек будет сброшено под лед, а другая часть перегружена на повозки и спрятана в полях. 25 февраля двое разведчиков пробрались в Рибмон, где узнали, что один отряд улан еще 22 числа занял коммуны Гюиз. По-

¹ Ibid. P. 105.

² С начала 1814 г. Наполеон приступил к формированию в составе местной Национальной гвардии городских когорт, численностью по 1000 человек, которые должны были оборонять собственные города и предместья. А оплата их труда производилась из местного бюджета.

³ А. фон Эльсенвангер (Elsenvanger) – представитель старого прусского рода, переехавшего в Чехию, полковник на русской службе.

⁴ Dautuille R. Op. cit. P. 106.

⁵ Dautuille R. Op. cit. P. 107.

всюду рассылались требования о реквизициях. 26 февраля дошли тревожные слухи, что около 800 казаков захватили город Нуайон. Это и был как раз отряд Гейсмара.

Мэр Сен-Кантена решил послать разведчиков в Ам, чтобы получить хоть какие-то разъяснения от мэра этого города относительно обстановки. Вернувшись, разведчики доложили, что отряд казаков, пограбив несколько домов в Нуайоне, ушел дальше на Шони. 27 февраля стало известно о капитуляции Ла Фер, а на следующий день разведчики подтвердили: прусская кавалерия идет по дороге из Ла Фер к Сен-Кантену¹.

Медленно тянулись дни в ожидании появления врага, разведчики наблюдали за дорогами, народ из деревень искал спасения в городе, всюду мерещились шпионы. Новые беженцы рассказывают, что практически все деревни долины Уазы уже под контролем врага, расположившегося в Ла Фер². 3 марта вражеские патрули замечены совсем близко от города – в Юрвилле (Urvillers). Мэр сообщил командиру разведчиков, что их миссия из-за опасности столкновения с врагом должна быть завершена, поблагодарил за службу и за храбрость. Разведчики вернулись в свои роты национальной гвардии.

Пришедшая внезапно после морозов оттепель сделала дороги непроходимыми; и хотя враг находился в непосредственной близости, погода предоставила сен-кантенцам отсрочку. Между тем, ситуация в городе становилась все напряженней: сразу после известий о капитуляции Ла Фер закрылись многие мастерские, магазины сворачивали работу, а число бедняков в городе за счет притока из деревень выросло до опасной цифры. Возникла угроза голода: город был фактически блокирован и торговля приостановлена. 4 марта Ж. Жоли даже решил создать специальную комиссию из шести членов для обсуждения мер по обеспечению работой нуждающихся, чтобы остановить рост попрошайничества. Собравшаяся комиссия постановила: 1. Организовать общественные работы на бульваре. 2. Необходимый для оплаты этих работ фонд формировать по добровольной подписке. 3. Администрацию хосписа просят предоставлять ежемесячно в распоряжение комиссии до 140 декалитров пшеницы для оказания помощи нищим. Мэр попросил предпринимателя Шокара (Chocart), ведущего работы по благоустройству бульвара, призвать рабочих без промедления возобновить работы³.

5 марта в городе были арестованы шпионы. По мнению многих горожан, месье Риду (Ridou), брокер, тайно отправился в Ла-Фер, когда туда вошли пруссаки. Его сопровождали британцы Д. Браун и Д. Гамильтон. Там они, якобы, заявили о своем намерении завербоваться в «казаки»⁴. По каким-то причинам эта троица оказалась в Сен-Кантене, и мэр постановил, что Риду, Браун и Гамильтон должны быть арестованы и на следующий день отправлены под конвоем через Перонну в Амьен. Но беспокойно было даже в городской тюрьме, так, заключенные под стражу за долги некто Лакте, парикмахер Арран, кровельщик Бодемон говорили, что обратятся к командиру вражеского отряда, чтобы тот указал им дома для грабежа. Мэр, желая обезопасить имущество и жизни горожан, решил переправить и эту троицу в тюрьму Амьена⁵.

6 марта мэр через комиссара 3-го прусского корпуса Якоби (Jacobi) получил из Ла-Фер приказ прибыть в этот город под угрозой серьезных репрессий. Набравшись мужества, Ж. Жоли ответил на это предписание, что не видит никаких причин бросить возложенные на него обязанности и что он не подчиняется приказам иностранной армии⁶. Не желая всеобщей паники и нежелательных эксцессов, мэр приказал никому, кроме национальных гвардейцев, не появляться с огнестрельным оружием на улицах. Женщинам и детям

¹ Ibid.

² Ibid. P. 108.

³ *Dauteuille R.* Op. cit. P. 108.

⁴ Ibid. P. 109.

⁵ Ibid. P. 109–110.

⁶ Ibid. P. 109.

еще раз было запрещено покидать дома. Город фактически оказался на осадном положении.

9 марта в 11 часов утра набат и крики «К оружию!» нарушили тишину. У ворот города появился отряд казаков человек в 40 во главе с офицером. Городская когорта спешно собралась по приказу своего командира, к ней примкнули и другие вооруженные граждане. Глава когорты Бонналь, имея в виду данные ему распоряжения, лично вышел к городским воротам навстречу неприятелю. Офицер от имени барона Кастельмайера (Castelmayer) попросил о сдаче города. Получив отказ, он ретировался, пообещав доложить о результатах своей попытки начальству. Бонналь, со своей стороны, рапортовал мэру, а тот постановил: укрепить позиции, оставить национальных гвардейцев под ружьем, закрыть ворота и забаррикадировать их телегами, на стенах зажечь костры, чтобы было видно приближающегося неприятеля. Но мужества хватило не всем: супрефект покинул город.

Фошиль, описывая перемещения отряда Гейсмара, указывал, ссылаясь на Э. Флери, что отправившись из Нуайона 8 марта, тот уже 9 марта был перед Сен-Кантенем и предложил властям города капитуляцию, те отказались и в ночь с 9 на 10 марта казаки пытались сломать одни из городских ворот, но под огнем солдат Национальной гвардии отступили¹. У Вейля и у Дотёйля об этом нет даже намека.

Вейль, в отличие от Флери и Фошиля, указывал, что Гейсмар только 11 марта выдвинулся со всем своим отрядом к Сен-Кантену, где примерно 1 200 вооруженных горожан (из 12 тыс. жителей) забаррикадировали фабурги и, казалось, готовились дать отпор.

Если верить документам, обнаруженным Дотёйлем в муниципальном архиве Сен-Кантена, это 11 марта в три часа утра горожан разбудил набат, крики «К оружию!» и даже выстрелы. В мгновение ока, городская когорта национальной гвардии и ее добровольные вооруженные помощники собрались там, откуда исходила опасность. Предосторожности не были излишни, собравшиеся увидели отряд противника, пытавшегося выяснить состояние обороны города. Оружейный выстрел приостановил его продвижение. Относительное спокойствие сохранялось до 10 часов утра, когда набат возвестил об очередном появлении врага у стен города. Роты национальных гвардейцев собрались столь же быстро, как и ночью. Граждане выражали твердое желание защитить город.

Вскоре выяснилось, что прибыла колонна русской кавалерии, после чего состоялась встреча офицера-парламентария с мэром. Русский офицер предложил ему сдать город и дал на ответ 15 минут. Мэр взялся «размышлять» и тянуть время. Его намерением было защищать город и ответить на ультиматум вооруженным сопротивлением. Им уже были отданы соответствующие распоряжения, когда пришло известие, что, по меньшей мере, около 4 000 казаков, расположившихся в соседней деревушке Жуси, готовы в любой момент ворваться в город, если муниципалитет не примет ультиматум. В район Жуси отправлена конная разведка, которая подтвердила информацию о русских казаках². Эта информация поколебала решительность мэра. Картина разрушенного города, убитых женщин и детей, разграбленных казаками домов, заставили его изменить свое решение³.

У Вейля события этого дня описаны несколько иначе, со стороны не осажденных, а осаждающих. 11 марта Гейсмар выстроил свой отряд полукругом с южной стороны города, но держал его на таком расстоянии, чтобы их видели, но не могли сосчитать. Конфискованные в соседних деревнях телеги были загружены стволами деревьями, призванными изображать стволы пушек, и размещены в местах, где обычно ставят артиллерийские батареи. Несколько казаков послали

¹ Fauchille P. Op. cit. P. 298.

² Это был отряд Ланжерона.

³ Dauteuille R. Op. cit. P. 111.

изображать рытьё осадной траншеи. После этого горожанам вновь было предложено открыть ворота под угрозой бомбардировки¹.

Дотёйль сообщал, что поскольку мэр города хотел выдвинуть еще кое-какие условия капитуляции и добиться максимально возможных почетных условий сдачи, то на постоялом дворе «Мяч» начались переговоры Жоли и Бонналя с Гейсмаром, которые длились «нескольких часов». Вейль же указывал, ссылаясь на рапорт Гейсмара, что город капитулировал через полчаса².

В ходе переговоров были обсуждены условия капитуляции: Гейсмар брал на себя обязательство по обеспечению безопасности имущества и жизни горожан. Он обещал разместить людей на биваках на улицах и площадях города, а не на квартирах. Муниципалитет брал на себя заботы обеспечить реквизиции, для чего создана специальная комиссия из 12 человек. Счастливым полученным результатом и, не желая рисковать, Гейсмар согласился, чтобы 400 человек национальных гвардейцев города (все из бывших солдат) вышли с оружием и со всеми почестями. Жители города были разоружены, но Гейсмар никого не арестовывал, а, наоборот, как всегда, выпустил заключенных на свободу, он решил оккупировать город, получив удобное место под госпиталь, ремонт пушек и т. д.³ В три часа дня он вошел в Сен-Кантен. Отряд французов, посланный на усиление гарнизона Сен-Кантена, прибыл в окрестности города уже после его капитуляции и был вынужден развернуться и уйти на Ле Кателе⁴.

Взятие даже не Дуллена, а именно Сен-Кантена впишет имя Гейсмара в энциклопедии. Один из его первых биографов писал: Гейсмар с большим усердием принялся за выполнение задач, стоявших перед его партизанским отрядом, он, «вступая в стычки с изолированными отрядами противника или вооруженными крестьянами, освободил много военных заключенных, доставил армии около 2 000 возов провианта и занял город Сен-Кантен»⁵.

На следующий день 12 марта в город подтянулись войска из Жуси: батальон русской пехоты и казачий полк с 4 пушками под командованием генерала Ланжерона⁶. На следующий день отряд Ланжерона ушел, а люди Гейсмара остались, занятые поисками пушек, утопленных французами в канале, и им удалось добыть, по крайней мере, одну из них. Хотя отряд Гейсмара оставался здесь почти неделю, не было ни жалоб на разбои, ни стенаний на непомерность реквизиций (хотя они и были немалыми), ни даже на пьянство.

Утром 16 марта отряд (всего 770 человек⁷), покинул город, оставив там своего коменданта⁸. Теперь Гейсмар располагал конной пушкой с пятью канонирами, с помощью которой рассчитывал бороться с деревенскими баррикадами или городскими воротами и так же оказывать моральное давление на пытавшихся сопротивляться.

Мемуарист из Руа свидетельствует, что еще 14 марта вечером в их город прибыл кавалерийский пикет и предупредил о продвижении к городу 3 тыс. пруссаков, которых предстояло обеспечить всем необходимым, но вместо них 16 марта появился отряд «легкой кавалерии» в 800 человек с пушкой и двумя

¹ Weil M.-H. Op. cit. T. 3. P. 297.

² Dauteuille R. Op. cit. P. 111; Weil M.-H. Op. cit. T. 3. P. 297.

³ Weil M.-H. Op. cit. T. 3. P. 298.

⁴ Ibid. P. 298, note.

⁵ См.: [C.L.] Geismar // Encyclopédie des gens du monde: répertoire universel des sciences. T. 12. Paris, 1839. P. 241–242.

⁶ Э. Флери писал, что с «двадцатью орудиями». См.: Fleury E. Op. cit. P. 420–421.

⁷ Подсчеты командующего крепостью Компьена в его письме военному министру от 23 марта. См.: Fauchille P. Op. cit. P. 299.

⁸ 18 марта в Сен-Кантен прибыл русский полковник Угрюмов (Ougrimoff). Он был назначен комендантом крепости и заменил прусского полковника Стегмана (Stegman), назначенного бароном Ф. К. Гейсмаром. См.: Dauteuille R. Op. cit. P. 111.

лазаретными фургонами, движущийся из Сен-Каптена через Ам. Это были те же люди, что и 25 февраля во главе с Гейсмаром»¹.

Прибыв в Руа, Гейсмар отправил 12 человек в близлежащую в направлении Амьена коммуны Парвийе-ле-Кенуа (Parvillers)², чтобы разрушить имеющийся там телеграф: привезенные оттуда бумаги сожгли, а инструменты забрали с собой. «Эти 800 человек, хотя имели ордер на расквартирование, расположились ночью на бивуак на самой большой улице города, неподалеку от своих лошадей, всегда оседланных и взнузданных <...>. Несколько жителей было побито и обкрадено. Барон Гейсмар произвел реквизицию 200 000 ливров муки, 150 000 хлеба, 100 голов рогатого скота, 18 000 ливров сена, 5000 водки, 1 200 бутылок вина и соль»³. Кроме того, здесь так же распространяли прокламацию Людовика XVIII от 1 января 1814 г.

19 марта в половине седьмого утра Гейсмар заявил мэру Руа, что вернется на следующий день, чтобы проверить, как идут реквизиции, и выступил на Мондидье. Он так же намеревался занять, как писал мэр Руа в тот же день префекту Соммы, последовательно Бретейль (Breteuil) и Клермон (Clermont)⁴. Обходя Амьен с юга, через несколько часов отряд Гейсмара был уже в Мондидье, откуда рукой подать до Бретейль, находящейся западнее, или до Сен-Жюст-ан-Шоссе и Клермона – на юге. Ряды его пополнили, как выразился префект Жирарден (Girardin), «все плохие люди»⁵.

События 19 марта 1814 г. в Мондидье описаны местным краеведом, членом Общества антикваров Пикардии, сыном одного из их непосредственных участников, В. де Бовийе в многотомной «Истории Мондидье»⁶. Согласно ему, в тот день была суббота – базарный день и казаков никто не ждал. При их появлении, началась паника, несколько торговых лотков на площади было перевернуто беглецами, но никаких других «эксцессов» не отмечено. К тому же даже городскую казну как-то успели вывезти в Бовэ (Beauvais)⁷.

Отряд, первым прибывший в Мондидье утром 19 марта, был лишь отрядом разведчиков, передовым отрядом, который вскоре покинул город и отправился далее в Сен-Жюст (Saint-Just), чтобы захватить парижскую почту. Поскольку находясь в Сен-Жюсте, людям Гейсмара было бы трудно поддерживать коммуникацию с Бюловым (все-таки бывало, что «голубые блузы», устраивали засады, перехватывали курьеров и конвои), основная часть отряда осталась в Мондидье.

Сен-Жюст была коммуна «слишком нищая, чтобы в ней можно было чем-то поживиться»⁸, но это компенсировалось перехваченным курьером из Лилля с 40 тыс. франков. Так же в результате перехвата почты обнаружилось, что некий житель Кулемеля (Coullemelle) по фамилии Пурсель (Pourcelle), писал в Париж, чтобы оттуда прислали оружие, и жители коммуны могли оказать сопротивление неприятелю. Тогда отряд казаков отправился в Кулемель с намерением поджечь городок, но ограничился грабежом домов мэра и самого Пурселя, а их обоих посадили под стражу в Мондидье.

После легкой субботней паники, вызванной появлением в Мондидье передового отряда казаков, как писал В. Бувийе, на следующий день (20 марта), около семи часов утра, семь-восемь сотен казаков, гусаров и прусской артил-

¹ Grégoire d'Essigny L.-A.-J. Op. cit. P. 169. По данным Фошиля, это произошло 18 марта, а 16 марта отряд Гейсмара занял сначала Нуайон.

² Коммуна кантона Розьер (Rosières) округа Мондидье.

³ Grégoire d'Essigny L.-A.-J. Op. cit. P. 169.

⁴ Fauchille P. Op. cit. P. 300.

⁵ Ibid.

⁶ Beauvillé V. Histoire de Montdidier. Paris, 1857. 3 v. Рец. см.: Douët D'arcq L. Bibliothèque de l'école des chartes. 1859. T. 20. № 20. P. 182–194.

⁷ Beauvillé V. Op. cit. T. 1. P. 431.

⁸ Ibid.

лерии во главе с самим Гейсмаром вошли в город¹. Как писал Э. Кайет д'Эрвиллье: «Только было поверили, что избавились от их присутствия, как на следующее утро...»². Казаки разместились на постоялом дворе «Голубой крест» (Croix-Bleue), куда им и было доставлено все необходимое.

Гейсмар наложил на город контрибуции на общую сумму в 130 тыс. франков. Во все близлежащие коммуны и кантоны были разосланы приказы о реквизициях. Только в Ла Фер он отправил 400 (!) телег с провиантом и фуражем. Приказы о реквизициях развозили подручные Фрушара и троих из них, как докладывал префект Уазы министру внутренних дел от 22 марта, французские власти арестовали и отправили в тюрьму в Бовэ (Beauvais)³. Овладев городом, Гейсмар разместил посты за его пределами и перекрыл все коммуникации.

Кюре попросил разрешения у Гейсмара в связи с воскресеньем провести торжественную службу, на что было дано согласие только при условии, что это будет обычная месса. Во второй половине дня из Нуайона по старой дороге, ведущей через Пьен-Онвильер (Piennes), прибыла рота прусских гусар. Казаки расположились в верхней (от церкви Гроба Господня) части города, а пруссаки – в нижней части⁴.

Здесь мемуарист позволил себе несколько наблюдений и зарисовок, которые потом будут растиражированы историками без указания первоисточника. Казаки, свидетельствует Бовийе, разбили биваки прямо на улицах, неподалеку от своих оседланных и взнузданных лошадей, которые покрыли городские мостовые слоем навоза. Пищу готовили на открытом воздухе, поэтому жители боялись, как бы ни случился пожар. «Казаки были вооружены саблями и длинными пиками; их лица были необыкновенно уродливы, а одежды наполовину варварскими. Их лошади, взнузданные веревками, были низкорослыми, плохо сложенными, но неутомимыми. Казаки галопом доскакивали до вершины горы Камарад Бюкюе (Camarade Buquet), которая в те времена была достаточно крутой. Они скакали почти всегда напрямую через поля, пересекая живые изгороди и каналы; они въезжали в деревню не по центральной улице, а через огороды позади домов, что было большим сюрпризом для местных жителей – обнаружить вдруг у себя на заднем дворе или в саду казака»⁵.

Ни военные, ни гражданская администрация Наполеона не могли не реагировать на действия отряда Гейсмара и его попутчиков. Чтобы очистить регион от «банд мародеров» префект Соммы Ф.-С. Латур-дю-Пен Гувэрне (Latour-du-Pin Gouvenet) объявил 21 марта массовую мобилизацию мужчин от 16 до 60 лет. Но энтузиазм давно угас, а принудительными средствами манкировали. Например, в 5-м кантоне Амьена, как это следует из данных муниципального архива, обнаруженных Галонном, вообще никто не явился в указанный пункт сбора. Усилия мэра⁶ воодушевить национальных гвардей-

¹ «Их командир, барон Гейсмар, был высок и рыжеволос, с хорошими манерами и прекрасным французским языком. Из газет 1844 г, мы узнали, что некий барон де Гейсмар был по приказу императора сослан в Сибирь как причастный к некоторым дворцовым интригам. Мы смеем утверждать, что это был тот же человек, что и в Мондидье в 1814 году». См.: *Beauvillé V.* Op. cit. P. 431. Этот отрывок перепечатан у Дельгова. См.: *Delgove E.- E.* Histoire de la ville de Doullens. Amiens, 1865. P. 224. Но здесь Бовийе ошибался: «С 1842 по 1848, т. е. до самой своей смерти он почти безвыездно прожил в своей деревне, занимаясь преимущественно устройством имения и ведением образцового хозяйства». См.: *Гейсмар В.* Указ. соч. С. 756.

² *Caillette de Hervilliers E.* Le major Otenin et Compiègne en 1814: étude d'histoire militaire d'après des documents entièrement inédits. Beauvais, Compiègne, Paris, 1866. P. 61.

³ *Fauchille P.* Op. cit. P. 301.

⁴ *Beauvillé V.* Op. cit. T. 1. P. 432.

⁵ *Ibid.* P. 433. Последнее предложение практически дословно см. также: *Galonne A. de.* Op. cit. P. 74.

⁶ Мэром Амьена был на тот момент Ж. Розе (Adrien Marie Jean-Baptiste Joseph Rose, baron Morgan de Belloy).

цев так же оказались неудачными: только двое изъявили готовность идти воевать с казаками¹.

Находясь в Мондидье, Гейсмар контролировал важную дорогу Амьен-Париж. Поэтому генералу Ж.Ф. Ависсу (Avisse²), командующему войсками в департаменте Уазы, было предписано любыми имеющимися средствами вернуть Мондидье. Генерал Ависс не слишком превосходил энергией и инициативностью своего коллегу из департамента Соммы генерала д'Эгремона: герцог Фельтрский 21–25 марта гнал эстафету за эстафетой, интересуясь, что там делает Ависс в Бовэ. Наконец, получив инструкции из Парижа, Ависс решил-таки скомбинировать свое движение с движением войск, посланных из Амьена д'Эгремоном и с частями из Компьена, которыми там командовал майор Отенен (Othenin)³. Отенен получил приказ «подкрепить к Кювийи (Cuvilly)» отряд Ависса, направлявшийся в Мондидье. Речь шла, о том, чтобы прикрыть колонну Ависса от возможной атаки с фланга.

Списавшись с Отененом и д'Эгремоном, Ависс договорился, что их войска должны будут согласованно напасть на казаков, разбивших лагерь в Мондидье. По плану эти два отряда должны были одновременно прибыть в указанный пункт и зажать казаков между двух огней: один отряд должен был наступать с Севера из Амьена, другой с Юга из Бовэ. В исполнение этого плана Ависс в 3 часа утра 24 марта вышел из Бовэ во главе 200 пехотинцев, 40 кирасир и городской стражи. В 10 часов утра он был уже в Сен-Жюст, где обнаружил разведчиков противника, засомневался и отступил, желая сначала соединиться с «подкреплениями», вышедшими рано утром из Амьена. Эти подкрепления представляли собой знаменитый легион Мерлена, а именно, иронизирует Фошиль: 150 стрелков и толпу, вооруженных чем попало, крестьян, которых в спешке собрали по дороге⁴.

А. Мерлен (Merlin или Merlin de Thionville) личность сама по себе весьма колоритная⁵. 26 февраля, в день, когда Гейсмар взял Шони и выдвинулся к Синсени, д'Эгремон, узнав, что союзные войска приближаются к Перонне, поручил возглавить оборону города прежнему члену Конвента полковнику Мерлену. Многие бонапартисты восприняли это назначение весьма скептически, подозревая Мерлена в роялистских настроениях. Военный министр герцог Фельтрский 12 марта потребовал от д'Эгремона сменить коменданта Перонны⁶. И вот теперь д'Эгремон не нашел ничего лучшего как поставить во главе отряда человека, которого неделю назад уволили с поста коменданта.

¹ Galonne A. de. Op. cit. P. 74. Галлон ссылается на А. Уссе, который в свое время вздыхал: как далеки были настроения жителей Амьена в 1814 г. от настроений 1791 г., когда город был осажден австрийцами! Идея Отечества больше не воодушевляла уставший к концу империи от войны и жертв народ. См.: Houssaye H. 1814... P. 15. Сам мэр Амьена признавался в частном письме, что «если Бог не остановит чумы разрушительной войны, народ ожидает крайняя нищета». См.: Galonne A. de. Op. cit. P. 75. То же сообщал и Дельгов: «энтузиазм населения исчез вместе с престижем имперской славы». См.: Delgove E.-E. Op. cit. P. 224–225.

² Жак Филипп Ависс (1759–1835) – барон (1809), бригадный генерал (1811), дивизионный генерал (1813). С 19.01.1814 – комендант департамента Уазы.

³ Подробнее см.: Caillette de Hervilliers E. Le major Otenin et Compiègne en 1814: étude d'histoire militaire d'après des documents entièrement inédits. Beauvais, Compiègne, Paris, 1866.

⁴ Fauchille P. Op. cit. P. 303. Фошиль перечислил здесь не весь отряд, движущийся из Амьена, а только тех, кто находился под непосредственным командованием Мерлена.

⁵ Антуан Мерлен (Merlin) (1762–1833). В годы Революции был избран в Законодательное собрание, где получил прозвище Мерлен из Тионвиля (Thionville), чтобы отличать его от Мерлена из Дуэ. В 1814 г. Занялся созданием «легиона» добровольцев для борьбы с иностранным вторжением.

⁶ Когда вопрос об его отставке был уже решен, Мерлен напишет военному министру письмо, начинающееся со слов: «Спешу сообщить Вашему Превосходительству, что город Перонна имеет только 6 000 франков на строительство разводных мостов, ворот и заграждений». Мерлен фактически попытается провести в этом послании мысль, что если бы правительство не скупилось на формирование его легиона, то никакой Гейсмар не посмел бы 11 марта занять Сен-Кантен! Но все же Мерлен вернется в Амьен, где будет и дальше заниматься формированием легиона из добровольцев.

Но амьенский отряд, спешащий соединиться с отрядом из Бовэ и ударить по Гейсмару, состоял не только из одних «легионеров» Мерлена и крестьян. 24 марта из города во главе с майором 5-го уланского полка вышла колонна из трех сотен человек, состоящая из улан, пехотинцев молодой гвардии, а также волонтеров Мерлена. Коммуны, расположенные по дороге из Амьена в Мондидье, били в набат, призывая принять участие в этом движении, и около полутора тысяч крестьян присоединились к отряду добровольцев Мерлена из Тионвиля.

После короткой остановки в Морей (Moreuil¹), что примерно по середине между Амьеном и Мондидье, амьенский отряд пошел дальше и в 16.45 прибыл под Мондидье, где был замечен конными часовыми противника. Как только отряд приблизился на пол-лиги к городу, Гейсмар, предупрежденный дозорными, приказал сразу же выступить навстречу французам. Завязалась достаточно оживленная перестрелка, но непривычные к стрельбе крестьяне явно уступали. К тому же Гейсмар пустил в дело свой козырь – пушечная пальба не только (и не столько) наносила урон, сколько деморализовала крестьян, которые после первых залпов обратились в бегство. Как писал Мерлен д'Эгрмону: «После первого же выстрела пушки моя колонна, несмотря на все усилия офицеров, была рассеяна. При этом ни один крестьянин не был ни убит, ни ранен, ни взят в плен»². Оставшись в меньшинстве, французские солдаты и волонтеры, пытались защищаться, но, так и не дождавшись из Бовэ подкреплений, стали организованно отступать³.

Казачи, желая развить свое преимущество, попытались пересечь Авр (Avre), но им помешала баррикада на мосту в Пьерпонт-сюр-Авр (Pierrepont). Затем они пытались переправиться через реку в районе мельницы Кантрель (Cantrel), что рядом с бывшим монастырем Св. Рикье (Saint-Riquier), но так же безуспешно и были вынуждены повернуть назад. Обе стороны понесли потери по несколько человек убитыми и ранеными. Амьенский отряд вернулся в Морей (Moreuil) в 7 часов вечера. В 8 часов майор, который командовал отрядом, не имея никаких новостей из Бовэ, отступил на исходные позиции в Амьен, куда он и прибыл в 11 часов ночи.

Куда же пропал отряд из Бовэ? Кирасиры, вышедшие из Бовэ под командованием генерала Ависса, по пути увеличили свои силы двенадцатью или пятнадцатью сотнями, чем попало вооруженных, крестьян из Сен-Жюста, де Бретейля и других деревень. Но, ошибочно полагая, что казаки значительно их превосходят, они замедлили продвижение к Мондидье и остановились в Феррьер (Ferrières), что на дороге от Сен-Жюст-ан-Шоссе к Мондидье. Бовийе даже был склонен считать, что это «измена сорвала выполнение плана»⁴. Отряд из Бовэ появился у стен Мондидье, когда отряд из Амьена уже был опрокинут и отступил. Казаки, предвидя прибытие отряда из Бовэ, прекратили преследование отряда из Амьена и с северных окраин Мондидье, передислоцировались на юг. Сначала казачьи разведчики пытались обстрелять продвигавшуюся из Бовэ колонну в районе деревни Руаяокур (Rouaiaucourt), затем в районе деревни Моншель (Monchel) (Айенкур). Не принесли видимых результатов и несколько выстрелов из пушки по французам с другого берега Авра.

Между тем, в Мондидье, оставленном казаками, один очень пылкий патриот, ободренный отсутствием неприятеля и приближением помощи из Бовэ принялся бить в колокол. Услышав набат, казаки решили, что горожане могут попытаться закрыть им путь к отступлению и поспешили вернуться в Мондидье через парижские ворота. Им удалось проскочить в город и запереть воро-

¹ Морей – главный город кантона, департамент Сомма, округ Мондидье, 21 км к юго-востоку от Амьена, на берегу реки Авр.

² Fauchille P. Op. cit. P. 304.

³ «Пробило три часа, когда они появились под стенами Мондидье, но! Генерал Ависс манкировал встречей». См.: Galonne A. de. Op. cit. P. 75.

⁴ Beauvillé V. Op. cit. T. 1. P. 434. Галонн же считал, что Ависс опоздал «по недоразумению». См.: Galonne A. de. Op. cit. P. 76.

та перед отрядом генерала Ависса, даже захватив в плен одного кирасира-разведчика, слишком далеко вырвавшегося вперед.

Казаки, собравшись на центральной площади города, поставили пушку, заряженную картечью, вдоль улицы, дулом к Парижским воротом, возле которых собралась толпа горожан, желающих поглазеть на бой. Два раза пушка давала осечку, что спасло любопытных горожан, которые успели разбежаться. Но оборонять взбудораженный набатом город против отряда Ависса Гейсмар не стал, казаки к семи вечера покинули Мондидье, ускакав в сторону Руа. Перед этим они пытались поджечь предместья, да и сам город, но огонь был быстро потушен. Уже на пути из Мондидье, возле леса, кто-то обстрелял казаков из засады.

Таким образом, весьма раздосадованный Гейсмар 24 марта вечером вернулся из Мондидье обратно в Руа. За его четырехдневное отсутствие здесь произошло мало событий. 20-го под вечер прискакали 20 пруссаков, которые интересовались у мэра связью с Нуайоном, 21-го жители города с напряжением вслушивались в пушечные выстрелы со стороны Мондидье и насчитали до 8 выстрелов, 24 марта отправили в Мондидье разведчика, который сообщил, что, выезжая из города, он слышал оживленную канонаду в направлении Амьена. Вслед за вернувшимся разведчиком в город вошел и отряд казаков¹. Мемуарист из Руа добавляет: «Казаки привезли и похоронили в Руа одного из своих»², а Бовийе добавляет еще штрих: «Казаки хоронили своих мертвых, после того, как, по их обычаю, обтирали им губы медом»³.

Колонна из Бовэ вошла в Мондидье в семь вечера под крики и оружейные выстрелы⁴. «Невозможно описать энтузиазм жителей Мондидье», – писал Ависс в своем рапорте⁵. Но радость жителей Мондидье была короткой, на утро генерал принял весьма спорное решение: он оставил Мондидье и ушел назад на Бовэ. На следующий день в восемь утра крестьянские отряды были расформированы и вместе с кирасирами покинули Мондидье, забрав с собой лошадей и крупный рогатый скот, который реквизировали казаки. «Мы шли только охотиться на казаков: они ушли и мы возвращаемся», – говорили жителям Мондидье «союзники», пришедшие из Бовэ⁶. Город остался без защиты, еще более уязвимый и напуганный, чем раньше, имея в виду, что противник, наверняка застал обиду и хотел мести. Тот же Бовийе признавал, что, в сущности, казаки не сделали жителям Мондидье ничего плохого⁷, теперь же вмешательство бовэзцев, патриотический набат, погибшие казаки, – все сулило горожанам большие беды. Поначалу, писал Бовийе, жителей Мондидье вроде бы все устраивало: «Наши новые хозяева были более неудобны, чем опасны, разве что приходилось поставлять им большое количество еды и фуража, а так других причин жаловаться не было. Офицеры не любили шутить и за малейшее нарушение дисциплины били своих солдат по голой спине веревкой»⁸. Теперь же, после демарша генерала Ависса, все изменилось.

Ависса за то, что оставил Мондидье без защиты, ругали и д'Эгрмон, и военный министр. На своем живописном языке народ весьма сурово отзывался о генерале Ависсе и, изменив написание его фамилии, стал звать его не иначе как генерал Avache (Корова). Действительно, поведение этого офицера мало-

¹ Grégoire d'Essigny L.-A.-J. Op. cit. P. 170.

² Ibid. P. 172.

³ Beauvillé V. Op. cit. P. 433.

⁴ Ibid. P. 435.

⁵ Fauchille P. Op. cit. P. 304. Кайет де Лервилье всю историю «освобождения» Мондидье «комбинированными» усилиями генералов д'Эгрмона и Ависса изящно изложил одной фразой: «То, что они исполнили». Он же упоминает о вечерних празднованиях в городе по случаю победы. См.: Caillette de Hervilliers E. Le major Otenin et Compiègne en 1814: étude d'histoire militaire d'après des documents entièrement inédits. Beauvais, Compiègne, Paris, 1866. P. 61.

⁶ Beauvillé V. Op. cit. P. 436. Кайет д' Эрвилье приписывает эти слова самому генералу Ависсу. См.: Caillette de Hervilliers E. Op. cit. P. 61.

⁷ Beauvillé V. Op. cit. P. 430.

⁸ Ibid. P. 431

понятно. Именно ему принадлежит план нападения, предложенный генералу д'Эгремону, именно он уверял амьенцев, что обязательно будет под стенами Мондидье 24 марта после полудня. Но тогда, обманутый ложными донесениями, он остановился и совместная атака сорвалась; теперь же он оставил город столь поспешно, что это больше походило на побег¹. Историки потом станут писать об этом решении генерала Ависса в лучшем случае, как о «труднообъяснимом»². Бовийе также вскользь упоминал о набате утром 25 марта, о тщетной попытке еще до отхода отряда Ависса поднять народ и идти на Руа³.

Между тем Гейсмар, оставаясь в Руа, проводил на местности рекогносцировку, жестко подавляя всякие попытки сопротивления со стороны местного населения. Уже на следующий день после стычки под Мондидье и враждебного поведения жителей города, зазвонивших в набат, произошел инцидент в одной из близлежащих деревень. Жители деревни Бушуар (Bouchoir), что на дороге из Руа в Амьен, как заметил В. Бувийе, «были настолько глупы, что арестовали несколько казаков, а один из арестованных умер от плохого с ним обращения». Казаки осадили Бушуар, убили несколько человек, других жестоко выпороли, и отступили, поджегши деревню. 57 домов были превращены в пепел, ущерб составил минимум 213 тыс. франков. Гейсмар опубликовал в Руа прокламацию о том, что Бушуар должен служить примером для тех, кто хочет применить насилие к его отряду, и, что в этом случае город будет сожжен⁴.

Через два дня (точнее, двое с половиной суток), 27 марта он выступил из Руа⁵. Вейль указывал, что «Гейсмар, остававшийся с утра 25 марта в Руа, пришел в движение. Новости которые он получил из Бельгии и результаты рекогносцировки, которые он провел на местности привели его к решению выдвинуться из Руа на Мондидье, который французские войска снова оставили». Вейль также сообщает, ссылаясь на походный журнал Гейсмара, что в этом движении казакам удалось напасть на арьергард французской кавалерии и пленить несколько человек⁶. Французские источники умалчивают и о нахождении 27 марта в Мондидье вообще каких-либо французских войск, и о плененных кавалеристах, но зато сообщают о больших (и оправданных) опасениях местных жителей.

В Мондидье ситуация была критическая: противник жаждал мести, а городу было нечем защищаться. Времени же терять было нельзя ни минуты: урок Бушуара необходимо было принять во внимание. Мондидье могла ожидать та же судьба. В ночь с 25 на 26 марта господы Дюпюи (Dupuy или du Puy) – Президент кантонального парламента, Лефевр – пастор церкви Сен-Пьер, и прокурор Бовийе (отец автора «Истории Мондидье») отправились в Руа искать Гейсмара. Он принял эту неофициальную депутацию граждан очень холодно и ответил, что город будет сожжен (brûlée)⁷.

Как только парламентарии вернулись с этой новостью, началась паника, большинство жителей укрылись в близлежащих деревнях, все дома были за-

¹ Ibid.

² «Генерал Ависс ушел тем же вечером, оставив город беззащитным перед мстительным врагом, который вернулся 27 марта еще более неистовым». См.: *Galonne A. de*. Op. cit. P. 76.

³ *Beauvillé V.* Op. cit. P. 432.

⁴ Ibid. P. 435. Грегуар д'Эссени уточнял: «Подожжен с *четырёх* концов». См.: *Grégoire d'Essigny L.-A.-J.* Op. cit. P. 172.

⁵ В дальнейшем Руа был оккупирован пруссаками, которые оставались здесь до мая 1814 г. См.: *Grégoire d'Essigny L.-A.-J.* Op. cit. P. 172.

⁶ *Weil M.-H.* Op. cit. T. 4. Paris, 1895. P. 89.

⁷ *Beauvillé V.* Op. cit. P. 436. Кайет д'Эрвилье уточняет это «варварское решение»: «Гейсмар объявил жителем Мондидье, что их город превратится в пепел и дал 24 часа, чтобы его покинуть». В интерпретации этого историка, который приводит по сравнению с Бовийе, некоторые новые детали, только после этого городские нотабли собрались поехать 26 марта на поклон к Гейсмару в Руа, а тот им ответил: «Я не хочу ничего слышать. Мондидье бил в набат, там убили моих кавалеристов, Мондидье будет сожжен». Дюпюи не менее трех раз пытался добиться аудиенции у Гейсмара, пока тот не приказал его расстрелять, если он еще будет ему надоедать и немедленно не ретируется. См.: *Caillette de Hervilliers E.* Op. cit. P. 61–62.

крыты, двери забаррикадированы. 27 марта – в католическую Страстную пятницу, казаки, видя, что никаких войск со стороны Мондидье нет, пошли на город; они хотели его разграбить и предать огню¹. Чтобы выполнить этот план (Гейсмар же дал жителя 24 часа, чтобы покинуть город) они взяли в Руа и тащили с собой смолу, смолу и другие горючие материалы. Если судить о событиях исключительно по Галонну, то картина будет весьма драматичной: противник вернулся 27 марта еще более «неистовым»: Гейсмар разрешил грабежи², но другие источники рисуют несколько иную картину.

В той печальной ситуации, в какую попали жители Мондидье, в роли спасителя города выступили уже упоминаемый выше местный парламентарий Дюпюи, купец Гульяр (Goulliart), член муниципалитета Баже (Bajet) и прокурор Бовийе. Они предприняли еще одну попытку договориться, вышли на дорогу в Руа, по которой двигался отряд Гейсмара, и убедили его вместе с ними первым вступить в город.

Кайет д'Эрвилье нюансирует эту историю, детали которой он лично слышал от племянницы ее главного героя. Как только Гейсмар вступил в Мондидье, к нему подошел человек с маленьким мальчиком: это были Жан Дюпюи и его сын Теофил. «На этот раз, полковник, позвольте мне обратиться к вашему сердцу, – заговорил Дюпюи. Если вы хотите преподать урок то возьмите меня, возьмите моего сына, возьмите мой дом, но это самый прекрасный из городов, пожалейте моих сограждан!» «Отведите меня к вам», – внезапно ответил Гейсмар. В тишине, вручив свою судьбу Богу, Дюпюи направился к своему дому, который он, может быть, видел в последний раз, прежде чем тот будет сожжен, а сам он с сыном падут под пулями врага. Когда достигли дома Дюпюи, Гейсмар обернулся к нему и сказал: «Вы храбрый человек! Мондидье должен вам свою благодарность. Рассматривайте меня отныне как вашего друга!»³ Город был спасен. Чтобы увековечить память об этом героическом поступке Дюпюи городской совет Мондидье единодушно 21 июня 1862 г. принял решение переименовать одну из главных улиц в улицу «Жана дю Пюи»⁴.

Благодаря действиям своих почетных граждан Мондидье был спасен от огня, но не от грабежа: Гейсмар все же отдал город на час на разграбление своим солдатам, но, к стыду французов, некоторые горожане воспользовались всеобщим хаосом, врываясь и грабя дома, и украли у своих сограждан больше, чем враги⁵. Казаки были в ярости относительно мэра, ошибочно обвиняя его в организации набата тремя днями ранее при стычке с бовэзцами, и едва не убили его. Только оказанное Гейсмару в доме Дюпюи щедрое гостеприимство расположило полковника в пользу французов, и способствовало предотвращению беспорядков⁶.

Казаки недолго оставались в Мондидье. Барон Галонн писал, что «на следующий день»⁷, а более точный Вейль, что 29 марта они оставили Мондидье⁸ и направились на юго-восток в Кювийи (Cuvilly), перекрывая тем самым дорогу из

¹ Угроза предать город огню была довольно распространена. Этим не пренебрегали и сами французы: командующий департаментом Жемапп в начале 1814 г. Ж.-Б.-А.-М. Марбо сам признавался, что угрожал городскому совету бельгийского Монса поджечь готовый к антифранцузскому восстанию город, а тех, кто попытается тушить, расстреливать.

² Galonne A. de. Op. cit. P. 76.

³ Caillette de Hervilliers E. Op. cit. P. 62.

⁴ Ibid.

⁵ Beauvillé V. Op. cit. P. 436. Что касается «грабежей», то надо иметь в виду солдатский менталитет, менталитет военного времени. Два часа на разграбление оказавшего сопротивление Роанна (Roanne) требовали у своих командиров, например, и австрийцы.

⁶ Уже 9 апреля белый флаг был поднят над ратушей Мондидье, совершен торжественный молебен, а национальные гвардейцы и толпа с энтузиазмом кричали «Да здравствует король!» См.: Beauvillé V. Op. cit. P. 436.

⁷ Galonne A. de. Op. cit. P. 76.

⁸ Бовийе писал, что «вскоре после Пасхи, казаки вновь появились в Мондидье и оставались здесь три дня; затем здесь разместился прусский гарнизон, который вытеснил Гейсмара с его отрядом». См.: Beauvillé V. Op. cit. P. 436.

Руа и Мондидье на Пон-Сен-Мексанс (Ponte-Sainte-Maxence) и Компьен (Compiègne). Они, как показалось Бовийе, планировали присоединиться к направляющимся на Париж союзникам в Компьене¹.

Еще накануне вступления в Париж Александр I писал Блюхеру о том, как важно для союзников обеспечить линию связи между Голландией и центральными районами Франции для чего необходимо овладеть, в том числе и Компьеном². О том же писалось 29 марта и в послании герцогу Саксен-Веймарскому: надо предоставить Бюлову подкрепления, чтобы он взял Компьен³.

Гейсмар в полном соответствии с этими желаниями русского императора отправился на Компьен⁴ и прибыл под его стены тем же днем 29 марта. Получив сведения о том, что французы ожидают прибытия подкрепления из 2 тыс. поляков, Гейсмар принял решение атаковать на следующий день. Позаботившись, чтобы скрыть направление движения своего отряда, он двигался только через поля; но, несмотря на все проворство, бдительность гарнизона Компьена под командованием майора Отенена (Otenin) обмануть не удалось⁵. Когда отряд Гейсмара дебушировал на плато Марни (Margny), его движение было замечено, забили в набат и гарнизон взялся за оружие.

Кайет д'Эрвилье в этой связи рассказал несколько другую историю. Еще 28 марта Гейсмар попытался переправиться через Уазу ниже Компьена по течению реки. Информированный своими шпионами, что в 2 км на северо-запад от Компьена, напротив деревни Венет (Venette) в местечке называемом местными жителями Муален-де-Кокюрель (Moilin-de-Coquerel) находилась удобная переправа через Уазу, Гейсмар направил сюда своих кавалеристов⁶. Движение отряда Гейсмара было открыто благодаря бдительности Л. Фиксона (Fixon)⁷, гусара 5-го полка, находившегося в деревне Венет в отпуске после болезни, который обнаружил казаков и поспешил доложить об этом Отенену⁸. В итоге, когда уланы Гейсмара в три часа по полудни спустились в реку, чтобы преить ее вброд, внезапно с другого берега раздался ружейный залп, посеявший среди кавалеристов панику, и уланы отступили⁹.

29 марта Гейсмар, поскольку внезапный удар уже стал невозможен, решил провести рекогносцировку и направил два небольших отряда к деревням Венет (Venette) и Марни (Margny), где было обнаружено несколько вооруженных крестьян, за что деревни были подожжены. Так эти события изложены

¹ *Beauvillé V.* Op. cit. P. 436; *Weil M.-H.* Op. cit. T. 4. Paris, 1895. P. 237.

² Население города тогда превышало 7 тыс. чел. Оборона города 28 января была поручена опытному военному, ветерану, неоднократно раненому (в том числе и под Москвой) и уже мечтавшему о спокойной пенсии, майору Отенену. Наполеон 9 февраля 1814 г. приказал усилить гарнизон Компьена гвардейским батальоном вольтижеров в 645 чел. с двумя пушками, а из города вывезти «серебро и вообще все, что может быть трофеями». Гарнизон в 1 200 человек располагал так же 4 пушками и двумя кулевринами XVII века.

³ *Fauchille P.* Op. cit. P. 308.

⁴ Фрушара с ним уже не было: Ночью 3 апреля в 259 км от Парижа на севере Франции в городке Стеенворд (Steenvoorde) появилась банда в 100 человек во главе с самозванным Людовиком XVII, который заявил, что он «генерал конскритов», а его штаб-квартира в Касселе, где он должен соединиться с казаками. Жителям было объявлено, что бояться им нечего, мэрия была обыскана, городские барабаны реквизированы и утром отряд отбыл в направлении Касселя. См.: *Fauchille P.* Op. cit. P. 309.

⁵ Сопротивлению Компьена под руководством героически павшего Оттенена, посвящено отдельное исследование. См.: *Caillette de L'Hervilliers E.* Le major Otenin et Compiègne en 1814: étude d'histoire militaire d'après des documents entièrement inédits. Beauvais, Compiègne, Paris, 1866.

⁶ *Caillette de L'Hervilliers E.* Op. cit. P. 63–64.

⁷ Будущий участник битвы при Ватерлоо.

⁸ *Caillette de L'Hervilliers E.* Op. cit. P. 65.

⁹ Возможно, речь должна идти об авангарде отряда Гейсмара, который мог выйти из Мондидье 28 марта (как и указывал Галлон), в то время как основная часть отряда вышла 29 марта (как указывал Вейль). Соответственно под Компьен авангард прибыл 28 марта (как указывал Кайет д'Эрвилье), а сам Гейсмар – 29 марта (как указывал Вейль).

Вейлем на основании донесений майора Отенена от 29 марта военному министру: «Кавалеристы Гейсмара сожгли 60 домов в Венет и поубивали ее жителей»¹.

Кайет д'Эрвиллье, чьи подробности, касающиеся отряда Гейсмара, остались незамеченными Вейлем и Фошилем, опять вносит некоторые детали. Деревня Венет расположена в 80 км севернее Парижа, на берегу Уазы, на 40-метровой возвышенности. Сама по себе Венет – место довольно известное, здесь жили кельты, римляне, останавливались французские короли. Хроники говорят о находящемся здесь некогда дворце Меровингов. По дороге на Бовэ здесь расположен замок, именуемый местными жителями «Голубой Дом», построенный во времена Генриха III. В 1814 г. замок принадлежал семейству генерала артиллерии барона Ж.-Н. Серу (Seroux²).

Когда 29 марта отряд Гейсмара направился на Компьен через Венет, управляющий замка Серу принял, казалось, все меры предосторожности, чтобы избежать разграбления и замка, и деревни. Но, несмотря на мудрые советы мэра вести себя тихо, 70 жителей (все население деревни не превышало 900 человек) во главе с гусаром Фиксоном взяли за оружие и отправились на дорогу к роше Корбольё (Corbeaulieu), в поисках врага. (Эти события отложились в семейных воспоминаниях и письмах Серу). На свою голову селянам удалось обнаружить противника, но уланы быстро рассеяли крестьян, которые попрятались в виноградниках, окружавших деревню Морни.

Как следствие: «Враг не мог ничего поделать против города, но, озлобленный атакой из Венет, он, желая отомстить, взял путь на эту деревню»³. Поэтому мадам Серу пришлось, схватив двоих сыновей и дочку, вместе с другими женщинами и детьми спрятаться в соседнем лесу⁴. Память местных жителей, как уверял Кайет д'Эрвиллье, еще долго хранила образ кровожадных уланы, которые «хладнокровно убивали стариков, женщин, детей, больных, всех тех, кто не смог убежать. Убийство за убийством. После того как разграбили дома и замок, деревню подожгли с четырех концов»⁵. Здесь гнев историка направлен не на казаков, а на пруссаков, которые «обрушились на фермы, рассеянные между Венет и Марни, чтобы продолжить свой разрушительный труд». Даже в Марни в этот день сожгли 8 домов⁶.

Майор Оттенен решил разогнать «этих каннибалов, недостойных имени солдат» и приказал выдвинуться из Компьена своим жандармам. Прусские уланы, не вступая в схватку, отступили. Уцелевшие жители поспешили под защиту крепостных стен Компьена. Викарий церкви Сен-Жак в Компьене аббат Крепен (Crépin) вместе с несколькими добровольцами направился в Венет. «Ужасная картина предстала их взорам: во всю длину улиц валялись полуобгоревшие трупы <...>. Удалось освободить семью из 14 человек, которую уланы заперли в погребке. <...> В церкви обнаружили еще 12 трупов»⁷. Но почему-то пруссаки не разрушили и не предали огню замок Серу. 29 марта погибло 34 жителя Венет, а общий ущерб, как подсчитал через 50 лет новый мэр коммуны, составил 32 8200 франков⁸. Убытки эти правительство Наполеона III мэру не компенсировало. А вот в 1814 г. Людовик XVIII разрешил жителям Венет брать в Компьенском лесу все, что им необходимо для восстановления своих жилищ. Так деревня Венет была наказана за сопротивление и за убийство людей Гейсмара. Гусару Фиксону удалось спастись.

¹ Weil M.-H. Op. cit. T. 4. Paris, 1895. P. 238, note. Гейсмар объяснял такое свое решение вооруженным сопротивлением крестьян этой деревни.

² Жан Никола Серу или Серу де Фэ (1742–1822) – барон, дивизионный генерал (1806). С августа 1812 г. командовал артиллерией гарнизона Магдебурга, где и находился в момент описываемых событий. Людовик XVIII сделает его почетным генерал-лейтенантом и кавалером ордена Святого Людовика.

³ Caillette de L'Hervilliers E. Op. cit. P. 66.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 67.

⁷ Ibid. P. 68.

⁸ Ibid. P. 69.

Проведя рекогносцировку, Гейсмар убедился, что без пехоты и артиллерии штурмовать Компьен невозможно. Тогда он, запросив поддержку у Бюлова, вернулся на свой бивуак к Кювийи. Бюлов направил войска к Компьену в ночь с 30 на 31 марта и Гейсмар 31 марта вновь подошел к Компьену. Но майор Отенен принял во внимание рекогносцировку Гейсмара 29 марта и, ожидая серьезной атаки, поставил часть своих войск перед мостом, на правом берегу Уазы, контролируя дороги на Венет, Кювийи и Нуайон. Ему тотчас же сигнализировали о приближении Гейсмара. Однако отряд Гейсмара ограничился обстрелом аванпостов французских войск: поддержка еще не прибыла, выступившая из Суассона 6-я бригада прусской пехоты под командованием фон Крафта (Krafft) еще не прошла Кюиз-Ламот¹.

Между тем, под вечер к Компьену подоспел, выдвинувшийся из Нуайона, полковник фон Сидов (Sydow) с несколькими эскадронами гусар и артиллерийскими орудиями. Гейсмар и Сидов решили подождать колонну Крафта и разбили на ночь бивуаки².

1 апреля кавалеристы Гейсмара дефилировали на высоты Марни и поставили батарею из шести пушек. Левый фланг Гейсмара опирался на прибывших накануне из Нуайона гусар, расположившихся перед Клэруа (Clairoix) с еще пятью пушками. К 8 часам утра появилась колонна Крафта, которая поставила еще две батареи из 12 и 18 пушек. Таким образом, всего у осаждающих было 41 орудие, но все они были малого калибра и поэтому располагать их приходилось как можно ближе к городу на берегу реки³.

Крафт атаковал Компьен через ворота Ульм и Пьерфонд, в то время как отряд Гейсмара, усиленный батальоном прусских егерей возобновил свои атаки на город с левого берега Уазы. Начался артиллерийский обстрел и оружейная перестрелка. Гейсмар не добился больших успехов, а Крафт на левом берегу Уазы силами двух батальонов полка Кольберга опрокинул аванпосты противника и подошел на километр к городу. Идущая с ними русская батарея заняла позиции, начала обстрел и пробила брешь в укреплениях. Контратака гарнизона была остановлена прусскими егерями. До 3-х часов дня, несмотря на мощную артиллерийскую поддержку, пруссаки не могли добиться решительного перелома.

Затем Крафт велел начать общий штурм. Две роты стрелков и отряд фузилеров разобрали заградительные укрепления и приблизились к замку, но большего добиться не удалось. Не имела успеха и атака другой прусской колонны: дойдя практически до ворот города, она вынуждена была под огнем защитников отступить в фабург. На правом берегу пруссаки при поддержке отряда Гейсмара пытались захватить мост и ворваться в город, но также были остановлены огнем защитников⁴.

В итоге до конца дня Компьен взять так и не сумели. Крафт отвел свои войска к Ламот, Гейсмар отошел к Кювийи. 2 апреля осаждающие опять предложили компьенцам, потерявшим своего храброго командира майора Отена⁵,

---

¹ Э. Флери писал, что 31 марта Компьен, не знавший о событиях в Париже и упорно отклонявший предложения о капитуляции, был атакован войсками, подошедшими из Мондидье, Нуайона и войсками Бюлова. См.: *Fleury É. Le département de l'Aisne en 1814. Laon, 1858. P. 509.* Но собственно атака начнется все же на следующий день.

² *Weil M.-H. Op. cit. T. 4. Paris, 1895. P. 244.*

³ *Caillette de L'Hervilliers E. Op. cit. P. 71.*

⁴ *Weil M.-H. Op. cit. T. 4. Paris, 1895. P. 245.*

⁵ Мэр Компьена Ланкри (Lancry), бывший королевский мушкетер, с почтением относился к законному монарху, супрефект Далма (Dalmas) оставил город 3 марта, а его помощник Робинет (Robinet) – 30 марта, уведя при этом с собой 60 конных жандармов. Так что после того, как 2 апреля майор Отенен был убит, город лишился своего главного защитника, и члены муниципалитета уже думали только о почетной сдаче: люди устали от героизма, хотели мира и боялись, что их постигнет судьба жителей деревни Венет. Во времена Наполеона III одну из улиц города назовут именем Отенена. См. также: *Palat B.-E. Compiègne en 1814 d'après des documents inédits. Compiègne, 1901; Reig V. A la chute de l'Empire: Compiègne en 1814 // Annales historiques compiegnoises. Etudes picardes modernes et contemporaines. 2006. № 101–102. P. 5–14.*

капитуляцию, но они, не поверившие в падение французской столицы, отказались¹. Только, когда 3 апреля прибыл русский парламентар с сообщением о капитуляции Парижа, город сдался. На этом рейд отряда Гейсмара собственно и закончился. 2 апреля 1814 г., после ряда совместных маневров отряд Гейсмара был подчинен корпусу фон Бюлова². После заключения Парижского мира 30 мая 1814 г. Гейсмар был назначен командиром Чугуевского уланского полка, с которым в 1815 г. вернулся в Россию³.

Можно, вслед за Наполеоном и его генералами выражать сколько угодно презрения относительно дисциплины казачьих частей и «бесчестных» методов ведения русскими войны, но участие казаков в окончательной победе коалиции не следует недооценивать. Пожалуй, никакая другая армия той эпохи не имела столь многочисленной и эффективной легкой кавалерии. «Летучие отряды» (наподобие гейсмаровского) несомненно, внесли свой вклад в победу⁴.

Вообще говоря, рейд полковника Гейсмара за Рейном был действительно, как тогда выражались, «дерзновенный»⁵. Как писала о Гейсмаре еще при его жизни одна энциклопедия, «он с большим рвением взялся за решение этой задачи, проникнув на территорию Франции и не тревожась, что оставил у себя за спиной врагов, он бился с изолированными частями и вооруженными крестьянами, освободил много военнопленных, поставил в армию более 2 000 повозок с провиантом и взял город Сен-Кантен»⁶.

Значение рейда летучего отряда Гейсмара в кампании 1814 г. отмечали и некоторые историки, акцентируя, впрочем, не столько личные заслуги Гейсмара, сколько объективное положение вещей и недостатки наполеоновской администрации. Бовийе, в частности, писал, что дезорганизация, которая царила в стране, была такой, что этой горстки казаков было достаточно, чтобы в течение месяца держать департамент в напряжении. Они проезжали деревни, маленькие городки, приводили в расстройство общественные службы и требовали таких реквизиций, каких даже при доброй воле не всегда возможно было обеспечить⁷. И, по-

¹ Новости о капитуляции Парижа запаздывали. Например, в Амьене 1 апреля очень волновались: почтовый дилижанс из Парижа в обычное время не прибыл, а прибывшие поздно вечером газеты сообщали лишь о новых боях. Ни 2, ни 3 апреля не было ни одного курьера! Почта со свежими новостями из столицы пришла лишь 4 апреля.

² Фошиль, описывая дальнейшую судьбу Фрушара, упомянул, что 25 апреля он появился в Париже, якобы, «в сопровождении своего товарища по борьбе Гейсмара». Покинул же Фрушар Париж 7 июня и вернулся в родную коммуну. Во времена «Ста дней» будет издан приказ об его аресте, генерал Вандамм, чей дом разграбили солдаты из отряда Гейсмара, направил за Фрушаром 40 жандармов, но тому удалось ускользнуть. В дальнейшем он получит от Людовика XVIII ренту в 1 800 франков и должность. См.: *Fauchille P.* Op. cit. P. 313.

³ *Гейсмар В.* Указ. соч. С. 730.

⁴ В биографии Гейсмара, составленной его сыном, военный путь полковника по территории Франции до Сен-Кантена описан пунктиром, но акцентируется именно вклад в победу: «Беспрестанно двигаясь все далее и далее вглубь Франции, последовательно занял с боя города: Больбольи, Манкаселли, Сенполь, Цитадель, Дулана, Роа, Ноион, Монтидье, крепость Сенкантен и, наконец, С. Жермен <...> Гейсмар лихими кавалерийскими наездами страшно обессилил французские войска, и не дал вновь образуемым отрядам вполне сформироваться. Уничтожая в тылу отступавшей армии телеграфы, мосты, ловя неприятельских курьеров и проч., он всевозможными средствами старался задержать противника на каждом шагу и таким образом дал союзникам полнее довершить Лейпцигский погром великой армии». См.: *Гейсмар В.* Указ. соч. С. 730 (цитируется, сохраняя орфографию и пунктуацию). В схожих интонациях описывал успех своего летучего отряда А.И. Чернышев: «Страх, распространенный быстротою этих движений, доставил нам полный успех: предписанная правительством французским конскрипция не была собрана; народная стража разбежалась по домам своим, и самые обыватели, были успокоены порядком и дружелюбным поведением войск наших и утрачены их успехами, не осмелились прибегнуть к оружию, к которому Французское правительство не переставало призывать их». См.: Военные действия отряда генерал-адъютанта Чернышева в 1812, 1813 и 1814 годах. СПб., 1839. С. 93–94.

⁵ *Гейсмар В.* Указ. соч. С. 730.

⁶ *Encyclopédie des gens du monde: répertoire universel.* Paris, 1838. T. 12. Part. 1. P. 242.

⁷ *Beauvillé V.* Op. cit. P. 435.

жалуй, только специально занимавшийся изучением действий легкой кавалерии в 1814 г. Вейль не поскупился на комплименты в адрес барона. Как считал Вейль, за исключением неудачи в Касселе, рейд Гейсмара, благодаря быстроте переходов, отваге и энергии, можно считать образцовым¹. Повсюду, где проходил отряд, Гейсмар производил реквизиции от имени Бюлова и каждый раз, как появлялась возможность, отправлял реквизированное в 3-й корпус. Как писал Вейль, один этот отряд доставлял в Силезскую армию продовольствия и фуража больше, чем все армейские функционеры с их приказами и ордерами. И вообще корпус Бюлова многим обязан уму и энергии кавалеристов Гейсмара².

Помимо чисто военных задач Гейсмар пытался решать некоторые политические вопросы, выпуская по указанию герцога Саксен-Веймарского пробурбоновские прокламации. Но на этом поприще его действия были осуждены русским императором. Содержание этих прокламаций через начальника штаба 3-го корпуса герцога Саксен-Веймарского барона Л. Вольцогена (*Wolzogen*³) было доведено до сведения князя П.М. Волконского, начальника главного штаба Александра I, обязанностью которого было, в частности, доведение до сведения генералов «Высочайших повелений»⁴, а через него и до русского императора. Со стороны последнего последовало довольно строгое порицание. Волконский писал 5 марта герцогу Саксен-Веймарскому, что Александр I «очень недоволен поведением полковника Гейсмара», который издает прокламации и вступил в связи с «авантюристом Фришаром» (написание его фамилии варьировалось). Со слов начальника штаба, Александр I полагал, что не дело офицера заниматься политическими делами и настаивал на прекращении издания и распространения всяких прокламаций⁵.

---

¹ *Weil M.-H.* Op. cit. Т. 4. Р. 452.

² *Ibid.* Т. 3. Р. 300. О значении продовольственной проблемы для союзных войск и недостатках работы «армейских функционеров» писали многие авторы, в частности А.И. Михайловский-Данилевский: «Союзные армии не имели за собой ни магазинов, ни надежных переправ через Рейн. <...> Нам надлежало бороться не с одними неприятельскими войсками, но и нуждами, преимущественно же с недостатком продовольствия, в котором встречали тем больше затруднения, что распоряжения на этот счет начальств, принадлежащих различным Державам, нередко противоречили одни другим». См.: *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание похода во Францию в 1814 году. СПб., 1839. Ч. 1. С. 14–15.

³ Людвиг Юстус Филипп Адольф Вильгельм фон Вольцоген (1773–1845), саксонец, с 1807 г. – на русской службе, с 1813 – генерал-майор. Оставил мемуары, в которых, в частности, освещает некоторые малоизвестные эпизоды кампании 1814 г. на территории Бельгии и Голландии. См.: *Wolzogen L. von.* Memoiren des Königlich Preussischen Generals der Infanterie. Leipzig, 1851; *Idem.* Mémoires d'un général d'infanterie au service de la Prusse et de la Russie (1792–1836). Paris, 2002.

⁴ О нем см.: Биографический очерк генерала-фельдмаршала светлейшего князя П.М. Волконского (1776–1852 гг.). СПб., 1914.

⁵ *Weil M.-H.* Op. cit. Т. 4. Р. 454. См. также: *Fauchille P.* Op. cit. Р. 223.

НАПОЛЕОН И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В 1813 г. «КОНКОРДАТ ФОНТЕНБЛО» ПО МЕМУАРАМ КАРДИНАЛА Б. ПАККА

18 декабря 1812 г. Наполеон бесславно вернулся в Париж из русского похода, потеряв в снегах России почти всю свою огромную армию. Его положение казалось катастрофическим. Следовало опасаться внутренних волнений во Франции, среди народа, измученного бесконечными войнами и жестоким экономическим кризисом. Массовым недовольством могли воспользоваться его враги – роялисты, либералы, республиканцы, которые начали подавать признаки жизни после долгих лет абсолютного молчания. Нельзя было исключить и возможность объединения всех этих разношерстных групп в единый оппозиционный блок, пример чему уже был подан в ходе заговора генерала Мале.

Еще более грозная опасность надвигалась извне. Русские войска готовились перейти границы Германии. Наполеон не питал иллюзий по поводу царивших там настроений и ясно сознавал, что все его германские вассалы при первом удобном случае тут же превратятся в неприятелей. Двусмысленное поведение Пруссии и Австрии уже в последние недели русской кампании служило тому лишним доказательством.

Но император вовсе не считал игру проигранной и с исключительной энергией взялся за организацию новой армии, как всегда полагая, что судьба Франции и Европы будет решаться на полях сражений. До предела перегруженный военными и дипломатическими проблемами он, однако, нашел время обратиться к вопросу, на первый взгляд, мало актуальному в тех условиях: церковным делам. Едва вернувшись из России, Наполеон приступил к подготовке нового Конкордата, а в январе 1813 г. завязал прямые переговоры с римским папой Пием VII, содержащимся в качестве пленника в замке Фонтенбло.

Отношения Бонапарта со Святым престолом постоянно ухудшались на протяжении всего периода, последовавшего за заключением Конкордата 1801 г. В начале скрытое, а затем и открытое противостояние началось с принятием консульским правительством 18 апреля 1802 г. в одностороннем порядке т. н. «Органических статей» (*Articles organiques*)¹. Формально не являясь дополнением к Конкордату, они конкретизировали его положения, определяя порядок управления французской церковью. По сути дела, речь шла о возвращении к ненавистным Риму принципам «галликанизма», т. е. автономной от Ватикана и подчиненной светскому государству французской церкви. Но, разумеется, галликанизм Наполеона, впитавший принципы 1789 г., шел гораздо дальше галликанизма Людовика XIV, с которым Святому престолу, скрепя сердце, все же пришлось примириться².

Ватикан не без оснований опасался потерять всякое влияние на церковную жизнь Франции. Поэтому он приложил немало усилий, чтобы склонить Бонапарта к отказу от «Органических статей». Надеясь тронуть его сердце лестью, папа Пий VII, несмотря на возмущившую всю Европу расправу с герцогом Энгиенским и вопреки мнению большинства кардиналов, согласился отправиться в Париж, чтобы короновать Наполеона императорской короной. Дело, как известно, закончилось конфузом: новый Карл Великий не пожелал принять корону из рук римского первосвященника, а возложил ее на себя собственноручно, без околичностей объявив, что является Божьим избранником. Что касается отмены «Органических статей», то об этом не было и речи.

¹ Concordat et Articles organiques. URL: <http://www.roi-president.com> (дата обращения: 1.09.2013).

² *Melchior-Bonnet B. Napoleon et le Pape. Paris, 1958. P. 17.*

Вскоре выяснилось, что галликанизм новоиспеченного императора еще далеко не самое страшное. Его планы угрожали светской власти и самой свободе папы. Уже во время пребывания Пия VII на коронации в Париже Наполеон предложил ему обсудить возможность... перебраться в столицу империи. Император обещал соорудить ему роскошную резиденцию на острове Ситэ рядом с Нотр-Дамом, который ничем не хуже Собора Святого Петра и вполне может служить главным храмом католического мира. Этот проект казался фантастическим, но с таким человеком как Наполеон фантастика очень быстро превращалась в реальность¹. В воздухе запахло «авиньонским пленом». Разумеется, папа вежливо отклонил столь экзотическое предложение и поспешил удалиться из Парижа. Занятый подготовкой к войне с очередной коалицией Наполеон в тот момент не настаивал на своем.

Однако по мере роста его могущества с каждой новой победой нажим на римского понтифика усиливался. В 1805 г. французский император основательно уменьшил папские владения в Италии, отобрав земли, которые не входили непосредственно в т. н. «наследство Святого Петра»². На следующий год Наполеон в ультимативной форме потребовал, чтобы Рим примкнул к континентальной блокаде, прозрачно намекнув, что Вечный город в свое время был дарован папе императором³, и император же за непослушание может забрать этот дар назад. Тогда же последовало требование об удалении с поста государственного секретаря Ватикана кардинала Эрколе Консальви, личного друга папы и самого влиятельного человека в курии, которого Наполеон считал своим заклятым врагом⁴.

Надо сказать, Пий VII оказался крепким орешком. Убедившись, что ждать уступок от императора не приходится, а аппетиты его постоянно растут, он отважился вступить в борьбу с тем, перед кем трепетали все монархи Европы. Правда, возможности папы в начале XIX столетия были уже не те, что прежде, но они были еще достаточны, чтобы причинить Наполеону множество неприятностей. Прежде всего, это касалось столь больной для него темы как семейно-династические дела. Пий VII изрядно отравил ему жизнь, сначала отказавшись одобрить развод его брата Жерома с американкой Элизабет Патерсон, а затем и развод самого Наполеона с императрицей Жозефиной. В первом случае упрямство римского понтифика осложнило осуществление «вестфальского проекта» императора, во втором же вообще поставило под вопрос продолжение прямой линии династии Бонапартов⁵.

В международных делах папское правительство продолжало упорно держиваться нейтралитета. На место отставленного Консальви назначались не менее враждебные Наполеону кардиналы – сперва Джулио Габриэлли, а позже Бартоломео Пакка.

Политика Пия VII все более раздражала Наполеона и, достигнув после Тильзита апогея могущества, он решился прибегнуть к крайним мерам. 2 февраля 1808 г. по его приказу французские войска оккупировали Рим. 17 мая 1809 г. папа был лишен светской власти, церковное государство уничтожено, и Вечный город стал частью Французской империи.

---

¹ Кардинал Б. Пакка утверждал, что лично держал в руках путеводитель по Парижу, изданный около этого времени для иностранных путешественников, где дворец парижского архиепископа обозначался «прежний дворец архиепископа, а ныне дворец папы». См.: *Bellaguet L.-F. Memoires du cardinal Pacca sur la captivité du pape Pie VII et le concordat de 1813.* 3 v. Paris, 1833. Т. 3. Р. 14.

² Т. е. в Церковную область.

³ Имелся в виду скорее Карл Великий, чем Константин.

⁴ *Consalvi E. Memoires du cardinal Consalvi, secretaire d Etat du pape Pie VII.* Paris, 1864. Р. 268.

⁵ Жена-простолюдинка мешала Жерому Бонапарту взойти на престол создаваемого для него Королевства Вестфалия, а новый брак, как известно, понадобился Наполеону, поскольку у Жозефины больше не могло быть детей.

Папа ответил отлучением от церкви «грабителей наследства Святого Петра и всех, кто им содействовал». Хотя имя Наполеона прямо не упоминалось в папской булле «*Quum memoranda*», всем и так было ясно, о ком в первую очередь идет речь. В моральном плане позиция Пия VII являлась безупречной, что и позволяло ему действовать столь смело. Церковь принципиально осуждала недостаточно мотивированные разводы (бесплодие, как в случае с Жозефиной, не считалось достаточным основанием для расторжения брака), во внешней политике римскому первосвященнику как нельзя лучше подходила роль миротворца, а назначения в папской курии являлись сугубо внутренним делом. Наполеон, конечно, мог поставить на своем, но общественное мнение Европы, да и самой Франции было всецело на стороне его жертвы.

И хотя в то время оно было вынуждено безмолвствовать под гнетом железной диктатуры Бонапарта, запершийся в Квиринальском дворце Пий VII казался слишком опасной политической фигурой, чтобы позволить ему оставаться в Риме. Поэтому 5 июля 1809 г., в первый день битвы при Ваграме последовало новое насилие: под конвоем французских солдат папа был выдворен из своей резиденции и вывезен из Рима. После нескольких переездов с места на место его поместили, наконец, в городке Савона, близ Генуи, давно аннексированном французами и теперь выбранном Наполеоном для его места жительства.

Там он прожил с 1809 г. до 1812 г., фактически находясь под строжайшим домашним арестом. Лишенный свободы передвижения он не имел права поддерживать сношения с высшими иерархами церкви, переписываться с ними, издавать любые буллы и бреве, обращаться к пастве, вообще проявлять какую-либо активность. Судьба особо ненавистных Наполеону кардиналов оказалась еще суровее. Кардинал Пакка угодил в крепость Фенестрель, пользовавшуюся дурной славой государственную тюрьму. Кардинала Консальви содержали под стражей в Реймсе. Многих других разослали по различным городам Франции и Италии. Таким образом, папская курия была полностью разгромлена.

В течение всего периода «савонского плена» Наполеон продолжал давить на папу, добиваясь от него в особенности признания «Органических статей» и отказа от светской власти. Но пленник императора держался твердо. В конце концов, Наполеон решил действовать через его голову и опереться на авторитет собора. Этот собор, известный как «Национальный собор» состоялся в Париже летом 1811 г. В нем участвовали 104 прелата (в том числе 6 кардиналов), из которых 12 были т. н. «*поттё*», то есть были назначены императором, но не получили канонического посвящения от римского первосвященника.

Идея собора выглядела очень перспективной, и вначале все складывалось довольно удачно. Посланная в Савону депутация из трех наиболее преданных императору прелатов сумела поколебать решимость Пия VII и вырвать у него обещание, что, в случае одобрения собором, он согласится с новыми правилами назначения епископов. Предполагалось дополнить Конкордат новой главой, гласившей: «Епископов назначает император, а каноническое посвящение им дает папа; если в течение 6 месяцев он не утверждает названного императором кандидата, епископа утверждает митрополит, в митрополию которого входит соответствующая епархия»¹. Пий VII согласился также утвердить в их сане уже имевшихся в наличии «*поттё*», от чего он прежде упорно отказывался.

Тем не менее, Наполеон был не совсем доволен итогами переговоров в Савоне. Прежде всего, его раздражал способ, с помощью которого его посланцы добились уступок папы. Они «представили ему плачевное положение церкви во Французской империи и Итальянском королевстве»². Положение, действительно было плачевным: несколько десятков епископских кафедр формально пустовали из-за отсутствия канонического посвящения у «*поттё*», церкви грозил раскол, да он уже и произошел, если судить по появлению «черных» и

¹ *Consalvi E. Op. cit. P. 357.*

² *Ibid. P. 338.*

«красных» кардиналов¹. Но, кто был виновником такого положения с точки зрения верующих? Разумеется, император со своими диктаторскими замашками. Позиции же папы, идущего на жертвы ради сохранения единства церкви, только укреплялись. Пий VII, по-прежнему, категорически отказывался одобрить развод и второй брак Наполеона, смириться с ликвидацией папского государства и переехать во Францию. Одним словом, он был далек от безоговорочной капитуляции.

Но гораздо большее разочарование ждало Наполеона после открытия «Национального собора». Вроде бы лояльно настроенные, его участники повели себя более чем двусмысленно, демонстрируя исключительную хитрость и изворотливость, всегда свойственные высшему католическому духовенству. Недаром из этой среды вышел пресловутый Талейран. Даже председательствовавший на соборе дядя императора, архиепископ Лионский и примас Галлии кардинал Жозеф Феш гнул свою линию, весьма далекую от того, что желал Наполеон.

Делегаты собора прибегли к тактике, хорошо апробированной еще при Старом порядке французскими парламентами. Они выражали готовность подчиниться прямо высказанной воле монарха, но не желали брать инициативу на себя. Тем самым они снимали с себя всякую ответственность за последствия. Такое поведение доказывает, что большинство высшего духовенства не одобряло церковную политику Наполеона, считая, что ее грубость и прямолинейность не доведут до добра.

Собор погряз в бесконечных дискуссиях. В самом начале кардинал Феш поставил на обсуждение вопрос об утверждении четырех статей декларации о галликанизме 1682 г., вызвав долгие споры и трения между французскими и итальянскими епископами. Попутно участники собора высказали пожелание, чтобы было получено новое и письменное согласие понтифика, ибо правительство внесло на их рассмотрение «усиленный» вариант дополнительной статьи к Конкордату. В ней к вышеприведенному тексту добавлялось «...в случае отказа митрополита утвердить назначенного епископа, апелляционный суд объявляет кафедру вакантной, ее духовные семинарии закрываются, учащиеся посылаются для продолжения образования в соседние епархии, а кюре назначаются префектами»². Таким образом, вмешательство государства в дела церкви просматривалось еще более отчетливо.

Даже когда папское брже с согласием было получено, архиепископ Лионский уклонился от того, чтобы лично зачитать решение собора, перепоручив это дело архиепископу Руанскому кардиналу Этьену-Юберу де Камбасересу (брату архиканцлера). В своей речи тот не преминул подчеркнуть, что собор утверждает реформу, повинуюсь воле императора. Это вызвало гнев Наполеона, желавшего, чтобы, по крайней мере, внешне инициатива реформы исходила от собора. Ему давно надоели бесплодная говорильня и уловки прелатов, и он распорядился закрыть собор, удовлетворившись тем, что удалось получить.

На время Наполеон «забыл» о папе и занялся другими делами. Однако буквально накануне русского похода он вдруг вспомнил о «савонском узнике». В первых числах июня 1812 г. генерал-губернатор заальпийских департаментов Империи и зять Наполеона князь Камилло Боргезе получил письмо из Дрездена, датированное 21 мая. «Вся моя армия на Висле, – писал император. – Война еще не началась. Но поскольку я только что узнал, что английские корабли появились перед Савоной, я считаю необходимым обеспечить безопасность папы. Поручите префекту и командующему жандармерией отправить его с его людьми

---

¹ Наполеон наказал кардиналов, которые уклонились от присутствия на церемонии его бракосочетания с эрцгерцогиней Марией-Луизой Австрийской, запретом носить их обычное красное облачение, приказав им одеваться только в черное. Кроме того, многие из них подверглись ссылке.

² *Consalvi E. Op. cit. P. 358.*

в двух хороших экипажах»¹. Из дальнейшего содержания письма выяснялось, что папу надлежало доставить в Фонтенбло. Более всего Наполеона заботило сохранение тайны этого перемещения. «Примите меры, чтобы они проехали через Турин ночью и, сделав остановку только в Мон-Сени, также ночью миновали Шамбери и Гренобль. На папе не должно быть его облачения, а лишь платье священника, и нигде, кроме Мон-Сени, он не должен быть узнан. Я желаю, чтобы все сохранялось в строжайшем секрете»².

Перевозка Пия VII осуществлялась как настоящая военная операция. Министр полиции герцог Ровиго мобилизовал жандармов по обеим сторонам Альп, почти на сутки полностью закрыв перевал Мон-Сени. Предварительно его окрестности были зачищены от всех случайных лиц. Местным жителям было приказано оставаться в своих домах и не открывать ни окон, ни дверей. В ночь с 9 на 10 июня 1812 г. две замаскированные кареты с обернутыми тряпками, чтобы не создавать лишнего шума, колесами выехали из Савоны³.

В пути, однако, произошло крайне неприятное происшествие: папа тяжело заболел. У него случился острый приступ мочекаменной болезни, и по прибытии в обитель Мон-Сени, расположенную близ перевала, выяснилось, что он не может продолжать дальнейший путь. Положение больного было настолько серьезным, что Пий VII даже попросил совершить над ним обряд соборования (*extrême-onction*), как над умирающим. Клерикальные историки посвятили множество страниц душераздирающим подробностям этого эпизода, обличая варварство Наполеона и его клеветов, которые отказывали «умирающему» в должной медицинской помощи и требовали, чтобы он немедленно ехал дальше. Нашелся и скромный герой, благочестивый и самоотверженный доктор Бальтазар Клараз (*Claraz*), простой сельский хирург из деревушки Ланлебур, своими заботами и искусством «спасший жизнь папе»⁴.

Не ставя под сомнение серьезность болезни Пия VII, рискнем все же предположить, что он несколько драматизировал ситуацию. Предсмертное причащение и соборование были явно лишними, если учесть, что через три дня отдыха и лечения в Мон-Сени он смог продолжить путешествие и благополучно прибыл в Фонтенбло 20 июня 1812 г. Да и в дальнейшем его заболевание не слишком сильно сказывалось на его здоровье и работоспособности. Будучи на 27 лет старше Наполеона он пережил своего гонителя. Сцена в Мон-Сени больше похожа на демонстрацию протеста против произвола императора.

Сходную демонстрацию римский понтифик предпринял и в Фонтенбло. Условия его содержания там были, конечно, стеснительными, но не настолько, чтобы ему запрещалось выходить на прогулку из его апартаментов. А между тем, все полтора года жизни в Фонтенбло Пий VII добровольно просидел в четырех стенах⁵.

Но его монотонная жизнь была нарушена в канун наступающего 1813 г. Совершенно неожиданно папа получил через одного из камергеров чрезвычайно любезное поздравление от императора по случаю Рождества и Нового года. Наполеон делал вид, как будто между ними ничего не произошло. А 19 января 1813 г. он в сопровождении императрицы Марии-Луизы лично явился в папскую резиденцию для переговоров⁶.

Примирение со Святым престолом было для императора жизненно важным как с точки зрения внутренней, так и внешней политики. Из всей внутренней оппозиции самыми опасными ему казались роялисты. На протяжении всего правления Наполеона преследовал призрак Вандеи. Но Вандея была возможна только под эгидой духовенства, в условиях церковного раскола, как это происходило в 1793–

¹ Comment Pie VII faillit mourir au Mont-Cenis. URL: <http://www.latraceclaraz.org> (дата обращения: 1.09.2013).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ *Bellaguet L.-F.* Op. cit. Т. 3. P. 81.

⁶ Ibid. P. 86.

1799 г. Теперь наблюдались те же грозные признаки, и следовало во что бы то ни стало предотвратить неблагоприятное развитие событий.

В области внешней политики вопросом жизни и смерти для Наполеона была позиция Австрии. Любым путем ее следовало удержать от присоединения к антифранцузской коалиции. Нейтралитет Австрии оставлял шансы на победу в военной кампании 1813 г. Как истый корсиканец Наполеон свято верил в нерушимость родственных уз, но в глубине души чувствовал, что его тесть, император Франц в свое время претерпел от него столько бед, что теперь испытывает сильное искушение отплатить. Угнетение католической церкви и насилие над ее главой могли стать удобным поводом для австрийцев вступить в войну на стороне врагов Наполеона. В более широком плане, военно-политическая ситуация в Европе к началу 1813 г. сложилась таким образом, что противниками Французской империи являлись главным образом иноверцы – православная Россия, протестантские Англия и Швеция, к которым собиралась примкнуть протестантская же Пруссия. Католические же страны еще сохраняли союзнические отношения с Францией. И, хотя эпоха религиозных войн отошла в прошлое, лозунг религиозной солидарности можно было попытаться использовать. Для этого тоже следовало нормализовать отношения с папой.

Наполеон считал себя великим дипломатом. Неудачу прежних переговоров он объяснял бездарностью своих эмиссаров и был уверен, что, если он сам возьмется, «дело пойдет». Однако, как и в большинстве случаев, вся его дипломатия сводилась к диктату. Вроде бы, после катастрофы 1812 г. нужно было быть сговорчивей и предложить папе что-то посущественнее, чем обольстительные улыбки и ничего не значащие любезности. Тем не менее, император намеревался заключить новый Конкордат на своих прежних условиях, то есть требовал все, ничего не обещая взамен. Он был настолько неделикатен, что привез в Фонтенбло свою вторую супругу и предложил Пию VII принять участие в коронации своего сына, «Римского короля», которая намечалась на 20 марта 1813 года, вторую годовщину его рождения.

В качестве кого явилась в Фонтенбло Мария-Луиза и, что она должна была чувствовать перед лицом римского понтифика, который не признавал ее брак и считал ее не императрицей, а наложницей Наполеона? Что должен был чувствовать Пий VII, когда его пригласили возложить корону, название которой живо напомнило ему об его утраченном государстве, на голову «незаконнорожденного»? Плюс воспоминания об оскорблении, полученном на коронации самого Наполеона. Таким образом, Наполеон, сам того не замечая, сделал все от него зависящее, чтобы отравить атмосферу переговоров.

Тем более удивительным кажется факт, что уже через несколько дней, 25 января 1813 г. папа дал письменное согласие на новый Конкордат. Он принял все условия Наполеона относительно галликанского устройства французской церкви. Единственная встречная просьба касалась освобождения опальных «черных» кардиналов и разрешения им прибыть в Фонтенбло. Наполеон удовлетворил ее, немного поспорив по поводу освобождения кардинала Пакка¹.

Важнейшая часть переговоров папы и императора происходила с глазу на глаз, и мы имеем о них сведения лишь из вторых рук. Это воспоминания современников. Наиболее подробно вопрос освещен в мемуарах кардинала Пакка. Он изображает дело так, будто бы изнуренный болезнями и горестями Пий VII уступил напору Наполеона, но позднее, когда прибывшие к нему кардиналы раскрыли ему глаза на последствия его поступка, ужаснулся и стал думать о средствах исправить допущенную ошибку. Этой же версии с небольшими вариациями придерживаются и представители противоположного лагеря. Личный секретарь Наполеона К.-Ф. Меневаль без тени сомнения пишет: «Папа Римский, несмотря ни на что, любил Наполеона, а Наполеон, со своей стороны испытывал к нему уважение и даже привязанность. Можно почти с уверенностью сказать, что они бы пришли к взаимопониманию, если бы римские советники Его Святейшества по-

¹ *Bellaquet L.-F. Op. cit. Т. 3. Р. 87.*

стоянно не грозили ему отлучением от церкви в случае мелких уступок с его стороны в отношениях с Наполеоном»¹.

Вряд ли все обстояло так просто. Тот же Пакка, на наш взгляд, приоткрывает завесу этой тайны, когда пишет: «Чтобы убедить папу подписать эти статьи, ему внушили, что это всего лишь предварительное соглашение (*preliminaires*), которое останется в секрете, пока его не обсудят кардиналы»². Дьявольский план обмануть Пия VII мемуарист приписывает, главным образом, ненавистным ему верным клеветам Наполеона, архиепископу Турскому Луи-Матиасу де Барралю и епископу Нантскому Жану-Батисту Дювуазену. Однако более вероятно, что хитрили обе стороны, и папа ухватился за термин «*preliminaires*», исходя из собственных соображений.

Он знал, что время играет в его пользу. Остатки французских войск в панике отступали из Восточной Пруссии и Померании, без боя сдавая расположенные там первоклассные крепости. Мюрат сбежал в Неаполь. Пруссаки открыто перешли на сторону России. Австрийцы поспешно очищали Герцогство Варшавское и тоже вступили в переговоры с русскими. В Испании Веллингтон готовился к походу на Мадрид. А новобранцев в новую армию Наполеона зачастую приводили связанными, чтобы они не разбежались по дороге. В такой обстановке не нужно было быть Талейраном, чтобы видеть, что это «начало конца».

Главное было выиграть время. Пакка прямо признает, что папский двор придерживался тактики выжидания летом и осенью 1813 г., когда шли ожесточенные бои в Германии³. Но почему же не допустить, что эта тактика была взята на вооружение еще раньше?

Итак, Пий VII рассматривал соглашение 25 января как всего лишь предварительное и собирался с помощью преданных кардиналов затянуть, а то и совсем сорвать заключение Конкордата. При этом он выбрал самый безопасный для себя способ действий, ибо очень боялся, как бы попавший в отчаянное положение Наполеон не пошел на крайности⁴.

Со своей стороны, ликующий Наполеон и не думал делать из соглашения какую-то тайну и сразу распорядился обнародовать его под названием Конкордата. Его презрение к римскому понтифику выразилось в пронизанной иронией записке, написанной перед отъездом из Фонтенбло:

«Святейший Отец.

Узнав, что Ваше Святейшество после подписания статей Конкордата, кладущего конец удручающим Церковь раздорам, выразили опасение, что их могли бы расценить как косвенный отказ от ваших претензий на светскую власть, я имею удовольствие заверить Вас, что поскольку я никогда не считал необходимым просить у Вас отказа от светской власти, Ваше Святейшество может быть спокойно на этот счет. Я вел переговоры с папой в его качестве духовного главы Церкви. Прошу Бога, Святейший Отец, долго хранить Ваше Святейшество для управления делами нашей святой матери Церкви.

Фонтенбло, 25 января 1813 г. Ваш преданнейший сын Наполеон»⁵.

Но радость Наполеона была преждевременной, а ирония неуместной. В конечном счете, обманутым оказался он сам. Стоило только амнистированным «черным» кардиналам собраться вокруг папы, как понтифик запросил их мнение о подписанном документе, подчеркнув, что речь идет именно о *preliminaries*, а отнюдь не об окончательной редакции Конкордата, и что император выдает желаемое за действительное. Как и следовало ожидать, кардиналы заявили, что этот документ абсолютно неприемлем. Однако по вопросу о дальнейших

¹ Наполеон. Годы величия (1800–1814). М., 2001. С. 418.

² *Bellaguet L.-F.* Op. cit. Т. 3. Р. 86.

³ *Ibid.* Р. 162–163.

⁴ В частных беседах с приближенными он опровергал впоследствии злобные измышления Шатобриана, будто бы во время переговоров император таскал его за волосы и чуть ли не избивал, но признавался, что Наполеон частенько повышал голос и выражался очень энергично.

⁵ *Bellaguet L.-F.* Op. cit. Т. 3. Р. 94–95.

действиях их мнения разделились. Некоторые предлагали продолжить переговоры с целью «улучшения» соглашения путем внесения в него поправок, другие (Консальви, Пакка, Литта, Пьетро, Пиньятелли) настаивали на формальном и категорическом отказе от него. В конечном счете, верх взяла вторая точка зрения.

Формальный отказ папы от собственноручно подписанного им договора был сопряжен с двумя основными опасностями. Первая, – это последствия гнева Наполеона для папских советников и самого понтифика. Вторая, – компрометация догмата о непогрешимости папы. Если верить мемуарам Пакка, вторая опасность страшила кардиналов гораздо больше. Но поднаторевшие в казуистике прелаты быстро нашли решение этой проблемы. Пий VII, конечно, совершил ужасную ошибку, подписав соглашение 25 января, но так как он не извратил никаких догматов, не впал в ересь, его непогрешимость не пострадала. Не затрагивает ее и отказ от своего слова и подписи, поскольку он делает это для блага церкви. Логика, вполне естественная для будущего восстановителя ордена иезуитов¹. Наконец, нашелся подходящий к случаю исторический пример: расторжение папой Пасхалием II договора с императором Генрихом V в 1112 году!

В «храбрости» кардиналов, озабоченных не столько реакцией Наполеона, сколько тем, как бы ни уронить авторитет римского первосвященника позволительно сомневаться. В противном случае, они не уделили бы столько внимания вопросу о том, извещать ли императора об аннулировании соглашения и в какой форме это сделать. По словам Пакка, он особенно настаивал, чтобы Пий VII написал Наполеону официальное письмо, дабы избежать впечатления, что ему «наносит удар в спину»². На самом деле, письмо понадобилось, чтобы сделать предложение о дальнейших переговорах. Таким образом, на практике был реализован план сторонников более осторожной линии поведения, вначале, вроде бы, отвергнутый.

Пий VII потратил массу времени на составление указанного письма. Отчасти это объяснялось строгими условиями его содержания в Фонтенбло, где за ним постоянно следили шпионы Наполеона: «Он не мог оставлять в своих апартаментах никаких бумаг, так как знал, что в то время как он служил, или слушал святую мессу, правительственный агент входил в его комнаты и обыскивал его письменный стол и даже запертые шкафы, которые он открывал вторыми ключами»³. Поэтому папа писал понемногу каждый день, а кардинал Пакка взял на себя обязанности курьера и выносил исписанные листки под одеждой.

Эта неторопливость вполне соответствовала избранной тактике тянуть время, выжидая развития событий, и насколько возможно отдаляла ужасный момент решительного объяснения с Наполеоном. Пий VII то и дело переписывал текст, портил бумагу кляксами и вообще демонстрировал большое смятение духа. То же самое относится и к Пакка: «Я вспоминаю, что, когда я носил эти бумаги мимо французских часовых, то так боялся обыска, что, несмотря на зимний холод, был весь мокрый от пота»⁴.

Послание Наполеону было отправлено лишь 24 марта 1813 г., когда союзники уже стояли на Эльбе. «Как бы ни было больно нашему сердцу сделать Вашему Величеству признание, которое, возможно, вызовет Ваше неудовольствие, страх Божьего Суда, близкого для нас по причине возраста и шаткого здоровья, должен пересилить все иные соображения и страхи, которые мы сейчас испытываем»⁵. Так начиналось это жалкое по форме, но весьма ловко составленное письмо. Папа писал о своих душевных терзаниях, напоминал, что он соглашался лишь на предварительный вариант договора, приводил в пример Пасхалия II, упомянул о своем бресте 1811 г., которое Наполеон отверг, создав тем самым прецедент для аннулирования аналогичного текста 1813 г. Он вновь поднял вопрос о светской власти и «наследии Святого Петра». Нако-

¹ Пий VII в 1814 г. восстановил «Общество Иисуса».

² *Bellaguet L.-F.* Op. cit. Т. 3. Р. 105–106.

³ *Ibid.* Р. 107–108.

⁴ *Ibid.* Р. 108.

⁵ *Ibid.* Р. 109.

нец он приберег аргумент, который, по его мнению, должен был сразить Наполеона: позволить митрополитам утверждать епископов против воли папы, – это значит нарушить всякую субординацию. Безоговорочное подчинение высшему начальнику является краеугольным камнем существования не только церкви, но и государства. Освобождая митрополитов от обязанности подчиняться римскому понтифику, Наполеон подает дурной пример, что, при случае, может повредить ему самому. Однако в конце письма Пий VII выражал желание продолжить переговоры по заключению нового Конкордата.

Тем не менее, и папа, и его окружение ждали бури. Удивительным образом ее не последовало. Император, естественно, был крайне раздражен, но ограничился в основном угрозами. «Если я не снесу головы некоторым из этих попов в Фонтенбло, мы никогда не управимся с этим делом», – якобы заявил он на заседании Сената¹. Распоряжение же Наполеона министру культов Биго де Преамене свидетельствует о совсем другой манере действовать в сложившихся условиях: «Министру культов предлагается хранить в самом большом секрете послание папы от 24 марта, которое я либо получил, либо не получил, в зависимости от возникающих обстоятельств. Конкордат в Фонтенбло отныне государственный закон»².

Иными словами, Наполеон предпочел сделать вид, что ничего особенного не произошло. Его репрессии свелись лишь к ссылке в Оксонн кардинала Пьетро, которого он почему-то посчитал главным инициатором аннулирования соглашения 25 января, и запрету на всякую коммуникацию с внешним миром для «черных» кардиналов, которые, тем не менее, остались возле папы в Фонтенбло³. Подписанный с папой договор был опубликован в «Бюллетени законов» и объявлен обязательным к исполнению. После этого император отбыл к армии.

План нового Конкордата провалился. Наполеону не удалось нормализовать отношения со Святым престолом. А когда в январе 1814 г. перебежавший на сторону союзников Мюрат развернул наступление на Рим, пришлось вернуть папе и свободу, и Вечный город, который уже невозможно было удержать. В борьбе с католической церковью Наполеон проиграл по тем же причинам, по которым он проиграл все: из-за своего убеждения, что все вопросы можно решить только силой.

---

¹ Ibid. P. 120.

² Цит. по: *Кастелло А.* Наполеон. М., 2004. С. 374.

³ *Bellaguet L.-F.* Op. cit. Т. 3. P. 121.

СТАВРОПОЛЬСКИЙ КАЛМЫЦКИЙ ПОЛК В ЗИМНЕ-ВЕСЕННЕЙ КАМПАНИИ 1813 ГОДА

Кампанию 1813 года российские войска, наголову разгромившие полумиллионную Великую армию в ходе Отечественной войны 1812 года, начинали на волне большого духовного подъема. Наполеону, начавшему набор новых сил, нужно было выиграть время, и для задержки войск Кутузова особые надежды он возлагал на ряд мощных крепостей (которые накануне войны укрепил или построил заново) со значительными боевыми и продовольственными запасами по Висле, Одере и Эльбе. Увы, надежды французов оправдались: большая часть российских армий, несмотря на нейтралитет пруссаков и австрийцев, фактически встали на линии Вислы. Блокадой крепостей пришлось заняться многим иррегулярным полкам, в том числе и всем трем калмыцким полкам.

1-й Калмыцкий полк (ком. – капитан Джамба-тайша Тундутов), числившийся в корпусе генерал-майора М. Л. Булатова, в январе 1813 г. был переведен в 7-й корпус И. Ф. Паскевича, блокировавший крепость Модлин. 2-й Калмыцкий полк (ком. – майор Сербеджаб Тюмень), входивший в корпус генерал-лейтенанта князя Д.М. Волконского, а затем корпус генерала Ф.В. фон дер Остен-Сакена, участвовал в блокаде крепости Ченстоховы и преследовании 5-го Польского корпуса до Кракова. Ставропольский калмыцкий полк (ком. – майор, с 28 января 1813 г. подполковник Павел Диомидий) был переведен из отряда генерал-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова в авангард генерал-майора Д. Д. Шепелева, а затем в корпус генерал-лейтенанта Ф. Ф. Штейнгеля, осадившего Данциг.

В данной статье рассматривается боевой путь Ставропольского полка от начала Заграничного похода до Плейсвицкого перемирия.

Для начала приведем краткую предысторию боевого пути этой части. Этот пятисотенный полк был сформирован в апреле 1811 г. из калмыков Ставропольского войска, поселенных в Среднем Поволжье вокруг крепости Ставрополь-на-Волге (ныне Тольятти). В августе 1811 г. командиром полка был назначен капитан П. И. Диомидий – этнический грек, оказавшийся единственным не калмыком в составе части в течение всей войны.

Начало кампании 1812 г. ставропольцы встретили в составе корпуса генерала от кавалерии М. И. Платова и вместе с ним приняли участие в ряде боев 2-й Западной армии, в том числе под Миром 27–28 июня. В июле полк Диомидия вошел в состав летучего корпуса генерал-адъютанта Ф. Ф. Винцингероде (с октября – генерал-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова), в составе которого сражался практически до конца кампании, нависая над северным флангом армии Наполеона. Ставропольцы отличились в ряде боев под Велижем, Звенигородом и др. В ходе кампании 1812 г. командир полка был произведен в майоры, 7 зауряд-офицеров получили действительные офицерские чины (хорунжих или 14-го класса), причем один из них получил также орден Св. Анны 3-й степени (С. А. Медечиев). 19 нижних чинов были отмечены Знаками отличия Военного ордена, притом, что не все награды «нашли героев». Например, до полка так и не дошли 35 крестов, назначенные П.И. Багратионом за сражения под Миром. Кроме того, согласно рапорта от 8 января 1814 г. к медалям за кампанию 1812 г. были представлены 444 воина Ставропольского полка, в том числе 1 штаб-офицер, 12 обер-офицеров, 22 урядника и 409 рядовых¹.

Границу с Пруссией полк Диомидия пересек еще 22 декабря 1812 г., а 26 – вошел в Тильзит². 30 декабря после взятия Эльбинга ставропольцы вместе с

¹ Максимов К.Н., Очиров У.Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста, 2012. С. 279–337.

² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 3085. Л. 5–8.

двумя эскадронами гродненских гусар под общим командованием майора Альшевского начали преследование колонны, отступающей через Моргентау к Шенбергу, в ходе которого было захвачено 238 пленных¹. Казачьи полки корпуса М.И. Платова, наступавшие левее, 1 января вступили в Мариенвердер и Мариенбург, выйдя на широком фронте к Висле. Немцы везде восторженно встречали российские войска и отнюдь неслучайно в немецкой историографии кампания 1813 года именовалась Освободительной войной.

Остаткам 10-го армейского корпуса Великой армии, которым руководил маршал Э. Ж. Макдональд, не удалось зацепиться за Кёнигсберг, но в Данциге они были значительно усилены частями 11-го корпуса. Из всех гарнизонов, оставленных в тылу российских войск, гарнизон Данцига, который с апреля 1813 г. именовался 10-м армейским корпусом (ком. – генерал Ж. Рапп), был наиболее сильным и по численности превосходил все остальные гарнизоны Польши, вместе взятые. Эта крепость, на укрепление которой Наполеон потратил 8 млн. франков, на тот момент являлась одной из сильнейших в Европе. Город был окружен рвом и мощной каменной стеной, включающей 20 бастioned. Подступы к крепости прикрывали ряд фортов и полевых укреплений, не говоря уже о естественных преградах – рукавах дельты Вислы. При этом Данциг являлся главным депо Великой армии, в котором хранились огромные запасы продовольствия и боеприпасов².

Иррегулярные полки Платова, форсировав Вислу, 4 января вышли к Данцигу и 6 января блокировали его. Ставропольский полк, 4 января переведенный в Финляндский корпус Ф.Ф. Штейнгеля, также выступил к Данцигу, войдя в состав авангарда генерал-майора И.И. Алексеева, о чем свидетельствует его рапорт. В период участия в осаде Данцига полк Диомидия побывал в составе нескольких отрядов, и даты перевода не всегда удалось установить. Примерно 7–8 января ставропольцы вошли в бригаду генерал-майора И.Д. Иловайского 4-го (казачий корпус Платова) и стали производить поиски в районе Старгарда. Например, 13 января Иловайский сообщал, что полк Диомидия находился «направо (от Старгарда. – У.О.) в откомандировке»³.

Однако уже в донесении от 17 января генерал Алексеев вновь указал ставропольцев в составе подчиненного ему сил. В этот раз они вошли в отряд полковника Эккельна и держали цепь от Нейендорфа до Вейзгофа по правому берегу реки Мотлау. В тот же день Штейнгель, составляя расписание осадных сил, выделил из авангарда Алексеева изюмских гусар, ставропольцев, Донской полк войскового старшины В.А. Кутейникова 6-го и Перекопский татарский полк, которые составили кавалерийский отряд корпуса правого фланга генерал-лейтенанта Ф.Ф. Лёвиза, своей конницы не имевшего. Конникам поручалось держать цепь постов от моря до деревни Коваль⁴. Причиной перевода послужило отделение казачьего корпуса Платова от осадных сил для рейда в сторону Одера. Атаман согласился оставить Штейнгелю два полка из своего корпуса – войсковых старшин И.М. Сучилина 2-го и А.Д. Грекова 17-го «с тем только, что мы переведем (из отряда подполковника Бедряги. – У.О.) их на левый фланг (поближе к корпусу Платова. – У.О.), почему мы удержим полки Кутейникова и Калмыцкий, а оные полки пошлем к ген.-лейт. Левизу» (т. е. на правый фланг. – У.О.)⁵.

Однако даже 20 января Ставропольский полк, перебазировавшийся в деревню Квадендорф, по-прежнему числился в авангарде Алексеева, в составе отряда генерал-майора М.И. Родионова⁶, который содержал аванпосты от Крамс-

¹ Война 1813 года. Материалы Военно-ученого архива (далее – ВУА). Т. III. Военные действия в январе, феврале и марте месяцах. Пг., 1917. С. 194.

² См.: *Полов А.И.* Данциг // *Заграничные походы российской армии: энциклопедия.* М., 2012. Т. 1. С. 383.

³ Война 1813 года. Материалы ВУА. Т. III. С. 79.

⁴ Там же. С. 89, 93.

⁵ Там же. С. 105.

⁶ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XXI. СПб., 1914. С. 458–459.

Круга до Нейфера. В тот же день Лёвиз сообщил Штейнгелю, что хотя не знает местоположения полков Кутейникова и Диомидия, но уже назначил обе части в состав отряда подполковника Бедряги¹. Причиной задержки, по всей видимости, стала опала Платова, которого 17 января отозвали в Главную Императорскую квартиру, а его корпус разделили на три летучих отряда – А.И. Чернышева, Ф.К. Теттенборна и А.Х. Бенкендорфа, посланные к Одеру².

Очевидно Штейнгель не считал нужным соблюдать свою договоренность с атаманом, и уже 20 января полки Сучилина 2-го и Грекова 17-го были возвращены в корпус Лёвиза, а полки Кутейникова и Диомидия были оставлены у Алексеева. Эту расстановку сил закрепило новое расписание, объявленное 21 января Штейнгелем (уже через два дня замененного на Лёвиза), согласно которому полк Диомидия остался в отряде Родионова³.

22 января Ставропольский полк продолжал базироваться в Квадендорфе, но на следующий день начал перебазирование на новое место дислокации. Однако в этот момент противник сделал вылазку на Оливу, атаковав Изюмский гусарский и Перекопский татарский полки. Калмыки вместе с другими частями вернулись с полдороги и помогли отряду полковника О.Ф. Долона отразить атаку. В результате из 1200 воинов противника на поле боя осталось более 200 человек, еще 300 – попали в плен. Потрясенный неприятель даже оставил свои пикеты Штрис и Лангефур. Генерал-майор И.А. Вельяминов, рапортуя об этом бое, сообщил, «что в сем деле участвовали калмыки, башкиры и казачий Иловайского 3-го полк, кои быв на походе в другия квартиры, услышав о тревоге, воротились назад, пристали к Изюмскому и Татарским полкам и не мало способствовали к поражению неприятеля»⁴.

28 января командир полка П.И. Диомидий был произведен в подполковники, пробыв в чине майора чуть больше месяца. К этому времени ставропольцы в расписаниях Данцигского осадного корпуса уже не числились. Действуя в составе отряда М.И. Родионова 2-го, они выступили на поддержку летучим отрядам бывшего корпуса Платова, которые, оторвавшись от главных сил на 300 верст, форсировали Одер и развернули партизанские действия вокруг Берлина и 8 февраля даже ворвались в столицу, но были отбиты. Со 2 февраля Ставропольский полк стал считаться в составе авангарда армии генерала от кавалерии графа П.Х. Витгенштейна.

16 февраля в тайне был заключен Калишский договор с Пруссией, но прусские генералы какое-то время не знали об этом, и Витгенштейну пришлось действовать самостоятельно. 17 февраля авангард его армии под командованием генерал-майора князя Г.Н. Репнина-Волконского, в состав которого входил и Ставропольский калмыцкий полк, переправился через Одер. Маршал П.Ж. Ожеро, опасаясь окружения, утром 20 февраля покинул Берлин, о чем прусский комендант тут же уведомил партизан. В тот же день ставропольцы в составе авангарда Репнина-Волконского вошли в столицу Пруссии, встреченные ликующими берлинцами.

Партизанские отряды растекались по всей Германии, освобождая город за городом. Однако крепости, контролирующие ключевые переправы, сдерживали движение российских войск. Одной из таких крепостей был Кюстрин, построенный у слияния Одера и Варты, который защищала Вестфальская бригада генерала Ф. В. Фюльграфа и ряд подразделений. С 24 февраля Кюстрин с правого берега осадил отряд генерал-майора Б.Б. Гельфрейха, однако одной бригады для полной блокады было явно недостаточно. Для замыкания кольца блокады на левом берегу Одера осадный отряд усилили несколькими частями. С 1 марта в отряд Гельфрейха вошел и Ставропольский полк. Вскоре бригаду Гельфрейха сменили отряды генералов М.С. Воронцова и И.К. Орурка, а полк

¹ Война 1813 года. Материалы ВУА. Т. III. С. 105, 116.

² *Безотосный В.М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М., 1999. С. 122–123.

³ Война 1813 года. Материалы ВУА. Т. III. С. 132–134.

⁴ Война 1813 года. Материалы ВУА. Т. III. С. 142.

Диомидия 24 марта перешел в отряд генерал-лейтенанта Э.Ф. де Сен-При, блокировавшего другую крепость, также расположенную по Одру (южнее) – Глогау. Калмыки, расположившиеся по правому берегу Одера, участвовали в отражении вылазок гарнизона.

За три месяца боев в 1813 г. Ставропольский полк, изначально предназначавшийся для ведения разведки и партизанской войны, принял участие в осаде трех крепостей и взятии Берлина. Лишь позже пришло осознание ошибочности такой стратегии, и от правильной осады крепостей отказались, ограничившись их блокадой, которую поручили резервным войскам и ополченцам, высвобождая ветеранов регулярных дивизий для борьбы с Наполеоном.

Пока российские войска и присоединившаяся к ним прусская армия освобождали немецкие города и осаждали крепости, французы собрали новую Великую армию, которая по численности была сопоставима с армией 1812 г., но по качеству серьезно уступала ей, особенно в кавалерии. Восполнить 250 тыс. лошадей, потерянных в России, оказалось нечем. Этот фактор вскоре заметно отразился на ведении боевых действий в кампаниях 1813–1814 гг. Кавалерийские полки российской армии, изрядно поредевшие, но состоявшие из закаленных ветеранов, уступая порой в численности, многократно наносили поражение французам. Даже иррегулярная конница, в том числе калмыцкие полки, все увереннее вступала в лобовые схватки с регулярной кавалерией неприятеля и одолевала ее.

Весной 1813 г. возрожденная Великая армия выступила против союзников. Основной базой для действий французских войск стала Саксония, которая после некоторых колебаний сохранила союз с Наполеоном. Французский император планировал мощным ударом на север отбить Берлин, а затем деблокировать крепости на Висле (Данциг, Торн и Модлин). Главнокомандующий российско-прусской армией фельдмаршал князь М.И. Кутузов, стремясь сорвать этот план, вторгнулся в Саксонию тремя колоннами Г.Л. Блюхера, А.П. Тормасова и П.Х. Витгенштейна. К сожалению, 16 апреля Кутузов скончался в Бунцлау и завершать задуманный план пришлось Витгенштейну, которому, как показало время, эта задача оказалась не по плечу.

По сравнению с Великой армией силы союзной армии оказались недостаточными: несколько русских корпусов продолжали блокировать крепости в Польше и по Одру, ряд русских и прусских резервных частей еще не успели завершить свое формирование и обучение. На усиление российско-прусской армии стали собирать части из ближайших блокадных отрядов, в том числе Ставропольский полк, который, наконец, занялся делом, к которому был лучше приспособлен, чем к осаде крепостей.

Полк Диомидия был включен в состав авангарда корпуса генерала от инфантерии М.А. Милорадовича, в середине апреля сосредоточившийся у Пёнига, в Саксонии. В авангард корпуса Милорадовича также входили Олонецкий и Вятский пехотные, 11 и 37-й егерские, Киевский и Харьковский драгунские, Чугуевский и Литовский уланские, Донские казаки Мелентьева 3-го, Ребрикова, Ягодина полки¹.

20 апреля 1813 г. у Люцена произошло генеральное сражение. Корпус Милорадовича, накануне направленный к Цейцу, не принял в нем участия, однако в некоторых документах офицеров Ставропольского полка (видимо, по ошибке) участие в Люценской битве обозначено. В первые часы боя союзные войска имели возможность атаковать противника по частям, но Витгенштейн не использовал этой возможности. В конечном итоге, Наполеон достиг перевеса в силах, охватил с флангов и отбросил российско-прусские войска. Хотя французы, выигравшие битву, понесли заметно большие потери, чем союзники, Витгенштейн не рискнул продолжить сражение и отступил под прикрытием подошедшего корпуса Милорадовича. Союзная армия отошла за Эльбу на за-

---

¹ *Богданович М.И.* История войны за независимость Германии по достоверным источникам. СПб., 1863. Т. 1. С. 165.

ранее укрепленные позиции при Бауцене на Шпрее. Одновременно на помощь спешили новые силы, помимо корпуса Милорадовича, к Витгенштейну присоединились армия М.Б. Баркляя де Толли, только что взявшая Торн, и прусский корпус Ф.Г. Клейста.

Наполеон пытался задержать движение союзников, но Милорадович вновь, как и в кампании 1812 г., продемонстрировал свои блестящие качества арьергардного военачальника. Ставропольцы в составе отряда под командованием генерал-майора Г.А. Эммануэля участвовали в ряде арьергардных боев: 29 апреля при сел. Вейссиг, 30 апреля под г. Штолпен, 6 мая при сел. Нейкирхен. В ходе боев отличились младшие урядники Ставропольского полка Данила Дамбаев, Иван Нестеров и Козма Сосоев, которых наградили Знаками отличия Военного ордена (номера 30344, 30345 и 30346 соответственно) за то, что «на ударах оказали храбрость в виду полковых офицерах и протчих казаков с помощью товарищей своих побили неприятелей при Вейсихе 16^{Тб} а при Нейкирхе 9^{Тб} и 37 человек взято в плен»¹. Еще 8 рядовых представили к «солдатским Егориям» за то, что в этих боях «находились во флангирах против неприятельских стрелков храбро, обманывая своим отступлением неприятеля, имев в засаду, сзади атаковали, рубили много на месте и брали в плен»², но это представление не было реализовано, хотя четверых наградили крестами за подвиги, совершенные позже, при Бауцене.

Заняв укрепленные позиции за Шпрее, союзники решили их удерживать до последней возможности. Корпус Милорадовича стоял на левом фланге союзной армии. В составе этого корпуса отряд Эммануэля (Харьковские и Киевский драгунские, Ставропольский калмыцкий, Донской казачий Ребрикова полки и др.) встал у Добершау между отрядами графа Э.Ф. де Сен-При и П.С. Кайсарова³.

8 мая Наполеон нанес отвлекающий удар на левый фланг и центр союзников, тайно подводя войска Нея к правому флангу. К 18 часам Милорадович, опасаясь обхода с фланга, отступил к высотам. Отряд Эммануэля отошел к Бинневицу, откуда вскоре начались контратаки союзных резервов. В ходе боя 8 мая ставропольцы не раз бросались в контратаки против вражеской кавалерии. В наградных реляциях на 10 рядовых Ставропольского полка (Евдокима Самтанова, Макара Бембеева, Василия Эмгенова, Василия Анчукова, Ивана Дамбаева, Дмитрия Соломова, Андрея Бурутова, Илью Ишиева, Егора Норбоева, Василия Темержинов), награжденных «солдатскими Егориями» (номера с 30347 по 30356 соответственно), указывалось, что они «во время силнаго нападения неприятельской кавалерии на от ряженную сего полка казачью партию и при захвачении оными трех урядников. Находясь в сикурсе со от личною храбростию напав на неприятеля не токмо тех урядников от били но еще наместе побили петнадцать человек»⁴.

На следующий день Ставропольский полк по-прежнему сражался в составе отряда Эммануэля, развернутого на левом фланге корпуса Милорадовича между отрядами Кайсарова и Орлова между Куницей и Башюцем. Наполеон, осуществляя прежний план с нанесением главного удара группировкой корпусов маршала М. Нея по правому флангу российско-прусской армии, продолжил демонстрировать отвлекающие удары на левом фланге. 12-й корпус маршала Н.Ш. Удино охватил весь левый фланг союзников, но был остановлен ударами российской кавалерии. В ходе этой атаки отличились 14 рядовых Ставропольского полка (Нестор Манжиев, Николай Наянтаев, Егор Батужиргалов, Яков Кензеев, Василий Нимаев, Андрей Содномов, Василий Жемчуев, Федор Лузандаржиев, Савелий Соломов, Григорий Дашиев, Никита Зодбоев, Петр Зодбоев, Василий Ланцинов, Кирила Цебеков), награжденные Знаками отличия Военного ордена (номера с 30357 по 30370) за то, что «во время чрезвычайнаго непри-

¹ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 в. Св. 47. Д. 5(7). Л. 312, 312 об.

² Там же. Д. 4(6). Л. 100.

³ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 1. С. 247.

⁴ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 в. Св. 47. Д. 5(7). Л. 312, 312 об.

ягельского нападения на левой наш фланг при удерживании онаго и при чинимых ударах побито неприятелей человек до 24^x и взято в плен двух офицеров адного ундер офицера и 49^{Tb} человек рядовых»¹. Александр I, поверив ложным атакам и проигнорировав мнение своего главнокомандующего Витгенштейна, перевел резервы на левый фланг, значительно потеснив корпуса маршалов Н.Ш. Удино и О.Ф. Мармона².

Тем временем Ней потеснил армию Баркляя де Толли, но, неверно определив направление главного удара, не смог прорваться в тыл союзным войскам. Витгенштейн все же смог удержать обе дороги на Рейхенбах и обеспечить свое отступление в Силезию. Наполеон, несмотря на победу, вновь понес большие потери, чем союзники, и не смог решить главной задачи – разгромить российско-прусскую армию в генеральном сражении.

При отходе войскам Витгенштейна (с 17 мая его заменил Барклай де Толли) пришлось форсировать несколько рек: Лёбау, Нейсе, Квейсу, Бобр, Дейхсель и Кацбах, но нехватка боеспособной кавалерии не позволила Наполеону развить успех. Ставропольцы, действуя в составе арьергарда, отходя по дороге к Рейхенбаху и к Лёвенбергу, неоднократно отбивали атаки противника, в том числе 11 мая в бою при селении Радмериц, где ставропольцы прикрывали переправу через Нейсе до ее уничтожения. Шестерых калмыков, которые «во время атаки на отряд находились у прикрытия переправы на реке Нейс и при сильном наступлении неприятеля под сильными выстрелами первые кидались на стрелков, наступающих к переправе, отражали храбро, чем дали успеть переправиться отряду и сожечь мост», Эммануэль представил к «солдатским Егориям», но представление отклонили. Впрочем, двое из них были отмечены Знаками отличия за подвиги при Бауцене 8 и 9 мая.

Ставропольцы участвовали в арьергардных боях и позже: 14 мая при Лаубане, 18, 19 и 20 мая при Яузере, однако 23 мая было заключено Плейсвицкое перемирие, после чего боевые действия прекратились до августа 1813 г. Тринадцать рядовых Ставропольского калмыцкого полка, которые в боях у Нейкирхена, Бауцена, Радмерица и Яузера «находились первые, при атаке неприятеля и в ретире отряда, храбро подавая пример своим товарищам отражая по месту положения спешиваясь в стрелки, чем недопустили быстро преследовать отряд, делая разные набег с флангов и тыла неприятеля», были представлены к Знакам отличия Военного ордена. Однако награду получили лишь восемь из них, отличившиеся 9 мая под Бауценом.

Уже 21 мая 1813 г. генерал-майор Г.А. Эммануэль представил большой список воинов Ставропольского калмыцкого полка, отличившихся в боях с 20 апреля по 20 мая. Почти все представления на офицеров главнокомандующий утвердил: подполковник П.И. Диомидий получил орден Св. Владимира 4-й степени за то, что «содействовал он с полком к поражению неприятеля храбро в тылу и на фланге со всею точностью и брал немалое число в плен неприятеля»³, а есаулы В.А. Даржаев, Н.И. Дандаров, М.М. Беков, сотник Г.В. Ильцхаев, хорунжий Ф.И. Шаратов – ордена Св. Анны 3-й степени, поскольку «оказали сами собою мужество и храбрость против неприятеля в сражениях, и тем подавали пример нижним чинам в мужестве и предприимчивости, располагая благоразумно в партиях, чрез что немалое количество взято неприятеля в плен и побито»⁴. Кроме того, Г.А. Эммануэль представил к производству в хорунжие зауряд-сотника Ивана Харабатарова (в документе указано «зауряд-хорунжий») и зауряд-хорунжего Ивана Батырева (в представлении написано – Илья Батдьев, но это очевидная описка), но эти представления не были реализованы⁵.

¹ Там же.

² Шиканов В.Н., Безотосный В.М. Баутцен // Заграничные походы российской армии: энциклопедия. Т. 1. С. 105–106.

³ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 в. Св. 50. Д. 3. Л. 190, 193 об.

⁴ Там же. Л. 190, 194.

⁵ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 в. Св. 47. Д. 4(6). Л. 100.

Всего по итогам боев с 20 апреля по 20 мая 29 нижних чинов Ставропольского полка были награждены Знаками отличия Военного ордена: 2 старших, 3 младших урядника и 24 рядовых. Отличия старших урядников А.Д. Шармакова (уже награжденного этим знаком за бои осенью 1812 г., но не получившего его) и Л.М. Анчукова (номера наград 30342 и 30343 соответственно) состояли в том, что они «оказали сами собою мужество и храбрость против неприятеля в сражениях тем самым что не взирая на неприятельское стремление а особливо при Бауцене сильную палбу, бросаясь наперед со отчаянною храбростию поражали их каковым примером будучи рядовые ободрены последую их деятельности побив многих на месте и немалое число в плен взяли». Также к награде представлялись старшие урядники Иван Баяртуев и Степан Лузанов за то, что в боях у Вейсига, Нейкирхена и Бауцена «отлично против прочих действовали к поражению неприятеля и были с партиями, посылаемыми в тыл для отрезывания стрелков, что со всею точностью и неустрашимостью исполняли храбро»¹, но поскольку они уже имели Знаки отличия Военного ордена, то эти представления отклонили.

Трех младших урядников и 24 рядовых наградили за бои у Вейсига, Штольпена и Нейкирхена; их подвиги описаны выше. Представления за другие бои не были реализованы, но из 27 представленных рядовых 14 оказались в числе награжденных за генеральную баталию 8–9 мая. Остальные 13 рядовых – Исадохотон Бикеев, Алексей Безенчиев, Павел Белемов, Иван Бухаев (представленные за Вейсиг, Штольпен и Нейкирхен), Василий Бюрюков, Павел Уркалкурриев, Михайло Нимаев, Яким Олзеев (представленные за Радмериц), Дмитрий Хоринов, Василий Жимбаев, Герасим Онбоков, Максим Синкилжанов, Александр Нимаев (представленные за Нейкирхен, Бауцен, Радмериц и Яуэр) – отмечены не были.

Следует отметить, что указанные 29 крестов поступили в Ставропольский полк уже после окончания войны – 27 июня 1814 года, причем не по именному списку, а на весь полк. Ответ подполковника Диомидия старшему адъютанту 1-го отдельного корпуса подполковнику Яковлеву пришел через 4,5 месяца – 10 ноября 1814 года. Возможно те, кто был представлен в мае 1813 г., но не награжден, погибли или умерли в госпиталях (во всяком случае в документах их фамилии более нигде не встречаются), а их награды передали другим отличившимся.

Таким блестящим аккордом Ставропольский калмыцкий полк завершил свою зимне-весеннюю кампанию 1813 года.

---

¹ Там же.

УРОЖЕНЦЫ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ В «САРАТОВСКОМ ПЛЕНУ» (1812–1815)

Наполеоновские войны наложили свой отпечаток на отношения между населением России и иностранцами: с началом войны 1812 года ненависть к французам распространилась на всех чужеземцев, проживавших в стране. Их обвиняли в симпатиях и пристрастиях к Наполеону, в них видели неприятельских лазутчиков. В свою очередь, потенциальная опасность, исходившая от них, заставила правительство принять превентивные меры и распорядиться их судьбой в соответствии с требованиями военного времени. Деятельность по выявлению иностранцев и определению их лояльности получила в официальных бумагах название «разбор» иностранцев.

Распоряжение о тотальной проверке иностранцев было сделано на основе повеления Александра I от 29 июня 1812 года. Подозрительных чужеземцев предписывалось высылать в города внутренних губерний, в том числе в Саратовскую. Их депортация проводилась под надзором Внутренней стражи, причем предполагалось, что интернированные будут добираться до места ссылки за свой счет, для тех же «из них, кои не будут в состоянии ехать на свой счет», прогонные деньги выдавались из казны¹.

Вопрос об источниках финансирования содержания иностранцев во время их ссылки был разъяснен циркуляром от 14 ноября 1812 года. Согласно ему, тем иностранцам, «кои по старости, немощи или другим каким причинам снискивать сами собою пропитания не могут», выдавалось по 25 коп. в день из средств Казенной палаты. Прочие же должны были содержать себя сами².

Ссылные находились под жестким контролем полиции и местных властей. Им запрещалось самовольно отлучаться из назначенного места; они должны были являться в полицию по первому требованию; сосланные могли быть лишены права на переписку. Кроме того, циркуляром от 27 марта 1814 г. «российским подданным, бывших польских губерний...» было запрещено «совершать всякие акты на имения их, находящиеся в России...», в то время как остальным российским подданным, «сосланным по бывшим военным обстоятельствам под надзор...», это было разрешено³.

«Имянный список сосланным в Саратовскую губернию на жительство <...> людям...» отложился в Государственном архиве РФ в фонде Особенной канцелярии Министерства внутренних дел (ф. 1165) и является важнейшим источником для изучения данной темы. Из него видно, в 1812 г. была поставлена задача «рассмотреть» всех иностранцев вне зависимости от их национальной принадлежности, поэтому помимо подданных иностранных государств, в списки попали и российские подданные западных губерний империи. По всей видимости, это было сделано сознательно и данный факт может указывать на то, что в начале XIX в. понятие «иностранцы» трактовалось достаточно широко и в него включали всех, кто каким-либо образом выделялся на фоне жителей Центральной России.

Всего, по моим подсчетам, в Саратовскую губернию было сослано 39 человек, с которыми прибыли 7 членов их семей (3 женщины и 4 ребенка) и 7 слуг. Из них 20 человек были жителями Гродненской, Виленской, Волынской, Киевской и Минской губерний. Их основную массу (15 человек) составляли поляки, два человека названы белорусами. По социальному статусу среди российских подданных

¹ *Тотфалушин В.П.* «Разбор» иностранцев в 1812 году и Саратовская губерния // 1812 год: война и мир: Материалы Всерос. конф. Смоленск, 2009. С. 172.

² Там же.

³ *Тотфалушин В.П.* Саратовский край и Наполеоновские войны: К 200-летию Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2011. С. 139.

преобладали шляхтичи и помещики. Кроме того, из Твери и Ярославля в Саратов были присланы на жительство 159 евреев с их семьями¹.

Самым первым сосланным в Саратов (еще 17 августа 1812 г.) оказался поляк Осип Михайлович Соловьев, шляхтич Гродненской губернии, «в следствие произведенного по <...> [Владимирской] губернии разбора иностранцев». Причиной его высылки стало то, что, «будучи празден и не имея при том никакого состояния, завсегда обращается в трактирах», хотя, кроме этого, «местная полиция ничего в нем не усматривает», а большая группа поляков оказалась в ссылке за «переписку с обывателями Варшавского герцогства»².

Репатриация иностранцев началась 1 января 1813 г., при этом объектом особого внимания оставались жители западных губерний. Так, в связи с запросами губернаторов Министерство полиции 17 февраля 1813 г. уточнило, что «поляки не могут в дом свой возвратиться без особого по сему предписания», а 23 марта разослало циркуляр о доставлении сведений о сосланных во внутрь России поляках. Ответ саратовского губернатора на этот запрос с приложением списка поляков также отложился в фондах ГАРФа.

Ссылных отпускали так же, как и ссылали: теми же группами или поодиночке. Для особо нетерпеливых 12 мая 1814 г. последовал новый циркуляр главнокомандующего в Петербурге о том, что «в губерниях, где находятся сосланные для содержания под присмотр должны они и оставаться по-прежнему, до особого об них повеления...». Окончательная же амнистия последовала только 16 октября 1814 г., когда всем «иностранцам сим объявлена свобода»³.

Постепенное возвращение ссылных евреев к местам их жительства началось еще в 1812 году. Однако большая часть «саратовских» евреев получила свободу только вследствие предписания от 30 июня 1813 г. Но и после этого некоторые евреи «по желанию их, остаются еще здесь», – сообщал в 1814 г. саратовский губернатор А.Д. Панчулидзе. При этом он особо выдел «из числа их» Лейбу Левонтина и Йоселя Кацуренера, которые находятся «под наблюдением полиции, как люди, по суду удаленные». Их было разрешено «отправить <...> в Могилев на прежнее их жительство...» только 12 июня 1815 года⁴.

В соответствии с положением Комитета министров от 26 сентября 1814 г. бывшим ссылным дозволялось «отправиться за границу или остаться в России...». В последнем случае властям предлагалось выяснить, где они будут жить, чтобы организовать наблюдение за их поведением⁵.

Кроме того, в соответствии с циркуляром С.К. Вязмитинова от 29 августа 1812 г. Саратовская губерния стала одним из мест пребывания оказавшихся в плену представителей Великой армии. Первые военнопленные очутились в Саратов уже в начале сентября, а их массовое поступление в губернию началось с конца октября 1812 года. Но в 1812 г. Саратовская губерния выполняла не только функции, связанные с приемом военнопленных, но и занималась их дальнейшим препровождением.

Так, в Астраханскую губернию пленные прибывали в основном через Саратовскую. Первые из них появились здесь в октябре 1812 г., когда сюда вступила партия из одного штаб-офицера (польского шефа эскадрона Я. Суминьского), 15 обер-офицеров и 261 нижнего чина под конвоем солдат Киевского гарнизонного батальона во главе с майором Грушевским, а 19 ноября эта партия пришла в Астрахань⁶.

Содержание военнопленных тяжелым бременем легло на русскую казну. Поэтому уже 29 сентября 1812 г. М.И. Кутузов предложил «пленных поляков от-

¹ Тотфалушин В.П. Саратовский край... С. 141–142.

² Тотфалушин В.П. «Разбор» иностранцев в 1812 году... С. 173–174.

³ Там же. С. 176.

⁴ Тотфалушин В.П. Саратовский край... С. 144–145.

⁵ Там же. С. 146.

⁶ Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Астраханской губернии в 1812–1814 г. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIV Всерос. науч. конф. Бородино 4–6 сент. 2006 г. М., 2007. С. 166.

сылать на Кавказскую линию, где и можно бы употребить их в полки на службу...»¹. В результате 22 октября 1812 г. последовало циркулярное предписание, согласно которому всех военнопленных поляков положено было отделять от других пленных и отправлять в г. Георгиевск для распределения по полкам, находившимся на Кавказской линии и в Грузии².

Выполнение этого распоряжения в Саратове началось с конца ноября 1812 года. Тогда первая группа из 19 человек (2 штаб, 15 обер-офицеров и 2 рядовых) была отправлена в Георгиевск, куда прибыла в конце января 1813 года. Однако прибывших польских офицеров не распределили в полки, а оставили жить под надзором, двух же нижних чинов определили в военнорабочие. А в течение декабря из Саратова к месту назначения в двух партиях отправились еще 684 поляка, среди которых было 11 офицеров и 7 женщин³.

Первая партия пленных (400 человек), покинувшая саратовскую землю в начале декабря 1812 г., достигла Георгиевска 1 марта 1813 г., при этом численность ее уменьшилась только на 52 человека. 100 нижних чинов из их числа было отправлены в Грузию, а остальные включены в состав полевых и гарнизонных полков⁴.

Вместе с тем, вторая партия, отправленная примерно 24 декабря, вышла из Саратова в период сильных морозов, что вызвало увеличение заболеваемости и смертности в пути⁵.

Перемещение пленных в стране продолжалось до циркулярного предписания Вязмитинова от 24 декабря 1812 года. В нем от начальников губерний требовалось прекратить движение партий в дальние губернии и оставить пленных в тех местах, где их застанет распоряжение, – «до того времени, пока они совершенно оправятся». После остановки движения правительство обратило особое внимание на сбор сведений о военнопленных. 4 января 1813 г. главнокомандующий в Петербурге предписал губернаторам подготовить ведомости об их числе и именные списки генералам, штаб- и обер-офицерам. Выполняя это распоряжение, А.Д. Панчулидзе 17 февраля 1813 г. направил на имя императора требуемые ведомости и списки. Согласно им, в губернии на 15 февраля 1813 г. находилось 2 генерала, 185 офицеров и приравненных к ним чиновников (15 штаб- и 170 обер-офицеров), 3441 нижний чин, 68 нестроевых, 30 женщин и 4 ребенка⁶.

Среди офицеров поляков насчитывалось 15 человек, а среди нижних и нестроевых чинов – 579⁷. Однако необходимо учитывать, что в отправленной ведомости могла быть показана не национальность человека, а его место службы. Ведь, согласно предписанию от 16 января 1813 г., требовалось, «чтобы пленные различаемы были не по нациям народным, а по нациям войск»⁸.

---

¹ Цит. по: *Тотфалушин В.П.* Французы в Саратове: (К истории 1812 года) // Годы и люди: Сб. ст. Вып. 6. Саратов, 1992. С. 161.

² *Бессонов В.А.* Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской империи в 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VII Всерос. науч. конф. 1998 г. Бородино, 1999. С. 18.

³ *Бессонов В.А., Миловидов Б.П.* Польские военнопленные Великой армии в России в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всерос. науч. конф. Бородино, 5–7 сент. 2005 г. М., 2006. С. 293.

⁴ Там же.

⁵ Из дневника Н.Г. Скопина. 1806–1814 гг. // Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года / Сост. Н.Ф. Хованский. Саратов, 1912. С. 10.

⁶ *Бессонов В.А., Тотфалушин В.П.* Военнопленные Великой армии в Саратовской губернии // Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года: Материалы Всерос. науч. конф. Саратов, 2002. С. 168–169.

⁷ Подсчитано мной по: Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 186–188, 189; Саратовская губерния глазами пленных Великой армии: Материалы к курсу «История Саратовского Поволжья» / Сост., вступ. ст. и коммент. В.П. Тотфалушина. Саратов, 2009. С. 167–176.

⁸ *Бессонов В.А., Тотфалушин В.П.* Указ. соч. С. 169.

Но известен и другой факт. Например, поляк по национальности врач 1-го класса 10-го гусарского полка армии Великого герцогства Варшавского Самуэль Богуслав Пешке был освобожден из плена вместе с саксонцами как уроженец Саксонии.

Весной 1813 г. ряд губернаторов, в том числе и саратовский, получили указания возобновить отправление находившихся в их губерниях поляков в определенные для службы места. Однако «по причине распространения болезней» в Саратовской губернии «провод пленных поляков на линию» был временно остановлен, что не прекратило автоматически смертность. Например, в апреле 1813 г. в Балашове – уездном городе Саратовской губернии – скончался польский унтер-офицер Игнатий Рачинский¹.

В апреле – начале мая 1813 г. из Саратовской губернии в Георгиевск было направлено пять партий военнопленных общей численностью в 647 человек (12 обер-офицеров, 616 нижних чинов, 14 женщин и 5 детей)².

В последующее время, согласно сведениям Журнала Казенной палаты, партии поляков из Саратова больше не отправлялись. Следовательно, можно предположить, что практически все, пережившие зиму военнопленные польской национальности, за исключением больных, весной 1813 г. покинули Саратовскую губернию. Таким образом, всего с конца ноября 1812 г. по начало мая 1813 г. для использования в российских войсках, находившихся на Северном Кавказе и в Грузии, из Саратовской губернии было препровождено примерно 1350 поляков (42 офицера, 1282 нижних чина, 21 женщина и 5 детей).

Что касается сведений о направлении поляков в Тобольск, о чем свидетельствовал в своем дневнике саратовский протоиерей Н.Г. Скопин³, то они противоречат распоряжению правительства, по которому на Сибирскую линию требовалось отправлять польских пленных только из Оренбургской, Пермской, Вятской и Псковской губерний.

7 мая 1814 г. последовало циркулярное предписание Вязмитинова собрать и представить в Министерство полиции сведения о количестве пленных, находившихся в регионах на излечении. Выполняя это распоряжение, саратовский губернатор 12 сентября 1814 г., после того, как закончилась репатриация, направил главнокомандующему в Петербурге требуемые данные.

Согласно им, среди умерших офицеров поляков не было. В госпиталях Саратова и Царицына, в отведенных квартирах Балашова, Петровска и Хвалынска находилось 226 больных военнопленных польской национальности, из них выздоровело 156 человек, умерло 65 и 5 пленных продолжали оставаться на излечении⁴. Однако, возможно, что умерших было больше, т. к. в рапорте губернатора было указано: «Сверх оных, из находившихся в болезни неизвестных наций, умерло в разные времена – 77 человек»⁵.

Вообще русское правительство было заинтересовано, чтобы какая-то часть военнопленных осталась в России на постоянное жительство. Циркуляром от 4 июля 1813 г. губернаторам предписывалось приводить согласившихся нижних чинов к присяге и сведения о них доставлять в Петербург, а информацию об офицерах, пожелавших остаться в России, представлять на рассмотрение в Министерство полиции. В ноябре того же года министр внутренних дел О.П. Козодавлев внес на утверждение в Комитет министров «Правила, коими руководствоваться, принимая военнопленных в подданство России». В результате из 15 поляков, находившихся в Астраханской губернии и пожелавших остаться в России, трое выразили готовность записаться в саратовские мещане⁶.

¹ Плешаков И.Н. Балашовский край и Отечественная война 1812 года: новые материалы и перспективные направления исследований // Прихопёрье и Саратовский край в панораме веков: Материалы XVI ист.-краеведч. конф. 17 нояб. 2006 г. Саратов, 2006. С. 56.

² Хомченко С.Н. Указ. соч. С. 167.

³ Из дневника Н.Г. Скопина. С. 11.

⁴ Подсчитано мной по: Саратовская губерния глазами пленных... С. 177–180.

⁵ Саратовская губерния глазами пленных... С. 178.

⁶ Государственный архив Саратовской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–1 об.

Таким образом, в ходе кампаний 1812–1814 гг. на территории Саратовской губернии в ссылке или плену оказалось немало уроженцев западных губерний Российской империи. Хотя они находились под жестким контролем полиции и местных властей, материально-бытовые условия их пребывания здесь можно оценить, в целом, как вполне удовлетворительные. Тыловой характер Саратовской губернии и лояльное поведение основной массы ссыльных и пленных во многом предопределило благожелательное отношение к ним как со стороны администрации, так и со стороны местного населения, в первую очередь благородного сословия. Это в свою очередь позволило основной массе иностранных мемуаристов вспоминать то время скорее положительно.

К БИОГРАФИИ А. С. ФИГНЕРА

Среди армейских партизан – героев Отечественной войны 1812 года – совершенно особое место занимает Александр Самойлович Фигнер. По своей значимости он заслуженно считается, наряду с Д.В. Давыдовым и А.Н. Сеславиным, одним из столпов партизанского трехзвездия той войны и, кстати, героев заграничного похода русской армии 1813 г. Но, в то же время, он отличался от всех партизан (включая Давыдова и Сеславина) уникальными, только ему присущими особенностями: во-первых, невероятной изобретательностью и дерзостью его воинских подвигов и, во-вторых, столь же невероятной, шокировавшей даже его друзей и соратников, жестокостью. Рассмотрим здесь эти две особенности детально, поскольку обобщенного исследования о Фигнере до сих пор нет, кроме миниатюрной (2,4 п. л.) брошюры П.М. Володина¹, причем ни Володин, ни авторы многочисленных трудов о «Грозе двенадцатого года» в царской, советской и постсоветской России, где упоминается и характеризуется Фигнер², ни слова не говорят о его «варварской», по выражению Дениса Давыдова, жестокости³. В дореволюционной литературе только авторы юбилейного 7-томника поведали вкратце о «варварстве» Фигнера и его «способности озверивать» (!) боевых соратников⁴. В советское же время лишь Е.В. Тарле лапидарно (без подробностей) отметил «особую неумолимость» и «жестокость» Фигнера⁵, да еще журналист В. Бочков упомянул о «неумолимой (курсив мой. – Н. Т.) жестокости» героя-партизана...⁶

Главное в биографии Фигнера – это, конечно же, его «блистательные подвиги». Именно так считал самый жесткий обличитель фигнеровского «варварства» Денис Давыдов. Он же не скупился на похвалы Фигнеру как воину: «превосходные военные дарования, отважность, предприимчивость», «быстрый, тонкий, пронизательный и лукавый ум», «сметливость сверхъестественная» – «все качества, составляющие необыкновенного воина»⁷. Давыдов вспоминал и о конкретных примерах отважности и сметливости Фигнера. Так, «при Тарутине (в сентябре 1812 г. – Н. Т.) Фигнер не раз показывал ту точку в середине неприятельского лагеря, где он намеревался находиться в следующий день. В самом деле, на другой день он, переодетый во французский мундир, находился в середине неприятельского лагеря и обозревал его расположение. Это повторялось не раз»⁸. А вот 20 октября Фигнер осуществил дерзкий рейд в тыл авангарда (!) французов, «взял в плен 5 офицеров и 360 рядовых и отбил огромный транспорт со съестными припасами, по деревням собранными»⁹.

¹ Володин П.М. Партизан Александр Фигнер. М., 1971.

² См., например: Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1824. Ч. 2; Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. СПб., 1839. Т. 4; Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1860. Т. 3; Партизаны 12-го года. Давыдов, Фигнер, Сеславин. М., 1911; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962; Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. М., 1988; Шишов А.В. Битва великих империй. М., 2005; Фролов Б.П. «Да, были люди в наше время ...». М., 2005 и др., а также: Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. М., 2004.

³ Давыдов Д.В. Соч. М., 1962. С. 360.

⁴ См.: Отечественная война и русское общество. Юбилейное издание / Под ред. А.К. Джигелева и др. М., 1912. Т. 4. С. 213–214, 216–217.

⁵ См.: Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 7. С. 285, 691.

⁶ Бочков В. Многоликий Фигнер // В мире книг. 1983. № 4. С. 51.

⁷ Давыдов Д.В. Соч. СПб., 1893. Т. 3. С. 174; Он же. Соч. М., 1962. С. 360, 532.

⁸ Давыдов Д.В. Соч. М., 1962. С. 541.

⁹ Там же. С. 304.

Из других источников можно узнать и о том, что еще до нашествия Наполеона на Россию, в сентябре 1810 г., когда Россия воевала с Турцией, русский главнокомандующий генерал от инфантерии Н.М. Каменский (сын фельдмаршала М.Ф. Каменского) перед штурмом турецкой крепости Рушук вызвал добровольцев «для измерения глубины и ширины крепостного рва и, ежели можно, высоты вала». Фигнер, бывший тогда в чине поручика, «явился первым к главнокомандующему и сделал уверение, что он дело исполнит сие самым аккуратным образом, ежели возвратится назад. Так немедленно в темноте ночи отравился он к крепости; ползши долго на руках и на животе до рва, выполнил эту порученность, взялся охотником на штурм крепости, и оказалась верность в его измерении»¹. За этот подвиг Каменский лично вручил Фигнеру орден Св. Георгия 4-го класса².

В начале Отечественной войны Фигнер отличился в бою под Лубино (Валутина гора) 7 августа 1812 г. на глазах у главнокомандующего 1-й Западной армией и военного министра М.Б. Барклая де Толли, взяв в плен французского офицера. Барклай прямо на поле произвел Фигнера в капитаны³.

Главным же подвигом Фигнера в 1812 г. было его участие, вместе с Д.В. Давыдовым и А.Н. Сеславиным, в самой крупной партизанской операции того года – 9 ноября у д. Ляхово. Здесь отряды Давыдова, Сеславина и Фигнера, призвав на помощь казачьи полки генерал-майора В.В. Орлова-Денисова, окружили целую бригаду генерала Ж.-П. Ожеро⁴ из дивизии Л. Барагэ д'Илье, входившей в состав 9-го корпуса маршала К. Виктора. После искусного маневра партизаны и казаки заставили противника сложить оружие. В плен были взяты 2 тыс. рядовых, 60 офицеров и сам генерал Ожеро⁵.

Главнокомандующий всеми русскими армиями М.И. Кутузов на радостях преувеличил масштабы этой замечательной операции, доложив Александру I: «Победа сия тем более знаменита, что при оной в первый раз в продолжение нынешней кампании неприятельский корпус (курсив мой – Н. Т.) сдался нам»⁶, а наши историки, вместо того, чтобы исправить фельдмаршальский подлог (бригада превращена даже не в дивизию, а в целый корпус!), как правило, сами пользуются им, радостно утверждая, что россияне «наголову разгромили корпус генерала Ожеро»⁷. Ольга Орлик при этом спутала генерала с его братом маршалом, который в России никогда не был...

Задумывал Фигнер в 1812 г., но не смог осуществить прямо-таки «фантастическое намерение»⁸: пробраться из Тарутинского лагеря в Москву, занятую французами, и далее в Кремль, к самому Наполеону, чтобы убить его. Подчеркну, что Фигнер был наделен не только «сверхъестественной смелостью» и прямо-таки баснословным хитроумием («это Улисс» – говорил о нем Денис Давыдов⁹); он к тому же свободно владел французским, немецким,

¹ 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 82 (автор воспоминаний – однополчанин Фигнера капитан Г.П. Мешетич).

² *Раджицкий И.Т.* Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 гг. М., 1835. Ч. 1. С. 204.

³ Там же. С. 122–123.

⁴ Младший брат маршала П.-Ф. Ожеро.

⁵ *Давыдов Д.В.* Соч. М., 1962. С. 361–365.

⁶ М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4. Ч. 2. С. 255.

⁷ См.: *Жилин П.А.* Указ. соч. С. 305; *Ростунов И.И.* Народные массы России в Отечественной войне 1812 г. // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 11; *Бескровный Л.Г.* Партизаны в Отечественной войне 1812 г. // Вопросы истории. 1972. № 2. С. 93; Герои 1812 г.: Сб. М., 1987. С. 441; Бородино. 1812. М., 1987. С. 281; *Пушкин В.А., Костин Б.А.* Из единой любви к Отечеству. М., 1987. С. 23; *Орлик О.В.* «Гроза двенадцатого года ...». М., 1987. С. 101, 185; *Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т.* Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. М., 1995. С. 341.

⁸ *И.О. Александр Самойлович Фигнер, партизан Отечественной войны 1812 г.* // Русская старина. 1887. № 8. С. 323.

⁹ *Давыдов Д.В.* Соч. СПб., 1893. Т. 3. С. 175.

итальянским, польским и молдавским языками¹. Поэтому он мог запросто, переодевшись наполеоновским (французским ли, итальянским или польским) офицером, проникнуть в неприятельский лагерь с целью разведки или диверсии.

Своим замыслом убить Наполеона Фигнер поделился с генералом А.П. Ермоловым (начальником штаба при главнокомандующем Кутузове), а Ермолов доложил об этом самому Кутузову. Вот как много лет спустя, в 1852 г., Ермолов рассказывал о реакции Кутузова на замысел Фигнера своему приятелю И.М. Ковалевскому, который, в свою очередь, пересказал услышанное от Ермолова литератору Н.И. Розанову². Фигнер, будто бы, спрашивал для своей операции восемь казаков. Кутузов, выслушав доклад Ермолова о «фантастическом намерении» партизана (которое, по убеждению Е.В. Тарле, грозило ему «верной 100-процентной гибелью»³), распорядился: «Христос с ним! Пусть возьмет осьмерых казаков на общем положении о партизанах». Известно, что Кутузов очень ценил Фигнера. В письме к жене 30 октября 1812 г. он признавался: «Я этакой высокой души еще не видал <...> и Бог знает, чего он не предпримет»⁴, а в донесении царю от 31 октября восхищался фигнеровской «великостью духа»⁵. Но для чего Кутузов отрядил с Фигнером на убийство Наполеона «осьмерых казаков», непонятно: вряд ли казачья восьмерка могла бы помочь Фигнеру в таком деле, да и вышло так, что казаки здесь не потребовались.

Друзья Фигнера (И.Т. Радожицкий, К.А. Бискупский) и его соратники (Д.В. Давыдов, П.Х. Граббе, Г.П. Мешетич) свидетельствовали, со слов Александра Самойловича⁶, что действовал он, пытаясь убить Наполеона, в одиночку. «Надев на себя лохмотья самого бедного последнего сословия нищего старца, – читаем об этом у Мешетича, – дошел он до Москвы, пробрался в улицы оной, дошел до Кремля и начал пантомимами спрашивать подаяние хлеба, но скудно очень оный доставал, терпел и голод. Как вдруг взят был одним французом к дому, где стоял Главного штаба Наполеона чиновник высокого звания в должности помощника начальника штаба; поручено было "нищему" таскать, где найдет, дрова, топить печки и исправно смотреть за оными; он был причислен к хозяину, где жил, но имел одно помышление, которое его не оставляло ни день ни ночь, – убить Наполеона! <...> Подумал он как-нибудь поместиться в Кремле».

Далее цитирую рассказ самого Фигнера в передаче И.Т. Радожицкого: «Хотелось мне пробраться в Кремль, к Наполеону, но один каналья, гвардеец, стоявший на часах у Спасских ворот, шибко ударил меня прикладом в грудь. Это подало подозрение, меня схватили, допрашивали: с каким намерением я шел в Кремль? Сколько ни старался я притворяться дураком и простофилей, но меня довольно постращали и с угрозой давали наставления, чтобы впредь не осмеливался ходить туда, потому что мужикам возбраняется приближение к священному месту пребывания императора».

По слухам, Фигнер не один раз пытался проникнуть в Кремль с целью убить Наполеона. Даже английский представитель при штабе Кутузова сэр Роберт Т. Вильсон конкретно осведомлял о нем одного из своих корреспондентов: «Сей офицер был три раза в Москве, чтобы взять или убить Бонапарте»⁷.

¹ Радожицкий И.Т. Указ. соч. С. 205.

² Розанов Н. Замысел Фигнера 1812 г. // Русская старина. 1875. № 7. С. 448–451.

³ Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. С. 257.

⁴ М.И. Кутузов: Сб. документов. Т. 4. Ч. 2. С. 253.

⁵ Там же. С. 258.

⁶ См.: 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. С. 83–84; Радожицкий И.Т. Указ. соч. С. 208; Копии с писем полковника К.А. Бискупского // Бумаги Щукина. М., 1903. Ч. VII. С. 294; Давыдов Д.В. Соч. М., 1962. С. 532; Граббе П.Х. Из памятных записок. М., 1873. Ч. 2. С. 96.

⁷ Вильсон Р.Т. Дневник и письма 1812–1813. СПб., 1995. С. 171.

Риск для Фигнера в его намерении был тем бóльшим, что он навлек на себя подозрения и настоящую охоту со стороны французов. У них «распространился слух, что партизан есть из русских, штаб-офицер, по фамилии знали, чрезвычайно смелый, приезжает иногда на их биваки и узнает, что нужно, и нападает удачно»¹. Более того, Фигнер и в самой Москве «из числа оставшихся в городе людей разного звания» создавал «шайки удальцов», после чего «в простой одежде мужика он бродил между французскими солдатами, чем мог им прислуживал, между тем вслушиваясь в их разговоры, потом распорядился со своими удальцами для ночных нападений и к утру по всем улицам являлись тела убитых французов». Французы тщетно искали [Фигнера], даже имели его перед глазами – и не могли найти»².

«Назначена была даже награда тому, кто его живого приведет или истребит»³. По слухам, голова Фигнера «была оценена самим Наполеоном»⁴. Во всяком случае, по авторитетному свидетельству Антуана Анри Жомини, Наполеону докладывали о партизанских диверсиях Фигнера. «Немецкого происхождения, но в деле настоящий татарин», – такое мнение составил о Фигнере император⁵, памятуя, должно быть, о том, как на Руси когда-то осели татаро-монголы...

Удалось французам «истребить» Фигнера лишь после того, как они были изгнаны из России, а русские войска, преследуя их, отправились в заграничный поход по странам Европы. Осенью 1813 г. Фигнер (с марта того года – полковник) организовал на территории Пруссии «легион смерти» из дезертиров наполеоновской армии, подкрепленный российскими казаками. 13 октября в бою с французами близ г. Дессау на левом берегу Эльбы, легион дезертиров неожиданно для Фигнера сложил оружие, а сам Фигнер, пытаясь спастись бросился вплавь на другой берег Эльбы и утонул (тело его не было найдено)⁶.

Обратимся теперь к самому неудобному для наших историков сюжету из биографии А.С. Фигнера, – о его «варварстве». Очевидцы (даже из числа друзей и соратников Александра Самойловича) приводили примеры его действительно шокирующей жестокости. К.А. Бискупский как очевидец вспоминал о такой сцене: Фигнер расставил до 180 пленных французов вдоль деревенской улицы двумя шеренгами, а казаки по его приказу в конном строю перекололи их всех пиками⁷. По воспоминаниям Н.Н. Муравьева, Фигнер был настолько жесток, что «поставив пленных рядом, собственноручно расстреливал их из пистолета»⁸. П.Х. Граббе (тоже, как и Н.М. Муравьев, будущий декабрист, а позднее генерал-адъютант Николая I и генерал от инфантерии) суммировал свои впечатления о Фигнере именно с акцентом на его «жестокосердии»: «Этот человек по примечательным своим дарованиям и злодействам заслуживал и внимания и омерзения»⁹. Даже племянник Фигнера в семейных воспоминаниях осудил чинимое его дядей «жестокое истребление пленных, умерщвлённых тысячами»¹⁰. Но особенно нетерпим был к «безнравственности» и «варварству самому ужасному» Фигнера Денис Давыдов¹¹.

¹ 1812. Воспоминания воинов русской армии. С. 85.

² *Раджицкий И.Т.* Указ. соч. С. 207.

³ 1812. Воспоминания воинов русской армии. С. 85.

⁴ *И. О.* Указ. соч. С. 324.

⁵ *Жомини А.* Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1840. Ч. 5. С. 373. В 1812 г. бригадный генерал Жомини был военным губернатором Вильно и Смоленска. С 1813 г. – на русской службе, генерал от инфантерии, основатель первой в России Военной академии. Выдающийся военный историк, автор 5-томного труда «Политическая и военная жизнь Наполеона».

⁶ Подробно об этом см.: 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. С. 87, 103.

⁷ См.: Копии с писем подполковника К.А. Бискупского. С. 322–323; *Муравьев Н.Н.* Записки // Русский архив. 1885. № 11. С. 356.

⁸ *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 356.

⁹ *Граббе П.Х.* Указ. соч. С. 97.

¹⁰ *Фигнер А.В.* Партизан Фигнер (Из семейных воспоминаний) // Исторический вестник. 1884. № 10. С. 141.

¹¹ *Давыдов Д.В.* Соч. СПб., 1893. Т. 3. С. 174.

В своем «Дневнике партизанских действий 1812 г.» Давыдов подробно рассказал о полемике с Фигнером по вопросам общечеловеческой и, особо, воинской нравственности. Цитирую его рассказ: «Я уже давно слышал о варварстве Фигнера, но не мог верить, чтобы оно простиралось до убийства врагов обезоруженных, особенно в такое время, когда обстоятельства Отечества стали исправляться и, казалось, никакое низкое чувство, еще менее мщение, не имело места в сердцах, исполненных сильнейшей и совершеннейшей радостью. Но едва он узнал о моих пленных, как бросился просить меня, чтобы я разрешил растерзать их каким-то новым казакам его, которые, как говорил он, еще не натравлены. Не могу выразить, что почувствовал я при противоположности слов сих с красивыми чертами лица Фигнера и взором его – добрым и приятным». Давыдов отказал Фигнеру в его просьбе. «Однако, – цитирую Дениса Васильевича далее, – опасаясь, чтобы он не велел ночью похитить пленных моих, я <...> удвоил секретную стражу, поручил сохранение их на ответственность урядника и отослал их рано поутру в главную квартиру».

«Мы часто говорили о Фигнере – сем странном человеке, проложившем кровавый путь среди людей, как метеор всеразрушающий, – подытоживал Денис Давыдов свои впечатления. – Я не могу постигнуть алчность его к смертоубийству!»¹

Да, не всякий гусар, каким был Денис Давыдов, мог проявить или, хотя бы, объяснить такую «алчность» – даже в условиях кровопролитной войны с внешним врагом. Но все-таки война всегда ожесточает людей, а в 1812 г., когда россиянам пришлось защищать Отечество от нашествия «басурманов», многие из них, подобно Фигнеру, проявили «алчность к смертоубийству». Сэр Р.Т. Вильсон с пониманием фиксировал в дневнике 1812 г. «виденные» им самим «ужасающие деяния свирепости» не столько партизан, сколько мирных крестьян: 18 октября – «многие крестьяне покупают у казаков пленных по два рубля за голову, чтобы предать их смерти»; 1 ноября – «пятьдесят французов схвачены и сожжены заживо»; 13 ноября – «шестьдесят голых пленников, лежащих шеями на спленном дереве. Прыгающие вокруг них с песнями русские, и мужчины и женщины, ударами толстых прутьев разбивают одну за другой их головы»².

В малоизвестном, если не сказать полузабытом, стихотворении Н.А. Некрасова «Так служба! Сам ты в той войне...» описан (со слов очевидца, генерал-адъютанта П.А. Тучкова) и такой факт: крестьяне поймали пятерых французов («отца да мать с тремя щенками») и «пришибли» их всех, одного за другим, – кого «кулаками», а кого и «топорищем»³.

В общем, «варварство» Фигнера (по отношению к врагам Отечества) выглядело если чрезмерным и, конечно же, не вполне оправданным, то с точки зрения историка, понятным. На войне как на войне: *c'est la vie!*

В заключение уместно коснуться еще одного, обросшего легендами, вопроса из биографии А.С. Фигнера – был ли он в родстве с великим певцом (другом П.И. Чайковского и первым Германом в опере «Пиковая дама») Николаем Николаевичем Фигнером, а, следовательно, и с родной сестрой певца, выдающейся революционеркой, героиней партии «Народная воля» Верой Николаевной Фигнер? Внучка Николая Николаевича Марианна Эдвиновна Фигнер в письме ко мне от 9 октября 1985 г. вспоминала: «По словам Веры Николаевны, их отец с детства внушал им, что партизан – их дед. Вера Николаевна так и думала до того времени, пока не начала писать свою книгу (мемуары «Запечатленный труд». – Н. Т.). Она обратилась к моей маме с просьбой посмотреть документы, которые находились у нас. От мамы она узнала, что дед ее – Александр Александрович. Это дало ей повод отречься в своей книге от родства с партизаном»⁴.

Действительно, в биографическом очерке о Вере Николаевне, который был написан Н.А. Морозовым в июле 1916 г. по заказу В.И. Семевского для эн-

¹ Давыдов Д.В. Соч. М., 1962. С. 360–361.

² Вильсон Р.Т. Указ. соч. С. 77, 82, 85.

³ Некрасов Н.А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1979. Т. 1. С. 111–112, 328.

⁴ Четыре письма М.Э. Фигнер ко мне 1985–1989 гг. хранятся в моем личном архиве.

циклопедического словаря, но не напечатан («словарь остановился»), значилось: «Партизан 1812 года Фигнер был двоюродным братом ее деда»¹. Текст очерка, сохранившийся в архиве РАН, был правлен Верой Николаевной, но эта фраза осталась тогда без исправления. А вот в «Запечатленном труде», первый том которого был издан в 1921 г., Вера Николаевна высказалась категорически: «Родство моего отца с известным партизаном 1812 года Александром Самойловичем Фигнером есть ни на чем не основанная легенда»².

Что касается Николая Николаевича Фигнера, то он, вероятно, держался версии о своем родстве с партизаном до конца (умер в 1918 г.). М.Э. Фигнер в статье, опубликованной совместно с А.И. Шкляринским, сообщила о малоизвестном факте. 26 апреля 1910 г. председатель Совета министров Российской империи П.А. Столыпин докладывал Николаю II: «Солист Вашего Величества Фигнер обратился ко мне с ходатайством об испрошении всемилостивейшего Вашего Величества соизволения на открытие всероссийской подписки и сбора пожертвований на сооружение памятника деду его (курсив мой. – Н. Т.), герою Отечественной войны, партизану Фигнеру». «Из этого замысла, – читаем в статье М.Э. Фигнер, – ничего не вышло. О нем напоминает теперь лишь небольшой лист с черновым эскизом памятника, уцелевший в семейном архиве»³.

В статье для энциклопедии «Немцы России» Марианна Эдвиновна Фигнер проследила – с начала XVIII в. – родословную «двух ветвей» Фигнеров, одну из которых представлял Александр Самойлович, а другую – Николай Николаевич и Вера Николаевна⁴. За все это время обе ветви не соединялись, эволюционировали параллельно. Исходя отсюда, биограф Николая Николаевича Фигнера М.О. Янковский не без оснований заключил, что партизан Фигнер «по боковой линии являлся предком артиста»⁵.

Кстати, склонялся к такому заключению и П.М. Володин – автор единственной книги об А.С. Фигнере⁶. К сожалению, эта книга (мини-брошюра по формату) не имеет научного аппарата и грешит избытком оплошностей. Так, на с. 16 утверждается, что при Бородине французы потеряли 58,5 тыс. человек и что «резервы Наполеона были истощены». В действительности потери французов не достигли 30 тыс. человек против 45,6 тыс. у россиян⁷, а что касается резервов, то сам М.И. Кутузов признавал: «Вся наполеонова гвардия» (около 20 тыс. человек! – Н. Т.) была сбережена и в дело не употреблялась», а россияне ввели в бой всё «до последнего резерва»⁸. Далее, на с. 22 П.М. Володин использует фальшивку, а именно подтасованное при царском дворе заявление Кутузова, будто подожгли Москву французы, тогда как в действительности Кутузов заявил: «Я хорошо знаю, что это сделали русские»⁹. Далее, на с. 26 П.М. Володин повторяет оплошную версию о том, что первым армейским партизаном в 1812 г. был Д.В. Давыдов (на самом деле – Ф.Ф. Винценгероде)¹⁰. Еще два примера: на с. 43 П.М. Володин утилизирует фальшивку, исходящую от самого Кутузова (будто бы под Ляховым россияне пленили не бригаду французов, как это было, а целый корпус), и на с. 50 «производит» третьестепенного генерала Ж.-Л. Ренье в маршалы, каковым он никогда не был...

В общем, надо признать, что подлинно научная и достаточно подробная биография А.С. Фигнера остается делом будущего.

¹ Архив РАН. Ф. 543. Оп. 1. Д. 543. Л. 1–2.

² Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 46.

³ Фигнер Марианна, Шкляринский Александр. Разыскивается... прапрадед // Нева. 1987. № 8. С. 185–186.

⁴ См.: Фигнер М. Фигнеры // Немцы России: Энциклопедия. М., 2006. Т. 3. С. 648–649.

⁵ Н.И. Фигнер. Воспоминания. Письма. Материалы. Л., 1968. С. 7.

⁶ См.: Володин П.М. Указ. соч. С. 55.

⁷ Подробно см.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 2007. С. 291–292.

⁸ М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4. Ч. 1. С. 243.

⁹ См. об этом Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 г. М., 1967. С. 147.

¹⁰ Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1914. Т. 17. С. 155, 157.

ИСТОЧНИКИ

Воспоминания генерала М.И. Карпенко о Заграничных походах 1813–1814 гг.

О походе 1813 года написано не так уж и много работ, тем более, по сравнению с историей «Двенадцатого года». Еще меньше опубликовано воспоминаний участников тех событий. Это тем более удивительно, что сам государь – Александр I чрезвычайно любил рассказывать в присутствии широкого круга гостей о событиях Заграничных походов. Это была одна из самых популярных тем во время его разговоров с приближенными. Видимо, в те далекие 1820-е гг. еще широко не назрела в обществе мысль о необходимости записывать воспоминания о минувших событиях. Но прошли годы, когда один из участников событий – А.И. Михайловский-Данилевский обратился к созданию «Описаний» войн царствования императора Александра I. Скрупулезно работая в архивах, Александр Иванович впервые в русской исторической науке столь широко обращается к мемуарному наследию современников и участников прошедших войн¹. Более того, он сам становится инициатором создания мемуаров другими лицами. Отправляя в дар, свои изданные работы по истории войн начала XIX века, он постоянно напоминает корреспондентам о необходимости записывать воспоминания. Вместе с тем, каждому участнику было лестно увидеть свое имя, занесенное «на скрижали истории». Постепенно в архиве ученого собралось огромное количество мемуаров по истории отдельных войн, в том числе, и по истории Заграничного похода 1813–1814 гг.

К величайшему сожалению, они до сих пор не опубликованы, а те, что и увидели свет в начале XX века, ныне стали библиографической редкостью. На сегодняшний день основной корпус мемуарного наследия, собранного А.И. Михайловским-Данилевским сконцентрирован в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА)². Из этой богатой коллекции в Саратове уже были опубликованы воспоминания генерала Г.А. Эммануэля³. Ныне вниманию читателя предлагаются записи другого участника Заграничных походов – М.И. Карпенко.

Личность генерала – чрезвычайно типична для военных биографий эпохи «Двенадцатого года». Он участвовал в Бородинской битве, сражался при Тарутино, прошел всю Европу в 1813–1814 гг.

Свои воспоминания Карпенко написал как ответ на выход в свет работ А.И. Михайловского-Данилевского, посвященных Заграничным походам. В 1836 г. были опубликованы вторым изданием «Записки» Михайловского-Данилевского о событиях 1813 г., и в том же году вышло «Описание похода во Францию в 1814 году». В начале 1839 г. Михайловский-Данилевский представил на суд императора Николая I рукопись «Описания войны 1813 года», но опубликована она была лишь в конце 1840 г.

Видимо, М.И. Карпенко читал рукопись, т. к. его сопроводительное письмо к историку датировано ноябрем 1839 г., когда Михайловский-Данилевский был занят написанием истории Отечественной войны 1812 года. Ныне воспоминания Карпенко хранятся в РГВИА, в фонде № 846 – это бывший фонд Военно-Ученого архива (ВУА), в деле № 3376, часть 2. Современная нумерация листов 152–154,

---

¹ *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.

² *Малышкин С.А.* Русский военный историк А.И. Михайловский-Данилевский и судьба его архива // Российский государственный военно-исторический архив. Труды. Вып. 2: Документальные реликвии российской истории. 200-летие военно-ученого архива. М., 1998. С. 104–122.

³ *Эммануэль Г.А.* Воспоминания о походе во Францию в 1814 г. / Подготовка текста, вступ. ст. и коммент. С.А. Малышкина // Доклады Академии Военных наук. Поволжское отд. Военная история. Саратов, 2004. № 12. С. 101–107.

но сохранилась и первоначальная нумерация – это листы 1–13. На первом листе имеется помета: «По Описи № 74». Дело в том, что комиссия, разбиравшая архив ученого, все его «бумаги» тщательно изучила, и отдельные воспоминания получили свой номер.

М.И. Карпенко. Неизвестный художник. Первая половина XIX в.

Текст письма и сами воспоминания написаны четким, писарским почерком. Вместе с тем, имеются некоторые добавления, внесенные рукой М.И. Карпенко. Публикатор старался полностью передать текст воспоминаний со всеми характерными чертами, присущими Карпенко. Именно поэтому, были оставлены характерные грамматические ошибки, авторская пунктуация, чтобы читатель XXI века мог перенестись в век «минувший», представить обычную, повседневную грамотность русского офицера. Стремление в научных целях передать текст соответствующий сегодняшним понятиям о русском языке, несомненно, обедняет живой образ автора, других ушедших героев, не позволяет полностью взглянуть на их быт, уровень обучения, общения между собой. Лишь в редчайших случаях, использовалась современная пунктуация, и то лишь для того, чтобы не потерять смысл воспоминаний.

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОСТЬВО
Милостивый Государь
Александр Иванович!

Я приятным долгом вменил себе пожеланию Вашего Превосходительства, издаваемые вами книги 1813-го и 1814 Годов прочитывать и поволе* вашей, уведомить вас, в случае каких могущих случится* не в полне объясненного; имею честь вас Почтеннейший Генерал особенною моею запискою у сего прилагаемой уведомить. Я уверен что ваше Превосходительство при втором издании превосходнейшего вашего Писания не оставит поместить нужного для потомства военных событий – из вините* ваше Превосходительство что я распространился* моею запискою вдаль ибо все что только мне из вестно* – не объясня* всего умолчать немог* – поприбытии моем в санктпетербург первым долгом моим поставлю быть у вашего превосходительства, с отличным моим высокопочитанием и таковою же преданностию имею честь быть – ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО милостивый Государь

*Покорнейший Слуга Моисей Карпенков
Ноября 3-го дня
1839 года
Москва**.*

Господину Генерал Лейтенандту
и ковалеру* Александру Ивановичу
Михайловскому данилевскому*.

Описанный Бауценский бой¹ есть превосходнейший и верный, особенно боевые движения Генерала Барклай-де-Толли² на правом фланге нашей Армии; но затем, я полагаю необходимым, пояснить нижеследующее.

Будучи лично моему нахождению, командуя ариергардом, после Люценской битвы под Главным начальством Графа Милорадовича двумя егерскими полками; со 2-го Мая занимал позицию по левую сторону параллельно* с Бауценом, а 6-го мая ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР изволил прибыть в Бауцен, с тем чтобы высмотреть неприятельские силы, за рекою Шпрей, в одной версте от Бауцена расположенные, инедовольствуясь* в полне* своими нужными замечаниями, приказал чрез Графа Сен-При³ зделать мне рекогносировку* на правый фланг неприятельских сил, не вдаваясь притом в суриозный бой а старатся по возможности встревожить и опрокинуть их силы на себя, исполняя ВЫСОЧАЙШЕЕ приказание ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА по утру в 10-ть часов с двумя егерскими полками и 6-ю орудиями, в боевом порядке двунулся* Я левее моего расположения, перешед в мелкий брод по камням чрез упоминаемую речку, афлигель* адъютанту Сипягину⁴ приказано было с двумя кавалерийскими* полками придерживаться левее меня фланговым движением, в сие время егерские застрельщики быстротою своею захватили французский* пеший пикет стоящий в деревушке при одном унтер офицере с 8-ю человеками коих тот же час приказал отвести в Бауцен и отдать их Графу Сен-При, и когда приблизился Я с колоннами Моими наразстояние* пушечного выстрела, армия французов была встревожена и наверное полагала что в след за сим последует со стороны нашей суриозная атака. При сем моем движении открыл Я пушечные выстрелы, французские* 4 колонны* построившись в боевой порядок двинулись на меня с 2-мя конными батареями и при открытии огня одна из них конная батарея начала меня обходить в правой мой фланг, а потаковому* их

¹ Сражение за немецкий город Баутцен состоялось 8–9 (20–21) мая 1813 г. После неудачного сражения у Лютцена, союзные войска отступили через Дрезден к границам Австрии. Здесь на берегах р. Шпрее, предполагалось остановить вновь сформированную армию Наполеона. К сожалению, надежды союзников не оправдались, и русско-пруссские войска вынуждены были отойти еще дальше на восток.

² М.Б. Барклай де Толли привел к Баутценской позиции бывшую русскую 3-ю Западную армию, которая до этого осаждала г. Торн. В день сражения при Баутцене он командовал правым флангом союзников.

³ Э.Ф. Сен-При 8 мая 1813 г. защищал переправы союзников через р. Шпрее.

⁴ Сипягин Н.М. – начальник штаба авангардного корпуса М.А. Милорадовича.

быстрому движению, я тот же час принял ретираду, сообразно приказанию к старой моей позиции, и перешедши чрез речку обратно встретил меня Граф Остерман¹, Граф Сен-При и Граф Милорадович – объявили мне Монаршую благодарность за успех ожидаемый ИМПЕРАТОРОМ, и приказано было послать мне моего Адъютанта с подробным донесением к ГОСУДАРЮ, адъютант мой поручик Готовцов возвратился с объявленною ему ГОСУДАРЕМ наградою св: владимира с бантом и с милостивым отзывом комне* ГОСУДАРЯ, потеря моя состояла в одном убитом и 6-ти раненных егерей.

Маия 8-го дня по утру в 8-мь часов все неприятельские силы двинулись с своего расположения и первый был их натиск во фланг моих колон*, видя такое их предприятие* Я тот же час поставил в выгоднейшем месте 6-ть орудий и начал действовать, а как их позиция из заречки* Шпрей гораздо превышала, и 24 орудия противу меня действующие вынудили меня с четверть версты отступить назад, а позанятию новой позиции удерживал Я их до 3-х часов времени; напоследок присланы ко мне наподкрепление* 4 линейных полка, Я держался до 4-х часов по полудни, переходя с позиции на позицию и к 7-ми часам вечера подошел к возвышенному кургану в лево от центра Генеральной нашей позиции.

На 9-е маия ожидал новых повелений, по утру 9-го маия загорелась битва на центр наш и на передовую батарею, где, находился Граф Сен-При, безпре-
станные ведены неприятельские атаки, а курган удерживаемый мною несколько раз переходил из рук в руки, и к 3-м часам по полудни при полученной мною тяжелой ране, курган был отдан французам; и когда чрез позицию нашу раненного меня везли на форшпане, тут я опомнившись, заметил начатую уже войск наших ретираду, и к 5-ти часам по полудни битва прекратилась: за подвиг сих дел награжден Я орденом св: великомученика* и победоносца Георгия 3-го класса.

в* июне месяце освободившись от полученной раны мечь* во вновь был на мне* препоясан. Я прибол* в Рехенбах, где войска наши под командою князя Витгенштейна расположены были в кантомирном* положении.

За тем по окончании перемирия двинулись все войска как известно и ВА-
ШЕМУ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ в дальнейший* поход и после Лейпцыхского сра-
жения и до Рейна я состоял уже в корпусе Графа Сен-При, и по дизлокации Глав-
но-Командующего Генерала Барклая-де-Толи, корпус расположен был на самом
берегу Рейна противу самого Кобленса, близ крепости Эриен-Штей-Брейна. 18 де-
кабря назначена чрез Рейн переправа, это время под командою мою состоял
первый егерский и елецкий* полки, с коими по диспозиции назначено мне выше
Кобленса чрез Рейн переправа, с тем что бы действовать прямо на Кобленс; упот-
ребив все усилия вытеснить неприятеля и занять оной, в 3 часа ночи на пригото-
вленные мне суда разместив полки, тихим образом пустился я чрез грозной Рейн, и
недоплыл* еще до берега, как даны были помне* не более шести пушечных вы-
стрелов, выскочивши на берег назначена от меня егерская рота при поручике Ко-
невцове, которая бросилась прямо на батареи, захватила 4 заряженных орудия, с
коими я двинулся прямо в низ по Рейну к Коблянсу*, лишь подошел к оному, как
стрелки неприятельские пустили ружейный огонь, и тот же час скрылись; Город
занят; по утру присылает Ко* мне Граф Сен-При из противоположной стороны
полковника Магденку² с назначением быть ему комендантом, коему Я и приказал
осмотреть весь город, он донес мне, что на берегу Рейна стоит колонна, постав-
ленная французами, с надписью победа над Рускими* войсками под Аустерлицем
спрашивая меня уничтожить оную, или что я прикажу делать? Я отвечаю ему так;
без уничтожения оной изволте* на сей же колонне сделать свою надпись, Россий-
ских войск города Коблянса полковник Магденко; имеет честь быть комендантом.
Я потому только, здесь почтеннейший Генерал и объясняю подробно переправу
чрез Рейн что не Полковник Магденко распоряжался, а Я, был главный начальник
мною*** взятого города, и назначил оную надпись****.

¹ Остерман-Толстой А.И. – генерал-лейтенант, в Баутценском сражении был тяжело ранен в плечо.

² Магденко М.С. – полковник (с 7.04.1813), участник сражения за Баутцен.

Упомянутый поручик Коневцов по представлению моему завзятое* четыре неприятельских пушек получил Георгия 4-го класса; И за сим позволите* ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО кратчайшим образом сказать и о покорении Реймса*; исключая корпусного командира Графа Сен-При действующие лица были из старших; Генерал лейтенант* Панчулидзе¹, Генерал Майор Карпенков, Генерал Майор Бистром², и полковник Скобелев, командир резанского полка*: он первый, выдержал ужасный натиск неприятельской кавалерии*, но как Прусский* Генерал Ягов³ не исполнил своей обязанности, то и погиб со всею частию своих войск, не укоряю тех, кои уже не существуют и должен сказать что Ягов и Генерал Лейтенант Эммануель⁴ они-то и виновны, внезапно на нас неприятельскому нападению, ибо войска наши по дизлокации Графа Сен-При, уже отошли в ближайшия деревни, а от Эммануеля и Ягова, прусского* генерала, не были ни о чем предварены, и когда, сделалась первая тревога командир резанского полка Полковник Скобелев был уже с полком готов и на руках выкатил 12-ть орудий за город, поставил оные на позицию избранную Графом Сен-При, и первый он успел сразиться* со многочисленным неприятелем: Слава и честь Герою, он, виновник остатков 8-го корпуса, он, сохранил в своем каре жестоко раненного гранатою Графа Сен-При, коего, по расположению моему с четырьмя* полками на правой стороне города в самое критическое время Резанские Гренадеры на носилках принесли ко мне; – изнеможенный силами Граф Сен-При приказал мне; «собрать остатки корпуса, и следовать к соединению на Леон», ибо Генерал Лейтенант Панчулидзе по нездоровью от командования отказался. вот* слова объявленные мне лично Графом Сен-При; при сем Я дал ему роту егерей уложу его в мою колясочку отправил по дороге на Леон; а Эммануеля Генерал Лейтенанта, которого, ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО упоминаете, здесь не было*; и куда он с партией своею зашел никто из нас не знает; – насчет сего ВАШЕМУ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ Я и объясняю что, в место Эммануеля после Графа Сен-При действовал и распоряжался не он, а Я.

К 11-ти часам ночи примкнул ко мне и полковник Скобелев, с четырьмя* орудиями и своим полком; на другой день Генерал Майор Бистром также присоединился к нам. Эммануеля же с нами и до самого присоединения не было.

Естьли* ВАШЕМУ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ показание не будет Ясно удовлетворительным то, Я свидетельствуюсь Генерал Лейтенантом* Скобелевым, о котором Я говорю как о личном самовидце всего происшедшего. в протчем ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО описание ваше во всех трех книгах 1813-го и 1814-го Годов, отлично верно и превосходно объяснено; прочитывая оные книги не скрою пред вами ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО, что оные есть без примерны, и в полне служат нам образцовыми; слава и честь единственным подвигам вашим, что пребудет навечные* времена памятником незабвенным. М: К[арпенко].

Примечания:

* Так в тексте.

** Текст: «Я уверен ... Москва» написан рукой М.И. Карпенко.

*** Слово: «мною» вписано над строкой рукой М.И. Карпенко.

**** Текст: «и ... надпись» дописаны рукой М.И. Карпенко.

Подготовка текста, вступ. ст. и коммент. С.А. Малышкина.

¹ Панчулидзе И.Д. – в 1813–1814 гг. начальник 1-й конно-егерской дивизии, чин генерал-лейтенанта получил за сражение при Лютцене.

² А.И. Бистром в сражении под Реймсом командовал бригадой в составе Елецкого и Полоцкого полков.

³ Генерал-майор Ф.В. Ягов в сражении под Реймсом командовал прусскими войсками, но не погиб, как сообщает Карпенко, а продолжал воевать, и скончался в 1857 г.

⁴ Генерал-майор Г.А. Эммануэль в сражении за Реймс командовал, по его словам, Полоцким пехотным, Киевским драгунским полками и 4-мя орудиями легкой артиллерийской роты. Оценка, данная ему Карпенко, расходится с мнением других участников события и историков.

«Ода на взятие Парижа 1814 года» из фонда Саратовской учёной архивной комиссии

Трудно назвать в русской истории другое событие, столь многообразно воспетое в искусстве, как Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813–1815 годов. Вспомним увертюру П.И. Чайковского «1812 год», памятники М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли перед Казанским собором, Александровскую колонну в Санкт-Петербурге, Военную галерею Зимнего дворца, роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Но есть и другие «памятники» – менее известные и, конечно, не сравнимые с перечисленными по художественному уровню, в том числе – памятники литературные. К ним можно отнести и стихотворение, которое предлагается вниманию читателей. Оно находится в Государственном архиве Саратовской области в фонде Саратовской учёной архивной комиссии (СУАК), где образует компактное дело из 6 листов.

Когда в России готовились широко отметить 100-летие Отечественной войны 1812 года, в Саратове в мае 1910 г. была создана межведомственная комиссия, которая занималась подготовкой торжественных мероприятий в регионе. СУАК принимала в этом самое активное участие¹. Ее члены собирали материалы, «относящиеся до Отечественной войны», в числе других мер «местным дворянам были переданы обращения губернского предводителя дворянства с просьбой ко всем родственникам и знакомым ветеранов Отечественной войны прислать в комиссию их письма, записки, портреты или воспоминания», предпринято обращение «через местные газеты к “публике” о предоставлении воспоминаний, записок и других материалов эпохи 1812 г.»². Вероятно, именно тогда в руки комиссии и попал публикуемый документ, до этого, наверное, бережно хранимый в какой-нибудь саратовской семье.

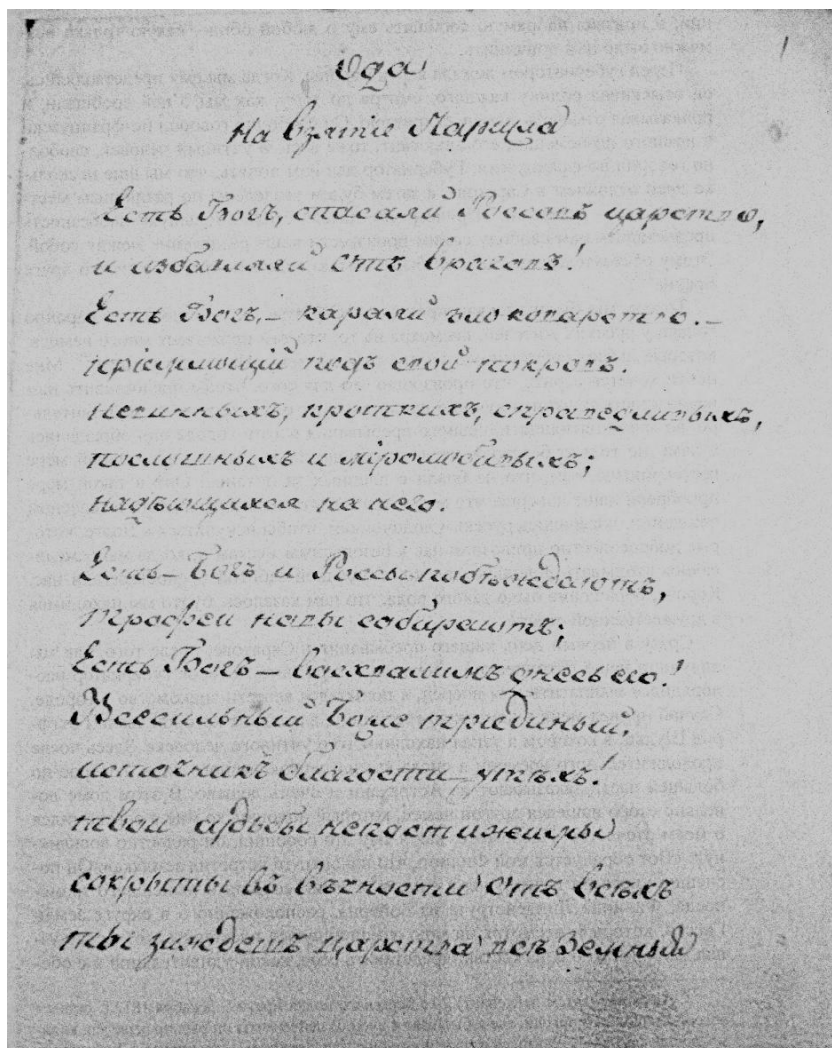
Он написан на плотной, голубого цвета бумаге, какую нередко использовали для письма в первой четверти XIX века. Документ представляет собой переписанный набело текст, о чём говорят отсутствие исправлений и каллиграфический почерк. На титульном листе – название «Ода на взятие Парижа 1814 года»; оно воспроизводится ещё раз, непосредственно перед текстом, но уже в сокращенном варианте – «Ода на взятие Парижа». Автор не указан.

Стихотворение воспроизводится нами в полном объеме. Сохранено строфическое членение и лексические особенности документа. Вышедшие из употребления буквы заменены на современные, обозначающие тот же звук. Характер почерка таков, что не всегда возможно различить заглавные и строчные буквы, а там, где они зрительно как будто бы различаются, в сходных случаях употребляются то «заглавные», то «строчные». Поэтому в предлагаемой публикации заглавная буква везде поставлена в начале стиха, в слове «Бог» и его синонимах, а также в обозначениях стран и народов, как это было принято в ту эпоху и встречается в рассматриваемом документе. Знаки препинания составлены в соответствии с современными нормами пунктуации, но для того, чтобы как можно полнее передать экспрессию стихотворения, сохранены «авторские» вопросительные и восклицательные знаки. Нумерация стихов наша. В комментариях представлены толкования мифологических (библейских) образов и некоторых устаревших слов.

---

¹ Майорова А.С., Тотфалушин В.П. Саратовская ученая архивная комиссия и подготовка к празднованию 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 го : материалы Всерос. науч. конф. Саратов 30 мая – 1 июля 2002 г. Саратов, 2002. С. 177–190; Самохвалова Н.В. Обзор документов по Отечественной войне 1812 года из фондов ГАСО // Там же. С. 217–222; Маковцева Л.В. Материалы по Отечественной войне 1812 года в собрании Саратовского областного музея краеведения // Там же. С. 191–192.

² Майорова А.С., Тотфалушин В.П. Указ. соч. С. 183, 180.

С достаточной уверенностью можно утверждать, что переписчик не является автором стихотворения. На это указывает характер ошибок. Некоторые из них – типичные описки. Так, стих 157 начинается словами «Твой цар...», но легко понять, что требуется «дар»; можно было бы подумать, что пишущий хотел употребить слово «царь», но «ъ» на конце читается так же явно, как «ц» в начале. То же самое – «сим» в конце 80-го стиха (рифма помогает восстановить необходимое «сам»).

В ряде случаев неверное слово (правильно написанное само по себе) обесмысливает текст. Так, в стихе 66, наверняка, нужно читать не «злобою ви-ясь змею», а «злбною»; в 114-м не «спокойно прочь от них бежит», а «спокойство»; в 107-м не «сосед», а «сосет» («В сердце фурия гнездится – / Сосет его – впуская яд»).

Окончания творительного падежа -ей/-ею и -ой/-ою в поэзии начала XIX века не несут ни смысловоразличительной, ни даже стилистической функции и определяются только требованиями ритма и рифмы, и потому поэт вряд ли их спутает, в то время как переписчик, особенно в случаях, когда одно и другое написание встречаются на коротком отрывке текста, может. Таковы стих 25: «Десницею твоею водимы» и 141–144: «Ты кроткою идешь стезею / В храм добродетели святой! / Дивишь всех мудростью своею, / Велик делами ты, душою!»

Отметим нарушения ритма, которые могут быть как допущенными переписчиком (пропуск, замена, изменение порядка слов), так и авторскими – смысл во всех этих случаях сохраняется, и, возможно, именно желание точнее передать свою мысль помешало поэту «вписаться» в размер. Это стихи 70-й: «Же-

лал смертный бессмертным быть»; 101-й: «Взгляни на самого себя, едва ли»; 151-й: «Ты с воинством чудесным».

Наконец, важным аргументом в пользу того, что переписавший текст не был его автором, является строфическое членение. Очевидно, что поэт создавал своё произведение по всем канонам одического жанра, в том числе выдерживая десятистишную строфу. В то время как в документе ГАСО мы видим фрагменты по 20 и 30 строк и даже разбивку 7/13 в начале текста. Может быть, здесь имела место осмысленная – тематическая – перегруппировка, но понять её принципы трудно.

Оригинал, к которому мог бы восходить данный текст, среди печатных источников не обнаружен. Возможно, мы имеем дело с произведением, созданным саратовским автором. Чтобы по достоинству оценить, лучше всего рассмотреть его в адекватном контексте. Таковой предоставляет нам «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» вышедшее в двух книгах в 1814 г. и неоднократно переиздававшееся на протяжении XIX века¹. Всего в «Собрании...» напечатано 141 произведение, причём уже современники отмечали, что «между прекрасными стихотворениями помещены самые посредственные и дурные без всякого разбора. Притом число первых весьма невелико, а последние занимают большую часть сей книги. Видно, Издатель ее имел в виду угодить публике количеством, а не качеством, и в сем случае совершенно достиг своей цели»².

На таком фоне саратовская «Ода» выглядит достаточно умело написанной, соответствующей уровню словесности своего времени. Только в историко-литературной перспективе, когда станет ясен масштаб таланта Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, стихотворения которых опубликованы в «Собрании...», и, конечно, А.С. Пушкина, такие произведения будут относиться к литературе «второго» и «третьего» ряда.

«Ода на взятие Парижа», как уже было сказано, написана по всем канонам жанра. Строфика – одическое десятистишие с рифмовкой AbAbCCdEEd³, которой отдавал предпочтение М.В. Ломоносов⁴. Размер – четырёхстопный ямб, который в свете жанровой традиции тоже был далеко не нейтральным: по

¹ Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М. : в Унив. Тип., 1814. Ч. 1. VIII, 248 с.; Ч. 2. VIII, 252 с. Комментированное переиздание в книге: Война 1812 года и концепт 'отечество'. Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России : исследование и материалы. Тверь, 2012. С. 253–620. История издания – в основном в связи с выявлением имени составителя, но представляющая также цензурную историю, отклики в современной периодике и др. – хорошо представлена в статье: Бодрова А. Кто же был составителем «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»? [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/118/b18-pr.html> (дата обращения: 14.10.2013). «Цензурные разрешения обе части издания получили еще весной 1814 года: 13 апреля и 8 мая соответственно, однако, судя по газетным объявлениям, к читателям книга попала не раньше начала сентября. В номере «Московских ведомостей» от 9 сентября (№ 72. С. 1763–1764) сообщалось об открытии подписки и выходе первой книжки <...> (объявление было также перепечатано в одном из следующих номеров газеты: Московские ведомости. 1814. № 74. 16 сентября. С. 1802–1803). О продаже обеих частей издания в университетской книжной лавке «Московские ведомости» сообщили только 18 ноября 1814 года (№ 92. С. 3160)» (Бодрова А. Кто же был составителем «Собрания...»). В конце второй книги (С. 251–252) помещены «Имена Особ, подписавшихся на книгу под названием: *Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году*» [курсив в оригинале], саратовцев среди них нет. Но большинство стихотворений, входящих в «Собрание...» ранее было опубликовано в периодических изданиях – в основном в «Русском вестнике», «Сыне Отечества», «Вестнике Европы», «Чтениях в Беседе любителей русского слова».

² Сын Отечества. 1814. Ч. 16. № 38. С. 243. Цит. по: Бодрова А. Кто же был составителем «Собрания...».

³ Заглавные буквы обозначают женские рифмы, строчные – мужские.

⁴ Тарановский К.Ф. Из истории русского стиха XVIII в. (Одическая строфа AbAb || CCdEEd в поэзии Ломоносова // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7 : Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. С. 106–115.

убеждению того же Ломоносова, ямб «сам собою имеет благородство для того, что <...> возносится снизу вверх», поэтому «всякий героический стих, которым обыкновенно благородная и высокая материя поется, долженствует состоять сею стопою»¹. В своей работе «Ода как ораторский жанр» Ю.Н. Тынянов, процитировав ломоносовскую «Риторику»: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем *преклонять* других к своему об одной мнению»², – рассматривает поэтику оды в свете её «установки» на максимальное воздействие и в связи с ораторским искусством. «Ода как витийственный жанр слагалась из двух взаимодействующих начал: из начала наибольшего действия в каждое данное мгновение и из начала словесного развития, развертывания. Первое явилось определяющим для стиля оды; второе – для ее лирического сюжета»³.

Автор «Оды на взятие Парижа» использует поэтико-риторические приёмы, соединяющие убедительность логического доказательства с силой эмоционального воздействия. Так, пафос 1-й строфы⁴ (и основная идея оды) задаются четырежды повторённым начальным утверждением «Есть Бог». В других случаях анафора тоже усиливает, создаёт эффект нарастания эмоции: радости, сопряжённой с чувством избавления от недавней угрозы («*Давно ль чудовище вращало / Убийственный свой взор на вас? / Давно ли яд свой изливало? / Давно ли?... Но ударил час...*»), «*Где древний фараон надменный? <...> Где мощный Голиаф чрезмерный? <...> Где дерзостный Мамай кичливый? / И где Батый самолюбивый?*»); возмущение злобным упорством врага («*Хотел невинных уязвить! / Хотел противу всех сражаться*») или «речь Наполеона»: «*Пусть Франция в огне дымится, / Пусть в пепел вся преобратится*» и др.). Традиционный одический «восторг» и одновременно искреннюю радость победы создают не только риторические вопросы и восклицания, но и сквозные эмоциональные мотивы, носителями которых являются слова-призывы, обращённые к соотечественникам «не бойтесь», «ликуй», «восторжествуй», «восхвалим», восклицание «Ура!».

Стилистику оды как «высокого» жанра определяют церковнославянская лексика (отмеченные в примечаниях «зиддешь», «десница», «выя» и др.) и грамматические нормы, а в XIX веке в том же ключе воспринимается вообще архаизация (в частности усечённые окончания «всея вселенны», «адска злоба»). Тынянов подчёркивает, что церковнославянизмы значимы в оде в первую очередь благодаря своей «лексической окраске», способной оказывать определённое воздействие, и ссылается при этом на М.В. Ломоносова («О пользе книг церковных в российском языке»): «По важности освященного места церкви божией и для древности чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особое почитание, чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит». «С точки зрения литературной не столь важно, подлинный ли данное слово церковнославянизм или нет, – важно, как оно окрашено в данном направлении <...> Церковная лексическая окраска является <...> средством возвышения и отторжения от разговорной речи»⁵. Примечательно, что автор «Оды на взятие Парижа» пытается на фоне всего произведения дополнительно выделить путём ещё большей архаизации 1-ую строфу – о Боге. Только в ней он использует церковнославянские формы причастия («спасаяй», «избавляяй», «караяй»).

«Ода» имеет стройную композицию. Начинается она (1–2 строфы) с главного «тезиса» «Есть Бог», объясняющего все отраженные в произведении явления. В 3–8 строфах новейшие события вписываются в контекст библейской и древней отечественной истории, предстают как ещё один факт, подтверждаю-

¹ Цит. по: Тынянов Ю.Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 235. Курсив автора.

² Там же. С. 229.

³ Там же. С. 230.

⁴ Здесь и далее, говоря о «строфе», мы имеем в виду изначальное авторское членение, а не то, которое представлено в документе ГАСО.

⁵ Тынянов Ю.Н. Указ. соч. С. 240.

щий вечный закон «Злодеев Бог всегда казнит». Потом даётся выразительное противопоставление Наполеона – «тирана», которому «нет нужды» жалеть даже Францию, потому что это «чужое» (9–12), – и «наследного государя» Александра I (13–17). Наконец, последняя строфа представляет собой не просто «закольцовывающий» композицию призыв к «россиянам» вместе «восхвалить» Бога, а синтез всех тем оды: Бог спасает Россию «издревле», и «новый восторг» (воспеваемая победа) – только подтверждение тому; наряду с призыванием «спасения» на Россию, «Царя Российского» и «все союзы царства» призывается Божий «гнев» на «кичливых», «коварство» и «злобу» (следует обратить внимание на лексические соответствия в первой и последней строфах – «коварство», «зло», «восхвалим»).

Но, несмотря на достаточно высокий уровень поэтического мастерства, «Ода на взятие Парижа» очень клишированная. Мы не знаем источника переписанного текста, не знаем, почему в документе ГАСО не указан автор, не знаем степени близости автора и переписчика. Если переписчик знал автора, подпись могла быть ему и не нужна. Если же источник печатный, то анонимность входила в «издательский этикет» XVIII – начала XIX века, особенно если издатель публиковал собственное произведение, а часто практикуемая подпись криптонимом могла ни о чём не говорить переписывающему, поэтому он её и пропустил. Важнее другое: рассматриваемый текст настолько лишён индивидуальных черт, что легко «присваивается» любым «россиянином», а общенациональный патриотический подъём, единодушное ликование по поводу победы этому только способствуют.

Конечно, надо учитывать, что в литературе XVIII – начала XIX века жанровый канон и поэтические клише играли большую роль, нежели авторская индивидуальность, а ода является одним из наиболее традиционных жанров, но, например, в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» мы видим разнообразные попытки авторов обозначить свою личность в общем «хоре». Не вписывающиеся в жанровые каноны детали автобиографии выносятся в сноски, заглавие, подпись, адресацию, обозначения места создания стихотворения или «случая», к которому оно написано. Так, составитель «Собрания...» князь Николай Михайлович Кугушев называет своё стихотворение «Жертва храбрым россиянам, приносимая от соотечественника их, некогда служившего на поле брани»¹, что соответствует его реальной биографии: сержант, потом прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка, с 1799 г. в отставке. «Получив тяжелые ранения в итальянском походе Суворова, в начале 1810-х годов Кугушев жил по большей части в Тамбове, сохраняя, однако, связь с московским литературным миром. Большая часть его произведений <...> появлялась в печати анонимно или под разнообразными псевдонимами, нередко с указанием на место жительства сочинителя – Тамбов»².

Анна Алексеевна Волкова подчёркивает свою принадлежность к женскому полу, называя стихотворение «Чувствования *россиянки*, возбужденные победами российских войск над бегущим врагом отечества» (С. 348–351), примечательно, что в самом тексте никаких следов «женскости» нет, это типичная ода.

Другие примеры: «Песня к русским воинам, написанная отставным из Фанагорийского гренадерского полку солдатом Никанором Остафьевым, июля дня, 1812» (Н. Остафьев. С. 374), «Песнь на поражение галльского фараона, посвященная знаменитому покровителю сочинителя его превосходительству Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову» (А. Урываев. С. 323–325), «Гимн, петый на концерте, данном российскими музыкантами в доме его высокопревосходительства С.С. Апраксина в пользу рожденного и воспитанного в Москве музыканта Г. Рейнгардта, января 7 дня 1814 года» (Ф. Иванов. С. 348), сноска-примечание к «Освобождению Москвы» графа Дмитрия Ивановича Хвостова: «Сии стихи напи-

¹ Война 1812 года и концепт 'отечество'. С. 385–390. Далее страницы этого издания указываются в тексте.

² Бодрова А. Кто же был составителем «Собрания...».

саны по случаю представления трагедии покойного М.М. Хераскова, называемой «Освобожденная Москва», октября 28 дня 1812 года в Санкт-Петербурге» (С. 300) и т. д. и т. п.

Произведения, вошедшие в «Собрание...», сочинялись и «присылались» из Санкт-Петербурга, Москвы, Твери, Пензы, Харькова, Белгорода, Вологды, Воронежа, «Местечка Шклова», «Села Старорусино» и др. Ничего похожего в «Оде», хранящейся в ГАСО, нет.

«Ода» построена на антитезе «Наполеон – Александр», и характеристики одного и другого также являются традиционными не только для лирики, но для других видов словесности периода наполеоновских войн. Бонапарт – не только враг России и других «народов», в том числе, как «тиран», и своего собственного, но ещё и безбожник («Кто Провидение отверг? / Кто не дышал к Творцу любовью <...> Кто храмы Божии поверг!»), поэтому его образ представлен в ореоле inferнальных мотивов: «чудовище», которое «вращало убийственный свой взор», «яд свой изливало», «злбною виаь змеєю», «в сердце фурия гнездится», «сердце адска злоба гложет».

Вспомним, что представление антихристом играло большую роль в антинаполеоновской пропаганде. И в первом же стихотворении «Собрания...» – державинском «Гимне лиро-эпическом, на прогнание французов из Отечества 1812 года» – в сноске представлено подробное «исчисление дерптского профессора Гецеля в письме к военному министру Барклаю-де-Толли, от 22 июня 1812 года, что в числе 666 содержится имя Наполеона» (С. 273). Александр, напротив, изображён «как будто Ангелом небесным»: он «живит и подданных чужих», даже его «воинство», отражённым светом ангелоподобного предводителя превращается в «чудесное».

Представление победы над Наполеоном как реализации Божественного промысла и, соответственно, обращение к Богу в начале и в конце произведения находим в большинстве стихотворениях «Собрания...» – кроме тех, где жанр (например, сатирической направленности) не позволяет этого делать. Приведём несколько примеров начальных стихов из произведений, открывающих сборник: «Благословен Господь наш Бог, / На брань десницы ополчивый» (Г.Р. Державин. С. 256), «Одеян молнией, громами, / Грядет от Севера сам Бог» (М. Невзоров. С. 279), «Москва взята! – благодаренье / Всевышнему Царю царей» (И. Ламанский. С. 301), «Велик, велик твой Бог, Россия! / Народы чужды возгласят» (С. Марин. С. 305), «Велик Бог сил!.. Победа!» – пишет / Герой монарху и отцу» (Н. Язвицкий. С. 306). Примечательно, что в торжественных одах (а именно к этой разновидности относится рассматриваемый текст и ему подобные), посвящённых победам над Наполеоном, обращение к Богу заменяет традиционное обращение к Музе или лире; в «Собрании...» так начинается только «Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного Отечества» П. Голенищева-Кутузова: «Восстань, о муза вдохновенна! <...> Настрой златыя лиры звуки» (С. 275), – но завершается это произведение всё равно обращением к Богу.

Традиционен набор библейских ассоциаций, использованных автором «Оды на взятие Парижа». Метафора «россияне <...> новые израильтяне» сделалась в антинаполеоновской лирике и пропагандистской словесности² настолько привычной, что, когда в «Собрание стихотворений, посвященных незабвенному 1812 году» включается текст под названием «Молитва израильского народа во время нашествия Сеннахиримова воинства на Иерусалим» (Н. Шатров. С. 297–300), в нём даже не нужна экспликация параллелей с новейшими событиями – они подразумеваются. Сравнение с «израильтянами» включает целый комплекс мотивов: не только богоизбранность народа и Божественное

¹ В поэзии и других видах пропагандистской словесности в библейском контексте переосмыслялось и имя Кутузова – Михаил.

² Анализ тех же и других библейских ассоциаций в церковной проповеди см.: Парсамов В.С. Русская церковная проповедь о войне 1812–1814 гг. // Многообразии религиозного опыта и проблемы сакрализации и десакрализации власти в христианском и мусульманском мире : науч. доклады. Ч. 2. Саратов, 2005. С. 192–202.

спасение, но и – ранее – страдание, гнев и наказание Божие за грехи. Поэтому и в «Оде на взятие Парижа» из ГАСО первое библейское сравнение – не просто исход евреев из египетского рабства, а то как они, «десницею Бога водимы», страдали в «пустыне». Точно так же метафора «Москва – новый Иерусалим («дщерь Сиона», Сион)» подразумевает сначала разрушение как наказание за грех отступничества от Бога.

Особенно развёрнуто эта параллель, осуждающая «вольнодумства яд», воспринятый россиянами от тех же французов, представлена в стихотворении «Священника Матвея Аврамова» «Москва, оплакивающая бедствия свои, нанесенные ей в 1812 году рукою жестокого и злоречивого врага, и вместе утешающая страждущих сынов своих» (С. 464–484). Сюжеты, связанные с Исходом, возникают в стихотворении А. Урываева, которое так и называется «Песнь на поражение галльского фараона...» (С. 323), «Гимне лиро-эпическом...» Г.Р. Державина, где представлена развёрнутая, динамичная и выразительная картина потопления фараонова войска (С. 259) и др. Примеры использования сюжета о Давиде и Голиафе: «Гольяф неверный величался / И Бога одолеть мечтал; / Давид с ним верный состязался: / Смирился исполин и пал» (С. Глинка. С. 440, курсив в оригинале), «Давид был пастырем: он бога призывает; / И сильного врага сей пастырь поражает» (без подписи, С. 446) и др.

Из параллелей с событиями русской истории, устойчивый набор которых также сформировался в русской словесности времён наполеоновских войн, автор «Оды на взятие Парижа» использует только сравнение с нашествиями Батыя и Мамай («нечестивых», «безбожных»). Примеры из «Собрания...», где оба имени объединены, как в «Оде на взятие Парижа» (по отдельности их намного больше): «Мамай, лютые Батыи / Падут пред Господом во прах» (С. Глинка. С. 438, курсив оригинала), «Чего Мамай, чего Батый не совершали <...> безбожной рукой / Свершили изверги над древнею Москвой» (Г. Окулов. С. 528) и др.

Таким образом, мы видим, что «Ода на взятие Парижа», хранящаяся в ГАСО, – интересный памятник своего времени, достойный исследовательского внимания. Главный же вопрос – о первоисточнике – пока остаётся открытым.

Ода на взятие Парижа 1814 года

[после 30 марта 1814 г.]

Есть Бог, спасаая¹ Россов царство
И избавляя от врагов!
Есть Бог, карая злоковарство,
Приемлющий под свой покров
Невинных, кротких, справедливых,
Послушных и миролюбивых,
Надеющихся на него.

Есть Бог, и Россы побеждают,
Трофеи новы собирают;
10 Есть Бог – восхвалим днесь его!
Всесильный Боже триединый,
Источник благодати, утех!
Твои судьбы непостижимы
Сокрыты в вечности от всех.
Ты зиждешь² царства все земныя,
Тобою славилась Россия,
Тебе ль противиться кто мог?
Прими моления, Царь славы!
Сынов Российския державы
20 Прибежище ты наше, Бог!

Ты сокрушил врагов гордыню,
Ты сохраняешь Россиян,
Как сохранял, когда в пустыню
Ввел Моисей Израильтян³.
Десницею⁴ твоею водимы,
Они, везде непобедимы,
Являлись меж врагов своих;
С Тобою – что для них препона?
От звука труб Иерихона⁵
30 Валятся сами стены вмиг.

Где древний фараон надменный? –
В морской пучине потоплен⁶.
Где мощный Голиаф чрезмерный? –
Давидом кротким поражен⁷.
Где дерзостный Мамай кичливый?
И где Батый самолюбивый? –
Погасла память с шумом их.
Так, мужественны россияне!
Вы – новые израильтяне,
40 Ваш с вами Бог – не бойтесь злых!

Давно ль чудовище вращало
Убийственный свой взор на вас?
Давно ли яд свой изливало?
Давно ли?... Но ударил час...
Исполнилось число деяний –
Коварств, тиранства, злодеяний –
И меч на волоске висит.
Наполеон! страшися мщенья!
Твои ужасны преступленья.
50 Злодеев Бог всегда казнит.

Смотри: уже союзны войски
Взошли со славою в Париж.
Где твой отважный дух геройский?
Куда стремительно бежишь?
Куда... Но где укрыться может,
Чье сердце адска злоба гложет!
Кто Провидение отверг?
Кто не дышал к Творцу любовью,
Питался только ближних кровью?
60 Кто храмы Божии поверг!

⁶ Согласно библейскому повествованию, когда евреи отправились в путь из египетского плена, фараон вынужден был им уступить, но вскоре пускается за ними в погоню. Евреям удается достичь Красного («Чермного») моря. Моисей простер руку – и расступились воды. Израильтяне прошли по дну как по суше; когда же египтяне вступают на морское дно, вода накрывает их, избавляя преследуемых от погони.

⁷ Имеется в виду сюжет из ветхозаветного предания. Давид – сын незнатных родителей – в юности пас стада. Однажды, во время войны между племенами израильтян и филистимлян, Давид оставил стада и пришел навестить братьев, находившихся среди израильских воинов. Войска стояли друг против друга. Из стана филистимлян вышел сражаться великан Голиаф, а со стороны израильтян – юный Давид. Отказавшись от доспехов, он был вооружен только пращой. Метко брошенным из пращи камнем юноша попал великану прямо в лоб и убил его. Филистимляне обратились в бегство. Впоследствии Давид стал царем Израильско-Иудейского государства.

¹ Здесь – спасающий (*устар.*)

² Строишь, устраиваешь (*устар.*)

³ Согласно Библии, пророк Моисей вывел израильтян из египетского плена в Палестину, «землю обетованную».

⁴ Правая рука, здесь – карающая рука правосудия (*устар.*)

⁵ По библейскому мифу, евреи, выйдя из египетского плена, должны были взять город Иерихон, т. к. он загораживал вход в Северную Палестину. Но стены его были настолько прочны, что разрушить их было невозможно. Однако от звука священных труб иерихонские стены пали сами собой, и благодаря этому чуду город был взят евреями.

Ура, Россияне в Париже!
И с нами вождь небесных сил.
Ура! уже погибель ближе
Тому, кто их вооружил
Против себя идти войною!
Кто, злобою вясь змеею,
Хотел невинных уязвить!
Хотел противу всех сражаться,
Царем всемирным называться,
70 Желал смертный бессмертным быть.

Россия, Богом покровенна!
Ликуй в сей день! Сынам твоим
Врага столица покоренна
И нет ни в чем препятствий им.
Восторжествуй, о дщерь Сиона¹,
Уже не слышно больше стона
В соседственных землях, и там,
Где прежде кровь лилась ручьями,
Теперь льет милости реками
80 Российский Император сим!!!

Наполеон! Где прежняя слава?
Где планы зверства твоего?
И собственна в тебе держава
Тирана видит своего!..
Презрев Всевышняго десницу,
Ты потерял свою столицу,
Честь, совесть, добродетель, стыд.
Доколе Судия небесный
За все деяния бесчестны
90 Тебя совсем не поразит?!

Вообрази себе сраженья,
В которых пало миллион!
Представь их вопли, боль, мученья.
Представь себе – услышь их стон!
Тебе проклятия вещают,
Отмстить тирану умоляют,
Ты, говорят, всему виной.
Кто там утешит старца, друга,
Где с малыми детьми супруга
100 Найдет пристанище, покой?

Взгляни на самого себя. Едва ли
Узнаешь человека. Ах!
Не приводи на мысль, как гнали
Тебя во всех почти местах.
Твоя душа давно томится,
А в сердце фурия гнездится –
Сосед его, впуская яд.
И ты ль того еще не слышишь?
Противу ближних злобой дышишь,
110 Которые добро творят.

Взгляни на подданных несчастных!
Их скорбь всечасно тяготит.
Взгляни на воинов подвластных!
Спокойно прочь от них бежит.
Но – ах! твой стонов глас не внемлет.
Ужели совесть в тебе дремлет!
Не может чувства иметь?
«Пусть Франция в огне дымится,
Пусть в пепел вся преобразится
120 Что нужды о чужом жалеть!!!»

Наследный государь печется
О каждом подданном своем,
И теплая мольба лиется
От подданных к Творцу о нем.
Себя счастливым он считает,
Когда спокойствие вкушает
Приверженный к нему народ.
Там все довольны, все утешны –
Народы даже его смежны
130 Благословляют в род и род.

Он царь – и судия правдивый!
Защитник добрых – мститель злых!
Он царь – отец чадолюбивый –
Покоит подданных своих!
Перуны злобы отражает,
Оплот несчастий разрушает
И всякому благодворит!
Великий Александр Российский,
Ты воздвигаешьobeliski,
140 Которых вихрь не сокрушит!!

Ты кроткою идешь стезею
В храм добродетели святой!
Дивишь свет мудростью твоею,
Велик делами ты, душою!
Ты доблестями себя прославил,
Россию от врагов избавил
И всю Европу свободил
От тягостного ига рабства,
Наполеонова тиранства,
150 Ты прежний мир восстановил.

Ты с воинством чудесным
В земле врагов – в столице их,
Как будто ангелом небесным
Живишь и подданных чужих.
Твоя рука – рука щедроты,
Твои дела – дела доброты,
Твой цар – целительный бальзам.
Пусть Франция теперь узнает,
Что Александр казнит – спасает,
160 Дает свободу и врагам.

¹ Сион – холм, часть Иерусалима, где, согласно Библии, была резиденция царя Давида.

Ты там, Творец всея вселенны,
Бессмертный, всемогущий Бог!
Твои законы неизменны,
Боготворить тебя – наш долг.
Тобой опять твоя Россия
В своих зрит недрах дни златяя,
Тобою славится она,
С тобою все предпринимает,
Рвет лавры, всюду побеждает,
170 Надеждой на тебя полна.

Россияне, восхвалим Бога,
Спасавшего издревле нас,
И среди нового восторга
Возвысим свой усердный глас:
Спасай, Творец! Спасай Россию
И преклони кичливых выю¹,
Царя Российского спаси!
Спаси и все союзны царства,
Излей свой гнев лишь на коварства,
180 И пламень злобы угаси!!!

ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1689. Рукопись.

Подготовка текста Н.В. Самохваловой,
вступ. ст. и коммент. В.В. Биткиновой и Н.В. Самохваловой.

Переписка М.С. Воронцова о разведке при осаде крепости Кюстрин в 1813 г.

Настоящая публикация вводит в научный оборот ранее неизвестные исследователям архивные документы к биографии графа М.С. Воронцова². Они позволяют значительно дополнить и детализировать представления об участии Воронцова в Заграничной кампании русской армии, в частности, о его действиях во главе вверенного ему подразделения российской армии в 1813 году, которое до настоящего времени остается изученным недостаточно³. Одновременно архивные документы дополняют уже имеющиеся сведения об одном из эпизодов войны за освобождение Германии.

Архивные документы были выявлены публикатором в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА) в фонде № 1261 (Воронцовы) и представляют собой небольшую часть переписки графа на французском языке с его агентурой из числа офицеров гарнизона крепости Кюстрин, которая относится к марту-апрелю 1813 года. Описанные в документах события повествуют о блокаде крепости отрядом М.С. Воронцова в период войны за освобождение Германии.

---

¹ Шея (*устар.*).

² Воронцов Михаил Семенович (1782–1856), граф, российский государственный деятель, светлейший князь (1845), генерал-лейтенант (1813), генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (1823–1844).

³ Печатных источников к биографии М.С. Воронцова издано достаточно, однако, периоду его участия в Заграничной кампании 1813–1814 гг. в них уделяется всего несколько строк общего характера. Подробнее см.: *Алексеев В.Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002. С. 277; *Удовик В.* Воронцов. М., 2002. С. 77–79; *Подмазо А.А.* Большая европейская война 1812–1815: Хроника событий. М., 2003. С. 279; Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 149 и др.

План крепости Кюстрин

Как известно, получив ранение в Бородинском сражении, генерал-майор М. С. Воронцов выехал на излечение в свое имение Андреевское Владимирской губернии. После недолгого отдыха Воронцов был определен в 3-ю Западную армию генерала П.В. Чичагова¹, получив под командование летучий отряд, который включал сводно-гренадерские батальоны 9-й, 15-й и 18-й пехотных дивизий, 11-ю и 13-ю конные роты, казачью бригаду полковника Г.А. Луковского (3 казачьих полка) и бригаду полковника А.И. Красовского (4 батальона). В июле 1813 г. во время Плесвицкого перемирия приказом главнокомандующего армиями отряд Воронцова поступил «...в начальство Его Королевского Высочества принца Шведского² Корпус генерал-адъютанта барона Винцингероде³...».

Крепость Кюстрин располагалась в бывшем прусском округе Франкфурт на берегу Одера при впадении в него р. Варта, и была основана в XVI веке. Высота крепостных валов составляла 10 м, толщина 2,5 м, вокруг имелись водяные рвы и трое ворот. Крепость считалась неприступной. На прилегающей к ней местности находились четыре кирпичных форта: Цорндорф (5,4 км от города), Чернов (11 км), Септциг (8,4 км) и Горгаст.

Осада цитадели русскими войсками продолжалась почти год с 24 февраля (8 марта) 1813 г. по 21 февраля (5 марта) 1814 года. К концу марта 1813 г. вся территория Пруссии, исключая несколько заблокированных крепостей на Висле и Одере вплоть до Эльбы, была освобождена от наполеоновских войск. Получив в конце мая 1813 г. приказ соединиться с армией генерала Витген-

¹ Чичагов Павел Васильевич (1767–1849), российский адмирал, генерал-адъютант, главнокомандующий Дунайской армией (1812), главнокомандующий 3-й Западной армией (с 18/30 сентября 1812 г.).

² Бернадот Жан Батист Жюль (1763–1844), наследный принц шведский Карл-Юхан, главнокомандующий Северной армией (1813–1814).

³ Винцингероде Фердинанд Федорович (1770–1818), барон, российский генерал-майор, генерал-лейтенант (1812), генерал от кавалерии (1813), генерал-адъютант, командир корпуса в Северной армии (1813–1814).

штейна¹ в г. Дессау, Воронцов передал все дела генералу Капцевичу², сменившему его в продолжавшейся блокаде Кюстрина.

По поручению главнокомандующего Чичагова от 21 февраля 1813 г. Воронцову предписывалось «при обложении Кюстрина» иметь ввиду, что «... цель блокады крепости Кюстрин состоит: 1-е в пресечении как водяного, так и сухопутного сообщения сей крепости с окрестностями; 2-е в обеспечении корпуса генерала от кавалерии графа Витгенштейна и коммуникаций его с правым берегом р. Одер от всяких покушений гарнизона». Воронцов должен был «... блокировать Кюстрин с левой стороны Одера, чтобы тем обеспечить тыл графа Витгенштейна, который 25 февраля должен быть в Берлине со всеми своими войсками».

Следуя полученным указаниям, Воронцов, согласно архивным документам, приступил к организации разведки крепости и ее гарнизона. Для получения необходимых сведений о противнике Воронцов решил воспользоваться услугами офицеров гарнизона крепости, которые, по его мнению, могли иметь доступ к нужной ему информации или владеть ею и согласились бы пойти на контакт в силу различных причин, как соображений идейных, так и меркантильных. В роли курьеров, доставлявших офицерам гарнизона крепости депеши, газеты с новостями об успехах российских войск и секретные письма, выступали местные жители. Интересно, что и прусское командование приняло участие в шпионской работе, особенно после того, как 5(17) марта Пруссия объявила Франции войну.

№ 1.

Отношение генерал-лейтенанта М.С. Воронцова к шведскому крон-принцу Карлу-Юхану³

Исполняя желание Его Королевского Высочества узнать фамилию Французского Генерала, коменданта в Кюстрине⁴, имею честь сообщить, что в то время, когда я блокировал эту крепость в марте-апреле, им был бригадный генерал Фурнье д'Альб⁵.

Гарнизон имел тогда в своем составе 1 500–2 000 человек под ружьем; не считая тысячи больных, имелось еще более 600 французов, оставались, наконец, отряды разных национальностей, в большинстве своем из полков 2-го Корпуса (герцога Реджио)⁶, которые почти полностью были разбиты на Двине. Однако они не принадлежали к кадровому составу тех полков, потому что кадры полков были отправлены на переформирование. Я предпринял переписку с некоторыми офицерами из гарнизона, преимущественно с немецким полковником фон Гребеном. Прусское правительство с той же целью направило кого-то из своей Гвардии, а я предоставил ему средства для облегчения сношений в гарнизоне. Он предлагал деньги, но, на мой взгляд, предложенные им суммы были недостаточными. Когда

---

¹ Витгенштейн (Зейн-Витгенштейн-Берлебург) Петр Христианович (1768–1843), граф, российский генерал-лейтенант, генерал от кавалерии (1812), командующий российской армией (1813), главнокомандующий российско-прусскими войсками после смерти М.И. Кутузова (апрель-май 1813).

² Капцевич Петр Михайлович (1772–1840), российский генерал-лейтенант, командир 7-й пехотной дивизии 6-го пехотного корпуса Д.С. Дохтурова (1812 г. – до августа 1813 г.) в Главной армии М.И. Голенищева-Кутузова, командир 10-го пехотного корпуса в российском корпусе А.Ф. Ланжерона в Силезской армии (после августа 1813–1814 гг.).

³ Исходя из контекста, письмо было написано после мая 1813 г.

⁴ Кюстрин, город и крепость, ныне. г. Костшин в Польше.

⁵ Фурнье (Форнье) д'Альб Гаспар Илларион (1768–1834), барон, французский бригадный генерал, комендант крепости Кюстрин.

⁶ Удино Никола Шарль (1767–1847), герцог Реджио, французский маршал, командир 2-го корпуса (1812), командир 12-го корпуса (1813).

я получил приказ выйти на соединение с армией Витгенштейна в Дессау¹, то передал все добытые сведения о Кюстрине генералу Капцевичу, который меня сменил. Часть корреспонденции с гарнизоном была препровождена по приказу генерала Баркляя² к полковнику Главного штаба (теперь генералу) Тейлю³. О деле при Кюстрине я уже больше с того времени ничего не слышал, хотя предполагаю, что последствия сражений при Люцине, Бауцине⁴ и движение императора Наполеона к Одере сказались на положении гарнизона, прервав тем самым ход переговоров.

Доказательством тому, что генерал Фурнье д'Альб не столь уж и непоколебим, служит одно обстоятельство. По получении письма от майора Бейста, бригадира Прусских Жандармов, человека, скорее рьяного, чем умного, в котором тот честно предложил деньги (в обмен на сведения. – Т. П.), командир гарнизона написал ему в ответ сугубо формальное письмо, копия которого при сем прилагается. А подателя того письма от Бейста, он не только не посчитал шпионом, но предложил ему бывать в городе довольно часто, куда я отсылал его передавать Немецким офицерам новости и газеты, которые в то время кишели сообщениями о наших успехах.

Помимо полковника Гребена, мы можем в крепости полагаться на подполковника Дюринга и капитана Кнаушта.

*РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2024. Л. 2–3 об. Рукопись.
Подлинник на французском языке.*

№ 2.

Записка генерал-лейтенанта М.С. Воронцова от 1813 г.

Генерал Фурнье д'Альб слывет за человека слабого и нерешительного <...>. Некий полковник Главного штаба по фамилии Ле Блауэ или Ла Бланш, по слухам, является из всего гарнизона тем человеком, кто более всех решительно настроен оборонять плацдарм до последнего конца, а капитан Прусской Жандармерии в Зонненберге⁵, что подле Кюстрина, по фамилии Рейнбрехт, человек весьма умный, может дать наилучшие сведения обо всем, что происходит в крепости.

*РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2024. Л. 4. Рукопись.
Подлинник на французском языке.*

---

¹ Дессау, город в Германии в земле Саксония-Анхальт на левом берегу Эльбы к югу от г. Магдебург.

² Барклай де Толли Михаил Богданович (1757–1818), граф (1813), князь (1815), российский генерал от инфантерии, генерал-фельдмаршал (1814), главнокомандующий 3-й Западной армии (с февраля 1813 г.), главнокомандующий российско-прусской армией (с мая 1813 г. до Плесвицкого перемирия), командующий российско-прусскими войсками в Богемской армии (после перемирия).

³ Тейль Федор Васильевич (Дидерик Якоб) фан Сероскеркен (1771/1772–1826), барон, из голландских дворян, генерал-майор российской армии (1813).

⁴ В современной историографии кампании 1813–1815 гг. принято название Лютцен и Баутцен; сражение при Лютцене 19–20 апреля (1–2 мая) 1813 г., сражение при Баутцене 8–9 (20–21) мая 1813 г., в которых русские войска потерпели поражение.

⁵ Зонненберг, коммуна и город в Германии в земле Бранденбург в районе Верхний Хафель. Хафель – река в Восточной Германии, правобережный приток Эльбы.

№ 3.

Письмо господина Рейнбрехта полковнику М.И. Понсету¹
от 3 апреля 1813 г.

Вашего Высокоблагородия покорнейше прошу следующее известие Господину генерал-лейтенанту графу Воронцову донести. Миллерпфейфер дело уже до того довел, что письмо моего обер-бригадира майора фон Бейста полковнику фон дер Гребену своеручно отдал; который разным манером его испытавши в ответ сказал, что он это сделает. Как однакож Миллерпфейфер без письменного ответа не хотел из его комнаты выйти, то он взял полученный билет, ножницами кусок отрезал и отдал ему, говоря: «В доказательство, что вы сами мне письмо вручили, посылаю куска из оногo к старому моему другу». Вообще дело теперь, кажется, хорошо идет – что меня понудило к моему обер-бригадиру писать и просить его, чтобы он сам сюда приехал для того, чтобы в скорости все было исполнено. С почтением пребываю Вашего высокопревосходительства покорный слуга Рейнбрехт.

Зонненбург², 3 апреля 1813-го года.

*РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2024. Л. 10. Рукопись.
Подлинник на русском языке.*

№ 4.

Письмо королевского военного губернатора
земель между Эльбой и Одером А. Лестока³
генерал-лейтенанту М.С. Воронцову от 5 апреля 1813 г.

Податель сего письма Господин де Ла Гард, директор главного Института торговли лесом, владелец заведения, расположенного в окрестностях крепости Кюстрин, который хорошо осведомлен о внешних связях крепости, уполномочен нами войти в сношения с французским комендантом крепости, о чем он будет иметь честь подробнее лично сообщить Вашему Превосходительству. В связи с чем, мы просим Ваше Превосходительство отнестись с полным доверием к означенному Господину де Ла Гарду, изволить оказать ему поддержку всевозможными средствами в проведении этой операции, предоставив в его распоряжение парламентаров для прохода в крепость и все меры, которые могут способствовать успеху дела. Он обязан действовать только в согласии с Вашим Превосходительством, и не преминет никоим образом подавать Вам своевременные рапорты о полученных результатах. В случае если переговоры не будут иметь успеха, он обговорит с Вами иные способы, которые помогут нам добиться цели.

Также ему поручается принять участие, в случае необходимости, в наилучшем устройстве системы блокировки крепости, которую предложил некий офицер по согласованию с Вашим Превосходительством, и подписанную генералом Лестоком, и советоваться с Вами в этом вопросе.

Берлин, сего 5 апреля 1813.

Королевское военное правительство земель между Эльбой и Одером.
А. Лесток.

*РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2024. Л. 4 об. Рукопись.
Подлинник на французском языке.*

---

¹ Понсет Михаил Иванович (Понсе Франсуа Мишель де) (1778–1829), российский генерал-майор (1813), командир сводно-гренадерских батальонов в отряде М.С. Воронцова.

² Правильно: Зонненберг.

³ Лесток (L'Estocq) Антон Вильгельм фон (1738–1815), генерал-лейтенант прусской армии.

№ 5.

Письмо коменданта крепости генерала Фурнье Д'Альб
к майору Бейсту от 19 мая 1813 г.
Господин Майор.

Я получил Вашу депешу. Я уверяю Вас, что более не считаю возможным возобновлять подобную переписку. Особенно это я хочу дать Вам понять. Ваш хозяин является союзником Франции, если верить его письму. Предупреждаю Вас, что Ваш агент прибыл, и всякий подданный Короля, который используется для выполнения подобной миссии, рассматривается мною как шпион, и с ним будут обращаться соответствующим образом.

Генерал Фурнье д'Альб.

Кюстрин, 19 мая 1813.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2024. Л. 6. Рукопись.

Подлинник на французском языке.

№ 6.

Письмо господина Рейнбрехта
генерал-лейтенанту М.С. Воронцову¹

С должным высокопочитанием Вашему Сиятельству о уговоре, сделанном с моего согласия между Миллерпфейфером и зятем его Клептом, честь имею донести. Помянутые Миллерпфейфер и зять его Клепт употребляются в моих препоручениях; последний провожает первого только до леска, где его видеть не можно; для того, чтобы мне дать знать, ежели чего-нибудь худого случится, и чтобы поскорее обо всем бы узнать. Также теперь случилось, что Миллерпфейфер уже четыре дни в Кюстрине находится, и я не знаю в опасности ли он, или потому ли так долго там мешкается, чтобы с полковником фон дер Гребеном и с подполковником фон Дюрингом план совсем окончить. Как только о нем известие получу, то не премину Вашему Сиятельству рапортом донести. С глубочайшим высокопочитанием честь имею пребыть Вашего Сиятельства покорнейший слуга Рейнбрехт.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2024. Л. 9. Подлинник.

Рукопись на русском языке.

*Подготовка текста, перевод с франц.,
вступ. ст. и коммент. Т.П. Петерс.*

---

¹ Документ не датирован.

ПОВСТАНЦЫ И ПАРТИЗАНЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Раздел посвящен теме, которая находится на стыке военной и социальной истории, антропологии и крестьяноведения. Это тема повстанческих и партизанских действий в разных странах в различные эпохи. Причины участия в вооруженной борьбе гражданских лиц, условия их боевой деятельности, тактические приемы имеют много общего, позволяя сравнительно изучать события, отстоящие друг от друга во времени и пространстве. Раздел тематически продолжает специальный выпуск «Докладов...», целиком посвященный этой проблематике¹.

В предлагаемом корпусе докладов ведущей темой является партизанско-повстанческая борьба в рамках гражданской войны. Гражданские войны оставляют после себя долгую память, нередко «войны памяти» годами продолжают утихшее вооруженное противостояние.

Раздел открывает очерк Д. Шурыгина, посвященный как раз региональной исторической памяти; речь в нем идет о французской Вандее и о том, насколько подробно помнит католическая и королевская, побежденная революцией, Франция о своих жертвах и героях – вандейцах и шуанах. Американский исследователь Дж. Мортон дает интересный очерк бытия образа В.И. Чапаева в советском массовом искусстве и кинематографе, прежде всего. Особенно отметим, что образ Чапаева стал «экспортным» и встречал горячее сочувствие зрителей в крестьянских странах, где происходили революционные события.

Остальные доклады относятся к русской гражданской войне.

Ю.Г. Бутенко предлагает уездный уровень изучения и осмысления Гражданской войны, речь идет о Змиевском уезде Харьковской губернии. Автор – известный исследователь Змиевского края. Материал И.Г. Ермолова повествует о пореволюционной жизни местности, которая не очень известна по 1918–1920, но широко знаменита по 1941–1943 гг. Это Брасовский район Орловской губернии, ставший в 1941 г., под немецкой оккупацией, центром антисоветского самоуправления округа. Весьма интересно, как отнеслись крестьяне этих мест к Гражданской войне, так как именно тогда закладывалась позиция местного населения по отношению к революционной власти. А.В. Посадский стремится выявить связь и зависимость между социально-хозяйственными обстоятельствами жизни крестьян и их участием в активных действиях в 1905–1907 и 1917–1921 гг. Для этого используется материал обширного Балашовского уезда Саратовской губернии.

Фундаментальная статья известного специалиста по истории российского крестьянства В.В. Кондрашина дает развернутый очерк повстанческого движения в Поволжье. М.Г. Ситников предлагает подробный очерк крупного и хорошо организованного восстания на Урале в конце 1918 г. Это переход к белым красного кавалерийского полка, в обстановке сочувствия со стороны местного крестьянского населения. Восстание в селе Ильинском впервые рассматривается столь подробно, хотя упоминания о нем часты в советской литературе о боях под Пермью с 1930-х гг. А.П. Шекшеев предлагает большой очерк повстанческой и противоповстанческой борьбы на юге громадной Енисейской губернии после крушения белого фронта. В этой борьбе социально-политические мотивации соседствовали и смешивались с национальными, что является спецификой данной территории.

---

¹ См.: Доклады академии военных наук. Военная история. №3(38). Партизанская и повстанческая борьба: опыт и уроки XX столетия. Саратов, 2009.

Наконец, две статьи Н.Д. Карпова посвящены персоналиям. Это очерки о сравнительно известных личностях, биографии которых, между тем, имеют немало белых пятен. Среди них красный командарм Сорокин, большевик-подпольщик в Причерноморье И. Шевцов и белозеленый повстанец на Кубани Рябоконт. Идеологические и партийные векторы у этих людей были направлены по-разному, что делает интересным сравнение их стартовых позиций и сложившихся путей в революционные годы.

В. А. Шурыгин

ВАНДЕЯ И ШУАНЕРИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ФРАНЦИИ

Франция, Французская Республика, с республиканским девизом: «Свобода, равенство, братство», принципом – правление народа, народом и для народа и гимном «Марсельеза» стала чуть ли ни синонимом вольнодумства и революции, получив имя «безбожной» и «масонской» из уст русского духовенства и правой оппозиции XVIII – XX веков.

Между тем, именно Французская революция дала масштабный пример народного, крестьянского сопротивления революции с оружием в руках. Недаром слово «Вандея» стало нарицательным для обозначения защиты традиционных ценностей от агрессивно наступающего индустриализма под красным или «жёлтым» флагом. Трагическая эпопея Вандейских войн сформировала мировоззрение целого региона Западной Франции, которое отнюдь не стёрлось и два столетия спустя. «Память Вандеи» является предметом научного осмысления во Франции (работы А. Жерара, Ж.-К. Мартена и других исследователей).

Логика революций схожа. Потому и в российской революции образ Вандеи вспомнился и активно использовался на обеих сторонах противостояния. «Русская Вандея» – назовет свои воспоминания казачий генерал Голубинцев. «Молодость – доблесть – Вандея – Дон», – пафосно напишет М.И. Цветаева. Об опасности «Вандеи», будь то Дон, или Тамбовщина, станут активно писать и красные вожди.

Помнят ли там тех, кто шел под пение «Белой», или Вандейской «Марсельезы» (см. приложение) на бой против республики, за веру и короля, за предания старины, за свои честь и свободу?

Оказывается, помнят. Французский интернет содержит десятки (sic!) сайтов, прямо или косвенно посвященных «GuerredeVendee». Это многочисленные ассоциации, авторские блоги, форумы, интернет-архивы и магазины. Здесь и роялистские организации, и ассоциации потомков героев Вандеи, как и ассоциации, носящие их имена, форумы и сайты ролевиков-реконструкторов, которые воссоздают события тех лет, а также религиозные, католические, сайты, рассказывающие о гонениях на религию во времена Французской революции и чтущие борцов за веру. Существует обширная научно-популярная литература, общедоступные клипы и документальные фильмы, активно продаются (и широко расходятся) значки, медали, сувениры, диски.

Взглянем на все это поближе.

В самой Вандее графом и консервативным политиком Филиппом де Вилье открыт парк «Пюи дю Фу». Ещё в 1977, будучи студентом, Филипп де Вилье начал создавать этот знаменитый парк исторических аттракционов (французский вариант Диснейленда), целиком посвященный истории Франции с древности до начала двадцатого века. Этим делом он продолжает заниматься до сих пор, уже десятки лет. В самом начале это были просто руины средневекового замка Puu du Fou, который де Вилье решил восстановить и превратить в место для спектаклей. За эти годы парк сильно разросся, был усовершенствован и модернизирован, превра-

тившись в целый город приключений. Сейчас он расположен на 23 гектарах – это самая большая в Европе площадка для представлений под открытым небом. Здесь, например, были показаны спектакли, демонстрировавшие жестокость революционеров по отношению к Вандее во время Великой французской революции. В 1993, в двухсотую годовщину Вандейского восстания, когда А. И. Солженицын посетил Вандею, чтобы почтить память первого в мире сопротивления Революции, в его честь был устроен специальный вечер¹.

Каждое лето по пятницам и субботам в парке проводятся многочисленные представления, в которых используется огромное число пиротехнических и звуковых спецэффектов, в уличных спектаклях участвуют 1100 актёров-добровольцев из числа жителей окрестных городков и деревень.

В 1989 году в дополнение к основному развлекательному комплексу, Филиппом де Вилье был создан экологический и исторический парк отдыха на 55-ти гектарах.

Парками управляет ассоциация, которая включает 3000 членов. Деньги она получает от коммерческой деятельности самих парков, существующих без государственных дотаций. Более того, ассоциация вкладывает заработанные деньги в развитие городов и деревень Вандеи и в благотворительность (1 700 000 евро были вложены за 25 лет в различные гуманитарные миссии во Франции и во всем мире). За лето парк Пюи дю Фу посещает более миллиона туристов. Сам Филипп де Вилье также занят политической деятельностью. После победы на выборах в парламент правых и создания правого правительства, он согласился стать государственным секретарём при министре культуры в правительстве Жака Ширака. Год спустя, однако, подал в отставку, в связи с разногласиями с министром Франсуа Леотаром, у которого был в подчинении. В 1987 де Вилье избирается депутатом Национального собрания Франции от Вандеи (переизбирался в 1988, 1993, 1997, 2002) и одновременно депутатом местного парламента Вандеи. В 1988 его впервые избрали президентом Генерального совета Вандеи, позднее он регулярно переизбирался на этот пост. Постоянно получает в Вандее около 70 % голосов избирателей.

За период его пребывания на посту председателя Генерального совета в регионе зафиксированы самые высокие показатели по развитию предпринимательства и созданию новых предприятий. Кроме того, в Вандее самый низкий уровень безработицы в стране. В 1994 им создана своя собственная политическая партия – «Движение за Францию». По состоянию на 2005, в ней насчитывалось 16 тысяч членов. Эта организация долгое время носила региональный характер, базировалась только в Вандее, лишь совсем недавно она вышла на национальный уровень. Партия построена на федеральной основе: каждый департамент страны имеет не только свое собственное отделение со своим президентом, но и свою символику, свои региональные особенности. Каждый, вступающий в партию, обязан подписать хартию «Движения за Францию», в которой записано:

«Наша интеллектуальная и духовная связь – это дух французского Сопротивления, который всегда, с древнейших времен, был присущ нашему народу. В тяжелые моменты нашей истории этот дух помогал нам выстоять в борьбе против различных идеологических ядов: ненависти, падения и позора. Мы выступаем за национальную независимость Франции в рамках Европы, в которой государства и народы будут кооперироваться между собой. Движение желает восстановить независимость мышления и право на самостоятельные суждения каждого, которые сегодня находятся под угрозой, исходящей от «полиции мыслей». Мы выступаем за следующие ценности:

Каждый человек должен опираться на свои корни и традиции – региональные, семейные, культурные, и в то же время он должен быть открыт миру.

Свобода – в ответственности по отношению к другим и к обществу.

---

¹ Подробнее, включая выступление А.И. Солженицына, речи А. Деко, Ф. де Вилье, Н.А. Струве, см.: Вестник РСХД. 1993. № 168 (II–III).

Общество должно быть построено на уважении к каждому его члену, но каждый человек должен стремиться к благу общества.

Наша партия намерена разбить все табу политкорректности. Ложь ведет к насилию, а правда освобождает и ведет к миру между людьми.

Движение выступает против мультикультурализма, который ведет Францию к этническому разделению и к потере её корней. Движение хочет дать надежду той Франции, которая страдает на «территориях, потерянных для республики», где наши граждане живут в постоянном страхе, из-за неконтролируемой иммиграции. Мы выступаем за то, чтобы вернуть нашим согражданам гордость и надежду, без всяких табу и без ксенофобии. Мы выступаем так же против позитивной дискриминации, считая, что единственным критерием для получения поста должно являться одно – ты этого заслуживаешь. Все попытки назначений за расу, религию или пол неприемлемы. Мы выступаем за политику нулевой иммиграции и за политику ассимиляции для тех, кто уже приехал.

Помимо Филиппа, активную роль в интеллектуальной жизни Франции играет историк Рейнальд Сехер. Его книга «Франко-французский геноцид» (*le genocide Franco-Francais*), вышедшая первым изданием в 1986 году, буквально взорвала французское общество, привыкшее видеть в революции в целом положительное явление (все таки 14 июля – национальный праздник!), несмотря на издержки террора, своего рода «перегибы» в защите «завоеваний революции». Сехер стал искать документы, считавшиеся потерянными. Действительно, государственные архивы подверглись чистке с целью скрыть или не афишировать масштаб карательной деятельности в Вандее. Но правда все равно всплывает на поверхность. Сехер открыл, что многие материалы сохранились, так как они были спрятаны частными лицами. Более того, он нашел потрясающие официальные документы, касающиеся уничтожения имущества крестьянской и католической Вандеи, которая подняла оружие против безбожных якобинцев.

Карты, подготовленные геометрами тех времен, посланных властью, являются доказательством невообразимой трагедии: десять тысяч из пятидесяти тысяч домов, что составляет 20% строений Вандеи, были вообще уничтожены по тщательно разработанному плану. Был вырезан скот, разорены полностью возделанные поля. Все шло по тщательно разработанной программе. Генерал Каррер обращался к своим солдатам: « Пусть нам не говорят о гуманизме для этих животных из Вандеи: все они будут истреблены, и нельзя оставлять в живых ни одного повстанца»¹.

Книга выдержала несколько изданий, была переведена на другие языки (увы, кроме русского).

Помимо этого, Р. Сехер является автором множества других, как научно-популярных, так и художественных книг, а также детских комиксов, документальных фильмов, посвященных Вандее и Шуанерии. Он является куратором музея Шуанерии и Вандеи в Плуарнель, выступает по радио и телевидению, ездит с лекциями по стране и, конечно же, участвует в различных мероприятиях и акциях в самой Вандее (где все желающие могут получить автограф автора и сфотографироваться вместе с ним)².

Не всем людям дано быть учеными, политиками или писателями. Обратимся к жизни простых французов. Несмотря на то, что вот уже почти 150 лет, с 1870 года, Франция является республикой, в ней, оказывается, есть роялисты. И немало.

Во французском интернете представлено несколько монархических организаций (с одной из них, U.C.L.F. -L'Union des Cercles Legitimistes de France или Союз общин легитимистов Франции, автор состоит в тесном контакте). Они во многом напоминают наших православных монархистов. Существует

¹ Считается, что из 600 000 населения территории департамента Вандея до 1789 года, было уничтожено более 350 000.

² Официальный сайт Р. Сехера: <http://www.reynald-secher-editions.com>; сайт упомянутого музея: <http://www.musee-vendee-chouannerie.com/chouannerie.html>

множество обществ, альянсов, союзов. Их отделения можно найти почти в каждой провинции Франции (отделения U.C.L.F. есть в 17 провинциях и почти у каждого есть свой сайт)¹. Социальный состав их разнообразен (на каждом форуме есть раздел «презентация», где новичок рассказывает о себе). Здесь есть и студенты, и профессора, рабочие и коммерсанты, врачи и военные. Есть те, чьи предки сражались с «синими» в Вандее и Бретани, и просто потомственные роялисты, получившие образование в католической школе, а есть и те, кто сам стал монархистом уже в зрелом возрасте, несмотря на светское и республиканское воспитание.

Для французских роялистов память Вандеи и Шуанерии, как и королевской семьи Людовика XVI, священна. На их форумах и сайтах всегда можно найти новые материалы по восстанию в Вандее, обсуждение книг, фильмов, статей, радио и телепередач. Ведется календарь памятных дат. Дается расписание ближайших мероприятий, к примеру, нового выступления труппы «Сердца Шуанов» или мессы по мученикам революции в католической церкви, паломничества по местам боевой славы или массового захоронения жертв террора, возложения цветов к памятникам и могилам героев Вандеи и Шуанерии.

Стоит отметить, что в Вандее и Бретани существует множество памятников, стел, монументов, памятных крестов, посвященных участникам восстания, и постоянно открываются новые. В городах много улиц носят имена Шаретта, Лескюра, Ларошжаклена, Стоффле, д'Эльбе и других героев вандейского сопротивления (на сайте ассоциации «Вандея и Шуанерия» представлены 139 фото улиц и площадей, носящих имена вождей восстания!)

Помимо общения с единомышленниками, – а на одном форуме могут быть представлены участники разных обществ и ассоциаций, – ревнители исторической памяти ведут активную общественную работу, не давая французам забыть о «франко-французском геноциде».

Они шьют исторические костюмы (а кто не умеет шить, тот покупает их в бутиках, которые есть почти при каждом сайте) и организуют праздничные шествия, спектакли, паломничества и фестивали. Значительное место занимают акции по уходу за могилами и реставрации памятников истории. Почти каждая ассоциация издает свои журналы и газеты. Показательно, что в подобные ассоциации входят не только жители Вандеи и Бретани, но и жители других областей Франции.

Вот наиболее известные из них описываемых организаций:

«разбойники Бокажа» (<http://brigandsdubocage.blogspot.fr/>);

«Вандея и Шуанерия» (<http://querredevendee.canalblog.com/>);

ассоциация Жана Николя Стоффле (<http://association.stofflet.free.fr/>);

ассоциация Ларошжаклена (<http://www.larochejaquelein.com/>);

«память шуанов Бретани» (<http://souvenirchouandebretagne.over-blog.com/>);

«память шуанерии Сарта» (<http://chouansarthe.e-monsite.com/>);

«память Вандеи» (<http://souvenirvendeen.org/>);

«память Вандеи, секция Флеш ле Манн» (<http://svlflm.blogspot.ru/>);

«военная Вандея» (<http://vendemilitaire.blogspot.fr/>);

ассоциация «Люкус (Люк сур Булоне)»

(<http://www.lucus.asso.fr/index2.php>);

форум труппы «Сердца Шуанов»

(<http://lescoeursdechouans.clicforum.fr/index.php>).

Особенно популярен блог метра Кота Люли, известный каждому легитимисту Франции. Он представляет ассоциацию «Убежище Богоматери Сострадания» – «Refuge Notre-Dame de Compassion». В новостях блога всегда есть материал, посвященный памяти о Вандее и Шуанерии (<http://leblogdumesnil.unblog.fr/>).

Религиозные, католические ассоциации также уделяют немало внимания памяти Вандеи и Шуанерии. И их не меньше, чем монархических и историко-

¹ Например, сайт общины легитимистов Лотарингии: <http://beaudricourt.hautetfort.com/>.

реконструкторских организаций. Так что перечень содержательных и активных адресов можно продолжать и продолжать. Кстати, на сайте ассоциации «Вандея и Шуанерия» есть ссылка на сайт «Русская Вандея» (<http://vandeяa.ru/>).

Подробный рассказ о жизни и мероприятиях каждой такой ассоциации вызвал бы к жизни целую книгу.

Итак, память о восстании Вандеи и Шуанерии живет во Франции, она не предана забвению. Более того, нынешний 2013 год, год 220-летия со дня восстания, отмечается во Франции с большим размахом, чем 1993, год 200-летия и во многом благодаря интернету.

Приложение

Белая (вандейская) «марсельеза»

refrain – припев: Nous n'avons qu'un temps à vivre, nous le devons à l'honneur – У нас только одно время, чтобы жить; мы обязаны его использовать для чести, c'est son drapeau qu'il faut suivre, pour arriver au vrai bonheur – Только за ее знаменем нужно следовать, чтобы достигнуть истинного счастья. pour arriver au vrai bonheur – чтобы достигнуть истинного счастья. Dieu nous ordonne de combattre, – Бог нам заповедал сражаться pour lui pour son culte et nos rois – За Него, за благочестие и за наших царей. mourant pour le fils d' Henri IV, – Умирая за сына Анри (Генриха) IV, nous obéissons à ses lois (bis) – Мы подчиняемся Его законам. Que cette morale sublime – Пусть этот возвышенный нрав pénètre nos cœurs et nos esprits – Проникает в наши сердца и души. jamais de paix avec le crime – Никакого мира с преступлением! il faut l'écraser à tous prix (bis) – Нужно его раздавить любой ценой! Cette mort dont nous menaçons – Та смерть, которой нам угрожают, sera le terme de nos maux – Будет прекращением наших зол. quand nous verrons Dieu face à face – Когда мы увидим Бога лицом к лицу, sa main bénira nos travaux (bis) – Его рука благословит наши труды. Les bretons montreront l'exemple – Бретонцы покажут пример de dévouement généreux – Такого великодушного самопожертвования, que l'univers contemple – Что вселенная, которая наблюдает за ними, en l'admirant de son jour d'eux (bis) – Восхищаясь, когда-нибудь скажет о них.

Allons armée catholique
Le jour de gloire est arrivé!
Contre nous de la république
L'étendard sanglant est levé (repeat)
Entendez-vous dans nos campagnes
Les cris impurs des scélérats?
Qui viennent jusque dans nos bras
Prendre nos filles, nos femmes!
(Refrain)
Aux armes vendéens!
Formez vos bataillons!
Marchez, marchez, le sang des bleus
Rougira nos sillons!

Вперед сыны
Вандеи! (вариант: Католическая Армия)
День славы вашей настал!
Против нас Республика
Водрузила кровавый штандарт.
Вы слышите в наших полях
Гнусные крики злодеев?
Они идут, чтобы уничтожить нас.
Спасайте своих жен и дочерей!
Рефрен – припев: К оружию Вандейцы!
Вставайте все в строй
Пора, пора!
Кровь синих оросит наши нивы...

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЕДЕТ В АЛЖИР: ГЕРОИЧЕСКИЙ ОБРАЗ НА ЭКСПОРТ

В сентябре 1964 г. Василий Иванович Чапаев «прибыл» как культурный посол в столицу новой независимой республики Алжир. Это был не совсем обычный визит. Напомним, что Чапаев, талантливый большевистский военачальник, утонул в реке Урал в 1919 г. во время Гражданской войны в России. Тем не менее, пресса Советского Союза и Алжира известила, что Василий Иванович скоро прилетит в североафриканскую страну, которая совсем недавно освободилась от колониального ярма Франции. Граждане Алжира, - сообщала одна советская газета, - смогут не только посмотреть ленту о нашем легендарном комдиве, они могут «встретиться с ним»¹.

Это было не первое воскрешение Чапаева. Сначала народный герой ожил на страницах романа, написанного в 1923 г. бывшим комиссаром 25-й стрелковой дивизии Дмитрием Фурмановом. В 1934 г. на основе романа появилась экранизация режиссёров братьев Васильевых, и тогда Чапаев действительно «воскрес». Фильм имел беспрецедентный успех в Советском Союзе. В передовой статье газеты «Правда», посвященной фильму, заверялось, что «"ЧАПАЕВА" ПОСМОТРИТ ВСЯ СТРАНА»². Толпы советских граждан маршировали по улицам с плакатами, где они сообщали о своей желаниии увидеть фильм³. Люди ходили на него по много раз. Сам Сталин в год выхода кинокартины просмотрел её не менее 27 раз⁴. Критики считали фильм началом следующего этапа советского кино: он был идеальным симбиозом художественного и идеологического наследства таких знаменитых режиссеров, как Эйзенштейн, Пудовкин и Довженко с будоражающим, легким рассказом и живыми, привлекательными характерами. Образ Чапаева, воплощенный актером Борисом Бабочкиным, скоро стал почти таким же вездесущим, как образы Ленина и Сталина.

Именно этот Чапаев-Бабочкин приехал в Алжир в 1964 году. Актёр прибыл с делегацией от советского кинематографа, чтобы поприисутствовать на первой в истории Алжира неделе советского кино⁵. Представители СССР, желая «помочь молодой кинематографии Алжира» прихватили с собой 45 дублированных, или субтитрированных на французский и арабский языки художественных, документальных и научно-популярных кинокартин, которые передали алжирскому Национальному институту фильма⁶. Многие из них, например, «Рассказы о Ленине», «Коммунист», «Иваново детство» и «Девчата», были показаны на фестивале⁷. Но открыл празднество – «Чапаев». Алжирские газеты написали о кинопоказе восторженные статьи. Смысл некоторых из них сводился к тому, что киношный Чапаев, как представитель советского героического пантеона, символически «встретился» с экраном с героями Алжира – президентом Ахмедом Бен Белла и министром национальной политики Шрифом Бель Касемом.

Чтобы понять «интернационализм» Чапаева в 1964 г., необходимо вспомнить идеологические особенности хрущёвской «оттепели». В том году в честь тридцатой годовщины фильма, новая, отреставрированная версия была

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2655. Оп. 1. Д. 538. Л. 33 (Бабочкин, Борис Андреевич «Статьи и заметки о Б.А. Бабочкине и с упоминаниями о нем»).

² Правда. 1934. 21 ноября // Чапаев – о фильме. М., 1936. С. 5.

³ Советский экран. 1964. № 10.

⁴ *Graffy J. Chapaev-KINOfiles Film Companion* 12. I.B. Tauris: London-New York, 2010. P. 68.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2655. Оп. 1. Д. 538. Л. 36.

⁶ Там же., Л.44.

⁷ Там же. Л.32.

показана в кинотеатрах СССР. Советская пресса писала о новом воскрешении «Чапаева» с пафосом. Это был удобный случай напомнить о различных достижениях страны Советов. Так, статья «От поколения космонавтов» рассказывала о желании недавно вернувшихся с орбиты космонавтов немедленно посмотреть обновлённого «Чапаева» на экране¹. В сюжете другого материала представители двух поколений, отец и сын, тоже смотрят обновлённого «Чапаева». Сын бредит ракетами и космосом, и отец волнуется – сохранила ли кинокартина 1930-х годов «свое обаяние и мощную силу воздействия»². Мальчишке, конечно же, фильм понравился, и он готов смотреть его ещё и ещё. Подобные статьи, превознося советскую действительность, утверждали одновременно вечную прогрессивность советской культуры.

Каждое «воскрешение» Чапаева было уместным для текущего момента. В 1960-е годы художественный фильм о нём героически звал в свете решений XXII съезда КПСС к коммунистическому будущему и успех кинокартины за границей был очень важен. Поэтому газеты регулярно напоминали о настоящих и прошлых триумфах фильма³. Так, Мария Попова, бывшая чапаевка, претендующая на прототип Анки из фильма, поместила на страницах «Советской культуры» рассказ о показе кинокартины в Стокгольме в 1936 году. Там он шёл под названием «Анка-пулеметчица». Попова утверждала, что первоначально фильм не сходил со шведских экранов шесть месяцев, после чего кинотеатры попытались остановить сеансы. Но шведский народ потребовал, чтобы «Чапаев» продолжал выходить на экраны. «Не только у нас, – писала она, – а и за границей люди смотрели фильм по пять-шесть-семь раз»⁴. Не менее восторженно другие авторы писали об энтузиазме посмотревших фильм китайских делегатов, или о том, что «Чапаев» триумфально шествует по всем континентам⁵.

Почему же «Чапаев» на протяжении десятилетий так усиленно пропагандировался? Для советского кинематографа с самого его основания был значим международный успех. Кино являлось мощным средством пропаганды коммунистической идеологии за границей⁶. Ещё советские режиссеры немного кино, такие как Сергей Эйзенштейн, Всеволод Пудовкин и Александер Довженко, являли собой авангард большевистского кинематографа на поприще распространения идей «мировой революции», и их фильмы восторженно принимались в Европе и Северной Америке. Любопытно, что советский режиссёр Дзига Вертов, объясняя свой спорный экспериментальный немой фильм «Человек с киноаппаратом», объявил собственное творчество следующим этапом к созданию «подлинно международного абсолютного языка кино на основе его полного отделения от языка театра и литературы»⁷. Тот же Вертов, представляя в 1926 г. свой другой пропагандистский фильм об СССР «Шестая часть мира», утверждал, что у этого фильма нет зрителей внутри Советского Союза, так как весь советский народ есть его участник⁸. Иными словами, кинематограф должен объединять советских людей: принимая какой-либо фильм, они должны понимать свою новую общую социалистическую идентичность. Это было целью советского кинематографа ещё со времён Гражданской войны, когда агитпоезда и

¹ От поколения космонавтов // Советская культура. 1964. 5 ноября.

² Клуб любителей литературы и искусства. 1964. 28 ноября.

³ Здравствуй, «Чапаев»! // Советский экран. 1964. № 10.

⁴ Во всем мире // Советская культура. 1964. 5 ноября.

⁵ Здравствуй, «Чапаев»! // Кино. 1969. 7 ноября; Советская культура. 1964. 5 ноября; Здравствуй, «Чапаев»! // Советский экран, 1964, №10; РГАЛИ. Ф.2655. Оп.1. Д.82. Л.60.

⁶ Anatoli Lunacharsky: «Revolutionary Ideology and Cinema» in Richard Taylor and Ian Christie, eds., The Film Factory: Russian and Soviet Cinema in Documents. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988. P. 109.

⁷ Dziga Vertov, «The Man with a Movie Camera (A Visual Symphony)» in Annette Michelson, ed., Kino-Eye: The Writings of Dziga Vertov. Berkeley, CA: The University of California Press, 1988. P. 283.

⁸ Шестая часть мира (беседа с Дзигой Вертовым) // Кино. 1926. 17 августа. С. 3.

агитпароходы, посещая глубинку, использовали кинохронику и короткометражные фильмы в попытке заручиться поддержкой населения.

Однако международный визуальный язык немого кино так и не возник. Шлагбаумом на его пути стало появление в кинематографе звука. Он стал приговором интернационализму беззвучного кинематографа, и многие советские режиссеры загоревали по поводу неизбежной «балканизации» публики¹. Одновременно постановщики фильмов столкнулись с издержками начавшейся в ходе сталинской модернизации культурной революции. Новая кинематографическая доктрина не терпела каких-либо экспериментов, хотя бы идеологически правильных и технически блестяще исполненных, но непонятных большинству населения.

В 1928 г. состоялась конференция отдела агитпропа ЦК ВКП(б), утвердившая советскую кинематографическую идеологию – фильм должен быть идеологически выверенным, интересным и доступным для самых широких кругов общественности². Новое понимание роли кино вызвало рост критики и привело к резкому уменьшению количества выпущенных фильмов: в 1928 г. – 148 художественных кинокартин, в 1933 г. – всего 35³. Однако в 1930-е гг. наблюдалось существенное увеличение кинематографической аудитории. Так, за период 1928 – 1940 гг. количество проданных билетов в расчете на один фильм утроилось⁴.

Одним из самых популярных художественных фильмов оказался «Чапаев» братьев Василевых. Его смело можно назвать первым фильмом, который по-настоящему вместе связал значительную массу советских людей как зрительскую публику. Пример тому – вышеприведённая рецензия на фильм из «Правды», которая практически повторяла ту же идеологическую канву, что и в 1926 г. у Вертова, а именно: вся страна посмотрит «Чапаева» и идентифицирует себя с революционными преобразованиями. Этому должен был способствовать сам образ В.И. Чапаева, прошедший на экране путь от крестьянского невежества к пролетарскому просветлению. Сотни звуковых и немых копий фильма были распространены по стране, «чтобы показать «Чапаева» во всех уголках обширной страны – в городах, селах, колхозах, поселках, в казармах, в клубах и на площадях»⁵.

«Советский» акцент в фильме делался на центральном персонаже – В.И. Чапаеве. Братья Василевы в отличие от своих предшественников, которые предпочитали изображать героические массы, а не отдельных героев, сконцентрировались на индивидууме. По их же выражению, они создали произведение «не “вообще об эпохе”, а о конкретных людях»⁶.

Исторический Чапаев был простым плотником с Нижней Волги и, конечно же, ему были понятны и свойственны история и культура своего региона. По словам одного из чапаевцев: Василий Иванович был духовным потомком таких известных крестьянских вождей XVII и XVIII вв., как Стенька Разин и Емельян Пугачев⁷. Многие знавшие Чапаева, тоже упоминают о его увлечении этими легендарными фигурами из русского прошлого. В мыслях и делах красного начдива явно присутствовала поведенческая бравада «волжской вольницы». Разумеется, режиссёры фильма, не могли не отразить на экране этой пристрастности своего героя. Иван Семёнович Кутяков, один из самых доверенных сподвижников Чапаева, сменивший его после гибели на посту начдива, утверждал, что режис-

¹ Jeremy Hicks. Lost in Translation? Early Soviet Sound Film Abroad» in Stephen Hutchings, ed., *Russia and its Other(s) on Film: Screenin Intercultural Dialogue*. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2008. P. 113.

² Peter Kenez, *Cinema and Soviet Society: From the Revolution to the Death of Stalin*. London-New York: I.B. Tauris, 2001. P. 93-94.

³ Ibid. P. 108.

⁴ Ibid. P. 119.

⁵ Правда. 1934. 21 ноября // Чапаев – о фильме. М.: Кинофотоиздат, 1936. С. 9.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2733. Оп. 1. Д. 424. Л. 59.

⁷ РГАЛИ. Ф. 2655. Оп. 1. Д. 538. Л. 63.

серы «приняли все меры к тому, чтобы уяснить себе живой образ Чапаева, его манеру держаться, жесты, привычки. Они десятки раз приезжали из Ленинграда в Москву, чтобы побеседовать на темы: как Чапаев сердился, как он ругался, какой у него был выговор – на «а» или на «о», пил ли он водку, курил ли он и т. д.»¹.

Борис Бабочкин вспоминал, что личный опыт Гражданской войны имел огромное значение, как для Васильевых, так и для его собственной способности реалистично изобразить эпоху и человека. Самому Бабочкину была не чужда военная служба, но, самое главное, он родился и рос в тех местах, где «в 1918–1919 годах гремела слава Чапаева». Поэтому исторический образ начдива был актёру со всех сторон понятен. Бабочкин утверждал, что Чапаев был настолько типичным для Поволжья, что его «характер» был изначально знаком ему. «Я играл не героя вообще, не олицетворение героических черт вообще», – утверждал актер, – «я играл человека, знакомого мне до мельчайших подробностей»².

Это очень важный момент. Ни одна из специфичных черт Чапаева (его речь, манера одеваться, моральные качества и т.д.) не годилась для создания образа идеального красного военачальника. Но режиссёры этого и не собирались делать. Образ Чапаева в фильме был не настоящий, а собирательный. И в книге Фурманова, и в фильме он был представителем крестьянской массы: в чём-то невежественный, а в чём-то и мудрый. Одним словом – отражал особенности культуры и менталитета крестьянства Нижней Волги. Основной сюжет романа и фильма – это соединение народного бунтарства (Чапаев / массы) с большевистским сознанием (Фурманов / партия). Режиссеры, «не желая копировать Чапаева, не желая давать его фотографически», видели его «как человека стандартного, в плане типической для всей массы пролетариев, участвовавших в гражданской войне»³. «Типичность» такого киношного Чапаева оказалась затем несложно перевести в международный контекст. Фильм был с успехом экспортирован.

Особенность отражения в советском кинематографе темы Гражданской войны в России – это лавирование на грани между частным и общим, национальным и интернациональным⁴. В одном из первых вариантов сценария «Чапаева» присутствовала позже удалённая сцена пения чапаевцев-интернационалистов: «Ишь – поют ... И каждый по-своему! Прямо столпотворение вавилонское! Как в библии сказано»⁵. Бойцы пели одновременно на немецком, венгерском и других языках, и не создавали какофонию. Тем самым, в пику библейскому сказанию о Вавилонской башне, подчеркивалась выходящая за рамки языковых барьеров гармония большевистской идеологии, объединяющая разные народы в борьбе за правое дело (достаточно вспомнить известный коммунистический лозунг: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!»). Таким образом, «Чапаев» изначально предназначался не только советскому зрителю. Сталин хвалил «Чапаева» как «картину для всего пролетариата, ... которая предугадала будущее воздействие картины на миллионные аудитории, не только в нашем Союзе, но и на тех просмотрах, где картина шла, и где трудящиеся всех страх, смотревшие ее, были одинаково настроены так же, как настроены и зрители нашего Советского Союза»⁶.

Наиболее яркий пример ранней популярности картины – это прием её в Испании. Из-за отсутствия собственной киноиндустрии Испания в 1930-е гг. являлась важным зарубежным рынком для советских фильмов. Советский Союз активно вмешивался в сферу пропаганды и культуры Испании ещё до событий гражданской войны в этой стране. Продолжилась такая тенденция и после её начала в 1936 г.: «первые важные советские персоны, посетившие Испанию,

¹ Кутяков И.С. Чапаев и «Чапаев» // Чапаев – о фильме. М., 1936. С. 33.

² РГАЛИ. Ф. 2655. Оп. 1. Д. 82. Л. 64.

³ РГАЛИ. Ф. 2733. Оп. 1. Д. 428. Л. 20.

⁴ Обсуждение развития и значения сталинского исторического фильма, см.: Evgeny Dobrenko, *Stalinist Cinema and the Production of History: Museum of the Revolution*.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2733. Оп. 1. Д. 36. Л. 48.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2733. Оп. 1. Д. 434. Л. 20.

были не дипломаты, не военнослужащие, но журналисты и кинематографисты»¹. В своем известном «Испанском дневнике» журналист Михаил Кольцов так описывал показ «Чапаева» в Мадриде:

«В конце этой улицы, у входа в «Капитоль», горел замазанный синей краской фонарь, стояли люди.

- Что там?

- Идет русская картина «Чапаев».

Трудно было удержаться, не зайти. Огромный театр набит до отказа. Много женщин, а еще больше дружинников. Им бы, собственно, сейчас быть у баррикад, – ну ладно...

Напряжение крайнее. Василия Ивановича только что настигли. Затрещал пулемет, в зале по привычке хватаются за оружие – до того у всех обострен рефлекс на выстрелы... Горящий дом стали громить пушкой, даже храброму Петьке стало не по себе.

«Амба, Василиваныч... Отступать надо!»

«Чапай... никогда не отступал».

И три тысячи человек в ответ кричат:

- Вива, Русиа, вива!»²

Мало сказать, что фильм пользовался бешеной популярностью среди республиканских бойцов в Испании. Примечательно, что именем В.И. Чапаева была названа интернациональная бригада, созданная 11 ноября 1936 г. из 625 антифашистов, прибывших из двадцати одной страны. Причём имя это было выбрано из нескольких имён бывших тогда на слуху известных деятелей левого толка. Бойцы решили, что название «Чапаев» лучше всего подчеркнёт международную антифашистскую сущность нового воинского соединения. Киношный Чапаев к тому времени стал легкоузнаваемой «исторической» фигурой – смелым, простым человеком, борющимся против угнетения. Отождествляя себя с героем, испанские интернационалисты как бы участвовали в чапаевской легенде и были такими же как он. Удивительно, но комиссар бригады Эвальд Фишер, вряд ли знавший о сценке с пением чапаевцев-интернационалистов из первоначального сценария фильма почти слово в слово повторил её смысл: «Двадцать одна национальность в одном батальоне – настоящее столпотворение вавилонское, смешение всех языков, – вот из чего надо было спаять крепкую воинскую часть». «Многонациональность батальона “Чапаев” показывает миру, что международный фронт борьбы с фашизмом – дело вполне реальное и что только такой единый фронт принесет окончательное поражение фашизму и мир всему человечеству»³.

Не менее привлекательной интернациональной чертой киношного Чапаева являлась его крестьянское происхождение. Те же испанские республиканцы были убеждены, что исконно Чапаев был простым пастухом, но впоследствии, благодаря крестьянской смекалке и воинскому таланту сумел стать руководителем одной из самых боевых и стойких дивизий Красной армии⁴. Любопытно, что его считали именно пастухом, хотя известно, что реальный Чапаев был плотником. Видимо для аграрной Испании более глубокий смысл имел образ бедняка-пастуха, и республиканцы не могли не наполнить фигуру Чапаева местным содержанием.

Крестьянственность Чапаева не случайна. Фильм изначально задумывался как простонародный. Поэтому и реакция масс на фильм оказалась соответствующей. Свидетельство тому ещё один случай из Испанской гражданской войны. В 1936 г. кинокартина демонстрировалась перед партизанами в горах Астурии недалеко от Овьедо. В напряженный момент «психической атаки кап-

¹ Stanley G. Payne, *The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism* (New Haven, Conn: Yale University Press, 2004), 135.

² Кольцов М. *Испанский дневник*. М., 1957. С. 261.

³ «Чапаев», батальон двадцати одной национальности: рассказы бойцов батальона / Сост. Альфред Канторович. М., 1939. С. 10.

⁴ Там же. 15.

пелевцев» в темноте кинозала раздались три выстрела. Когда зажгли свет, обнаружили виновника суматохи марокканского крестьянина по имени Ибрагим. Это был проверенный в боях мужественный воин. Но сейчас он плакал: «Я не мог выдержать, надо было стрелять, надо, надо». «Простите его, комбат, – загудели голоса в зале, – на экране всего три маленькие дырочки, а в настоящем бою Ибрагим еще покажет себя»¹. Это был пример того, как вложенная в «Чапаева» магия кино стирала границы между жизнью и искусством, реальностью и иллюзией и идеологически подковывала простонародную аудиторию.

Но вернёмся в 1960-м годам. Повторяющейся в многочисленных статьях по поводу 30-летия фильма акцент на международной популярности «Чапаева», отражал тогдашнюю специфику советской киноиндустрии. После смерти Сталина ограничения в ней постепенно слабели. Уже в 1959 г. советские студии выпустили 137 фильмов, по сравнению с 9-ю в 1951 г. Стояла задача «вернуть кино на вершину советской культуры»². Одновременно советская киноиндустрия получила свою нишу в холодной войне с Западом, превратилась в форум доказательства превосходства социалистического образа жизни. Такие ленты, как «Летят журавли» Михаила Калатозова (1957), «Баллада о солдате» Григория Чухрая (1959) и «Иваново детство» Андрея Тарковского (1962) получили признание зарубежной аудитории и завоевали призы на международных кинофестивалях. Этот факт явил «особый предмет гордости для режиссеров и советской общественности»³.

Алжирский визит «Чапаева» был из той же череды идеологических атак. Стоящее на пороге новой эпохи молодое африканское государство заявило о строительстве независимой алжирской культуры. Советский Союз взялся показать, как это сделать. «Чапаев стал показательной иллюстрацией такого культурного строительства. Фильм был представлен как «окно в истоки раннего советского кино», через которое молодая республика могла бы увидеть свою нарождающуюся революционную цивилизацию. В алжирских газетах социалистические преобразования 1930-х годов (то есть время производства «Чапаева») подчеркивались чаще, чем события самого фильма. Высокая оценка прессой кинокартины тридцатилетней давности подтверждала достижимость художественных высот для пока ещё слабо развитой постколониальной страны»⁴. В этом контексте произошла своеобразная метаморфоза образа Чапаева. Он стал восприниматься уже не только как крестьянский невежда, постепенно превратившийся в народного героя, но и как символ советского политического могущества. В какой-то степени два киношных образа Чапаева и Фурманова стали единым целым. «Алжир – необыкновенная страна, – утверждал один из членов советской делегации, – нас окружают чудесные люди»⁵. Вероятно, произнося эти слова, он тоже олицетворял свободолюбивых алжирцев с Чапаевым и чапаевцами.

---

¹ Три выстрела в «Аполло» // Вечерний Ленинград. 1964. 16 ноября.

² Tony Shaw and Denise J. Youngblood, *Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Hearts and Minds*. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2010. P. 48.

³ Tony Shaw and Denise J. Youngblood... P. 48.

⁴ Tchapaiev, desfrèresVassiliev—Unveterantojoursjeune<Unfilmveteran>: unherospoulaire: epiqueetquotidian // LePeupleDimanche 20.09.64.

⁵ Алло, Алжир! Нас окружают чудесные люди // Советская культура. 1964. 22 июля.

БОРЬБА С АНТИСОВЕТСКИМИ ВООРУЖЕННЫМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗМИЕВСКОГО И ЧУГУЕВСКОГО УЕЗДОВ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920–1921 гг. (по рукописи А.И. Криштопы)

Период революций 1917 г. и Гражданской войны на территории бывшей Российской империи всегда привлекал к себе внимание исследователей, что обусловлено значимостью и масштабами событий тех лет. При этом необходимо отметить, что до сих пор отдельные сюжеты периода Гражданской войны изучены крайне неравномерно. В Гражданской войне, как правило, выделяют три основные противоборствующие силы: красные (сторонники советов – общественных организаций, захвативших власть путём вооружённого государственного переворота), белые (все антисоветские силы: партии правого спектра, буржуазия, часть офицерства, казачество и др.) и зелёные. Малоизученность последних делает настоящую работу актуальной и своевременной.

Зелёные – обобщённое название нерегулярных, преимущественно крестьянских и казачьих вооружённых формирований, противостоявших иностранным интервентам, большевикам и белогвардейцам. Различные отряды зелёных имели разные политические идеи. Объединяло их одно – задача защитить родной край или более узко – своё село от любой власти, пытающейся навязать свой строй, забрать хлеб, мобилизовать в армию и т.п.

Малоисследованность зелёного движения, отдельных формирований и их лидеров, обусловлена рядом объективных факторов. Главнейшим из них, вероятно, является социальная принадлежность участников «народных армий». Так, например, белые, проиграв вооружённую фазу сопротивления, эмигрировали за рубеж, где развернули активную деятельность не только на политическом поприще, но и на мемориально-литературной ниве. Результатом этого стала публикация многочисленных воспоминаний¹, историй полков белой армии², мемуаров с сильной аналитической составляющей³ и др. Напротив, советская власть нуждалась в закреплении результатов своей победы, что также вылилось в исследование гражданской войны, довольно подробном, хотя и избирательном её изучении с точки зрения красных⁴.

Участники же зелёного движения, в основной массе своей полуграмотные, не могли оставить такого богатого мемуарного наследия. В белоэмигрант-

---

¹ Венус Г.Д. Война и люди. Семнадцать месяцев с дроздовцами. М., 1926; Винниченко В.К. Из истории украинской революции // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 277-358; Врангель П.Н. Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. В 2 т. Т. 1. Минск, 2002; Двигубский А.М. Отчёт о деятельности Харьковского разведывательного центра. Составлен полковником Двигубским, начальником Харьковского центра разведывательного отделения штаба Главнокомандующего Вооружёнными силами Юга России в июне 1919 года. Харьков, 2007; Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Мюнхен, 1948.

² См., напр.: Корниловский Ударный полк. Париж, 1936; Корниловцы. Юбилейная памятка. 1917 – 10 июня – 1967. Париж, 1967; Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1969; Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917 – 1920 годов : В 2 кн. Париж, 1962.

³ Например, известные воспоминания А.И. Деникина.

⁴ См.: Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. В 4 т. Т. 1. М., 1924.; Т. 2. М.; Л., 1928; Т. 3. М., 1932; Т. 4. М.; Л., 1933; Егоров А.И. Разгром Деникина, 1919 г. М., 1931; Какурин Н.Е. Гражданская война. 1918 – 1921. СПб., 2002 и др.

ской литературе¹, как и в воспоминаниях красноармейцев², зелёные представлены в качестве бандитов.

В отличие от белых, большая часть зелёных осталась после упрочнения советской власти на местах. Проведение политики «военного коммунизма» и, в частности, продразвёрстка вызвали ещё одну общенародную волну сопротивления. Это, в свою очередь, повлекло за собой тотальные репрессии против лиц, противившихся советской власти. Судя по мартирологам³, только по Харьковской губернии за период 1917 – первая половина 1930-х гг. были расстреляны и сосланы в концентрационные лагеря десятки тысяч крестьян. К тому же, большая часть отрядов зелёных имела местное, узко локальное значение, из-за чего источники, которые могли бы осветить деятельность того или иного формирования, не попадали, как правило, в центральные архивы. Сказанное в полной мере касается территории бывшего Змиевского уезда Харьковской губернии. Поэтому в местных краеведческих работах⁴ содержится весьма незначительное количество информации о народных вожаках периода гражданской войны.

Целью настоящей работы является введение в широкий научный оборот части рукописи Андрея Ивановича Криштопы, который был непосредственным участником ликвидации «банды Совы».

Географические рамки работы соответствуют Змиевскому и Чугуевскому уездам Харьковской губернии Украинской Социалистической Советской Республики. Хронологически работа охватывает период 1920–1921 гг., характеризовавшийся окончательным разгромом на описываемой территории белых, разгулом бандитизма и пиком народного сопротивления укрепляющейся советской власти.

Охарактеризуем вкратце автора рукописи. Андрей Иванович Криштопа родился в 1890 г. на хуторе Коропово Змиевского уезда Харьковской губернии. Благодаря счастливому стечению обстоятельств он получил юридическое образование в Императорском Харьковском университете. По словам Николая Николаевича Мироненко, внучатого племянника нашего героя, – молодому человеку помогла одна достаточно состоятельная семья, не имевшая собственных детей и желавшая помочь стать на ноги выходцу из небогатого семейства⁵. По окончании университета работал адвокатом в Змиеве. После революции проживал на улице Кирова, в доме № 4, был назначен заведующим Змиевской юридической консультацией. В 1937 г. был арестован, но отпущен за недостаточностью улик⁶.

Составлять «исторический портрет» Змиевщины молодой адвокат начал в 1925–1926 гг. При Змиевском районном клубе (ныне районный Дом культуры) действовал, помимо прочих, краеведческий кружок. Именно его члены и поручили Андрею Ивановичу написать небольшой исторический очерк о родном городе. В 1939 г. систематизированная работа была завершена и подарена автором Змиевской средней школе № 1⁷.

¹ См., напр.: Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917 – 1920 годов : В 2 кн. / Сост. В. Е. Павлов. Париж, 1962. Кн. 2. 1919-1920 гг. С.175.

² Чернієнко І. Радянська весна Зміївщини // Будівник комунізму. 1967. 7 вересня. С. 2; Тимченко М. 150 зміївських шабель // Будівник комунізму. 1982. 23 грудня.

³ Реабілітовані історією : У 27 т. Харківська область. Книга перша. К.; Харків, 2005. Ч. I; II.

⁴ Дьоміна О. Махновщина на Зміївщині // Вісті Зміївщини. 1998. 7 листопада. С. 6; Дьяченко Н.Т. Историко-революционные памятники Харьковщины. Харьков, 1979; Коловрат Ю.А. Аграрный вопрос в Змиевском уезде в период гражданской войны 1917 – 1921 гг. // Вісті Зміївщини. 2011. 13 вересня. С. 4; 23 вересня. С. 8; 27 вересня. С. 4; 4 жовтня. С. 4; Хименко Л.П. Соколов и соколяны. 3 далекого минулого до сьогодні (Історія. Документи. Спогади). Балаклея, 2007; Саяний М.І. Зміївщина – Слобожанщини перлина. Харків, 2009.

⁵ См.: Маслак С.М. Андрей Иванович Криштопа – змиевской летописец // Змиевы горы. URL: <http://www.zmievy-gory.com/index.php/biblioteka/44-andrej-ivanovich-krishtopa-zmievskoj-letopisets> (дата обращения: 08.01.2013).

⁶ Саяний М.І. Твої люди, Зміївщино. Кн. 1. Харьков, 2003. С. 22, 40.

⁷ Маслак. С.М. Указ.соч.

К сожалению, во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. рукопись была утеряна, что подвигло её автора восстановить написанное. Увлёкшись историей родного края, А.И. Криштопа написал шесть рукописей различного листажа. Четыре из них хранятся ныне в музейном комплексе Змиевского лицея № 1 им. З.К. Слюсаренко¹, пятая (недоступная нам ввиду субъективных причин) – в Змиевском краеведческом музее и, наконец, шестая², представляющая для нас наибольший интерес – в Змиевской районной библиотеке.

Сама рукопись представляет собой машинописный текст со следами авторских правок чернильной ручкой. Страниц в рукописи 123. По всей видимости, текст был набран на печатной машинке до 1953 г., так как на многих страницах видны густо зачёркнутые фрагменты текста с упоминанием И.В. Сталина. В целом, все работы А.И. Криштопы компилятивны и содержат общеизвестную информацию. Однако представляемая читателю рукопись содержит ряд личных воспоминаний автора, что даёт историческому краеведению довольно интересный фактаж. В начале 1960-х гг. автор передал рукопись на депонирование в Змиевскую районную библиотеку, где она сохраняется и доныне. Машинописные листы этой работы были прошиты и снабжены типографской обложкой в начале 1990-х годов.

Страницы рукописи отчасти раскрывают деятельность эсера-боротьбиста Цыбы, организовавшего антисоветское сопротивление в южных волостях Змиевского уезда. Орфографию и стилистику автора сохраняем.

«... Несмотря на то, что в городе и уезде работы было непочатый край, политбанды (Махно, Совы, Маруси, Кузнецова, Караченцева, Двигуна, Цыбы и других) чрезвычайно мешали созданию экономической мощи уезда, так как приходилось лучшие силы большевиков и сочувствующих назначать на борьбу с этими бандами.

Больше всех положил сил и энергии на борьбу с этими бандами идеальнейший большевик Иван Сергеевич Любченко, сотни раз видавший смерть воочию, но благодаря исключительнейшему самообладанию и находчивости из всех опасных перипетий выходил благополучно, точно выполнив задание партии. <...>

Вот один из многих эпизодов деятельности этого воистину бесстрашного большевика.

Весною 1921 года, в связи с недородом, население города и уезда испытывало значительные продовольственные трудности. Очевидно, по заданию врага советского народа, некий Цыба, эсер-боротьбист³, организовал в южных

---

¹ Криштопа А.И. Краткие очерки истории Украинской ССР (далёкое прошлое до Февральской буржуазно-демократической революции). Змиев, 1958. Т. 1. – 526 с., депонирована в музейном комплексе Змиевского лицея № 1 им. З. К. Слюсаренко, 1963; Криштопа А.И. Краткие очерки истории Украинской ССР (Слободская Украина) Змиев, 1958. – 220 с., депонирована в музейном комплексе Змиевского лицея № 1 им. З. К. Слюсаренко, 1963; Криштопа А. И. Краткие очерки истории Украинской ССР (Харьков и Харьковская область). Змиев, 1963. – 443 с., депонирована в музейном комплексе Змиевского лицея № 1 им. З. К. Слюсаренко, 1963; Криштопа А.И. Краткие очерки истории Украинской ССР (Харьковщина). Змиев, 1959. – 310 с., депонирована в музейном комплексе Змиевского лицея № 1 им. З. К. Слюсаренко, 1963.

² Криштопа А.И. Змиево городище: экскурс в историю родного края. Змиев, 1956. – 123 с., депонирована в Змиевской районной библиотеке.

³ Украинская националистическая партия левых эсеров. Возникла в мае 1918 г. в результате раскола партии украинских эсеров. Название получила по имени центрального органа партии газеты «Боротьба». Опирались на интеллигенцию, искали поддержки у среднего крестьянства. Лидеры: Г. Гринько, В. Елланский (Блакитный), Аф. Любченко, А. Шумский. Под воздействием изменявшегося соотношения социальных сил политическая платформа боротьбистов претерпевала эволюцию — от буржуазного демократизма к принятию советской платформы. Идеология всегда оставалась на позициях борьбы за независимость Украины. В.И. Ленин считал, что в целях консолидации сил украинского народа партию боротьбистов следует ликвидировать, а лучшую её часть принять в Коммунистическую партию. Левая часть эсеров-боротьбистов, возглавлявшаяся В. Блакитным, Г. Гринько, Аф. Любченко, А. Шумским, добилась самоликвидации партии и слияния её с КП(б)У. Всеукраинская конференция боротьбистов 20 марта 1920 г. приняла решение о самороспуске и слиянии с КП(б)У. Приём бывших боротьбистов в КП(б)У производился в индивидуальном порядке.

волостях Змиевского уезда до восьмисот сабель и поднял его против мероприятий партии и советской власти.

Партия послала И.С. Любченко разумеется не для того, чтобы уговаривать банду, а произвести разведку её сил и действий. Любченко, круглый сирота, всю свою молодость батрачивший у кулаков того края, пробрался в самое логово банды, и видя что банда митингует, смело вошёл в центр, где «командование банды» разъясняло свои мероприятия по борьбе с советской властью, вернее с большевиками («радянську владу визнаємо, але більшовиків не треба») ¹ и сразу же потребовал слова. «Командование», по всей вероятности, растерялось от неожиданности и слово т. Любченко было дано. Горячее большевистское слово его внесло в ряды банды разлад. Но всё-таки многие бандиты требовали немедленной смерти смелого оратора. Горячие бандитские головы начали хвататься за винтовки, револьверы, сабли. Другие же требовали, чтобы Любченко продолжил говорить. Нужно только представить, какая сила убеждения звучала из уст т. Любченко, если он, в конце концов, уговорил банду разойтись по домам для мирной созидательной работы, а главаря банды – Цыбу – приехать вместе с ним в уездный город Змиев, пообещав ему честью большевика амнистию советской власти.

Цыба, действительно, Всеукраинским центральным исполнительным комитетом был помилован.

Дальнейшая судьба этого Цыбы неизвестна» ².

Фигурантами второго эпизода являются уже не крестьяне, боровшиеся с продотрядами, а, по всей видимости, остатки какой-то белогвардейской части.

В 1920 г. председатель уездного Военно-революционного совета Лазарев вызвал А.И. Криштопу, возглавлявшего отдел юстиции, и поручил поехать в составе комиссии из троих человек на переговоры в отряд Сова, который незадолго перед этим сжёг Лебедажевский сахарный завод. Суть переговоров заключалась в предложении советской власти сложить оружие взамен на полную амнистию. Помимо А.И. Криштопы, в комиссию вошли командир охранной роты [Р.А.] Курочка и следователь Змиевского ЧК Бреславцев. Отряд дислоцировался в с. Лебяжье Чугуевского уезда. Автор рукописи сообщает: «...Самого Сова мы в Лебяжьем не видели (он был на очередной “операции” в Волчанском уезде). Замещал же Сова в Лебяжьем “комендант” Кондратенко. С ним я и повёл переговоры, которые были отложены, к нашей большой досаде, до следующего утра. <...> Наконец настало долгожданное утро. Нам принесли чай, много сахара, варёное мясо и очень хороший пшеничный хлеб. <...> Спустя минут двадцать явился “комендант” и предложил нам всем идти в “казармы”. <...> По пути в казарму “комендант” всё-таки сказал, что “хлопці хочуть вас бачити и послухати все те, що ви мені вчора говорили”» ³.

Дальнейшее описание подтверждает нашу догадку об этом формировании, как об остатке частей регулярной армии. «В казарме было человек до пятидесяти кавалеристов вооружённых и одетых в разноцветные мундиры и брюки формы царских гусар и драгун» ⁴. Вероятно, это были гусары Ингерманландского полка, упоминаемые в числе частей Добровольческой армии, наступавших в июне 1919 г. на белгородском направлении ⁵. Ещё с XIX в. на территории Змиевского уезда была расквартирована 10-я кавалерийская дивизия (штаб в г. Чугуеве). В состав её входил и 10-й гусарский Ингерманландский Великого Герцога Саксен-Веймарнского полк ⁶, возрождённый позднее в Вооружённых Силах Юга России ⁷.

Кавалеристы сначала попросили прибывших рассказать о новостях и последних событиях, а затем выслушали предложение парламентариев. После

¹ Укр.: «Советскую власть признаём, но большевиков [нам] не нужно».

² Криштопа А.И. Змиево городище... С. 69-71. Скорее всего, Цыбу постигла участь десятков тысяч «бывших», массово репрессированных в период 1933–1937 гг.

³ Криштопа А.И. Змиево городище... С. 71.

⁴ Криштопа А.И. Змиево городище... С. 72.

⁵ См.: Генерал Кутепов: Сборник статей. Париж, 1934. С. 234.

⁶ Согласно изданию: Харьковский календарь на 1877 год. Год пятый. Харьков, 1876.

⁷ Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.: М., 2003. С. 159.

бурных обсуждений за закрытыми дверями кавалеристы приняли предложение советской власти и решили служить в Красной Армии, что и было осуществлено. Позднее был помилован и также поступил на службу сам Сова¹.

Естественно, приведённые здесь свидетельства очевидца событий тех лет не раскрывают в полной мере деятельность таких народных вожаков, как Цыба и Сова. Однако наличие на местах подобных источников позволяет ввести в научный оборот ряд фактов, которые в будущем позволят историкам более полно восстановить историю зелёного движения в период Гражданской войны 1917–1923 гг. в России.

---

¹Криштопа А.И. Змиево городище... С. 73.

ЛОКОТСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Вот уже в течение двадцати лет внимание российских историков привлекает феномен Локотского автономного округа (ЛАО), созданного и существовавшего в 1941–1943 гг. на территории Орловской и Курской областей под патронажем гитлеровцев. Уникальность ЛАО, в народе называвшегося «Локотской республикой» в том, что все вопросы – от административно-хозяйственных до военных – были здесь в ведении русских органов самоуправления. А коллаборационизм здесь был почти поголовным явлением. Чтобы понять причины этого, следует обратить внимание на взаимоотношения локотского крестьянства с советской властью, начавшие закладываться еще в период «военного коммунизма» и в первые годы НЭПа. Локотскими крестьянами мы именуем жителей Брасовской волости Орловской губернии, в которую входил поселок Локоть с великокняжеским имением.

Находясь в собственности сначала Апраксиных, затем Романовых, Локоть и прилегающие земли процветали. Материальный уровень крестьянства здесь был чрезвычайно высок. Неудивительно, что локотские крестьяне, будучи окружены заботой Великих Князей, не познали ни ужасов крепостного права, ни пореформенного разорения. Как бы то ни было, в пределы апраксинско-романовского имения не проникли народовольческие идеи, а марксистские настроения, заразившие на рубеже XIX–XX веков некоторую часть населения центральной России, не нашли на локотских землях никакой почвы для своего развития. Интересно, что в период революции 1905–1907 гг., когда редкое имение избежало крестьянских погромов, на локотских землях не было зафиксировано ни одного случая поджогов или разграблений великокняжеского имущества.

После октябрьского переворота 1917 года положение изменилось. Логика разрушения столкнулась тогда с логикой целесообразности и полезности того, что на некоторое время осталось бесхозным. Вместе с тем, заразившая российское крестьянство эпидемия растаскивания и присвоения господского добра на локотских землях возымела некоторую специфику: крестьяне не разграбляли романовский дворец, а, скорее, были движимы желанием сохранить его ценности, не дать им пропасть бесследно, быть уничтоженными. Зачастую им приходилось даже выступать защитниками дворцовых ценностей. Так, по свидетельствам локотских крестьян А.П. Павленко и М.П. Орловского, которые записал историк-краевед Б. Осипов, 9 января 1918 года жители Брасова и Локтя узнали о том, что из-за Неруссы идут погромщики из трех волостей, чтобы грабить великокняжеский дворец. Крестьяне, в том числе старики, женщины и даже подростки, вооружившись вилами и топорами, съезжались в Локоть, чтобы грудью отразить нападение. Когда погромщики узнали о противостоящих им силах защитников имения, они, не решаясь мериться с локотянами силами, остановились на опушке Георгиевской рощи недалеко от спиртзавода. Затем были вынуждены разойтись по своим деревням, пригрозив, что в следующий раз придут снова, но уже всем уездом, однако свою угрозу не исполнили¹.

В свете этого весьма сомнительна характеристика, данная впоследствии локотскому населению начальником штаба партизанского движения на Центральном фронте старшим майором госбезопасности Матвеевым:

«В первые годы революции население района, в основном бедняцкое, со значительным числом неграмотных, находилось всецело под влиянием кулачества. Процветали воровство, пьянство, сравнительно высок был процент не имеющих определенных занятий. Суеверия, власть различных «плохих и хоро-

¹ Личный архив И.Г. Ермолова (ЛАЕ). *Осипов Б.* О богатстве Романовского имения (рукопись).

ших примет» царили, вплоть до последнего времени, даже среди местной интеллигенции»¹.

Сохранить же дворцовые богатства, несмотря на активность локотских крестьян, все же не удалось. С установлением советской власти у романовских ценностей появился более коварный враг, нежели распоясавшиеся погромщики. Так, дворец со всем содержимым был национализирован и перешел в ведение волостного совета. А уже в начале 1918 года советская власть через Брасовский волысполком решила наложить руку на имущество Романовых. В стремлении придать своим действиям видимость законности, под предлогом принятия мер по сохранению ценностей дворца, была создана комиссия для проведения учета ценностей².

В мае 1918 года в Брасово командированы специальные эмиссары – художники А. Т. Матвеев и П. С. Уткин, в задачу которых входили оценка и отбор произведений искусства. С ними прибыл еще агроном И. А. Малахов для организации в Брасове сельскохозяйственной школы. Именно на этих условиях волысполком соглашался отдать художественные предметы.

Комиссией был составлен «Список столового серебра, имеющегося при Брасовском волостном исполкоме и принятого на учет от Михаила Романова». Уже из названия документа видно, что Брасовский волысполком лукавил. Так, Михаила Романова в то время в Локте уже не было, и он никак не мог передать волысполкомовской комиссии свое имущество.

Описанные ценности были уложены в 18 ящиков с золотыми и в 32 ящика с серебряными вещами³. Кроме того, комиссия изъяла хрусталь, фарфор, фаянс, бронзу, гравюры и скульптуры, представляющие большую художественную ценность.

Как вскоре выяснилось, местные большевики весной 1918 года замыслили поменять через Народный комиссариат имуществ часть изъятых ценностей на продовольствие. Согласно договоренности, вагон с загруженными в него семнадцатью ящиками романовского серебра подлежал обмену на десять вагонов хлеба. Однако после длительных переговоров с брасовскими ходоками, комиссариат снизил цену серебра, согласившись в обмен на серебро выделить лишь один вагон хлеба. 17 ящиков с великокняжеским добром были доставлены в Москву.

В 16-и прибывших в Москву ящиках с серебром находилось более тысячи изделий, составляющих одну из наиболее крупных и художественно значимых коллекций в России. В семнадцатом ящике находились иконы, серебряные оклады и предметы церковного обихода, в том числе украшенные драгоценными камнями. В описи подробно перечислялись блюда, кубки, чашки, тарелки, ложки, солонки, сахарницы, соусницы, вазы, молочники, подсвечники, кастрюли, наборы ножей, украшения. Большинство предметов являлись произведениями прикладного искусства, созданными мастерами Нюрнберга, Ауссбурга, Гамбурга, Лондона, Парижа, русских фирм Сазикова, Овчинникова, Губкина, Орлова, Николаева, Фаберже. Многие из них были исполнены по рисункам и эскизам знаменитых художников - Витали, Клодта, Лансере, Борникова, Быковского...

Однако члены комиссии не проявили никакого интереса к ценным полотнам, изображающим царей династии Романовых. По-видимому, советчики посчитали, что поскольку царская власть свергнута, портреты царей просто не нужны. Однако в том, что таковые имелись, не приходится сомневаться. Так, некогда Наталья Сергеевна писала мужу о «портретах предков» (вероятнее всего, о портретах Романовых, принадлежавших, как правило, кисти именитых художников), а также восхищалась тем, что во дворце «каждая комната лучше другой, это прямо музей»⁴.

¹ Центр новейшей истории Брянской области (далее – ЦНИБО). Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 79-89.

² Ермолов И.Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления. М.: Центрполиграф, 2009. С. 24.

³ В различных источниках фигурирует разное количество ящиков с ценностями.

⁴ ЛАЕ. Юрасов Б.А. Дворец Великого Князя Михаила Романова и его ценности (рукопись).

Что касается картин, большая их часть погибла, некоторые же были в наступившей неразберихе унесены крестьянами и спрятаны. Так, по свидетельству уже упомянутого историка-краеведа Б. Осипова, бывшего в 1960-е годы заведующим Брасовским районным отделом народного образования, однажды ему позвонила заведующая Кропотовской начальной школой А.З. Талалаева и сказала, что при ремонте здания школы строители нашли портрет Михаила Романова. Будучи упакован в плотную бумагу, он много лет пролежал между стеной и деревянной обшивкой бывшего помещичьего дома, в котором размещалась школа. Портрет хорошо сохранился, он был выполнен на твердом картоне и принадлежал, без сомнения, руке искусного художника. По понятным причинам Осипову не удалось забрать и сохранить портрет¹.

Не были учтены комиссией и исчезли также хранившиеся во дворце полотна академика русской пейзажной живописи Станислава Юлиановича Жуковского, который неоднократно гостил в Локте по приглашению графини Натальи Брасовой.

Оставшиеся после сделки с Наркоматом имуществ ценностей, описанные и упакованные волисполкомом, были перенесены в подвалы брасовской церкви, для их охраны приставили сторожа с ружьем.

Вскоре локотским крестьянам вторично выпало встать на защиту дворцовых богатств. Случилось это в апреле 1918 года, когда попытку завладеть изъятыми ценностями предприняли анархисты. Прибыв на станцию Брасово на бронепоезде, они потребовали сдать ценности, хранящиеся в церковных подвалах. В ответ местные жители заявили новым грабителям, что скорее умрут, чем отдадут кому-либо дворцовые богатства. Бронепоезд анархистов стоял на станции несколько дней с наведенными на Брасово орудиями. Анархисты угрожали обстрелять поселок, однако, узнав о вызванных из Орла частях Красной армии, были вынуждены удалиться².

Как видно, локотяне, столь самоотверженно защищая дворцовые ценности, тешили себя мыслью, что новая власть не даст им исчезнуть, сохранит как народное достояние. Однако вскоре все изъятое под усиленной военной охраной было отправлено в Москву.

Описей того, что эмиссары привезли в Москву, в архивах пока не обнаружено: либо они не сохранились, либо лежат в закрытых фондах. Однако по косвенным упоминаниям можно сделать вывод, что брасовские ценности поступили в специальные хранилища Государственного музейного фонда, которые размещались в подвалах Румянцевского и Исторического музеев.

Наиболее художественно значимые произведения из серебра в 1920-х гг. переданы из всех хранилищ в Оружейную палату. Брасовские картины, гравюры, рисунки, акварели, скульптура разошлись по разным московским и периферийным музеям, книги попали в библиотеки, фамильные бумаги – в архивы. Проследить их пути пока не удастся.

Согласно предположению Б. Осипова, романовские сокровища, скорее всего, экспонируются или хранятся в запасниках Оружейной Палаты, Эрмитажа, Третьяковской галереи и других музеях. Нельзя исключать и то, что ценности частично были разграблены, а частично в период разразившегося вскоре голода проданы за границу³.

Материальный уровень локотян с приходом на их земли советской власти резко изменился в худшую сторону. Е.К. Еременко, работавшая в период оккупации 1941–1943 гг. в земельном отделе Локотского самоуправления, так описывает первые послереволюционные годы: «Но всему приходит конец. В 1920-м году, когда шла Гражданская война, разразился голод. У нас стояли

¹ ЛАЕ. *Осипов Б.* О богатстве Романовского имения (рукопись).

² Там же.

³ Исключение могут составлять лишь отдельные предметы незначительной ценности, которые до сих пор можно встретить в домах локотских жителей, а также чудом сохранившиеся полотна. Так, несколько картин С.Ю. Жуковского в настоящее время находятся в музее «Путевой дворец» г. Твери.

красные, а в Радогощи – белые. И пока красные стояли, они у нас все поели... Когда пришла весна, то нам есть было нечего, Лиза и я с Костей ходили побираться... Голодно было все время. Это были приблизительно 19–20-й годы. Мы ходили в лес, щипали листву с липы и дуба, сушили, терли, а мама потом смешивала все это с отрубями, пекла лепешки»¹.

Что касается локотского населения, согласно уже цитировавшейся докладной записке Матвеева, «в годы сталинских пятилеток район очистился от основной массы кулачества и от романовской дворцовой челяди. Однако идеологическое наследство последних заметно давало себя чувствовать и после, что несколько выделяло, в невыгодную сторону, этот район из среды соседних»². Нетрудно себе представить, что стоит за словами об «очищении» района. Нет никакого сомнения, что в годы «сталинских пятилеток» по району прокатилась жесточайшая волна репрессий. Жертвами же стали не только «кулаки», то есть зажиточные крестьяне, которых здесь было больше, чем где-либо еще, но и все те, кто в той или иной мере сохранил монархические настроения, приверженность старому режиму. Учитывая специфику дореволюционного быта локотян, подозревать в контрреволюции можно было практически каждого.

В то же время, несмотря на предпринятые советской властью усилия, полностью «перековать» локотян на новый, советский лад так и не удалось. В частности, антисоветские настроения прочно укоренились в сознании местных жителей. Так, согласно устным свидетельствам местных жителей, собранным автором, предки современных локотян, жившие в 1920–1930-е гг., постоянно, часто не боясь доносов и репрессий, критиковали все советское, в качестве сравнения приводили свой дореволюционный быт. Нет оснований сомневаться, что специфика жизни локотского крестьянства, его особые отношения с советской властью и предопределили события, происшедшие здесь в период немецкой оккупации.

---

¹ ЛАЕ. Свидетельство Еременко Екатерины Корнеевны. – Записал ее сын Фомченков Александр Терентьевич // Текст.

² ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 79-89.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС НА УЕЗДНОМ УРОВНЕ: БУНТ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Статья подготовлена
при поддержке РГНФ;
грант № 13-01-00260.

Крестьянские революции XX столетия и их интерпретации стали одной из значимых тем мировой историографии. Их осмысление потребовало формирования новых концепций, актуализации сравнительных подходов.

Собственно социальная активность крестьянства в период модернизации и раскрестьянивания явилась предметом масштабных концептуальных построений. В западной историографии существует определение «тридцатилетняя война» для эпохи всемирной истории 1914–1945 гг., рамки которой А. Грациози раздвигает до 1912–1956 гг. Применительно к России он пишет о «великой крестьянской войне» 1917–1933 гг., объединяя «акты» 1918–1922 и 1928–1933 в единый процесс¹. М. Бернштам выступил с оригинальной и перспективной, хотя и мало востребованной концепцией целенаправленной демографической революции против России и, соответственно, феномена народного сопротивления ей². Идея большой крестьянской революции 1902–1922 гг. принадлежит В. П. Данилову. Он солидарен с представлениями других крестьяноведов в том, что революции в аграрных обществах осуществляются «силами крестьянства, но не на благо крестьянству». Крестьянская революция 1902–1922 гг. стала основой социальных и политических революций, происходивших параллельно с ней и на ее фоне. В. П. Данилов формулирует очень важный вывод: крестьянская революция победила, так как Земельный кодекс 1922 г. фактически повторил крестьянские указы 1917 г. Однако эта победа была равносильна поражению, так как «неизбежно ускоряла разрушение традиционных основ существования крестьянского хозяйства и образа жизни, во всяком случае в условиях XX в. Сохранение традиционных общественных порядков неизбежно возрождало старую систему господства - подчинения, как, например, это было в конце XVI в. в Китае, когда победоносная крестьянская революция заложила основы династии Мин»³. М. Левин известен концепцией «аграрного деспотизма», то есть детерминированности характера модернизационной трансформации крестьянским большинством страны. А. И. Солженицын так оценивал верхнюю границу революционного процесса: «Конец революции я вижу в 1930–1931 годах. В разгроме крестьянства и неповторимом изменении страны... Россия была сотрясена и изменена до неузнаваемости. С 30-х годов Россия была новая страна. Еще в 20-х все политические акции не затрагивали глубинных основ, шли по поверхности. Оборвать революцию раньше нельзя»⁴.

Следует отметить, что и традиционная для советской историографии диалектика двух революций 1917 г. и двух гражданских войн в 1917–1918 и

¹ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2001. С. 5.

² Бернштам М. Стороны в гражданской войне 1917–1922 гг. // Вестник Русского Христианского движения. 1979. № 128.

³ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1993. №6. С.81-82.

⁴ Александр Солженицын: «Я не пропустил ни одного источника...» // Родина. 2002. № 6. С. 16. Эпизоды беседы в РГГУ по поводу выхода сокращенного «Красного колеса».

1918–1920 гг. ныне уступает место целостному видению единого процесса¹. А.А. Искендеров справедливо связал многолетнюю сознательную «путаницу» в периодизации Гражданской войны в советской историографии с задачей «как можно дальше по времени развести два события – Октябрьскую революцию и Гражданскую войну и тем самым затушевать, а то и полностью скрыть их связь и взаимообусловленность, а истоки Гражданской войны искать не во внутренних, а во внешних факторах». Он полагал, что «главным недостатком советской историографии было не отсутствие работ по данной тематике и даже не слабая их источниковая база, а то, что это была литература, освещавшая события Гражданской войны крайне односторонне, исключительно с позиции победителей»². Это замечание можно распространить на весь методологический багаж советской историографии, посвященной таким сюжетам, как политическое и военное участие крестьянства в событиях революции, модернизации и внешних войн.

Осмысление событий в таких широких рамках востребуют учет страновой и региональной специфики. При этом применительно к крестьянству существует бесконечное многообразие условий и обстоятельств, которые делают рискованными как обобщения, так и сравнения. Поэтому, как представляется, целесообразно предпринять попытку увидеть преемственность в формах взаимоотношений государства и крестьян на протяжении длительного периода времени, в ограниченных территориальных пределах.

В России выделялись местности, активные как в годы первой русской революции, так и в годы Гражданской войны, коллективизации, отчасти – в период Великой Отечественной войны. Данная активность могла менять векторы, что особенно интересно для изучения.

Одним из устойчивых социально-экономических регионов в Российской империи выступает Поволжье. Среднее и Нижнее Поволжье – выражено переселенческий аграрный край, переживавший бурный рост в конце XIX – начале XX вв. Аграрный кризис затронул край весьма серьезно, из губерний начался большой отход, менялась структура занятости, быстро росли города – Самара, Саратов, Царицын.

Мы рассмотрим события в одном из уездов Саратовской губернии – Балашовском. Это один из крупнейших уездов в Европейской России, густонаселенный, черноземный, граничащий с классическими аграрными губерниями черноземного центра – Воронежской и Тамбовской. Уезд издавна являлся зоной помещичьего землевладения.

В начале XX столетия земельная «теснота» в черноземных помещичьих уездах стала вопиющей. При этом современникам был ясен комплексный характер проблемы: требовались не только землеустроительные работы, но и повышение общего культурного уровня крестьян³. В Балашовском уезде развилось хулиганство, дворяне-землевладельцы с презрением относились к духовенству, зажиточные крестьяне также третировали священников за «поборы». В то же время в местах развития хулиганства оживала приходская жизнь, – появлялись

---

¹ В.П. Дмитренко предложил название Великая Российская революция. См.: Октябрьская революция: ожидания и результаты. Научная конференция в Москве. Обзор В.В. Юрченко // Отечественная история. 1993. № 4. С. 213; Ю.А. Поляков предложил новую периодизацию Гражданской войны с февраля 1917 г. по начало 1923-го, то есть как почти шестилетний период. См. его материал о природе гражданских войн: Бич истории // Свободная мысль – XXI. 2001. №1; Определение «смута» также широко используется в литературе, наиболее яркий пример: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997, второе, существенно расширенное, издание: М.: РОССПЭН, 2010.

² *Искендеров А.А.* Очерки истории советского общества // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 78, 75.

³ Подробно см.: Записка П.К. Грацианова о неотложных мерах к улучшению сельскохозяйственной промышленности и сельского быта // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. 37. Саратовская губерния. СПб.: типография Исидора Гольдберга, 1903.

кружки ревнителей православия¹. Социальная жизнь многопланово активизировалась под воздействием кризиса. В уезде сильные позиции занимала партия социалистов-революционеров, имевшая активных сторонников в земской среде.

В таком состоянии уезд встретил 1905 год. Саратовская губерния в революционные годы проявила себя очень рельефно. В ней, в свою очередь, закономерно выделился Балашовский уезд. Он был единственным в губернии, где «бывшее нетрудовое» (по большевистскому учету 1921 г.) землевладение превышало по площади «бывшее трудовое»: 532167 и 484004 десятин соответственно. Для сравнения: в помещичьих же Аткарском уезде соотношение было 432182 и 632786, в Сердобском – 246437 и 359254, в Петровском 193433 и 390439, в Камышинском (наполовину заселен германцами-колонистами) 208127 и 294089 десятин. В остальных уездах «нетрудовое» владение было в разы меньше «трудового»².

В губернии развернулось широкое движение за Крестьянский союз. 2 июня 1905 г. из Саратова сообщали в департамент полиции о создании отделения Союза. Он имел программу, близкую к эсеровской, осуществлял сбор средств. При этом «особенно боевое настроение наблюдается среди крестьян Балашовского и Аткарского уездов, где земские учителя ведут активную агитацию и пропаганду среди крестьян»³. Действительно, в уезде было активное эсеровское подполье. Центрами работы эсеровских организаций являлись Балашов, Турки, Самойловка. В числе партийных деятелей в уезде работали известные представители этой среды: Ченыкаев, М. Спиридонова, Туркин, Феологов, Колесников. Во многом ими было подготовлено мощное крестьянское движение 1905-го года⁴.

Некоторые штрихи и механизмы аграрного движения могут быть обрисованы, по Балашовскому уезду, следующим образом.

В начале февраля 1905 г., по примеру прошлых лет, крестьяне большой слободы Романовки приступили к массовой вырубке леса и увозу сена из имения М.С. Волконского. В короткий срок было срублено до 3.000 деревьев и вывезено около 1.000 возов сена. Крестьяне не скрывали, что затем развезут и хлеба. Романовцы выезжали большими толпами, убеждений не слушали и были дерзки. Наступление на Волконского продолжалось и в дальнейшем. Арест десятков налетчиков ситуацию не изменил⁵. Похоже развивались события и в Мордовском Карае. Это село рубило лес Львова и не давало арестовать зачинщиков (44 человека). 18 февраля последнюю попытку убеждения делал губернатор П. А. Столыпин. Он передвигался пешком, при виде его сход собирался мгновенно. Карайцы заявили, что лес будут рубить и арестовать никого не дадут⁶. Одной из активно выступивших была Вторая Ивановская волость. Здесь застрельщиками и организаторами движения были местные интеллигенты вкупе с несколькими десятками крестьян-активистов⁷.

Из девяти ранений полицейских чинов в 1905 г. по губернии пять пришили на Балашовский уезд⁸.

Активно выступивший уезд и успокаивался дольше. Жандармский «алфавит» (перечень) по аграрным делам за 1907 год содержит фамилии исключительно представителей Балашовского, Аткарского и Сердобского уездов. То

¹ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 6663. Л. 20, 24–24об.; Д. 7049. Л. 113–115, 118, 119об.–120; Д. 7050. Л. 223, 226об.–228об.

² ГАСО. Ф.313. Оп.1. Д. 1818. Л. 1–2

³ *Кирюхина Е.И.* Всероссийский Крестьянский союз в 1905 году // Исторические записки. 1955. Т. 50. С. 99.

⁴ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 199. Оп. 1. Д. 16. Л. 32–33.

⁵ ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д. 6896. Л. 46–46об., 691–691об.

⁶ Там же. Д. 6896. Л. 74,135

⁷ Там же. Д. 6896. Л. 616, 629–629об. 631, 643.

⁸ Там же. Д. 7219. Л. 17–18об., 22–22об.

есть в период отступления крестьянской революции активность продолжали проявлять там, где было сильно движение в период апогея. Насколько можно судить, списки содержат много односельчан и родственников, нередко под одной фамилией помещены 2–7 человек. Всего в списках 1314 фамилий. В том числе уроженцев Балашовского уезда 841 (64,0%), Аткарского 237 (18,0%), Сердобского 226 (17,2%), с неустановленной принадлежностью 10 (0,8%)¹. Таким образом, Балашовский уезд выделяется как наиболее упорный в борьбе за землю в ходе революции 1905–07 гг. В том же 1907 г. полицейские отряды в Балашовском уезде дислоцировались в Турках, Самойловке, Романовке, Аркадаке, Макарово и деревне Еременихе². Это не только крупные, но и «беспокойные» населенные пункты уезда.

Надо сказать, что борьба крестьян очень впечатлила местных землевладельцев и принесла ощутимые плоды, невзирая на поражение. Вот некоторые итоги революции в масштабах Макаровской волости (по ответам на опросник губернского истпарта в 1920-е годы). В ходе выступлений в 1905 г. было разгромлено три имения с поджогом и шесть без поджогов. Карательные экспедиции пороли нагайками, избивали прикладами, известны случаи увечий арестованных, однако убийств не было. Несколько сотен крестьян были наказаны в судебном и административном порядке. При этом взаимоотношения с помещиками после 1905 г. «установились большей частью лучшими», арендная плата упала примерно на 60%, за 1905–06 гг. через Крестьянский Поземельный Банк помещики продали по волости до 50% земель³. Этот пример показывает быстрый эффект от массовых антипомещичьих действий и его немалую цену. Очевидно, во многих бунтовавших волостях события развивались похожим образом. Крестьяне получали навык самоорганизации, закреплялись связи с левыми интеллигентами, формировалось ощущение возможности добиться многого общими усилиями.

Правительственным ответом на комплексный вызов стала «столыпинская» аграрная реформа. Балашовский уезд активно отозвался и на нее⁴. По итогам землеустройства на 1914 год, Балашовский уезд демонстрировал ярко выраженное индивидуальное начало, наиболее рельефное в пределах губернии. Оно нашло выражение в высоком проценте ходатайств о выделе и ссудах при минимуме ходатайств о пособиях⁵. Упомянутая нами Вторая Ивановская волость сожгла все «свои» усадьбы, а через считанные годы вся разверсталась на отруба. Причем одни и те же лица были и коноводами «беспорядков», и застрельщиками разверстания⁶. Приведенный пример ярок, но не единичен. Это значит, что столь разные по способам действия крестьян в реальности преследовали одну и ту же цель.

После спада революции, в 1908 г., в уезде образовалась сеть отделов Союза Русского народа. Отделы возникли: в слободе Романовке, Свинухе, Родничке, Большом Карае, Кардаиле, Терновке, Мордовском Карае, Ежовке Мордово-Карайской волости, Латышевке Падовской волости, Кислянке⁷. «Аграрники» (то

¹ ГАСО. Ф. 53. Оп. 5. Д. 39. Подсчитано автором

² ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9441. Л. 2.

³ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 16. Л. 85.

⁴ Подробнее см. в наших работах: Потенциал и тормоз реформы: Саратовская губерния // Правда Столыпина. Альманах. Вып.1. Саратов: «Соотечественник», 1999. С. 253–264; Диалектика общинного и индивидуального на пределе экстенсивного развития // Социс. 2000. № 4. С. 83–92.

⁵ См.: Посадский А.В. Потенциал и тормоз реформы: Саратовская губерния // Правда Столыпина. Альманах. Вып.1. Саратов: «Соотечественник», 1999. С. 258, 260–261.

⁶ См.: Еропкин А.В. П.А. Столыпин и указ 9 ноября / Правда Столыпина. Альманах. Вып. 1. Саратов: изд-во «Соотечественник», 1999. С. 89.

⁷ См. наш материал: Черная сотня в саратовской деревне в 1905 – 1916 годах // Отечественная история. 2007. № 1. С.134–142. (Полный вариант под названием «Черная сотня в саратовской деревне в 1905 – 1916 гг.: контекст, деятельность, судьба», размещен на сайте «Русской линии»: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=111429>).

есть участники волнений) и «черносотенцы» стали противостоящими друг другу группами сельского населения. При этом официальная фиксация внутридеревенской вражды часто бывала затруднена, не попадала в официальную полицейскую статистику. Заметим, что группы крестьян-монархистов сформировались в сравнительно компактном районе уезда, отличившимся недавними аграрными волнениями.

Прежние разделения приглушила война, начавшаяся в 1914 г. массовым оттоком рабочих рук из-за мобилизации. В деревне зрело ожидание перемен в результате победы. Однако война для России кончилась в режиме крушения, что сопровождалось хозяйственным дисбалансом. Доклад Саратовской губернской продовольственной управы о ходе заготовок с 1 сентября по 10 октября 1917 г. демонстрировал выразительное падение привоза хлеба. При этом из 10 уездов губернии только Балашовский и соседний Сердобский вывезли почти все указанное количество зерна, но и в них привоз происходил в определенном районе: на севере Балашовского и северо-западе Сердобского (соседнего) уездов. Большое количество хлеба пало на локальный район Тамала – Аркадак – Турки – Романовка – Пады. Местные власти запрещали вывоз учтенного, то есть принятого по нарядам управы, хлеба, в то же время конец сентября и начало октября озаменовались «вакханалией» спекуляции хлебом в тех же районах (Сердобский и Балашовский уезды), где наиболее ярко проявлялись тенденции задерживать хлеб и не принимать новые твердые цены. Шел «неимоверный контрабандный вывоз хлеба» со станций Тамала (по 10.000 пудов в день), Вертуновка, Беково, Ртищево, Колышлей. Это Сердобский уезд. В этой «вакханалии» очевидно участвовали и хлебные волости соседнего Балашовского уезда. Из голодающих губерний эшелонами двигались мешочники¹.

В Поволжье, особенно в Заволжье, уже с весны 1918 г. появились очаги большевистского и антибольшевистского настроения. Для Балашовского уезда фактором развития противостояния стало соседство с Донской областью, а также события в соседних черноземных губерниях. Уезд пережил правление местного «диктатора» Солонина в первые месяцы советской власти, локальные войны с донскими партизанами. Тем временем активно перестраивавшийся в хозяйственном отношении уезд оказался накрыт волной черного передела. Его итоги не воодушевляли. В докладе Балашовского уездного земельного отдела от 9 ноября 1918 года сообщалось, что масса земель «нетрудовых» и отчасти крестьянских осталась запущенной. Уездный и районные съезды все земли поделили по душам, в итоге: средние и сильные домохозяева с хорошим инвентарем, но малосемейные, получили мало земли, а многие, едва способные обработать надел, но многосемейные, получили ее много. Первые сокращали хозяйства и распродавали инвентарь, вторые забрасывали полученную землю. Запрет наемного труда оставил без работы «громадное количество батраков», а право завести свое хозяйство трудно реализовать, ибо инвентарь из взятых на учет имений расхищен². В таких обстоятельствах с осени 1918 г по осень 1919 г. уезд стал прифронтовым, последовали мобилизации, введение чрезвычайного положения, боевые действия.

В мае – июле 1919 г. массовое антибольшевистское повстанчество охватило смежные территории Воронежской, Саратовской и Тамбовской губерний. Прежде всего это Борисоглебский, Новохоперский и Балашовский уезды. Хотя само движение разлилось шире. Так называемой «зеленовщины» касаются в обобщающих трудах М. Френкин³, Т. Осипова⁴, В. Кондрашин⁵, имеется очерк

¹ ГАСО. Ф.1260. Оп.1. Д. 68. Л. 13, 17–18.

² РГАЭ. Ф.478. Оп.6. Д. 858. Л. 6, 8.

³ Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. Иерусалим, 1987. С. 113.

⁴ Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 130, 309–312.

⁵ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 188–189, 329–331.

Алексеева¹ по воронежскому повстанчеству 1919 года. П. Аптекарь предлагает датировку основных повстанческих волн, справедливо рассматривая «зеленовщину» как одно из крупнейших крестьянских восстаний периода Гражданской войны². Балашовский уезд дал несколько устойчивых центров повстанчества. В этих центрах реализовывался как потенциал революции 1905 года и столыпинских преобразований, так и глубинные ментальные начала социальной активности (скажем, высокую активность проявили потомки однодворцев в крупных прихоперских селах и переселенцы-малороссы), а также ситуативные факторы – обеспеченность хлебом в данный момент, приближение фронта и т.п.³ Можно говорить о том, что самостоятельную позицию, с нежеланием служить в РККА и отдавать хлеб, продемонстрировал как раз наиболее зажиточный и известный по революционным и реформаторским сценариям прежних лет район уезда. Соседний Хоперский округ ВВД также активно участвовал в сопротивлении большевистскому режиму.

Таким образом, Балашовский уезд активно менялся, в борьбе за землю крестьяне готовы были как на революционные действия, так и на отзыв на экономические побуждения власти. В этих процессах формировались кадры интеллигентов, имевших контакт с крестьянами, кадры активных крестьян, создавался навык совокупных действий. Принципиально важно, что в одних и тех же волостях и селах мы видим и массовые аграрные беспорядки, и отделы СНХ, и центры «столыпинского» землеустройства. Именно эти районы и будут охвачены «зеленовщиной». 1917 год – 1918 гг. создали новую ситуацию, в которой были свои выигравшие и проигравшие. В условиях разраставшейся гражданской войны на первый план, очевидно, стали выходить ситуативные факторы. Однако традиции социальной активности в черноземном уезде сохранились и заработали в новых условиях.

Думается, что такая логика развития событий может быть усмотрена и в иных местностях, давших основные кадры и компактные повстанческие районы: введение нэпа, жесточайший разгром «Антоновщины», которая весьма отчетливо захватила западную часть Балашовского уезда и смертельный голод 1921 г. «успокоили» деревню. Крестьяне принялись использовать открывшиеся возможности, которые, однако, оказались нешироки. Общественные организации, кооперация стали превращаться в де-факто государственные структуры. В результате, в годы нэпа налицо была «массовая маргинализация» как особое состояние общества⁴. Отношение крестьян к нэпу в воспоминаниях (нередко это детские впечатления) часто очень светло окрашено на эффекте контраста после чудовищной коллективизации. На деле в годы нэпа никак не получается увидеть уверенно-благожелательное отношение крестьян к власти, скорее спокойно-безразличное. Такой вывод позволяют сделать обширные материалы ВЧК-ОГПУ, ныне опубликованные.

Однако с конца 1920-х гг. нэп сменился новым наступлением государства, ожили военно-коммунистические приемы и настроения. Интересно проследить, как реагировал тот же район на новом витке противостояния. Выявление событийной канвы коллективизации позволяет говорить о ней как о гражданской войне, по крайней мере, применительно к некоторым крупным регионам, как Дон, Кубань, Дальний Восток, Центрально-Черноземная область.

В документах ОГПУ многократно подчеркивалось, что активная часть выступивших в конце 1920-х – начале 1930-х с оружием в руках – это люди, занимавшие антибольшевистскую позицию со времен Гражданской войны. Это «бывшие бандиты», «кулаки», «церковники», «белогвардейцы» и т.п. К этому

¹ Алексеев И. Мятельники // Подъем (Воронеж). 2003. №10. С. 223–230.

² Аптекарь П. Вандея в Черноземье. URL: www.rkka.ru.

³ Подробно см. в нашей книге: От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. М., 2010, раздел VI «Зеленовщина» 1919 года».

⁴ См.: Сеняевский А.С. Конференция по истории новой экономической политике // Отечественная история. 2003. №3. С.183

времени административное деление изменилось. Балашовский округ существовал в пределах Нижнее-Волжского края. Понимая, что границы прежнего уезда и округа далеко не совпадали, мы все же допускаем сравнение, имея в виду прежде всего активные, сравнительно не далекие от Балашова волости.

Резюме ОГПУ по первой половине 1929 года констатировало большой рост массовых выступлений с вовлечением в них значительных групп крестьян. «Кулачество в ответ на нажим пытается организовать массы, все больше усваивая тактику провоцирования женщин. В большинстве случаев наиболее активными участниками массовых выступлений были женщины. Объясняется это снисходительностью к женщинам в отношении репрессирования и большей податливостью их на провокационную агитацию кулаков и антисоветских элементов. В значительном числе случаев массовые выступления не носили явно антисоветской окраски, возникали стихийно, часто против незаконных действий местных властей (в большинстве случаев после разъяснения толпы мирно расходились)). Однако увеличилось количество выступлений, организованных кулачеством и антисоветскими элементами, носивших явно антисоветскую окраску». В первой половине 1929 г. Нижне-Волжский край в целом не был захвачен массовыми протестами, и по количеству выступлений далеко уступал иным крупным регионам. Массовые выступления фиксировались только в апреле – июне и отсутствовали в первые три месяца года. Однако одно из балашовских выступлений было классифицировано как восстание; лишь четыре выступления – в Барнаульском, Троицком, Балашовском и Армавирском округах – были оценены таким образом¹.

За август – сентябрь 1929 года было зарегистрировано 16 массовых выступлений, в том числе: 2 в ЦЧО, 4 в НВК, 4 в СВО, 5 в СКК и 1 в УССР². Как видно, теперь Нижневолжский край весьма активен. В годы коллективизации в крестьянском сопротивлении, можно предполагать, ожили какие-то связи 1919–1921 годов. С.И.Савельев, отмечая вероятную сфабрикованность дела о «Хоперской крестьянской организации» 1929 г., разумно не исключает возможность каких-то попыток создать структуры противодействия власти³.

В 1930 г. конфликт между властью и крестьянством развивался по нарастающей. За январь – март 1930 г. по НВК было учтено до 190 сельсоветов, «пораженных перегибами и инскривлениями». Лидировали Сталинградский, Вольский, Балашовский, Аткарский, Камышинский и Астраханский округа⁴.

По состоянию к середине марта 1930 г. ОГПУ сообщало о росте повстанческой тенденции в НВК. Наблюдалось усиление повстанческой агитации и слухов в повстанческих хозяйствах, прежде всего это касалось Балашовского, Сталинградского, Хоперского и Пугачевского округов. ОГПУ отмечало организованный характер «контрреволюционных проявлений». В Балашовском округе была выявлена организация, охватывавшая 15 населенных пунктов, имевшая связь с селом соседнего Тамбовского округа. Организация приобретала оружие, готовила восстание, ядром являлись бывшие антоновцы⁵.

К середине мая 1930 г. в НВК были сильны «продовольственные затруднения», как стали именовать голод в официальной документации. В Вольском и Балашовском округах фиксировались продажи скота с целью приобретения хлеба, - поступок последней крайности для крестьянина⁶. К концу июня продовольственное положение оставалось «наиболее острым» в Астраханском, Ба-

¹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т.2. 1923–1929 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. С. 919–920.

² Советская деревня... Т. 2. С. 957–958, 956.

³ Савельев С.И. Раскулачивание: как это было в Нижне-Волжском крае. Саратов, 1994. С. 114–115.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934 годы). Т. 8. 1930 г. Ч. 2. М., 2008. С. 1258, 1275.

⁵ «Совершенно секретно»... Т. 8. 1930 г. Ч. 2. М., 2008. С. 1258, 1274.

⁶ Там же. С. 910.

лашовском, Вольском, Пугачевском и Сталинградском округах. Множились массовые выступления с требованием хлеба¹.

Летом 1930 г. ОГПУ выделяло следующие лозунги «кулацкой» агитации в Балашовском округе: «Уморить советы голодом», «хлеб Советской власти не давать», «лучше хлеб сгноить, а Советской власти не дать», что понятно для традиционно хлебного района и вполне похоже на настроения этих же краев в 1919 г.² В то же время и «перегибы» и их последствия падают на районы, наиболее активно участвовавшие в Гражданской войне.

Таким образом, Балашовский уезд демонстрирует связь быстрых темпов роста, земельной проблемы с преемственностью в социальной активности. Можно полагать, что опыт 1905 г. оживал в 1917-м, опыт Гражданской войны, глубоко затронувший деревню, усугублял расколы 1905–07 гг. и, в свою очередь, востребовался ситуацией коллективизации.

Итак, налицо повторяющиеся сюжеты: хлебный район волей-неволей проявляет социальную активность в условиях нарастающего аграрного кризиса. Затем активно участвует в революционных событиях, активно отзывается и на новации, идущие от власти. Разные тенденции в социально-экономической сфере детерминировали собой и политическое участие деревни. Поднявшиеся «массы» могли проявлять себя с разным политическим вектором. При этом хлебный район, в условиях хозяйственного распада и заготовительного кризиса, становится объектом повышенного внимания и давления власти. В результате формировались местности, которые на протяжении длительных социально-политических пертурбаций проявляли активность, здесь формировалось региональное сознание, навыки совокупных массовых действий, в то же время углублялись и внутريدеревенские размежевания.

Более глубокие исследования судеб церковной жизни, бытия и концентрации единоличников, развития асоциального поведения (что никак не исключает политического подтекста) и иных сходных сюжетов на уездном уровне помогут более детально проследить преемственность в социальной активности крестьянства в классически аграрном районе на разных этапах аграрной революции.

---

¹ Там же. С. 993-994.

² Трагедия Советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927–1939. Т.2. М., 2000. С. 565.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОВОЛЖЬЕ В 1921–1922 гг.

Статья подготовлена
при поддержке РГНФ;
грант № 13-01-00260

На почве недовольства крестьян тяготами продразверстки в 1921 г. в Поволжье – крупнейшем аграрном регионе России – резко активизируется повстанческое движение. Оно становится частью массового крестьянского сопротивления политике большевиков в рассматриваемый период¹.

Катализатором крестьянских выступлений в Поволжье становятся провавшие туда отряды повстанцев с Дона и из Тамбовской губернии. Первым из них был отряд казаков под командованием К.Т. Вакулина. Так же, как когда-то Степан Разин, донской казак Вакулин со товарищами пришел на Волгу, чтобы поднять против власти обездоленное ею крестьянство. Это был второй рейд по региону донских казаков с антибольшевистскими лозунгами за годы гражданской войны. Первый, под командованием Ф.К. Миронова, в конце августа – в сентябре 1919 г. прошел незаметным для крестьян². Они не поддержали казаков. Теперь же ситуация изменилась. Бывший командир 23-го полка мироновской дивизии, кавалер ордена Красного Знамени Вакулин, прорвавшись в Поволжье со своим отрядом, оказался в самой гуще крестьянской массы, ненавидевшей власть вследствие своего тяжелейшего положения. В середине января 1921 г., под натиском советских войск, Вакулин перешел в пределы Саратовской губернии, затем, прорвав оборону красных, пытался проникнуть в Донскую область. Встретив отпор, его отряд двинулся на Камышин и захватил его 5 февраля, потом оставил 7 февраля. Переправившись на левый берег Волги, отряд Вакулина разбился на две части, одна из которых двинулась на север, другая – на юго-восток, угрожая движению на участке железной дороги Урбах-Астрахань. По пути следования вакулинцев вспыхивали многочисленные стихийные волнения крестьян на почве недовольства своим положением³. После гибели Вакулина в бою у хутора Водянка, 18 февраля 1921 г., во главе отряда встал его ближайший помощник Попов, под командованием которого повстанцы совершили глубокий рейд по уездам Саратовской губернии⁴.

В это же время в западные уезды Саратовской губернии и Чембарский уезд Пензенской губернии прорываются крупные силы повстанцев во главе со своим вождем А.С. Антоновым⁵. Возникает реальная перспектива объединения Антонова с повстанческими силами Поволжья. Большевики впервые сталкиваются не с отдельными локальными выступлениями или крупными восстаниями в территориально ограниченных зонах, а с повсеместным повстанческим движением в регионе, ядро которого составляют воору-

¹ Историографию проблемы см.: Современная отечественная и зарубежная историография крестьянского движения в Поволжье в 1917-22 гг. // Материалы научной конференции «Историки и история в меняющемся мире». Самара, 2003. С. 34–50.

² См.: Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917 – 1921 гг.). Документы и материалы / Под редакцией В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 285–384.

³ Внутренние войска Советской республики. 1917 – 1922. Документы и материалы. М., 1972. С. 584, 587, 596, 599–603; Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 1. С. 785.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 307. Л. 1.

⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2476. Л. 92; ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 163. Л. 61; Д. 218. Л. 31-33об.; Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р.2. Оп. 4. Д. 148. Л. 117; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 31. Д. 54. Л. 7об.; Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 235. Л. 4-7.

женные отряды под командованием опытных командиров Красной армии (Вакулин, Серов, Усов и др.).

Главную причину разрастания повстанчества они видят в отсутствии на местах достаточных воинских сил (особенно кавалерии) для его подавления, а также в неэффективных действиях военного командования по борьбе с повстанчеством. Об этом сообщают в Центр органы ВЧК и региональные руководители. Например, в сводке Саратовской губчека за 1–15 октября 1920 г. говорилось, что успех антоновцев в пограничных с Балашовским уездом селениях объяснялся отсутствием у советского командования кавалерии¹. Командиром батальона ЧК Карповым, действующим в Чембарском уезде против антоновцев, во время разговора по прямому проводу с председателем Пензенской губчека Р.И. Аустриным 22 октября 1920 г. было отмечено, что прорыв Антонова в Пензенскую губернию произошел из-за отсутствия «должного руководства отрядами», которыми руководят и из Пензы, и из Симбирска, направляя противоречивые приказы, которые он должен согласовывать, вместо того, «чтобы действовать самостоятельно»². В датированной 28 января 1921 г. шифротелеграмме из Пензы на имя Ленина председателя губисполкома Л.Х. Фридрихсона, секретаря губкома РКП(б) А.И. Марьина и председателя губчека Р.И. Аустрина указывалось, что «затяжка» в ликвидации антоновщины была обусловлена «необъединенностью действий вооруженных сил Тамбовской и соседних губерний, которыми командуют три округа ВНУС»³.

Представители военного командования не признавали за собой вины за затяжку в ликвидации бандитизма на территории Поволжья и, в свою очередь, обвиняли местных руководителей в паникерстве, считая, что ситуация в регионе находится под их полным контролем. Показательным в этом плане является телеграмма Главкома РККА С.С. Каменева председателю РВСР Троцкому от 5 февраля 1921 г. В ней он назвал не соответствующей действительности информацию саратовских руководителей о «наводнении губернии» «тысячными бандами» из Тамбовской губернии. В частности, он указал, что в налете на станцию Ртищево участвовало не более 100-150 «бандитов». При этом он отметил, что успехи повстанцев связаны с недостаточной стойкостью частей Заволжского округа, состоявших, в основном, из войск ВНУС, в которых местным руководством не велось должной политико-воспитательной работы. В заключение Каменев попросил Троцкого походатайствовать перед Советом Труда и Оборона, чтобы местным властям было сделано указание «не обращаться непосредственно в центр с оценкой военного положения, не всегда отвечающего действительности, а предварительно сноситься с ближайшим Окружным командованием»⁴.

Ушатом холодной воды для гражданских и военных властей стал захват 5 февраля 1921 г. отрядом Вакулина крупнейшего уездного города Саратовской губернии Камышина. Произошло это вследствие отсутствия у командования ВНУС точных сведений о местонахождении и планах вакулинцев. В момент нападения повстанцев на Камышин его гарнизон был задействован в операции по отражению наступления в пределы Саратовской губернии антоновских отрядов, а части, преследующие Вакулина, вследствие плохой разведки и умелого маневра повстанцев, находились совсем в другом месте⁵.

Камышинские события стали сильной встряской для центральной и местной властей. Они начинают принимать самые решительные меры, чтобы разгромить основные силы повстанцев. Ход операции против него находится под пристальным вниманием высшего военно-политического руководства страны. Об этом свидетельствует, например, донесение главкома РККА Каменева Троцкому от 10 февраля 1921 г., в котором указывалось: «В целях воспрепятствования

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 163. Л. 61.

² ГАПО. Ф. Р.2. Оп. 4. Д. 148. Л. 117.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 87. Л. 17.

⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2426. Л. 51-52.

⁵ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 53.

ния бандам Вакулина вторичного выхода на линию ж/д Урбах-Астрахань распоряжением командования Заволжского Округа в район станций Гмелинская–Палласовка – из Саратова, Уральска и Астрахани направлено около 1500 бойцов. ...Для окончательного уничтожения банды Вакулина 5 февраля мною отдано распоряжение о сформировании в 48 часов летучего отряда из отборных бойцов и лошадей 21-й кавдивизии в составе 1000 сабель, взвода артиллерии и батальона стрелков 22-й дивизии ...Задача отряда, войдя в соприкосновение с бандой, вцепиться в нее и, не считаясь ни с какими расположениями и границами, уничтожить банду начисто»¹. Одновременно в район действия вакулинского отряда военным командованием направляются 4 бронепоезда и 1 бронелетучка². В результате принятых мер отряд Вакулина оказался в крайне тяжелом положении и вынужден был отступать под давлением преследующих его сил. В результате 18 февраля 1921 г. в ходе одного из боев с частями сводного советского отряда Вакулин был убит.

Ситуация в регионе еще больше обострилась в связи с начавшимся на территории Области Немцев Поволжья 14 марта 1921 г. крестьянским восстанием на почве недовольства семенной кампанией (изъятием семян в счет продрозверстки)³. Наряду с ним, массовые стихийные волнения голодных крестьян охватили Аткарский и Балашовский уезды Саратовской губернии, а также другие районы Поволжья⁴.

Особую опасность для местной власти представлял повстанческий отряд под командованием Попова, заменившего убитого Вакулина. Он сумел оторваться от преследующих его карательных войск и захватить 17 марта 1921 г. уездный город Хвалынский.

В середине марта 1921 г. в пределы Астраханской губернии вторгается крупный повстанческий отряд под командованием бывшего комбрига 1-й Конной армии Г.С. Маслакова⁵.

Именно в марте 1921 г. повстанческое движение в регионе достигает своей кульминации. Только по официальным данным, на территории Поволжья на 1 марта 1921 г. действовало свыше 10000 повстанцев, объединенных в вооруженные отряды⁶. Число участников стихийных выступлений никем не подсчитано, но оно исчислялось многими десятками тысяч.

В данной критической ситуации борьба с крестьянским движением в регионе контролируется на самом высоком уровне большевистского руководства. Им занимается Троцкий по прямому указанию Ленина. Доказательством этому являются резолюции Ленина на полученной из Астрахани телеграмме от 17 марта 1921 г.: «Т. Троцкий! Надо нажать изо всех сил и разбить Маслакова»⁷ и телеграмме из Саратова от 19 марта 1921 г., в которой Троцкому поручалось «заняться этим изо всех сил, иначе будет нам плохо»⁸.

Суть принятых военным командованием мер свелась к двум принципиальным моментам: во-первых, к увеличению численного контингента войск, действующих против повстанцев, во-вторых, к укреплению их дисциплины и качественного состава. 23 марта 1921 г. в своей телеграмме в Реввоенсовет Республики за №1695/оп Главком Каменев сообщил, что на усиление войск Заволжского военного округа направлены: «27 стрелковая дивизия из Петрограда, участвовавшая во взятии Кронштадта, 4 бронепоезда - два с Кавказского и два с Западного фронтов, которые по одному направляются в Астрахань, Царицын,

¹ Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 48-48об.

² Там же. Л. 39-39об.; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2476. Л. 18-22.

³ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 1. С. 395, 396, 401, 408.

⁴ См.: Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918 – 1922 гг. М., 2001. С. 408-410.

⁵ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26129. Л. 1-2; РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 535. Л. 71.

⁶ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 23-24.

⁷ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26129. Л. 2.

⁸ The Trotsky Papers 1917 – 1922. V. I. 1964. Mouton and Co. The HaGUE Paris. Dok. 165. P. 408.

Саратов, Камышин». Кроме того, он проинформировал РВСР о возможности переброски в район Самары одной кавдивизии из Сибири¹.

Высшим командованием были приняты решительные меры по укреплению дисциплины в карательных войсках. 17 марта 1921 г. на эту тему состоялось специальное заседание Комиссии по борьбе с бандитизмом. Оно постановило задачу разработать ряд конкретных мер по фактическому пересмотру состава частей, «ведущих борьбу с бандитизмом с точки зрения пригодности его для этих целей», обратив особое внимание «на учет белого офицерства, находящегося в составе этих частей»².

19 марта 1921 г. Троцкий направил телеграмму председателю Комиссии по борьбе с бандитизмом С.С. Данилову и копию Ленину, в которой предложил привлечь к борьбе с повстанческим движением партийные и советские организации Саратовской губернии. По его мнению, последние проявили себя в этом деле недостаточно активно и занимали пассивную позицию. Вместо того чтобы повышать морально-политический дух имеющихся в их распоряжении войск, местные руководители лишь жаловались на военное командование и требовали присылки новых подкреплений. Поэтому в телеграмме предлагалось при начальнике экспедиционных войск, действующих в пределах губернии, назначить временного комиссара – члена губкома (или губисполкома) и возложить на него за поддержание надежности и боеспособности действующих против повстанцев частей³. Данное предложение Троцкого было поддержано Лениным. В резолюции на телеграмме Саратовского губисполкома и губкома РКП(б) от 19 марта 1921 г., полученной им, видимо, одновременно с вышеупомянутой телеграммой, было сказано: «Тов. Троцкий! Получил я Вашу бумагу по этому делу. Подтянуть местные организации необходимо...»⁴. 31 марта 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) постановило поручить Учетно-распределительному отделу ЦК выделить до 300 коммунистов для усиления 27 и 48 дивизий, направленных в Саратовскую губернию для борьбы с бандитизмом⁵.

Военным командованием и местными властями применяются самые суровые меры против красноармейцев, дезертировавших из карательных отрядов и перешедших на сторону повстанцев. Так, например, 24 марта 1921 г. Хвалынский военревком Саратовской губернии приговорил к расстрелу Ш.А. Бахтимирова и Х.С. Умярова «за дезертирство и присоединение добровольно к бандам Попова», а также П.А. Сименяко и М.Г. Сименяко «за поступление в банды Попова и шпионаж»⁶.

Меняется тактика власти по отношению к крестьянам, арестованным за участие в крестьянских выступлениях. Если раньше большинство арестованных крестьян амнистировалось и отпускалось по домам, то в первой половине 1921 г. подобные случаи стали единичными. В условиях массового повстанческого движения отпускать находящихся в заключении повстанцев было нецелесообразно, поскольку большинство из них снова оказалось бы в рядах «бандитов». Поэтому их заключали в тюрьмы и концентрационные лагеря, а также наиболее активных расстреливали. С помощью расстрелов преследовалась цель запугать крестьян, продемонстрировать им решимость власти идти до конца в борьбе с повстанчеством. Например, 29 марта 1921 г. губревком Области Немцев Поволжья постановил привести немедленно в исполнение приговор губревтрибунала от 6 февраля 1921 г. в отношении 5 крестьян, содержащихся в концентрационном лагере за участие в восстании. Мотивировка постановления была следующей: «в настоящий момент крайне опасно держать в заключении лиц, уже высказавших свое отношение к соввласти и ее представителям»⁷.

¹ Там же. Р. 428.

² Там же.

³ Там же. Р. 410–412.

⁴ Там же. Р. 408.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 145. Л. 30.

⁶ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р.456. Оп. 1. Д. 596. Л. 5.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 594. Л. 5.

В то же время следует отметить, что власть не применяла огульных репрессий по отношению к крестьянам, участвовавшим в крестьянском движении. Это было невозможным в силу массовости движения. Поэтому ею использовалась тактика, суть которой состояла в избирательном подходе к повстанцам. Так, например, разработанный саратовским руководством «Циркуляр ревкому коммунистического отряда», датированный 16 апреля 1921 г., предусматривал следующие меры к различным категориям крестьянства, принимавшим участие в повстанческом движении: «1) категория, участвовавшая в бандрах, грабившая совхозы, коммуны, которые продолжают бродить с оружием в руках - уничтожить на месте; 2) крестьяне, насильно мобилизованные, и сейчас много являются добровольно – следует использовать для агентурной работы и не применять репрессивных мер»¹.

Для скорейшего разгрома основных сил повстанцев командованием кавалерийских войск применяется особая тактика. Летучие кавалерийские отряды, вооруженные пулеметами, бронепоездами и легкой артиллерией, зацепившись за повстанческие отряды, неотступно преследовали их, не давая оторваться и расплыться на более мелкие группы. В ходе непрерывных боев их пытались вывести к железной дороге под артиллерийский и пулеметный огонь уже ожидающих повстанцев бронепоездов и бронелетучек. При этом особое внимание уделялось охране железнодорожных станций и перегонов. Все они охранялись постоянно курсирующими между станциями бронепоездами и бронелетучками, готовыми в любой момент подойти к месту появления повстанческого отряда и отразить его попытки перейти железную дорогу. Именно благодаря этой тактике в конце марта 1921 г. в Дергачевском районе были разбиты основные силы повстанческих отрядов Аистова и Сарафанкина, а в начале апреля 1921 г. – отряда Попова².

Прибывшие в Поволжье регулярные части Красной армии, в том числе 27 дивизия, имевшая опыт подавления кронштадтского мятежа, сумели проявить себя с самой лучшей стороны. Они не пасовали перед повстанцами, как это делали до них отряды ВОХР–ВНУС, и в ходе боевых столкновений безжалостно уничтожали восставших. Так, например, во время боя, происшедшего 1 мая 1921 г., с одной из разделившихся групп отряда Попова, у селений Грязнухи и Ягодного Камышинского уезда Саратовской губернии, из 400 повстанцев советским отрядом было зарублено 270 человек, около 100 человек взяты в плен³. 7 июня 1921 г. в Дергачевском районе у озера Алтата Сор кавалерийским полком под командованием Редика было изрублено 300 повстанцев, в то время как собственные потери составили всего 2 человека ранеными⁴. В начале июня 1921 г. в Сердобском уезде Саратовской губернии, у селения Бутурлинки, был разбит кавалерийскими войсками крупный отряд антоновцев. В ходе боя было уничтожено и расстреляно около 1000 повстанцев. Это был последний случай проникновения на территорию Поволжья антоновских отрядов⁵.

Столкнувшись с боеспособными кавалерийскими частями Красной армии и их новой тактикой, избежавшие полного разгрома повстанческие отряды рассыпаются на небольшие группы и уходят в заволжские степи. Так, например, под давлением советских частей в киргизские степи и на Уральск, в казачьи районы, были вынуждены отступить отряды повстанцев под командованием Аистова, Сафонова и Пятакова⁶.

Для рассматриваемой темы значительный интерес представляет сюжет об утерянных возможностях повстанцев, главная из которых – неосуществленность объединения в Поволжье в начале 1921 г. основных повстанческих сил армии Антонова, отрядов Вакулина-Попова и Маслакова. На наш взгляд, это был

¹ ГАСО. Ф.Р.456. Оп.1. Д.679. Л.70-71.

² РГВА. Ф.7. Оп.2. Д.107. Л.15-15об.

³ Там же. Ф.5. Оп.1. Д.2476. Л.82.

⁴ Известия Саратовского губисполкома и губкома РКП(б). 1921. 12 июня.

⁵ РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2476. Л.92.

⁶ Там же.

вполне закономерный результат. Для реализации указанной перспективы потребовалась бы совершенно гипотетическая ситуация, когда военно-политическое руководство большевиков просто бы сидело сложа руки и смотрело как антоновцы «братаются» с вакулинцами и маслаковцами. Этого не могло быть. Основные отряды повстанцев находились под пристальным вниманием карательных войск, и их командованием предпринимались все меры, чтобы локализовать движение. Другое дело, что в отдельные моменты у него не было в распоряжении достаточных сил, чтобы противостоять повстанцам. Но это явление было временным. Военные органы Советского государства сработали оперативно: с помощью бронепоездов и свежих кавалерийских частей регулярной армии переломили ситуацию. Думается, что и Антонов понимал, что ему не на что надеяться в случае глубокого рейда по незнакомым местам Саратовской и Пензенской губерний, наводненных войсками и пронизанных ветками железнодорожных линий, по которым, в отличие от его кавалерии и пехоты, гораздо быстрее можно было маневрировать противостоящим ему отрядам карателей. Скорее всего он бы разделил бы судьбу отряда Попова, загнанного на железнодорожное полотно под убийственный огонь бронепоездов.

Таким образом, военная мощь Советского государства, многократное превосходство карательных войск в артиллерии и пулеметах, гибкая тактика военного командования, призвавшего на борьбу с повстанцами лучшие части Красной армии, сделали невозможным создание повстанческих армий типа белогвардейских. С другой стороны, сказалась традиционная особенность любой крестьянской войны. Крестьяне оставались крестьянами. Они предпочитали воевать за свою деревню, рядом со своим хозяйством. На глубокие рейды в Поволжье оказались способными лишь донские казаки Вакулина и Маслакова. Остальные отряды, с чисто крестьянским составом, оперировали в определенных районах, как правило, связанных с их родством.

В течение апреля-июня 1921 г. на территории Поволжья были разбиты наиболее крупные отряды повстанцев. Одновременно были подавлены и стихийные крестьянские восстания. Ставка на силовые методы борьбы с крестьянским движением была определяющей.

В этой связи заслуживают особого внимания события так называемого «Чебоксарского восстания», одного из крупнейших крестьянских восстаний в регионе в 1921 г. Восстание произошло на почве недовольства крестьян принудительной ссыпкой семян в общественные амбары в период с 18 января по 2 февраля 1921 г. на территории Чувашской Автономной Области, затронув прилегающие к его эпицентру районы Татарской Республики¹. В подавлении восстания участвовали особые отряды ЧК, ВНУС, Запасной армии: около 1000 штыков, порядка 100 сабель, 18 пулеметов. В ходе его ликвидации карательными войсками было расстреляно до 1000 повстанцев (потери карателей составили около 150 человек убитыми и ранеными)².

Свидетельством коренного перелома в повстанческом движении, наступившем летом 1921 г., стали факты переговоров многих главарей повстанцев с представителями военного командования и ЧК о прекращении сопротивления и сдаче Советской власти на выгодных для них условиях. Так, например, 21 июня 1921 г. в уездный центр Новоузенск Саратовской губернии прибыла делегация от отрядов Серова, Пятакова, Аистова и Маруси для ведения переговоров о добровольной сдаче Советской власти³.

В результате во второй половине 1921 г. повстанческое движение идет на спад. Основные его силы терпят поражение от карательных войск Советского государства. Движение переходит в новую стадию развития, качественно иную по своему содержанию и целям.

¹ РГВА. Ф.7. Оп.2. Д.524. Л.39-39об.; Д.600. Л.2, 3-3об., 5, 6, 12-15, 16-24об., 26-28об., 31-33об., 35-37, 42-42об., 44, 58.

² РГАСПИ. Ф.17. Оп.13. Д.1278. Л.8.

³ Там же. Ф.5. Оп.1. Д.2476. Л.98.

Со второй половины 1921 г. качественной характеристикой крестьянского повстанчества становится его постепенная трансформация из движения, пользующегося поддержкой основной массы крестьянства, в движение немногочисленных вооруженных групп, потерявших эту поддержку и эволюционирующих в сторону уголовного бандитизма. Во второй половине 1922 г. этот процесс становится необратимой. На территории Поволжья действуют отдельные «отряды непримиримых», называющие себя защитниками крестьянства, но в действительности мало соответствующие этому званию. Среди них особенно выделяется отряд под командованием бывшего участника сапожковского мятежа, одного из ближайших сподвижников А.В. Сапожкова В.А. Серова¹. Большинство же вооруженных групп – «осколки» повстанческих отрядов 1921 г., скатываются на путь самоснабжения: грабежа и чистой уголовщины.

В 1922 г. повстанчество теряет свою социальную базу, так как крестьянство в результате нэпа избавляется от продрозверстки и получает возможность для восстановления своей хозяйственной деятельности и уже не видит смысла в продолжение вооруженной борьбы с большевистской властью. Также на их поведение огромное влияние оказывает и поразившая регион засуха, может быть, одна из самых сильных за всю историю региона. Неурожай и последствия разорительной для крестьянского хозяйства продрозверстки подрывают материальную базу повстанчества. Из-за отсутствия фуража и хлеба становится невозможным существование крупных повстанческих отрядов типа Вакулина-Попова.

Тем не менее, в 1922 г. в поволжских губерниях сохраняется военное положение и властью вырабатываются новые меры по окончательному разгрому крестьянского повстанчества. Среди них – создание института военных совещаний по борьбе с бандитизмом. Они создаются на территории Заволжского военного округа согласно приказу командующего ЗВО Краевского от 21 июля 1921 г. В соответствии с ним территория округа разбивается на три района, в каждом из которых создаются военные совещания под председательством командиров дислоцированных там воинских соединений².

8 августа 1921 г. командующий Заволжским военным округом Д. Оськин направил главному РСР рапорт, в котором изложил содержание плана борьбы с бандитизмом на территории округа, выработанного с представителями военного командования согласно его приказу. В рапорте указывалось, что на момент его подготовки силы повстанцев на территории округа достигали до 4000 человек, большинство из них оперировало в степях Уральской области, по обе стороны Урала и в Тургайской области. Для борьбы с повстанцами в распоряжении округа имелось 15–16 тысяч бойцов линейных войск и несколько тысяч милиционеров и бойцов ЧОН. Исходя из малочисленности войск, а также учитывая то обстоятельство, «что степные пространства очень бедны водой, топливом и жильем», в плане предлагалось отказаться от сплошной оккупации «бандитских районов» и кордонного расположения войск в вызывающих опасения населенных пунктах, поскольку не имеется возможности занимать эти пункты большими гарнизонами, а малые будут отданы «бандам на съедение», что приведет к снижению морального духа войск и населения, а также обеспечит противника оружием, особенно огнестрельными припасами. В этих условиях, по мнению командующего ЗВО, единственно возможным способом расположения сил «является занятие крупных административных пунктов, узловых пунктов на желдоргах и важнейших грунтовых дорогах и водных путях, обеспечивающих обладание важнейшими путями сообщения края». Предложенный им план предусматривал следующие конкретные меры по борьбе с бандитизмом: «1. Разбить округ на три крупных района, поставив во главе начдива 27, комбригов 126 и 94. При каждом начальнике организовать районное совещание. Вменить в обязанность начальникам районов полную свободу выполнения оперативных планов и приурочить все силы и средства, даваемые местными властями и

¹ РГВА. Ф.25889. Оп.3. Д.11. Л.20, 23.

² Там же. Ф.254. Оп.1. Д.4. Л.31-32.

партийными органами. Начальники трех крупных районов делят свои районы на более мелкие; 2. Подчинить милицию и особые отряды в оперативном отношении начальникам районов; 3. Войска расположить в узловых пунктах на железных, водных и фунтовых путях; обеспечение безопасности путей и прилегающих к ним районов возложить на технические средства: бронепоезда, автобронемашин, грузовики с пулеметами и вооруженные пароходы. Живую силу держать в нескольких кулаках; 4. Организовать экспедиционные отряды из всех трех родов войск с придачей средств техники, дабы наносить внезапные молниеносные и уничтожающие удары бандам постоянного характера, совершающим по району свой обычный рейд... обратить особое внимание на устройство баз продовольствия и фуража и широкое использование верблюжьего транспорта, обратить усиленное внимание на изучение туземных способов добывания воды и топлива; 5. Организовать самую тщательную связь, на связь аэропланами и гелиографами; 7. Организовать самую тщательную разведку района... Широко использовать тесный контакт с органами местной власти и партийными организациями для ведения активной агентурной разведки и контрразведки; 8. Милиции придавать пулеметы и части конницы, чтобы действия были решительными и уничтожающими. Быстрота и внезапность – более половины успеха; 9. При действиях против банд требовать нанесения первого удара, чтобы его не было необходимости повторять, т.е. так, чтобы он уничтожил противника. Вести самое энергичное и неотступное преследование конницы и категорически приказать – не гоняться за отдельными бандитами, если среди них нет популярного атамана. Наилучший способ полного уничтожения банды – это заставить ее выйти туда, где мы можем наилучшим образом использовать наши технические средства – бронепоезда и бронемашин»¹.

Данные предложения были приняты главкомом и в течение двух недель дорабатывались штабом округа с учетом высказанных замечаний и пожеланий. Не ранее 17 августа 1921 г. эта работа была завершена. Итоговый документ получил название «План ведения борьбы с бандитами и бандитизмом в пределах ЗВО». Он вобрал в себя весь предшествующий опыт борьбы с повстанческим движением не только в регионе, но и в других районах страны, в том числе в Тамбовской губернии². Кроме того, аналогичным по значимости документом является «Краткое наставление по ведению борьбы с бандитизмом на пассивных участках низовья Волги», разработанное командованием 27 стрелковой дивизии в августе 1921 г. Поскольку изложенные в данных документах положения стали основополагающей инструкцией для войск, задействованных в регионе против повстанческого движения во второй половине 1921 г. – в 1922 г., представляется целесообразным охарактеризовать их содержание, придерживаясь как можно точнее текста источника.

Согласно «Плану ведения борьбы с бандитами и бандитизмом в пределах ЗВО», основной целью войск округа ставилось полное уничтожение бандитизма на его территории в кратчайший срок. Для этого следовало решить три главных задачи: «1. Воспрепятствовать бандиту формировать банды; 2. Обеспечить Советскую власть на местах; 3. Обеспечить власти возможность выполнять возложенные на нее задачи». Эти задачи решались «занятием наиболее важных в военном, административном и экономическом отношениях пунктов, т.е. оккупацией районов». Оккупация должна была носить «характер постоянного пребывания войск на квартирах». Согласно плану вся территория ЗВО делилась на три района в соответствии с дислокацией основных воинских частей: «1) 27 стрелковой дивизии; 2) 126 отдельной стрелковой бригады и 3) 94 отдельной стрелковой бригады в разграничительных линиях, указанных в оперативных приказах войскам ЗВО». Во главе районов ставились соответствующие войсковые начальники и при них «Совещания по борьбе с бандитизмом». Так, например, район дивизии разбивался на 3 участка по числу бригад и район от-

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 69-70об.

² Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 29. Л. 159.

дельной и не отдельной бригады - на 3 полковых участка. При комбригах «отдельных и не отдельных» учреждались губернские совещания, при комполках уездные. Полковые участки разбивались на отделы по числу батальонов и при них организовывались совещания по борьбе с бандитизмом из представителей гражданской власти того отдела, который поручен ведению комбата. Войсковым начальникам, поставленным во главе районов, участков и отделов, подчинялись в оперативном отношении все находящиеся на вверенной им территории отряды особого назначения ЧК, коммунистические отряды и милиция. Самое подчинение производилось через соответствующее совещание, члены которого от местной гражданской власти и комитета партии должны были приложить все усилия «к возможно полному, без каких-либо трений, подчинению вышеупомянутых частей войсковому начальнику, который как единственно ответственное за ведение операций лицо должен требовать такового во что бы то ни стало». В плане были определены конкретные населенные пункты, подлежащие военной оккупации. Ею достигалось «обеспечение районов в смысле воспрепятствования бандитам вить прочные гнезда на территории ЗВО», а также создавались условия для местной власти в плане ее «правильного функционирования». Кроме того, оккупация обеспечивала тылы «от разгрома бандитами», вследствие чего последние теряли доступ к источникам пополнения (особенно боеприпасами). В качестве важнейшей в плане ставилась задача «не допустить разложения» частей, действующих против повстанцев. Ее решение возлагалось на политотделы войск и на местных политработников, действующих через военные совещания. В данном контексте командованию карательных войск категорически запрещалось принимать в отряды «добровольцев из местных жителей» и вести боевые действия против повстанцев силами частей местного комплектования, «помня, что именно эти части особенно часто пополняли и вооружали бандитов (Вакулин - самый яркий пример для ЗВО)». Предложенная в плане тактика уничтожения крупных сил повстанцев (банд первой категории) сводилась к следующему: «1. Разработке плана операции в зависимости от имеющихся разведывательных данных и местных условий; 2. Организации экспедиционного отряда из частей трех родов войск с придачей средств боевой техники, причем части должны назначаться отнюдь не из гарнизонов оккупированных пунктов района, в котором нащупана банда; 3. Стремительному и по возможности скрытному наступлению с широкой разведкой впереди, на флангах и даже в тылу противника, ведя таковую также и разведывательными частями гарнизонов оккупированного района; 4. Громоподобному удару по банде, свобода маневрирования которой достаточно стеснена ее внутренним положением по отношению к пунктам, занятым гарнизонами района ее действий и нашими желдорогами с бронепоездами; 5. Неотступному и настойчивому преследованию не только с хвоста, но с флангов и наперерез до полного уничтожения банды и особенно ее атамана». Борьба с «бандами второй категории (банды, возникающие под влиянием причин случайного характера)» предусматривала меры иного характера. В частности, при получении сведений «о намечающемся возникновении в определенном районе банды» следовало «незамедлительно уничтожить ее зародыш». «Уничтожение банды в зародыше» было возможным лишь в том случае, если разведка в районах, участках и отделах будет поставлена на должную высоту. Непосредственное уничтожение этих «банд» возлагалось планом на местные коммунистические отряды, отряды особого назначения и милицию. «Опутанному сетью коммунистических отрядов бандиту» следовало наносить «сильный и решительный удар», преследовать «банду» неотвязно, не только с хвоста, но и с флангов, и считать ее уничтоженной лишь тогда, «когда захвачен или убит ее организатор», — отмечалось в плане. В заключительной его части оговаривалось, что предлагаемый план дает лишь основные положения, и указывалось, что «все средства и способы хороши для того, чтобы добиться окончательного уничтожения бандитизма»¹.

¹ Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 3-6.

В «Кратком наставлении по ведению борьбы с бандитизмом на пассивных участках низовья Волги», составленном штабом 27 дивизии, принявшей самое активное участие в разгроме повстанческих сил Поволжья в первой половине 1921 г., ранее, как указывалось нами, участвовавшей в ликвидации Кронштадтского мятежа, говорилось, что, исходя из полученного опыта борьбы с бандитизмом, следует принять следующие меры по его окончательному искоренению:

«1. Прежде всего для подавления выдвижение на борьбу вполне безупречных в политическом отношении воинских соединений с твердыми, испытанными и искусными кадрами комсостава, не уступающими своими качествами духовными (находчивость, решительность, смелость, знание) бандитам. Положительное настроение части – первый залог успеха. Ненадежные, малоустойчивые части для операции лучше не привлекать, т.к. в этом случае бандиты достигают быстрого успеха, становятся дерзки до крайних пределов, захватывают в свои руки инициативу, что разлагающе действует на борющуюся часть;

В противовес тактическим действиям рейдовых банд, действующим воинским частям необходимо обладать максимумом подвижности;

2. Во время боя ни в коем случае не терять огневого соприкосновения с бандой до окончательного ее уничтожения или полнейшего разгрома. Хотя бы на это понадобилось и более продолжительное время (более недели);

3. Для обеспечения полного разгрома банд, преследуемых нашими частями, лучше высылать вперед – на вероятный путь отступающей банды другой отряд, как бы устроить ей ловушку или засаду, и тем самым принудить ее принять бой и не дать возможности ей рассеяться;

5. Должна быть полная согласованность действий с другими действующими нашими отрядами: необходимо бить ядро банды, а не преследовать мелкие единицы, распыляя свои части;

6. Между всеми отрядами, как действующими, так и находящимися в резерве, на охране, должна быть самая прочная связь, самая быстрая и точная ориентировка;

7. Необходимо обращать внимание на очаги, питающие банды (группы населения), каковые немедленно уничтожать;

8. Отряды располагать так, чтобы они могли бить банды во всех направлениях, имея в пункте расположения максимум отряда;

9. В районах, сильно удаленных от центра желдорог и важных путей, борьба с бандитизмом в первую очередь должна вестись в районах, прилегающих к ним, с целью не допускать развития там бандитизма;

10. Если обнаруженная банда местного образования и пассивна, то желательно оставить ее в покое, тщательно наблюдая за ней и, если возможно, агитируя за прекращение бандитизма, гарантируя участникам неприкосновенность в случае сдачи оружия и раскаяния;

11. В случае проявления бандой активности, грозящей существованию хозяйства, жизни совработников, кооперативов, желдороги и других жизненных центров уезда, принимать быстрые, решительные меры к локализации этой активности;

12. Должна быть сохранена система заложничества семей главарей с наилучшим обращением с заложниками, ухудшая его в связи с проявлением активности со стороны начальника шайки и освобождая их, если главарь раскаялся и вернулся к обычному труду;

13. Наилучшее обращение с перебежчиками и пленными, помня, что многих из них загнал в банду голод, а иногда и незаконные действия агентов местной власти. Только при вторичном пленении или в случае обнаружения за ними тяжких преступлений в отношении соввласти держать под строгим надзором и отдавать под суд, только при действительном установлении сопротивления беспощадная расправа;

14. Отнюдь не допускать каких-либо дебоширств со стороны красноармейских частей в отношении местного населения. Сурово карать за малей-

шие проявления мародерства. Нужно раз навсегда усвоить всему комсоставу и красноармейцам, что население голодает, холодает, и поэтому весьма болезненно реагирует на подобные поступки Красной армии и агентов власти, и у него создается впечатление, что Красная армия и Советская власть не защищает их, а наоборот, обирает;

15. С целью сохранения скрытности операций в донесениях не упоминать о своих намерениях на будущее, а сообщать лишь, когда задача начала выполняться и как идет ее выполнение. Сам приказ с заданием лучше посылать нарочным, а задачу шифром по телеграфу;

16. Части, действующие в соседстве, обязательно должны обмениваться своими распоряжениями и намерениями, чтобы не произошло несогласованных действий, а еще хуже, недоразумений вроде перестрелки между собой и т.п. При ведении борьбы с бандитизмом местным властям следует особенное внимание обратить на разведку агентурную и войсковую. Вследствие создавшихся условий в Поволжье в связи с неурожаем банды производят грабежи местных совхозов и прочих складов, дают возможность населению также заниматься самоснабжением, чем и привлекают его симпатии на свою сторону. Зачастую при опросе местного населения таковые, относясь сочувственно к бандитам или боясь мести с их стороны, дают ложные сведения и настолько разноречивого характера, что вывести какие-либо заключения невозможно. Вот почему на первом месте стоит вопрос об организации агентурной разведки средствами и силами местных органов власти, кои будут втянуты в борьбу по ликвидации бандитизма и восстаний. Только посылая своих людей, верных и преданных Соввласти и специально подготовленных по ведению тайной разведки в пункте, где предполагается восстание, в пункты, подлежащие вероятному захвату бандитами или уже занятые ими, можно путем тайной разведки более точно установить численность банд, главаря ее, деревни, относящиеся к бандам сочувственно, отдельных лиц, заинтересованных в продолжении существования бандитизма, намерения банд, вооружение, источники его пополнения и получения продфуража. В отношении ведения войсковой разведки надо помнить одно: раз установлены боевые соприкосновения с бандой, никогда не теряться. Исходя из соображения, что банды слишком подвижны, разведка главным образом должна вестись конницей. Подвижность банд ставит неотложным требование своевременности доставки разведкой сведений начальнику, выславшему ее, или в соответствующий штаб к соседям для принятия тех или иных мер борьбы. Сведения, запоздавшие даже на одни сутки, теряют всякую ценность, вводят в заблуждение, а иногда вызывают совершенно ненужную и уже запоздавшую перегруппировку войсковых частей. При ведении борьбы с бандитизмом мелкими войсковыми соединениями охранение расположения ложится почти всегда на разведку, каковая должна вестись особенно тщательно, во избежание внезапных нападений. При движении обозов и расположения их на месте к таковым придавать непременно прикрытия, поступающие в распоряжение начальника обоза, каковой всецело отвечает за его сохранность. Полевые войска ведут борьбу в районах, где отмечаются крупные банды, проявляющие активность. Заботы по ликвидации мелких банд на пассивных участках (в менее подверженных бандитизму уездах) должна ложиться всецело на уездную милицию и отряды особого назначения, а разведка – на политбюро. Для обеспечения успеха операций местных отрядов необходима гарантия содействия частей соседних участков (уездов), что может быть достигнуто только при своевременной информации и связи с войсковыми начальниками районов и ближайшими штабами полевых частей»¹.

Согласно приказа Реввоенсовета Республики от 9 декабря 1921 г. за № 2792–483, борьба с бандитизмом на территории Поволжья возлагалась на органы ОГПУ «с привлечением в нужных случаях полевых войск». При этом оперативное руководство этой борьбой оставалось в руках военного командова-

¹ ГАНИСО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 139. Л. 106-106об.

ния, действующего в полном контакте с Окросовещанием по борьбе с бандитизмом¹.

Используя тактические приемы, разработанные командованием на основе предшествующего опыта борьбы с крестьянским движением, во второй половине 1921 г. части особого назначения уничтожили многие повстанческие отряды и вынудили оставшихся или рассеяться или сдаться власти. К 1 декабря 1921 г. на территории ЗВО, по агентурным данным, в отрядах повстанцев оставалось менее 800 человек, почти в 12 раз меньше, чем весной 1921 г.²

Борьба с крестьянским повстанчеством в Поволжье на завершающем его этапе по-прежнему находилась под постоянным контролем высших органов власти Советского государства. Для ее успешного ведения в регион направлялись руководящие работники, имевшие большой опыт борьбы с крестьянским движением в других районах страны. В частности, 20 апреля 1922 г. президиум ВЦИК утвердил уполномоченным ВЦИК по борьбе с бандитизмом в губерниях Поволжья и Урала председателем Самарского губисполкома В. А. Антонова-Овсеенко (одного из руководителей подавления «антоновщины» в Тамбовской губернии. – В.К.)³. В «вопросах борьбы с бандитизмом» ему были обязаны подчиняться все «административные учреждения местной власти, органы ГПУ, военное командование» Симбирской, Саратовской, Самарской, Уральской и Области Немцев Поволжья⁴.

Кроме чисто силовых мер, против повстанцев были использованы и меры агитационно-пропагандистского характера. В частности, объявлялись месячники по борьбе с бандитизмом, недели добровольной явки «бандитов», в ходе которых явившимся с повинной членам «банд» гарантировалась личная неприкосновенность⁵. Практиковались воззвания к повстанцам от односельчан, призывавших их порвать с бандитизмом и вернуться к мирной жизни⁶.

О добровольной сдаче повстанцев активно публиковались статьи в местной печати. Особенно большой резонанс имели публикации с сообщениями о сдаче властям наиболее известных повстанческих командиров. В частности, широкую рекламу получил факт сдачи Советской власти одного из известнейших главарей поволжского повстанчества М. Пятакова. На эту тему в «Известиях» Саратовского губисполкома и губкома РКП(б) было опубликовано 4 заметки, в том числе покаянное письмо Пятакова. В нем крестьянский вожак заявил: «Восемь месяцев я предводительствовал бандитским отрядом... узнав о братском прощении... я сразу явился со своим отрядом и сдал оружие... Узнав о братской встрече и приеме моего отряда и получив мои письма, явились бывшие ранее под моим командованием отряды Рассохи и Шаповалова... Искренне сожалею о тех, еще не сдавшихся бандитах, надеюсь, что они в самом ближайшем времени тоже последуют моему примеру... Да здравствует все-российские вожди пролетариата Ленин и Троцкий»⁷.

Наряду с силовыми и агитационно-пропагандистскими методами местные власти использовали и такой новый прием борьбы с повстанчеством, как материальное вознаграждение населения и военнослужащих за поимку главарей повстанцев. В частности, такая награда была назначена за поимку Серова приказом командования ПРИВО за № 0037. Для достижения этой цели было выделено 2 миллиарда рублей⁸.

К концу 1922 г. произошел окончательный перелом в развитии крестьянского повстанческого движения в Поволжье. Основные его силы были разбиты. Оставшиеся осколки или добивались, или сдавались властям.

---

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 245.

² Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 23-24.

³ Там же. Ф. 25889. Оп. 3. Д. 141. Л. 11.

⁴ Там же Л. 12.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 846. Л. 152.

⁶ ГАНИСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 69. Л. 20-20об.

⁷ Известия Саратовского губисполкома и губкома РКП(б). 1921. 14 декабря.

⁸ ГАНИСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 69. Л. 111.

ДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И КРАСНОЙ АРМИИ ПО ЛИКВИДАЦИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ И БАНДИТИЗМА В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Большое количество научно-публицистической и научной литературы, посвященной теме голода и бандитизма в Саратовской губернии, широко и полно раскрывают нам картину событий того времени.

Крестьяне, доведённые до отчаяния политикой продразвёрстки, начали массовые выступления, перешедшие в стихийное восстание, которое лишь на заключительном этапе частично превратилось в бандитизм. Они выступали не против социализма и Советской власти, а против «коммунистов – узурпаторов».

Борясь за свои права и землю, крестьянство на первых порах достаточно доверчиво отнеслось к новой большевистской власти. И только события «военного коммунизма» и, в частности, жестокая продразвёрстка открыли ему глаза. Именно эти события и явились толчком к кризису невероятного масштаба.

Несколько иная ситуация наблюдалась в городе.

Скудный урожай 1920 г., постоянно ухудшающаяся экономическая ситуация в Саратове, утрата доверия рабочих к РКП(б), рупором которых она себя считала, в совокупности поставили руководство города и губернии в сложное положение.

Это явилось причиной отказа губернского исполнительного комитета (Губисполкома) от решения урезать пайки продовольствия с января 1921 г. и провести переучёт запасов продовольствия¹.

Однако ситуация с обеспечением продовольствием была настолько критической, что 3 марта 1921 г. было решено уменьшить ежедневную норму хлеба на 1/4 фунта. Такое решение стало толчком для волнений среди рабочих города².

После обеда того же дня, рабочие железнодорожных мастерских собрались на митинг перешедший в открытую забастовку. На следующий день забастовали крупные фабрики и металлургические заводы города³.

Бастующие рабочие открыто выступали против коммунистов, требуя создание независимой комиссии по оценке работы всех учреждений и органов, освобождения политических заключённых и переизбрания Советов.

Тяжёлое положение в городе и деревне, действия постоянно усиливающихся «банд» в губернии требовали от большевиков решительных действий для удержания власти и «пресечения попыток открытого мятежа».

19 марта в адрес В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого отправлена телеграмма. В ней власти губернии докладывают о нехватке кавалерийских и пехотных частей для борьбы с бандитизмом, о срыве посевной кампании и разграблении амбаров с хлебом. Особо выделяется тот факт, что Советская власть на местах не признаётся, городам губернии угрожают голодные бунты. В конце доклада указано, что непринятие мер приведет к потере «Саратовской губернии для Республики во всех отношениях»⁴.

Понимая критичность ситуации, Ленин принимает решение: «Саратову надо помочь»⁵.

¹ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 3387. Оп. 2. Д. 1. Л. 6.

² Известия Саратовского Совета. 1921. № 49. 4 марта. С.1.

³ Подробнее об этом см.: Рейли Д. Антибольшевистские волнения в Саратове и Саратовской губернии в конце Гражданской войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Выпуск 4. Саратов, 2000. С. 167-193.

⁴ Крестьянское движение в Поволжье. 1919-1922 гг. М., 2002, С. 677.

⁵ Там же. С. 678.

21 марта 1921 г. командующий Заволжским военным округом¹ Б.И. Краевский получает телеграмму от главкома вооружённых сил Республики С.С. Каменева № 1634/ОП/476Ш: «К Вам направляется 27-я стрелковая дивизия, которая будет размещена: две бригады в Саратове, одна бригада в Царицыне и один полк в Астрахани. Сейчас начинается движение 81-й бригады этой дивизии»².

Так же в губернию дополнительно была направлена 1-я кавалерийская дивизия из Сибири, 70-й стрелковый и 22-й кавалерийские полки, несколько бронепоездов и авто-бронепоездов. Руководство созданной группировки возглавил начальник 27-й стрелковой дивизии В.К. Путна³. Для стабилизации ситуации и устойчивости управления войсками с 3 июля 1921 г. по 26 марта 1922 г. начальники гарнизона Саратова назначались исключительно из числа командиров 27-й дивизии и её бригад⁴.

Кроме того, 21 марта 1921 г., в связи с «выявлением попытки создания антибольшевистской республики» и широким развитием «бандитизма» на территории губернии, пленум Саратовского губисполкома постановил создать Саратовский губернский революционный комитет (Саргубревком) и наделить его высшей властью в губернии на срок до нового постановления⁵.

Для руководства борьбы с повстанчеством и расхищением хлеба на местах Саргубревкомом были учреждены уездные революционные комитеты (уревкомы) в составе представителей уездных исполнительных комитетов (уисполкомов), уездных комитетов РКП(б) и местного высшего командования. В случаях «чрезмерного усиления бандитизма», разгрома ссыльных пунктов и других чрезвычайных обстоятельствах уревкомы имели полномочия учреждать волостные и районные революционные комитеты (волревкомы и райревкомы)⁶.

Основной задачей всей этой массы комитетов было восстановление порядка, нормализация хода хозяйственной жизни и, естественно, удержание власти в руках большевиков.

Из доклада главы специальной комиссии П. Г. Смидовича, прибывшего из Москвы для выяснения причин массовых арестов, от 12 апреля 1921 г. о состоянии Саратова и губернии в марте 1921 г. становятся понятными масштабы волнений и шаткое положение власти: «Подобно Кронштадту, Саратов и Саратовская губерния подвергались длительной, тщательной и действительной подготовке, имеющей целью крушение Советской власти. Были приняты организационные и стратегические меры для установления новой власти к началу апреля...

Широко и интенсивно ведётся ...лживая агитация (...восстание на юге, в Сибири, в Красной Армии... Советская власть приходит к концу. Ленин и Троцкий бежали, над Кремлём белый флаг).

Газетам и словам коммунистов не верят.

Всё это не могло не отзываться на самочувствии и на боеспособности красноармейских частей и даже их комячеек...

В городе осталось несколько сот штыков краснокурсантов и четыре орудия, шесть пулемётов. Всё остальное было двинуто в губернию»⁷.

¹ 18 апреля 1920 года постановлением РВСР создаётся Заволжский ВО, в состав которого входит Саратовская губерния, трудовая коммуна немцев Поволжья и др.

Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 25889. Предисловие к описи 1.

² Российский государственный архив социально-политической истории (далее - РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 33. Д. 23. Л. 10.

³ Яценко В. Расцвет повстанческого движения в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (весна-лето 1921года). URL:http://socialist.memo.ru/books/html/yashenko_rassvet.html (дата обращения 22.08.2012)

⁴ В разное время это были Н.М. Уваров (81 бригада), В.А. Степанов (81 бригада), В.К. Триандафиллов (79 бригада), Р.И. Сокк (79 бригада), В.К. Путна. См.: РГВА. Ф. 27656. Предисловие к описи 1.

⁵ ГАСО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 633. Л. 6.

⁶ ГАСО. Предисловие к Ф. Р471.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 23. Л. 4-6.

Только теперь становится понятно, насколько шаткое положение было у большевиков в губернском центре. Отряд повстанцев, численностью до 500 сабель и штыков, при правильной организации элементарно мог захватить город.

В разное время за 1920-1922 гг. на территории губернии действовало несколько крестьянских повстанческих отрядов, руководителями которых были Сапожков, Антонов, Вакулин, Пятаков, Попов, Аистов, Сарафанкин, Серов и другие.

Первым, уничтоженным действиями РККА «бандформированием» был отряд А.В. Сапожкова. В прошлом подпоручик русской армии, ветеран Первой мировой войны, начальник дивизии Красной армии, участник боёв на Уральском и Южном фронтах, он отказался подчиниться командующему Заволжским военным округом и сдать свои дела и должность, 13 июля 1920 года начал вооружённое восстание в Бузулуке¹.

Заняв город, Сапожков начал наступление в сторону Уральска, Новоузенска и Пугачёва. Однако вскоре успех ему изменил. Бузулук был взят частями Заволжского военного округа, а особо отличившиеся в ликвидации курсанты Борисоглебских кавалерийских курсов, самарские и саратовские отряды ЧОН в ходе августовских боёв оставили от «Первой армии правды» Сапожкова всего лишь несколько десятков человек. Сам Сапожков был убит 5 сентября 1920 года у озера Бак-Баул. Двум его помощникам, Серову и Усову, удалось бежать².

Дважды, в октябре 1920 г. и январе 1921 г., в губернию вторгались «банды» Д.С. Антонова, действовавшего, в основном, на территории Тамбовской губернии.

17 декабря 1920 года в селе Михайловском Усть-Медведицкого округа Донской области красноармейцы отказываются выполнять приказы командования. Возглавил восставших К.Т. Вакулин, бывший командир Красной армии, награждённый орденом Красного Знамени. Вступив на территорию Саратовской губернии в январе 1921 г., в феврале Вакулин захватывает Камышин. 17 февраля 1921 г. Вакулин погибает в бою. Руководство переходит в руки его сподвижника Ф. Попова, который в марте захватывает Хвалынский³. В ходе апрельских боёв 1921 года его «банде» нанесён непоправимый урон и к началу мая она распадается на мелкие группы.

В марте 1921 г. на территории Автономной области немцев Поволжья действовали отряды М. Пятакова, бывшего командира отряда подразверстки. Его штаб располагался в с. Ровное, где к его отрядам присоединилось часть местного населения. В апреле 1921 г. подразделения Красной армии освобождают эту территорию и подавляют сопротивление.

С конца 1920 г. в районе Дергачи – Озинки действуют «банды» возглавляемые Сарафонкиным и Аистовым. С.Н. Сарафонкин, бывший унтер-офицер русской армии, перешел в Красную Армию, из которой в 1920 году дезертировал, и присоединился к отрядам Аистова, бывшего командира батальона красноармейцев⁴. 23 марта 1921 г., в ходе боя отряд рассеян, его остатки скрываются южнее губернии⁵.

Весна 1921 г. вообще стала временем серьёзных столкновений частей Красной армии с восставшими. Именно весной активизировались действия повстанцев в степях Новоузенского уезда из числа бывшей сапожковской «банды». Их лидер В.А. Серов, бывший командир полка в дивизии Сапожкова, являлся уроженцем села Куриловка Новоузенского уезда Саратовской губернии. Свой отряд Серов именовал «Группой восставших войск воли народа»⁶.

¹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. – М., 2000, Т.1, С. 792-793, 803.

² Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1978. Т. 2. С 87.

³ ГАСО. Ф. 471. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.

⁴ Крестьянское движение в Поволжье. С. 830.

⁵ Там же. Разведывательная сводка штаба Заволжского военного округа о повстанческом движении на территории округа за период с 23 февраля по 1 апреля 1921 года № 102/р. С. 700.

⁶ Голинков Д. Л.. Указ.соч. С.93.

В 1921 г. на короткое время Серову удалось захватить даже Ртищево, Хвалынский, Пугачев, Камышин.

За 1921 г. полностью ликвидировать все очаги восстания большевикам не удалось. Голод 1922 г. стал очередным испытанием для населения губернии. В докладе с грифом «совершенно секретно» ответственного секретаря Саргубкома К.И. Плаксина в ЦК РКП(б) о политическом состоянии Саратовской губернии за январь 1922 г., раскрыто реальное состояние и положение дел: «Ухудшающиеся экономические условия губернии накладывают свой отпечаток на политическое настроение масс.

Настроение крестьянских масс подавленное, благодаря голоду, дошедшего до людоедства, но все-таки они питают надежду на Советскую власть в получении продовольствия и семян для засева яровых полей»¹.

С каждым новым месяцем дела в губернии становились только хуже. В докладе того же К. И. Плаксина за март 1922 г. указано: «В голодающих уездах настроение крестьян подавленное. Трупоедство и людоедство среди них приняло обычное явление»².

Из крупных отрядов повстанцев на территории губернии остаются только «серовцы», действующие до августа 1922 г.

Середина апреля стала временем их разгрома. Серову едва удаётся убежать, но, осознав безвыходность своего положения, в первых числах августа 1922 г. он сдаётся властям³.

Неудачи лидеров восставших напрямую связаны с усилением группировки войск Красной армии в губернии и активизацией её действий. С началом поражений повстанцы начинают разлагаться и конфликтовать друг с другом.

Боясь вернуться домой, многие крестьяне остаются в составе разбитых повстанческих формирований. Передвигаясь по территории губернии, они избегают крупных населённых пунктов и встреч с регулярными подразделениями Красной армии. Уже не связанные друг с другом эти отряды терроризируют отдалённые деревни и занимаются грабежом на дорогах.

Меняется отношение населения к восставшим. Из защитников крестьян, после ряда случаев открытого грабежа, увода скота и отбора остатков хлеба, они перевоплощаются в шайки уголовных элементов, бандитов и грабителей.

Так в мае 1922 г. были разгромлены продовольственные склады помощи голодающим гуманитарной американской организации АРА. Этот акт вопиющего варварства был делом рук уже не отряда восставших, а банды Серова⁴.

С другой стороны руководство Красной армии старалось делать всё возможное для укрепления авторитета Советской власти. Показательной в этом плане является телеграмма командования Приволжского военного округа⁵ № 235/05 от 1922 г. с грифом «совершенно секретно» своим частям: «Обращаю раз и навсегда внимание всех командиров и военкомов, что уничтожение бандитизма и укрепление Советской власти достигается не только силой оружия, но и путём политической пропаганды идей Советской власти, достойным поведением войсковых частей. Крестьяне должны видеть разницу между бандой и Красной войсковой частью, ибо Красная войсковая часть создаёт авторитет Советской власти, являясь, с одной стороны, показателем её мощи и с другой стороны являя истинное её рабочее – крестьянское содержание»⁶.

Отмена продразверстки и введение продналога вселяет в крестьянство надежды, что жизнь изменится к лучшему. Многие начинают покидать

¹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 121. Л. 4.

²РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 23. Л. 120.

³РГВА. Ф. 25889. Оп. 1. Д. 114. Л. 331.

⁴Герман А.А.. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. М., 2007. С. 108.

⁵ 8 сентября 1921 года приказом РВСР № 1960/338 Заволжский ВО объединен с Приволжским ВО, в состав нового Приволжского ВО входит Саратовская губерния. См.: РГВА. Ф. 25889. Предисловие к описи 1.

⁶РГВА. Ф. 25889. Оп. 3. Д. 130. Л. 24.

банды, возвращаются в деревню и приступают к мирному труду. Сопrotивляясь принудительной мобилизации уже в бандитские шайки, жители деревень помогают частям Красной армии вылавливать бандитов. Не последнюю роль в переломе ситуации сыграла и объявленная амнистия.

Вред, нанесённый населению губернии и органам власти, был огромен. Все усилия, направленные на преодоление послевоенного голода и разрухи, восстановления крестьянских хозяйств и нормального ритма жизни, сводились бандитизмом к минимуму. Борьба с этим явлением была основной задачей руководства губернии в 1920–22 гг.

К осени 1922 г., в связи с некоторым улучшением экономической ситуацией в регионе, бандитизм в Саратовской губернии себя изжил. Являясь одной из последних глав Гражданской войны, таким эхом затихающих боёв Красной армии, это явление оставило глубокий след в жизни и судьбах жителей Саратовской земли.

ИЛЬИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Историческая справка. Первое упоминание в письменном источнике об Ильинском относится к 1579 году. Тогда в погосте Обва, имеющем деревянную церковь, в 13 дворах проживало 14 душ¹. В 1647 году он стал называться погостом Ильинским. Своим названием поселок обязан имени святого громовержца Ильи Пророка, проживало в нем в это время уже 2097 человек². На протяжении полутора столетий здесь находился центр Пермских имений Строгановых – крупнейших землевладельцев, баронов и графов Российской империи. Здешние земли были переданы Григорию Дмитриевичу Строганову по указу самого Петра Первого.

В 1869 году в селе Ильинском, расположенном в 109 верстах от губернского города Перми, в 278 дворах проживало 1093 жителей мужского пола и 1077 женского. Село имело: единоверческую церковь, православную часовню, волостное правление, два училища - мужское и женское, госпиталь, богадельню, два хлебных магазина, 3 кожевенных и овчинных завода, три маслобойни, 5 салотопенных и мыловаренных заведений, одно канатное заведение, 3 оптовых склада, 7 кузниц и мельницу³.

К 1907 году Ильинское – торговый и промышленный пункт при р. Обве, правом притоке р. Камы; в 362 дворах проживало 647 жителей мужского пола и 811 женского. Село имело волостное правление, полицейский стан, 2 церкви - православную и единоверческую, двухклассное училище, мужскую и женскую школы, больницу, библиотеку, почтово-телеграфное отделение, богадельню, а также заводы и заведения для выделки овчин, кож, канатов, спичек, патоки, топки сала, изготовления мыла и свеч⁴. До революции основная масса жителей села была занята в сельском хозяйстве и торговлей. Самыми знаменитыми и богатыми торговыми династиями были: династии Поносовых, Серебрянниковых и Беклемишевых.

Формирование 10-го кавалерийского полка. При приближении Сибирских войск к Перми активизировалась деятельность подпольной пермской военной организации. Уже 30 ноября 1918 года руководителю подпольной организации в 10-м кавалерийском полку, который формировался в селе Ильинское, Леопольду Бруштейну руководством Пермского подполья, а именно начальником штаба капитаном Протопоповым, была поставлена задача поднять восстание в полку 20 декабря 1918 г. Далее, не мешкая, выступить из села Ильинского к станции Григорьевская и захватить ее, отрезав красным путь отступления из Перми⁵.

Следует пояснить, откуда взялся названный полк.

9 августа 1918 года началось формирование 10-й Пермской пехотной дивизии из мобилизованных граждан Пермской губернии. В Перми, в Чердынском, Соликамском и Оханском уездах шло формирование 90-96 Пермских пехотных полков и 10-й артиллерийской бригады. На 1 сентября 1918 года в дивизии числилось 4109 бойцов, 420 человек состояло в артиллерийском дивизионе, 72 человека - в инженерном батальоне. В селе Ильинском Пермского уезда начал формироваться Пермский кавалерийский полк.

Приказом № 85/138 от 22 сентября 1918 года все части Пермской пехотной дивизии передавались на формирование 10-й стрелковой дивизии⁶. Пермский кавалерийский полк стал называться 10-м кавалерийским полком⁷.

¹ Ильинский. Пермь, 2004. С.54.

² Там же. С.55.

³ Список населенных пунктов России за 1869 год. СПб., 1875. С.34.

⁴ Список населенных мест Пермской губернии. Пермский уезд. Пермь, 1908. С.40.

⁵ Протопопов Н. А. По закамским лесам. Харбин, 1940. С.100-101.

⁶ Дубленных В.В. Вооруженные формирования Урала периода гражданской войны. Екатеринбург, 2002. С. 180.

⁷ Там же. С.192.

Командиром полка был назначен поручик старой армии Константинов Виктор Михайлович. Первую мировую войну он закончил командиром эскадрона Черноморского полка¹. До этого (с 25 июня 1918 г.) он был начальником конного отряда при Артиллерийском отделе Пермского губернского военного комиссариата². Политическим комиссаром стал Луковский. Помощник командира полка - штабс-капитан Еремеев. Казначей - поручик Ершов, кассир – прапорщик М.В. Звигин. Командиром 1-го эскадрона был назначен сотник 6-го Казачьего полка Гаген Федор Александрович³. В этом же эскадроне служил поручик Удилов⁴. Одним из эскадронов командовал корнет Бруштейн Леопольд Григорьевич, 1898 года рождения, уроженец г. Перми. Одним из взводов командовал Кирьянов Тимофей Егорович. Также известно, что в полку служили: корнет Ершов Леонид Клементьевич, офицеры Павел Васильевич Клемнин и Молчанов, и юнкер Симонов.

Полк состоял из шести эскадронов. Казармы находились в семейном доме в селе Ильинском, в котором в ту пору проживало около трех тысяч человек. Сначала в полку было 160 кавалеристов, мобилизованных в Пермской губернии, и он испытывал большую нужду как в обмундировании и вооружении, так и в продовольствии. В первых числах сентября в Ильинское прибыло три хорошо обмундированных и вооруженных эскадрона из Вятской губернии (два из Малмыжа и один из Уржума). К этому времени началась мобилизация местного населения. Командование полка проводило мудрую политику. Реквизируя рысаков, в полк записывали и их владельцев – зажиточных крестьян⁵. Таким образом, подготавливалась почва для переворота.

Перед началом восстания 10-го кавалерийского полка его командир Константинов и кассир Звигин были вызваны в Пермь для получения денег (300 т.р.). В качестве охраны был взят кавалерист Костарев. На обратном пути, в деревне Чуманы, они были ограблены и убиты⁶. Их похоронили в Перми на Новом кладбище 17 января 1919 года⁷.

В отсутствие командира, его помощник Еремеев послал командира взвода Удилова с 25 кавалеристами в район Добрянки для разведки обстановки. В это время председатель делового совета Добрянского завода В.А. Первышин при эвакуации вывозил более 700 тысяч рублей для сдачи их в управление Верхнекамскими заводами, которое находилось уже в Вятке. Удилов со своим взводом взялся его сопровождать. На ночлеге в селе Филатово кавалеристы убили председателя и заводского кассира, завладев деньгами, которые впоследствии передали восставшим⁸.

24 декабря. В этот день рано утром сибирские войска ворвались в Пермь. Бруштейн выполнил задание подпольной организации и поднял полк, как только узнал о боях в губернском городе⁹. В руководство восстанием входили: помощник командира полка Еремеев, а также все 6 командиров эскадронов. Военные действовали совместно с ильинской подпольной организацией, которой руководил штабс-капитан Полещук¹⁰. Связь с 10-м кавалерийским полком поддерживали А.Е. Русинов и И.А. Пепеляев через братьев Ершовых и Гагена¹¹.

¹ Известия Пермского губисполкома. 1918. 2 июля.

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.Р-358. Оп.1. Д.10.Л.31.

³ Известия Пермского губисполкома. 1918. 29 мая.

⁴ Освобождение России (Пермь). 1919. 3 апреля.

⁵ Ильинский. Пермь, 2004. С.174, 175.

⁶ Разгром Колчака. М., 1969. С.230.

⁷ Свободная Пермь.1919. 17 января.

⁸ Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 693/6. Оп. 1. Д. 12. Л. 112.

⁹ Освобождение России (Пермь). 1919. 16 января.

¹⁰ Согласно списку лиц, предназначенных на командные должности в 3-й армии, Полещук Александр Каленикович - коллежский асессор 541 Велижского полка. Опубликовано 29 мая 1918 года в «Известиях» Пермского губисполкома.

¹¹ Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 643/2. Оп.1. Д. 28493. Л.51,54.

В подпольную организацию входила группа староверов, которой руководили: купец Василий Иванович Руковишников, Иван и Александр Феропонтовичи Истомины, Василий Трифонович Дразнилов. Они нашли общий язык с офицерами 10-го кавалерийского полка и повели подпольную работу совместно. Ильинская ЧК арестовала и расстреляла Александра Истомина¹.

Напряженная обстановка в селе Ильинском установилась уже в 20-х числах декабря. Местная партийная большевистская организация не доверяла командованию полка. «В 17.00 23 декабря было прервано сообщение с Пермью. Комиссар полка по предписанию штаба 10-й дивизии отдал распоряжение всех невооруженных и обоз 24 декабря отправить в направлении станции Глазов, а вооруженным следовать за ними. От местного военкома были затребованы подводы, которые своевременно высланы не были. В 12.00 24 декабря пришло сто подвод, на которые погрузили полковое имущество. В 16.00 комиссар полка послал вестового к заместителю командира полка штабс-капитану Еремееву с приказанием явиться и получить приказ о времени выступления полка и порядке движения. Последний по вызову не явился, мотивируя недостатком времени; комиссар послал за ним вторично, ответом на это были выстрелы из коридора. На первые три выстрела комиссар ответил двумя, тогда Еремеев выбежал из помещения с двумя револьверами, открыл стрельбу и ранил под комиссаром лошадь. Комиссар бросился за отрядом в 18 человек, который находился у него на квартире, и с ним поскакал для выяснения причин выстрелов»².

Как только 24 декабря прервалась связь с Пермью, и солдаты в 3 часа дня получили оружие, командиры эскадронов Гаген³ и Бруштейн в 4 часа дня подняли личный состав эскадронов. Солдаты, получив оружие, бросились в казармы и расстреляли коммунистов. Старший унтер-офицер Павел Филиппович Тюрин и младший унтер-офицер Афанасий Александрович Дубровский первыми выступили против большевистской власти, послужив примером для других⁴. Первый эскадрон не пожелал участвовать в восстании, поэтому его разоружили. Активное участие в разоружении принял рядовой Н. Вешняков⁵.

Далее, под командой офицеров Гагена и Бруштейна, солдаты ворвались в военный комиссариат и расстреляли комиссара Лобанова, у которого нашли 80 тысяч рублей. Заняли ЧК, но ее председатель Чебыкин успел удрать⁶. Вслед за этим восставшие повели наступление на совдеп. Начался обстрел здания, который защищали член совета Гребнев и пулеметчик Тюменский. Повстанцы, ворвавшись в исполком, изрубили последних, а также кассира у кассы, захватив 2000 рублей. Также повстанцы захватили почту, расстреляв его комиссара.

Когда раздался первый залп по исполкому, член совета Батюгов шел на смену в исполком на дежурство. Он бросился под обстрелом в комитет РКП(б), - хотел сжечь все бумаги. Однако ему это не удалось, и все документы досталось восставшим. Собравшиеся большевики стали отстреливаться с горы, в перестрелке погиб член совета Иванцев. У большевиков не было организованности, так как слабохарактерный председатель исполкома Чернышев не смог действовать решительно. Все же группа коммунистов не сдалась и стала обороняться⁷.

Недалеко от площади упоминавшийся отряд комиссара полка был встречен перекрестным огнем, при этом несколько всадников были убиты. В это время из улицы выскочил командир 1-го эскадрона Гаген с отрядом около 40 чело-

¹ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8076. Л. 11. Впоследствии в селе была устойчивая группа истинно-православных христиан.

² Пазников Н.Ф. Заговор / Разгром Колчака. М., 1969. С. 230-232.

³ Согласно списку лиц, предназначенных на командные должности в 3-й армии, Гаген Федор Александрович – сотник 6-го казачьего полка. Опубликовано 29 мая 1918 года в «Известиях» Пермского губисполкома.

⁴ ГАПК. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

⁵ ПермГАНИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 28515. Л. 1.

⁶ Освобождение России (Пермь). 1919. 23 января.

⁷ ГАПК. Ф. Р-732. Оп.1. Д. 455. Л.4.

век, продвинулся к церкви, чтобы отрезать комиссарский отряд от казармы, и дал несколько залпов. В результате перестрелки Гаген был ранен. Комиссар с отрядом отступил к помещению ЧК, и, соединившись с ее сотрудниками, продолжал отступление под интенсивным обстрелом в сторону села Богородское. Там их снова встретили огнем. Красные цепью продвинулись к казарме и гауптвахте, но были разделены на две части: одна (13 чел.) – во главе с председателем ЧК Чебыкиным направилась в направлении села Средняя Егва, а другая – под командованием комиссара (6 человек) отступила в село Богородское¹ и далее на станцию Григорьевскую. Но самому комиссару Луковских не повезло. Его еще в селе настиг кавалерист Н. Вешняков и шашкой отрубил голову². Большая часть партийно-советского актива оказалась захваченной мятежниками.

Село было оцеплено кавалеристами и объявлено на военном положении. На другой день ловили коммунистов и красноармейцев, отступавших из завода Чермозского и других сел. Всего, в первые два дня, было расстреляно более 100 коммунистов. Крестьяне отнеслись к перевороту с полным сочувствием и даже снабжали провиантом восставших солдат, хотя до переворота ненавидели красноармейский полк. Одна только деревня Сенькина сразу же дала 75 пудов хлеба. По рассказам, всего в Ильинском было захвачено деньгами 1 500 000 рублей³. Надо полагать, это также способствовало решению проблемы снабжения.

Восставшие сразу организовали Военно-полевой штаб, который расположился в доме купца Черноусова. Была восстановлена земская управа, председателем которой стал купец А.И. Ларионов. В этот же день была образована и следственная комиссия (Еремей Ильич Дубровский, Василий Трифионович Дразнилов, Дмитрий Семенович Поносков, Иван Иванович Петунин и др.), во главе которой стал подпоручик Л.К. Ершов. Комиссия немедленно приступила к работе. В ночь с 25 на 26 декабря по ее решению на правом берегу реки Обвы выше моста было расстреляно 250 человек⁴.

25 декабря повстанцы пленили отряд Добрянских коммунистов, который двигался на с. Ильинское, не зная о восстании. Все они были арестованы и расстреляны. Это:

Швалев-Плюснин Павел Павлович – командир отряда;

Жуков Василий Иванович – комиссар отряда;

Ипанов Александр Иванович – начальник милиции Добрянки;

красногвардейцы: Ипанов С.Г. Абрамов Л.Т., Третьяков П.В., Балдин Г.А., Чудинов Ф.С., Сюзов И.С. Копылов А. Т., Нифантьев И. Н., Ермаков И.И., Плюснин И.П. Ермаков П.Я., Черноусов П.И., Дроздов Н.А. Марков Н.А., Орлов И.М., Кетов В.И. братья Норицыны Егор и Павел, Коровин А.Г. Дудин В.А.⁵. В этот же день кавалеристы из 10-го полка вступили в стычку с разведкой Слудского красногвардейского отряда, в результате двое разведчиков были убиты, а остальные успели скрыться и предупредить своих. Отряд обошел Ильинское стороной.

На третий день после переворота помощник начальника Ильинской милиции Сыкулев Владимир Иванович водил на место расстрела Абрамова, сомневающегося в новой власти, где сказал в назидание: «Иди, иди, посмотри и ты, сколько этих сволочей мы перестреляли»⁶.

Какие же потери понесли сами восставшие? На 5 января 1919 г. в Ильинской больнице, по докладу врача Кочкина, совещанию представителей девяти ближайших к Ильинскому волостей, находилось на излечении 16 военных, не

¹ Пазников Н.Ф. Заговор / Разгром Колчака. М., 1969. С. 230-232.

² ПермГАНИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 28515. Л. 1.

³ Освобождение России (Пермь). 1919. 23 января.

⁴ Ильинский. Пермь, 2004. С. 178.

⁵ Ильинский районный краеведческий музей. Воспоминания участников гражданской войны.

⁶ ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28493. Л. 55.

считая раненого поручика Гагена. Собрание решило предоставить больнице по туше мяса от каждой волости бесплатно¹.

Связь повстанцев с г. Пермью была налажена уже 26 декабря, так как 27-го в губернский центр, в Пермский офицерский полк, были отправлены все мобилизованные в Ильинском офицеры.

В Екатеринбургской газете «Отечественные ведомости» появилось следующее сообщение: «В селе Ильинском взят в плен 10-й кавалерийский полк. 800 человек, 1000 винтовок, 450 лошадей². Так необъективно было первоначально освещено восстание в с. Ильинском.

На другой день после восстания (как вспоминали позднее ильинские коммунисты) буржуазия «во главе с долговолосыми попами путем звона колоколов собрали старых и малых граждан вплоть до уродов и на площади 10-му Кавалерийскому полку служили тостующий молебен». После чего защелкали затворы у винтовок, посыпались залпы³. А после всего этого происходил парад. Народ чувствовал себя как на Пасхе, принарядился. Так, бухгалтер волостного управления Иван Пепеляев, надев форму поручика Российской императорской армии, превратился из невзрачного служащего в бравого офицера.

Еще несколько дней продолжались расстрелы. Всего было расстреляно около 800 человек, среди которых первый председатель волисполкома Е.К. Кожевников, секретарь волостной организации РКП(б) Л.М. Колобов, председатель комитета бедноты И.И. Катаев и др. Впоследствии все они были перезахоронены в братской могиле в сквере борцов революции поселка Ильинского⁴.

20-й Тюменский полк, под командованием капитана Корочкина, наступавший со стороны Добрянского завода, вошел в село Ильинское лишь 28 декабря. Народ хотел встретить их колокольным звоном. Звонить принимались несколько раз, звонили часами, но сибиряки пришли неожиданно ночью. Штаб Тюменского полка расположился в доме Теплоуховых, знаменитых лесоводов и краеведов Пермского края. Капитан Корочкин сам возглавил следственную комиссию.

Жители волости поддержали восстание в Ильинском.⁵ Сейчас же они организовали питание 10-го Кавалерийского полка, поставляли фураж и дрова для отопления казарм.

Жители села устраивали для офицеров полка балы, маскарады, семейные вечера и т.д. Так, бал устраивали: В.И. Руковищников, В.Т. Дразнилов и М.К. Грохотов⁶.

26 декабря 10-й кавалерийский полк занял село Васильевское, что в 16 верстах от Ильинского. 4-я Уральская дивизия красных с Путиловским кавалерийским полком 29-й дивизии, располагавшимся в деревнях Стряпунята и Жаково, пыталась выбить белых из Васильевского, но безуспешно.

28 декабря взвод 10-го кавалерийского полка во главе с командиром Павлом Васильевичем Клемниным прибыл в Кривецкую волость и восстановил земскую власть.

Начальник 4-й Уральской дивизии Грушецкий доносил в конце декабря в штаб 3-й Красной армии: «В прифронтовой полосе действуют банды восставших жителей, совместно с кадровыми частями. Организации оформляются в команды, которые несут заградительную службу, а также берут деревни за деревней. В селе Васильевском находится штаб восставших. Путиловский полк разбил его»⁷. Начдив Грушецкий преувеличил успехи путиловцев, – повстанцы просто отступили к Ильинскому.

¹ ПермГАНИ. Ф.90. Оп.4. Д.947. Л.2.

² Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 3 января.

³ ГАПК. Ф. Р-484. Оп. 2. Д. 297. Л. 2.

⁴ История архитектуры. Том 2. Пермь, 1993. С. 85.

⁵ Свободная Пермь. 1919. 23 февраля.

⁶ ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8076. Л. 11.

⁷ Тонгузов А.И. Под Нытвой. Нытва, 2000. С. 96.

Поднесение знамени. В освобождении закамских волостей от большевиков ведущую роль сыграл 10-й кавалерийский полк. Состоявшееся 5 января 1919 года совещание 9 волостей Закамского района Пермского уезда вынесло решение: «За освобождение населения от безбожного ненавистного народу большевизма, чтобы пуще запечатлеть в памяти неоцененные заслуги полка», возбудить ходатайство перед начальником Северного отряда о присвоении 10-му кавалерийскому улланскому полку названия «Ильинский», заказать для поднесения полку икону-складень Св. Ильи Пророка и штандарт с его изображением и надписью: «10 Кавалерийскому Уланскому Ильинскому полку за правду и свободу благодарный Закамский район»¹. Для этого с каждой волости, а всего их набралось 12, собиралось по 200 руб.

Вот примеры постановлений волостных собраний как до, так и после совещания.

Гласные Кривецкого волостного земского собрания 9 января 1919 года постановили: «Командировать в с. Ильинское представителя волости для выработки плана чествования местного полка, ассигновать на приобретение иконы и штандарта для 10-го Кавалерийского Уланского полка 200 рублей, доставить для кавалерийского полка в с. Ильинское 10 сажень дров бесплатно»². Общее собрание Челвинско-Русаковской волости, проходившее 30 декабря 1918 года, на котором присутствовало более 900 человек, постановило: «Выслать 10-му кавалерийскому полку, собранное пожертвование для красноармейцев³, заключающееся в теплых вещах, и провести дополнительный сбор пожертвований теплых вещей, хлеба и других пищевых продуктов, а также 10 сажень дров, для указанного полка.

Выслать в распоряжение Ильинской волостной земской управы на приобретение и поднесении 10-му кавалерийскому полку иконы складни Св. Ильи Пророка - 200 р.»⁴ Так у полка появилось свое знамя.

После восстания. 10-й Кавалерийский полк, с 3-го января 1919 года вошел в состав 3-го Степного Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта Г.А. Вержбицкого, а с 18 января временно вошел в состав 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева.

С 24 декабря 1918 года по 11 марта 1919 года 10-й Кавалерийский полк вел боевые действия на левом фланге 2-й Сибирской стрелковой дивизии в районе села Ильинское. В результате мартовского наступления 1-го Средне-Сибирского корпуса части 3-й красной армии отступили из указанного района. Таким образом, фронт в полосе 10-го кавалерийского полка перестал существовать, и полк вернулся в 3-й Степной корпус в Ижевский завод⁵, где был расформирован, так как понес большие потери. Личный состав полка пошел на формирование конно-егерского дивизиона 18-й Сибирской стрелковой дивизии и конного дивизиона 7-й Степной дивизии. Обе эти части совершили Ледяной поход до Читы, где личный состав указанных подразделений пошел на формирование 3-го корпуса.

За время боев с января по март 1919 года кавалеристы не раз проявили храбрость и мужество, за что были удостоены генерал-лейтенантом Пепеляевым Георгиевских крестов 4-й и 3-й степеней. Так, были награждены Георгиевскими крестами 3-й степени старший унтер-офицер В.Т. Вяткин, за то, что «10 марта 1919 г., командуя вверенным ему отрядом, примером беззаветной храбрости и мужества способствовал успешному занятию д. Польшихиной, Рождественской волости, при чем был взят один пленный»⁶, и ефрейтор Д. Ульянов за то, что «11 марта 1919 года, после ранения кавалериста команды связи Викина, принял на себя командование отрядом под сильным ружейным и пуле-

¹ ПермГАНИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 947. Л. 2-3

² Свободная Пермь. 1919. 23 февраля.

³ Так в тексте.

⁴ Свободная Пермь. 1919. 20 февраля.

⁵ ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 28515. Л. 44.

⁶ ПермГАНИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 946. Л. 197.

метным огнем неприятеля повел наступление и занял д. Польшихину, при чем было захвачено много патронов и пленных. Продолжая преследовать отступающего противника способствовал далее занятию д. Усть-Нердва»¹. Георгиевскими крестами 4-й степени были награждены кавалеристы: Завьялов Михаил Алексеевич, Мамаев Никита Минеевич, Шишкин Степан Иванович и Исаев Иван Захарович под командованием младшего унтер-офицера Трухина Матвея Петровича за то, что «в 10 часов утра 31 января 1919 года, первыми ворвались в д. Чернопени, Богородской волости, сделав засаду и дождавшись неприятельских разведчиков, в числе 7 человек, из которых двух коммунистов они убили, 3 ранили, забрали от них бомбу, одну винтовку и 200 штук патронов, этим навели сильную панику на заставах красных».² В числе награжденных также старший унтер-офицер Мамонов Василий Никитич, младшие унтер-офицеры Акатьев Павел Дмитриевич и Попов Степан Егорович, рядовые Вяткин Спиридон Григорьевич, Калугин Николай Демидович, Благодатский Прокопий Афанасьевич³ и Злыгостев Фрол Феоктистович⁴.

Получали награды и офицеры полка. Орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом были награждены поручики 10-го кавалерийского полка Аксенов (Георгий) и Нагибин (Олег), а прапорщик Булычев (Федор) – орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Все трое награждены 26 мая 1919 года, в день годовщины освобождения Сибири от большевиков⁵. 12 мая 1919 года из подпрапорщиков в прапорщики был произведен Московкин Афанасий (старшинство с 27.12.1918 г.)⁶.

Ильинское восстание демонстрирует высокую эффективность повстанческой борьбы с бескомпромиссным уничтожением противников. Это стало возможным благодаря сочетанию ряда факторов: дееспособные военная и сельская подпольные организации, сумевшие наладить сотрудничество; религиозное одушевление по крайней мере части заговорщиков; способность, в условиях общего недовольства большевиками, исподволь сформировать надежную вооруженную силу еще в красных рядах; активное включение в борьбу на белой стороне, участие в освобождении обширного сельского района, контакт с сочувствующим населением.

Приложение 1

Леопольд Григорьевич Бруштейн

Родился 8 января 1898 года на станции Сылва Пермской железной дороги, где его отец Григорий Павлович имел стекольно-плавильный завод, а мать занималась хозяйством.

С 1910 по 1914 г. учился в Пермской гимназии, а в 1915 году переехал в г. Уфу, где сдавал экстерном экзамены за гимназический курс.

В 1916 году, после окончания гимназии, поступил вольноопределяющимся в 13-й гусарский Нарвский полк, где закончил учебную команду и выбыл на германский фронт. В конце 1917 года был ранен в руку и контужен. Находился на излечении сначала в полевом госпитале, а затем был откомандирован в г. Тамбов в 7-й запасной кавалерийский полк, где сдал офицерский экзамен при 2-й Московской кавалерийской бригаде в г. Тамбове. Продолжил службу уже офицером в 7 запасном кавалерийском полку. После революции вернулся в г. Пермь, где состоял в противобольшевистской подпольной организации.

За Великую войну был награжден Георгиевскими крестами 4, 3 и 2-й степеней и орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

¹ Там же. Л. 209.

² Там же. Л. 203.

³ Там же. Л. 115 об.

⁴ Там же. Л. 203.

⁵ ГАПК Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 5. Л. 27 об, 28.

⁶ РГВА Ф. 39499. Оп. 2. Д. 2 л. Л. 127.

В 1918 году Бруштейн был командирован означенной организацией в село Ильинское Пермской губернии в 10-й кавалерийский полк Красной армии, где командовал эскадроном до 20 декабря, а затем поднял восстание в полку, с которым присоединился к корпусу генерала Пепеляева. За подпольную работу в тылу врага был награжден адмиралом Колчаком орденом Св. Георгия 4-й степени. Хотя омские чиновники не признали его офицерства (произведен в прапорщики из старшего унтер-офицера только 12 мая 1919 г. со старшинством 27.02.1919 года¹), он остался командовать эскадроном, а затем и дивизионом в 10-м кавалерийском полку, который находился на фронте. Весной 1919 года полк был расформирован, а Бруштейн был назначен командиром 7-го конного дивизиона 7-й Сибирской стрелковой дивизии, с которым проделал «Великий Сибирский ледяной поход». Был ранен, лечился в госпитале в Николаевске-Уссурийском, откуда направлен в Забайкалье. Произведен в штабс-ротмистры приказом №189 от 18 февраля 1920 г. в г. Чите.

В 1920 году был командирован на станцию Даурия к барону Р.Ф. Унгерну для формирования 2-го Татарского конного полка. В марте, по просьбе генерала Г.Е. Мациевского, был откомандирован в г. Сретенск, а откуда переведен на станцию Манчжурия, где и уволился с военной службы. Уехал в Харбин. В 1921 году работал легковым извозчиком, а на следующий год шофером. С 1923 по 1933 год занимался извозом на своей машине и давал уроки верховой езды на собственной лошади.

В 1935 – 1941 г.г. жил в Харбине на случайные заработки и давал уроки верховой езды, работая в конюшне Вульфсона. Дальнейшая судьба неизвестна.

*Государственный архив Хабаровского края.
Ф.Р-830. Оп.3. Д.5876. Лл.1-7об.*

Приложение 2

Николай Клементьевич Ершов

Родился 30 января 1893 г. в селе Ильинском, где жил с родителями до 1910 года. Отец был лесником имения графа Строганова. В 1910 году окончил съёмочно-таксационную школу графа Строганова в родном селе. На следующий год поступил таксатором в имение князя Демидова «Сан-Донат» на завод Майкорский, где работал до призыва в армию в 1914 году.

По мобилизации назначен в 1-ю батарею 4-й запасной артиллерийской бригады в г. Саратове. Направлен в Оренбургскую школу прапорщиков, закончил которую в 1915 году. Отправлен в 12 армию в 55-й Сибирский полк 14 Сибирской дивизии. Участвовал в боях, был ранен, получил орден Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость» и произведен в чин подпоручика. Окончил офицерскую школу при штабе 6-го Сибирского корпуса в 1915 году. В 1916 году произведен в чин поручика и до 1917 года находился в действующей армии. В конце 1917 года был откомандирован в распоряжение Пермского воинского начальника и освобожден от военной службы в чине ротмистра.

В 1918 году мобилизован большевиками и назначен в 10-й кавалерийский полк на должность казначея. Офицерами полка был совершен переворот в пользу белых. Принимал участие в боевых действиях в составе вышеназванного полка. Затем перешел в конно-егерский дивизион 18-й Сибирской стрелковой дивизии. В 1920 году с армией В.О. Каппеля дошел до Читы, ушел со службы и переехал в Харбин.

В 1926 г. служил в 4-м участке городской полиции. В этом же году по собственному желанию уволился. В 1927 - 1928 годы жил случайными заработками.

¹ Там же.

В 1929 г. устроился на работу на КВЖД экспедитором в коммерческую службу. В конце года, во время советско-китайского конфликта, был уволен. В 1930-1932 годы вновь случайные работы.

В 1933 г. работал на бирже легковым извозчиком. На следующий год поступил на службу при магазине «Лондон» В.Н. Мичкова в качестве сторожа. В 1935 году переведен на должность заведующего мастерскими при том же магазине, где и работал до 9 марта 1938 года, когда был уволен по сокращению штатов.

*Государственный архив Хабаровского края.
Ф. Р-830. Оп.3. Д.14873 Лл.3-6об.*

Приложение 3

Леонид Клементьевич Ершов

Родился 27 июля 1896 г. в деревне Комариха Филатовской волости Пермского уезда Пермской губернии. Брат Николая Ершова. В 1910 - 1912 годах учился в селе Ильинском. В 1913 - 1914 годах учился в Пермском реальном училище. В 1915 году призван на военную службу и назначен в 107-й запасной полк, расквартированный в Перми.

В 1916 г. окончил Саратовскую школу прапорщиков, откуда направлен в 82-й запасной полк, а уже в июле выбыл на фронт.

В 1917 году на Юго-Западном фронте в 4-м Заамурском пограничном полку до осени, затем пробирался домой в село Ильинское, куда прибыл в декабре.

В 1918 году жил дома. Мобилизован в Красную армию в 10-й кавалерийский полк. Участвовал в восстании полка 24 декабря 1918 г., а затем в боях против красных. Перешел в конно-егерский дивизион 18-й Сибирской стрелковой дивизии. Временно исполнял должность командира эскадрона.

В Великую войну ранен в голову. Последний чин: штабс-ротмистр.

За участие в Великой войне получил награды: орден Св. Анны 3 и 4 степеней с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й, Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом. Награжден орденом «За Великий Сибирский поход».

*Государственный архив Хабаровского края.
Ф.Р-830. Оп.3. Д.14870 Лл.3- 8.*

Приложение 4

Памяти поручика Ф.А. Гагена

Еще одна жертва, еще одна юная, прекрасная жизнь заплатила смертью за будущее благополучие нашей несчастной родины. В ночь с 4 на 5 марта с. г. пал геройской смертью в рукопашной схватке поручик 10-го кавалерийского полка Федор Александрович Гаген. Молодой, ему только что исполнилось 21 год, жизнерадостный, всегда принимающий к сердцу интересы своих близких, Федор Александрович был любимцем эскадрона, которым командовал, и искренне любим всеми, которых сталкивала с ним судьба.

Несмотря на свой юный возраст, Ф.А. Гаген провел всю минувшую военную кампанию, поступив в начале войны, прямо со школьной скамейки, добровольцем в один из Сибирских Казачьих полков; в этом полку за отличное мужество и храбрость он был награжден орденом солдатского Георгия 3-й степени, получил офицерский чин и все офицерские знаки отличия включительно до ордена Владимира 4-й степени с мечами. Многочисленные ранения, из которых некоторые были очень серьезны, указывают, каким путем поручик Гаген заслужил свои боевые отличия.

С развалом армии и уходом с фронта Федор Александрович отправился к себе на родину в Новгородскую губернию, откуда вскоре ему пришлось бежать, вследствие обвинения его большевиками в контрреволюции.

Общая мобилизация офицеров застаёт поручика Гагена в г. Перми, и он получает назначение командира эскадрона формирующегося 10-го кавалерийского полка.

Вторая половина 1918 года в Перми и Пермской губернии, как известно, ознаменовалась самыми темными, кошмарными проявлениями большевизма, причем террор, объявленный большевиками, коснулся сильнее всего офицерской среды; все офицерство было взято под подозрение и обвинено в контрреволюционности, и вот здесь-то в полной красоте сказалась прекрасная душа Федора Александровича; всякий, кому грозили насилием, находил в нем своего защитника, он всегда старался выручать своих друзей, и многие были ему обязаны своим спасением.

Насилие и гнет большевизма, наконец, превысили всякую меру, и Федор Александрович, в числе нескольких своих друзей, явился одним из главнейших деятелей переворота в с. Ильинском 24 декабря м. г., когда увлеченный его примером и примером других офицеров и солдат весь 10-й Кавалерийский полк с оружием в руках восстал против советской власти и перешел на сторону Сибирского правительства, войдя в состав славной Сибирской армии.

Честно и храбро под командой своих командиров нес возродившийся полк общие боевые задачи. С полным увлечением пылкой, молодой природы Федор Александрович отдается общему делу, но, к сожалению, судьба, хранившая героя за все время германской войны, была неумолима на этот раз, и Федор Александрович в ночь на 5-е марта во главе своего эскадрона выполнил свой последний долг и отдал душу свою за други своя.

Спи же мирно, дорогой друг; но ярко и красиво прошла твоя жизнь, друзья не забудут тебя никогда. Прощай.

Кор. Е. (корнет Ершов)
Освобождение России (Пермь).
1919. 15 марта

Приложение 5

Наш отряд.

Из воспоминаний участника гражданской войны т. И. П. Старкова

Наш Рождественский отряд организовался летом 1918 года. Он вел борьбу с местным кулачеством, спекулянтами и прочей контрреволюцией...

На участке Усть-Нердвы 25 декабря мы приняли первое боевое крещение, вступив в бой с восставшим 10 кавалерийским полком. Совместными действиями нескольких отрядов мы беспокоили белые части. По-видимому, для полной ликвидации наших отрядов белые бросили на нас 10-й кавалерийский полк и карательный отряд Красносельского. Неравенство сил было очевидно, но мы упорно боролись. В результате с декабря по март Первомайск и Рождественское 6 раз переходили из рук в руки.

В конце февраля к нам на помощь пришел 61-й Рыбинский полк. Вместе с нашим отрядом он повел наступление на укрепленные пункты белых. Вели наступление тремя колоннами.... Третья колонна заняла д. Тухту. Выставили караулы, уставшие бойцы легли на ночлег. Ночью часа в три с горы в деревню стремительно скатился отряд белых лыжников. Началась дикая расправа. По тревоге выскакивали в одних рубашках красноармейцы на улицу, завязался рукопашный бой. Офицер Гаген представил, что победа за ними, повелительным голосом дал команду: «Коммунистам налево, мобилизованные направо», но он ошибся. Один из красноармейцев метким выстрелом покончил с бандитом, ментально изменилось положение, инициатива перешла в руки красных. Белые бросились бежать, но мало их ушло.

Путь к коммуне (Ильинск).
1938. 15 июля

Иван Алексеевич Пепеляев

Родился в сентябре 1895 г. в селе Ильинском Пермского уезда и губернии. Образование: городское училище. Сдал экстерном за курс гимназии, затем закончил бухгалтерские курсы. До призыва в армию работал электромонтером в Перми.

С 1915 года в императорской армии. Окончил школу прапорщиков. Воевал в 31-м Сибирском стрелковом полку 2,5 года в чине поручика. Награжден Знаком отличия военного ордена, орденами Св. Станислава и Св. Анны 3 степени.

В 1917 году вернулся на родину к родителям. Участник противобольшевистского восстания в Ильинском 24 декабря 1918 года. Мобилизован в Сибирскую армию 27 декабря 1918 г. и направлен в 1-й Пермский офицерский полк. После расформирования полка назначен генералом Б.М. Зиневичем заведующим эвакуационным пунктом 1-й Сибирской дивизии. 6 марта 1919 года был ранен и эвакуирован в Иркутск в госпиталь, затем в дом инвалидов, где и был пленен Красной армией. Почти год его личность устанавливали в особом отделе ЧК, а затем отправили в концлагерь. Вернулся в родное село Ильинское, где в 1923 году работал бухгалтером. 14 ноября 1929 года арестован уполномоченным ОГПУ за антисоветскую агитацию. Осужден 03.01.1930. Обвинение: АСА. Приговор: 10 лет лишения свободы. Отбывал наказание в Вишерском лагере особого назначения. За распространение слухов, подрывающих Советскую власть, получил два года усиленного режима. Дальнейшая судьба неизвестна.

*ПермГАНИ Ф. 643/2 Оп.1. Д.28493.
Л.51,55. ГАПК Ф.Р-29. Оп.2. Д.8. Л.25.*

Русинов Алексей Елисеевич

Родился в июле 1894 г. в селе Ильинском. Закончил городское училище и педагогические курсы. Работал учителем.

Мобилизован в императорскую армию в январе 1915 года и отслужил в ней 3 года. В марте 1916 года отправлен на фронт. Окончил Казанскую школу прапорщиков.

В 1918 году работал в Ильинском военном отделе. Имел дружеские связи с офицерами 10-го кавалерийского полка братьями Ершовыми и поручиком Гагеном. После переворота ему предложили пост начальника милиции, но он отказался. 27 декабря 1918 г. мобилизован в Сибирскую армию в 1-й Пермский офицерский полк, после расформирования которого прослужил 9 месяцев в 16-й Пермской дивизии ротным командиром.

Отступал с войсками армии Колчака до Читы, а затем через Маньчжурию уехал во Владивосток.

*ПермГАНИ. Ф.643/2 Оп.1. Д.28493. Л.51,55.
ГАПК Ф.Р-29. Оп.2. Д.8. Л.54.*

Список лиц, служивших в 10-м кавалерийском полку

Вешняков Яков Васильевич

Родился в 1894 г. в деревне Салтыково, Верещагинского района, Уральской области. Окончил 2 класса сельской школы. В 1915 году был призван в императорскую армию. Летом 1918 года мобилизован в Красную армию в 10-й кавалерийский полк. Участник Ильинского восстания 24 декабря 1918 г. против

большевиков. Вместе с полком перешел на сторону Сибирских войск. Принимал участие в боях с Красной армией под Пермью. Отступал до Тюмени в составе 7 кавалерийского дивизиона 7 Степной Сибирской дивизии. С войсками генерала Г.А. Вержбицкого дошел до Читы. Воевал в Конно-егерском стрелковом полку у атамана Семенова, затем в Приморье с партизанами. Вместе с войсками генерала М.К. Дитерихса перешел в 1922 году в Китай. В феврале 1923 года вернулся на родину. Крестьянствовал.

Арестован 04.10.1937. Осужден 22.10.1937. Обвинение: пропаганда, АСА. Приговор: 10 лет лишения свободы.

ПермГАНИ Ф.643/2 Оп.1. Д.6749. Лл.18-20.

Вешняков Николай Васильевич

Родился в декабре 1897 г. в деревне Салтыково, Верещагинского района, Уральской области. Брат Яков. Окончил церковно-приходскую школу. С 1916 года по конец 1917 служил рядовым в Приморском драгунском полку в г. Пензе. В 1918 году крестьянствовал.

Во время Сепычевского восстания (18.08.1918 г.) ездил по деревням Усть-Бубинской волости и поднимал солдат и мужиков на поддержку сепычан. Организовал собрание в своей деревне, которое разогнали прибывшие из Зюкайки коммунары и военный комиссар волости Иван Токорев.

Мобилизован в Красную армию в 10-й кавалерийский полк. Участник Ильинского восстания 24 декабря 1918 г. против большевиков. Вместе с полком перешел на сторону Сибирских войск. Принимал участие в боях с Красной армией под Пермью. Отступал до Тюмени в составе 7 кавалерийского дивизиона 7 Степной Сибирской дивизии. С войсками генерала Г.А. Вержбицкого дошел до Читы. Воевал в Конно-егерском стрелковом полку у атамана Семенова, затем в Приморье с партизанами. Вместе с войсками генерала Дитерихса перешел в 1922 году в Китай. В феврале 1923 года вернулся на родину. Крестьянствовал. В сентябре 1929 г. работал в Перми разнорабочим на предприятии «Красный Октябрь».

Арестован 28.10.1929. Проживал: д. Усть-Мулянка, Уральская обл. Осужден 03.02.1930. Обвинение: АСА, КРД. Приговор: ВМН.

ПермГАНИ. Ф.2. Оп.1. Д.28515. Лл.1,44.

Кирьянов Тимофей Егорович

Родился 22 января 1892 г. в деревне Колобово (впоследствии Вожаковский сельский совет Пермско-Ильинского района Пермской области).

Служил в 10 кавалерийском полку командиром взвода. Во время Ильинского восстания 24 декабря 1918 г. был арестован, но так как несколько красноармейцев было расстреляно, то он присоединился к восставшим.

Арестован 28.10.1937. Проживал: г. Пермь. Осужден 05.12.1937. Обвинение: АСА, КРД. Приговор: 10 лет лишения свободы.

ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.10366. Лл.167-168.

Беляев Василий Иванович

Родился 30 января 1896 г. в деревне Хомутенники (впоследствии Осетровский сельсовет Пермско-Ильинского района Пермской области).

В 1918 году служил в 10-м кавалерийском полку. С июля 1919 года в карательном отряде Красносельского. Отступал до Мариинска вместе с отрядом. Служил в Красной армии с 1919 года по 1921 в 80-й бригаде 27-й стрелковой дивизии.

После демобилизации из Красной армии вернулся домой. Крестьянин середняк, работал плотником.

Арестован 27.10.1937. Проживал по месту рождения. Осужден 05.12.1937. Обвинение: АСА. Приговор: ВМН. Расстрелян 25.12.1937.

Желудков Григорий Карпович

Родился 2 сентября 1895 года в деревне Притыки Ильинского района Уральской области. Грамотный, крестьянин-середняк.

Служил в императорской армии рядовым. Был на Юго-западном фронте, в Румынии, с июня 1916 года по 28 февраля 1918 г. После демобилизации вернулся домой, крестьянствовал. Летом 1918 года призван в Красную армию в 10-й кавалерийский полк, в 5-й эскадрон. Участник Ильинского восстания. Участвовал в боях против Красной армии в составе полка зимой 1919 г.

Арестован 17.03.1933. Проживал по месту рождения. Осужден 16.05.1933. Обвинение: АСА, КРД. Приговор: 3 года лишения свободы условно.
ПермГАНИ Ф.641/1 Оп.1. Д.8076. Л.69.

Обухов Василий Семенович

В 1918 году служил в 10-м кавалерийском полку.

ПермГАНИ. Ф.643/2. Оп.1. Д.27978. Л.11.

Запольских Михаил Филиппович

В 1918 году служил в 10-м кавалерийском полку.

ПермГАНИ. Ф.643/2. Оп.1. Д.27978. Л.17.

Поносов Ефим Николаевич

Родился в декабре 1897 г. в деревне Малый Кокуй, Верещагинского района, Уральской области. Малограмотный, женат.

В 1918 году служил в 10-м кавалерийском полку.

ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп.1. Д.27978. Л.17.

Старков Иван Алексеевич

Родился в д. Большой Кокуй, Верещагинского района, Уральской области.

В 1918 году служил в 10-м кавалерийском полку.

ПермГАН Ф.643/2. Оп.1. Д.27978. Л.17.

Арапов Петр Тимофеевич

Родился в 1897 г. в деревне Кокуй, Верещагинского района, Уральской области.

В 1918 году служил в 10-м кавалерийском полку.

ПермГАНИ. Ф.643/2. Оп.1. Д.27978. Л.17.

Приложение 9

Лица, похороненные на Новом кладбище Перми, согласно метрической книге Воскресенской церкви

Константинов Виктор Михайлович. Пермской губернии, Соликамского уезда, Кувинской волости. Поручик, командир 10-го Уланского Ильинского кавалерийского полка. 32 года. Убит 24 декабря 1918 г. Погребен 18 января 1919 г. [Государственный архив Пермского края (ГАПК), Ф. 37. Оп. 6. Д. 1091. Л. 64об.-65].

Звигин Иван Васильевич. Костромской губернии, Макарьевского уезда, Нижне-Нейской волости. Прапорщик 10-го Уланского Ильинского кавалерийского полка, начальник хозяйственной части. 40 лет. Убит 24 декабря 1918 г. Похоронен 18 января 1919 г. [ГАПК, Ф. 37. Оп. 6. Д. 1091. Л. 64об.-65].

Костарев Иван Александрович. Пермской губернии и уезда, Верхне-Муллинской волости. 21 года. Кавалерист 10-го Уланского Ильинского кавалерийского полка. Убит 24 декабря 1918 г. Похоронен 18 января 1919 года. [ГАПК, Ф. 37. Оп. 6. Д.1091. Л. 64об.-65].

Гаген Федор Александрович. Поручик, командир эскадрона 10-го Уланского Ильинского кавалерийского полка. Убит в рукопашной схватке с 4 на 5 марта 1919 года, погребен 14 марта, 21 год. [Освобождение России (Пермь). – 1919. – 14 марта].

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В АЧИНСКО-МИНУСИНСКОМ РАЙОНЕ В 1920–1921 гг.

С победой над белыми Советская власть, с целью окончательного упрочения своего положения и сосредоточения в своих руках материальных ресурсов, организовало наступление на деревню. Ответом на политику военного коммунизма стало крестьянское повстанчество, которое в территориальных границах Приенисейской Сибири уже освещалось историками и самим автором¹.

Между тем литература, посвященная истории Гражданской войны, продолжает насыщаться упрощенными или неполными характеристиками крестьянского поведения. Так, например, некоторые из исследователей делают выводы о том, что на национальных окраинах борьба велась исключительно ради достижения независимости от России и за максимальное расширение территории, подконтрольной национальному режиму². Очередные искажения действительности, основанные главным образом на слухах и обывательских рассказах, содержатся и в появившейся двумя изданиями новой книге писателя Б.Н. Камова. Пытаясь оправдать проявления красного бандитизма, присущие А.П. Голикову (Гайдару), он объяснил их переживаниями участника проходившей здесь некоей, неизвестной историкам, масштабной и инициированной какими-то политическими силами «Хакасской войны», которую якобы вели хакасы во главе с И.Н. Соловьевым против русских коммунистов³.

Действительно, крестьянское повстанчество в Ачинско-Минусинском районе во многом определялось деятельностью Соловьева, казачьего урядника, участвовавшего в Гражданской войне на стороне белых и бежавшего из заключения, позднее сенсационно названного «императором тайги». Очевидцы оставили о нем такую портретную характеристику: «Соловьёв плотный, среднего роста... Худощавое лицо с копной русых волос, аккуратный рот, обрамлённый небольшой подстриженной бородкой и усами, закрывающими крепкие зубы. Улыбка на лице его была редкая гостья, а если появлялась – была неприятна для говорившего с ним, что-то ласково-хищническое было в ней»⁴. К осени 1920 г. Соловьёв объединился с шестью–девятью такими же беглецами из Красноярского концлагеря и улусов, в частности, с братьями И. и Е. Родионовыми, а также с неким «Антошкой-Чехом» и красноармейцем-дезертиром А. Смирновым, который принёс с собой пулемёт, и стал нападать на местную милицию.

Однако при всей ощущаемой для коммунистов деятельности Соловьева, в частности, в качестве «защитника хакасов», этот человек, длительное время являлся вожаком крупной, но лишь одной из многих «банд» и сумел объединить повстанцев под своим командованием только летом 1921 и 1922 г. Еще ранее здесь, в инородческом районе, где проживали 50 тыс. хакасов и 10 тыс. рус-

¹ См., например: Шекшеев А.П. «Мы в родной тайге, Соловьев, с тобой...» // Белая гвардия. Казачество России в Белом движении: Альманах. 2005. № 8. С. 256-263; он же. Крестьянское повстанчество на Енисее (1918-1932 гг.) // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 103-112; он же. Хасхылар: протестное поведение хакасов (конец 1919 – начало 1930-х гг.) // Российская история. 2009. № 2. С. 93-106; и др.

² См., например: Жуков Ю.Н. Гражданская война в России как широкомасштабный межнациональный конфликт // 1919 год в судьбах России и мира: широкомасштабная Гражданская война и интервенция в России, зарождение новой системы международных отношений: Сб. мат-в науч. конф. Архангельск, 2009. С. 179, 181.

³ Камов Б.Н. Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров. Спецрасследование. М., 2009. С. 389-549.

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1788. Оп. 1. Д. 76. Л. 46.

ских¹, началось повстанчество коренного населения, зафиксированное позднее даже западными источниками² и обусловленное издержками русской колонизации и появлением на территории их проживания красных партизанских отрядов, а затем и политикой военного коммунизма.

По свидетельству современников, состоявшееся во время революции и Гражданской войны знакомство с идеями сибирских просветителей и, в частности, будущего профессора Н.Н.Козьмина, «взбудоражило» хакасский народ и пробудило его самосознание. Но малочисленная хакасская интеллигенция не могла в полной мере решать проблемы, возникающие в связи с русской колонизацией, отстаивать экономические и культурно-национальные интересы коренного населения и в основном занималась его просвещением³.

Отсутствие соответствующих работников из числа коренного населения сдерживало и распространение Советской власти. Во власть выдвигались лица в силу своего знания русского языка. В отличие от русских деревень, где работа в советских органах расценивалась крестьянами в качестве обязательной повинности, отбываемой по очереди, в хакасских обществах, в силу присущей им социальной иерархии, её исполняли привычные для них фигуры развитых и зажиточных хакасов, которые зачастую саботировали решения Советской власти. Так, еще весной 1920 г. Минусинский уездный ревком назначил председателями нижестоящих органов в национальные волости хакасов, способных говорить и читать по-русски, но которые, как выяснилось позднее, были «первыми эксплуататорами сородичей».

Милиция в июле того же года сообщала своему руководству о том, что не только население инородческого района, но и председатели сельсоветов скрываются и не хотят выполнять распоряжения властей. Большинство хакасов-учителей вследствие того, что они в течение года не получали зарплату, а учительская работа стала малопривлекательной, отказались от профессиональной деятельности. Поэтому Минусинский совет был вынужден объявить буквально принудительную регистрацию учителей в советских органах.

Одновременно здесь циркулировали слухи о том, что на реке Ус, за Абазой и в верховьях р. Аскиз появились белые, прихода которых население с нетерпением ожидало. В августе 1920 г. властями отмечалось, что жители Усть-Есинской волости милиционерам, не владеющим хакасским языком, информацию о повстанцах не предоставляют, сведения же о их передвижениях, напротив, тут же сообщают в «банды». О «контрреволюционных» настроениях среди инородцев информировал власти начальник уездной милиции и в сентябре того же года⁴.

Вследствие слабости интеллигенции народные настроения вылились не в общенациональное антибольшевистское движение, а, согласно наблюдениям очевидцев, в форму «бандитизма», почти лишенного политического облика⁵. Под этим понятием в советское время скрывалось повстанчество, упрощенно объединенное с уголовной преступностью. Но, вопреки правовой терминологии, утвердившейся тогда в обществе, хакасы называли своего «бандита» «хасхы» («беглец»), а группу «бандитов» – «хасхылар» и видели в них прежде всего лиц, вынужденных бежать от преследования властей в тайгу, народных защитников и мстителей.

¹ Архивное агентство администрации Красноярского края (ААА КК). Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 152. Л. 8.

² The encyclopedia Americana. International edition. V. XVI. New York, 1964. P. 389.

³ Дацышен В.Г. Хакасская автономия на переломном этапе (к истории национального движения в первой половине 1920-х годов) // Хакасия и Россия: 300 лет вместе. Т. II. Абакан, 2008. С. 129; Кызласов Роман Афанасьевич. К 110-летию со дня рождения. Дневник (сентябрь 1920 – январь 1924). Абакан, 2007.

⁴ ГАНО. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 132. Л. 131; Муниципальное учреждение «Архив г. Минусинска» (МУАГМ). Ф. 25. Оп.1. Д. 35. Л. 153; Д. 237. Л. 60; Тотышев С.М. Учителство и школа Хакасии в условиях установления Советской власти (по новым архивным материалам) // Хакасия в XX веке: хозяйственное и социальное развитие. Абакан, 1995. С. 61.

⁵ ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 152. Л. 25.

Однако, свидетельствуя о том, что земельные распри, использование спекулянтами и чиновниками «робких и забытых» инородцев для лёгкого обогащения обострили отношения между ними и русскими «захватчиками», один из современников назвал инициаторами «бандитизма» все же «влиятельные, более культурные семьи (хакасов – А.Ш.), пограбленные партизанами, потрёпанные разверсткой, отодвинутые от власти». Скрывшись в тайге, они приступили к формированию «банд»¹.

Толчком к образованию «банд» инородцами послужило начавшееся во второй половине ноября 1919 г. наступление партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина на енисейское левобережье. Не прорвавшись в Урянхай и отстреливаясь, «белые» численностью в 350 человек вместе с семьями и имуществом отступили в таёжную местность и обмороженные, голодные вылавливались группами или сдавались. Но дальнейшее продвижение партизан стало затруднительным, т.к. у них не было проводника и лыж, а лошади в глубоком снегу не могли пройти. «Сюда необходимо силу хорошую и потом пройти всю проклятую татарву и загнать в Ачинский уезд», - пессимистически оценивая ситуацию, раздраженно сетовал партизанскому командованию в своем послании от 11 декабря 1919 г. командир Тальского полка А.М. Марченко².

С появлением партизан, которые дважды побывали в улусе Иресов, подвергнув его разграблению, первыми создали насчитывающий 20-30 человек отряд Майнагашевы. Но, совершив рейд по направлению Аскиз - Усть-Есь - Иудино, его участники с утверждением Советской власти разоружились. В марте 1920 г. сводными силами, состоявшими из 107 красноармейцев и милиционеров во главе с начальником одного из участков местной милиции Р.Э. Харью окружившими улус Майнагашевых, было проведено задержание некоторых членов этого рода. Заключенные в Минусинскую тюрьму и обвиняемые коллегией уездной чека в организации и деятельности «карательного» отряда, двое из них - видный учёный и общественный деятель Степан Дмитриевич и его брат Василий Дмитриевич 24 апреля того же года были приговорены к расстрелу, а еще пятеро Майнагашевых - к лишению свободы³.

С лета 1920 г. окрестности улуса Майнагашевых стали для представителей Советской власти местом постоянных засад. Их «банда», состоявшая из 8-12 человек, нападала на милиционеров даже уничтожала их. Посланный 10 декабря того же года отряд из 12 сотрудников милиции был встречен стрельбой и оказался не в силах её ликвидировать. Обозлившись, местные коммунисты постановили перевезти имущество мятежного рода в Аскиз, а его членам - сменить фамилию⁴.

Осенью того же года в Ачинско-Минусинском районе, наряду с "бандой" Майнагашевых, существовало множество мелких групп, успешно грабящих население, кооперативные и советские учреждения и исчезающих при появлении вооруженных представителей новой власти. К примеру, в сентябре 1920 г. милиция сообщала властям о том, что на территории Усть-Фыркальской волости Минусинского уезда появились «бродячие банды» численностью в 20-25 человек, похитившие двух милиционеров 3-го участка и скрывшиеся от погони в тайге. Проходя группами по 4-10 человек через Синявинскую волость, «бандиты» находили убежище в районе Большого Матура и в верховьях р. Аскиз. В октябре того же года у с. Малое Озеро был убит член местной комячейки, а в улусе Подкамень «банда», состоявшая из 30 человек, захватила 6 красноармейцев, но, ограбив их, отпустила⁵.

¹ Там же. Л. 8.

² Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИД-НИ КК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 641. Л. 82 – 83; Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1556. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

³ МУАГМ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 43. Л. 164; ААА КК. Ф. 1743 с. Оп. 1. Д. 740. Л. 6, 24.

⁴ МУАГМ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Л. 34, 48; Д. 70. Л. 6; Ф. 25. Оп. 1. Д. 92. Л. 54.

⁵ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Л. 40; Ф. 25. Оп. 1. Д. 35. Л. 153; Д. 130. Л. 130; ААА КК. Ф. Р. 49. Оп. 2 с. Д. 6. Л. 24.

Данные группы состояли в основном из подтаежной кызыльской и сагайской бедноты и немногих русских, легко объединяющихся в летнее время для выполнения определенных задач, и быстро, будучи конными, меняющих район дислокации, а зимой проживающих в улусах или группами в таежных землянках.

Еще одной повстанческой силой, возникшей под влиянием дискриминационных мер победивших коммунистов, стали так называемые «белые банды», которые появились на территории Хакасско-Минусинской котловины с возвращением домой бывших военнослужащих белой армии, или представляли сообщества лиц, пробивавшихся за границу. Такими, например, были «банды» подъесаула Фролова, полковника Михайлова, казака Медведева и поручика или хорунжего Занина. Согласно воспоминаниям бывшего сотрудника политбюро, Минусинск в 1920 г. «кишел заговорами», скорее всего мнимыми. Участники их имели связь с «белым королём» Заниным, поддерживаемым кулаками и неуловимым, одно имя которого «приводило в ужас крестьян». В сентябре того же года красноармейцы ВОХР изловили его и сообщников, а следом разоблачили «заговорщиков» в Минусинске и ряде селений уезда¹.

Осуществляя зачистку территории от остатков колчаковцев и сторонников их режима, бывшие партизаны, чекисты, вохровцы и милиционеры изымали у хакасов продукты и имущество. Так, например, выдавая себя за белых и конфискуя продукты и лошадей, разъезжал по улусам в районе рудников «Юлия», «Улень» и ст. Сон отряд Кормилина, расстрелявший 7 человек. Случалось, что уничтожению, с использованием провокации, подвергались жители целого селения. В октябре 1920 г. отряд ВОХР под командованием П.Л. Лыткина ликвидировал 34 хакасов из улуса Большой Арбат, заподозренных в «казацком бандитизме»².

Осенью 1920 г. под воздействием проработки и мобилизации крестьян в Красную армию в Ачинском, Канском и Красноярском уездах губернии возникли повстанческие отряды, которые под давлением правительственных войск были вынуждены отойти к территории инородческого района. Около 1500 человек двинулись в южном направлении, намереваясь прорваться в Монголию. 5 января 1921 г. 40 повстанцев из этой группы, вооруженные тремя пулеметами, появились в улусе Сыры Сейской волости и затем увезли награбленное имущество и продукты на 80 подводах в направлении Мальцевских приисков. Попутно они обстреляли отряд Енисейского пограничного полка, убив одного, ранив двоих, и захватили с собой четверых красноармейцев, а также председателя местной комячейки.

Пытаясь организовать оборону подведомственной территории, власти еще 21 января того же года объявили Минусинский уезд на военном положении. В ночь на 28 января один из повстанческих отрядов, вероятно, во главе с Базаркиным занял рудник «Центральный». В целом же на Мальцевских приисках сосредоточились до 500 повстанцев, в т.ч. 100 бывших офицеров и казаков, пополнившихся сотней инородцев³.

24 января из Минусинска для ликвидации этой «банды» вышел отряд 190-го полка ВОХР под командованием того же Лыткина, в котором насчитывалось 187 красноармейцев. Пройдя через лесные завалы, он соединился с посланными из Кузнецка 70 красноармейцами во главе с Ивановым. 27 января рота Гусева перекрыла пути отхода «банды», а остальные отряды 29-30-го - выбили повстанцев с приисков «Иннокентьевский» и «Николаевский». Сосредоточившись на руднике «Неожиданный», вырыв окопы и поставив на церковной колокольне пулемет, 90 повстанцев 31 января оказали упорное сопротивление наступающему противнику. Но 3 февраля после обстрела из 8 пулеметов и 15-

¹ Воинов Н., Лебедев И. Огненные годы. Красная армия в Сибири. Новосибирск, 1927. С.45-46; Ростовцев С.Н. Правоохранительные органы Минусинского уезда: прокуратура, милиция и ЧК (нач.ХХ в.) // Мартыановские краеведческие чтения (2005-2006 гг.): Сб. докл. и сообщ. Вып. IV. Минусинск, 2007. С. 63-64.

² Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006. С. 185-186.

³ ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170. Л. 2, 4; МУАГМ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

часового боя правительственные войска, потеряв 9 человек убитыми и 16 - ранеными, выбили «банду» из защитных сооружений и уничтожили 60 повстанцев. Сам Базаркин и 17 «бандитов» сумели бежать¹.

Другой повстанческий отряд под командованием подполковника или полковника Олиферова, совершив рейд из-под Красноярска через Обь-Енисейский канал в Томскую губернию, 5 февраля 1921 г. из Мариинского уезда вновь провалился в Енисейскую губернию. Потеряв в боях под Пичугино и Линево 80 человек убитыми и 60 - пленными, повстанцы 13 февраля вошли в с. Сорокино Ачинского уезда. Окруженная и утратившая еще 20 бойцов убитыми, «банда» в ночь на 14 февраля вырвалась и ушла в сторону с. Покровского и далее в Минусинский уезд².

К этому времени «1-й отряд им. Великого князя Михаила Александровича» насчитывал около 250 человек. 19 февраля они появились на курорте «Озеро Шира», где, арестовав обслуживающий персонал, изъяли деньги, медикаменты, разграбили товарно-продуктовую лавку, цейхгауз военного госпиталя, забрали лошадей и в качестве подводчиков привлекли местных крестьян и инородцев³.

Против повстанцев выступили части базировавшейся в Минусинске 64-й бригады ВОХР, коммунистические, милицейские и особого назначения отряды. Будучи уже дважды раненым, Олиферов в перестрелке, возникшей 21 февраля 1921 г. между членами комячейки с. Абаканского и повстанцами у д. Сон, оказался убитым. 26 февраля его отряд под командованием поручика Ерофеева появился в улусах Аскизского общества. Здесь повстанцы захватили 11 красноармейцев из продотряда уполномоченного Алексеева. Сам он с 7 бойцами провалился в Аскиз, но оставшиеся двое красноармейцев были зарублены и столько же - уведены «бандой». Пополнившись через день в районе Аскиза и Синявино повстанцами-инородцами, «банда» двинулась через Усть-Кандырлу на д. Уты, где захватила и зарубила двоих милиционеров⁴.

Преследование повстанцев от Аскиза осуществляла рота Лыткина. 27 февраля, решившись на перехват, часть его бойцов заняла с. Бея. Утром 28-го красноармейцы, установив пулеметы на сопках, окружающих Уты, начали бой, отстреливаясь от наступавших с флангов «бандитов». Подоспевший разведывательный отряд Гусева из 192-го полка открыл огонь по «банде» с тыла. Атака общими силами в метель заставила до 120 верховых повстанцев бежать из деревни. При этом отряд Лыткина потерял 5 человек убитыми, 15 – ранеными, а «банда» – 30 человек убитыми и 50 – ранеными⁵.

Путь в Урянхай для повстанцев оказался перекрытым. Однако они ушли в Усть-Есинскую волость, а 1 марта в улусе Картоев соединились с группой Майнагашевых. В Верхне-Аскизском обществе объединенная «банда» пополнилась 6 добровольцами с 18 лошадьми. На следующий день она вблизи улуса Усть-Чуль встретилась с преследователями - 60 красноармейцами 190-го полка ВОХР. В состоявшейся перестрелке погибли с обеих сторон по человеку, еще двое красноармейцев получили ранения. Лишь небольшая группа олиферовцев прошла через Урянхайский край в Монголию⁶.

Но, уничтожив крупные силы повстанцев, правительственные войска ликвидировать инородческие «банды», которые поддерживались обществом, оказались не в силах.

¹ Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее... С. 186.

² ААА КК. Ф. 448. Оп. 2. Д. 256 д. Л. 27-29.

³ Елисеенко А., Мармышев А. Забытый ледяной поход // Сибирский исторический альманах. - Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С. 150; МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 334. Л. 51.

⁴ Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее... С. 447; ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170. Л. 11; МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 169. Л. 40; Д. 225. Л. 53; Д. 334. Л. 16.

⁵ Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее... С. 187; МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 225. Л. 53; Д. 334. Л. 16.

⁶ Елисеенко А., Мармышев А. Забытый ледяной поход. С. 151; МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 334. Л. 16.

С конца 1920 г. активнее стали действовать Майнагашевы. Отряд их, увеличившись до 80–100 человек, из Аскизско-Таштыпского райончастично перешел в Бейскую волость. Группа численностью в 53 человека подступала к волостному селу Бея, но, ранив 5 милиционеров и потеряв 3 членов убитыми и 2 - пленными, отошла. Преследование повстанцев в районе улусов Бейка и Усть-Кандырла отрядом Лыткина в феврале 1921 г. результатов не принесло¹.

В апреле 1921 г. отряд «ударника» Соловьева, порой для обмана красноармейцев использовавший красные ленты и звезды, вырос с 30 до 85 человек. Против него, действующего в районе с. Соленоозерного, выступила рота 353-го полка численностью в 100 штыков под командованием комбата Монахова. Но поиск их оказался безрезультатным².

Появление вслед за повстанцами в местностях, заселенных хакасами, воинских частей 64-й бригады ВОХР, отрядов милиции и коммунистических ячеек было встречено населением со страхом, настороженно или враждебно. Так, еще в январе-феврале 1921 г. управленцы и милиционеры, побывавшие в инородческом районе, сообщали минусинскому руководству о том, что хакасы «страшно запуганы», «обижены» и возмущены действиями милиции и проходивших воинских отрядов, которые, угрожая оружием, проводили незаконные обыски и отбирали у них имущество и лошадей. Однако ощущение враждебности не было для хакасов постоянным и охватывающим всё их общество. К примеру, состоявшаяся 27 января 1921 г. Аскизская беспартийная конференция высказалась за активное проведение борьбы с «бандитизмом».

В то же время местные власти, обвиняя в своих неудачах мирное население, карали лиц, оказавших помощь повстанческим отрядам, не останавливаясь перед простыми и экзотическими способами массовой смертной казни. Так, по приказу председателя Кызыльского волисполкома А.А. Тартачакова в улусах Малое и Чёрное Озеро расстрелу, давлению подверглись от 23 до 28 хакасов, на которых пало подозрение в снабжении олиферовцев оружием и продуктами. В июне 1921 г. в озёрах у с. Божье Озеро и Парная всплыли восемь трупов, опознанные жителями как односельчане, исчезнувшие ещё зимой. В одном из документов сообщалось, что местные управленцы в водоёмы «загнали» и утопили до ста человек коренного населения³.

За «бандой», насчитывающей до 60 членов, безрезультатно гонялись воинские силы численностью в 500 человек. Передвигаясь по улусам Кызыльской волости и требуя в кратчайшие сроки выдать повстанцев, коммунистические и милицейские отряды во главе с Переваловым, Ковригиным, Дзерво, Монаховым, Сервиным, Будисом, Черепановым и Чуприным весной 1921 г. совершили множество преступлений против населения.

Распространяя слухи о нахождении в каком-либо селении «банды», они врывались в него, подвергая жителей арестам и расстрелам, а затем «самоснабжались», разграбляя их имущество. К примеру, в Белом Балахчине старший милиционер с. Чебаки А. Кукарцев и помощник начальника милиции 8-го участка Ачинского уезда А.Ильин удавили бывшего дружинника С. Ачисова. 16 или 17 апреля в улусе Малый Топанов А.Е. Ковригин за неповиновение застрелил Ф.П. Топанова. 2 мая красноармейцы из отряда Монахова зарубили Н.Балахчина, жителя одноимённого улуса. Находясь 3 мая в улусе Сулеков и расположив штаб отряда в доме И. Чарочкина, командир Сервин потребовал у хозяина винтовку и 80 руб. золотом. Когда же получил отказ, то, несмотря на просьбы матери, расстрелял её сына. Ободренные примером начальника, красноармейцы пошли по селению, конфискуя понравившееся имущество, денежные знаки и срывая с рук у жителей золотые и серебряные кольца. То же самое имело место и в соседнем улусе Агаскыр. 11 мая командир отряда Будисиз 2-й

¹ МУАГМ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Л. 48; Ф. 25. Оп. 1. Д. 334. Л. 16; ААА КК. Ф.Р.-49. Оп. 2 с. Д. 2. Л. 55.

² МУАГМ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 119. Л. 144; Ф. 25. Оп. 1. Д. 334. Л. 69.

³ ААА КК. Ф. 448. Оп. 2. Д. 256 б. Л. 14; Д. 256 е. Л. 16; ГАНО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 151. Л. 53; ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170. Л. 88; МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 262. Л. 8.

роты 353-го полка, будучи в улусах вблизи озера Шира, стрелял по столбам и юрте, организовал в улусе Аёшин обыск в доме В.Д. Кокова. Забрав ценные вещи, красноармейцы увезли его в сторону курорта и по дороге убили. С оставлением отрядом М.Х. Перевалова Саралинского улуса его жители 19 мая так и не смогли собраться для обсуждения жизненных вопросов: с ближайшей горы по ним стрелял оставленный пулемет. Население было вынуждено на время разъехаться по другим селениям. Когда же 20–21 мая переваловцы вернулись в улус, то они ограбили несколько домов.

Этими людьми уничтожались не только непокорные инородцы, но и русские свидетели преступлений. Так, по дороге между улусами Подкамень и Секта был обнаружен труп С.А. Потехина, шарыповского жителя и бывшего тестя Перевалова, убитого начальником горной милиции Г.Д. Черепановым.

Возмущенные бесчинствами военных, милиционеров и коммунистов, инородцы стали собираться на сходы. 15 мая состоялось собрание Подкаменского общества Кызыльской волости в составе 21 члена с участием приехавших ревизора Ачинского уездного исполкома Панова и его члена и заведующего национальным отделом Маеркова. На нем, проходившем под председательством А. Янгулова, съехавшиеся из окрестных улусов жители жаловались, что они «запуганы действиями отряда Ковригина», и призвали так называемых «бандитов» вернуться домой. 18 мая общественный сход был организован и в улусе Аёшин Усть-Фыркальской волости. Его участники потребовали возвращения 47 лошадей из отрядов Дзерво и Ковригина. Как выяснилось, и в улусах Малый Топанов, Малый Кобежиков, Ефремкино и Трошкино красноармейцы изъяли еще 30 лошадей¹.

Вооруженное насилие представителей Советской власти в силу распространенного мнения о том, что хакасы в 1918-1919 гг. поддерживали белых, не всегда вызывало быструю и адекватную реакцию её органов. В отсутствие осуждения со стороны властей оно заставляло хакасов искать укрытия в тайге и там налаживать там свой жизненный уклад, что механически превращало их в «бандитов». На сторону повстанцев вскоре перешли и саралинские коммунисты-инородцы.

Поэтому Панов и Маерков проводили в улусах большую агитационную работу, склоняя их жителей к мирному разрешению конфликта с правительственными отрядами. Одновременно они, несмотря на запреты, искали возможность договориться с «бандитами» об их добровольной сдаче. 25 мая в улусе Теплая Речка трое советских представителей, проведя в «банде» восемь часов, вели переговоры с повстанческим вожаком Соловьевым, который после этого стал ожидать результатов собираемого инородческого съезда².

Действия отрядов обострили отношения между аборигенами и русскими настолько, что их обсуждению был посвящен собравшийся по инициативе Панова и Маеркова «объединённый» съезд ачинских и минусинских инородцев. Он состоялся 5 июня 1921 г. в улусе Тартачинском Кызыльской волостив составе 110 делегатов и проходил под председательством Г.П.Маеркова и с приглашением чебаковских коммунистов и военных. Съезд рассмотрел резолюцию, предложенную Пановым, «поднявшую», согласно его воспоминаниям, «дух собравшихся». Они единогласно постановили с целью обособления от русского населения создать для проживания исключительно инородцев в Минусинском уезде (по другой версии, с выделением из Ачинского и Минусинского уездов – А.Ш.) новую Чёрно-Подкаменскую волость с собственной милицией, находившейся под руководством 25-летнего коммуниста П.С. Чарочкина. Участники съезда просили Советскую власть помочь голодающему населению, а изъятых отрядами лошадей вернуть их хозяевам.

К повстанцам Соловьева была отправлена комиссия, которая привезла им воззвание со следующим текстом, утвержденным на съезде: «Просим выйти домой, ручаемся, что не выдадим в руки лиц, творящих самосуды. Разо-

¹ ААА КК. Ф. 448. Оп. 2.Д. 256 б. Л. 18, 23 об.; Д. 256 е. Л. 3, 5, 26-27, 29.

² Там же. Д. 256 б. Л. 16, 23, 27.

ренные хозяйства будем восстанавливать общими силами. Просим власть вернуть конфискованное имущество. Создадим конную инородческую милицию, чтобы не было издевательств и беззаконий со стороны русской милиции. Если вы не выйдете, власть будет держать здесь отряды, а они творят беззаконие. Умоляем первыми положить конец всему. Съезд ходатайствует перед властью, что первая инородческая милиция будет состоять из белых партизан. От себя назначить командиром Филиппа Карачакова, его под начало Чарочкина и Аргу-даева»^{*1}.

Данное воззвание, распространенное в Кызыльской волости, с удовлетворением было воспринято населением повстанцами. Сразу же из тайги вышли пятеро человек, но двое из них были расстреляны в Сарале, что подорвало доверие инородцев к Советской власти.

Однако не только Панов телеграфировал в Ачинский уисполком о безобразиях милиционеров и коммунистов, но и они обвиняли его и Маеркова в самовольном осуществлении переговоров с Соловьевым, которые, к тому же, приостановили начавшие якобы успешно развиваться военные действия. С приездом в инородческий район начальника Ачинской уездной милиции П.Е. Пруцкого, еще раз запретившего Панову его инициативы, в Саралу и Теплую Речку были без предупреждения об окончании переговоров направлены коммунистические отряды Перевалова, Мешкова и Ковригина. Участники этого рейда, собрав жителей подтаежного улуса Теплая Речка, пригрозили им, что, «если не поймаете бандитов, убьем и спустим по Сарале, а дома сожжём».

Поэтому сдавшиеся было 12 «бандитов» тут же вновь ушли в тайгу, а оголодавшие повстанцы разграбили 80 пудов муки, предназначенной рабочим Иоанновского рудника. Представитель «банды» извинился перед властями за этот поступок, сообщив им, что он произошёл без ведома Соловьева и будет им расследоваться.

16 июня Панов в своем послании в президиум Ачинского уисполкома уверял товарищей, что «банда» выполнила бы постановление инородческого съезда. Называя инородцев «детьми природы», не знавшими просвещения и с детства воспитанными в страхе перед русским человеком, Маерков в письме от 18 июня 1921 г., направленном в Сибнац, объяснял, что вина за создавшуюся ситуацию всецело лежит на русских, создавших вооруженные коммунистические ячейки, которые начали аресты и избиения инородцев. Для того, чтобы ликвидировать «бандитизм», он просил утвердить постановление съезда, убрать из инородческого района вооруженные силы, разоружить местных коммунистов и прислать «мусульманскую» группу в 25 человек. После этого письма отряд Перевалова, насчитывавший 60 бывших партизан, был распущен².

Между тем, несмотря на то, что 13 июня 1921 г. с целью расследования преступлений в инородческий район была командирована К.А. Васильевская, член Минусинской чрезвычайной следственной комиссии, грабежи и убийства здесь продолжались и далее. 27 июля 1921 г. отрядом Гусева был разграблен улус Малый Тайдонов. Тогда же, по приказу командиров Ковригина и Елизарьева, коммунистами и красноармейцами вблизи улуса Половинка был убит М.П. Итыгин, а в д. Парная – трое крестьян³. Весна – осень 1921 г. здесь оказались, как и в целом в Сибири, временем максимального распространения красного бандитизма.

К этому времени обозначились и отрицательные последствия принятия чрезвычайных мер в проводимой Советской властью продовольственной и налоговой политике. Согласно более позднему официальному признанию, инородческий район в основном являлся потребляющим. Так, из 7 его волостных единиц в Синявинской и Усть-Фыркальской волостях население хлеб не произ-

* Здесь и далее орфография подлинника сохранена.

¹ Там же. Д. 256 б. Л. 25.

² Там же. Д. 256 б. Л. 16, 27, 42, 53; ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 42. Л. 14.

³ ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 271. Л. 83; ААА КК. Ф. 448. Оп. 2. Д. 256 в. Л. 20; ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 140. Л. 15.

водило и соответственно его не заготовливало. Поэтому тяготы выполнения хлебного задания были возложены сугубо на плечи жителей Аскизской, Усть-Есинской и Бейской волостей. Продовольственный налог с населения Усть-Фыркальской волости взимался Абаканским и Новоселовским районными продовольственными комитетами, что дезориентировало неграмотных сдатчиков и привело к их обиранию. В заготовительную кампанию 1920/1921 г. инородческие волости сдали сравнительно с районами, заселенными русскими крестьянами, не так уж много продуктов: 318, 1 тыс. пудов хлеба, 10,0 - говядины, 24,1 - баранины и 221 пуд свинины, что составляло к плановому заданию по зерновой продукции 70,1 и по мясу 82,0 %¹.

Однако более масштабное взимание продразверстки в соседних местностях заставило уклонявшееся от её выполнения русское крестьянство, несмотря на неоднократное запрещение властями самовольных захватов хакасских земель, вселяться в инородческие общества или использовать их пашни и покосы в своих целях. Так, в Аскизском обществе появились 5, в Базинском - 3 и в Утинском - 7 семей русских новоселов, которые начали просить земельного обеспечения. Жители д. Новокурской Бейской волости захватили 15 покосных наделов у Летниковского общества, оставив инородцев без сена. Крестьяне с. Иудино засевали 280 десятин пашни, изъятых ими в Кандырлинских обществах.

Поэтому 18 марта 1921 г. Минусинский уездный исполком поручил своему отделу разработать проект приказа, еще раз воспрещающего захватные действия русских крестьян, а 22-го - постановил этот приказ издать и разослать в инородческие волости. Но затем данный документ, как сообщал очевидец, был по ходатайству земельных захватчиков аннулирован. Более того, пришлые люди на новых участках не делали поскотин и не огораживали пашни, а за потраву задерживали инородческий скот. Все чаще возникающие конфликты между хакасами и русскими заставили отдел управления Енисейского губисполкома 27 мая того же года обратиться в Минусинский уездный исполком с предложением принять самые строгие меры по приостановлению этих захватов и приказать волисполкомам объявить русскому населению пристанционных поселков строящейся Ачинско-Минусинской железной дороги и Черногорских копей о запрете использования чужих земель². В реальной же жизни тихая земельная экспроприация так и не была искоренена.

Взимание продразверстки, а затем и продналога привело к тому, что из-за постоянного недоедания среди хакасов стали распространяться тифозные заболевания. Заготовки скота сопровождались его гибелью и резким ухудшением отношения населения к коммунистическому режиму. Очевидец, совершивший поездку по уезду, 15 мая 1921 г. писал минусинскому руководству: «Проехав обе стороны р. Абакан, пришлось наблюдать картину полного разрушения; широчайшие степи пестрят усыпанными трупами павших лошадей и скота, всюду зловоние... Настроение инородцев в полном смысле антиправительственное... Народ уезда доведён до высшей степени напряжения против действия райпродорганов»³.

К тому же, местные власти потребовали сдачи хакасами охотничьего оружия, что лишило таёжников основного промысла, использовали молодёжь на лесоповале, потворствовали правоохранительным органам в расстрелах добровольно сдавшихся повстанцев и заложников, а бедноте – в сведении личных счётов с «классовыми врагами».

Такая политика и действия представителей Советской власти способствовали распространению протестного поведения хакасов. Население поддерживало повстанцев не только снабжением их необходимыми сведениями. Например, в мае-июне 1921 г. по управленческим каналам сообщалось, что в Аскизской волости «кормится» у населения «банда» в 40 человек. Случалось, что

¹ ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 152. Л. 17.

² МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 12. Л. 270-271, 299, 305-306.

³ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 119. Л. 31; Ф. 25. Оп. 1. Д. 334. Л. 76.

хакасы мстили своим обидчикам из числа представителей власти и русского населения. Так, 18 мая 1921 г. с. Вершина Большого Бора Сейской волости, переселенческое население которого, сообщив красноармейцам о появлении 5 «бандитов», было виновно в их гибели, оказалось окруженным группой из 23 лиц в основном хакасской национальности. Выгнав жителей из домов и заключив мужчин под караул, они потребовали указать доносчиков, избили некоторых из них, ограбили село и пригрозили за повторное поведение сжечь его и вырезать население¹.

Тогда как некоторые представители Советской власти в Кызыльской волости осуществляли переговоры с Соловьевым, в других местностях они подвергались нападению. Так, 5 июня пятеро «бандитов», появившихся в Усть-Таштыпе, убили председателя сельсовета Чудогашева и секретаря Ваницкого, похитили документы и 90 тыс. руб. Вблизи с. Усть-Есь двое милиционеров отстреливались от «бандитов». Собравшись сообществом в 40 человек, инородцы намеревались сжечь местный ссыпной пункт. Из-за соседства с «бандами» Усть-Есинский волостной комитет РКП(б) и управление милиции были вынуждены эвакуироваться в Усть-Сос².

В июне 1921 г. «банда» Соловьева в районе Ужура грабила селения, забирая у жителей одежду, лошадей, и избивала коммунистов. Повстанцы численностью в 60-70 человек во главе с двумя офицерами посетили улус Аёшин, а затем на руднике «Юлия» расстреляли помощника начальника промышленной милиции Редькина и разоружили милиционеров³.

Наряду со «старыми» «бандами», в инородческих волостях милицией было зафиксировано появление новых образований, насчитывающих от 5 до 25 членов. Только в одной, Синявинской волости, ежедневно стали возникать и менять стоянки группы по 5–7 инородцев⁴.

Продолжавшееся повстанчество уже выливалось в захваты промышленных предприятий и крупных селений. 22 мая 1921 г. отряд Майнагашевых, состоявший из 35 человек, совершил набег на приисковый поселок Узунжуйль, где ими был убит советский работник. Напуганные рабочие стали покидать рудник. Ровно через месяц 50–60 повстанцев во главе с И. и Л. Майнагашевыми окружили волостное село Синявино. Находившиеся здесь 10–11 красноармейцев отказались сдать оружие и прорвались, потеряв трёх лошадей. За два часа нахождения в селе повстанцы разгромили советские учреждения и помещение, где заседала комячейка. Они упорно искали для расправы волостного инспектора Терещенко, прятавшегося под амбаром, доску же с надписью: «Да здравствует рабоче-крестьянская власть!» истыкали штыками так, что отломали от неё кусок. Документы и склад казённого сена в 3 тыс. пудов были сожжены, а из кассы волисполкома похищены 40 тыс. руб. денежных средств⁵.

16 июля 20 соловьевцев конфисковали лошадей в улусе Ворота Усть-Фыркальской волости, а в ночь на 26-е - совершили набег на с. Батени, где уничтожили телеграфные аппараты⁶.

Но вскоре вновь выдвинутые в инородческий район пограничные и внутренней службы войска начали одерживать победы над повстанцами. 10 или 12 июня отряд Гусева в районе улуса Сартачуль, действуя в конном строю, наступил и изрубил до 20 «бандитов», захватил 30 винтовок, лошадей с седлами, два воза продуктов и мануфактуры, а также соловьевскую канцелярию. В Усть-Есинской волости два взвода из пограничной бригады при столкновении с «бандой» убили пятерых её членов, а 15 - захватили в плен. 1 или 2 июля вблизи улуса Костино состоялся бой 112 повстанцев Соловьева с отрядом Виноградова, длившийся 11 часов. «Банда» потеряла убитыми 4, ранеными 8 человек,

¹ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 225. Л. 255; Д. 304 а. Л. 20.

² Там же. Д. 304 а. Л. 18 - 20.

³ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 119. Л. 23, 167.

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ Там же. Л. 23; Д. 128. Л. 104; Ф. 25. Оп. 1. Д. 225. Л. 172; Д. 304 а. Л. 16.

⁶ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 304 а. Л. 4.

но при этом погибли четверо милиционеров и повстанцами был захвачен пулемет «Шоша». На следующий день отряд Лыткина, потеряв одного красноармейца убитым и троих ранеными, выбил «банду» из с. Марьясово. При этом двое повстанцев оказались погибшими, а сам Соловьев - легко раненым.

В том же месяце находившиеся в районе с. Синявино «банды» понесли большие потери: 15 повстанцев погибли, в т.ч. и поручик Ерофеев, 4 - были захвачены, а 60 - сдались. Среди красноармейских трофеев оказалась и печать «1-го отряда им. Михаила Александровича». Вследствие этого «банда» Майнагашевых уменьшилась со 100 до 30 членов. Оставшиеся в живых 18-20 бывших олиферовцев перешли в отряд Соловьева¹.

Вероятно, представляя выступления инородцев в качестве обычной уголовщины и не считая их политически опасными, чекистское руководство в очередной раз дезинформировало партийно-советские органы, заявляя об отсутствии к июню 1921 г. на территории Енисейской губернии каких-либо «банд». Лишь летом того же года здесь, согласно наблюдениям спецслужб, появились пришедшие из Монголии разведки, а к августу, то есть к наступлению белых из-за границы, в Ачинском и Минусинском уездах вдруг образовались семь «банд» якобы численностью в 900 членов во главе с полковниками Ткачёвым, Недельским и поручиком Ерофеевым, а также отряд Соловьева, в котором находилось до 650 человек².

Между тем, ситуация становилась все более драматической. Недовольные Советской властью хакасы уходили в горы или тайгу. К примеру, за ночь в июне 1921 г. улусы Сейской волости покидали по 3-7 человек. В одном из документов губернских органов отмечалось: «С приходом в Сибирь советской власти, несмотря на её благожелательную политику к национальным меньшинствам, взаимоотношения между русскими и туземцами... обострились... В результате многие из инородцев, побросав свои хозяйства, начали уходить в тайгу, и у большинства из них появилась даже мысль перебраться в родственный им Урянхайский край»³. Вместе с мужчинами в труднодоступные места уходили женщины, которые являлись не только соучастниками вооруженной борьбы и ограблений, но и организаторами и хранителями семейного быта.

Наконец, обеспокоенные власти, в лице Енисейского губернского исполкома, для выяснения причин «бандитизма» в инородческом районе и ознакомления с нуждами хакасов в начале июля 1921 г. создали чрезвычайную полномочную комиссию из представителей советского, партийного руководства губернии и военного командования. 4 июля её председатель Г.И. Итыгин и члены В.С. Коган, А.Н. Пиллов и Д.Д. Плау в сопровождении 60 красноармейцев отбыли из Красноярска в Минусинск. Позднее, 30 июля Минусинским уездным исполкомом был назначен пятый член комиссии М.Степанов, присоединившийся к ней 3 августа в Усть-Фыркале.

Ко второй декаде июля комиссия прибыла в инородческий район, где, выявила массу жалоб со стороны населения на деятельность всяческих отрядов. Например, в с. Бородино и Усть-Биджа красноармейцы 2-й роты 440-го полка, обыскивая дома жителей, забирали имущество, «вплоть до рубашки». Позднее, побывав на собрании населения с. Божье Озеро, комиссия узнала о всплывших трупах людей, сброшенных по приказу Кызыльского волисполкома в прорубь, и рассмотрела 23 заявления о расхищении красноармейцами седел и лошадей.

Собрав коммунистов в Аскизе и Усть-Еси, комиссия выяснила причины протестного поведения коренного населения. По мнению Итыгина, высказанному в письме губернским товарищам от 31 июля 1921 г., они заключались в

¹ ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 10. Л. 191, 207, 312, 315; МУАГМ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 119. Л. 144.

² *Шишкин В.* Находка в партийном архиве (И. Павлуновский. Обзор бандитского движения по Сибири с декабря 1920 г. по январь 1922 г.) // *Земля Сибирь.* 1992. № 4. С. 65.

³ МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 304а. Л. 6; Отчет Енисейского губернского экономического совещания Совету Труда и Обороне с мая по октябрь 1921 г. Красноярск, 1922. С. 290.

преступных действиях милиции, бывших партизан, возжелавших грабить инородцев. Согласно его представлениям о мотивах местного «бандитизма», он разделял его на принципиальную борьбу с властью большевиков, на действия, вызванные притеснением инородцев отдельными представителями Советской власти, и, наконец, на бегство в тайгу дезертировавших по разным причинам с лесозаготовок молодых трудармейцев. Для улучшения ситуации Итыгин считал необходимым переформировать на выборных началах два участка милиции, разоружить старые и создать новые комячейки, усилить партийную работу в деревне, прекратить заселение хакасских земель русскими, изжить национальный антагонизм, удалить из состава советских служащих уголовные элементы и бывших партизан и, наконец, определить на постоянной основе «воровские» улусы Сыры и Базу воинские части¹.

Организованные комиссией волостные съезды-конференции имели большое значение для налаживания отношений между властью и населением. Обратившись 10 июля к одной из «банд» с предложением сдаться, Усть-Есинский волостной съезд тем самым способствовал выходу из тайги 15 повстанцев. На Аскизской волостной конференции 18 июля около 100 её участников заслушали доклад Итыгина о советском строительстве и борьбе с «бандитизмом». Выступая вслед, добровольно вышедший из тайги известный кооператор И.В.Барашков сообщил о том, что был вынужден 14 месяцев скрываться, т.к. ему, не разделявшему взгляды коммунистов, угрожали самосудом аскизские милиционеры. Однако он, общаясь с повстанцами, которые якобы выступали за монархическое устройство общества, по этой причине не вступил в «банду», а в последнее время стал убежденным сторонником РКП(б) и даже доставлял и читал в улусах коммунистическую литературу и газеты. Барашков советовал собравшимся «держаться Советской власти» и закончил свою речь призывом: «Да здравствует власть трудящихся!». Разъяснив присутствующим, что только что выступивший товарищ не является «бандитом», Итыгин также призвал их «жить дружно, оставить вражду с русскими»².

Сложившиеся обстоятельства и появление в инородческом районе комиссии способствовали переходу к мирной жизни и Майнагашевых. Получив гарантию сохранения жизни, десять повстанцев, в т.ч. семерочленов этого рода, 19 июля в улусе Соскин сдались властям. Некоторое время они, будучи амнистированными, проживали в Красноярске. Судьбой их постоянно интересовалось инородческое население.

Забегая вперед, скажем, что не пожелавшие сдаться Л.Г.Майнагашев и К. Чертыков 7 декабря 1921 г. при преследовании смертельно ранили милиционера, но и сами были убиты. Для сторонников же Советской власти Майнагашевский улус продолжал оставаться «злым» местом и в дальнейшем: 28 декабря того же года здесь был ранен проинспектор Зайцев³.

Вслед за Барашковым и братьями Майнагашевыми к концу июля сдались около 100 одиночек. С целью ликвидации проявлений красного бандитизма в Аскизе начала действовать выездная сессия ревтрибунала. В качестве судей на её заседаниях выступали В.С.Коган, А.Н.Пилов и Д.Д.Плау, обвинителем - Итыгин, а защитником - Барашков. Сессия приговорила к расстрелу, впоследствии замененному 10 годами лишения свободы, двоих милиционеров-насильников. На слушания, проходившие на хакасском языке, съезжались инородцы из окрестных селений, что имело важное значение для умиротворения населения⁴.

Затем комиссия приступила к организации переговорного процесса с повстанцами. С этой целью 4 августа она прибыла в Чебаки и послала имвоззвание, в котором сдавшиеся объявлялись «свободными гражданами». Обнаружив разгильдяйство в учреждениях, комиссия провела с коммунистами, ко-

¹ ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 152. Л. 25; МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 262. Л. 8.

² МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 225. Л. 170.

³ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 120. Л. 21; Д. 128. Л. 234; Ф. 25. Оп. 1. Д. 327. Л. 188.

⁴ ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 152. Л. 25.

торые, находясь длительное время «под винтовкой», не имели возможности и желания просвещаться, партийный инструктаж. Собравшиеся на сход жители сочувственно восприняли деятельность комиссии и решили принять «бандитов» как равноправных граждан и помочь им в налаживании разрушенного хозяйства.

На следующий день с приходом трех представителей «банды» Кулакова было проведено собрание местной комячейки. Пятеро её членов отправились с воззванием уже к Соловьеву. 6 августа после получения письма от повстанческого вожака, в котором он соглашался на встречу, Итыгин, Маерков и Стаханович в сопровождении 10 красноармейцев отбыли в Саралу и посетили стоянку «банды». Как потом со слов очевидцев свидетельствовал в своем докладе минусинскому руководству Степанов, соловьевский штаб состоял из «русских, еврея, инородцев, чеха, двух ижевских рабочих и офицеров», а возглавлялся штабс-капитаном Суховетровым. Этот «Черный Интернационал», имевший «вид затравленных зверей, все время озирающихся», воспринял информацию Итыгина о положении в стране и целях переговоров положительно. Но к предложению сдать повстанцы, заявив о принадлежности одного из членов комиссии к спецслужбам и обвинив другого в том, что переговоры с его участием уже заканчивались окружением «банды», отнеслись недоверчиво. В конечном итоге стороны все же договорились о сдаче повстанцами оружия, приурочив её ко дню проведения инородческого съезда, но с условием семидневной отсрочки. 7 августа советские представители вернулись в Чебаки.

Здесь к этому времени уже побывал считавшийся помощником Соловьева Кулаков со своим сопровождением. Переговоры с Кулаковым, который, по наблюдениям очевидцев, был склонен выйти из тайги, вели Степанов и Стаценко. Выслушав его уверения в том, что инородцы сдадутся независимо от решения Соловьева и даже ликвидируют его в случае сопротивления, члены комиссии по просьбе Кулакова дали ему три дня для созыва всех беглецов и определили один из улусов в качестве места встречи и проведения съезда¹.

Обсудив события и будучи обнадеженными происходившим, члены комиссии решили провести съезд в улусе Подкамень 9 августа, т.е. ранее намеченного срока семидневной отсрочки, и сообщили об этом в «банду». В этот день комиссия в сопровождении 50 человек охраны прибыла в Подкамень, где её ожидали 80 повстанцев, из которых 60 являлись инородцами, во главе с Кулаковым. Отдав половину селения в распоряжение комиссии, повстанцы общались с красноармейцами, рассказывая, что им надоело жить в тайге, но они боятся мести со стороны вооруженных коммунистов. Отплясывая «Сибирскую», красноармейцы и повстанцы ожидали приезда Соловьева, без которого переговоры не могли состояться. Но вскоре Кулаков, сославшись на то, что не может обременять постоем местное население, выехал из улуса, а Соловьев, находившийся в Сарале, прислал письмо, в котором запросил комиссию указать причины срочного созыва съезда и сообщил, что приехать на него, объявленного без согласования с ним, он не может².

Поняв, что переговоры далее не состоятся, комиссия 10-11 августа посетила селения Костино и Божье Озеро, где вновь выслушала массу жалоб жителей на мародёрство красноармейцев, а 12-го - прибыла в Ужур и прекратила свое существование³.

Но запущенный комиссией механизм продолжал действовать. 4 августа в Синявино и Абазе сдались четверо, на 5-е только в Усть-Есинской волости – 70, 11-го в Костино - двое, 13-го в Ужуре - еще столько же «бандитов». В ночь на 15 августа в ужурскую милицию пришли сдаваться шестеро человек, из них двое инородцев сложили оружие сразу, а четверо русских расспраши-

¹ МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 262. Л. 4-7.

² Там же. Л. 7-8; ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 11. Л. 14.

³ МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 262. Л. 8.

вали об условиях сдачи и, пообещав привести еще 20 повстанцев, исчезли. Общая же численность лиц, вернувшихся к прежнему мирному существованию, вскоре составила 150 человек¹. Но переговоры из-за недоверчивого отношения к ним со стороны коренного населения так и не привели к его полному замирению.

Отчитываясь о деятельности комиссии, Итыгин сообщил партийному руководству губернии, что итогом её стала мирная ликвидация в южных местностях не только отдельных «банд», но и почвы для их распространения².

К этому времени несколько утратило свое ведущее положение среди соловьевцев бывшее офицерство. Привлеченный для обоснования политических целей борьбы, прапорщик Энштейн был захвачен правоохранительными органами. Разочаровавшись в повстанчестве с его слабой дисциплиной, пятеро офицеров в сентябре 1921 г. вернулись в кузнецкую тайгу, а 10 - продолжили путь в Монголию. Раненый еще в конце 1920 г. в бою под д. Яковлевкой и скрывавшийся в тайге, подпоручик Ларионов пришёл к Соловьеву, но затем сдался властям. Позднее он, устроившись на работу секретарем сельсовета, смог легализоваться в с. Солдаткино Тамбарской волости Мариинского уезда. В 1922 г. бывший офицер в качестве коменданта села даже участвовал в боях с «бандой»³.

С начавшимся выходом из тайги повстанцев временный ревком в инородческом районе был заменен уполномоченным уездного исполкома, при котором существовал инородческий подотдел уездного национального отдела⁴. Но деятельность комиссии показала, что мирное сосуществование инородцев с русскими и Советской властью возможно лишь на платформе национального строительства. Поэтому 9 августа 1921 г. президиум Енисейского губернского исполкома, заслушав доклад побывавшего на местах председателя губчека Р.К. Лепсиса, счёл необходимым в силу бытовых особенностей жизни населения, его культурного развития, усиления советского строительства и ликвидации «бандитизма» создать из семи инородческих волостей Минусинского и Ачинского уездов особый административный район⁵. Обратившись в Сибревком с письмом от 13 августа и поддерживая данное решение, заведующий губернского отдела управления А.И. Кашников информировал сибирских товарищей о том, что борьба с «бандитизмом» здесь вылилась в «кровавую расправу» над населением, а специальная комиссия, деятельность которой способствовала выходу «шаек», поставила перед губернским руководством вопрос об организации инородческого района с собственными органами управления⁶.

Так упорная борьба инородцев за свою консолидацию и суверенность начала приобретать реальные формы.

Однако многие коммунисты высказывали недовольство не только будущей передачей некоторых селений из территории своих уездов новому образованию, но и считали вредной саму работу комиссии. К примеру, президиум Минусинского уездного исполкома 2 сентября 1921 г. признал действия комиссии неправильными, т.к. переговоры позволили «банде» Соловьева укрепиться⁷. Тот же Перевалов, участник весенних событий в Кызыльской волости, в одном из документов, очевидно, преувеличивая, сообщал, что за время переговоров «банда» «выбила» до 100 коммунистов и 10 милиционеров, увезла 3 тыс. пудов хлеба, предназначенного для рудничных рабочих, разграбила ряд кооперативных лавок и Учумскую экономию. Посетив Иоанновский рудник, с. Божье Озеро и д. Парную, «бандиты» забрали 3 тыс. руб.,

¹ Там же. Л. 9; Д. 304 а. Л. 29; Ф. 8. Оп. 1. Д. 119. Л. 235; ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 273. Л. 24.

² ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 10. Л. 113.

³ ГАНО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 685. Л. 147 об.; Ф. 1788. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 33; Ф. Р.-20. Оп. 3. Д. 3. Л. 118; ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 141. Л. 1; ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2. Д. 10. Л. 305; *Елисеенко А., Мармышев А.* Забытый ледяной поход. С. 151.

⁴ МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 334. Л. 150.

⁵ ААА КК. Ф. Р. 49. Оп. 2 с. Д. 152. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 8.

⁷ МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.

16 винтовок, зарубили восемь коммунистов и разгромили 22 принадлежавших им дома¹.

Судя по сводкам милиции, повстанцы, которые сомневались в искренности поведения властей, в июле-августе 1921 г. действительно продолжали свои нападения и грабежи. Так, 22 июля они конфисковали 10 лошадей у крестьян д. Светлолобовки Новоселовской волости, 7 августа – разграбили Бирское лестничество, а 8 августа – жителей улуса Трояков. Настигнув в улусе Поросенов Усть-Фыркальской волости пятерых красноармейцев из отряда Гусева, они отбили арестованного и разоружили их. В с. Яга Ачинского уезда соловьевцы захватили 70 лошадей и 800 аршин мануфактуры, в улусе Топанов – около 100 овец, а вблизи д. Когунек – 20 подвод с 300 пудами соли. 19 августа и позднее они, побывав в улусах Усть-Чуль и Сыры, уничтожили дела сельсоветов, угнали лошадей и конфисковали продукты, собранные жителями согласно налоговому заданию. Кроме того, повстанцы за период с 12 августа по 9 сентября уничтожили в Кызыльской волости пятерых коммунистов. Но, вероятно, из этих деяний лишь часть приходилась на долю соловьевцев, участвующих в переговорном процессе.

Преступления совершались и одиночками-инородцами, которые убивали из мести своих сородичей-представителей власти и рядовых лиц русской национальности, обнаруженных в хакасских угодиях. Так, в августе 1921 г. в одном из улусов Базинского общества братья Чертыковы убили председателя сельсовета Катаева, а 9 октября погиб житель с. Бея, рыбачивший на р. Аскиз².

Комиссия обвинялась в том, что она, не являясь уполномоченной, проводила переговоры с Соловьевым и тем самым создала, по мнению губернского руководства, на местах «нездоровую обстановку»³. Инициированный ею и одобренный Сибревкомом процесс создания новой административно-территориальной единицы был временно прерван по причине, как свидетельствовал председатель губернской административной комиссии, занимавшейся потом образованием Хакасского уезда, тот же Кашников, начавшегося взимания продовольственного налога, отнимавшего все силы партийной организации и советов, а также отсутствия статистического материала⁴.

Осенью 1921 г. повстанчество готовилось к переходу на зимовку. В этой связи оно активно занималось созданием продовольственной базы, а заодно и уничтожением встречаемых в деревнях местных коммунистов. Только за одну неделю сентября вблизи ст. Сон были обнаружены 12 трупов. В районе д. Сютик соловьевцы взяли в плен двоих коммунистов, из д. Ново-Марьясово угнали 8 лошадей, а в двух деревнях забрали у жителей хлеб. В ночь на 17 октября повстанцы, запугивая сельсоветчиков, обстреляли родное селение Соловьева – с. Соленоозерное⁵.

В этой ситуации мирные инициативы Советской власти, оказавшиеся недостаточно эффективными в ликвидации повстанчества, сменила военная доктрина. Приказом командующего 5-й армией и Восточно-Сибирского военного округа И.П.Уборевича от 22 сентября 1921 г. было указано воинским силам, милиции и чека до 15 октября того же года уничтожить «бандитов». 27 и 29 сентября этот документ был продублирован приказами Енисейского губисполкома, командующего вооруженными силами губернии и Минусинского уездного исполкома.

В том же месяце для военного, советского и чекистского руководства Иркутской, Енисейской и Якутской губерний была разработана специальная инструкция № 109537, которая гласила о том, что искоренение «бандитизма», являясь военно-политической кампанией, должно осуществляться мерами военного, чекистского характера, посредством укрепления советского аппарата и закан-

¹ ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 256 б. Л. 53, 261.

² МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 225. Л. 338; Д. 304 а. Л. 4, 6; Д. 334. Л. 277, 282.

³ ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 273. Л. 24.

⁴ ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 152. Л. 44.

⁵ МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 257. Л. 16, 26-27; Д. 334. Л. 306.

чиваться не рассеиванием, а уничтожением «банд». В объявленном губисполкомом и командованием на военном положении районе ставился гарнизон, при котором назначался с целью внедрения агентов в «банды», организации разведывательной работы и регистрации ненадежных и опасных элементов специальный уполномоченный губернской чека или особист. Для общего руководства операциями в уездах создавались Военно-политические совещания, а при них для выполнения карательной работы – сессии Военно-революционного трибунала (ВРТ). Населению выдвигался ультиматум, согласно которому оно под угрозой заложничества, смертной казни и конфискации имущества обязывалось выдавать «бандитов».

«Из семей бандитов брать заложников, а имущество ... конфисковать и распределять между бедняками – семьями красноармейцев, – требовалось в этом документе. – Это внесет расслоение и на это может опереться Советская власть...». Добровольно сдавшемуся и выдавшему своих главарей, противнику обещалось сохранение жизни. Советские служащие, коммунисты и милиционеры за бездействие привлекались к строгой ответственности.

Инструкция заканчивалась бескомпромиссным пожеланием («никогда не делать не выполнимых угроз, а раз сделанные – неуклонно до жестокости проводить до конца в жизнь») и выводом в духе того времени («проведение успокоения создает сразу много сторонников Советской власти, так как бандитизм и утомителен и разорителен для крестьянской массы»)¹.

Состоявшееся 8 октября 1921 г. Военно-политическое совещание при Минусинском уездном исполкоме постановило принять инструкцию к непосредственному выполнению и установить гарнизоны в селениях Новоселово, Соленоозерное, Усть-Ерба и Синявино².

Однако выполнение данного приказа и инструкции сначала оказалось не реальным. Гарнизоны, несущие в основном охранительную функцию, в ликвидации повстанчества были бесполезными. Вследствие того, что при формировании инородческих «банд» соблюдался принцип семейственности, и в них находилось до 40 семей, родственников «бандитов» среди лиц, замеченных в укрывательстве, почти не наблюдалось³. К тому же, власти еще не решались перейти к суровому наказанию пособников. Так, к примеру, 22 октября 1921 г. административная тройка губернской чека осудила 42 родственников «бандитов» и лиц, связанных с ними, только к принудительным работам⁴.

Тем не менее, усиление военного присутствия в регионе уменьшило масштабы повстанчества в Енисейской губернии. С осени 1921 г. оно, по свидетельству чекистского руководства, имело следующую нисходящую динамику: в сентябре здесь насчитывалось четыре «банды» с 550 членами, в октябре – три и 400, в ноябре – две и 300, в декабре – одна (Соловьева) и 200, а к 1922 г. с этим вожаком остались лишь 40 человек⁵.

В действительности же, сокращение повстанчества произошло не столько в результате наступательных действий властей, сколько под влиянием природно-климатических особенностей региона. Еще в октябре, накануне перехода на зиму, «банда» Соловьева разделилась: в группе его самого осталось 35, Кулакова – 30, Аргудаева – 40, Пимщикова – 10 и бывшего студента-медика Иванова – 25 человек⁶. Большинство же повстанцев-инородцев, как правило, зимой расходилось по улусам, занималось хозяйством, вело разведку, чтобы к лету снова объединиться в «банду». По более позднему свидетельству чоновского командования, на учёте у Ф. Карачакова, одного из помощников Соловьёва, состояли 200 хакасов, проживавших в своих улусах и готовых по сигналу взяться за оружие⁷.

¹ Там же. Д. 12. Л. 491; Д. 35. Л. 190; Д. 153. Л. 2-4.

² Там же. Д. 153. Л. 6.

³ ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 10. Л. 147.

⁴ Там же. Л. 151.

⁵ Шишкин В. Находка в партийном архиве... С. 65.

⁶ ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 10. Л. 151.

⁷ ГАНО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 374. Л. 32.

Более того, по свидетельству очевидцев, как и год назад, в Аскизской и Усть-Есинской волостях появились «банды» численностью в 50 человек, пришедшие из Ачинского уезда и разославшие своих разведчиков в селения инородческого района. В ноябре-декабре 1921 г. стали возникать на территории той же Аскизской и Синявинской волостей мелкие группы, насчитывающие от 3 до 10 инородцев, русских и не имеющие политических лозунгов. Из Кызыльской волости пришла «банда» в 15 человек во главе с И. Орешковым и неким Шуркой.

В результате их появления произошёл небольшой всплеск «бандитизма». В ночь на 16 ноября «банда» ограбила жителей улуса Кумра Аскизской волости и 3 декабря из самого Аскиза угнала 30 лошадей. В дальнейшем «бандиты» убили двоих милиционеров, волостного продинспектора Сало, затем еще одного милиционера с ямщиком и агента губсоюза. В ночь на 21 декабря они уничтожили документы Аскизского сельсовета, кооперативной лавки и местной церкви, а также расправились с церковным старостой Верхне-Аскизского общества В.Ф. Угдыжековым. Боязнь, что русских подвергнут резне, стала наблюдаться среди советских служащих и коммунистов¹.

С издевкой и угрозой 20 января 1922 г. обратился к председателю Чебаковской и Покровской комячеек сам Соловьев, написавший записку следующего содержания: «Граждане чебаковцы, не надоело по целым месяцам не разделяться. Сложите оружие, нет, к масленице ждите в гости»².

Подкрепив гарнизоны частями регулярной Красной армии – 26-й Златоустовской стрелковой дивизии, власти с декабря 1921 г. полностью возложили задачу ликвидации «бандитизма» на части особого назначения. С вводом их на территорию Ачинско-Минусинского района вновь начались проявления красного бандитизма, вызвавшие острое недовольство среди коренного населения, а следом и расширение масштабов повстанчества.

Следовательно, утверждения авторов о том, что на юге Приенисейской Сибири в начале 1920-х гг. имела место «война» хакасов с русскими коммунистами, или их национальное движение за независимость, являются упрощенной трактовкой сложных событий. Как и повсюду, здесь в ответ на большевистскую политику военного коммунизма распространилось крестьянское повстанчество с таким же отсутствием реальных политических лозунгов и насыщенностью уголовной стихией, но, правда, не столь уж значительное, сравнительно с другими регионами, по численности участников. Другой особенностью этого явления в национальной провинции была борьба инородцев с проявлениями колониализма и вооруженного насилия, отстаивание ими сложившегося жизненного уклада и самоопределения в рамках советского государства.

Мирные инициативы представителей национальных сообществ, с которых начался процесс суверенизации хакасского народа, оказались недостаточными для устранения этого конфликта. Как всегда в таких случаях, вмешалась военщина, действия которой и определили новый виток трагических событий.

---

¹ МУАГМ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 120. Л. 21; Ф. 25. Оп. 1. Д. 153. Л. 9; Д. 237. Л. 1, 143, 185; Д. 334. Л. 306.

² ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 141. Л. 57.

НЕПРИЗНАННЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ (О ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КРАСНОЙ АРМИЕЙ И.Л. СОРОКИНЕ)

Иван Лукич Сорокин – личность яркая, неординарная и противоречивая, с большими задатками талантливого полководца. Триумфом его военной деятельности явился разгром Добровольческой армии генерала Л.Г. Корнилова в апреле 1918 г. А ведь ядро её составляли офицерские полки, под командованием генералов и офицеров с большим опытом руководства боевыми действиями в только что закончившейся Первой мировой войне. Под началом же И.Л. Сорокина, человека, всё военное образование которого составляли военно-фельдшерская школа и школа прапорщиков, находилась почти 150-тысячная армия, состоявшая из только что сформированных, слабо обученных, подверженных анархизму и партизанщине частей. На другом полюсе его деяний числится расстрел руководителей Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской республики. В результате в историю советского периода он вошёл как авантюрист, антисемит, предатель революции и враг народа. Только сравнительно недавно с помощью архивных и других источников представилась возможность доказать беспочвенность этих утверждений.

Сорокин принадлежит к числу тех, кто в мятежное время наряду с революционерами-профессионалами пришёл к руководству красногвардейскими отрядами благодаря силе своего характера, несгибаемой воле, житейской мудрости, обаянию своей личности, наконец, удачливости. Он был среди тех, кого захватила романтика вооружённой борьбы, стремление реализовать собственные представления о лучшей жизни.

Рассматривая события 1918 г., надо учитывать ряд немаловажных особенностей ситуации, которая сложилась тогда в стране. Подходить к оценке тогдашних действий революционеров и их противников с юридическими мерками сегодняшнего дня – дело бесперспективное. И белые, и красные считали себя борцами за счастье народа, но при этом, во имя провозглашённых высоких целей, (одни в борьбе за «единую и неделимую Россию», другие «за счастье коммунизма») творили насилия, грабили и бесчинствовали. На смену здравому смыслу и терпимости зачастую приходили сиюминутные эмоции, настроения и ощущения, а когда появлялись первые жертвы беззакония, на первый план выходила месть, она стала доминировать над здравым смыслом, использовалась как главный аргумент при наведении порядка. Так как судс 1917 г. считался буржуазным предрассудком, довольно-таки распространённым явлением стало объявлять людей «вне закона». Эта практика была удобной для тех, кто ею пользовался.

После того, как кого-то объявляли «вне закона», можно было не мучиться угрызениями совести, так как взять грех на душу и убить этого человека мог теперь кто угодно. Так делал Сорокин, так поступили и с ним.

Родился Иван Лукич 4 декабря 1894 г. в кубанской станице Петропавловской, которую раньше называли, да и сейчас ещё нередко именуют, Петропавловкой. Родители Ивана – потомственные казаки, отец – Лука Илларионовича и мать – Дарья Фёдоровна. По меркам того времени это была семья середняков. Сорокины имели несколько гектаров земли, держали лошадей, коров, овец, много домашней птицы, мельницу. В станице ещё и сегодня стоит добротный кирпичный дом, где появился на свет будущий казачий полководец. Когда пришло время, и Иван обзавёлся собственной семьёй, на вместительном подворье нашлось место, чтобы построить и ему собственный дом. Сейчас он выглядит очень скромно, как и большинство казачьих домов того времени. Рядом стоит ещё один неказистый домишко. В нём в разное время проживали родственники

Сорокиных. Все эти дома в станице так и называют – сорокинские. Кроме Ивана, в семье подрастали ещё один сын, младший - Григорий, и дочь Евгения.

У Ивана рано обнаружили способности к учёбе, и ещё до 6 лет, прежде чем поступить в училище, он мог свободно читать Библию. В школе Иван не выделялся ни ростом, ни силой, но был при этом, как вспоминал потом его земляк-одноклассник П.С. Гумённый, «неистово честолюбив». В подтверждение он приводит следующий случай из школьной жизни. «С нами, – пишет Загумённый, – учился в школе горец Хубиев. Он был настолько силен, что правую руку привязывал к туловищу, а левой рукой борол любого из нашего класса. Все его боялись и считались с его физической силой. Сорокин в одну из перемен перетаскивает стол к дверям и ожидает конца перемены. Когда заходит в класс Хубиев (горцы приходили в школу всегда переростками, и Хубиев был высокого роста), Сорокин прыгает на стол, а потом сзади бросается на шею Хубиева, обхватывает одной рукой его шею, а другой рукой клюет (так в тексте – авт.) лицо Хубиева. И когда Хубиев крепко сжал Сорокина и положил его на пол, Сорокин выматюкнулся и произнес: «Ты всех побеждаешь, тебя все боятся, а вот я посидел на тебе, разбил тебе нос, значит, я сильнее тебя»¹.

По всем предметам Сорокин учился успешно, но особую склонность проявил к математике, быстрее всех в классе решал примеры и задачи, успевал помогать товарищам, и ему прочили карьеру учителя. Ваня Сорокин был разносторонне развитым мальчиком, всегда вступался за тех, кого обижали старшие, а однажды, будучи сам ещё ребёнком, зимой спас провалившегося под лёд реки мальчишку. Он увлекался военной историей и всё, что можно было найти в станице о великих русских полководцах А.В. Суворове и М.И. Кутузове, быстро прочитал. Когда однажды в станицу приехали специалисты, чтобы наладить работу паровой молотилки, он научился у них игре в шахматы, и это занятие стало для него одним из самых любимых на всю жизнь. Вскоре он так освоил игру, что его стали приглашать на соревнования в Армавир и Майкоп. Там он неизменно занимал призовые места, привозил домой полученные в награду грамоты, а однажды даже вручил родителям призовой самовар. Очевидно, этот талант сыграл не последнюю роль в том, что впоследствии, планируя боевые операции, Сорокин почти безошибочно просчитывал «ходы» противника.

Успешно закончив школу, Иван в сентябре 1897 г., по совету родителей, поступил в Екатеринодарскую военно-фельдшерскую школу, которую успешно окончил 31 мая 1901 г. Военная служба Сорокина в царской армии подробно отражена в его послужном списке². Из него следует, что в звании младшего медицинского фельдшера он 17 февраля 1902 г. назначается в 1-й Таманский полк Кубанского казачьего войска. Полк в это время находился в Туркестане, и Сорокин более двух лет прослужил там. Уволившись по выслуге лет на льготу и прибыв домой, стал работать фельдшером в соседней, а потом в своей станице. Однако мирный период в жизни Ивана Лукича не продлился и года. Началась русско-японская война, и Сорокин 24 января 1904 г. по мобилизации зачисляется в 10-й Кубанский пластунский батальон старшим медицинским фельдшером. Затем его переводят в бригадный обоз 2-й Кубанской пластунской бригады и зачисляют на классную должность. После войны Сорокин снова уходит на льготу, но до начала Первой мировой войны ещё дважды призывается на службу и увольняется с неё. В это же время он женился на Марии Дмитриевне Колесниковой, сына-первенца назвали Леонидом.

С началом Первой мировой войны Сорокина снова призывают и зачисляют в 3-й линейный казачий полк старшим медицинским фельдшером. На фронт полк убыл не сразу. Его стали привлекать, как отмечено в документах, «для содействия гражданским властям»³. За этой туманной формулировкой кроется выполнение полком полицейских функций. Эти задачи сотни полка вы-

¹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.Р.1512. Оп.1. Д.2. (Воспоминания П.С. Гумённого «Правда о Сорокине»). Л.2.

² РГВИА.Ф. 5175. Оп. 1. Д. 232. Л. 208-211.

³ РГВИА. Там же.

полняли, в частности, в станице Усть-Лабинской, а с 24 августа по 9 сентября 1914 г. во Владикавказе. В архивных документах полка есть свидетельства того, что казаков тяготила эта служба. Очевидно и Сорокин, с его обострённым чувством справедливости, сделал для себя выводы не в пользу власти.

11 сентября, по железной дороге, полк Сорокина прибыл на Кавказский фронт в город Карс и поступил в распоряжение командира Кагызманского отряда генерал-майора М.А. Пржевальского, того самого, который во время Гражданской войны создал на Кубани бело-партизанский отряд и доставил немало хлопот советским властям.

Полк втянулся в боевые действия против турок и курдов, и здесь Сорокин стал проявлять себя не только как хороший фельдшер, что неоднократно отмечал врач полка старший коллежский асессор Цициков. При первой возможности он просил направлять его с 3-й сотней, при которой числился, на все её боевые задания. Он хорошо стрелял, и командир сотни всегда держал Сорокина при себе. Не раз сотня попадала в сложные ситуации, однажды под Сорокиным тяжело ранило лошадь. Уже через пять месяцев командование предложило Сорокину поступить в 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков. Он охотно согласился. Видимо, карьера военфельдшера его не устраивала. Через 4 месяца, 15 мая 1915 г., Сорокин был произведён в первый офицерский чин. Правда, новоиспеченный прапорщик желал иметь равноценный казачий чин – хорунжий, и со временем его переаттестовали.

По возвращении в полк Сорокина неожиданно назначают начальником связи полка. Но пробыл он в этой должности недолго, и вскоре получил полусотню своей 3-й сотни, а в сентябре 1916 г. стал командиром 4-й сотни полка. Множество раз И.Л. Сорокин возглавлял казачьи разъезды, участвовал в боях при взятии Ардагана и Эрзерума, при защите Сарыкамыша и в других крупных операциях. Турки терпели поражение за поражением, и командование Русской армии стало часть войск Кавказского фронта переводить на другие фронты. К этому времени И.Л. Сорокин получил чин сотника и желанную для любого молодого офицера в то время награду – орден Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»¹.

Пока Сорокин был на фронте, он, как и все его сослуживцы, мало что знал о событиях в стране, о политической обстановке. Но когда его сотню в феврале 1917 г. вывели на отдых в г. Гассан-Кала, случилась февральская революция. Здесь, в находящихся в тылу частях, активную пропаганду вели представители разных партий, преобладали среди них большевики и эсеры. Сорокин регулярно сообщал казакам своей сотни все агитматериалы, которые поступали в войска, в том числе и обращения Временного правительства. Изнурённая длительными боями в тяжелейших условиях, голодная и слабо обеспеченная обмундированием масса казаков и солдат жадно ловила каждое слово, обличающее и старое, и новое правительства, воровство в тылу армии и возлагающее вину за это на генералов и офицеров. В частях стали образовываться исполнительные комитеты всех уровней, которые ограничивали власть офицерского состава и наделяли большими полномочиями солдатских депутатов.

На фронте Сорокин сжился со своими казаками, пользовался у них большим авторитетом, поэтому почти одновременно он был избран: кандидатом в товарищи председателя полкового комитета, председателем казачьих депутатов своей сотни и членом президиума исполкома Гассан-Калинского округа. Несколько позже, 26 мая 1917 г., он был утверждён на этих должностях приказом по полку в г. Майкопе. Полк прибыл туда для следования на Северный фронт.

Сорокину была больше по душе программа социалистов-революционеров, так как она наиболее полно отвечала его представлениям о том, как дать счастливую безбедную жизнь трудовому крестьянству. Хорошо владея словом, он сразу завоевал симпатии исполкома окружного съезда заяв-

¹ РГВИА. Ф.407. Оп.1. Д.30. Л.27.

лением о том, что и он сам, и вся его сотня целиком и полностью поддерживают программу социализации земли и предложения по изъятию из армии монархически настроенных офицеров и генералов. Когда командование Гассан-Калинского гарнизона решило разогнать съезд, Сорокин окружил своей сотней здание, где он проходил, и под угрозой применения оружия рассеял те подразделения, которые по приказу сверху намеревались парализовать «разрушительную» работу исполкома.

Один из участников заседаний Гассан-Калинского исполкома, офицер 133-го пехотного полка Шаповал, вспоминая об этих событиях, так охарактеризовал Сорокина: «Это не человек, а порох! Ни за что может застрелить человека. Революция ему лафа, человек храбрости необычайной». Якобы в разговоре с ним Сорокин высказался так: «Либо голову сломаю, либо на всю Россию дел натворю»¹. В Майкоп Сорокин прибыл уже подъесаулом. Потом была Финляндия, где полк Сорокина выполнял задачи по недопущению революционных выступлений населения. Сорокин однажды отказался выделять караул от своей сотни для охраны арестованных зачинщиков восстания в Гельсингфорсе. Контрреволюционные силы во главе с Корниловым возлагали большие надежды на казаков с Кавказского фронта. Полк Сорокина вошёл в состав подвижного резерва, и был двинут к Петрограду, но ревкомовцы 5-й Кавказской дивизии, куда входил 3-й линейный полк, сорвали контрреволюционный мятеж. Активное участие в этом принимал и И.Л. Сорокин. В последние дни своего пребывания в полку подъесаул Сорокин руководил операцией в Выборге по прекращению грабежей, в которых приняли участие солдаты окончательно разложившихся частей.

20 октября 1917 г. в Киеве состоялся III общеказачий съезд фронтовых частей, его инициатором выступило само командование. Сорокин был избран делегатом этого съезда и пытался убеждать казаков не участвовать в контрреволюционных планах казачьей верхушки, не голосовать за продолжение войны и не поддерживать Временное правительство. Небольшой группе фронтовиков, в которую входили: войсковой старшина Н.М. Голубов (сыгравший главную роль в расстреле Донского войскового атамана А.М. Назарова в 1918 г.), хорунжий А.И. Автономов (будущий командующий Юго-Восточной революционной армией), подъесаул И.Л. Сорокин (будущий командующий Красной армией Северного Кавказа, наследницей Юго-Восточной революционной армии), удалось практически сорвать работу съезда. Его организаторы приняли решение переехать в Новочеркасск, где уже начал боевые действия против красных атаман А.М. Каледин. Но и в Новочеркасске эта группа снова пыталась распропагандировать участников съезда, однако старые авторитетные казаки, которые в штыки встретили фронтовую молодёжь. Смутьянов было решено арестовать. Под арест попали Автономов и несколько других офицеров, а Сорокин бежал. Ночью в товарном вагоне он добрался до станицы Курганной, а оттуда пешком вернулся домой.

В Петропавловской уже было немало казаков, вернувшихся с фронта и поддерживавших большевиков и эсеров. И.Л. Сорокин становится председателем ревкома станицы и начинает сколачивать отряд для защиты станицы от войск белой Кубанской Рады.

После нового года домой приехал и младший брат Ивана - Григорий Сорокин, он служил офицером в жандармерии г. Армавира. В этом городе была установлена советская власть, и он остался не у дел. Точных свидетельств о том, как встретились родные братья, нет. По сведениям, собранным в 50-х годах в станице Петропавловской корреспондентом районной газеты М. Сакке среди тех, кто ещё помнил братьев Сорокиных, – они сильно не конфликтовали. Родителям же поклялись, что, если придётся встретиться в бою, стрелять друг в друга не будут².

¹ Цит. по: *Капельгородский Ф.И.* Роман-хроника. Пер. с украинского. М.: «Советский писатель», 1964. С. 20.

² См.: *Сакке М.А.* Казачий полководец. Правда о Сорокине. Курганинск Краснодарского края, 1995. С. 102-103.

Это была не последняя их встреча. Они виделись, по меньшей мере, еще два раза, когда Иван уже был помощником Автономова, а затем командующим Красной армией Северного Кавказа. Эти встречи тоже проходили в родительском доме. Григорий же сначала служил у генерала Покровского, а затем в контрразведке Добровольческой армии. По неподтвержденным данным, он одно время командовал добровольческим полком. Григорий был убит во время боёв во Владикавказе.

Тем временем советская власть была установлена почти по всей Кубани. Однажды, в последних числах февраля 1918 г., в станицу прибыла делегация от большевиков. Собрался митинг. На нём был оглашён декрет-обращение СНК РСФСР «Ко всему трудовому казачеству» от 13.12.1917 г. Этим декретом отменялась обязательная воинская повинность казаков, их еженедельные дежурства при станичных правлениях, зимние занятия, смотры и лагерные сборы. Был и ещё ряд положений, которые не оставили равнодушным ни одного станичника. Здесь же большевики призвали казаков поддержать советскую власть. И.Л. Сорокин впервые узнал на этом митинге о том, что в Тихорецкой идёт формирование Юго-Восточной революционной армии, и возглавляет эту работу его бывший соратник А.И. Автономов.

Он, как обычно, был в казачьей форме и при оружии, весь его вид говорил о том, будто он никогда и не расставался со службой в армии. Сорокин тоже выступил, но говорил недолго. Он сообщил, что прямо сейчас начинает формировать добровольческий отряд, и призвал казаков записываться в него. Приглашал только тех, кто может выступить уже через день, на своих строевых конях, экипированными для походной и боевой жизни. Авторитет Сорокина был таков, что к нему сразу же записалось около сотни казаков, а когда на следующий день отряд выступил из станицы, их было уже больше 150 человек.

Когда отряд Сорокина проходил через казачьи станицы, к нему присоединялись демобилизованные и дезертировавшие с фронта казаки и иногородние. Были такие станицы, после ночевки в которых отряд увеличивался на сотни бойцов. В скором времени к нему в подчинение стали проситься целые отряды, присоединилась солидная группа матросов с несколькими орудиями. Сорокин ото всех требовал строгого соблюдения дисциплины, исполнительности, за малейшие проступки, неподчинение командирам с позором изгонял из отряда любого, несмотря на его прошлые заслуги. Отряд вскоре изжил митинги и голосования, подчинившись воле своего командира, и вскоре готов был к серьезным боевым действиям.

В Тихорецкой произошла встреча Сорокина с Автономовым. К этому времени Автономову удалось взять на себя руководство несколькими самостоятельными отрядами. Все основания у него для этого были. Еще 25 января 1918 г. в Царицыне штабом обороны был издан приказ по формированию Юго-Восточной революционной армии. Основой этого объединения являлись местные, уже существующие красногвардейские отряды и революционные части 39-й пехотной дивизии. Поскольку Автономов имел мандат В.А. Антонова-Овсеенко на организацию красногвардейских частей на всей территории Северного Кавказа, он автоматически становился командующим этой армией. Здесь же в Тихорецкой они с Сорокиным обсудили план дальнейших действий, и новый отряд поступил в распоряжение местного революционного комитета.

Автономов попросил Сорокина оставаться во главе тех, кого он привел с собой, и обещал содействие в обеспечении их всем необходимым для жизни и боя. В считанные дни отряд Сорокина, в котором уже насчитывалось свыше полутора тысяч человек, получил патроны, артиллерию, был доукомплектован артиллеристами и связистами и превратился во внушительную боевую единицу. Уже 1 марта 1918 г. сорокинская конница впервые столкнулась с войсками белой Кубанской Рады. Кавалерийскую атаку возглавил сам Сорокин. С шашкой наголо врезался он в белогвардейскую лаву и разметал ее. Красные казаки гнали и рубили противника несколько верст. Преимущество их в этих боях определилось сразу же.

Однако не всё обстояло так гладко. Появилась очень серьёзная проблема, которая отвлекала много сил, серьёзно порочила сами основы и идеи революции. Революционная стихия подняла из армейской среды, а по сути дела со дна российского общества, большое количество деклассированных элементов. На территориях, лишённых твердой власти, они начали сбиваться в настоящие банды. Эти формирования присваивали себе броские названия, такие как: «Чёрная Хмара», «Смертельный натиск», «Братишки», «Молния» и т.п. Основную массу в них составляли солдаты ранее дислоцировавшихся на Дону и Кубани запасных частей. Это были те, кто не захотел возвращаться домой к мирному, изнурительному труду. Дома их ожидали голодные семьи, и ехать к ним с пустым вещмешком не хотелось. Почувствовав, что появилась возможность безнаказанно грабить, проводить надуманные реквизиции, вершить суд и расправу по собственному усмотрению, они стали настоящим бедствием для жителей сельской глубинки.

Автономов и Сорокин дважды неудачно пытались взять столицу Кубани г. Екатеринодар. Но штаб армии только создавался, управление войсками оставляло желать лучшего, обеспечение войск тоже, поэтому было принято решение подготовиться как следует. К середине марта такая подготовка была завершена. На Екатеринодар двинулись три группы отрядов – из Тихорецкой под командованием самого Автономова, из Кавказской двигались части Сорокина, отдельные отряды наступали от Тимашевской и Армавира. Атаман А.П. Филимонов понял, что город удержать не удастся, и вместе с Радой и отрядами генерала В.Л. Покровского покинул город.

Продолжая использовать мандат Антонова-Овсеенко, Автономов все свои силы и время отдавал формированию новых красных отрядов на Северном Кавказе, почти не бывая в Екатеринодаре. Полным хозяином в городе стал его помощник Сорокин и комендант Золотарёв.

Ивана Лукича не надо идеализировать. Ему, как и любому человеку, было свойственно ошибаться, совершать поступки, которые отнюдь не повышали его авторитет, но множили число завистников и недоброжелателей. Очень часто его подводили те, кому он излишне доверял, его именем нередко совершались дела, которые шли вразрез с требованиями революционной и элементарной воинской дисциплины.

Сравнительно лёгкая победа над войсками Рады хоть кому могла вскружить голову. Не избежал этого и Иван Лукич. Полученная большая самостоятельность, победные лавры, огромное доверие и авторитет в войсках оказались ему не по силам. Оставаясь всё таким же смелым, энергичным и удачливым, он стал искать всё новых признаний своих заслуг. В городе проходили частые парады, чествования победителей, в частях сквозь пальцы смотрели на частые выпивки бойцов и командиров. Как принято сейчас говорить, армия и её руководители не выдержали испытание славой. Сорокину хотелось дать некоторые послабления войскам за их успешные действия, и он не придавал серьёзного значения тому, как они стали вести себя в условиях крупного города.

А между тем, масса занявших Екатеринодар, в основном крестьянских по своему составу частей, по уже сложившейся «партизанской» привычке не соблюдала элементарных правил взаимоотношений с местным населением. Не редкостью были самосуды, несанкционированные расправы над неугодными людьми, над теми, кто выступал против этой вольницы, над простыми обывателями.

Именно с этого времени начались разногласия Сорокина с только что сформировавшимися властями Кубано-Черноморской республики. В первые дни после занятия города в Екатеринодаре организовался Военно-революционный комитет. Рядом, в бывшей Черноморской губернии, ещё 25 ноября 1917 г. образовалась Черноморская советская республика с центром в Новороссийске. Её Центральный исполнительный комитет возглавил Абрам Израилевич (Авраам Изоргиевич) Рубин. Бывший студент юридического факультета Московского университета, участник 2-го и 3-го всероссийских съездов

советов, он одно время заведовал финансовым отделом ВЦИК. В марте Рубин прибыл из Москвы на усиление партийной организации Новороссийска и в июне был избран председателем ЦИК объединенной Кубано-Черноморской республики. Секретарём партийной организации стал М.И. Крайний. Оба были евреями, себя они окружали тоже представителями этой национальности. Сорокин называл их «иерусалимскими казаками» и «бундовцами». Однако никаких антисемитских действий никогда не предпринимал. К тому же известно, что в нём самом тоже текла еврейская кровь. Бабка по материнской линии была крещёной еврейкой, а самого Ивана в школе дразнили «выкрестом».

Руководители республики прямо указывали Сорокину на необходимость наведения порядка в войсках, требовали положить конец «партизанщине». Сорокин же в этом вопросе целиком и полностью положился на военную комендантуру, возглавляемую Золотарёвым. Однако тот окружил себя людьми, в том числе и с уголовным прошлым, которые вместо наведения порядка в городе занимались «экспроприациями» и пьянствовали. Сам же Сорокин занялся сколачиванием частей. Он часто проводил парады. Потом это ему вменялось в вину, так как считали, что Сорокин лишний раз хотел покрасоваться на трибуне. Вероятно, доля правды в этом есть. Но тот, кто хоть немного знаком с жизнью войск, знает, - каждому параду и смотру предшествует большая подготовка. Ведётся учёт состава подразделений, ужесточается контроль командиров за своими подчинёнными, проводится обучение их строевой подготовке, личный состав приводится в надлежащий воинский вид и т. д. Сорокин считал, что эти смотры как раз и способствуют наведению порядка в войсках. Он открыто говорил партийным и советским руководителям о том, что их дело налаживать хозяйственную жизнь в республике, а не вмешиваться в его методы военного руководства.

Дальнейшее развитие конфликта приглушило наступление Добровольческой армии на Екатеринодар. И.Л. Сорокин возглавил оборону города и показал действительно свои лучшие полководческие качества. Он умело распределил войска по линии фронта, создал резерв и предусмотрел его быстрое использование в критических ситуациях на любом участке. Во время боёв он появлялся там, где складывалась наиболее тяжёлая обстановка, и лично руководил отражением атак добровольцев, решительно пресекал панику, находил выход из, казалось бы, безвыходных ситуаций.

Добровольцы уже 4 дня безуспешно штурмовали город. Когда наступила ночь 13-го апреля, и Л.Г. Корнилов приказал доложить ему о потерях, выяснилось, что силы Добровольческой армии уменьшились наполовину. Белые были морально подавлены. Тем не менее, Корнилов приказал на рассвете следующего дня продолжить штурм кубанской столицы. На совещании Корнилов заявил А.И. Деникину, что «если их войскам и на этот раз не удастся взять Екатеринодар, он пустит себе пулю в лоб»¹.

Корнилову не пришлось этого сделать. Во время артиллерийского обстрела снаряд попал в комнату, где он находился. Корнилов был убит. Внезапная гибель руководителя внесла смятение в ряды Добровольческой армии. В этот момент Сорокин бросил в атаку на левый фланг добровольцев конную лаву, состоящую из кавалерийских отрядов Мироненко, Воронова, Батлука, Ильина, Кочубея. Им сравнительно легко удалось отбросить противника от Екатеринодара. В рядах Добровольческой армии было состояние, близкое к панике. Вместо Корнилова в командование вступил генерал А.И. Деникин. 14 апреля он дал войскам приказ отступить.

Триумф победителя, конечно, сказался на поведении Сорокина, он стал ещё менее управляемым. Ему предлагали вступить в партию большевиков, чтобы усилить на него партийное влияние, но он отказался под тем предлогом, что недостойн. Победители же бурно праздновали свой успех. В городе были

---

¹ См.: Сухоруков В.Т. 11-я армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге в 1918-1920 гг. М.: Воениздат, 1961. С.25

разграблены магазины и винный завод, Золотарёв распоясался ещё больше, и его пришлось расстрелять. В результате руководство ЦИК республики отстранено от командования армией вернувшегося в город Автономова, и он уехал в Москву жаловаться самому В.И. Ленину. Сорокину же дали Ростовский участок обороны против начавших наступление немцев.

Сорокин успешно выполнил задачу, против немцев был поставлен надёжный заслон, одновременно он провёл несколько успешных операций против Добровольческой армии. В это же время к Сорокину прибыл политический комиссар, который стал исполнять обязанности начальника штаба, бывший штабс-капитан царской армии, но с солидным партийным стажем, С.В. Петренко. Благодаря его воспоминаниям сегодня есть возможность более или менее точно обрисовать портрет Сорокина. Эти воспоминания, написанные в 1923 г., не были опубликованы, и почти 90 лет находились на особом хранении¹.

В частности, бывший политкомиссар, он же начальник штаба, подчёркивал большой военный талант своего начальника. «...Он великолепно, - пишет Петренко, - разбирался в военных вопросах. Тактические задачи, стратегические планы он развивал быстро и наверняка. Он часто спорил с теми или другими командирами и на деле всегда был прав. Администратор он был плохой... Я ни малейшей поддержки не встречал с его стороны при моих попытках упорядочить устройство, управление и снабжение нашей армии, а если и помогал мне, то такими мерами, которые ещё больше запутывали наш и без того сложный аппарат»². Невысокого мнения Петренко был и о штабе Сорокина. «Штаб его, - пишет он, - на деле являлся артелью денщиков и посыльных. Делопроизводство по оперативной и строевой части заключалось в химическом карандаше, блокноте и печати. Существовали какие-то канцелярии, где кормились какие-то дармоеды и томились два-три работника, чахнувшие от тоски и безделья. Я всеми мерами пытался бороться с этими «учреждениями». Но Сорокин мне не помогал, да и на верхах у нас на Кубани были в большей или меньшей мере такие же порядки. Поэтому мне как политкому, пришлось в борьбе со штабами и канцеляриями понести полное поражение»³.

Вместо Автономова Юго-Восточной революционной армией стал командовать К.И. Калнин (Калниньш), закончивший Первую мировую войну прапорщиком. Военным руководителем он оказался слабым, и в то время, когда Добровольческая армия начала новое наступление, со своими задачами явно не справлялся.

Мощное наступление добровольцев создало угрозу существованию северокавказских советских республик. В этих условиях 7-го июля 1918 г. в Екатеринодаре на Чрезвычайном съезде советов было принято решение об образовании единой Северо-Кавказской Советской Социалистической республики. Юго-Восточная революционная армия преобразовывалась в Красную армию Северного Кавказа.

В ночь на 14-е июля соединения белой армии перешли в наступление и заняли станции Терновскую и Поршинскую. Советские войска оказались зажатыми с трех сторон, и отошли непосредственно к Тихорецкой. Главком Калнин не ожидал такого быстрого продвижения белых и до последнего момента находился в своём штабном вагоне на станционных путях. В результате он чуть не попал в руки противника.

Нужно было срочно менять главкома. И хотя у ЦИКа были большие претензии к И.Л. Сорокину, но военного руководителя даже приблизительно равного ему найти не смогли. Рассчитывали, что Сорокина удастся держать в рамках партийных установок с помощью Чрезвычайного штаба обороны, который уже

¹ Центральный музей Вооруженных Сил (ЦМВС). Документальный фонд. Ед. хр. 5008. Рукопись Петренко С.В. «Правда о Сорокине, командующем вооружёнными силами Северного Кавказа. 1918 г.».

² ЦМВС. Документальный фонд. Ед. хр. 5008. Л.4.

³ Там же.

существовал к тому времени. Он был создан постановлением ЦИК ещё Кубанской республики 29 апреля 1918 г. для усиления влияния на армию¹.

В постановлении ЦИК, которое вступало в силу с 8 часов утра 4-го августа 1918 г., всем комиссарам отдельных частей предлагалось беспрекословно подчиняться и выполнять приказы главкома Сорокина. Начальником штаба при нём был утверждён С.В. Петренко. Только представители Екатеринодарского комитета РКП(б) были против назначения Сорокина.

Под командованием Ивана Лукича оказалось около 125 000 бойцов и командиров. Ему шёл 34-й год, а из военного образования за плечами была только трёхмесячная Тифлисская школа прапорщиков. Конечно, этого было мало. Не хватало опыта командования огромным военным организмом. Но недостаток специальных знаний с лихвой компенсировался его интуицией и военным талантом. В армии, особенно среди командного состава, находились представители различных политических партий, их программы не всегда совпадали с линией партии большевиков, и это крайне отрицательно отражалось на принятии и реализации важнейших решений. Вокруг армии было кольцо мятежных казачьих станиц, не была снята угроза немецкого нашествия.

Приняв командование армией, Сорокин предпринимал отчаянные усилия, чтобы стабилизировать ситуацию. Его штаб перешел в станицу Староминскую. Это узел железных дорог, который позволял сравнительно быстро производить маневр. Однако войска побежали дальше, оставляя противнику богатую добычу, эшелоны, битком набитые имуществом и снаряжением. Остановить бегущих и привести их в порядок удалось только в Тимашовке. Отсюда Сорокин спланировал контрнаступление, и оно поначалу дало блестящие результаты. Красные войска, двигаясь двумя колоннами на Выселки и Кореновскую, отрезали и наголову разбили группировку противника, пытавшуюся взять Екатеринодар, приблизились на 50 вёрст к Тихорецкой, а главное, взяли инициативу в свои руки.

В дальнейшем обе враждующие армии поочередно то добивались успеха, то терпели поражения. Удача всё реже приходила к И.Л. Сорокину; в итоге он со своей армией отступил дальше на Северный Кавказ. Свой штаб он расположил в Пятигорске, туда же прибыло и руководство Северокавказской социалистической республики. Сорокин принимает жёсткие меры по укреплению дисциплины в армии, не останавливаясь ни перед чем. Он отстраняет от командования Белореченским округом Г.А. Кочергина. При его содействии за невыполнение приказа был отдан под военный трибунал и расстрелян популярный командующий Таманской армией И.И. Матвеев.

Конфликт Сорокина с руководством республики близился к концу. Однажды на совещании командного состава армии главнокомандующий обвинил политическое руководство в плохом снабжении войск продовольствием и обмундированием, боеприпасами и денежным довольствием. Такое заявление стало последней каплей, переполнившей чашу терпения руководителей республики. Сорокина решают снять с поста главнокомандующего.

Дальше дело обстояло так. На заседании секретарь Кубано-Черноморского края М.И. Крайний перебрал через стол президиума собрания записку председателю ЧК М.П. Власову. В записке говорилось о том, что на днях будет решаться вопрос о снятии Сорокина: «...Или эта сволочь, или мы». Однако Власов не заметил переброшенной ему записки. Её поднял начальник пятигорского гарнизона Чёрный, который был сторонником главнокомандующего.

На следующий день Сорокину стало известно содержание записки Крайнего. Он собирает Военный совет армии, который принимает обвинительное решение по отношению к руководству ЦИК. Ему вменялась, ни много ни мало, измена революционному делу. При этом надо иметь в виду, что накануне была разоблачена группа, работавшая на белую разведку. Сорокину подсунули изъятые у них шифры и документы, указывающие на связь с ними Рубина

¹ ГАКК. Ф. Р.1512. Оп. 1. Д. 2.

и Крайнего. Не исключено, что это был хитрый ход вражеской разведки по дальнейшему разжиганию вражды между главкомом и руководством ЦИК. Дополнительно известно также, что в штабе Сорокина работали агенты белой разведки братья Джафаровы, один из которых восстанавливал Крайнего и Рубина против Сорокина, а другой наоборот, – помогал Сорокину разоблачать их.

21 октября Сорокин приказал оцепить отель «Бристоль», где размещался ЦИК Северокавказской республики. В нём были арестованы председатель ЦИК А.А. Рубин, секретарь крайкома РКП(б) М.И. Крайний (Шнейдерман), председатель фронтовой ЧК Б. Рожанский, уполномоченный ЦИК по продовольствию С.А. Дунаевский. Когда арестованных привезли, руководивший арестом адъютант Гриненко предложил главкому ознакомиться с найденными у них документами. Сорокин распорядился: «Документы положите, арестованных отправьте под Машук».

В вагоне главкома в это время находились его помощник Иван Гайченец, комиссар Шариатской колонны Назир Катханов, командир полка Павел Щербина, шурин Сорокина Сергей Автономов (брат бывшего главнокомандующего – авт.). Все знали, что под Машуком находится тюрьма (существующая и поныне), поэтому ни у кого не возникло сомнений в том, что ожидается обычное следствие, разбирательство, что все будет по закону.

Дальше, если верить описанию А.Е. Берлизова, «во время следования в тюрьму Крайний накинулся на Гриненко с руганью. Адъютант главкома, человек изрядно восстановленный против арестованных, к тому же возможно не трезвый, выстрелил в Крайнего. В соседней машине охрана начала стрелять в других арестованных. Трупы бросили в лесу. О том, что Сорокин не приказывал убивать говорит тот факт, что когда Гриненко с конвоем вернулись в штаб, Сорокин сразу спросил: «Сдали арестованных?»¹.

Дальнейшие события развивались быстро. 27 октября на железнодорожной станции Невинномысской экстренно собрался Чрезвычайный съезд советов Северного Кавказа. Своим решением он объявил главнокомандующего Ивана Сорокина и трёх его заместителей вне закона.

30 октября Сорокин был арестован в Ставрополе, близ которого шли тяжёлые бои. До суда его поместили в городскую тюрьму под надёжную охрану, — опасались попытки освобождения. Однако 1 ноября, когда Сорокина допрашивали, в помещение ворвался с оружием в руках командир 3-го Таманского полка Таманской армии И.Т. Высланко, и со словами: «Что с ним разбираться – он вне закона» – убил заключённого. Очевидно, это была личная месть за расстрел командарма таманцев Матвеева. Характерно, что сам Высланко был тоже убит на другой день.

Так закончил свой жизненный путь неординарный человек и полководец Иван Лукич Сорокин.

---

¹ Цит. по: Берлизов А.Е. Дорога чести. Краснодар, 1995. С. 445.

ДВА ПОРТРЕТА

«Бело-зеленые»: В.Ф. Рябоконт. Исследователи, изучающие события Гражданской войны на Юге, не могут обойти вниманием личность Василия Фёдоровича Рябоконт. Много интересного, противоречивого и неизвестного ранее написано в последние годы о В.Ф. Рябоконт на его родине – Кубани. Например, своё повествование о нём в августе 2002 г., в восьми номерах газеты «Кубань сегодня», опубликовал П. Кирий¹. Декан исторического факультета Кубанского госуниверситета В.Н. Ратушняк в своей книге² тоже уделил внимание этой личности. Наиболее же полное на сегодняшний день исследование жизненного пути В.Ф. Рябоконт сделал кубанский писатель П.И. Ткаченко³.

При этом надо иметь в виду то, что В.Ф.Рябоконт не был крупным военачальником, — всего лишь хорунжим, что соответствует современному званию лейтенант. Он не участвовал в широкомасштабных военных сражениях того смутного времени и, тем не менее, оказался в центре происходивших тогда в Приазовье событий. Он прочно вошел в народное сознание, – легенды о нём и до сих пор бытуют по хуторам и станицам Кубани, ему посвящены народные песни. А это показатель очень серьёзный.

Пожалуй, никто из исторических персонажей того времени не был удостоен такого народного внимания. Как пишет П.И. Ткаченко, земляк и исследователь жизненного пути В.Ф. Рябоконт, «уже только одно это вроде бы должно было понудить исследователей и историков задуматься над тем, почему так произошло. Вместо этого, с двадцатых годов прошлого века вплоть до сегодняшнего дня В.Ф.Рябоконт выносятся безапелляционные и однообразные, словно под копирку писанные, приговоры, сразу скажу — несправедливые: «бандит», «белобандит», «головорез» и т. д. Такое, не то что несоответствие, а прямое противопоставление облика В.Ф. Рябоконт в народном сознании и в публицистических и исторических писаниях о нём само по себе странно. Выходит так, что в народной памяти и самосознании живёт один образ В.Ф.Рябоконт, а в исторической науке, равно как и в политической пропаганде — прямо противоположный»⁴.

Родился Василий Фёдорович в 1890 году на хуторе Лебеди (более раннее название хутора Вороня Гребля, а потом — Лебедевский), ныне Калининского района Краснодарского края. По другим сведениям, он родился в станице Новониколаевской, но во младенчестве родители перевезли его на хутор Лебеди, почему он и считал этот хутор своей родиной.

Место это не простое. Именно оттуда на заре возникновения Кубанского казачьего войска началось его духовное становление. Как писал известный кубанский историк Ф.А. Щербина: «Черноморцы пожелали иметь... свою собст-

¹ Пётр Яковлевич Кирий – бывший депутат Государственной думы 1-го созыва, председатель СХПК «Нива», член Союза журналистов России. В газете «Кубань сегодня» опубликовал серию статей под общим названием «Тайный остров Рябоконт». Речь идёт о событиях лета 1920 г., когда хорунжий Кирей после разгрома десанта генерала С.Г. Улагая был оставлен в плавнях, в районе Ачуевских рыбных промыслов, с задачей сформировать отряд для вооружённой борьбы с советской властью. Его помощником был назначен В.Ф. Рябоконт. После гибели Кирея Рябоконт возглавил отряд.

² Ратушняк В.Н. Кубанские исторические хроники. Краснодар, 2005.

³ Ткаченко Пётр Иванович – писатель, родился в 1950 г. на Кубани, в станице Старонижестеблиевской. Полковник в отставке. Член Союза писателей России. Автор ряда книг, в том числе: «Где спит казацкая слава», «Не для меня придёт весна ...», «В поисках града Тмутаракани. Невостребованные размышления о русской литературе и жизни», составитель первого словаря кубанского диалекта «Кубанский говор», издатель авторского литературно-публицистического альманаха «Солёная подкова».

⁴ Ткаченко П.И. Этот таинственный Рябоконт... // Солёная Подкова. Авторский литературно-публицистический альманах. Вып. 1. М. 2006. С. 241.

венную обитель, мотивируя необходимость ея тем, что многие престарелые и раненые казаки желали окончить жизнь свою в монашеском чине. Местом для нея было избрано красивейшее урочище у так называемого Лебязьего лимана...»¹

Известно, что сама Екатерина II дала на это разрешение своим указом, а Святейший Синод и его епископ Иов известили войскового атамана С. Чепигу о согласии наименовать казачий монастырь Екатерино-Лебязьескою Свято-Николаевскою пустыню. Автор не случайно акцентирует внимание на этом монастыре. Именно В.Ф. Рябоконию, человеку набожному, певшему в церковных хорах, приписывалось страшное злодеяние, – будто бы он взорвал этот монастырь вместе с находившимися там монахами и коммунарами.

Наделённый от природы красивым голосом и певческим талантом, В.Ф. Рябоконию подростком пел в хоре этого монастыря, а потом в Войсковом певческом хоре города Екатеринодара. Военную службу он начал в Тифлисе, в Полтавском полку Кубанского казачьего войска, что подтверждает шифровка «П» на погоне на его фотографии².

До 1914 года в звании урядника он служил в конвое главнокомандующего Кавказской линией, наместника на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова. Позже, при великом князе Николае Николаевиче, был направлен на учёбу во Владикавказский кадетский корпус³.

Но окончить его Василию Фёдоровичу не удалось. Случилась Февральская революция, и юнкерам предоставили отпуска. Он вернулся в родной хутор Лебедевский. После Октябрьской революции, уже при советской власти, В.Ф. Рябоконию пошёл служить в Лебединский совет, как, кстати, и его товарищ Тит Ефимович Загубывбатько, который впоследствии организовал поимку в плавнях партизана Рябоконию. В это время широкое распространение среди казаков получила идея «советов без коммунистов». Рябоконию разделял её полностью.

Поэтому его служба в Лебединском совете продолжалась недолго — всего два месяца. После захвата хутора белыми он был мобилизован и зачислен во Второй Уманский полк. Из полка Рябоконию был командирован уполномоченным в Екатеринодар в Кубанскую Краевую раду, где находился до прихода большевиков. Кстати, по этой причине в некоторых донесениях красных Рябоконию ошибочно называют членом Кубанской Краевой рады. После ликвидации рады в конце 1919 г. он снова вернулся домой в родной хутор.

Это наиболее сложный период жизни В.Ф. Рябоконию. Надо было окончательно определяться – с кем быть. В Лебединском совете он уже послужил, в белой армии тоже, но по неустановленной причине с частями генерала Покровского из Екатеринодара не ушёл. Можно предположить, что В.Ф. Рябоконию решил выждать, как будут развиваться события. В каких-либо активных действиях против советской власти он замешан пока не был, и можно было надеяться, что эта власть к нему отнесётся лояльно.

В первых числах июня 1920 года его вызвали в местный ревком для регистрации. Он явился и был зарегистрирован. Но, через несколько дней, по неизвестным причинам, его дом на Золотьках (окраина хутора в сторону станицы Гривенской), был окружен гривенской милицией с целью его ареста. Однако В.Ф.Рябоконию удалось скрыться. При этом был зарублен его отец. Позже были убиты его мать и жена. Если до сих пор у Рябоконию и были какие-то сомнения в том, на чьей ему стороне быть, то после жестокого и бессмысленного убийства

---

¹ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.1. Екатеринодар: типография Кубанского Областного правления, 1910. С. 592.

² Фотография, сделанная в Тифлисе, найдена сравнительно недавно в станице Гривенской.

³ Трудно представить 25-летнего строевого казака кадетом. Можно предполагать, что его отправили сдать экзамен на права «вольноопределяющегося бывшего 2-го разряда», например, перед отправкой в школу прапорщиков / хорунжих. Благодарим за консультацию А.В. Марыняка (прим. ред.)

отца Василий Фёдорович сделал свой выбор, он стал непримиримым врагом советской власти и ушел в плавни.

Плавни – это старые болота в дельте Кубани, они покрыты высоким камышом, среди которого иногда возвышаются сухие гряды, а кое-где открываются чистые водные пространства озёр. Возле р. Протока, где на Казачьей Гряде обосновался со своим отрядом Рябоконт, они тянутся в длину и ширину на 30-40 километров¹. Там Рябоконт примкнул к отряду таких же скрывающихся от новой власти казаков, насчитывающему около ста пятидесяти человек. С ними он находился до прихода врангелевского десанта на Кубань в августе 1920 года.

Неподалеку, тоже в плавнях, в районе Ачуева, собирал разрозненные группы казаков и сколачивал свой отряд полковник Скакун. Когда в районе соседней станицы Приморско-Ахтарской, высадились войска генерала С.Г. Улагая, Рябоконт и полковник Скакун со своими отрядами присоединились к нему, войдя в дивизию генерала А.М. Шифнер-Маркевича, и испытали всё, что выпало на долю десанта. После поражения Улагая, когда основная часть его казаков ушла с десантом в Крым, Рябоконт остался с группой самых верных людей, чтобы продолжить борьбу с большевиками. При отступлении десанта лично генерал С.Г. Улагай и его начальник штаба генерал П.Д. Драценко поставили задачу хорунжему Кирию и его заместителю Рябоконт сформировать отряд численностью тридцать человек и остаться в плавнях. Удостоверение командира отряда получил хорунжий Кирий, а В.Ф.Рябоконт был назначен его заместителем. Хорунжий Кирий, сформировав отряд, действовал по старому шаблону повстанческого движения — предпринимал налеты на хутора и станицы, терроризировал органы советской власти, совершал убийства, часто неоправданные и ничем не мотивированные. Так было до 26 февраля 1921 года, когда Кирий погиб и командиром отряда стал В.Ф.Рябоконт. Он снова обосновался на Казачьей Гряде – узком участке суши, протянувшемся в плавнях параллельно берегу Азовского моря. Там повстанцы построили курени из камыша и кустарника, организовали склады продовольствия и фуража.

К этому времени он уже понимал, что повстанческое движение окончательно провалилось, вести его в прежнем виде было невыносимо, и надо было искать иные формы существования и борьбы. К тому же в первых числах января 1922 года его отряд был разгромлен красными войсками. Спаситься удалось только десятерым, семерых из которых в целях конспирации В.Ф. Рябоконт отпустил и остался только с подхорунжим Иваном Ковалёвым по прозвищу «астраханец», так как был он из Астраханского казачьего войска, точнее, учителем из станицы Александровской Саратовской губернии, и своим хуторянином Пантелеем Дудником (Дудкой).

С этого времени и до конца его «камышовой» жизни, до 31 октября 1924 года, у него не было собственно отряда, «банды», - Рябоконт имел мобильную группу преданных людей. В случае необходимости он привлекал и других единомышленников. На большой лодке у него была установлена тачанка с пулемётом. Наметив очередную операцию, он причаливал к нужному месту, выкатывал на сушу тачанку, лошадей давали местные казаки. И Рябоконт появлялся как гром среди ясного неба совершенно в неожиданных для противника местах. У него была очень хорошо налажена система разведки и оповещения, благодаря чему В.Ф. Рябоконт был в курсе всего происходящего в Приазовье и влиял на ход событий во всем этом обширном регионе. Но он не был, собственно говоря, руководителем повстанческого движения в крае, но оказался его символом и знаменем, может быть даже помимо своей воли, пользуясь поразительным авторитетом и уважением в народе. Понятно, что такое всенародное уважение, каким пользовался В.Ф. Рябоконт, достигается не пропагандой и жестокостью, а исключительно справедливостью и обаянием личности. В дальнейшем Рябоконт уже никак не был связан с повстанческим движением.

---

¹ Казачий словарь-справочник / Сост. Г.В. Губарев. Сан-Ансельмо, Калифорния (США), 1970. Т. 3. С. 47.

Правда, руководители белого подполья неоднократно пытались вовлечь его в общую систему партизанского движения. Полковник Жуков, например, подписывавший свои воззвания как «агент Русской Армии», писал Рябоконею и таким, как он, партизанам, которые «гуляли» сами по себе: «Прежде всего, Вам, как вообще всем организаторам из-за пользы общего дела и согласно постановлению офицерского заседания от 5.11. сего года, необходимо прислушиваться к голосу Командующего Русской Армией генерала Врангеля. На Кубани есть агенты от генерала Врангеля и в том числе я. У всех агентов общие планы, исходящие от одного лица, которому и должны подчиняться организаторы Кубани, поэтому Вы должны и обязаны считаться с нашими целями и ближайшими задачами. Все организаторы должны руководствоваться инструкциями агента Врангеля, а не задаваться своими личными задачами, по своему лишь только усмотрению. Таким путем только мы поведём население России не к объединению, а к раздроблению ее на множество партизанских отрядов, преследующих разные цели, а часто местные и даже самостийные задачи. Наш общий план, освободить не только Дон и Кубань или Терек, задача Врангеля, очистить от большевистского ига всю Россию. 23.03.1921 г. Агент Русской Армии полковник Жуков»¹.

Известно, что парламентариев полковника М.Н.Жукова, прибывших с предложением соединиться с его отрядом, Рябоконею отправил восвояси.

Бывали ли зверства со стороны Рябоконею и его отряда по отношению к противникам? Конечно, они были. Их не могло не быть в ответ на откровенный геноцид казачества со стороны новой власти. Они аккуратно перечислены в обвинительном заключении по делу В.Ф. Рябоконею, в его сохранившемся личном деле. Но все эти преступления имеют свои причины и мотивы. Самое громкое из них — это убийство товарища юности, председателя Лебединского совета В.К. Погорелова 10 апреля 1924 года и его сотоварищей, точнее — землеустроительной комиссии, приступавшей к переделу земли. Обстоятельства этой акции более-менее правдиво описаны бывшим походным атаманом Кубанского казачьего войска В.Г. Науменко в его сообщении «Василий Фёдорович Рябоконею». Оно опубликовано в журнале «Кубанец»². В.Ф. Рябоконею был противником передела земли, то есть её произвольного изъятия у людей, о чём предупреждал В.К.Погорелова. Но что мог сделать В.К.Погорелов, если таковой была общая политическая линия власти...

Надо также иметь в виду, что значительная часть «зверств» была приписана В.Ф.Рябоконею, хотя совершалась другими повстанцами и бандами, которыми кишели приазовские камыши. Некоторые руководители банд, пользуясь популярностью этого «Кубанского Робин Гуда», совершив грабёж, насилия или убийства, распространяли слух, что это сделал Рябоконею.

Так было и со взрывом коммуны «Набат», организованной в монастыре, о котором уже шла речь. Это было одно из главных обвинений Рябоконею. Оно, как штамп, не подлежащий сомнению, кочует по страницам печати до сего дня. Например, в журнале «Патриот» писалось, как однажды «ненастной осенней ночью на первую на Кубани коммуну «Набат» напала банда Рябоконею. Она перебила, зарезала, сожгла заживо 120 коммунаров, в подавляющем большинстве — женщин и детей. Не пощадили ни одного, даже крохи...»³ Исследователь П.И. Ткаченко по этому поводу пишет, «что в личном деле В.Ф.Рябоконею ни о каком преступлении в коммуне «Набат» не упоминается. И ясно почему. Потому, что чудовищное, бесчеловечное деяние совершено чоновцами для дискредитации В.Ф.Рябоконею. Сохранилось также свидетельство

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 519. Л. 22.

² Науменко Вячеслав Григорьевич (1883–1979) — генерального штаба генерал-лейтенант. Активный участник белого движения. Походный атаман Кубанского казачьего войска. Одним из первых открыл широкому читателю сведения о В.Ф. Рябоконею. Упомянутая статья была напечатана в издании Кубанского казачьего союза журнале «Кубанец» № 2 (Нью-Джерси, США).

³ Патриот. 2003. № 9. Москва.

чоновца, как видно по всему, человека честного, Павла Ивановича Гребенюка, 1891 года рождения, записанное в станице Батуринской в сентябре 1958 года, которое мне удалось разыскать в частном архиве: «В 1921 году, пишет Гребенюк, – меня направили на подкрепление отряда чоновцев в коммуны «Набат». Я уже не застал церкви, её взорвали чоновцы в 1920 г., растащили иконы, утварь. Деревянными иконами забивали окна, жгли иконы, сожгли иконостас, когда наступили морозы... Однажды монахи в подвале подняли бунт, — от недоедания (а кормили их наряду со скотом – похлёбкой из буряка и брюквы). Погиб их староста отец Александр (Корнеев). Им даже не дали отпеть его в церкви... И монахи отказались выходить на работы...» . «Тогда, пишет уже П.И. Ткаченко, - чоновцы подвезли динамит и взорвали церковь вместе с монахами, и коммунары попали в число несчастных»¹.

Численность отряда Рябоконея в зависимости от притока свежих сил бывала разной. Пока Русская армия Врангеля находилась неподалёку, в Крыму, у Рябоконея и его партизан ещё были какие-то шансы на помощь и поддержку извне, но когда белые войска ушли в изгнание, то эти надежды рухнули. Узнав об исходе войск из Крыма, Рябоконец предложил всем желающим разойтись по домам, а сам с группой в 60 человек остался в плавнях. Потом к нему присоединился брат Иосиф с 15 казаками родной станицы Гривенской. Главными объектами нападений отряда Рябоконея были станичные советы, небольшие отряды красноармейцев, сопровождавших обозы с продуктами, изъятыми у казаков по продразвёрстке. Его неоднократно пытались захватить, но сделать ничего не могли. Через своих людей он заблаговременно узнавал о готовящихся нападениях и старался предупредить противников. Место пребывания отряда держалось в строжайшей тайне.

Продовольствие Рябоконец получал от казаков окрестных станиц и хуторов. Стремясь воспрепятствовать этому, власти пошли на беспрецедентный шаг – выселили поголовно всех жителей двух хуторов – Шпичковка и Волочковка. Они глубже других входили в плавни. Но и это не помогло. Рябоконец стал снабжать свой отряд продуктами, обложив «продналогом» членов станичного совета. Под угрозой расправы они часть продуктов, изъятых у казаков, и своих собственных отдавали партизанам. Запасы продовольствия Рябоконец пополнял также тем, что отбивал его у красноармейцев. Из Екатеринодара и даже Москвы шли одно требование за другим – покончить с Рябоконем, однако сделать что-либо существенное местные власти не могли. Однажды даже предприняли попытку воздействовать на него шествием специально сформированной колонны людей. В качестве живого щита впереди шли жители станицы, за ними – школьники и духовенство, а замыкали шествие безоружные красноармейцы и тачанка с их командиром и членами стансовета. Дорогу показывала, бывшая раньше в отряде Рябоконея учительница Поддубная.

Рябоконю было заранее сообщено, что за каждого убитого им красноармейца будет расстреляно 80 местных жителей. Организаторы этой акции рассчитывали, что таким образом удастся уговорить Рябоконея прекратить сопротивление. Однако, когда эта толпа зашла в плавни почти на 20 километров, партизаны открыли сильный огонь со всех сторон, но стреляли в воздух. Толпа разбежалась, а Рябоконец на коне догнал тачанку с командиром красноармейцев и членами стансовета и ещё долго избивал их нагайкой. Очередная попытка уничтожить Рябоконея была предпринята 1 января 1922 г. в день его именин. Рябоконец, считая, что в плавнях он недосыгаем, со своими товарищами бурно отмечал одновременно Новый год и свой личный праздник. Воспользовавшись этим, отряд красноармейцев, взяв в проводники всё ту же Поддубную, вплотную подошёл к куреню и открыл плотный огонь сквозь его камышовые стены. Сам Рябоконец получил ранение в руку, брат его в живот, 20 казаков было убито. Однако Рябоконец не растерялся и открыл по красноармейцам губительный огонь из пулемёта. Нужно сказать, что по меткости стрельбы ему

¹ Ткаченко П.И. Указ. соч. С.249.

не было равных. Почти все нападавшие были уничтожены, а те, кто смог убежать, утонули в незамерзающем гирле.

Однако теперь Казачью Гряду Рябоконею пришлось покинуть. С оставшимися 30 соратниками он перебрался к юго-востоку, в район станицы Староджерлиевской, к лиманам Плауватому и Чебурголю. Здесь он обитал до лета 1923 г., продолжая делать набеги на стансоветы окружных станиц и уничтожая советских служащих. За его голову была объявлена награда в 2000 рублей, его неоднократно хотели выманить из плавней амнистией, но тщетно, Рябоконею был неуловим. Имена практически всех, кто польстился на вознаграждение за его голову и готов был убить его, вскоре становились известны Рябоконею, и он беспощадно расправлялся с ними.

Сферу своего влияния Рябоконею всё время расширял, бывал даже в краевом центре, в Екатеринодаре. Однажды он ухитрился получить там со склада два грузовика боеприпасов и под охраной красноармейцев отвёз их в плавни. Красноармейцев он потом отпустил, вручив старшему из них пакет с запиской. В ней значилось: «Кто патроны выдал, тот Рябоконею видел». И так продолжалось почти пять лет. Осенью 1924 г. Рябоконею узнал, что в очередной раз готовится его поимка, но, тем не менее, сходил в Староджерлиевскую за продуктами. На обратном пути он попал под наблюдение и привел красных к своему обиталищу. Они нашли, наконец, курень, в котором скрывался Рябоконею с девятью оставшимися с ним казаками. Распределив, кому в кого стрелять, пришедшие сделали залп. Два казака, в том числе заместитель командира отряда Скорый, были убиты, а несколько человек ранено. Сам Рябоконею был прострелен от плеча до плеча, и его руки повисли как плети. Но сгоряча он всё-таки успел сделать ещё один выстрел, затем побежал, но тут же упал. К нему боялись подходить, но он сам сказал, что бояться его уже нечего. Рябоконею обезоружили, сделали перевязку и тайно доставили пароходом в Екатеринодар. По версии генерала В.Г. Науменко, В.Ф. Рябоконею расстреляли в первых числах октября 1925 г. П.И. Ткаченко же сообщает другую дату. Он пишет о том, что все желающие в Краснодарском краевом архиве могут ознакомиться с актом о приведении смертного приговора В.Ф. Рябоконею в исполнение 18 ноября 1924 г. в Краснодаре. «Могли бы узнать и о том, - пишет он - кто именно исполнил этот приговор. Правда, этот акт, что меня сразу же озадачило, не имеет подписи врача... Но самое интересное, таинственное и невероятное состоит в том, что через двадцать пять лет, в 1950 г., Василий Фёдорович Рябоконею вновь появляется на Кубани... То есть он оказался неуловимым народным героем – неуловимым и бессмертным... Умер Василий Фёдорович, по некоторым данным, в 1964 году, пережив всех своих противников по «прогрессивному» переустройству жизни. Похоронен – на Молдаванке. Какой именно, мне установить пока не удалось»¹.

Трудно пока оценить вероятность чудесного «возвращения» через 25 лет. Но эта история свидетельствует о безусловно значительном месте, который в народной памяти жителей Кубани и Приазовья заняла эта неординарная личность.

«Красно-зелёные»: И.Б. Шевцов. Перипетии гражданской войны в России вызвали к жизни такое массовое явление, как «зелёное движение». В 1918–1920 гг. наибольшие размеры оно приняло в бывшей Черноморской губернии, которая была в своё время разделена на три округа: Сочинский, Туапсинский и Новороссийский².

Чтобы лучше понять, что собой представляло «зелёное движение» в этом регионе, есть необходимость сначала разобраться с ситуацией, которая там сложилась к 1920 г., а заодно и понять, как там оказалась группа большевиков - командиров Красной армии, среди которых был и И.Б. Шевцов.

¹ Науменко В.Г. Василий Фёдорович Рябоконею. Кубанец. Издание Кубанского казачьего союза. Нью-Джерси, США. 1986. №2. С.10; Ткаченко П.И. Указ.соч. С.254-255.

² Брокгауз Ф.А. и Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 38А. С. 651.

В 1918 г. соседняя с Черноморьем Грузия обрела самостоятельность, Национальный Совет её провозгласил образование республики, а национал-меньшевистское правительство решило в западной части Северного Кавказа создать так называемую Южную Республику, отторгнув для нее от России часть бывшей Черноморской губернии. Время было выбрано очень удачно. Советская Кубано-Черноморская Республика все свои силы направляла на борьбу с войсками А.И. Деникина и, воспользовавшись этим, грузинские части без особых усилий вторглись в Сочинский округ. 3-го июля 1918 г. они заняли Адлер, 5-го – Сочи, 27-го – Туапсе. Получалось так, что Грузия начала действовать как союзница Деникина¹.

Однако продержались там грузинские войска недолго. Вскоре деникинцы выбили красных из Новороссийска, а те, отступив на юг, в свою очередь изгнали грузинские части из Туапсе. Но и красные там тоже не удержались. Под нажимом Добровольческой армии 8-го сентября 1918 г. они оставили Туапсе, уйдя на северо-восток для соединения с Майкопской группировкой своих войск. У Грузии, таким образом, остался только Сочинский округ. На его территории разместился отряд грузинской армии, состоявший из шести рот и двух артиллерийских батарей. Командовал этим «фронтом» Грузинской республики генерал Кониев, по утверждению тех, кто его хорошо знал², совершенно бездарный в военном отношении человек.

Деникина не устраивало отторжение Сочинского округа, как и сам факт независимости Грузии. В феврале 1919 г. белые атаковали грузинские части с фронта, а сформированные ими армянские дружины - с тыла и фланга. Грузинские части капитулировали и сдали оружие. Однако правительство Жордании на этом не успокоилось и спешно сформировало новые отряды для отправки их морем в зону конфликта. Но тут вмешались англичане. Они чувствовали себя в Грузии как в одной из своих колоний и решили помочь белым, заявив грузинам, что посылать в Сочи новые части нет необходимости, так как Деникин получил от них указание очистить спорную территорию и вернуть Грузии оружие. Тем не менее, грузины все же попытались отправить свои отряды, зафрахтовав для этого частный пароход «Кавказ». Тогда англичане стали действовать более решительно. Они отобрали этот пароход. Грузинские части выступили пешим порядком, но уже никуда не успели. Добровольческая армия взяла не только Сочи, но и Адлер.

Под нажимом англичан Добровольческая армия всё же прекратила дальнейшее наступление, и между нею и Грузинской границей была образована нейтральная зона. В этой зоне со временем стали накапливаться дезертиры из красной и белой армий, крестьяне, пострадавшие от деникинских войск, просто бандитствующие элементы. Грузия стала им оказывать некоторую помощь английским оружием и обмундированием.

Утвердившись во всей Черноморской губернии, добровольцы стали «закручивать гайки». Вскоре все узнали о массовых расстрелах в Новороссийске черноморских матросов, причастных к потоплению флота в июне 1918 г., пленных красноармейцев, рабочих цементных заводов, участвовавших в революционных событиях. Все, кому угрожали репрессии, стали искать спасения, отправляясь в труднодоступные места на самый юг губернии. Туда же устремились из разных городов и станиц Кубани массы так называемых «иногородних», которых казаки преследовали как потенциальных большевиков.

Несладко пришлось и местному населению. Оно теперь имело возможность сравнивать все виды оккупации: большевистскую, грузинскую и добровольческую. Белые распустили все демократические органы, введенные еще Временным правительством, поставили во главе городских, сельских общественных и других заведений аппарат царских времен, вернули на место поли-

¹ Гражданская война и военная интервенция в России. М., 1983. С. 560.

² Например, командующего войсками Грузии в сочинском конфликте генерала Г. Мазнишвили, одного из деятелей Абхазского Национального Совета С. Бассария.

цейских чиновников. Затем начались реквизиции продовольствия, фуража, скота и повозок для нужд армии. Те, кто при Временном правительстве получил наделы из помещичьей земли, также подверглись репрессиям¹.

Новые, или, как говорили тогда в народе, «кадетские» порядки вызвали волну недовольства и уже через полтора месяца начались стихийные вооруженные выступления местного населения. Вскоре это движение приобрело более организованный характер. 12 апреля 1919 г. состоялся окружной сход представителей сочинского крестьянства, принявший решение «освободиться от Деникинского ига или же умереть здесь у своих хат, защищая свободу»². На этом сходе был образован Организационный комитет во главе с Е.Б. Спиваком и Национальный штаб. На первых порах руководство партизанским движением захватили бежавшие из центра меньшевики и эсеры во главе с Н.В. Вороновичем. Последний в царской армии служил ротмистром Конногвардейского полка, в период февральской революции стал председателем Совета солдатских депутатов в городе Луге. При наступлении немцев на Псков он бежал в Сочи, а затем с грузинскими войсками, когда их вытеснили белые, перебрался в Тифлис. Там он поступил на службу в штаб «Народной гвардии» Грузии и был произведен в полковники. Кроме Е.Б. Спивака и Н.В. Вороновича, в крестьянском ополчении видную роль играли члены оргкомитета: Рябов, Лыскевич, Цвангер, Соколов и др. Народному штабу было поручено формирование партизанских отрядов. Они были достаточно многочисленными, но плохо вооружены. Трехлинейные винтовки насчитывались единицами, имелось еще небольшое число четырехлинейных берданок и дробовых охотничьих ружей. Основным же оружием восставших были вилы, топоры и колья. Тем не менее, уже в первой же схватке с белым отрядом полковника Чайковского, посланного «усмирять бунтовщиков», они наголову его разбили.

Контрразведка белых проявляла исключительную бдительность и изобретательность в выявлении активистов зеленого движения, принимала все меры к тому, чтобы не дать им объединяться и проводить крупномасштабные акции. Вскоре ей удалось достичь серьезного успеха. Был выслежен, арестован и убит на месте председатель Объединенного Партизанского Комитета Е.Б. Спивак. Этим самым была сорвана попытка руководителей повстанцев провести окружной делегатский съезд. Для восстановления и усиления руководства зеленым движением нужны были люди, политические деятели, еще неизвестные контрразведке. Полковник Н.В. Воронович принимает решение привлечь еще нескольких своих единомышленников, находившихся в эмиграции, в Грузии. Вскоре согласие войти в организационный комитет по подготовке делегатского съезда дали бывший член КОМУЧа - председатель Самарского правительства В.Н. Филипповский, а также бывший матрос императорской яхты «Штандарт» Е.Д. Сорокин и другие. Сорокин под фамилией Ковалева вскоре прибыл в Сочинский округ и провел, по словам самого Вороновича, «большую организаторскую работу».

В условиях строжайшей конспирации делегатский съезд всех трех округов Черноморской губернии состоялся 18 ноября 1919 г. в горах. Он образовал Комитет Освобождения Черноморья (КОЧ). Его председателем стал В.Н. Филипповский, а товарищем председателя и командующим черноморским крестьянским ополчением - полковник Н.В. Воронович.

Военно-политическому руководству Советской Республики было известно о событиях, разворачивающихся в тылу у деникинских войск, в бывшей Черноморской губернии. Было очень заманчиво превратить крестьянское ополчение из просто противоденикинское еще и в просоветское. Другими словами, «зеленых» сделать «красно-зелеными».

Руководить этой работой было поручено секретарю Кавказского крайкома РКП(б) Амаяку Назаретяну. Он хорошо знал местные условия, так как в 1919 г.

¹ Воронович Н. Меж двух огней. //Архив русской революции. М., 1991. Т. 7. С. 102.

² Там же. С. 104.

возглавлял всю подпольную работу большевиков в Грузии. С целью разведки событий, происходящих в Сочинском округе и вообще в Черноморье, в сентябре 1919 года он направляет туда М.Д. Томашевского.

В 1908 году тот за участие в восстании грозненских рабочих был приговорен военным судом к четырем годам тюрьмы. Потом подпольно работал на Тереке и хотя считался левым эсером, был тесно связан с Кавказским краевым комитетом РКП(б). Квартира Томашевского в Тифлисе служила явкой для большевистского подполья. В царской армии Томашевский был казачьим есаулом, и это должно было помочь ему в адаптации среди «зелёных». Прибыв в нейтральную зону, Томашевский связался с партизанским отрядом Вано Дзидзигури. Это формирование было довольно пёстрым. В него входили и бывшие красноармейцы, и солдаты, дезертировавшие из «добровольческих» частей, и местные грузины, и несколько человек русского экспедиционного корпуса, прибывших из Франции для службы у Деникина.

По возвращению в Тифлис Томашевский доложил о результатах своей поездки на Бюро Кавказского Комитета, и тот принял решение послать в Сочинский округ группу красных командиров, которые постепенно внедрялись бы в отряды «зелёных» с целью их «переориентации».

При подборе кандидатур было решено акцент сделать на тех, кто до того как стать большевиком или сочувствующим им, раньше были эсерами, меньшевиками, офицерами царской армии и даже анархистами. Это должно было усыпить бдительность руководства КОЧ. Всем им изготовили соответствующие документы и «рекомендации» от руководства грузинских меньшевиков.

В состав группы вошли: уже упомянутый Д. Томашевский, Е.С. Казанский – бывший начальник училища красных командиров во Владикавказе, В.В. Фавицкий – бывший красный командир одной из частей Северо-Кавказской армии, получивший чин штабс-капитана в Первую мировую войну, Михлин и Скобелев – имевшие чины поручиков, и И.Б. Шевцов – бывший прапорщик с репутацией анархиста.

Известно, что Шевцов родился в 1890 г. в г. Армавире, в 1905 г. мальчишкой выполнял мелкие поручения большевиков, но в 1907 г. неожиданно попал в тюрьму по нашумевшему тогда «делу Бовкуна» как анархист. Этому предшествовали следующие события.

20 июля 1907 г. какой-то молодой человек двумя выстрелами из парабеллума убил известного в городе владельца торгового дома и крупного землевладельца. Очевидцы говорили, что террорист вскочил в пролетку, и пара вороных столь стремительно вынесла его из тихого, заросшего акациями переулочка, что никто не успел и опомниться. Утренние газеты сообщили, что убийство совершено группой «анархистов-коммунистов», о чем можно было судить по устрашающему письму, полученному покойным заводчиком за два дня до смерти. «Дух разрушающий, в то же время созидающий» – таким эпиграфом открывалось это письмо. Под эпиграфом были изображены череп и две скрещенные кости – эмблема анархистов.

Все известные местные анархисты (Трубецкой, Воскресенский, Дронов и Аносов) – были немедленно арестованы. Но спустя три дня после их ареста в Летнем саду был убит полицеймейстер города. Террорист смело подошел к столику, за которым тот развлекался в обществе нарядных дам, и выстрелил в него. Террористу снова удалось скрыться. Дело об анархистах перешло в руки высшего руководителя административной власти города – атамана Лабинского отдела, и он заявил, что все убийцы будут казнены. На завтра после этого заявления и он сам был убит в двух шагах от своего дома. Это буквально парализовало полицию. В Армавир прибыла воинская часть, в задачу которой входило воспрепятствовать анархистской «свободе личности». Ночью прошли поголовные обыски, аресты и облавы. В эту ночь впервые был арестован и 17-летний Иван Шевцов. Он не принадлежал ни к какой из партий, но при обыске у него нашли брошюру «Что такое капитал».

Следствию не удалось доказать его причастность к указанным убийствам, но ярлык «анархиста» ещё долго то мешал, то помогал ему в жизни. Тюрма заметно продвинула его политическое образование. После освобождения он был выслан из родного города, работал на шахте, потом снова попал в ссылку, после чего навсегда оказался в «чёрном списке» полиции.

Тем не менее, это не помешало мобилизовать его в армию, когда началась Первая мировая война. К тому времени Иван Борисович уже принадлежал к социал-демократам и имел за плечами четыре года подпольной партийной работы.

Война требовала все новых и новых офицерских кадров. Их стали черпать не из дворянских только семей, а из самой солдатской гущи, так как окончившие училища сразу же направлялись на фронт. Иван Шевцов на фронте отличался смелостью и находчивостью, был хорошо физически развит, имел большой авторитет среди сослуживцев и его, рядового с двухклассным образованием, направили в школу прапорщиков.

После февральской революции Шевцов, уже будучи прапорщиком на кавказском фронте, был избран в комитет солдатских депутатов, а в мае послан делегатом на первый съезд Кавказской армии в Тифлис. Когда в конце января 1918 года он вернулся в Армавир, то военное образование ему очень пригодилось при организации красноармейских отрядов, а вскоре он был назначен комиссаром Лабинского отдела. Но в сентябре 1918 г. Армавир и Майкоп были захвачены белыми, и Шевцову пришлось бежать. Так он оказался в Грузии, сначала в Сочи, потом Сухуме, где и пригодился как нельзя лучше для той роли, которую ему отводили.

Группа красных командиров, как обычные пассажиры, отправилась из грузинского порта Поти на пароходе «Чорох» в Гагры, там находился штаб Комитета Освобождения Черноморья. По условиям конспирации не все члены группы были между собой знакомы, и Шевцов держался обособленно. У Томашевского даже закрались мысли, что он приставлен следить за ними и его хотели ночью выбросить за борт. Но ситуацию разрядил Игорь Саблин, который подсел на пароход, когда он делал остановку в Сухуме. Шевцов и Саблин давно знали друг друга.

Саблин был сыном известного в Москве врача, литератора и книгоиздателя, но рано ушёл из обеспеченной семьи, чтобы жить своим трудом. Студенческая фуражка и пенсне, скрывавшее искусственный глаз, придавали ему сугобо штатский вид. Однако в кармане у него всегда был браунинг и патроны.

По прибытию группы в Гагры, Томашевского пригласил к себе теоретик и главный идейный вдохновитель КОЧ – бывший председатель Самарского правительства Самарин-Филипповский. Он знал Томашевского, как бывшего эсера и предложил ему должность начальника штаба крестьянского ополчения, рекомендовал подобрать нужных людей, которые должны включиться в работу по формированию отрядов «зелёных». Томашевский даже не ожидал такой удачи. Естественно, он тут же «нашёл» Шевцова, Казанского, Саблина, Фавицкого и поручил им приступить к созданию отрядов.

Формирование своего отряда, как это ни покажется странным, Шевцов начал с городского рынка непосредственно в Гаграх. В тот же день в отряд к нему вступили Григорий Дмитриев, ставший потом отличным пулемётчиком, через него пригласили Павла Маркова, Сергея Пономарёва, Владимира Тютина и Субботина. Вскоре набралась группа в 11 человек: трое мингрельцев, один поляк, два украинца и пять русских. Мингрельцы были из окрестных селений и хорошо знали всё побережье. У большинства оказалось солдатское обмундирование, а у мингрельцев бушлаты и лёгкие козловые и верблюжьи сапоги.

Вооружением отряда Шевцов поручил заниматься Игорю Саблину. За помощью тот обратился к представителю Грузии - комиссару Рухадзе, но при этом не преминул значительно завязать число членов отряда, и тот разрешил

выдать пулемёт «кольт», 14 винтовок, 2 револьвера, патроны, пулемётные ленты и ящик взрывчатки.

После этого Иван Шевцов по согласованию с Томашевским начал готовить свою первую операцию. Было принято решение уничтожить заставу белых войск на границе с Грузией. Шевцов хотел на конкретном деле проверить готовность отряда к боевым действиям. Застава была на берегу горной реки и подобраться к ней решили с моря, войдя на катере в русло, а затем подняться вверх по течению. Напротив белой заставы была грузинская, но грузины держали нейтралитет и не должны были мешать проведению нападения на деникинцев. Операция прошла более чем успешно. После первых же двух пулемётных очередей по заставе весь её гарнизон в полном составе бросился наутёк, бросив всё оружие и охрану моста. Начальник грузинской заставы, наблюдавший за действиями отряда Шевцова, сообщил также, что в соседнем селе есть человек 30, которые хотели бы присоединиться к партизанам. Посланный туда Саблин действительно привёл 28 человек, среди которых были и недавние «защитники» заставы.

Одновременно свои операции провели также три других отряда «зелёных» – и тоже успешно. Теперь отряд Шевцова насчитывал уже свыше 70 человек, а как только они вступили в соседнюю деревню, к ним присоединилось ещё 65 бойцов. Оказалось, что все они – недавно мобилизованные белыми бывшие красноармейцы. Таким образом, отряд Шевцова уже стал насчитывать свыше 130 человек, то есть вырос в 10 раз.

Белое командование, не имея точной информации о численности наступавших «зелёных», в спешке оставило г. Адлер. Один из партизанских отрядов опередил Шевцова и теперь преследовал белых. Колонной партизаны Шевцова приблизились к городу и здесь встретились с отрядами Казанского, Фавицкого и Томашевского, которые тоже значительно выросли буквально за сутки. В самом Адлере осталось около 200 белых солдат и офицеров, которые тоже хотели присоединиться к партизанам. Теперь можно было уже планировать создание управляемой солидной воинской части.

Здесь же, в Адлере, Шевцова «разоблачили» – нашлись люди, которые помнили его как комиссара Лабинского отдела. Но Шевцов, чувствуя силу, посоветовал им пока помалкивать. Когда отряды продвинулись к Мацесте и вошли туда, выяснилось, что белое командование считает, – это Грузия прекратила перемирие, её армия прорвала фронт и приближается к Сочи. О том, что это могли быть партизаны, белые даже не думали, считая их силы ничтожными, а вооружение несерьёзным.

Город Хост местные партизаны освободили ещё до прихода отряда Шевцова, потом все они и влились в него. Но вскоре Шевцов понял - не надо забывать, что его подчинённые всё-таки партизаны, и могут вести себя соответственно. Это показал один неприятный случай.

На подходе к Сочи белые укрепились на горе. Разведка партизан сообщила о наличии у них артиллерии. Поэтому было принято решение двум отрядам зайти с тыла, а Шевцову со своими партизанами при получении соответствующего сигнала начать наступать с фронта. Шевцов распределил силы отряда, назначил места для пулемётчиков, которые должны были прикрывать атаку, и зашёл посмотреть госпиталь, брошенный белыми на одной из роскошных дач.

Больные и раненые этого госпиталя ушли с белыми войсками, а персонал остался. Оказывается, хозяин дачи был эсер и, узнав, что наступают части, принадлежавшие КОЧ, уговорил персонал перейти на его сторону. Не успел Шевцов обрадоваться приобретению госпиталя, как вдруг с верхнего этажа начал строчить пулемёт. Когда он уже подбегал к месту, откуда шла стрельба, раздался взрыв снаряда, и весь расчёт был убит. Видно, пулемётчики захотели отличиться, самовольно покинули назначенное им место, перебрались поближе к медсёстрам, а заодно решили и пострелять по белым. Первым же снарядом те их и уничтожили. Операция по захвату горы в целом всё же закончилась успехом, но Шевцов убедился, что нужно поднимать дисциплину в отряде.

Здесь же удалось подслушать телефонный разговор белого полковника со штабом обороны Сочи, во время которого этот начальник полностью обрисовал расположение своих сил и просил подкрепления. Слушавший этот разговор Шевцов вклинился в него и сказал, что ценные сведения для него очень кстати, и полковнику со своими подчинёнными предлагается быстрее покинуть занимаемые позиции. Тот так и сделал.

Едва партизаны заняли Сочи, как туда тут же прибыли Председатель КОЧ Воронович и грузинский комиссар Лео Рухадзе, - пожинать лавры победы зелёного ополчения над белой армией. В итоге Иван Шевцов был внезапно назначен заместителем коменданта Сочи, притом, что самого коменданта ещё не было. Вскоре всё прояснилось. Шевцова вызвали на заседание КОЧ, где Воронович заявил, что дисциплина среди партизан пошатнулась, так как в ней ведётся активная большевистская агитация. После этого он внёс кандидатуру Шевцова для назначения его комиссаром всех отрядов. Такое доверие к тому, кто как раз и занимался этой агитацией, озадачило Шевцова, поэтому он спешно выехал на фронт подальше от глаз и ушей КОЧ. Влияние коммунистов в армии действительно усилилось. Хотя командующим войсками КОЧ был сам Воронович, он всё время сидел в Сочи в гостинице «Ривьера», а всеми делами вершил друг Шевцова В. Фавицкий. Комиссаром к нему и прибыл Шевцов.

В это же время рядом, в районе Новороссийска, образовалась ещё и «Советская зелёная армия», руководимая Реввоенсоветом. Фавицкий и Шевцов приняли меры к тому, чтобы часть оружия, которое для войск КОЧ через Грузию поставляли англичане, переправлять в «Советскую зелёную армию». Англичане и не догадывались, что они снабжают своим оружием большевиков. Екатеринодарский ВРК, узнав об этой ситуации, предупредил командование «Советской зелёной армии», чтобы они отношения с КОЧ поддерживали только на уровне большевиков, находящихся там¹.

В качестве коменданта Сочи Ивану Шевцову 7 февраля 1920 г. пришлось ещё и организовывать встречу представителя английской миссии на юге России - генерала Киза с Самариним-Филипповским. Генерал прибыл на эсминце и очень удивился, что все партизаны одеты в английское обмундирование. Но когда он спросил Шевцова, откуда оно у них, не передают ли его грузины, тот ответил, что партизаны живут исключительно за счёт того, что захватывают у войск Деникина. Генерал Киз попросил Самарина-Филипповского прекратить наступление против белых, обещая, что английское командование добьётся от Деникина отвода его добровольцев со всей территории до самого Новороссийска. Но Филипповский, не без воздействия Фавицкого, сказал, что переговоры с белыми начнутся только тогда, когда они оставят всю Черноморскую губернию, а КОЧ установит на её территории демократическую республику.

Только гораздо позже Воронович понял, как большевики водили его за нос. В 1922, г. уже за рубежом, он напишет: «Все рекомендованные мне тифлисскими эсеровскими организациями офицеры, за исключением одного, оказались не только плохими специалистами, но и крайне непорядочными людьми, благодаря которым крестьянскому ополчению пришлось впоследствии пережить немало невзгод. Казачий офицер Томашевский, называвший себя эсером, на самом деле сочувствовал коммунистам и состоял в связи с Кавказским комитетом РКП (б). Двое из командиров дружин — Скобелев и Казанский — и помощник начальника штаба Шевцов были также скрытыми коммунистами и руководствовались в своих действиях инструкциям большевистского комитета»².

Но, оказалось, что «исключения», под которым Воронович подразумевал В. Фавицкого, на самом деле не было. Как писал сам Шевцов: «Нам, товарищам Володи Фавицкого, была хорошо известна его истинная роль. Владимир Викторович Фавицкий также выполнял задание Кавказского краевого комитета РКП(б). ...В марте 1920 года, после переименования крестьянского ополчения в Крас-

¹ См.: Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917-1920 гг. Краснодар, 1957. С. 363.

² Воронович Н. Меж двух огней // Архив русской революции... С. 48.

ную Армию Черноморья, Фавицкий был назначен начальником штаба армии. Затем он был назначен начальником штаба 50-й дивизии. В апреле 1920 года принял командование 3-й бригадой 34-й дивизии. После слияния 34-й и 9-й дивизий назначен комбригом 26-й стрелковой дивизии. Участвовал в ликвидации бело-зелёных банд на Кубани, вступил в партию, был направлен на учебу в Военную академию имени Фрунзе, которую окончил в 1924 году. По окончании академии был командиром дивизии Ленинградского военного округа, начальником Научно-исследовательского артиллерийского института в Ленинграде, начальником кафедры бронетанковых войск в академии имени Фрунзе. В июле 1937 года он был без всяких оснований репрессирован и погиб»¹.

Об успехах крестьянских ополченческих отрядов вскоре стало известно и в Москве. В «Известиях ВЦИК была опубликована информация Томашевского, посланная им Кавказскому краевому комитету РКП(б) кружным путём, через бакинскую радиостанцию и Саратов.

Сообщение называлось: «Успехи красных партизан на Южном фронте». В нём говорилось: «Преследование отступающего в беспорядке противника продолжалось нашими частями до позднего вечера 13 февраля... Всего с 28 января по 13 февраля Черноморским крестьянским ополчением было захвачено с боями 8 орудий, 33 пулемета, около 2000 винтовок, более 1000 000 патронов, около 2200 пленных, в том числе 100 офицеров, большие склады обмундирования и обозы 2 полков и армянского батальона. Общее число потерь Черноморского ополчения: 15 убитых и 35 раненых и обмороженных во время перехода по снежным перевалам»².

Ивану Шевцову приходилось быть и дипломатом, когда в этом возникала необходимость. Английское командование на Чёрном море, поняв, что партизаны скоро захватят и Туапсе, направило для переговоров своего генерала Коттона. Случилось так, что он высадился с переводчиком как раз на территории боевого участка, на котором в это время находился Шевцов. Генерал, наивно полагая, что партизаны строго следуют в духе указаний КОЧ, порекомендовал их руководителям вступить в переговоры с белыми, и не вести боевых действий по захвату Адлера. «В противном случае, - говорилось в ультиматуме – английское правительство будет рассматривать это, как акт выступления против Англии»³.

Ответ, который генералу дал И.Б. Шевцов, выглядел так: «Генералу известно, что у армии есть свое правительство, просьбы коего армия исполняет. Это правительство находится в г. Сочи, куда благоволите и обращаться. Что же касается портов, то Англия на них никакого права не имеет, а раз там находятся добровольцы, мы будем выгонять их оттуда силой оружия»⁴.

Вскоре Туапсе был тоже освобождён от белых. Много значительных событий произошло в феврале 1920 г. Зелёное партизанское ополчение добилось серьезных успехов, очистив от белых значительную часть Черноморского побережья. Но всё-таки это были бои со слабым противником, тыловыми частями. А месяц спустя сюда нахлынула основная часть белых войск, отступающих из центра России. Вся территория, освобождённая партизанами, снова оказалась в руках деникинцев⁵.

А в марте 1920 г. крестьянское ополчение, практически полностью «перезаориентированное» Шевцовым и его товарищами, было переименовано в «Красную Армию Черноморья». В неё вошли и отряды «Советской зелёной армии»⁶. Таким образом, задача, поставленная перед группой, в которую входил И.Б. Шевцов, партийным руководством, была выполнена.

Но боевой путь Шевцова на этом не закончился. Он воевал до самого окончания гражданской войны на различных командных и политических долж-

¹ Шевцов И.Б. Особое задание. Издательство политической литературы. М., 1965. С. 50.

² Известия ВЦИК. 1920. 3 марта.

³ Советский Юг (орган Югвостбюро ЦК РКП (б)). Ростов-на-Дону. 1920 г. 7 ноября.

⁴ Там же.

⁵ См.: Елисеев Ф.И. Кубань в огне / Новое русское слово. 1984. 19 октября.

⁶ См.: Из демократической Грузии в Советскую Россию // Путь коммунизма. 1923. № 3.

ностях. Можно сказать, что венцом его военной карьеры стало взятие г. Пятигорска. Точнее, это было принятие капитуляции атамана Майкопского отдела генерала Данилова. Шевцов, как член Реввоенсовета Красной Армии Черноморья, сдав должность коменданта г. Туапсе, с небольшим отрядом готовился организовать захват перевалов, чтобы не дать белым прорваться к Новороссийску. В Туапсе в это время не все линии связи ещё были нарушены, и вдруг по одной из них позвонил белый генерал Данилов и предложил Шевцову занять г. Пятигорск, при условии, что его подчинённые не станут чинить препятствия эвакуации семей офицеров. Шевцов очень, конечно рисковал, но, взяв с собой всего одного человека, прибыл в штаб атамана, провёл с ним переговоры и остался полноправным «хозяином» в Пятигорске. Когда туда ворвались части Первой конной армии С.М. Будённого, они вдруг обнаружили, что город уже «освобождён» Шевцовым.

Потом были бои с белозелёными, выдвижение на должность военкома 9-й Красной Армии.

К сожалению, дальнейший жизненный путь Ивана Борисовича Шевцова проследить не удалось. Известно только, что в 1924 г. постановлением Совета Народных Комиссаров СССР он был назначен торговым представителем в Прибалтийские государства, в Эстонию, затем в Латвию. Потом восемь лет он пробыл на дипломатической работе в Иране.

НАШИ АВТОРЫ

Аблизин Владимир Александрович – доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного института внутренних войск МВД России, кандидат исторических наук

Аллянова Марина Сергеевна – преподаватель кафедры гуманитарных наук Саратовского медицинского колледжа, кандидат педагогических наук

Ананьев Сергей Валерьевич – доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного института внутренних войск МВД России, кандидат исторических наук

Биткинова Валерия Викторовна – доцент Саратовского государственного университета, кандидат филологических наук

Бутенко Юрий Александрович – заведующий архивным и краеведческим отделами музейного комплекса Змиевского лицея № 1 им. З.К. Слюсаренко, соискатель при кафедре истории Украины Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды, магистр истории (г. Змиев, Харьковская обл., Украина),

Ганин Андрей Владиславович – старший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, кандидат исторических наук

Герман Аркадий Адольфович – профессор, заведующий кафедрой отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, доктор исторических наук

Гладышев Андрей Владимирович – профессор кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, доктор исторических наук

Дубровин Даниил Юрьевич – юрист, исследователь истории Уральского казачества (Москва)

Ермолов Игорь Геннадиевич – кандидат исторических наук (Москва)

Замулин Валерий Николаевич – научный сотрудник управления научно-исследовательских работ Курского государственного университета, кандидат исторических наук

Карпов Николай Дмитриевич – кандидат исторических наук (Москва)

Казурман Сергей Олегович – главный специалист отдела использования и публикации документов областного государственного учреждения «Государственный архив новейшей истории Саратовской области», кандидат исторических наук

Колесников Дмитрий Валерьевич – доцент, заместитель начальника кафедры истории и теории государства и права Саратовского военного института внутренних войск МВД России, кандидат юридических наук

Кондрашин Виктор Викторович – заведующий кафедрой отечественной истории и методики преподавания истории исторического факультета Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, профессор, доктор исторических наук (Пенза)

Костяев Эдуард Валентинович – доцент кафедры истории Отечества и культуры Саратовского государственного технического университета, кандидат исторических наук

Лечфорд Сергей Евгеньевич – доцент кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, кандидат исторических наук

Малышкин Сергей Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного областного университета

Мортон Джейсон (Jason R Morton) – аспирант исторического факультета Калифорнийского университета в Беркли (США)

Очиров Уташ Борисович – доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, доктор исторических наук (Элиста)

Петерс Татьяна Павловна – консультант-переводчик издательства «Русский мир» (Москва)

Посадский Антон Викторович – профессор Поволжского института управления им. П.А. Столыпина РАНХ и ГС, доктор исторических наук (Саратов)

Рабинович Яков Николаевич – ассистент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, кандидат исторических наук

Самохвалова Наталия Валерьевна – начальник отдела использования и публикации документов Государственного архива Саратовской области

Симонов Анатолий Александрович – доцент кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, кандидат исторических наук

Ситников Михаил Григорьевич – историк, краевед (Пермь)

Тотфалушин Виктор Петрович – доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, кандидат исторических наук

Троицкий Николай Алексеевич – профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, доктор исторических наук

Шекшеев Александр Петрович – член правления Хакасской республиканской общественной организации «Мемориал», старший научный сотрудник, кандидат исторических наук (Абакан)

Шурыгин Виталий Александрович – исторический реконструктор, литератор (г. Озерск, Челябинская обл.)

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В ПОВОЛЖЬЕ

Сборник научных трудов

Выпуск 10

Работа издана в авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. А. Симонов*
Компьютерная верстка *Т. В. Кориотиной*

Сдано в набор 05.02.14. Подписано в печать
Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 38,8.
Тираж экз. Заказ №

Типография Саратовского военного института внутренних войск МВД РФ
410023, Саратов, ул. Московская, 158.